Н. Л. Васильев

Михаил Михайлович БАХТИН и феномен «Круга Бахтина»

В поисках утраченного времени

Реконструкции и деконструкции

Квадратура круга

URSS

Н. Л. Васильев

Михаил Михайлович БАХТИН и феномен «Круга Бахтина»

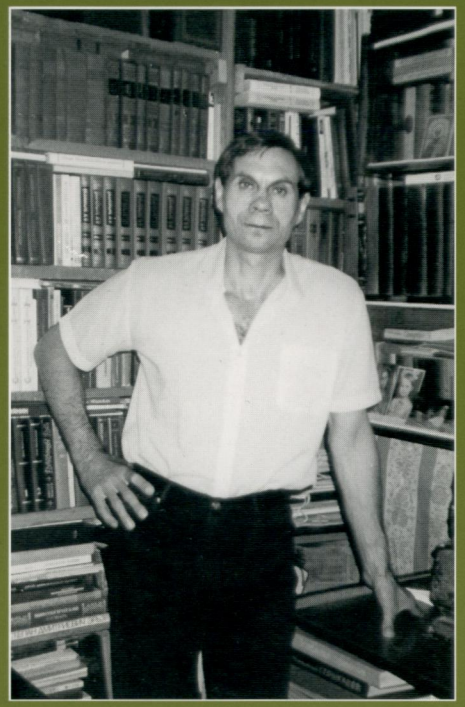
В поисках утраченного времени

Реконструкции и деконструкции

Квадратура круга

URSS

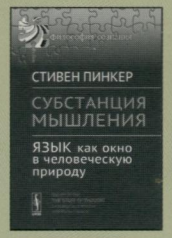
Об авторе

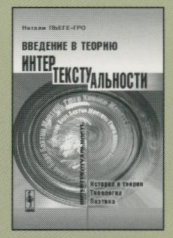


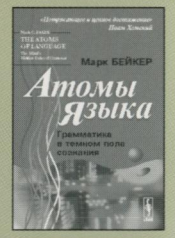
Николай Леонидович ВАСИЛЬЕВ

Доктор филологических наук, профессор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск). Член Союза писателей России. Автор исследований по истории отечественной литературы и русского литературного языка, советской филологии XX века, теории языка. Участник многих международных научных конференций, посвященных жизни, творчеству и окружению М. М. Бахтина.

Наше издательство предлагает следующие книги:







12925 ID 167515
9 785397 035514 >

Издательская группа URSS

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56

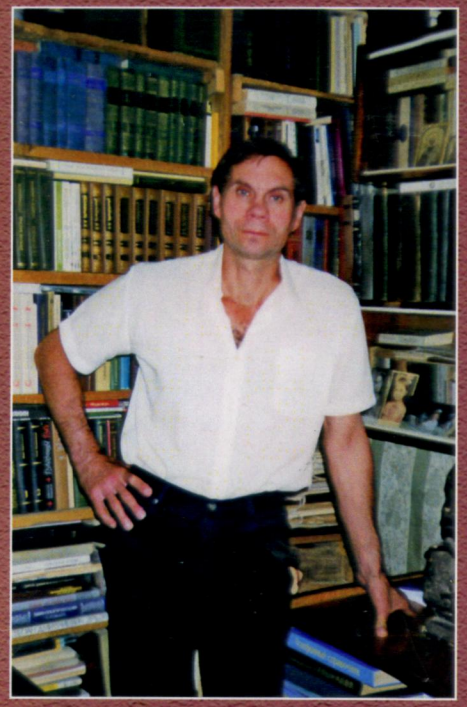
Телефон / факс (многоканальный) +7 (499) 724 25 45

Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru

E-mail: URSS@URSS.ru

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте http://URSS.ru

Об авторе



Николай Леонидович ВАСИЛЬЕВ

Доктор филологических наук, профессор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск). Член Союза писателей России. Автор исследований по истории отечественной литературы и русского литературного языка, советской филологии XX века, теории языка. Участник многих международных научных конференций, посвященных жизни, творчеству и окружению М. М. Бахтина.

Наше издательство предлагает следующие книги:

14348 ID 173104
9 785397 043243 >

Издательская группа URSS

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56

Телефон / факс (многоканальный) +7 (499) 724 25 45

Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru

E-mail: URSS@URSS.ru

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте http://URSS.ru

ББК 80 91

Васильев Николай Леонидович

Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 408 с.

Настоящая книга посвящена анализу малоизученных, отчасти запутанных вопросов биографии и творчества М. М. Бахтина и его ближайших друзей — В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева, содружество которых сейчас именуется «бахтинским кругом». Автор монографии, известный в России и за рубежом исследователь данной темы, живет в Саранске и работает в том же вузе, где много лет заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы М. М. Бахтин и где были написаны его самые значительные труды, в частности «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965), неоднократно переизданные и переведенные на другие языки.

Книга представляет собой систематизированное, библиографически обновленное собрание работ автора (статьи, рецензии, обзоры международных «бахтинских» конференций и др.), опубликованных с 1985 по 2012 гг. в различных, порой труднодоступных, изданиях. Почти все они в той или иной степени оказались в поле зрения гуманитариев России, русистов Великобритании, Франции, Италии, Швейцарии, Финляндии, США, Канады, Бразилии, Японии и других стран.

Монография представляет интерес для литературоведов, лингвистов, философов, культурологов; может быть использована как учебное пособие для студентов и аспирантов по курсам, связанным с историей отечественной филологии XX века.

Издательство «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 25,5. Зак. № ВН-02.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-03551-4

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013

12925 ID 167515

9 785397 035514

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
Тел./факс (многоканальный):
+ 7 (499) 724 25 45
URSS

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Михайлович Бахтин (1895 – 1975) – известный российский филолог. Труды, биография, окружение ученого вызывают в последние десятилетия пристальный интерес гуманитариев всего мира: проводятся международные «бахтинские» конференции, издаются специализированные «бахтинские» журналы, библиографии работ по «бахтинистике»[1], создаются «бахтинские центры» и т. д.

Работы М.М.Бахтина и его ближайших друзей – В.Н.Волошинова (1895 – 1936), П.Н.Медведева (1892 – 1938), навеянные «*общей* концепцией»[2], переведены почти на все основные языки мира; причем появляются новые их переводы[3]. Число публикаций по «бахтинской» тематике уже составляет несколько тысяч и продолжает расти год от года, все чаще представая в виде монографий, проблемных сборников, материалов конференций[4].

Перед нами, безусловно, необычное явление в виде «бахтинизации» современной гуманитарной науки, проявление определенной моды на труды М.М.Бахтина и его Круга, как теперь принято именовать содружество молодых советских ученых, создавших в 1920 – 1930-х гг. ряд книг и статей, будоражащих сознание сегодняшних исследователей.

---

[1] См., напр.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989. 96 с.; М.М.Бахтин: Библиогр. указ. [1989 – 1994 гг.] / Сост.: Г.В.Карпунов, Ф.В.Макаревич. Саранск, 1995. 60 с.; The Annotated Bakhtin Bibliography / Ed. C.Adlam, D.Shepherd. L., 2000. 413 p.; Библиография исследований творчества М.М.Бахтина / Сост.: О.Е.Осовский, О.Ю.Осьмухина, Н.Б.Панкова, Т.Г.Юрченко // Михаил Бахтин: pro et contra: Творчество и наследие М.М.Бахтина в контексте мировой культуры: Антология: В 2 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 534 – 658.

[2] См.: Из писем М.М.Бахтина // Москва. 1992. № 11 – 12. С. 176.

[3] См., напр.: Medvedev P.N. La méthode formelle en literature / Trad. par B.Vauthier et R.Comtet. Toulouse, 2008; Vološinov V.N. Marxisme et philosophie du langage: Les problémes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage / Édition bilingue traduite du russe par P.Sériot et I.Tylkowski-Ageeva. Lambert-Lucas, 2010.

[4] См., напр.: Bakhtine, Volochinov et Medvedev dans les contexts européen et russe / Ed. B.Vauthier // Slavica Occitania. 2007. № 25; Bronckart J.-P., Bota C. Bakhtine démasqué: Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif. Geneve, 2011; М.М.Бахтин: черты универсализации. Материалы, исследования, переводы (Проблемы бахтинологии. Вып III). СПб., М., 2011; Тамарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества М.М.Бахтина» и русская философско-филологическая традиция. М., 2011; Sini S. Michail Bachtin. Una critica del pensiero dialogico. Carocci, Poma, 2011; Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International Mikhaïl Bakhtin Conference / Ed. by M.Polyuha, C.Thomson and A.Wall / Interdisciplinary Series. № 1. London (Canada), 2012; Tylkowski I. Voločinov en contexte. Essai d'épistémologie historique. Limoge, 2012.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Михайлович Бахтин (1895 – 1975) – известный российский филолог. Труды, биография, окружение ученого вызывают в последние десятилетия пристальный интерес гуманитариев всего мира: проводятся международные «бахтинские» конференции, издаются специализированные «бахтинские» журналы, библиографии работ по «бахтинистике»[1], создаются «бахтинские центры» и т. д.

Работы М.М.Бахтина и его ближайших друзей – В.Н.Волошинова (1895 – 1936), П.Н.Медведева (1892 – 1938), навеянные «*общей* концепцией»[2], переведены почти на все основные языки мира; причем появляются новые их переводы[3]. Число публикаций по «бахтинской» тематике уже составляет несколько тысяч и продолжает расти год от года, все чаще представая в виде монографий, проблемных сборников, материалов конференций[4].

Перед нами, безусловно, необычное явление в виде «бахтинизации» современной гуманитарной науки, проявление определенной моды на труды М.М.Бахтина и его Круга, как теперь принято именовать содружество молодых советских ученых, создавших в 1920 – 1930-х гг. ряд книг и статей, будоражащих сознание сегодняшних исследователей.

---

[1] См., напр.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989. 96 с.; М.М.Бахтин: Библиогр. указ. [1989 – 1994 гг.] / Сост.: Г.В.Карпунов, Ф.В.Макаревич. Саранск, 1995. 60 с.; The Annotated Bakhtin Bibliography / Ed. C.Adlam, D.Shepherd. L., 2000. 413 p.; Библиография исследований творчества М.М.Бахтина / Сост.: О.Е.Осовский, О.Ю.Осьмухина, Н.Б.Панкова, Т.Г.Юрченко // Михаил Бахтин: pro et contra: Творчество и наследие М.М.Бахтина в контексте мировой культуры: Антология: В 2 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 534 – 658.

[2] См.: Из писем М.М.Бахтина // Москва. 1992. № 11 – 12. С. 176.

[3] См., напр.: Medvedev P.N. La méthode formelle en literature / Trad. par B.Vauthier et R.Comtet. Toulouse, 2008; Vološinov V.N. Marxisme et philosophie du langage: Les problémes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage / Ėdition bilingue traduite du russe par P.Sériot et I.Tylkowski-Ageeva. Lambert-Lucas, 2010.

[4] См., напр.: Bakhtine, Volochinov et Medvedev dans les contexts européen et russe / Ėd. B.Vauthier // Slavica Occitania. 2007. № 25; Bronckart J.-P., Bota C. Bakhtine démasqué: Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif. Geneve, 2011; М.М.Бахтин: черты универсализации. Материалы, исследования, переводы (Проблемы бахтинологии. Вып III). СПб., М., 2011; Тамарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества М.М.Бахтина» и русская философско-филологическая традиция. М., 2011; Sini S. Michail Bachtin. Una critica del pensiero dialogico. Carocci, Poma, 2011; Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International Mikhaïl Bakhtin Conference / Ed. by M.Polyuha, C.Thomson and A.Wall / Interdisciplinary Series. № 1. London (Canada), 2012; Tylkowski I. Voločinov en contexte. Essai d'épistémologie historique. Limoge, 2012.

Интерес к личности, биографии, творчеству М.М.Бахтина стимулировался и иными, сопутствующими обстоятельствами, в немалой степени интригующими. Это неизвестные страницы российской истории; полузабытые имена писателей, философов, литературоведов, лингвистов прошлого; «лакуны» в жизнеописании М.М.Бахтина, связанные с его непростой судьбой в условиях советского строя, не благоволившего к представителям старой интеллигенции и тем более выходцам из «эксплуататорских классов»; судьба брата ученого – Н.М.Бахтина (1894 – 1950), умершего в эмиграции[1]; вопрос об авторстве «спорных текстов», приписываемых М.М.Бахтину, и многое другое.

Необходимо сказать и о том, что ученый, вследствие хронической болезни (полиомиелит), стал в конце 1930-х гг. инвалидом (ему ампутировали ногу); будучи женат, не имел детей; поэтому целиком посвятил себя науке и преподавательской деятельности, дававшей ему моральное удовлетворение и средства к существованию его семьи. В определенном смысле это был *подвиг* интеллектуального Труда, победы духа над немощной плотью, отчасти путь Подвижничества, достойный восхищения и подражания.

Не случайно М.М.Бахтин для многих филологов старшего, среднего и младшего поколений – фигура знаковая, рассматривавшаяся как проявление скрытой духовной оппозиционности по отношению к внешним социальным обстоятельствам (не всегда благоприятным для раскрытия человеческого потенциала), «внутреннего» диссиденства, противостоящего идеологическому диктату путем духовной свободы, личностной автономии, нравственной суверенности и линии развития по принципу самодостаточности, «автаркии», порой с авантюрным подтекстом…

В годы советской власти М.М.Бахтину, как и многим его соотечественникам, пришлось нередко переезжать из города в город, спасаясь от голода, возможных репрессий, в поисках работы, подходящих условий для творческой деятельности и т. д. Формальное трудоустройство для ученого осложнялось и тем обстоятельством, что, будучи сосланным в 1930 г. как фигурант дела о «подпольной контрреволюционной организации правой интеллигенции под названием "Воскресение"» в Кустанай сроком на 5 лет, он впоследствии не имел права прописки в крупных городах. В конце концов М.М.Бахтин, по совету П.Н.Медведева, выбрал г. Саранск и прожил здесь четверть столетия (1936 – 1937, 1945 – 1969 гг.), работая в Мордовском педагогическом институте им. А.И.Полежаева, позже получившем статус университета им. Н.П.Огарева.

---

[1] См., в частности: Осовский О.Е. «Неслышный диалог»: биографические и научные созвучия в судьбах Николая и Михаила Бахтина // М.Бахтин и философская культура XX века: (Проблемы бахтинологии). Вып. 1: В 2 ч. СПб., 1991. Ч. 2.. С. 43 – 55; Бахтин Н.М. Статьи. Эссе. Диалоги / Сост., послесл., коммент. С.Р.Федякина. М., 1995.

Автор этих строк не был ни учеником, ни знакомым ученого, но учился у его аспирантов и коллег; а теперь трудится на протяжении 35 лет на том же филологическом факультете Мордовского университета, где когда-то преподавал М.М.Бахтин. Зато отец автора, Л.Г.Васильев (1924 – 2002), являлся непосредственным коллегой М.М.Бахтина по кафедре русской и зарубежной литературы и единственным его официальным соавтором, о чем тоже пойдет речь в данной книге.

Предлагаемая вниманию читателей монография состоит в основном из предшествующих наших публикаций (статей, обзоров, рецензий) в русле «бахтинской» проблематики[1], композиционно объединенных по нескольким тематическим разделам. При этом мы лишь в незначительной мере отредактировали прежние свои работы, скорректировав их названия (ради единства архитектоники книги), по возможности сократив повторы того или иного материала[2], приведя в систему библиографические ссылки и примечания, исправив отдельные неточности, добавив в комментаторской части некоторые новые данные и т. д. В каждом случае при заглавии статей дается указание на их первую публикацию. В конце издания представлена библиография работ автора по теме книги с необходимыми аннотациями и перечнем известных нам полемических, рецензионных откликов на их появление в печати.

Книга не претендует на статус «биографии» М.М.Бахтина[3], комплексного исследования его трудов[4] или феномена «бахтинского круга»[5]. Ее цель – помочь литературоведам, лингвистам, философам, культурологам в знакомстве с той или иной важной, иногда уникальной информацией, касающейся жизненных вех, административно-педагогической деятельности, научного творчества, окружения ученого, публиковавшейся автором с сер. 1980-х гг. в разнообразных, порой труднодоступных изданиях[6]. В какой-то мере в книге отражена фрагментарно и история самой

---

[1] Почти все из них в той или иной степени попали в поле зрения научной общественности, некоторые были переведены на иностранные языки (англ., фр., порт., ит.).

[2] В ряде случаев их не удалось избежать, вследствие необходимости отразить этапы в осмыслении конкретных дискуссионных вопросов «бахтиноведения».

[3] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.); London. 1984; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993.

[4] См. также, напр.: Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М.Бахтина. М., 2009; Попова И.Л. Книга М.М.Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М., 2009.

[5] См.: Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London, 2002; The Bakhtin Circle: In the Master's Absence / Ed. by C.Brandist, D.Shepherd, G.Tihanov. Manchester; N.Y., 2004.

[6] В монографию, однако, не вошла наша соавторская статья с финским исследователем М.Ляхтеэнмяки: Рецепция «нового учения о языке» Н.Я.Марра в работах В.Н.Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language. 2005. Vol. 29, № 1. P. 71 – 94.

«бахтинистики» за последние два-три десятилетия, в частности представлены обзоры последних по времени международных бахтинских конференций в России и за рубежом.

Надеемся, что эта коллекция фактов, интерпретаций, гипотез, анализов, обобщений будет интересна исследователям творчества М.М.Бахтина и его Круга, со многими из которых автор близко знаком и которым в немалой степени обязан своими наблюдениями и выводами, представленными здесь в относительно цельном виде[1].

[1] Особую благодарность хотелось бы выразить за многолетнее творческое сотрудничество, дружеское общение, внимание к моим работам С.С.Конкину (1917 – 1999), М.И.Шапиру (1962 – 2006), В.Б.Естифеевой (1922 – 2012), О.Е.Осовскому, В.И.Лаптуну, В.М.Борискину, И.В.Клюевой, Л.С.Конкиной, Г.В.Карпунову, Н.А.Панькову, И.В.Пешкову, В.Л.Махлину, В.М.Алпатову, В.Н.Захарову, Ю.П.Медведеву, Д.А.Юнову, Н.И.Николаеву, С.Г.Бочарову, Б.Ф.Егорову, Л.М.Максимовской, Б.В.Орехову, И.С.Ивановой, Н.В.Брагинской, М.Ляхтеэнмяки, Т.Лайне, К.Брандисту, Д.Шеппарду, Г.Тиханову, К.Томсону, Б.Жилко, П.Серио, К.Эмерсон, Н.Перлиной, К.Кларк, К.-А.Фарако, Г.-Ф.Фрам, П.Безерра, Х.Сасаки, М.Денн и другим исследователям, с которыми автор реализовывал совместные проекты, общался на международных Бахтинских конференциях (в России, Белоруссии, Бразилии, Финляндии, Канаде, Италии), обсуждал работы о М.М.Бахтине и его «круге».

1. «ХРОНОТОПЫ» М.М.БАХТИНА

КОММЕНТАРИЙ К КОММЕНТАРИЯМ БИОГРАФОВ М.М.БАХТИНА*

I

В полемике по поводу социального происхождения М.М.Бахтина (дворянин или не дворянин)[1] принимались во внимание архивные документы о семье Бахтиных, устные свидетельства М.М.Бахтина (в частности, беседа с В.Д.Дувакиным) и материалы биографического очерка о его брате – Н.М.Бахтине[2].

Вместе с тем, по справедливому замечанию Н.А.Панькова, мы должны учитывать и то, как воспитывались Бахтины, с каким общественным слоем себя ассоциировали: «Вопрос о происхождении Бахтина необходимо исследовать в русле социальной и индивидуальной психологии»[3].

После знакомства с автобиографической статьей Н.М.Бахтина «Русская революция глазами белогвардейца», публикатором которой была Ф.-М.Уилсон, становится понятно, что могло склонить составителя сборника лекций и эссе Н.М.Бахтина к выводу о его дворянском происхождении.

В указанной статье Н.М.Бахтин не раз отождествляет себя с господствующим классом минувшей России, хотя и не говорит, каким именно: «Что же мы знали о настоящей России? Очень мало. Нам не приходилось сталкиваться с рабочими, они казались нам куда более далекими и ненастоящими, нежели рабы Древней Греции и Древнего Египта <…>. Мы воображали, что хорошо знаем крестьянство. Мы и впрямь встречались и легко смешивались с крестьянами, подолгу разговаривали с ними о самом разном, не испытывая при этом ни малейшего превосходства. <…> В целом мы нисколько не ощущали собственной классовой принадлежности

---

* Васильев Н.Л. Комментарий к комментариям биографов М.М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 157 – 170.

[1] См.: Конкин С.С. Пора закрыть вопрос о родословной М.М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее – ДКХ). 1994. № 2. С. 119 – 123; Паньков Н.А. Вопрос о родословной М.М.Бахтина: все ли так ясно? // Там же. С. 124 – 137; Он же. Предисловие к запоздавшему «Послесловию…» С.С.Конкина // ДКХ. 1994. № 3. С. 130 – 134; Конкин С.С. Послесловие к статье «Пора закрыть вопрос о родословной М.М.Бахтина». С. 135 – 137; Он же. Если обратиться к первоисточникам… (К родословной М.М.Бахтина) // The Seventh International Bakhtin Conference. Moscow, 1995. Book II. P. 244 – 250.

[2] См.: Wilson F.M. Biographical introduction // Bachtin N. Lectures and essays. Birmingham, 1963.

[3] Паньков Н.А. Вопрос о родословной М.М.Бахтина… С. 130.

(здесь и далее выделено нами. – *Н.В.*). Это вовсе не означает, что у нас не было классовых чувств, но они дремали в нашем подсознании, обнаружить их нам довелось гораздо позже»; «Полк, однако, начал постепенно испытывать чувство беспокойства, растущей классовой враждебности. Солдаты не демонстрировали свое отношение офицерам. Зачем? Ведь рядом с ними находился тот, на ком они могли выместить и вымещали свое недовольство: в их рядах находился заложник, выходец из враждебного класса. Поначалу неприязнь проявлялась в подозрительности и отчужденности, дружеской близости прежних дней как не бывало. Меня избегали, не замечали, буквально вышвырнули из своего сообщества. <…> Под предлогом того, что мои сапоги недостаточно блестят, ефрейтор читал мне лекцию на потеху всему эскадрону: "Ты что же, забыл, господин хороший, что здесь не университет, а Народная армия, и ты должен, как и другие, выполнять свои обязанности. Или ты воображаешь, что до сих пор пользуешься привилегиями класса паразитов, попивших народной кровушки?" <…>»; «…следует признать, что определенные основания для нелюбви ко мне и моему классу имелись, но тогда я этого не понимал. Они чувствовали, совершенно справедливо, что я не на их стороне»; «Когда несколько дней спустя я появился в Петрограде, я больше не был посторонним наблюдателем. Я стал человеком, которого переполняло чувство горечи и негодования. Я ощущал, как во мне поднимается смутное новое чувство – классовое. Фактически я уже превратился в готового белогвардейца» [1].

Из этого, впрочем, не следует, что Н.М.Бахтин был дворянином. К началу XX в. оппозиция дворянин – не дворянин, актуальная для русской ментальности предшествующего времени[2], сменилась, не без помощи марксизма, новой: буржуазия – пролетариат[3]. Под первым термином понимались господствующие слои населения (дворянство, почетное гражданство, купечество, духовенство, чиновничество, офицерство), под вторым – рабочие, крестьяне, солдаты. Отдельные социальные группы, например интеллигенция, занимали маргинальное, колеблющееся положение, не составляли стержня этой оппозиции[4]. Происходила определенная

---

[1] Цит. по переводу О.Е.Осовского (Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 334, 336, 337).

[2] См., например, стихотворение А.С.Пушкина «Моя родословная» (1830).

[3] См. в той же статье Н.М.Бахтина: «Около сотни семейств отставных профессоров и чиновников, составлявших основное население маленького курорта (в Крыму. – *Н.В.*), жили в состоянии панического страха: они были совершенно уверены, что в одну прекрасную ночь Советы уничтожат всю буржуазию…» (с. 342 – 343); «На протяжении всего XIX столетия интеллигенция (в России. – *Н.В.*) была прогрессивной силой, численность которой стремительно росла за счет новых представителей народа и аристократии» (с. 331).

[4] Ср. в указанной статье Н.М.Бахтина: «…интеллигенция не совпадала ни с одним из классов, хотя ее большую часть составляли выходцы из средних слоев. С презрительным негодованием отвергала она невежественных, тупых и жестоких правителей России, но в то же

эволюция и нейтрализация дворянства как привилегированного класса, смешение его с новым мощным социальным стратом – буржуа, фигурально выражаясь, поколением «Лопахиных»; постепенное, не без трений, экономическое, культурное и психологическое объединение старой, благородной, но обедневшей элиты с новой «аристократией»[1].

Младшие Бахтины, несмотря на их купеческо-мещанскую регистрацию в документах о рождении, учебе и т. д., по укладу жизни (культ науки, искусства в семье; гувернантка-немка[2]), материальному благосостоянию (особняки в центре Орла[3]), общественному положению М.Н.Бахтина (он являлся управляющим одного из частных банков, причем потомственным финансистом[4]; в течение многих лет избирался членом Орловской городской думы, был председателем своеобразного аристократического клуба в Орле – Общества рыболовства и охоты[5]) и уровню образования (домашние воспитатели, возможность учиться в престижных университетах) принад-

---

время держалась на расстоянии от народных масс, чье невежество оберегали церковь и полиция» (с. 330 – 331).

[1] Кстати говоря, дворянское сословие не было изолировано от прочих общественных групп, активно подпитывалось представителями других сословий. Существовало несколько традиционных путей получения дворянского достоинства для не-дворян: 1) по личному указу императора; 2) достижение определенного чина в военной и гражданской службе; 3) заслуга по ордену; 4) получение высшего или специального образования; 5) пребывание семьи в течение 100 лет в 1-й купеческой гильдии; 6) брак с дворянином (для женщин) и др. До 1845 г. потомственное – передаваемое по наследству – дворянство получали военные, достигшие первого офицерского звания (14 класс), и гражданские служащие, достигшие 8 класса (например, уездные почтмейстеры, адъюнкты Академии Наук, экстраординарные профессора). Право на личное дворянство имели чиновники всех (!) классов: смотрители на почтовых станциях, учителя начальных и уездных училищ и т. д. Позже нормативные требования к преодолению дворянского «барьера» путем службы были повышены. Таким образом, стимулировалась образовательная, служебная и гражданская активность российских подданных. См.: Раскин Д.И. Чины и государственная служба в России в XIX – нач. XX вв. // Русские писатели. 1800 – 1917: Биогр. словарь. Т. 1. М., 1989. С. 661 – 663; Он же. Сословия в российском обществе; Государственная служба в Российской империи <…> // Там же. Т. 2. 1992. С. 593 – 595, 599.

[2] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993, С. 36 – 39. Ср.: «Французский знал с детства. И с детства знал немецкий. …Нам дали гувернантку немку… Очень любил сидеть у нее на уроках» (Разговоры с Бахтиным // Челове*к.* 1993. № 4. С. 150).

[3] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 143. См. также: «Остался очень большой дом в Орле, в котором я родился. Не знаю, цел ли он. …Там было около тридцати комнат. Он находился в одном из самых дорогих районов… А в следующем квартале… находилось место, где родился Тургенев, в двух шагах от нас» (Разговоры с Бахтиным… С. 142).

[4] «…дед мой организовал Орловский банк, который просуществовал до революции и имел отделения. В Петербурге было его отделение. …Он (дед. – *Н.В.*) был председатель правления…»; «Он (отец. – *Н.В.*) был финансист и работал по банкам»; «В Орле отец начал работать в своем банке. Работал очень недолго, и его перевели директором отделения Орловского коммерческого банка в Вильно» (Разговоры с Бахтиным… С. 141, 142, 146).

[5] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 33, 36.

лежали, безусловно, к привилегированным слоям населения[1]. Не случайно и сам С.С.Конкин, с именем которого связывается особый накал споров относительно родословной Бахтиных, не без пафоса отмечает: «Всегда помнились семейные традиции и обычаи, которые складывались, бережно хранились и неукоснительно исполнялись. В этих обычаях и традициях не было и тени того, о чем мы узнаем о купеческих нравах из пьес А.Н.Островского. У Бахтиных все было иначе, по-другому. Можно сказать, что это была одна из тех русских семей, из которых выходили Мамонтовы и Морозовы, Третьяковы и Вавиловы, Щукины и Дягилевы…»[2].

Очень вероятно, что сословное положение М.Н.Бахтина (а может быть, и его предков) определялось – уже после рождения сыновей – статусом почетного гражданина[3], приравниваемым в правах к дворянству. Одним из путей получения почетного гражданства являлось, например, участие в течение 10 лет в «полезной» (главным образом благотворительной) деятельности, – что вполне было в духе Бахтиных, отличавшихся общественной активностью в Орле и имевших финансовые возможности для ее осуществления.

Все это нашло отражение в социальной и культурно-психологической самоидентификации Николая и Михаила Бахтиных. Характерна, например, жесткая, несмотря на пять с половиной десятилетий, прожитых в условиях идеологического прессинга марксизма, оценка последним диктатуры пролетариата: «…мы были настроены очень пессимистически: мы считали, что дело кончено. Кончено. Монархию нельзя восстановить, да и некому… Что неизбежно победят вот эти самые массы солдат, крестьян в солдатских шинелях, которым ничего не дорого, пролетариат, который не исторический класс, у него нет никаких ценностей, ничего у него нет. Всю жизнь он боролся только за очень узкие материальные блага <…>»[4].

Данные обстоятельства мы должны учитывать не в меньшей мере, чем формально-документальные.

---

[1] Немаловажны и родственные связи Бахтиных: «…родственники у нас, главным образом по бабушке, были очень богатые. Теперь осталась только моя двоюродная сестра (Е.Т.Ситникова. – *Н.В.*). Ее отец (дядя М.М.Бахтина. – *Н.В.*) до революции был в Орле городским головой» (Разговоры с Бахтиным… С. 143).

[2] Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 36.

[3] Об этой социальной категории, узаконенной в России в 1832 г., см.: Раскин Д.И. Сословия в российском обществе… С. 594. Получение потомственного почетного гражданства оформлялось через Герольдию.

[4] Разговоры с Бахтиным (продолжение) // Человек. 1994. № 1. С. 159.

II

В «Хронологическом указателе к биографии М.М.Бахтина»[1], ставящем цели «дать читателю, по возможности, цельное представление о жизненном пути мыслителя, исправить некоторые бытующие неточности и, кроме того, ввести в научный оборот новые фактические данные» (с. 104), помимо естественных для такого рода начинаний («проект») пробелов, есть свои неточности и непродуманные формулировки, нуждающиеся, на наш взгляд, в коррекции – с учетом современного состояния бахтиноведения[2].

«1913 – М.Бахтин поступает на историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе» (с. 93). Вряд ли Бахтин мог «поступить» в университет, если у него, скорее всего, не было аттестата о среднем образовании[3]. Вероятно, именно по этой причине не осталось и документальных следов его учебы в Новороссийском и Петроградском университетах, как и сведений о наличии у него диплома о высшем образовании[4], что подтверждается, кстати говоря, самим Бахтиным[5]. Примечание авторов указателя, что это могло объясняться статусом Бахтина как вольнослушателя («посещая занятия на правах вольнослушателя» – с. 105), некорректно, поскольку для поступления (!) в университет в этом качестве тоже требовались документы о гимназическом образовании[6].

---

[1] Хронологический указатель к биографии М.М.Бахтина: (проект) / Сост.: В.И.Лаптун, Т.Г.Юрченко // М.М.Бахтин в зеркале критики: Сб. М., 1995. С. 93 – 110.

[2] Мы вкладываем в этот термин широкий смысл, понимая под ним в принципе культурологическую «археологию» и отчасти историческую «антропологию».

[3] См.: Лаптун В.И. К «Биографии М.М.Бахтина» // ДКХ. 1993. № 1. С. 67–73; Паньков Н.А. Загадки раннего периода: (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М.Бахтина») // Там же. С. 74 – 89. Ср., однако, «легенду» Бахтина: «В Одессе я был недолго: седьмой и восьмой класс. Там же я поступил в университет» (Разговоры с Бахтиным // Человек. 1993. № 4. С. 148). Отставание Бахтина от 8-летней гимназической программы, установленное его биографами, скорее всего, объясняется болезнью будущего ученого, принуждавшей к домашнему самообразованию: «Когда я заболел, мне было лет 9 – 10. Была очень тяжелая операция: мне продолбили ногу, насквозь бедро, и голень… На вторую ногу остеомиелит не перешел совершенно, но я сейчас ею очень плохо владею, потому что я очень долго ходил на одной ноге, на костылях…» (Разговоры с Бахтиным // Человек. 1993. № 4. С. 153 – 154).

[4] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 47, 363 – 364; Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…» (защита диссертации М.М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 38.

[5] «Окончил Одесскую 4 гимназию, учился в университетах Одесском и Петербургском, 3 года (диплома не получил)» (цит. по: Паньков Н.А. Загадки раннего периода… С. 82). Так как это признание было сделано в экстремальных условиях, под следствием (24 дек. 1928 г.), ему следует доверять. Отметим, что Бахтин не пишет в указанной анкете, что он п о л у ч и л аттестат зрелости.

[6] «Для поступления в университет требовалось представить свидетельство о сословной принадлежности, об окончании гимназии и возрасте. <…> Все поступавшие держали вступительные экзамены» (Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 26). Характерна в этом отношении судьба В.В.Виноградова. Ввиду от-

Понятие «вольный слушатель» традиционно предполагало особый статус обучающихся: распространялось, по крайней мере в первой пол. XIX в., на лиц податных сословий – купечество, мещанство, крестьянство и т. д.[1] Посещение занятий, успеваемость и поведение вольнослушателей контролировались документально, сведения о них включались в общие годовые отчеты[2]. Следовательно, точнее было бы отразить данный этап биографии ученого, например, следующим образом: «М.Бахтин слушает лекции в Новороссийском университете». Требует обоснования и датировка «поступления» Бахтина в Новороссийский университет – составители указателя устанавливают ее (без ссылок на какие-либо источники), вероятно, на основе биографического очерка В.В.Кожинова[3]. В документах, заполненных рукой Бахтина (или с его слов) фигурируют крайне противоречивые сведения о хронологии его университетского образования и вообще характере занятий в 1913 – 1918 гг.[4] В своей автобиографии, представленной в совет по защите диссертаций при ИМЛИ в 1946 г., Бахтин пишет: «По

сутствия гимназического образования (он окончил духовную семинарию) будущий академик не имел возможности поступить в университет, – но смог продолжить учебу в Петроградских институтах – Историко-филологическом и Археологическом. См.: Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. Л., 1971. С. 139.

[1] Ср., например, положение о Московском университете, вероятно, экстраполируемое на другие университеты дореволюционной России: «Студентами университета могли быть только сыновья дворян, чиновников, священнослужителей, то есть выходцы из свободных сословий, не плативших подати… Сыновья купцов, мещан, цеховых и вольноотпущенных числились в университетах слушателями. <…> Практически, в процессе учебы, между студентами и слушателями различий не было. Но по окончании университета слушатели получали аттестат только после исключения их Сенатом из податного состояния. <…> После этого слушатель получал диплом, а вместе с ним и личное дворянство» (Насонкина Л.И. Указ. соч. С. 36 – 37). Из данного правила были, однако, исключения. См., напр.: «Когда я пришел в канцелярию университета с вопросом, что делать, чтобы меня приняли студентом на медицинский факультет (в октябре), мне, конечно, ответили, что теперь, подав просьбу, я могу записаться лишь вольным слушателем, а в студенты могу быть зачислен лишь в будущем году, по выдержанию вступительного экзамена» (Сеченов И.М. В Московском университете (1850 – 1856 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 284); «Осенью 1905 г., в период подъема русской революции, в Тартуский университет впервые поступили женщины, вначале, правда, на правах вольнослушательниц» (История Тартуского университета. Таллин, 1983. С. 137). В связи с этим интересно, что брат М.Бахтина – Н.Бахтин числился в Новороссийском и Петербургском (Петроградском) университетах на правах студента, а не вольнослушателя (см.: ГИА С.-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. 65630, св. 3214, л. 11 – 12). Данное обстоятельство может объясняться, в частности, тем, что отец Бахтиных был «банковским чиновником» – так определили его гражданский статус следователи Ленинградского ОГПУ (см.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 191).

[2] Так, в Тартуском (Юрьевском) университете в 1916 г. обучалось 2516 студентов и 58 вольнослушателей. См.: История Тартуского университета. С. 136 – 137.

[3] См.: Кожинов В., Конкин С. М.М.Бахтин: Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 5. (Раздел до 1945 г. написан первым из указанных авторов.)

[4] См.: Паньков Н.А. Загадки раннего периода… С. 81 – 82.

окончании классической гимназии поступил в 1913 г. в Новороссийский университет <…>»[1]. Однако в личном листке по учету кадров, заполненном им годом ранее для оформления на работу в Мордовский педагогический институт, он указывает, что учился в Новороссийском университете с 1914 г. (в Петроградском – с 1916 по 1918 гг.)[2]. На основании этого С.С.Конкин, вероятно, и сделал вывод о том, что Бахтин стал студентом в 1914 г.[3]

«1918, весна <–> лето – завершение учебы в университете» (с. 94). Также неточная формулировка, поскольку в ней косвенно присутствует мысль о юридическом завершении Бахтиным образования.

«…поэт и музыковед В.Н.Волошинов (1896 – 1934)…» (с. 94). Волошинов родился в 1895 г., а умер в 1936 г.[4] Точнее нужно было бы сформулировать и круг его интересов: «поэт, музыковед, филолог» [5].

«1922 – в письме М.М.Бахтина к М.И.Кагану содержится упоминание о работе «Субъект нравственности и субъект права» и о «работе о Достоевском» (судьба рукописей не известна)» (с. 95). Судьба «работы о Достоевском» хорошо известна: она стала основой первой авторской книги Бахтина – «Проблемы творчества Достоевского»[6]. Ср. также заметку в «Жизни искусства» (Пг., 1922, № 33, с. 4), не учтенную составителями указателя: «Молодым ученым М.М.Бахтиным написана книга о Достоевском <…>».

«1941 <…> В списке научных работ Бахтина упоминается исследование "К истории Менипповой сатиры", о котором других сведений нет»

---

[1] См.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…». С. 37.

[2] См.: Личное дело зав. кафедрой Бахтина Михаила Михайловича (Архив Мордовского государственного университета. Ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 2).

[3] См.: Конкин С.С. Михаил Бахтин (критико-биогр. очерк) // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 5.

[4] Подробнее см.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 5, 15.

[5] Об учебе Волошинова на этнолого-лингвистическом отделении факультета общественных наук Петроградского университета и в аспирантуре Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете, а также его научной карьере в целом см.: Васильев Н.Л. Указ. соч. С. 9 – 16; Личное дело В.Н.Волошинова // ДКХ. 1995. № 2. С. 70 – 99.

[6] См.: Аверинцев С.С., Бочаров С.Г. Примечания // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 412 – 413. Ср.: Осовский О.Е. М.М.Бахтин: от «Проблем творчества» к «Проблемам поэтики» // Бахтинский сборник. Вып. I. М., 1990. С. 49 – 50; Он же. Человек. Слово. Роман: (Научное наследие М.М.Бахтина и современность). Саранск, 1993. С. 63 – 64; Татарников Д.А. Примечания // Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994. С. 495. То обстоятельство, что не известно, как соотносится ранний вариант «книги о Достоевском» с «Проблемами творчества Достоевского», не должно смущать биографов Бахтина. Вероятнее всего, Бахтин ждал возможности опубликовать свой труд, внося в него в 1923 – 1928 гг. соответствующие коррективы.

(с. 99). Во-первых, непонятно, почему этот факт творчества Бахтина датируется авторами указателя 1941 г., – в источнике, на который они ссылаются, говорится, что данная работа была написана между 1937 и 1945 гг.[1] Во-вторых, оба «тандема» биографов Бахтина неправильно указывают название его исследования: в списке научных трудов ученого на момент подачи им документов в Мордовский пединститут (1945 г.) рукой Бахтина записано: «К истории "Менипповой сатиры"»[2]. В-третьих, об этой работе и ее датировке известно из списка трудов Бахтина, представленного им в диссертационный совет ИМЛИ в 1946 г.: «"Мениппова сатира и ее значение в истории романа" (4 п. л., 1944 г.)»[3].

«1941, осень – работа в средней школе с. Ильинское Кимрского р-на Калининской области», «1942 – начало работы в 14-й школе г. Кимры и 19-й школе Ярославской ж. д.» (с. 99). Нет ссылки на статью Е.Н.Пономаревой и М.В.Строганова «О пребывании М.М.Бахтина в Калининской области»[4], не учтенную и в книге Конкиных, на которую в данном случае ссылаются авторы[5].

(1959). Пропущена, как и в монографии Конкиных, информация о публикации Бахтиным (совместно с Л.Г.Васильевым) рецензии на пьесу Г.Я.Меркушкина «На рассвете»[6], – между тем как ранее фиксируется рецензия Бахтина на пьесу В.Гюго «Мария Тюдор» (1954, 12 дек.), напечатанная в том же периодическом издании – газете «Советская Мордовия».

(1963). Говоря о выходе книги Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», авторы не ссылаются на получившую большой резонанс публикацию: «Так это было: (О возвращении литературно-критического творчества М.Бахтина современному читателю). Беседа с литературоведом В.В.Кожиновым» («Дон». 1988, № 10).

Надеемся, что данные замечания окажут помощь составителям «Хронологического указателя к биографии М.М.Бахтина» в процессе воплощения их «проекта» в жизнь[7], а также явятся стимулирующим фактором в осмыслении судьбы и наследия ученого.

---

[1] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 231.

[2] См.: Личное дело зав. кафедрой Бахтина Михаила Михайловича. Л. 4.

[3] См.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…». С. 38.

[4] См.: М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 145 – 149.

[5] См.: Васильев Н.Л. [Рец.] Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин… // ДКХ. 1994. № 3. 148 – 149.

[6] См.: Васильев Н.Л. [Рец.] С. 147; Васильев Л.Г. Таким я его помню… // ДКХ. 1994. № 4. С. 114 – 115.

[7] Обещающе выглядит в этом отношении индивидуальная попытка В.И.Лаптуна, начавшего публиковать свой вариант указателя. См.: Лаптун В. Биографический указатель М.М.Бахтина: (Основные даты жизни и деятельности) // Странник. Саранск. 1995. № 1. С. 46 – 49; № 2. С. 117 – 119; № 3. С. 33 – 35.

III

В последнее время актуализовался вопрос об отношении М.М.Бахтина к творчеству литераторов «серебряного века», его современников, в частности к восприятию им поэзии В.В.Маяковского[1]. Наметились две тенденции: а) полагать, что Бахтин, в отличие от его брата – Н.М.Бахтина, «органически не воспринимал» творчество Маяковского[2]; б) учитывать, что, не разделяя политического пафоса Маяковского, Бахтин тем не менее ценил его как художника[3].

В связи с этим хотелось бы обратить внимание читателей журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» на воспоминания о Бахтине его ученика и коллеги Ю.Ф.Басихина[4], в которых рассказывается о поэтических симпатиях ученого (А.Пушкин, А.Блок, Н.Гумилев, С.Есенин, П.Антокольский и др.) и об отношении к лирике Маяковского: «Бахтин довольно часто повторял такие строки Владимира Маяковского:

Бывает, выбросят, не напечатав, не издав,
Но слово мчится, подтянув подпруги.

---

[1] См., напр.: ДКХ. 1995. № 2. С. 103 – 164.

[2] См.: Осовский О.Е. «Неслышный диалог»: биографические и научные созвучия в судьбах Николая и Михаила Бахтина // М.Бахтин и философская культура XX века: (Проблемы бахтинологии). Вып. 1: В 2 ч. СПб., 1991. Ч. 2. С. 50. В основу этого мнения положены, судя по отсылке читателя, воспоминания о Бахтине одной из его учениц в Кимрской средней школе № 14 – В.Г.Рак: «В 1944 году я училась в 10 классе. Помню, что Бахтин преподавал у нас литературу. …Бахтин был довольно откровенен в своих отношениях к литературе. Помню по программе должен был быть Маяковский. Михаил Михайлович пришел к нам в класс и резко отчеканил: "Маяковского я не люблю и читать его не буду"» (Цит. по: Пономарева Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М.Бахтина в Калининской области. С. 147 – 148, сноска № 36). Однако на данный отзыв Бахтина о Маяковском, без сомнения, повлияла идеологическая и односторонняя трактовка творчества поэта в советское время, заполонившая «официальное» литературоведение и особенно учебную литературу. В.Г.Рак сообщает: «…как только начинался урок, он (Бахтин. – *Н.В.*) забывал обо всем. Рассказывал нам взахлеб, размахивая руками и неустанно ругал школьные учебники: "Какого черта вы их читаете, – говорил он нам. – Надо читать произведение, само произведение, целиком и полностью"» (Там же. С. 147 – 148).

[3] См.: Кожинов В.В. Бахтин о Маяковском // ДКХ. 1995. № 2. С. 103 – 104.

[4] Юрий Федосеевич Басихин (1930 – 1988). В 1952 г. окончил с отличием историко-филологический факультет Мордовского государственного педагогического института. С 1952 по 1961 г. работал учителем русского языка и литературы в Саранской средней школе № 12. С 1956 г., по приглашению Бахтина, читал отдельные лекционные курсы по зарубежной литературе в Мордовском пединституте (с 1957 г. в его правопреемнике – Мордовском государственном университете). В 1961 г., после ухода Бахтина на пенсию, был принят на кафедру русской и всеобщей (зарубежной) литературы, где проработал вплоть до 1980 г. С 1965 по 1969 г. учился в заочной аспирантуре Мордовского университета, с 1967 г. – под руководством Бахтина. В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию – «Ранние поэмы И.С.Тургенева (от стихотворных поэм к романам)». На ее основе в 1973 г. в Мордовском книжном издательстве Ю.Ф.Басихиным была издана монография «Поэмы И.С.Тургенева: (Путь к роману)».

Звенят века, и подползают поезда
Лизать поэзии мозолистые руки[1].

Он близко видел В.В.Маяковского в редакции одного из журналов. "Поэт был одет с иголочки, он быстро прошел в комнату, взял лежавший на столе только что вышедший, еще пахнущий типографской краской новый журнал и стал жадно его перелистывать, стремясь быстрее увидеть опубликованное в нем свое новое стихотворение…"[2].

На первый взгляд, может показаться, что в этом воспоминании образ поэта несколько снижен, но это, безусловно, не так. Дело в том, что здесь перед нами возникает образ Владимира Маяковского – экспрессивного автора, столь нетерпеливо ожидавшего печатания своих стихов.

В то же время, как бы полемизируя с некоторыми противниками В.В.Маяковского, М.М.Бахтин неоднократно подчеркивал, что он – настоящий поэт. И такое определение ученого, на мой взгляд, самое главное в его отношении к поэту революции»[3].

Думается, своеобразная републикация данного фрагмента статьи Ю.Ф.Басихина, напечатанной в малоизвестных региональных изданиях, будет полезна исследователям наследия Бахтина.

М.М.БАХТИН В САРАНСКЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИМИКРИИ В УСЛОВИЯХ СТАЛИНИЗМА[*]

История XX в. применительно к СССР – яркая иллюстрация своеобразного научного «эксперимента» по моделированию выживаемости человека в неблагоприятных жизненных условиях (братоубийственные и захватнические войны, репрессии, сопутствующие им потрясения, голод, болезни, стрессы, диктат авторитарного слова, всевозможные ограничения и т. д.).

Трудно найти в мировой практике иной «хронотоп», столь резко выделяющийся в новейшей, казалось бы, уже не варварской и не средневеко-

---

[1] Цитируется фрагмент незавершенной поэмы Маяковского «Во весь голос» (1928 – 1930). Стихи воспроизводятся неточно. Эти же строки Бахтин вспоминает в беседе с В.Д.Дувакиным (Разговоры с Бахтиным // Человек. 1994. № 1. С. 166; ДКХ. 1995. № 2. С. 156).

[2] Ср.: Разговоры с Бахтиным… С. 164 – 165 (ДКХ… С. 154).

[3] Басихин Ю. О Михаиле Михайловиче Бахтине // Родные просторы. Саранск, 1978. С. 207. Перепечатано в изд.: Записки о Саранске XVIII – XX века. Саранск, 1991. С. 248.

[*] Васильев Н.Л. М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 – 1950-е гг.): Материалы респ. науч.-практ. конф. Саранск, 2001. С. 20 – 22.

вой, истории, сказавшийся на судьбах многих наших соотечественников не только старшего, но и достаточно молодого поколения. Потеря культурных достижений XVIII и XIX вв., утрата интеллектуального генофонда, губительная духовная и технологическая обособленность от западного мира, самоуничтожение в форме перманентной «классовой войны», извращения прошлого и современности привели к катастрофе некогда мощной державы, не способной ныне обеспечить даже элементарного благополучия собственных граждан.

В контексте обозначенного исторического отрезка «в одной отдельно взятой стране» интересна судьба любого человека – от крестьянина до творческой личности. Все слои советского социума так или иначе испытали на себе пагубное воздействие «пробирочного» коммунизма, художественно отраженного в знаменитом романе Дж. Оруэлла «1984».

Рассмотрим в этом плане судьбу ученого и педагога М.М.Бахтина, тесно связанную с историей Мордовии сталинских времен.

События, давшие отсчет советской истории, повлекли в жизни Бахтина и многих его современников необходимость реагирования на последствия двух революций 1917 г. – от чисто физического выживания до идеологической мимикрии по отношению к враждебной среде. Вместе с тем мы видим сложнейшие процессы адаптации представителей старой интеллигенции к новой жизни, попытки порой искреннего принятия марксизма как метода познания действительности, новых норм социального поведения, отчасти и новой риторики[1]. Это выразилось в желании Бахтина и его друзей-соавторов преодолеть ограниченность вульгарного марксизма, найти противоядие против идеологического монологизма путем обращения к наследию западных и русских философов, в поисках религиозной идеи, обосновании смысла жизни, в форме научно-творческой сублимации.

Социальная адаптация Бахтина и его круга сопровождалась условно-игровыми отношениями с Властью (подтасовка биографических фактов, авантюрные жизненные «сюжеты», авторские маски и т. п.), заменой философского метаязыка на филологический код, порой трансформацией самой научной парадигмы (переключение из сферы философии в область менее «опасных» наук – психологии, лингвистики, литературоведения)[2]. Важнейшие культурологические и филологические идеи Бахтина так или

---

[1] См., напр.: Пешков И.В. …Mozart, или Поступок как риторика ответственности // Риторика. 1999. № 1. С. 56 – 71.

[2] См., напр.: Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 71 – 72, 83; Лисов А.Г., Трусова Е.Г. Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М.М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1996. № 3. С. 161 – 166; Васильев Н.Л. Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения // Бахтинские чтения: III (Материалы Междунар. науч. конф. Витебск, 23 – 25 июня 1998 г.). Витебск, 1998. С. 68 – 74.

иначе являются коррелятами его философско-идеологических взглядов: полифония – общественный диалог; монологизм – авторитарное слово; карнавальность – проявление свободы духа, демократии; смех – оружие борьбы с Властью и т. д.

Интересно пронаблюдать жизнь Бахтина в период его работы в Мордовском педагогическом институте (впоследствии университете). Чудом избежав новых репрессий в 1937 г.[1], ученый, тем не менее, вернулся в провинциальный Саранск в 1945 г., выбрав, вероятно, меньшее из зол… Его учительская практика в школах Калининской области (1941 – 1945 гг.), педагогическая работа в Мордовии (1945 – 1961 гг.) свидетельствуют о вполне искренней социальной активности, выражавшейся в разных формах (просветительская деятельность, участие в идеологических «акциях», учет господствующей идеологии в подготовке учительских кадров и др.)[2]. Вместе с тем, стремясь внешне «соответствовать» идеальному образцу вузовского преподавателя, руководителя кафедры всеобщей (русской и зарубежной) литературы, Бахтин внутренне находился в оппозиции к советскому строю, о чем можно судить по многочисленных фактам. Он не принимал в полной мере господствующую идеологию; сдержанно относился к новой литературоведческой методологии, произведениям советских «классиков», порожденным методом пресловутого социалистического реализма; почти не ссылался на исследователей нового поколения; не писал статей и книг «на злобу дня», стремясь оставлять в рабочем столе то, что в действительности волновало его ум; занимал самостоятельную позицию по всем вопросам. Характерна в этом отношении осторожная, отчасти остроумно-циничная реакция Бахтина на появление «исторического» труда И.В.Сталина под названием «Марксизм и вопросы языка» (1950 г.). Он с непринужденностью заявляет о подготовке собственного литературоведческого исследования в свете идей вождя (так никогда и найденного в архиве ученого)[3], реагирует на другие установки, идущие от московского, университетского или факультетского начальства[4], – но раз за разом оказывается, что в реальности Бахтин пишет совершенно иные

---

[1] См.: Лаптун В.И. М.М.Бахтин в Саранске (1936 – 1937 гг.) // Родник: Лит.-худож. сб. Саранск, 1991. С. 291 – 302; Он же. Первый приезд М.М.Бахтина в Саранск (1936 – 1937) // Невельский сборник: Статьи и воспоминания. СПб., 1996. Вып. 1. С. 61 – 75.

[2] См., в частности: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993. С. 212 – 213, 228 – 230, 262; Васильев Н.Л. М.М.Бахтин как школьный учитель // ДКХ. 1996. № 2. С. 73 – 77.

[3] «Тов. Бахтин имеет монографию на тему: "Язык и стиль литературного произведения в свете учения т. Сталина по языкознанию"» (цит. по: Архивные материалы о преподавательской деятельности М.М.Бахтина в Мордовском педагогическом институте / Публ. В.И.Лаптуна // ДКХ. 1996. № 1. С. 73).

[4] Об этом можно судить по протоколам заседаний подведомственной Бахтину кафедры и иным документам.

работы[1], а заявляемые им «проекты» и отчеты на заседаниях кафедры, в стенах пединститута – всего лишь своеобразная «акция прикрытия» истинной работы мысли, не востребованной в тех условиях.

Нет уверенности, что Бахтин был совершенно неискренен в отношениях с Властью; скорее всего, осознавая ее враждебность свободной личности, серьезной науке, литературному творчеству, он вынужденно и, быть может, вполне органично смирялся с той обстановкой, в которой проходила его зрелая жизнь.

Этот феномен синтеза слиянности общественно-идеологической оппозиционности и одновременно принятия сложившихся правил «игры» с Властью характерен и для поколения, родившегося в 1950-х гг., к которому принадлежит и автор этих строк. Разочарование в неосуществимости зыбких идеалов заставляло «примиряться с действительностью», поскольку для психологической природы человека любой дискомфорт разрушителен.

М.М.БАХТИН КАК ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ*

Помимо педагогической деятельности в высших учебных заведениях, Бахтин имел немалый опыт работы в качестве школьного учителя.

В автобиографии 1944 г. ученый пишет: «С 1918 по 1920 год я работал преподавателем средней школы в г. Невеле (Витебской губернии) <…>», «С осени 1941 года я работал преподавателем средней школы в с. Ильинском Кимрского района (ст. Савелово), а затем преподавателем же средней школы № 14 и жел. дор. школы № 39 в г. Кимры, где продолжаю работать и в настоящее время»[2]. В личном листке по учету кадров, представленном в отдел кадров Мордовского педагогического института в 1945 г.[3], Бахтин записывает, что работал в Невельской единой трудовой школе II ступени (с 1 авг. 1918 г.), Кимрской средней школе № 14 (с 1942 по 1945 г.) и расположенной в районе Кимр средней школе № 39 (с 1941 по 1945 г.)[4].

---

[1] См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – нач. 1960-х гг. М., 1996.

[*] Васильев Н.Л. М.М.Бахтин как школьный учитель // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 2. С. 73 – 77.

[2] Архив Мордовского государственного университета. Ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 5 – 6. См. также: Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Саранск, 1995. С. 4 – 5.

[3] Датировано 14 июня 1945 г., в то время как автобиография – 15 сент. 1944 г. Существенное расхождение в хронологии документов свидетельствует, возможно, что переговоры Бахтина с руководством Мордовского педагогического института о переезде в Саранск велись еще за год до окончания войны.

[4] Архив Мордовского государственного университета. Ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 3.

В документах Невельского уездного отдела народного образования, датируемых, вероятно, 1918 г., отмечалось, что Бахтин работает учителем с января 1916 г.[1] В различных анкетах, заполненных в Витебске (в 1920, 1921, 1923 гг.), Бахтин указывает, что «с 1917 по 1918 г. состоял преподавателем Свенцянской мужской гимназии, а с 1918 по 1920 преподавателем трудовой школы 2-й ступени <…> в г. Невеле», «состоял преподавателем литературы в гимназиях 3 года», «служил преподавателем в гимназии и в Единой трудовой советской школе»[2].

В автобиографии, представленной в совет по защите диссертаций при ИМЛИ в 1946 г., Бахтин выделяет главным образом свою педагогическую работу в высших учебных заведениях, хотя и указывает, что «в годы Великой Отечественной войны состоял преподавателем литературы в средней школе на ст. Савелово (с 1941 по 1945 г.)»[3].

Таким образом, общий педагогический стаж работы Бахтина в средней школе составляет около десятилетия.

Между тем данная сторона жизни и гражданского пути Бахтина изучена пока недостаточно. Скупые сведения об этом содержатся в американской биографии ученого[4], несколько более развернуты они в недавно появившемся исследовании С.С.Конкина и Л.С.Конкиной[5]. Лучше других освещен период учительства Бахтина в Калининской области[6], благодаря чему известны некоторые подробности о педагогической и методической работе Бахтина в годы Великой Отечественной войны.

Однако и то, что написано по указанному поводу, нуждается в корректировке. Так, в последней по времени биографии ученого читаем: «<…> с осени 1941 года он начал работу в средней общеобразовательной школе села Ильинское Кимрского района бывшей Калининской (теперь Тверской) области. <…> Из Ильинского М.Бахтин переехал в Кимры, где в январе 1942 был назначен на работу в школу № 14. Кроме того, он имел какое-то количество недельных часов еще и в школе № 39»[7]. Далее авторы ры частично пересказывают то, что удалось установить исследователям из Твери. В своих интересных заметках Е.Н.Пономарева и М.В.Строганов,

---

[1] См.: Паньков Н.А. Загадки раннего периода: (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М.Бахтина») // ДКХ. 1993. № 1. С. 82.

[2] Там же. С. 81 – 82.

[3] См.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…»: (Защита диссертации М.М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 37.

[4] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.); London, 1984. P. 261 – 263.

[5] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 228 – 230.

[6] См.: Пономарева Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М.Бахтина в Калининской области // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 145 – 149.

[7] Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 228 – 229.

однако, ничего не говорят о педагогической деятельности Бахтина в 39-й школе и приводят, в частности, свидетельство М.В.Ваицевой, работавшей вместе с Бахтиным в 14-й школе, о том, что последний «был очень замкнут, с нами почти совсем не общался» (оно цитируется и Конкиными)[1].

В итоге создается впечатление, что основная учительская работа Бахтина в указанные годы проходила в стенах 14-й школы и вел он себя там пассивно и «замкнуто»[2].

Между тем в личном деле Бахтина, хранящемся в архиве Мордовского университета, есть две характеристики его педагогической деятельности в школах Калининской области (выданные ему в 1945 г. для поступления на работу в Мордовский педагогический институт), которые не только уточняют хронологию и фактографию жизненного пути ученого, но и в корне меняют представление о нем как школьном учителе.

Одна из них – достаточно скупая – подписана директором Кимрской средней школы № 14: «Бахтин М.М. состоял преподавателем русского языка и литературы Кимрской средней школы № 14 с 19-го января 1942 года по 22 сентября 1945 года. К работе относился добросовестно. У учащихся Бахтин М.М. пользовался авторитетом.

За время работы в школе № 14, Бахтин М.М. проявил себя **хорошим общественником** (здесь и далее выделено нами. – *Н.В.*)»[3].

Другая – более развернутая – заверена директором школы № 39 Ярославской железной дороги: «Бахтин Михаил Михайлович работал в неполной средней школе № 39 Ярославской железной дороги в качестве преподавателя русского языка и литературы и немецкого языка с 15/XII 1941 г. по 20/IX 1945 г.

За **четыре года** своей работы в школе М.М.Бахтин проявил себя как высококультурный педагог, опытный методист и **отличный общественник**. Как старый работник высшей школы[4], М.М.Бахтин обладает познаниями, далеко превышающими уровень преподавателя средней школы, и это позволило ему поставить преподавание своих предметов на большую высоту и одновременно оказывать **очень ценную помощь школе** во всех методических вопросах, в деле повышения культурного и методического уровня учителей школы и в развертывании внеклассной работы. В течение 4-х лет М.М.Бахтин руководил кружком учителей по усовершенствованию

---

[1] См.: Пономарева Е.Н., Строганов М.В. Указ. соч. С. 148.

[2] Ср. следующий вывод биографов Бахтина: «Время было трудное и суровое. Ильинское и Кимры, в сущности, находились в прифронтовой полосе <…>. В этих условиях некоторая замкнутость М.Бахтина в учительской среде понятна и объяснима» (Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 230).

[3] Архив Мордовского государственного университета. Ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 30.

[4] До этого Бахтин работал в Невельской учительской семинарии (1918 – 1920), Витебском пединституте (1920 – 1924) и консерватории (1920 – 1924), Кустанайском пединституте (1930 – 1932) и педтехникуме (1930 – 1932), Мордовском пединституте (1936 – 1937).

знаний русского языка и стилистики, руководил школьным литературным кружком, работу которого поставил на большую высоту, выступал с докладами и лекциями на методические и литературные темы, оказывал постоянную помощь молодым учителям школы. М.М.Бахтин вел **культурно-просветительную работу и вне стен школы**, выступая с лекциями и докладами для Партийного комитета Савеловского узла Ярославской ж. д.

В своей педагогической работе М.М.Бахтин с большим искусством и тактом сочетал методическое мастерство и высокую требовательность к предметным знаниям учащихся с **воспитанием в них советского патриотизма и марксистско-ленинской идейности**.

Как работник М.М.Бахтин характеризуется преданностью своему педагогическому делу, высокой дисциплинированностью, безукоризненной добросовестностью в выполнении своих обязанностей и **широкой инициативностью в работе**. 20/IX-45 г.»[1].

К каким же выводам можно прийти на основании анализа данных документов? Вероятней всего, наибольший след Бахтин оставил именно в 39-й школе[2], о которой ранее говорилось лишь вскользь. Главное же – Бахтин проявил себя, несмотря на трудности личного (ампутация ноги в 1938 г.) и общественного (война) плана, как человек очень широкой души, большой энергии и трудолюбия, активно входивший в «диалог» со своими учениками, коллегами и т. д., – в условиях, может быть, самого трудного периода его жизни.

М.М.БАХТИН КАК ВУЗОВСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ[*]

В мемуарах о Бахтине, написанных слушателями его лекций, подчеркиваются эрудиция и педагогическое мастерство ученого, способность стимулировать воображение, мышление студентов.

Литературовед Л.Р.Вдовина, учившаяся в Мордовском пединституте во второй пол. 1940-х гг., пишет: «Был он очень живым, подвижным, энергичным. Поражала его мимика… Она постоянно менялась: то ироническая, то сурово осуждающая, то доверчиво интимная, то негодующая, то размышляющая, то сердитая… Оттенков нет числа. <…> Бахтин любил говорить громко, ясно, чрезвычайно эмоционально, как на сцене… О чем бы он ни говорил <…>, у него всегда обо всем было собственное мнение

[1] Архив Мордовского государственного университета. Ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 29.

[2] См. также: Бахтин М.М. Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе: Стилистическое значение бессоюзного сложного предложения / Публ., вступ. ст. и прим. Л.С.Мелиховой // Рус. словесность. 1994. № 2. С. 47 – 56.

[*] Васильев Н.Л. М.М.Бахтин как вузовский преподаватель // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 45 – 52.

<…> Ему ничего не стоило привести наизусть целые абзацы на немецком, английском или греческом языках. Он приводил примеры такого тонкого наблюдения над художественными текстами, что это надолго оставалось прочно вошедшим в нас. <…> Иногда казалось, что его лекции – это своеобразный диалог с невидимым оппонентом. Как-то мы услышали: "всякая книга кому-нибудь возражает". И это означало – нельзя принимать на веру все напечатанное в книгах… Потому, наверное, он был убежден и в том, что, как однажды обмолвился, "учебники по литературе – это зло, но необходимое зло". В своих многочисленных учениках Бахтин воспитывал умение мыслить, вдумчиво анализировать прочитанное, не соглашаться с любыми мнениями… Он советовал читать медленно, не торопясь»[1].

Ю.Ф.Басихин, аспирант ученого, вспоминал: «…1948 год. <…> Осенние вечера мы, первокурсники, обычно проводили в читальном зале… читали, спорили, часто говорили о лекциях Михаила Михайловича»; «У нас на первом курсе он читал античную литературу. В самые первые студенческие дни нелегко воспринимались лекции ученого. Ведь античная литература для нас <…> была в то время совершенно незнакома, слишком далека, но Михаил Михайлович волшебно приблизил ее к нам. Перед нами вдруг открылись новые, волнующие литературные горизонты. Стали близкими и понятными герои гомеровских поэм…»; «Михаил Михайлович читал лекции непередаваемо страстно и увлеченно… Изумительно цитировал "Илиаду" на древнегреческом языке…»[2]. С благодарностью говорят о своем наставнике и другие ученики Бахтина.

Интересно в связи с этим принять во внимание взгляды Бахтина на вузовскую лекцию, самостоятельную работу студентов, его принципы как организатора учебного процесса на посту заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы сначала Мордовского пединститута, а затем Мордовского университета, где он проработал в общей сложности четверть века[3].

Вопросы вузовской методики поднимались Бахтиным неоднократно – в кругу коллег, в печати. Так, 30 октября 1954 г. на заседании кафедры заслушивался вопрос «О самостоятельной работе студентов». В ходе его обсуждения Бахтин отметил: «Необходимо обратить внимание на библиографию. Студенты мало знают библиографию, а поэтому необходимо давать библиографические указания студентам на каждую тему курса. Каж-

---

[1] Вдовина Л. «Замучен тяжелой неволей…»: Слово о М.М.Бахтине // Сов. Мордовия. 1991. 23 янв.

[2] Басихин Ю.Ф. О Михаиле Михайловиче Бахтине // Родные просторы. Саранск, 1968. С. 203 – 204. См. также: Записки о Саранске XVIII – XX века. Саранск, 1991. С. 243 – 244.

[3] Находясь с сентября 1961 г. на пенсии, Бахтин осуществлял официальное руководство аспирантами кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского университета, участвовал в ее научной работе, консультировал своих коллег.

дый студент к концу учебы в ВУЗе должен хорошо знать библиографию по всем предметам курса». Предложение Бахтина, кстати говоря, вызвало неоднозначную реакцию: доцент М.А.Петракеев заявил, что «нужно давать библиографию самую необходимую»[1].

2 июля 1956 г. Бахтин в своем отчете на заседании кафедры сказал, что для студентов первых курсов им были прочитаны лекции вспомогательного характера: «1. Методика самостоятельной работы с книгой. 2. Методика конспектирования лекций преподавателей», а для «учителей города был прочитан доклад по вопросам преподавания теории литературы в средней школе»[2].

14 января 1957 г. Бахтин поделился с членами кафедры такими размышлениями: «Нужно вести борьбу со школярством. Для ВУЗа как можно меньше лекций, а больше практических занятий. Лекции нужно сократить. Если материал разработан в учебнике хорошо, то его только указать, а освещать тот материал, который плохо разработан. Студенты больше отвечают по лекциям, а нужно воспитывать инициативность работы. Как можно больше проводить диспутов, конференций. <…> Нужно еще отметить, что студенты очень плохо разбираются в эстетике, живописи. На лекциях нужно говорить о музыке, о живописи. Коллоквиумы необходимы, хотя их и отрицают»[3].

6 января 1958 г. кафедрой рассматривался вопрос о методике проведения семинарских и практических занятий. Бахтин высказал такие соображения: «Чем разнообразнее методы, тем лучше, но главное, чтоб они приносили пользу. Практические занятия имеют чисто учебную цель. Спецсеминар имеет научно-исследовательскую цель. Нужно стремиться, чтобы спецсеминары были научными. Практические занятия – здесь применяются доклады и метод. беседы, а особенно анализ текстов. Очень мало уделяется внимания библиографии. Для спецсеминара очень важно выбрать тему, и она должна быть максимально сужена. Нужно ставить перед студентами и дискуссионные вопросы»; «…каждый студент должен иметь дневник или записную книжку, куда он должен записывать свои мнения, свои мысли»; «Доклады должны писаться, т. к. это научно-исследовательская работа, но читать по тексту не обязательно»; «Необходимо научить студентов читать монографии»[4].

3 марта 1958 г. после заслушанных отчетов о проделанной сотрудниками кафедры работе в I семестре Бахтин сказал: «Из посещенных мною курсов и экзаменов видно, что многие студенты вместо разбора произве-

---

[1] См.: ЦГА Республики Мордовия. Ф. Р-546, оп. 1, д. 343, л. 5. Выражаю благодарность В.И.Лаптуну за помощь в ознакомлении с некоторыми архивными материалами.

[2] Там же. Л. 56 об.

[3] Там же. Л. 74 об.

[4] ЦГА Республики Мордовия. Ф. Р-2542, оп. 1, д. 24, л. 9.

дений делают пересказ. Необходимо нам больше уделять внимание для художественных форм. Наши студенты совершенно лишены самостоятельного подхода, эстетического суждения, очень мало знают наизусть, не умеют обосновать свое мнение. Нужно эти недостатки искоренять»[1].

В том же году Бахтин поделился со студентами и преподавателями своим видением особенностей работы с научной литературой. Поскольку данная заметка почти не известна за пределами Мордовии, процитируем наиболее значимые мысли ученого: «<…> Приступая к изучению научной книги, никогда не следует рассчитывать на быстрое и легкое ее усвоение. Наука всегда сложна, и серьезную монографию или даже учебник нельзя понять сразу: они требуют большой умственной сосредоточенности и напряженного труда.

Работая над любой книгой, важно усвоить не только содержащиеся в ней факты и готовые положения науки, но и методы, с помощью которых они найдены, установлены, доказаны. Надо овладевать самой логикой науки.

В ходе самостоятельной работы нельзя забывать о практике. Все теоретические положения необходимо связывать с жизнью, давать себе отчет в их возможном практическом приложении. Конечно, нельзя это делать упрощенно, вульгарно: некоторые положения науки не имеют непосредственного применения <…>. Но установка на практику – обязательное условие продуктивного усвоения всякой научной книги. Научному работнику, инженеру, преподавателю потребуется в их работе такое количество научных сведений, которое невозможно удержать в памяти. Поэтому очень важно знать, где и как можно найти эти сведения. Для этого необходимо изучить библиографию своего предмета, приобрести умение пользоваться разного рода справочными пособиями, умение обращаться с книгами, быстро находить в них то, что нам нужно. <…>

Научный аппарат находится вне текста книги: перед ним, после него и в конце страницы за чертой. В его состав обычно входят следующие элементы: заглавный лист, предисловия и послесловия, примечания и ссылки в конце страницы <…>. Сюда относятся также примечания, вынесенные в конец книги (их называют иногда комментариями), оглавление или содержание, всякого рода указатели, и прежде всего именной и предметный, карты, различные таблицы и чертежи.

Различия в составных элементах книги зависят от ее специальности. Однако работу над любым научным трудом надо начинать с предварительного знакомства с его аппаратом, чтобы затем систематически пользоваться им с первой и до последней страницы текста. Работа с научным аппаратом приучает студента к точности, строгой систематичности и приви-

[1] Там же. Л. 12.

вает интерес к библиографии. Чтение книги без тщательного и полного использования ее научного аппарата является непродуктивным и научно неполноценным»[1].

15 июля 1959 г., говоря о ближайших задачах кафедры, Бахтин заявил: «Нужно самое серьезное внимание обратить на спецкурсы. Студенты не знают научных разделов курса: текстологию, стилистику, источниковедение. На это сейчас нужно обратить большое внимание. Студенты не знают библиографии. Наши рабочие планы нужно не переписывать, а творчески разрабатывать»[2].

31 августа 1960 г. Бахтин предложил ввести на V курсе «лекционный курс по библиографии русской литературы», а 20 октября того же года порекомендовал, чтобы преподаватели кафедры провели беседы со студентами младших курсов о «методике записи лекции» и посмотрели их лекции (оба его пожелания были одобрены)[3].

27 декабря 1960 г. на заседании кафедры рассматривался вопрос о методике чтения вузовской лекции. Основным докладчиком и, вероятно, инициатором этого был Бахтин. Приводим текст его выступления по протокольной записи: «М.М.Бахтин в своем выступлении сказал, что он только поставит некоторые вопросы по поводу методики чтения лекции. Вузовская лекция по литературе ставит перед собой 3 цели:

1. Сообщение необходимых положительных сведений по данному вопросу, определение круга знаний по данной теме;

2. Воспитание научного мышления студентов;

3. Воспитание эстетического восприятия и вкуса студентов.

1 цель. Знания всегда можно разделить на 2 рода:

а) основные знания, проверенные наукой, установившиеся;

б) спорные знания.

В своих лекциях преподаватели должны сообщать основные знания и спорные, хотя и существует другая точка зрения, что преподаватель должен давать только основные знания, а все спорные вопросы избегать.

Научное мышление студентов воспитывается в ознакомлении с борьбой мнений, с научными дискуссиями. Но преподаватели всегда должны в своих лекциях подчеркивать и разделять 1 вид знаний и другой. Свое же мнение преподаватель должен выделять в лекции, оговаривать. Особо в лекции нужно выделять те вопросы, над которыми работает сам преподаватель. Тогда он может сказать много нового студентам.

---

[1] Бахтин М.М. Некоторые замечания // Мордов. университет. 1958. 18 нояб. Перепечатано: Там же. 1987. 16 янв.; Молодой ленинец. 1988. 13 нояб.; М.М.Бахтин: Эстетическое наследие и современность / Межвуз. сб. науч. тр.: В 2 ч. Саранск, 1992. Ч. 1. С. 17 – 19.

[2] ЦГА Республики Мордовия. Ф. Р-2542, оп. 1, д. 24, л. 34.

[3] Там же. Ф. Р-2542, оп. 1, д. 138, л. 3.

Времени на чтение курсов дается очень мало, поэтому весь материал осветить невозможно. Следовательно, в своих лекциях преподаватель должен освещать то, что он может дополнить, а не дублировать материалы учебника. Студенты скоро начинают понимать, что преподаватель дублирует учебник. Лекции тогда их уже не интересуют, они начинают заниматься на лекциях посторонними делами. Многие работы уже устарели, поэтому их нужно дополнить новыми научными знаниями.

Преподавателям нужно избегать в своих лекциях элементарщины (2 × 2 = 4), сообщения сведений автобиографического характера. Это есть и в учебниках средней школы. Другое дело, если есть новое в автобиографии писателя[1]. Об этом нужно рассказать студентам. Автобиографию нужно использовать в той мере, в какой она необходима при анализе, освещении того или иного момента.

Об анализе произведений. В лекциях преподавателей анализ носит элементарный, школьный характер. Некоторые преподаватели поддерживают существующее мнение, что в лекциях нужно давать студентам только те сведения, которые им нужны для школы. Такие сведения можно найти в любом школьном учебнике. Другое дело, если вопрос широко освещается в курсе методики. Преподаватели должны в лекциях давать научные анализы (без элементарщины).

Истолкование произведения ограничено субъективностью. Каждое произведение имеет свои источники. Они должны быть раскрыты в лекции. Преподаватели должны знать историю текста.

Проблеме жанра нужно уделять особое внимание. Студенты часто не имеют никакого представления о жанре того или иного произведения. Анализ произведения нужно всегда начинать с жанра. Анализ художественной формы нужно всегда подчеркнуть, выдвинуть в лекции, прояснить и обязательно показать свое мнение (о любой книге).

2 цель. Как надо научно мыслить? Это преподаватель должен показать на своей работе, а не только говорить об этом. Нужно мыслить перед студентами в аудитории (сомневаться, взвешивать доводы и т. д.). Лекция должна давать живой процесс мышления.

3 цель. Эстетическое воспитание студентов. Литературоведение – наука, а предметом этой науки являются эстетические явления. Литература является одним из искусств (как и музыка). Нужно воспитывать эстетическое восприятие и вкус студентов. Большинство студентов кончают ВУЗ и плохо понимают литературу. Нужно в лекциях раскрывать художественную природу литературы, сравнивать литературу и музыку»[2].

---

[1] В этом контексте термин *автобиография* нужно понимать как «биография автора».

[2] Там же. Л. 10 об. – 12. Отдельные фрагменты этого выступления Бахтина цитируются в книге С.С.Конкина и Л.С.Конкиной «Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества» (Саранск, 1993). Некоторые аспекты данной проблемы рассматривались в статьях Н.Н.Пле-

Доклад вызвал дискуссию; в ходе его обсуждения коллеги Бахтина дополнили и отчасти оспорили некоторые мысли заведующего кафедрой. А.М.Куканов заявил, что докладчик «не затронул историзм, который необходим в преподавании литературы. Например, Пушкин, Некрасов, Ломоносов, Горький народны. Но в чем разница их народности? Без этого нельзя изучить правильно литературу. Кроме народности, М.М.Бахтин не затронул литературный процесс в обсуждении методики чтения лекции. В какой мере необходим классицизм? <…> анализ художественного произведения необходимо начать с замысла, с темы, а не с жанра»[1]. В.М.Забавина сказала, что «каждому преподавателю необходимо более (четко) подчеркивать характеристику эпохи, в которую складывалось мировоззрение писателя»; она поддержала А.М.Куканова, предложившего кратко освещать и философские взгляды писателя. Подводя итоги, Бахтин сказал: «Обсуждение продуктивное. Идеологическое воспитание осуществляется и через сообщение научного материала. Мы должны дать максимум научных знаний. Историзм нужен, эпоха нужна, но подробной характеристики эпохи мы не имеем возможности дать. Нужно отсылать студентов к учебнику. Лекция – звено всего курса. Нужно каждую лекцию увязывать с предыдущей и указывать на последующую. Импровизация – момент лекции, результат хорошего знания материала, хорошего знания своего предмета. В лекции можно о многом сказать. Но нужно уметь подобрать материал»[2].

9 февраля 1961 г. Бахтин высказал свое мнение об особенностях обзорных лекций для студентов-старшекурсников, готовящихся к выпускным экзаменам: «Нужно начать чтение обзорных лекций по литературе. Ограничивать часы обзорных лекций нельзя. Студенты должны знать материалы дискуссии о "Ев<гении> Онегине» и др<угие> дискуссии. Нужно знакомить студентов с этими материалами. Каждый преподаватель должен включить в свои лекции вопросы библиографии, вопросы по теории литературы. Необходимо шире знакомить студентов с литературным процессом. Текстологические вопросы необходимо обсуждать со студентами. Студенты, наверное, и не знают, что существует 3 текста «Демона». Без этого нельзя анализировать произведение»; «Билеты для госуд<арственных> экзаменов нужно пересмотреть. Каждый преподаватель должен продумать вопросы по своему курсу. Вопросы должны быть обзорного х<аракте>ра, о творческом пути писателей, о литературном процессе, во-

---

ханковой «Уроки Бахтина» (Сов. Мордовия. 1989. 12 марта) и В.И.Лаптуна «М.М.Бахтин. Вузовская лекция по литературе» (Вест. Мордов. ун-та. 1992. № 3. С. 14 – 15).

[1] Об А.М.Куканове и Бахтине см.: Куканова Н.Г. Бахтины в нашей жизни // Странник. Саранск. 1997. № 1. С. 138 – 146.

[2] ЦГА Республики Мордовия. Ф. Р-2542, оп. 1, д. 138, л. 12.

просы проблемные, вопросы по отдельным произведениям. Нужно включить и вопросы по теории литературы»[1].

Размышления Бахтина о методологии вузовского преподавания, подкрепленные его многолетней практикой работы в условиях высшей школы (Витебск, Кустанай, Саранск), не потеряли своей актуальности, как нам кажется, и сейчас. В каком-то смысле ученый оставил не только научное, но и «методическое» наследство.

М.М.БАХТИН И ЕГО АСПИРАНТЫ[*]

В опубликованных биографиях Бахтина есть существенный пробел – в них ничего не говорится о том, что ученый на протяжении ряда лет занимался подготовкой научных кадров для Мордовского университета[2]. Между тем указанная сторона деятельности знаменитого филолога и философа представляет несомненный интерес по ряду причин: позволяет выявить его качества как наставника молодых исследователей, периферийные научные пристрастия, дает дополнительную информацию о жизни ученого в Саранске.

Бахтин являлся официальным руководителем пяти аспирантов – Ю.Ф.Басихина, В.А.Гобова, А.В.Диалектовой, Э.В.Конюховой, Т.М.Нефедовой[3]. Кроме того он консультировал и других своих молодых коллег[4]. Примечательно, что руководство подготовкой кандидатов наук Бахтин стал осуществлять уже после того, как вышел на пенсию (это произошло в 1961 г.).

Одним из первых его аспирантов была Алевтина Владимировна Диалектова, окончившая Мордовский пединститут в 1953 г., а затем работав-

---

[1] Там же. Л. 14.

[*] Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его аспиранты // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 4. С. 53 – 68.

[2] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.); London, 1984; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993.

[3] Эти сведения извлечены нами из архива Мордовского государственного университета. См. также: Естифеева В.Б. Воспоминания о Бахтине // Странник. Саранск. 1995. № 5/6. С. 80. Ср.: Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Саранск, 1995. С. 14 – 15, 22.

[4] См.: Вдовина Л. Замучен тяжелой неволей // Сов. Мордовия. 1991. 23 янв.; Васильев Л.Г. Таким я его помню… // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1994. № 4. С. 115. Последний, однако, неточно называет среди тех, кто прибегал к помощи ученого, Г.С.Комарову – доцента кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского университета. По словам В.Б.Естифеевой, Бахтин, пригласивший ее на свою кафедру в 1948 г. (до этого она работала на кафедре французского языка), не только порекомендовал ей тему кандидатской диссертации («Новеллистика А.Доде»), защищенную в 1965 г., но и помог прикрепиться к научному руководителю – профессору МГПИ им. В.И.Ленина Б.И.Пуришеву.

шая в школах Саранска. В 1962 г. А.В.Диалектова поступила в очную аспирантуру Мордовского университета, который возник на базе пединститута. Темой ее кандидатской диссертации стало творчество Х.-М.Виланда («Виланд – основоположник немецкого воспитательного романа»)[1].

О том, что сделала А.В.Диалектова за первый год обучения, говорится в характеристике, подписанной научным руководителем: «Аспирантка А.В.Диалектова специализируется по немецкой литературе. Главная ее задача в первом году обучения – усовершенствовать свои знания по немецкому языку и ознакомиться с основными трудами по истории немецкой литературы. Эту задачу А.В.Диалектова в общем выполняет успешно. Все задания руководителя по изучению и конспектированию научной литературы на немецком языке она выполняет хорошо. А.В.Диалектова повышает свой идейно-политический уровень. У нее большой стаж педагогической работы в средней школе. 7 октября 1963»[2].

Весной 1964 г. Бахтиным был заверен план работы А.В.Диалектовой «в библиотеках Москвы». В обращении на имя директора Государственной библиотеки им. В.И.Ленина название диссертации указывалось более конкретно и менее «космополитично»: «Тема воспитания в романе Виланда "Агатон"»[3]. К концу учебы А.В.Диалектовой в аспирантуре ее исследование стало формулироваться следующим образом: «Виланд – основоположник романа воспитания в Германии»[4]. В итоговой аттестации Бахтин так оценил труд своей подопечной: «Аспирант Диалектова выполнила все полагающиеся работы по специальности и сдала полностью кандидатский минимум. Материал для диссертации собран, составлен развернутый план и на тему диссертации (Виланд – основоположник романа в Германии) написана статья для ученых записок Мордовского государственного университета (2 печатных листа). 30 сентября 1965»[5].

После окончания аспирантуры А.В.Диалектова была оставлена на кафедре русской и зарубежной литературы в качестве ассистента. О том, как продвигалась работа над диссертацией в дальнейшем, можно узнать из протоколов заседания кафедры. К 1968 г. А.В.Диалектовой были написаны две главы, но Бахтин, по ее словам, «предложил кое-что перерабо-

---

[1] См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 17, д. 39, л. 42.

[2] Там же. Л. 55.

[3] Там же. Л. 57, 58.

[4] Там же. Л. 63.

[5] Упомянутая статья А.В.Диалектовой опубликована: Русская и зарубежная литература: Учен. зап. Вып. 61. Саранск, 1967. С. 202 – 225. См. также: Диалектова А.В. К теории воспитательного романа как разновидности романного жанра // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. по гуман. наукам. Саранск, 1967. С. 160 – 161; Она же. Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи просвещения: (Учеб. пособ. для студ. филол. фак-тов). Саранск, 1972.

тать…»; затруднения вызвала вторая глава: «Перевела романы П.Рихтера, Гиппеля "Титан" и др. Сопоставление этих романов со Стерном не получается»[1]. В том же году А.В.Диалектова побывала в ГДР, посетив «Берлинскую, Лейпцигскую, Веймарскую библиотеки, где кое-что узнала о Виланде»[2]. В 1973 г. А.В.Диалектова успешно защитила диссертацию «Воспитательный роман Х.-М.Виланда ("История Агатона")» в специализированном совете при Московском университете.

Одновременно с А.В.Диалектовой аспирантом Бахтина стал Владимир Александрович Гобов (1938 – 1982), окончивший Мордовский университет в 1962 г. Осенью того же года В.А.Гобов, заведовавший лекторской группой Мордовского обкома ВЛКСМ, был зачислен в заочную аспирантуру, тоже по специальности «Зарубежная литература». Темой его диссертации явилось «Развитие драматического героя Ф.Шиллера от Карла Моора к Дмитрию Самозванцу»[3]. В объяснительной записке, подписанной научным руководителем, говорилось: «Тема диссертации… позволяет проследить тенденции развития гуманистических идей Ф.Шиллера, рост его мастерства <как> драматурга, изучить условия, позволившие Шиллеру создать новый тип высокой трагедии. Диссертация предполагает постановку и разрешение ряда проблем, связанных с образом главного героя драмы, в частности, с проблемами личности в ней, взаимоотношения личности и народных масс, проблемы создания образа положительного героя, проблемы трагического. Выбор темы обусловлен недостаточностью разработки данного вопроса в советском и немецком литературоведении»[4]. В деле имеется ходатайство В.А.Гобова о переводе его в очную аспирантуру. Несмотря на то, что срок обучения подходил к концу, В.А.Гобову была предоставлена возможность проучиться еще год «с отрывом от производства» – с 18 мая 1966 г. по 1 июня 1967 г.

Указаний на то, как шла работа над диссертацией, в аспирантском деле нет. Но протоколы заседания кафедры позволяют восстановить некоторые моменты исследовательского процесса. Отчитываясь в конце 1965 г., В.А.Гобов сказал, что подготовил статью «Трилогия Шиллера», сдал экзамен по специальности и приступил к работе непосредственно над текстом[5]. Спустя год он представил на кафедре план диссертации «Проблема героя в драматургии Шиллера», позволяющий восстановить ее проблемно-структурный замысел: «I глава диссертации, вступление. II глава "Герой “штюрмерского” периода". III глава "Вопросы трагического героя

---

[1] Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГАРМ). Ф. 2542, оп. 2, д. 315, л. 11, 16 об.

[2] Там же. Л. 13.

[3] См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 17, д. 82, л. 22.

[4] Там же.

[5] См.: ЦГАРМ, ф. Р-2542, оп. 2, д. 122, л. 63.

и трагического конфликта в эстетике Шиллера". IV глава "Герой классического периода"»[1]. В 1967 г. В.А.Гобовым была написана статья «Драма Шиллера о Валленштейне» для готовящегося кафедрального сборника; работа же над самой диссертацией, по его словам, была завершена[2]. Однако весной 1968 г. В.А.Гобов указал в отчете на кафедре: «Вышла новая книга Витковского "Трагический герой" по "Валленштейну". Прочитав эту книгу, пришлось свою диссертацию пересматривать и теоретически перерабатывать некоторые вопросы. Написано 2 главы, а третью главу диссертации нужно писать заново, т. к. М.М.Бахтин заставляет ее переделать. Книга Витковского вышла в Германии в 1965 г., а у нас она напечатана в 1967 году. У меня написана статья "История создания “Валленштейна”", но с выходом новой книги приходится переработать некоторый материал. Если М.М.Бахтин одобрит эту статью, то она будет скоро готова»[3]. Члены кафедры высказали молодому коллеге упрек в недостаточно активной работе над диссертацией.

После окончания аспирантуры В.А.Гобов работал ассистентом кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского университета[4]. К этому времени он сдал «кандидатский минимум», но публикаций по теме диссертации не имел[5]. С 1969 г. В.А.Гобов преподавал зарубежную литературу в Мордовском пединституте, продолжая изыскания по теме «Проблемы трагического героя в трилогии Ф.Шиллера "Валленштейн"» (наименование диссертации в эти годы варьировалось). В нач. 1970-х гг. вышли две его статьи: «Типологическая формула "реалист" и ее элементы в структуре "Валленштейна"» и «Эпическое и трагическое в трилогии Ф.Шиллера "Валленштейн"»[6]. Незадолго до смерти он получил одобрение ние своего исследования в МГПИ им. В.И.Ленина и, по непроверенным данным, опубликовал там статью «Трагический герой (к проблеме героя)»[7]. О личности этого человека, его педагогическом таланте тепло отзываются коллеги по работе[8].

---

[1] Там же. Л. 89.

[2] Там же. Д. 315, л. 7, 12.

[3] Там же. Л. 21 – 22.

[4] См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 21, д. 44.

[5] См.: Архив Мордовского педагогического института им. М.Е.Евсевьева. Ф. 1, оп. 3, д. 756. Л. 6.

[6] См.: Ученые записки Горьковского государственного педагогического института. Сер. филологических наук. Вып. 82. Горький, 1971. С. 93 – 104; Там же. Вып. 148. Горький, 1974. С. 88 – 106.

[7] См.: Архив Мордовского педагогического института им. М.Е.Евсевьева. Ф. 1, оп. 3, д. 756. Л. 24.

[8] См., напр.: Вдовина Л. «Что имеем – не храним…» // Сов. Мордовия. 1991. 7 июня. Примечательно, что, еще в студенческие годы В.А.Гобов являлся заместителем заведующего отделом пропаганды обкома ВЛКСМ; будучи аспирантом, вступил в ряды КПСС (в июле

Еще одним аспирантом Бахтина был Юрий Федосеевич Басихин (1930 – 1988). В 1952 г. он окончил Мордовский пединститут, затем работал учителем. С 1956 г. по приглашению Бахтина стал читать отдельные лекционные курсы по зарубежной литературе в пединституте, а впоследствии в университете. В 1961 г. был принят на штатную преподавательскую работу по кафедре русской и всеобщей литературы, заменив вышедшего на пенсию Бахтина[1].

Научное становление Ю.Ф.Басихина началось до поступления в аспирантуру. Первая его публикация появилась в 1955 г. Спустя год он сдал кандидатский экзамен по иностранному языку; еще через год по диалектическому и историческому материализму, а в марте 1964 г. по специальности[2]. Темой диссертации Ю.Ф.Басихина, несмотря на его «зарубежные» склонности, стала русская литература – «Литературно-эстетические взгляды И.С.Тургенева». Научным руководителем молодого ученого первоначально являлся известный литературовед С.М.Петров[3], начинавший свою преподавательскую деятельность в Мордовском пединституте (1940 – 1943 гг.), а позже работавший в ИМЛИ и крупнейших московских вузах[4]. В 1964 г. работа дважды обсуждалась на заседаниях кафедры. По словам Ю.Ф.Басихина, он был «в Орле, в Спасском (Спасском-Лутовинове, имении писателя. – *Н.В.*), изучал архив…», написал первую главу. Однако члены кафедры критически оценили замысел диссертанта, посоветовав «сузить тему» и пересмотреть план исследования[5]. Возможно, это явилось одной из причин смены научного руководства[6].

В конце 1964 г. Ю.Ф.Басихин подал заявление о приеме в аспирантуру и спустя несколько месяцев был зачислен на заочную форму обучения по специальности «Русская литература». Руководителем аспиранта стал Бахтин[7]. Он изменил тему диссертации своего подопечного, оставив лишь

1965 г.); в 1970-х гг. был секретарем партбюро факультета русского языка и литературы Мордовского пединститута.

[1] О обстоятельствах, вызвавших уход Бахтина на пенсию, см.: Естифеева В.Б. Указ. соч. С. 79 – 80.

[2] См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 23, д. 44, л. 20. Отметим также, что Ю.Ф.Басихин был членом КПСС с 1952 г.

[3] Там же. Л. 14.

[4] См.: История Мордовии в лицах: Биогр. сб. Кн. 2. Саранск, 1997. С. 393. Перу ученого принадлежит, в частности, монография «И.С.Тургенев: Творческий путь» (М., 1961).

[5] ЦГАРМ, ф. Р-2542, оп. 2, д. 122, л. 19, 30.

[6] В дальнейшем Ю.Ф.Басихин продолжал контакты с С.М.Петровым. Так, в ноябре 1968 г. на заседании кафедры он заявил: «Работа хорошая, и оппонент С.М.Петров сказал, чтобы… привозил работу и отзыв ему» (ЦГАРМ, ф. Р 2542, оп. 2, д. 315, л. 35). Судя, однако, по автореферату диссертации, официальными оппонентами Ю.Ф.Басихина были П.Г.Пустовойт и Л.Е.Татаринова, ведущей организацией – МГПИ им. В.И.Ленина.

[7] В этом пункте аспирантского дела Ю.Ф.Басихина есть некоторая неясность, поскольку спустя два года последовало дополнение к приказу ректора, согласно которому Бахтин вторично назначался научным руководителем диссертанта (возможно, этого потребовали ка-

общее ее направление: «И.С.Тургенев-поэт»[1]. В объяснительной записке говорилось: «…Одной из главных задач работы является выяснение того, почему Тургенев решил перейти от поэзии к прозе; увидеть в поэте – будущего "прозаика", а в прозе – "бывшего" поэта, эти проблемы по-настоящему не изучены. Будет прослежена и связь темы с эстетикой Тургенева и развитием зарубежного романтизма» (14.III.1965)[2].

В личном деле аспиранта имеются его аттестации научным руководителем: «В течение первого года аспирант Ю.Ф.Басихин выполнил все намеченные по плану задания <и> может быть переведен на второй <год> обучения» (12.I.1966); «План второго года выполнен; написана I глава диссертации. Произведен анализ художественных текстов поэм И.С.Тургенева и опубликована статья "К вопросу о построении художественного образа в поэме И.С.Тургенева "Параша". Аспирант может быть переведен на 3-й год обучения»; «Диссертация в основном завершена. Написаны все главы. Требуется окончательная обработка, сверка цитат и т. п. На тему диссертации сделан доклад на научной конференции (тезисы публикуются). Аспирант может быть переведен на 4-й год обучения» (12.III.1968); «Диссертация завершена. Опубликована статья в журнале "Мокша", методическое пособие по теме диссертации[3]. Диссертация сдана на кафедру литературы Московского университета» (28.XII.1968)[4]. Приказ об окончании аспирантуры Ю.Ф.Басихиным последовал 10 марта 1969 г. Защита диссертации состоялась 20 февраля 1970 г. В окончательном виде тема диссертации звучала так: «Ранние поэмы И.С.Тургенева: От стихотворных поэм – к романам». К этому времени Бахтин уже переехал в Москву, что произошло в октябре 1969 г. Ю.Ф.Басихин в течение ряда лет продолжал работать на той же кафедре, читая курс зарубежной литературы новейшего времени. В 1973 г. в Мордовском книжном издательстве вышла его книга «Поэмы И.С.Тургенева (Путь к роману)».

О некоторых любопытных обстоятельствах, способствовавших «продвижению» диссертации Ю.Ф.Басихина поведал в своих мемуарах В.Н.Турбин, не раз бывавший в Саранске: «Приходится резать по-живому,

---

кие-то формальные обстоятельства). См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 23, д. 44, л. 11, 12.

[1] Там же. Л. 13.

[2] Там же. Л. 13 об.

[3] См., в частности: Басихин Ю.Ф. К вопросу о построении художественного образа в поэме И.С.Тургенева «Параша» // Русская и зарубежная литература… С. 135 – 150; Он же. Ранние поэмы И.С.Тургенева как подготовка к будущему романному творчеству // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции… С. 158 – 159; <Статья о поэме И.С.Тургенева «Помещик»> // Мокша. Саранск. 1968. № 5 (на мокша-мордов. яз.); Он же. Ранние поэмы И.С.Тургенева как подготовка будущего романного творчества (на материале поэмы «Андрей»). Саранск, 1968. 60 с.

[4] Там же. Л. 15 – 18.

но необходимо напомнить, что у Бахтиных детей не было. <…> Бог, как говорится, не дал», «– Помогите нашему сыну, – обратилась ко мне однажды Елена Александровна (жена Бахтина. – *Н.В.*); а речь шла о том, чтобы закончить и довести до защиты диссертацию одного аспиранта Мордовского университета, откровенно сказать, дописать ее. Добрую часть манускрипта написал, несомненно, Бахтин: характерный стиль, целые строчки вразрядку. За другую часть принялся самолично я, диссертация получилась добротной, хотя первый рецензент ее, Петр Пустовойт[1], рвал и метал по поводу ее неортодоксальности (а уж мы-то старались, старались!)»[2].

Четвертым аспирантом Бахтина являлась Эльвира Васильевна Конюхова, окончившая Мордовский университет в 1960 г., позже работавшая в школах Саранска, а с 1965 г. в библиотеке университета. В сентябре 1966 г. она сдала вступительные экзамены по специальности «Литература стран Запада и Америки», ответив на вопросы о немецкой литературе (Лессинг, Гейне, Т.Манн); в протоколе рукой Бахтина выведено «отлично»[3]. Э.В.Конюхова была зачислена в заочную аспирантуру. Вскоре, однако, от нее поступило заявление о переводе на очную форму обучения, поддержанное научным руководителем[4]. Ходатайство удовлетворили, установив новый срок учебы – с 16 янв. 1967 г. по 1 сент. 1969 г. Темой диссертации Э.В.Конюховой стали «Идиллии Жан Поля Рихтера»[5].

В обосновании работы говорилось: «На рубеже 18 и 19 вв. Жан Поль Рихтер явился основоположником того направления в немецкой литературе, которое своеобразно сочетало в себе просветительские идеи с принципами сентиментализма. В свое время Ж.Поль был явлением значительным и не без основания пользовался титлом (так! – *Н.В.*) знаменитого писателя. Рихтер – оригинальный писатель, крупный философ. У нас Рихтер известен мало. Ему в сущности посвящена одна книга М.Л.Тронской "Немецкий сентиментально-юмористический роман эпохи Просвещения" (гл. 3). Эта книга издана в 1968 г. Идиллии в этой работе посвящается небольшая статья общего характера»[6].

В личном деле аспирантки имеется индивидуальный план работы и аттестация научным руководителем (последняя носит формальный характер, поэтому мы ее не приводим)[7]. Наиболее интересный документ – официальное письмо, направленное Бахтиным 27 августа 1969 г. в Мини-

---

[1] П.Г.Пустовойт, профессор кафедры русской литературы Московского университета, один из ведущих специалистов-тургеневоведов.

[2] Турбин В.Н. Эмиграция в МАССР / Публ. О.В.Турбиной // ДКХ. 1997. № 4. С. 101.

[3] См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 23, д. 66, л. 15.

[4] Там же. Л. 17.

[5] Там же. Л. 56, 63.

[6] Там же. Л. 63 об.

[7] Там же. Л. 63.

стерство высшего и среднего специального образования РСФСР: «Как научный руководитель диссертации Э.В.Конюховой я должен категорически возразить против сокращения срока ее пребывания в очной аспирантуре на три с половиной месяца. Ни научная важность темы (Жан-Поль в русском литературоведении почти вовсе не изучался), ни объем и необычайная сложность материала совсем не учитывались при установлении для нее сокращенного срока обучения в очной аспирантуре. Между тем аспирантка Конюхова Э.В. доказала свою способность к настоящей научной работе: за два года обучения в очной аспирантуре она, преодолевая огромные трудности, собрала большой материал, продумала концепцию, сделала наброски, сдала все кандидатские минимумы на отлично и показала, что она может написать ценную научную работу о Жан-Поле при условии продления ей срока аспирантуры до нормальных трех лет. Считаю, что это условие должно быть выполнено. Научный руководитель М.М.Бахтин»[1]. Просьба ученого, подкрепленная ходатайством кафедры, была частично удовлетворена: приказом ректора университета срок учебы Э.В.Конюховой в аспирантуре продлили до 31 октября 1969 г.[2]

Материалы заседаний кафедры помогают восстановить ход работы над диссертацией. В отчете Э.В.Конюховой в марте 1968 г. говорилось: «В течение этого года сдала все кандидатские экзамены. Взяла тему кандидатской диссертации… В настоящее время занимаюсь переводом текстов Рихтера; но эта работа продвигается медленно. Подобран материал для первой главы. М.М.Бахтин сказал, что можно приступить к написанию первой главы»[3]. Спустя год Э.В.Конюхова отчитывалась: «Критическая литература большая, в основном написана на немецком языке. Поэтому работаю очень медленно. Стиль же Ж.-П.Рихтера очень трудный. В основном работаю в библиотеке Салтыкова-Щедрина. У Ж.П.Рихтера 60 томов, из них 2 тома по эстетике, которые очень трудно переводятся. Одна книга только на русском языке. Труды немецких исследователей большие (по 600 – 700 страниц), порой очень непонятны. Плана пока нет. Нужно написать статью, но после статьи Тронской, не знаю что получится»[4]. Члены кафедры посоветовали ей читать произведения писателя выборочно, кроме того было решено просить отдел аспирантуры о продлении срока обучения Э.В.Конюховой до четырех лет, поскольку «тема ее очень сложная и требует хорошего знания немецкого языка»[5]. В заключении заведующего кафедрой профессора И.Д.Воронина отмечалось, что «темы по зарубежной литературе реализуются недостаточно энергично.

[1] Там же. Л. 55.
[2] Там же.
[3] ЦГАРМ, ф. Р-2542, оп. 2, д. 315, л. 17.
[4] Там же. Л. 49.
[5] Там же. Л. 49 об.

Аспиранты не нащупали основных методов работы над диссертациями. Т<оварищ> Конюхова Э.В. может написать кандидатскую диссертацию. Она должна принести на кафедру свои наброски, чтобы мы их посмотрели. Будем просить, чтобы нашим аспирантам продлили срок аспирантуры»[1]. Вскоре, однако, осуществление Бахтиным научного руководства было прервано вследствие его переезда в Москву. Э.В.Конюхова вскоре уехала в Ленинград, посвятив себя педагогической работе в школе[2].

Последним аспирантом Бахтина была Тамара Михайловна Нефедова, окончившая Мордовский пединститут в 1954 г., позже работавшая в Ичалковском педучилище, сельской школе, а с 1963 г. в Мордовском институте усовершенствования учителей. В 1965 г. Т.М.Нефедова была принята на работу в Мордовский университет ассистентом кафедры русского языка. В рецензии на реферат, представленный ею в отдел аспирантуры в начале 1968 г., Бахтин писал: «Реферат Т.М.Нефедовой посвящен некоторым специальным вопросам художественной стилистики на материале германской группы языков (Нефедова специализируется по английской литературе). В основу реферата положен критический анализ недавно опубликованной работы Т.Сильман по синтаксической стилистике[3]. Автор реферата обнаруживает умение анализировать сложные и трудные теоретические работы, склонность к самостоятельному мышлению и наблюдательность к стилистическим особенностям иноязычных художественных текстов. Реферат Т.М.Нефедовой заслуживает высокой оценки»; «Проведенное с Т.М.Нефедовой собеседование показало, что Нефедова обладает склонностью и способностью к научной работе в области избранной специальности (английская литература), достаточной начитанностью по литературе и хорошей лингвистической подготовкой. Выражаю свое согласие быть научным руководителем Т.М.Нефедовой» (29.I.1968)[4].

Т.М.Нефедова была зачислена в заочную аспирантуру с 1 апреля 1968 г. 6 мая того же года она подала заявление с просьбой перевести ее на очную форму обучения, поддержанное Бахтиным: «Считаю необходимым перевод Нефедовой Т.М. на очное отделение аспирантуры»[5]. Просьба была удовлетворена, а новый срок учебы установлен с 1 сентября 1968 г. по 1 апреля 1971 г. Темой исследования Т.М.Нефедовой стала «Новеллистика Эдгара Аллана По (экспериментально-психологические

---

[1] Там же. Речь шла и об аспирантке Т.М.Нефедовой (см. ниже).

[2] По свидетельству В.Б.Естифеевой, Э.В.Конюхова поддерживала связь с Бахтиным вплоть до его кончины. Отметим, что Э.В.Кюнюхова, как и два других аспиранта ученого, являлась членом КПСС – с 1963 г.

[3] Речь идет о ленинградском профессоре Т.И.Сильман, авторе работы «Проблемы синтаксической стилистики» (1967 г.).

[4] Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 23, д. 145, л. 9.

[5] Там же. Л. 15.

новеллы)»[1]. Объяснительная записка к ней написана, вероятно, самой аспиранткой, хотя и завизирована Бахтиным: «Наблюдение вызревания отдельных типов новелл и дальнейшего их развития в американской и английской литературе имеет большой научный интерес. Исключительно важным для анализа с этой точки зрения представляется нам творчество Эдгара Аллана По и, в первую очередь, его экспериментально-психологических новелл: Царь Чума, Бочонок Амотильядо, Черт на колокольне, Без дыхания, Система доктора Смоля и профессора Перро и др. Главная задача диссертации – показать продуктивность тех новых форм, которые были созданы Эдгаром По, проследить дальнейшее развитие этих форм в американской, немецкой и русской новеллах 19-го и 20-го веков[2]. В отчете Т.М.Нефедовой на заседании кафедры русской и зарубежной литературы в мае 1969 г. говорилось: «Много написано критической литературы: американской, немецкой и французской, которая посвящена жизни Эдгара По. О нем написано более 130 книг. Больше всего американских исследователей, из них более 100 книг – на английском языке. Работаю по плану: 1. Эдгар По в России. 2. Особенности сюжета новелл Э.По. 3. Языковое своеобразие. 4. Э.По и современность. 5. Библиография»[3].

В аттестации за первый год обучения отмечается: «План работы аспирантки Нефедовой Т.М. за 1968 – 1969 уч. год выполнен. Собраны все предусмотренные планом материалы и продумана первая глава диссертации "Эдгар По в России"»[4]. План второго года обучения предполагал, в частности, сбор материалов ко II главе – «Особенности сюжета новелл Эдгара По»; научным руководителем завизировано, что аспирантка «аттестуется положительно»[5]. Есть и аттестация за третий год обучения с подписью Бахтина, хотя сам он жил в это время в Москве: «Диссертация в стадии завершения. Остается стилистическая доработка и привлечение небольшого дополнительного материала. Разработана самостоятельная концепция новеллистического творчества Э.По. Диссертация написана на достаточно высоком теоретическом уровне»[6].

В деле аспиранта имеется, кроме того, ходатайство Мордовского университета на имя декана историко-филологического факультета Московского университета: «Мордовский государственный университет про-

---

[1] Там же. Л. 36.

[2] Там же. Л. 36.

[3] ЦГАРМ, ф. Р-2542, оп. 2, д. 315, л. 48 об.

[4] Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 23, д. 145, л. 38. Здесь же указаны книги, проработанные аспиранткой, среди них – исследования по теории литературы, выпущенные ИМЛИ, труды А.Н.Веселовского, «Эстетика романтизма» В.Е.Ванслова, сборники «Немецкая романтическая новелла», «Американская новелла», издания на английском языке.

[5] Там же. Л. 38 – 39.

[6] Там же. Л. 40. В деле имеется указание, что «диссертация закончена, отдана на проверку научному руководителю» (дата аттестации – 1972 г.).

сит выделить место в общежитии с 5 февраля на два месяца аспиранту Нефедовой Т.М., направленной нами для написания кандидатской диссертации к научному руководителю»[1]. Приложена копия телеграммы, посланной 28 октября 1970 г. в Москву Т.М.Нефедовой с просьбой «до 15 ноября пройти аттестацию», из чего можно заключить, что Т.М.Нефедова оставалась в столице довольно длительное время. 4 сентября она направила письмо декану филологического факультета Мордовского университета, а 10 декабря ректору – с просьбой ходатайствовать о прикреплении ее к кафедре зарубежной литературы Московского университета[2]. Однако осуществить это не удалось, поскольку в Московском университете практика прикомандирования аспирантов из других вузов к тому времени была отменена.

В связи с болезнью аспирантки срок ее учебы продлили до 12 мая 1971 г. В отчете Т.М.Нефедовой о проделанной работе говорится, что диссертация «в основном написана», «статьи по теме отсутствуют», «условия оплаты издания сборника аспирантских работ пока не позволяют мне печатать мои статьи»[3]. 23 июня Т.М.Нефедова подала заявление о пересмотре срока ее пребывания в аспирантуре (вероятно, по совету научного руководителя, учитывавшего опыт работы с предшествующими аспирантами), который и был продлен до 1 сентября того же года, хотя в приказе указывалось, что диссертация уже «представлена»[4]. В течение некоторого времени Т.М.Нефедова работала на кафедре русской и зарубежной литературы Мордовского университета, опубликовав, в частности, статью по теме своего исследования в сборнике, посвященном 75-летию Бахтина[5]. Впоследствии переехала на педагогическую работу в Йошкар-Олу, а затем в Киев, защитив в 1974 г. в Донецком университете диссертацию по теме «Поэтика экспериментальных психологических новелл Эдгара По». Позже работала доцентом кафедры зарубежной литературы Киевского пединститута им. М.П.Драгоманова.

Двое из аспирантов Бахтина опубликовали воспоминания о своем учителе, позволяющие лучше представить его облик как ученого и научного руководителя. А.В.Диалектова вспоминает: «Особо судьба улыбнулась аспирантам М.М.Бахтина. С каким большим человеком провели они свое ученичество! <…> И такая тактичность при работе с аспирантом! На память приходит следующий разговор. Михаил Михайлович предлагает

---

[1] Там же. Л. 21.

[2] Там же. Л. 25.

[3] Там же. Л. 30.

[4] Там же. Л. 31 – 35.

[5] Нефедова Т. Некоторые особенности сюжетных ситуаций в новеллах Эдгара По // Проблемы поэтики и истории литературы. С. 244 – 254. Примечательно, что в своей статье исследовательница ссылается и на работы научного руководителя – книги о Ф.М.Достоевском (1963) и Ф.Рабле (1965).

аспиранту для дальнейших исследований познакомиться с романом Гиппеля. Аспирант смущенно признается, что первый раз слышит об этом писателе. "Что Вы, что Вы, – ласково улыбаясь, успокаивает М.М.Бахтин, – этот писатель незаслуженно забыт: не переведен на русский язык и даже в энциклопедии его имя не упоминается"»[1]. Ю.Ф.Басихин писал: «Громадную роль сыграл Михаил Михайлович в моей судьбе. Я был счастлив, работая над диссертацией под его руководством. Для меня это была вторая – после студенческой – школа учебы у большого мастера, артиста и поэта своего дела – литературной науки»[2]. Упоминает Ю.Ф.Басихин и о таком эпизоде, с неожиданной стороны характеризующем личность Бахтина: «Однажды жарким летним днем, когда я пришел к нему на консультацию по диссертационной работе, он вдруг прочитал следующие строки:

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой.
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало.

Эти слова написал Н.Гумилев»[3]. В воспоминаниях мемуариста подробно описываются и другие поэтические пристрастия Бахтина.

О методах работы ученого с аспирантами, его готовности прийти на помощь своим ученикам рассказывает кандидат филологических наук Л.Р.Вдовина: «Сестра Гобова, Наталья Александровна, говорила мне о том, как они вдвоем однажды ходили к Бахтину. Разговор шел как бы на равных. Михаил Михайлович ни на чем не настаивал, никаких теорий не выдвигал. Он, прочитав заранее то, что принес его аспирант, советовал познакомиться с работами ученых, имеющими отношение к определенной проблеме диссертации. Поразила Наталью Александровну та отеческая забота, какую проявил Бахтин к своему подопечному. Зная, что написание диссертации требует и немалых средств, он предложил взять их у него, сколько надо. Разумеется, Владимир Александрович очень смутился и наотрез отказался…»[4].

Темы диссертаций аспирантов Бахтина прямо или опосредованно отразили научные интересы ученого. «Роман воспитания» в немецкой литературе был предметом его монографического исследования, подготовленного к печати, но не сохранившегося в полном объеме[5]. Внимание к по-

---

[1] Диалектова А.В. С глубоким признанием // Мордов. университет. 1983. 29 нояб.

[2] Басихин Ю.Ф. Литературовед, эстетик // Мордов. университет. 1970. 17 нояб.

[3] Басихин Ю.Ф. О Михаиле Михайловиче Бахтине // Родные просторы. Саранск, 1978. С. 206.

[4] Вдовина Л. «Что имеем – не храним…».

[5] См.: Кожинов В., Конкин С. М.М.Бахтин: Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 9; Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 245; Аверинцев С.С., Бочаров С.Г. Примечания // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 414 – 415 (в данном издании опубликованы и неко-

этике романа традиционно для Бахтина вообще; поэтому закономерно, что он переориентировал диссертацию Ю.Ф.Басихина именно в этом направлении. Тема, предложенная Т.М.Нефедовой, несмотря на англо-американскую специфику, исследовалась ею во взаимосвязи с творчеством немецких романтиков[1].

Примечательно, что, являясь руководителем аспирантов, Бахтин на практике исповедовал выработанный им в теории принцип диалогической «полифонии»: не навязывал своего мнения, не подчинял чужое мышление авторитарной воле и почти не редактировал диссертации учеников, а тонко, тактично направлял их мысль в нужное русло[2].

Итак, можно сделать следующие выводы. Из пяти аспирантов Бахтина четверо писали диссертации по зарубежной – в первую очередь немецкой – литературе. Научный руководитель ставил перед ними непростые задачи: требовал владения иностранными языками, знакомства с произведениями изучаемых писателей в оригинале, рассмотрения большого круга критической литературы. Бахтин проявил себя по отношению к аспирантам в высшей степени интеллигентно, рыцарски, не отступая, когда требовалось, перед необходимостью защищать их интересы на любом уровне, стремясь создать для них оптимальные условия работы. Представленные материалы расширяют круг текстов Бахтина, как собственно научных, так и значимых для осмысления его биографии, личности, творческих интересов. Почти все ученики Бахтина, получив добротную научную подготовку, работали после окончания аспирантуры на кафедре русской и зарубежной литературы Мордовского университета, трое из них защитили свои диссертации[3]. Бахтин продолжал сотрудничество с университетом и после выхода на пенсию, вплоть до отъезда из Саранска.

Автор данной статьи, к сожалению, не имел возможности учиться непосредственно у Бахтина, но с благодарностью воспринял в студенческие годы высокий филологический профессионализм и артистизм учеников покойного мыслителя – А.В.Диалектовой, Ю.Ф.Басихина, лекции которых по зарубежной литературе ему довелось слушать. Думается, многими педагогическими качествами они были обязаны своему Учителю.

торые фрагменты книги Бахтина). По словам А.В.Диалектовой, Бахтин не говорил ей о своем исследовании.

[1] См.: Нефедова Т. Указ. соч. С. 244 – 247.

[2] Частично со слов А.В.Диалектовой.

[3] Заметим, что все они были людьми, безусловно, талантливыми: в основном являлись выходцами из интеллигенции (некоторые жили ранее в Ленинграде, Казани, Нальчике), окончили школу с золотой медалью, хорошо зарекомендовали себя еще в студенческие годы, имели опыт педагогической и общественной работы.

М.М.БАХТИН И ЕГО ТЕКСТЫ*

Парадоксально, но при современном уровне развития бахтинистики, когда выходят монографии, сборники, журналы и другие исследования о жизни, творчестве, окружении М.М.Бахтина, до настоящего времени не существует простого хронологизированного перечня его работ, включающего как опубликованные, так и рукописные труды ученого, хранящиеся в архиве его наследников (душеприказчиков) или известные со слов М.М.Бахтина и из других источников.

Причин этому, на наш взгляд, несколько: а) «сумбурное», спонтанное развитие бахтиноведения и относительная молодость этого беспрецедентного в мировой науке явления; б) неясности со «спорными текстами», принадлежащими формально (а может быть, и нет) друзьям М.М.Бахтина – И.И.Канаеву, В.Н.Волошинову, П.Н.Медведеву; в) нелюбовь М.М.Бахтина к «бумажной активности» и отсутствие у него дешевого честолюбия, т. е. стремления заниматься историографией собственной научной деятельности; г) перипетии жизни ученого, приводившие к тому, что многие его рукописи, вероятно, утеряны; д) иногда просто невнимание исследователей к тому, что уже известно или лежит «на поверхности».

Биографы М.М.Бахтина до сих пор проходят мимо того обстоятельства, что в списке своих научных работ, представленном в отдел кадров Мордовского педагогического института в 1945 г., ученый пишет, что не включил «мелкие статьи и рецензии в журналах и газетах»[1]. Время от времени появляются сведения, что в архиве М.М.Бахтина есть труды, названия и общий смысл которых пока скрыты от научной общественности.

Действительно, маловероятно, чтобы М.М.Бахтин совсем не печатался под своим именем в период с 1919 (начиная с заметки «Искусство и ответственность») по 1929 г. («Проблемы творчества Достоевского»), а может быть, и ранее этого… Следовательно, нужно искать его публикации в периодике Невеля, Витебска, Москвы, Петрограда (Ленинграда), Кустаная, Саранска, Калининской области и т. д. Что же касается литературного архива ученого, то исчерпывающая информация о его составе была бы полезна для развития бахтиноведения и пресекла бы соответствующие слухи, домыслы и гадания.

Излишне говорить, насколько важно установить полный свод трудов М.М.Бахтина для прояснения представлений о его формировании как философа, литературоведа, лингвиста.

---

* Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его тексты // Бахтинские чтения. Вып. второй. Орел, 1997. С. 125 – 126.

[1] Архив Мордовского университета. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

САРАНСКИЕ «ТЕКСТЫ» М.М.БАХТИНА*

Повышенный интерес к творческому наследию Бахтина касается не только его авторских и так называемых «спорных» текстов, но и неопубликованных работ, набросков к ним, конспектов, писем, лекций, записанных учениками, устных воспоминаний и т. д.[1]

В контексте внимания к разнообразным проявлениям письменной культуры выдающегося ученого немаловажно учесть и «камерные», порой бытовые реализации его дискурса, дополняющие представление о личности, творчестве, окружении Бахтина.

В данном отношении выделяются, в частности, такие тексты, как материалы, связанные с административной, преподавательской, научной деятельностью ученого в вузах Мордовии, рукописи опубликованных им в местной печати статей, рецензии на работы коллег, дарственные надписи на книгах, маргиналии на полях чужих трудов.

В наши задачи входит рассмотрение отдельных документов такого рода, отражающих саранский период жизни Бахтина (1936 – 1937, 1945 – 1969 гг.). Некоторые из них уже фигурировали в поле зрения исследователей[2], другие пока остались без внимания.

Прежде всего в этом ряду следует отметить протоколы заседаний кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского педагогического института (с 1957 г. университета), часть которых написана рукой ученого и отражает его позицию как заведующего кафедрой, профессиональное мышление, авторский стиль, – хотя на многие из данных документов нередко наслаиваются обертоны «чужой речи», объясняемые конъюнктурными, идеологическими и иными обстоятельствами своего времени[3].

---

* Васильев Н.Л. Саранские «тексты» М.М.Бахтина // Невельский сборник: Статьи, воспоминания: По материалам Девятых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2002 г.). Вып. 8. СПб., 2003. С. 86 – 92.

[1] См., напр.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986; Он же. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2 (М., 2000); Т. 5 (М., 1996); Он же. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века: (В записи В.А.Мирской). Саранск, 1999; Из переписки М.М.Бахтина и В.В.Кожинова (1960 – 1966) // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 2000. № 3/4. С. 114 – 290; Бахтин М.М. Язык и речь / Публ. Н.А.Панькова // Там же. 2001. №. 1. С. 20 – 31; М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002.

[2] Из последних работ такого рода укажем на масштабный проект, реализуемый саранскими литературоведами, лингвистами и культурологами: Бахтин в Саранске: материалы, документы, исследования / Под ред. О.Е.Осовского. Вып. 1. Саранск, 2002.

[3] См., напр.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 – 1950-е гг.). Саранск, 2001. С. 20 – 22; Лаптун В.И. Научная и педагогическая деятельность М.М.Бахтина в Мордовском пединституте (1945 – 1952 гг.) // Невельский сборник. Вып. 6. СПб., 2001. С. 57 – 61.

В указанных документах зафиксированы и выступления Бахтина по различным вопросам филологии, искусствознания, методики преподавания литературы, дополняющие представление о нем как ученом, педагоге, вузовском «администраторе». Напр.: «По первому вопросу заслушали М.М.Бахтина, который указал, что необходимо теснее связаться кафедре со школами, т. к. наша кафедра менее связана, чем другие кафедры. Нужно в ближайшее время помочь средним школам провести юбилейные вечера, посвященные Достоевскому. Необходимо организовать семинар для учителей школ, потому что многие учителя нуждаются в этом. В данный момент нужно разобрать статью "К вопросу о типическом в литературе и искусстве", напечатанную в ж. "Коммунисте" № 18, 1955 г. Статья трудная, нет четкости в изложении. С этой статьей я познакомил студентов литфака очного отделения. Эту статью еще дополнительно нужно разобрать на заседании кафедры» (20 янв. 1956 г.); «По первому вопросу заслушали М.М.Бахтина, который познакомил с планом работы на второе полугодие. В основу настоящего плана положены исторические решения XX съезда КПСС. Большое внимание будет уделено методической работе кафедры и укреплению связей со средней школой, а также большое внимание будет уделено более глубокому изучению художественной специфики литературы и эстетическому воспитанию студентов. В ближайшее время необходимо провести открытое заседание кафедры, посвященное проблеме типического. Статья "О типическом в искусстве и литературе", помещенная в "Коммунисте", трудно понимаема для студентов, а поэтому необходимо преподнести ее в более понятной форме. Можно сделать выступления докладов в следующем порядке <…>» (1 марта 1956 г.); «[Обсуждение докладов: Проблема типического и ее значение. Докладчик кандидат наук Бахтин М.М. Проблема типического в эстетике революционных демократов. Докладчик кандидат наук Забавина В.М.; Марксистско-ленинское понимание типического. Докладчик кандидат наук Воронин И.Д. Типическое в литературе социалистического реализма. Докладчик кандидат наук Черникова А.М.] <…> Заключительные выступления: М.М.Бахтина, который подчеркнул, что художник изображает природу по-своему, но изображает ту же березу, то же солнце. Отвечая на выступление М.А.Петракеева, могу еще раз повторить, что, говоря о типическом, я полностью упирался (sic!) на учение В.И.Ленина "о теории познания". Кузнецов С.М. указал, что не все образы типичны. Нет, всякий образ претендует на типичность и по своей природе типичен. С возражением Н.И.Черапкина о том, что вопрос о типичности поставлен первый раз – я согласен, нужно еще раз разобрать вопрос, т. к. этот вопрос трудный. Не согласен с тем, что в моем докладе нужно было привести больше примеров. Тема моего доклада "Проблема типического и ее значение", а поэтому примерами перенасыщать – это затруднять понятия для слушателей.

Что такое партийность? Партийность впервые открыл и обосновал В.И.Ленин. Принцип партийности следует применять только как принцип коммунистической партийности, не распространяя его некритически на литературу прошлого» (11 апр. 1956 г.)[1].

Показательны и оценки Бахтиным научно-педагогической деятельности коллег, отраженные в протоколах заседаний кафедры. Напр.: «Посещенные лекции отличаются суховатостью. Ошибок в чтении нет, но формулировки оторваны от текста, что приводит к суховатости и даже к скучноватости. Например, лекции Н.И.Черапкина правильны, но образы по-настоящему не раскрыты. Мало в лекциях цитат; например, в лекции В.М.Забавиной даны только названия произведений Фета, Тютчева и др. В теме "Поэты-лирики". Воспитательное значение литературы иногда в лекциях забывается. В лекциях мало уделяется внимания вопросам языка. Например, в лекции Черапкина была дана всего одна цитата о языке и та сформулирована неправильно» (6 февр. 1953 г.); «1. Обсуждение открытой лекции Л.Г.Васильева на тему: "Творчество С.Есенина". <…> Бахтин М.М. Согласен с высокой оценкой лекции. Решение кафедры вести курс по истории поэзии полезно для студентов. Небольшие замечания: 1. В лекции не было увязки с предшествующей лекцией, нужно было сказать, как относился Брюсов и др. поэты. 2. Нужно больше обратить внимание на тему природы у Есенина. В общем, лекция превосходная" (24 авг. 1956 г.); «3. Обсуждение книги Л.Г.Васильева о Новикове-Прибое. <…> Бахтин М.М. Работа ценная, нужно рекомендовать. Л.Г.Васильев <привлек?> новый нигде не опубликованный материал. Он же его привлек из архивов. Л.Г.Васильев подверг большой разработке материал о "капитане 1-го ранга" и об Отечественной войне. Есть некоторые небольшие недостатки. Морская тема в русской литературе начинается не с Новикова-Прибоя, а раньше. После нужно указать, что Новиков-Прибой внес нового в эту тему. Говоря о художественных особенностях, нужно подтверждать <их> фактами. Больше употребить работ о Новикове-Прибое в Мордовии» (22 мая 1957 г.)[2].

Большой интерес представляют личные дела аспирантов Бахтина, в которых имеются аттестации им своих учеников, обоснования выбранных ими научных тем, различного рода ходатайства и иные документы[3]. Напр.: «На рубеже 18 и 19 вв. Жан Поль Рихтер явился основоположни-

---

[1] Государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-546, оп. 1, д. 343. Л. 42, 46 – 47, 50 – 52.

[2] Там же. Л. 88, 90 – 90 об. О некоторых коллегах Бахтина по работе в Мордовском педагогическом институте – Л.Г.Васильеве, И.Д.Воронине, В.М.Забавиной, М.А.Петракееве, М.И.Черапкине см., напр.: История Мордовии в лицах: Биогр. сб. Вып. 1 – 4. Саранск, 1994 – 2001. Вып. 1. С. 53, 221 – 222; Вып 2. С. 86 – 87, 171, 391.

[3] См.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его аспиранты // ДКХ. 1998. № 4. С. 53 – 68.

ком того направления в немецкой литературе, которое своеобразно сочетало в себе просветительские идеи с принципами сентиментализма. В свое время Ж.Поль был явлением значительным и не без основания пользовался титлом знаменитого писателя. Рихтер – оригинальный писатель, крупный философ. У нас Рихтер известен мало. Ему в сущности посвящена одна книга М.Л.Тронской "Немецкий сентиментально-юмористический роман эпохи Просвещения" (гл. 3). Эта книга издана в 1968 г. Идиллии в этой работе посвящается небольшая статья общего характера»; «Как научный руководитель диссертации Э.В.Конюховой я должен категорически возразить против сокращения срока ее пребывания в очной аспирантуре на три с половиной месяца. Ни научная важность темы (Жан-Поль в русском литературоведении почти вовсе не изучался), ни объем и необычайная сложность материала совсем не учитывались при установлении для нее сокращенного срока обучения в очной аспирантуре. Между тем аспирантка Конюхова Э.В. доказала свою способность к настоящей научной работе: за два года обучения в очной аспирантуре она, преодолевая огромные трудности, собрала большой материал, продумала концепцию, сделала наброски, сдала все кандидатские минимумы на отлично и показала, что она может написать ценную научную работу о Жан-Поле при условии продления ей срока аспирантуры до нормальных трех лет. Считаю, что это условие должно быть выполнено. Научный руководитель М.М.Бахтин»[1].

В архиве Л.Г.Васильева сохранилась рукопись совместной с Бахтиным рецензии на пьесу мордовского драматурга, историка, общественного деятеля Г.Я.Меркушкина[2]. Это единственная работа Бахтина, опубликованная им в соавторстве, не считая коллективной реплики по поводу негативной оценки в саранской печати лекции его коллеги по кафедре В.Б.Естифеевой[3]. Черновики рецензии проливают свет на возможные обстоятельства создания ряда книг и статей, вышедших под фамилиями друзей Бахтина. Из них видно, что ученый, во-первых, стремился брать на себя инициативу в проблемно-методологической части исследования; во-

[1] Архив Мордовского университета. Ф. 2, оп. 23, д. 66. Л. 55, 63 об.

[2] Бахтин М., Васильев Л. «На рассвете» // Сов. Мордовия. 1959. 17 мая. Об обстоятельствах написания рецензии см.: Васильев Л.Г. Таким я его помню… // ДКХ. 1994. № 4. С. 114 – 115. Отметим, что указанная статья Бахтина парадоксальным образом проигнорирована в пятом томе собрании его сочинений, отражающем «работы 1940-х – начала 1960-х годов». О личности Г.Я.Меркушкина см., в частности: Бахтин в Саранске… С. 69 – 70.

[3] См. об этом: Васильев Н.Л. [Рец.] Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993 // ДКХ. 1994. № 3. С. 151 (прим. 10); Васильев Л.Г. Указ. соч. С. 112; Естифеева В.Б. Воспоминания о М.М.Бахтине (второе десятилетие в Саранске) // ДКХ. 2000. № 2. С. 129 – 130. Речь идет о следующей заметке: Бахтин М., Гущин Е., Киселев А. Об одном несерьезном выступлении // Сов. Мордовия. 1958. 12 февр. (в библиографиях трудов и собраниях сочинений ученого данный текст, к сожалению, не фигурирует).

вторых, толерантно относился к «чужому слову», если оно не противоречило его внутреннему «цензору»; в третьих, не пренебрегал в необходимых случаях работой над чужой рукописью[1].

Известен также текст письма Бахтина в защиту монографии Г.Я.Меркушкина, по отношению к которой в 1969 г. была развернута кампания дискредитации:

«Отзыв

на книгу Г.Я.Меркушкина "Развитие науки в Мордовии" (Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967)

Согласен с выводами о книге Г.Я.Меркушкина, изложенными в статье "Полезное исследование" (см. газету "Советская Мордовия" за 4 июля 1967 г.).

Статья написана доктором филологических наук, профессором М.Н.Коляденковым, доктором биологических наук, профессором Е.В.Сапожниковой, доктором химических наук, Заслуженным деятелем науки РСФСР, профессором И.И.Заславским с глубоким знанием дела и в ней справедливо высоко оценивается книга Г.Я.Меркушкина.

Как специалист-литературовед обращаю внимание на удачный раздел книги – "Литературоведение" (стр. 207 – 222). Раздел "Литературоведение" написан на уровне требований современной науки с привлечением большого фактического материала. Раздел радует своей новизной и оригинальностью и, разумеется, в разделе ни о каком плагиате и речи быть не может.

Литературовед [подпись] (М.М.Бахтин) 21 / VIII – 69»[2].

Заметим, что в исследовании Г.Я.Меркушкина обстоятельно говорится о книгах Бахтина, посвященных творчеству Достоевского и Рабле, а их автор характеризуется как «крупный ученый, замечательный педагог, вырастивший целую плеяду литераторов».

Не менее интересны биографическими деталями автографы Бахтина на его книгах, подаренных им коллегам, дарственные надписи, сделанные по просьбе учеников, знакомых. Тем более, что нам не известны сопутствующие «тексты» ученого на книгах, вышедших под именами В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, в то время как есть сведения об инскриптах его возможных соавторов[3]. Приведем несколько примеров такого рода, отмеченных в Саранске (речь идет об исследованиях Бахтина о творчестве Достоевского и Рабле, вышедших в 1963, 1965, 1972 гг.): «Дорогому Борису Ефимовичу Кирюшкину с любовью и уважением от автора. 24/XII

---

[1] См.: Васильев Н.Л. Об одном опыте соавторства М.М.Бахтина // История, образование и культура народов Среднего Поволжья: Материалы Всерос. научно-практ. конф. Саранск, 1997. С. 228 – 229.

[2] Выражаем благодарность снохе Г.Я.Меркушкина – Л.Г.Меркушкиной за возможность ознакомиться с текстом отзыва Бахтина и его автографом на книге, подаренной Г.Я.Меркушкину (см. ниже).

[3] См.: Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 34 – 35.

63»; «Дорогим Нине Григорьевне и Александру Михайловичу Кукановым с любовью и благодарностью. 20/X 64»; «Дорогому Григорию Яковлевичу Меркушкину с глубоким уважением. 24/I 66 г.»; «Дорогим Нине Григорьевне и Александру Михайловичу Кукановым с любовью на добрую память. 3/II 66»; «Дорогому Семену Семеновичу Конкину с любовью на добрую память. 3/II 66 г.»; «Дорогому долголетнему ученику моему Юрию Федосеевичу Басихину от автора. 5/X 69 г.»; «Дорогой Нине Григорьевне Кукановой с неизменной любовью и уважением. 12/XII 72»[1].

Жанр дарственной надписи примечателен и в плане разработки ученым теории речевых высказываний, традиции такого рода автографов. Мы видим, что Бахтин начинает свои дарственные адресации с уважительного обращения, свойственного старой интеллигенции; затем, как правило, следует конструкция с предложным примыканием в творительном падеже (варьируется лишь ее лексическое наполнение). В целом инскрипты Бахтина свидетельствуют о его склонности к академизму, определенной систематичности вербального мышления и бытового поведения. Интересную аналогию этого можно проследить в корпусе «спорных текстов» бахтинского круга, где повторяются устойчивые заключительные конструкции.

Наконец, можно вспомнить и о «заметках» Бахтина на страницах чужих книг, в частности монографии О.М.Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра», которой пользовался ученый в 1936 г. в Саранске (книга находится в фонде Научной библиотеки им. М.М.Бахтина Мордовского университета)[2]. И, хотя в последнем случае мы сталкиваемся не с буквенным, а «линейным письмом», диалог исследователя с современницей достаточно красноречив.

Таким образом, печатное и рукописное наследие Бахтина, отражающее саранский период его жизни и творчества, весьма обширно и типологически разнородно. В ряде случаев выявляемые «тексты» дополняют представление о биографии и окружении ученого существенными деталями.

---

[1] О Г.Я.Меркушкине, Б.Е.Кирюшкине, А.М.Куканове, Н.Г.Кукановой, С.С.Конкине, Ю.Ф.Басихине см. соответствующие статьи в изд.: История Мордовии в лицах… Вып. 1. С. 124 – 125; Вып. 2. С. 218 – 219, 239 – 240, 268; Вып. 4. С. 30.

[2] См.: Осовский О.Е. «Из советских работ большую ценность имеет книга О.Фрейденберг»: бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // Бахтинский сборник: Вып. IV. Саранск, 2000. С. 128 – 134; Он же. Об одном источнике исследования о Рабле: бахтинские пометы на страницах экземпляра книги О.Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» // Невельский сборник. Вып. 6. СПб., 2001. С. 44 – 49.

СОАВТОРСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ М.М.БАХТИНА В ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКАЯ МОРДОВИЯ» (1950-е гг.)*

Нам уже приходилось говорить о дружеских и творческих связях М.М.Бахтина с Л.Г.Васильевым (1924 – 2002), его младшим товарищем по работе на кафедре русской и всеобщей литературы Мордовского педагогического института (позже – университета)[1].

В данном случае мы ставим перед собой задачу расширить читательское представление об отдельных деталях административной и научно-педагогической деятельности выдающегося ученого, проходившей в тесном контакте с коллегами по кафедре.

Л.Г.Васильев в своих мемуарах[2] коротко рассказал об обстоятельствах написания совместной с Бахтиным рецензии на пьесу Г.Я.Меркушкина «На рассвете», поставленную в Саранске[3]. Г.Я.Меркушкин (1917 – 1979) являлся видным партийным и государственным деятелем Мордовии, на тот момент секретарем Мордовского обкома КПСС, а спустя год – ректором университета, много сделавшим для его развития и оставившим о себе хорошую память среди студентов и преподавателей. Помимо административной деятельности Г.Я.Меркушкин занимался, как историк по образованию, научной работой (в 1973 г. защитил в Ленинграде докторскую диссертацию) и одновременно литературным творчеством, что тесно сближало его с саранской интеллигенцией[4].

---

* Васильев Н.Л. Соавторские публикации М.М.Бахтина на страницах газеты «Советская Мордовия» (1950-е гг.) // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 159 – 173.

[1] См., напр.: Васильев Н.Л. [Рец.] Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества (Саранск, 1993) // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1994. № 3. С. 147; Он же. Об одном опыте соавторства М.М.Бахтина // История, образование и культура народов Среднего Поволжья: Материалы Всерос. научно-практ. конф. (Саранск, 13 – 15 марта 1997 г.). Саранск, 1997. С. 228 – 229; Он же. Саранские «тексты» М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 8. СПб., 2003. С. 88; Он же. Бахтин и его соавторы: История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике // Лит. Россия. 2003. 18 июля (№ 29). С. 13 – 14; Он же. Популяризаторы и наследники творчества С.А.Есенина в Мордовии // «Край мой! Любимая Русь и Мордва!..»: Мордовская Есениниана: Статьи, рецензии, стихи, переводы. Саранск, 2004. С. 137 – 139 (здесь же читатель увидит еще одну фотографию – 1953 г., где Бахтин и Л.Г.Васильев находятся в близком соседстве друг с другом).

[2] См., напр.: Васильев Л.Г. Таким я его помню… // ДКХ. 1994. № 4. С. 114 – 115.

[3] Бахтин М., Васильев Л. «На рассвете» // Сов. Мордовия. 1959. 17 мая. Обоих ученых можно увидеть вместе – в ряду с другими преподавателями и студентами историко-филологического факультета – на многих коллективных фотографиях 1950-х гг. См., напр.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч.; Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996 (фото 1955 г.).

[4] Подробнее о личности Г.Я.Меркушкина и его взаимоотношениях с М.М.Бахтиным см.: Васильев Н.Л. Меркушкин Григорий Яковлевич // М.М.Бахтин в Саранске: Материалы. Документы. Исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 69 – 70.

Из воспоминаний Л.Г.Васильева мы узнаем следующее: «В 1959 году в Саранске в театре драмы шел на русском языке спектакль по пьесе начинающего мордовского драматурга Григория Меркушкина "На рассвете" – о гражданской войне. Григорий Яковлевич обратился ко мне, а через меня и к Михаилу Михайловичу, с просьбой написать рецензию на эту постановку. Когда я сказал об этом Михаилу Михайловичу, он охотно согласился, тоже побывал на спектакле[1]. Пьеса и спектакль удались, рецензию написали положительную. Заголовок дали по названию произведения. Я отнес материал в редакцию газеты "Советская Мордовия". Вскоре попросили зайти, ознакомиться с гранками, набором. Текст не изменили, а вот заголовок предложили другой – нечто вроде "За власть Советов". Я не придал этому большого значения, но все-таки решил предупредить своего соавтора. Михаил Михайлович остался недоволен, заметил, что это несолидный и неоригинальный заголовок и что, если в редакции не оставят прежний, он просит снять его фамилию. Статье было возвращено прежнее название…».

Текст рецензии, в отличие от других трудов ученого, в том числе рукописных заметок и конспектов, почему-то не вошел в «Собрание сочинений» Бахтина, выпускаемое ИМЛИ РАН, хотя специалистам указанная работа саранских литературоведов, кстати говоря всего лишь восьмая (!) по счету публикация Бахтина начиная с 1919 г., хорошо известна[2]. Ничего не сообщается об этой статье и в примечаниях к соответствующему тому «академического» издания[3]. Между тем перед нами не только полноцен-

---

[1] Для обоих рецензентов посещение музыкально-драматического театра в Саранске было в те годы обычным явлением. Л.Г.Васильев нередко выступал в местной периодической печати с отзывами о литературных и сценических произведениях. См.: Библиография работ Л.Г.Васильева / Сост.: Н.Л.Васильев, А.Е.Мирошкина // Литературный процесс: История и современность / Труды НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Т. 8 (125). Саранск, 2008. С. 154 – 158. Бахтин же на протяжении многих лет вел семинар по общей и театральной эстетике для саранских артистов, участвовал в обсуждении постановок.

[2] См., напр.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989. С. 4; Естифеева В.Б. Воспоминания о Бахтине: (Первое десятилетие в Саранске) // ДКХ. 2000. № 1. С. 145.

[3] См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5: Работы 1940-х – нач. 1960-х гг. В указанном томе опубликована рецензия Бахтина на пьесу В.Гюго «Мария Тюдор», поставленную в Саранске (Сов. Мордовия. 1954. 12 дек.). Но, помимо второй рецензии ученого, напечатанной спустя 5 лет в том же периодическом издании, отсутствует – также по непонятным причинам – неоднократно воспроизводившаяся и цитировавшаяся очень содержательная заметка Бахтина о культуре работы с книгой, адресованная студентам и начинающим исследователям (Бахтин М.М. Некоторые замечания // Мордов. университет. 1958. 18 нояб.). Не отражен в 7-томном собрании сочинений Бахтина и собственноручно написанный им в 1952 г. многостраничный конспект по истории китайской литературы, предназначенный для В.Б.Естифеевой, которой было поручено руководство соответствующим студенческим научным кружком в период укрепления советско-китайских отношений. См.: Бахтин М.М. Особенности китайской литературы и ее история // М.М.Бахтин: Эстетическое наследие и современность: В 2 ч. Саранск, 1992. Ч. I. С. 5 – 12.

ная литературно-критическая и отчасти искусствоведческая работа ученого, но и единственная его бесспорная соавторская публикация.

В архиве Л.Г.Васильева сохранились черновики данной статьи. Работа над ней, по словам Леонида Георгиевича, протекала следующим образом. Им, по договоренности с Бахтиным, предварительно был составлен рукописный вариант рецензии объемом около 10 страниц машинописного формата. В ходе его обсуждения рукой обоих авторов были внесены некоторые добавления, вычеркнуты отдельные части текста. Так, можно видеть, что Бахтина не устроила чрезмерная идеологическая пафосность, предложенная его коллегой: «Пьеса Г.Меркушкина посвящена вечно живой, неисчерпаемой теме гражданской войны, изображению героической борьбы масс за родную советскую власть», «Главные герои драмы – советские люди, мужественные защитники завоеваний Октября». Рукопись отражает следы внимательной и достаточно кропотливой совместной работы рецензентов. Указанный черновик остался на некоторое время у Бахтина. В результате появился второй черновик, написанный последним (12 страниц рукописи на листках школьной тетради). Вместо первоначального заглавия «На рассвете» Бахтин предложил другое: «Новая пьеса Г.Меркушкина на сцене Мордовского театра». Отталкиваясь от первой фразы соавтора, он существенно переработал вводную часть статьи, внеся в нее элементы теоретико-литературоведческого (размышление о жанровой природе пьесы, ее месте в контексте советской драматургии) и историко-культурного (описание событий Гражданской войны) анализа. При этом он сохранил необходимые идеологические акценты рецензии, сделав их, однако, более сдержанными: «Пьеса написана в жанре советской народно-героической драмы»; «Для этого жанра характерна прежде всего историко-героическая тема – победа революции, завоеванная народом в суровых боях гражданской войны. "Сквозное действие пьесы – торжество революции." Эти слова В.И.Немировича-Данченко, сказанные им о пьесе "Любовь Яровая", применимы, конечно, ко всем драмам этого жанра»; «Этими особенностями темы определяются и все другие черты жанра: противопоставление двух лагерей – революции и контрреволюции, органическое сочетание революционно-романтической героики и острой сатиры (при обрисовке лагеря контрреволюции), раскрытие ведущей роли партии, преодолевающей стихийность и анархизм, изображение разных путей интеллигенции к революции <…>»; «В атмосфере мощного подъема, вызванного призывом В.И.Ленина, начинается успешное контрнаступление наших войск <…>»[1]. Помимо этого Бахтин дал портрет центрального пер-

[1] О том, что Бахтин вполне владел метаязыком советской идеологии и отчасти вынужденно приспосабливался к «текущему моменту» см., напр.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 – 1950-е годы). Саранск, 2001. С. 20 – 22.

сонажа – командарма Громова. Анализ же Л.Г.Васильевым других образов произведения был оставлен ученым почти без изменений. Его соавтор в свою очередь внес отдельные поправки в текст Бахтина, в частности откорректировав название статьи как «Новая пьеса Г.Меркушкина и ее сценическое воплощение», смягчив категоричность фразы Бахтина «Драматургия Мордовии небогата и не отличается большим жанровым разнообразием» вставкой «<к сожалению, пока что также> небогата…», добавив уточнение «Коммунистическая» к слову «партия». (При этом в рукописи видны следы согласования некоторых правок между соавторами.) В итоге оба черновика стали «комплектующими» частями окончательного варианта рецензии, представленной Л.Г.Васильевым в редакцию газеты и вскоре опубликованной там уже с редакционными исправлениями, вроде замены заголовка статьи, где фигурировало имя второго секретаря обкома, на более подходящий (см. Приложения: I). Примечательно, что Л.Г.Васильев, а вслед за ним и редакторы газеты сохранили типичное для Бахтина графическое выделение важных понятий, в данном случае – характеристик Громова: «Это **цельный** характер…», «…его **умное доверие** к людям» (в бахтинской рукописи соответствующие слова подчеркнуты).

Менее известно еще об одной газетной заметке, подготовленной Л.Г.Васильевым и Бахтиным, но подписанной для большего веса именами последнего как заведующего кафедрой и двух факультетских начальников – секретаря партбюро и декана[1]. (Указанная публикация предшествовала соавторской рецензии и в какой-то мере, видимо, подвигнула авторов к дальнейшему сотрудничеству.) Речь в ней шла о защите профессионализма коллеги-женщины, работавшей вместе с Бахтиным и Васильевым на одной кафедре.

По этому поводу Л.Г.Васильев вспоминал: «Он [Бахтин] во всем шел навстречу, готов был всегда помочь, а если понадобится, то и защитить. Помнится такой случай: на лекцию к одному из наших преподавателей пришли, никого не предупреждая, две шустрых девушки, корреспондентки молодежной газеты, а затем в печати предъявили несправедливые, ничем не обоснованные обвинения. Михаил Михайлович был этим крайне расстроен и возмущен. В ответе на порочащую публикацию, которую готовил в основном он сам, была показана полная несостоятельность и даже безграмотность заключений незадачливых "критиков". Материал этот опубликовала за подписью группы преподавателей, в том числе и Бахтина, газета "Советская Мордовия"»[2].

---

[1] Бахтин М., Гущин Е., Киселев А. Об одном несерьезном выступлении // Сов. Мордовия. 1958. 12 февр.

[2] Васильев Л.Г. Фальши не терпел… // Изв. Мордовии. 1994. 2 нояб.; Он же. Таким я его помню… С. 112. По словам мемуариста, тактично умолчавшего в опубликованных воспоминаниях о собственном участии в подготовке опровержения, предварительный текст за-

А вот что рассказывает об этом эпизоде административной деятельности Бахтина непосредственный участник тех событий – В.Б.Естифеева[1]: «К критике в свой адрес, временами активизировавшейся, М.М.Бахтин относился спокойно. Он отвечал на нее только тогда, когда нельзя было не отвечать. Но в отношении членов кафедры и студентов он не терпел никакой несправедливости <…>. Коснусь в этой связи своей истории. Л.Г.Васильев упомянул о ней мимоходом в своих воспоминаниях "Фальши не терпел". Зимняя сессия студентов-заочников, январь 1958 года. В перерыве между лекциями ко мне подошли две молодые особы и, не представившись, с ходу заявили: "Ваши студенты не читают положенных по программе текстов. Они пользуются пересказами и чужими конспектами. При этом все получают хорошие и отличные оценки". Такая бесцеремонность вызвала ответную реакцию. Я сказала довольно резко: "Занимайтесь своими делами. Судить о студенческих знаниях позвольте мне". Они ушли. Через несколько дней в единственной тогда республиканской молодежной газете "Молодой ленинец" появилась статья "О человеке-"невидимке" и видимых недостатках". В ней говорилось о несерьезном отношении студентов к подготовке экзаменов по зарубежной литературе и в негативных тонах характеризовалась моя лекция (как выяснилось позже, они посетили один час двухчасовой обзорной лекции)»; «Михаил Михайлович пожелал узнать, что произошло. Он посоветовал мне успокоиться, сказав, что во всем разберется сам. Позже от Елены Александровны (жены Бахтина. – *Н.В.*), близко к сердцу принимавшей неприятности, происходившие на кафедре, я узнала, что Михаил Михайлович был у секретаря Мордовского обкома партии Г.Я.Меркушкина (позже ректора университета) и беседовал с редактором республиканской газеты П.В.Шавензовым. Получив согласие на опровержение, он, в соавторстве с членом кафедры Л.Г.Васильевым[2], составил письмо в редакцию»; «Письмо было опубликовано с небольшими коррективами редактора – так, слово "глумление" всюду было заменено "зубоскальством". Оно вышло под заглавием "Об одном несерьезном выступлении". Под письмом стояли три подписи: М.М.Бахтина, Е.П.Гущина, секретаря партбюро историко-филологичес-

---

метки был написан непосредственно им, после чего передан для редактирования Бахтину; сама же инициатива необходимости публичной «защитительной речи» исходила именно от последнего. Мы обнаружили указанную заметку в архиве Л.Г.Васильева, помещенную им в строгом хронологическом соответствии в ряду с другими его газетными публикациями.

[1] О В.Б.Естифеевой см.: История Мордовии в лицах: Биогр. сб. Саранск, 2001. Кн. 4. С. 92 – 93.

[2] По устному свидетельству В.Б.Естифеевой (28.10.03), Бахтин нередко обращался с просьбами такого рода к Л.Г.Васильеву, с которым его связывали дружеские отношения. Вероятно, речь может идти и о сотрудничестве коллег-ученых в плане подготовки отдельных кафедральных, организационно-методических и иных документов. Непосредственно от Л.Г.Васильева нам об этом слышать не приходилось.

кого факультета, А.Л.Киселева, декана историко-филологического факультета. В письме подробно рассматривалась заметка в молодежной газете, указывалось на нетактичность поведения корреспондентов»[1].

О том, за что именно критиковали журналисты «Молодого ленинца» (органа республиканского обкома ВЛКСМ) вузовского преподавателя, в какой эстетической и этической манере была написана их статья, как ответила на нее администрация факультета в печатном органе республиканского обкома КПСС и кто был прав в той непростой ситуации, предоставляем судить самим читателям (см. Приложения: II, III)[2].

Таким образом, мы видим, что М.М.Бахтин охотно откликался не только на собственно научные вопросы своего времени, но и конкретные «тактические» обстоятельства жизни, отразившиеся в его разноплановом печатном наследии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I
«На рассвете»

Репертуар Мордовского государственного театра драмы все еще беден пьесами местных авторов. Драматургия Мордовии, к сожалению, пока что также небогата и не отличается большим жанровым разнообразием. Вот почему каждое новое произведение мордовской драматургии, тем более написанное в новом для нее жанре, вызывает живой интерес общественности.

Новая пьеса Г.Меркушкина «На рассвете» и постановка ее на сцене Мордовского театра драмы, безусловно, заслуживает самого пристального внимания и тщательного анализа.

Пьеса написана в жанре советской народно-героической драмы. Этот жанр, ровесник самой советской драматургии, имеет определенную, хорошо выработанную и отстоявшуюся традицию.

Для него характерна прежде всего историко-героическая тема – победа революции, завоеванная народом в суровых боях гражданской войны. Судьбы людей – действующих лиц драмы – неотделимы от судьбы революции, вросли в нее. Этими особенностями темы определяются и все другие черты жанра: противопоставление двух лагерей – революции и контрреволюции, органическое сочетание и революционно-романтической героики и острой сатиры (при обрисовке лагеря контрреволюции), раскрытие ведущей роли Коммунистической партии, преодолевающей стихийность и анархизм, изображение разных путей интеллигенции к ре-

[1] Естифеева В.Б. Воспоминания о М.М.Бахтине: (Второе десятилетие в Саранске). ДКХ. 2000. № 2. С. 129 – 130.

[2] По поводу «двух шустрых девушек» заметим, что они, как нам удалось выяснить, являлись в тот момент дипломированными журналистами, окончившими престижные филологические вузы страны и направленными по распределению в столицу Мордовии; позже обе уехали из Саранска и работали в центральных периодических изданиях.

волюции, передача неповторимого исторического колорита, эпохи, образы революционных моряков и т. д.

Все эти черты жанровой традиции мы находим и в пьесе Г.Меркушкина. Снижает ли это оригинальность пьесы? Конечно, нет. Ведь при всей общности каждая из пьес этого жанра отличается яркой индивидуальностью и не похожа на другие. И у пьесы Г.Меркушкина – свое индивидуальное лицо, своя оригинальная трактовка знакомых элементов жанровой традиции.

Прежде всего хочется отметить строго выдержанный исторический и местный колорит драмы. Г.Меркушкин, историк по научной специальности, тщательно выверил историческую обстановку как в целом, так и отдельные ее подробности.

Действие драмы происходит в двадцатых числах апреля 1919 года на одном из участков южной группы восточного фронта. У главных действующих лиц драмы есть, вероятно, свои реальные прототипы. Исторически обоснована и связь действия с мордовским народом. Одна из армий южной группы восточного фронта формировалась в Саранске и Рузаевке, и в ее составе было немало представителей мордовской национальности, а в районе действия этой группы находились мордовские села. Показательна и такая подробность. Образ революционного моряка – характерный элемент жанровой традиции. Но в других пьесах это матрос-балтиец, у Г.Меркушкина же Орлов – черноморец, потому что мобилизованных для флотской службы в районах Мордовии направляли чаще всего именно в черноморский флот. Такие отдельные исторические подробности важны, конечно, не сами по себе, но все они в своей совокупности создают тот своеобразный и верный исторический и местный колорит, которым отличается драма «На рассвете».

Очень удачно выбран автором и самый момент действия драмы – момент кризиса и резкого перелома в военной обстановке на данном участке фронта. Успешное наступление белых создало крайне угрожающее положение. Революция в опасности! С этого начинается драма. В атмосфере мощного подъема, вызванного призывом В.И.Ленина, начинается успешное контрнаступление наших войск, в результате которого резко меняется вся обстановка.

Этот быстрый и резкий перелом от временных поражений к победе, от ночи ко дню придает напряженный драматизм всему действию и особую значительность, весомость каждому поступку и слову ее действующих лиц. В этом, по нашему мнению, большая драматургическая удача автора.

Пьеса Г.Меркушкина трудна для сценического воплощения. Автор не упрощает сложной исторической обстановки 19-го года, не обедняет человеческого разнообразия участников героических событий. Потому в пьесе 28 действующих лиц (из них, в соответствии с жанровой традицией, около половины безыменных), много сложных и трудных для постановки массовых сцен. Творческий коллектив театра и режиссер-постановщик В.В.Пятков проделали большую, плодотворную работу и сумели создать интересный, волнующий спектакль.

В центре действия драмы стоит командующий одной из армий восточного фронта Громов. Это – тип культурного, образованного командира Красной Армии. Позади у него большой стаж подпольной революционной работы, годы эмиграции, он встречался с В.И.Лениным в Петербурге, Женеве, Лондоне. Свою судьбу он не отделяет от судьбы революции, для которой трудился всю жизнь. Он полон непоколебимой уверенности в правоте своего дела и в неизбежности победы революции и потому всегда спокоен, тверд и выдержан. Это **цельный** характер; но в тоже

время в нем нет ничего жесткого, «твердокаменного». Он глубоко человечен, чуток и даже нежен. Теплую лирическую струю вносит в его образ тема поисков потерянного сына. Важная черта Громова – его последовательная борьба за людей (за Виталия, за Веру), его **умное доверие** к людям. Громов осуществляет призыв партии бороться за человеческие кадры, за привлечение на сторону Советской власти лучших представителей интеллигенции.

Этот центральный образ пьесы создан заслуженным артистом МАССР А.Новопавловским. Он ведет роль в строгих, сдержанных тонах, без внешних эффектов, без командирских замашек и поз. Роль Громова – одна из наиболее удачных ролей артиста А.Новопавловского.

Интересен и образ революционного матроса, боевого разведчика Орлова. В нем есть что-то от знаменитого треневского Шванди. Всех их роднит железная стойкость и бесстрашие, сочетающиеся с незатухающим оптимизмом, веселым юмором. Образ Орлова – вполне самостоятельный, наделенный автором многими своими, неповторимыми чертами.

Народный артист МАССР С.Колганов тонко, с достаточным чувством меры доносит до зрителя обаятельный облик своего героя. С.Колганов в роли Орлова ведет себя непринужденно, просто, играет с увлечением, с душой. Может быть, особенно удается ему сцена, когда разведчик, выполняя приказание командования, отправляется на взрыв моста. Операция предстояла очень опасная, и мало было надежды, что удастся вернуться обратно. Орлов невольно вспоминает родную Рузаевку, своих товарищей-деповцев, жену, сына. Доведется ли встретиться с ними? И как хочется жить! Но интересы революции, воинский долг для Орлова – дороже всего. И он пошел, пошел без колебания, без страха. Но у него есть одна просьба. Он передает Фирсову свою бескозырку: «Если со мной что случится, доставьте сыну… Пусть помнит малый отца…».

Значительное место отведено в драме учительнице Станковой. Образ этот правдив и глубоко типичен: в нем воплощены прекрасные черты русской женщины, в которой любовь к детям сочетается с верностью гражданскому долгу. Станкова ни в чем не идет на сделку со своей совестью. Она готова проклясть родного сына, если его руки будут запятнаны кровью защитников Советской власти.

Символически звучат слова, с которыми в финале пьесы Станкова обращается к воинам славной Красной Армии: «Дети мои! – вдохновенно говорит она. – Гоните прочь всю нечисть с нашей Родины. На славные дела благословляю вас, дети мои!».

Заслуженная артистка МАССР Е.Террочиано, исполняющая роль Станковой, смогла создать обаятельный, запоминающийся образ. Особенно хорошо передает она душевность этой простой русской женщины, всю свою сознательную жизнь посвятившей благородному делу просвещения мордвы.

Симпатии зрителей вызывает и дочь Станковой Галя. Привлекает она своей собранностью, бесстрашием. Мы видим ее смелой разведчицей, которая в штабе белых собирает и передает ценные военные сведения, а потом – комиссаром полка, взбудораженного анархистски настроенными элементами.

Артистка А.Олейник в роли Гали с большим темпераментом, ярко и убедительно проводит все сцены в белогвардейском штабе. Но в последующих сценах (особенно в мятежном полку) образ Гали как-то тускнеет, становится несколько вялым и не вполне убедительным. Возможно, что некоторую долю вины в этом не-

сет и автор пьесы. Нам кажется, что следовало бы внести в поведение Гали в последних сценах больше страстности и динамичности.

Некоторые сомнения вызывает также роль брата Гали – Виталия (артист В.Федоров). Согласно авторскому замыслу, Виталий – личность сложная. Он – горячий патриот, но представления его о Родине, патриотическом долге не сразу находят правильное выражение. В первое время юноша оказывается в лагере белых. Ему кажется, что именно здесь он служит своей России. Но постепенно Виталий, который по своему происхождению и воспитанию был близок к народу, убеждается в ошибочности своих представлений и переходит на сторону Советской власти.

Хорошо задуманный и типический образ, как нам кажется, не получил достаточно убедительного сценического воплощения. В первой сцене Виталий проявляет безволие и растерянность. Зритель не чувствует, что в его душе уже созревает самостоятельное решение покинуть антинародный лагерь Колчака.

Важное место в драме занимает тема дружбы русского и мордовского народов. С большим уважением и признательностью относится мордовское население к своим русским братьям, борющимся за достижение общей благородной цели – утверждение Советской власти. Мордовские крестьяне оказывают поддержку попавшему в расположение белых разведчику Орлову, смело встают на защиту учительницы Станковой.

С особой любовью выписан образ старой мордовской женщины Анны. Он очень правдив и рельефен. Анна многое испытала на своем веку, много натерпелась от господ-эксплуататоров. Ненависть к угнетателям и жажда свободы привели ее в лагерь активных борцов за Советскую власть. Анна соединяет в себе многие лучшие черты мордовского национального характера – высокое чувство собственного достоинства, уважение к справедливости, непреклонное стремление к поставленной цели, бесстрашие, душевную мягкость.

Обаяние Анны, все богатство ее натуры успешно воспроизводит заслуженная артистка МАССР А.Аржадеева. Ее Анна по-настоящему волнует зрителя.

Одно из главных действующих лиц драмы – мордвин Толов, заместитель начальника разведывательного отдела армии. Нарисован он также с большой симпатией. Это уравновешенный и бесстрашный человек, решительно идущий на любую рискованную операцию. Артист А.Булычев сумел творчески подойти к этой роли, создал сильный и оригинальный образ.

Заслуженная артистка МАССР Е.Миронова доходчиво передала сложную душевную эволюцию Веры. Знаменитая пианистка, когда-то окруженная толпой поклонников из высшего офицерства, она только в лагере красных впервые увидела настоящих людей и настоящую жизнь и навсегда связала свою судьбу с судьбой революции.

Сатирически изображены в драме враги. Перед зрителем проходят колоритные фигуры генерала Санжина (засл. арт. МАССР М.Богданов) с его заученным набором фальшивых фраз, похотливого и трусливого шкурника полковника Милославского (арт. Б.Авербух), колчаковского разведчика Языкова (арт. Н.Иванов), троцкиста Брона (арт. Г.И.Ситкин).

Один из недостатков постановки – не вполне удовлетворяющее музыкальное оформление. Следовало бы использовать музыку Д.Шостаковича и подобрать вариации на мотивы известных военно-революционных песен эпохи гражданской

войны, а для соответствующих сцен дать что-нибудь из мордовской музыки. Это усилило бы исторический и местный колорит спектакля.

В целом, по нашему мнению, пьеса Г.Меркушкина безусловно является шагом вперед в развитии мордовской драматургии, а ее сценическое воплощение – отрадным событием в театральной жизни нашей республики.

М.БАХТИН, кандидат филологических наук,
Л.ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук

II

О «Человеке-невидимке» и видимых недостатках

Вы, вероятно, согласитесь, что новаторство в подготовке к экзаменам, особенно к экзаменам по литературе – вещь довольно-таки интересная. Но при университете нет БРИЗа. Поэтому рационализаторским предложением студентов III курса историко-филологического факультета пришлось заняться нам.

Обстановка в аудитории, где собрались студенты группы «а», пугала своей многозначительной таинственностью. На доске столбиками, как на уроке арифметики, написано: «фин, Тит, – Ген», «Дж, Смайлс», «Мэрри». У доски с мелом в руках стоит студент М.Ковнин. Ему выпал жребий – рассказать товарищам содержание романа Г.Фаста «Последняя граница».

– Действующими лицами романа являются: Тупой нож, Маленький волк и…

– Стой, стой! Кто они? Люди или звери?

Ковнин терпеливо поясняет, что все они – люди. Только одни – индейцы, а другие – американцы.

В конце концов студенты записали все злоключения племени шайенов и, не разогнув уставших спин, потребовали:

– Следующий!

На доске появляется новое имя: Анри Барбюс.

– Давай основные сцены. Содержание мы в лекциях прочтем…

Следующим был Драйзер. Студентка, «специализировавшаяся» по Драйзеру, начала пересказ романа «Титан». Опять замелькали имена, события, сцены. Некоторые похождения Фрэнка Каупервуда пришлось повторить, ибо через десять минут слушатели наконец запутались в его любовных интригах.

В перерыве, пошатываясь от головокружения, мы вышли в коридор.

– Что здесь происходит? Кроссворд. Литературная викторина? – обращаемся к круглолицей девушке с темными косами.

– Что вы! – изумляется она. – Какая уж тут викторина: полмесяца до экзаменов по зарубежной осталось. А список – вот он… И имена все такие – язык сломаешь.

– Скажи спасибо комсомольскому собранию. Хорошо, что постановили пересказывать друг другу содержание произведения, – вмешивается в разговор студент в лыжном костюме. – А то бы ты запела вместе с этим… как его Гек-кль-бери Финном и Фрэнком Каупер-вудом. И что бы ты знала о «Человеке-невидимке», если бы не я?

– Брось хвастаться, Кудашкин, у Уэльса всего один главный герой – и тот невидимый. Вон Начаркин «Деньги» Золя сумел до всех довести… и то ничего.

– Не «Деньги», а «Добычу».

– Какая «Добыча»? Я же прекрасно помню, что там Ругон – Маккар фигурирует.

– Не Ругон – Маккар… Это же Саккар символизирует разложение буржуазного мира.

Рука девушки со списком беспомощно опускается, взгляд становится растерянным.

– Но ведь не каждое произведение можно кратко пересказать, – робко замечаем мы, – «Пера Гюнта», например…

– А что это такое?

– Это пьеса Ибсена.

– Такого в списке обязательной литературы нет.

– У нас только «Кукольный дом», а там все ясно.

– А какие же выводы делаете вы из пересказанного?

– Выводы? Зачем? Нам содержание надо знать, а выводы есть в лекциях Валентины Борисовны.

Возбужденное любопытство гонит нас на «лекции с выводами».

Но мы, кажется, ошибаемся аудиторией: лекция была похожа скорее на нечто вроде диктанта.

Приличие обязывает вздохнуть, сделать умный вид и попытаться слушать. Однако своеобразие лекции-диктанта заставило быть более внимательными. В тексте лекции повторялось, по крайней мере, два предложения: «Произведение писателя Анны Зегерс "Мертвые остаются молодыми" изображает Германию фашистского режима», «Образ Мартина» символизирует собой наличие подполья в фашистской Германии».

Затем эти фразы повторялись при соответственном изменении названия произведения, имени писателя и главного героя.

В течение академического часа В.Б.Естифеева «проанализировала» творчество Зегерс, Бределя, Бехера.

«Лекция» заканчивалась выводом-головоломкой: «Вот краткие сведения о современных немецких писателях, произведения которых заслуживают внимания потому, что они «истории своих героев раскрывали на истории исторических событий». Это был диктант-задача, диктант-игра, диктант-цирковой фокус, который преподносился студентам, как лекция по зарубежной литературе!

Мы просмотрели записи этих лекций у некоторых студентов и убедились, что в такое же прокрустово ложе были уложены и другие писатели.

Через час нам уже казалось, что нет в мире сейчас страстной борьбы вокруг реалистического метода, что не может быть никакого эстетического удовольствия от чтения взволнованного «Слова перед казнью», от остроумия бравого Швейка, рифмованной прозы Ромэна Роллана, печальной истории Кренкбиля: есть только биографии, символы, сюжеты, разоблачения…

Теперь мы уже не удивлялись, что имена Мопассана, Олдриджа, Лаффита, Франса звучали для студентов третьего курса историко-филологического факультета одинаково: все они были иностранцы и все в меру своих способностей разоблачали буржуазный мир.

Ради справедливости нужно сказать, что ученики пошли дальше своего учителя. Если В.Б.Естифеева сумела найти удобную схему для всех произведений, которые она читала (да простит она нас за это дерзкое предположение), то ее подопечные смогли вывести формулы и разработать схемы лишь на основе товарищеского пересказа сюжетов произведений.

А.Крепкова, Г.Суханова

III

Об одном несерьезном выступлении: письмо в редакцию

26 января этого года газета «Молодой ленинец» поместила корреспонденцию А.Крепковой и Г.Сухановой «О "Человеке-невидимке" и видимых недостатках». В ней делается попытка вскрыть некоторые слабые стороны в учебно-воспитательной работе на историко-филологическом факультете Мордовского государственного университета. Такое стремление, безусловно, следует приветствовать. Однако в данном случае выступление получилось, на наш взгляд, крайне несерьезным.

В первую очередь, корреспонденция написана в недоброжелательном тоне, не свойственном нашей печати.

Авторы допустили недобросовестность и нарушение журналистской этики при использовании фактов в своей корреспонденции.

Студенты представлены в ней людьми недалекими, малокультурными. Они якобы не читают текстов художественных произведений зарубежной литературы и пользуются только пересказами. Конечно, студенты бывают разные, но зачем же частное выдавать за общее!

На комсомольском собрании третьего курса мордовского отделения, действительно, ставился вопрос о том, чтобы в период подготовки к экзаменам рассказывать друг другу о произведениях зарубежной литературы конца XIX века. Но речь шла о докладах по творчеству того или иного писателя, а не о простом пересказе произведения.

Авторы корреспонденции не попытались разобраться в существе вопроса, а ограничились только осмеянием студентов, допустив при этом недостойное зубоскальство, например, над затруднениями студентов в произношении и запоминании трудных для них иностранных имен. Подобное зубоскальство не может оказать никакой помощи студентам, а может их только оскорбить.

В совершенно недопустимом тоне говорят авторы о преподавателе университета В.Б.Естифеевой, человеке, пользующемся уважением студентов и преподавателей факультета. Здесь нет ни грана серьезной, ответственной критики. Все основывается на передергивании, искажениях. Авторы корреспонденции посетили только один лекционный час (т. е. половину лекции) В.Б.Естифеевой, притом последний час всего курса, когда обычно дается обзор, итог пройденному.

Ясно, что при таком условии нельзя судить о работе преподавателя при самом добросовестном и компетентном подходе к делу. Но ни добросовестности, ни компетентности А.Крепкова и Г.Суханова не проявили. Они неверно назвали даже тему лекции, привели в кавычках, приписав В.Б.Естифеевой, свои собственные фра-

зы, обличающие их стилистическую беспомощность и нежелание разобраться в лекции.

Проверкой установлено, что авторы корреспонденции беззастенчиво исказили лекцию. Они, впрочем, и сами признаются, что были невнимательны на лекции, старались «сделать умный вид (!) и попытаться слушать».

Кстати, тот лекционный час, который они посетили, был посвящен немецкой литературе (Зегерс, Бредель, Бехер), а о Фучике, Гашеке, Роллане и Франсе ни одним словом не упоминалось. Зачем понадобилось такое передергивание?

В заключение следует отметить и нетактичность поведения А.Крепковой и Г.Сухановой. Они прокрались «невидимками» в университетскую аудиторию в верхней одежде, не представились преподавателю (этого требовала элементарная вежливость), и через час удалились, не побеседовав ни с кем. Ничего не знали об этом посещении ни деканат, ни партийная и комсомольская организация факультета.

Недостатков в лекциях преподавателей и в знаниях студентов на историко-филологическом факультете, конечно, еще много. В преодолении их полезную роль может и должна сыграть и газета «Молодой ленинец». Только говорить о недостатках надо по-деловому. Нельзя здоровую критику подменять зубоскальством.

Редакция газеты «Молодой ленинец», поместив корреспонденцию А.Крепковой и Г.Сухановой «О "Человеке-невидимке" и видимых недостатках», на наш взгляд, допустила серьезную ошибку. Мы надеемся, что впредь газета будет объективно, со знанием дела, с партийных позиций освещать учебно-воспитательную работу в университете и этим окажет нам серьезную помощь.

М.Бахтин, кандидат филологических наук
Е.Гущин, секретарь партбюро историко-филологического факультета
А.Киселев, декан историко-филологического факультета

«ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ» М.М.БАХТИНА*

В процессе своей жизни, большая часть которой протекала при советской власти, Бахтину приходилось не раз идти на компромиссы с обстоятельствами, вынуждавшими его мимикрировать под окружающую идеологическую среду, порой искусственно «соответствовать» определенному статусу – преподавателя, зав. кафедрой, диссертанта, а иногда и прибегать к невинным формам обмана[1]. Отдельные свидетельства ученого о его биографии, трудах, ближайшем окружении выглядят в контексте со-

* Васильев Н.Л. «Двойная бухгалтерия» Бахтина: По материалам саранского периода жизни ученого // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 12: По материалам Тринадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2006 г.). СПб., 2007. С. 119 – 130.

[1] См., в частности: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 – 1950-е гг.): Мат. респ. научно-практ. конф. Саранск, 2001. С. 20 – 22.

временного «бахтиноведения» неверифицируемыми, порой сомнительными, а то и ложными[1].

Целью данной статьи является давняя идея автора сравнить официальные отчеты Бахтина о собственной научной деятельности в годы работы в Мордовском государственном педагогическом институте им. А.И.Полежаева (1936 – 1937, 1945 – 1961) с его подлинной творческой реализацией в указанный период, ставшей достоянием научной общественности уже после выхода ученого на пенсию и отчасти после его смерти.

Материалом для анализа послужили, с одной стороны, протоколы заседаний кафедры всеобщей (с 1951 г. русской и зарубежной) литературы, которой руководил Бахтин, факультетских мероприятий и университетских советов, с другой, ныне известные труды ученого в саранский период жизни. Сразу же оговоримся, что мы воспринимаем некоторые расхождения в «исходных данных» как естественную для творческого человека асимметрию официального и интимного, формального и существенного, внешнего и внутреннего…

О научной деятельности Бахтина на кафедре литературы в период его первого, весьма краткосрочного, пребывания в Саранске документально известно, что он завершал работу над диссертацией, называвшейся первоначально «Стилистика романа», в связи с чем выезжал в Москву для сбора необходимого материала[2].

К 1945 г. Бахтин являлся автором всего 5 публикаций (включая заметку «Искусство и ответственность» 1919 г. и кустанайскую статью 1934 г. «Опыт изучения спроса колхозников»)[3], если не принимать во внимание так называемые «спорные тексты», вышедшие из «бахтинского круга» во второй пол. 1920-х гг.[4] Между тем в списке изданных трудов, представленном в отдел кадров МГПИ им. А.И.Полежаева, он указал, что

---

[1] См.: Лаптун В.И. К «биографии М.М.Бахтина» // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1993. № 1. С. 67 – 73; Паньков Н.А. Загадки раннего периода: (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М.Бахтина») // Там же. С. 74 – 89; Лисов А.Г., Трусова Е.Г. Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М.М.Бахтина // ДКХ. 1996. № 3. С. 161 – 166; Васильев Н.Л. Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения // Бахтинские чтения: III (Материалы Междунар. науч. конф. Витебск, 23 – 25 июня 1998 г.). Витебск, 1998. С. 68 – 74.

[2] См.: Лаптун В.И. Кустанай – Саранск – Кустанай: М.М.Бахтин в 1936 – 37 гг. // М.М.Бахтин в Саранске: Документы, материалы, исследования. Вып. 2/3. Саранск, 2006. С. 13, 20.

[3] См.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989. С. 4.

[4] О современном состоянии этого вопроса см.: Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С.121 – 129.

не включил «мелкие статьи и рецензии в журналах и газетах»[1], до сих пор исследователям не известные...

Сразу же после вторичного переезда в Саранск Бахтин начинает заниматься продвижением в диссертационном совете при ИМЛИ им. А.М.Горького своей кандидатской диссертации «Франсуа Рабле в истории реализма», защищенной в ноябре 1946 г.[2], в связи с чем в мае 1946 г. им была оформлена длительная командировка в Москву «для подготовки диссертации и сбора материала для работы о Гоголе»[3]. В списке научных работ, представленном им несколько позже в диссертационный совет, среди рукописных значились: «"Роман воспитания в Германии" (190 стр., 1938), "Художественная проза Гете" (15 печ. л., 1943), "Мениппова сатира и ее значение в истории романа" (4 печ. л., 1944), "Теория романа" (30 печ. л., 1945)»[4].

Между тем из официальных документов МГПИ им А.И.Полежаева, собственноручно составленных ученым, мы узнаем, что в 1945/46 учебном году «М.М.Бахтин работает над темой: "Теория романа"; работа в основном закончена и подготовляется к печати. Кроме того, М.М.Бахтин работает над темой: "Источники гоголевского смеха". <…> В соответствии с указанными направлениями ученой работы кафедры намечены следующие ученые доклады ее членов: 1. Значение "менипповой сатиры" в истории романа (М.М.Бахтин) (ноябрь). 2. К вопросам стилистики романа (М.М.Бахтин) (декабрь) 3. Пародийная литература средних веков (parodia sacra и др. виды пародии) (М.М.Бахтин) (январь) <…> 7. Источники гоголевского смеха (М.М.Бахтин) (май). 8. Литературные направления первой трети 19 века (М.М.Бахтин) (май) <…> Кафедра намечает подготовить к печати следующие работы своих членов: <…> 2. "Источники гоголевского смеха" М.М.Бахтина. Кафедра возбуждает вопрос о включении указанных работ в издательский план Мордгиз<а>»; а также, что «зав. кафедрой М.М.Бахтин продолжал работу над книгой по теории романа»[5]. Если «книгой по теории романа» условно можно считать исследование о творчестве Ф.Рабле[6], то работа «Источники гоголевского смеха» не только не

---

[1] См.: Архив Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева. Ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 4.

[2] См.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…» (защита диссертации М.М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 29 – 119.

[3] См.: Лаптун В.И. Научная и педагогическая деятельность М.М.Бахтина в Мордовском пединституте (1945 – 1952) // М.М.Бахтин в Саранске: Документы, материалы, исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 12.

[4] См.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…». С. 38.

[5] См.: Лаптун В.И. К биографии М.М.Бахтина // ДКХ. 1994. № 3. С. 73 – 75, 79.

[6] Ср.: «…Рабле первоначально, когда я приступал к этой работе, не был для меня самоцелью. Я работаю в течение многих лет над теорией, историей романа. И вот здесь, в этой работе, я встретился с явлением, что большинство литературоведческих понятий и теорети-

была опубликована, но и вообще не известна[1]. В архиве Бахтина есть лишь косвенные указания, что он подготовил к тому времени рукопись работы «"Теория романа" (монографическое исследование, 30 печ. листов); отдельные главы были доложены в Институте мировой литературы им. Горького в 1940 – 1941 гг.», а в черновом итоговом отчете за 1945/46 учебный год значится «в основном законченная» работа «о народных источниках гоголевского смеха»[2].

22 февраля 1948 г. Бахтин делает доклад на научной конференции преподавателей МГПИ им. А.И.Полежаева по теме «Основные проблемы стилистики романа»[3]; в том же году им было запланировано написание книги «Вопросы теории и истории романа» (40 п. л.)[4].

Во второй пол. 1948 г. в связи с начавшейся в СССР кампанией по борьбе с космополитизмом («низкопоклонством перед Западом») Бахтин как заведующий кафедрой и ученый вынужден был отреагировать на этот запрос времени соответствующей научной темой – «Буржуазные концепции Ренессанса»; задачи работы им были сформулированы следующим образом: «Дать критическую историографию проблемы Ренессанса. Особое внимание будет уделено критике национальных концепций Ренессанса на Западе. Первая часть работы посвящена рождению самого термина "Ренессанс" (и его иноязычных версии) и ранним концепциям этой эпохи (до XVII века включительно)»[5].

11 октября 1949 г. кафедрой всеобщей литературы были приняты дополнительные плановые обязательства к 20-летию образования мордовской автономии, в связи с чем, как записано в протоколе, «М.М.Бахтин обязуется написать статью о прозе А.С.Пушкина для альманаха "Литературная Мордовия"»[6]. Однако 28 декабря в годовом отчете кафедры указывалось: «М.М.Бахтин работал над темой "Буржуазные концепции эпохи Возрождения"; в соответствии с планом на 1949 год он собрал материал для первых частей работы и сделал набросок двух частей: 1. Концепции Возрождения до Буркхардта и 2. Критический очерк концепции Бурк-

---

чески, и исторически совершенно не адекватно роману» (см.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…». С. 55).

[1] Можно, впрочем, полагать, что Бахтин понимал под ней фрагмент своей диссертации, позже исключенный из нее по тактическим причинам: См.: «Рабле есть Рабле…»: Материалы ВАКовского дела М.М.Бахтина / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1999. № 2. С. 75.

[2] Бочаров С.Г., Гоготишвили Л.А. Комментарии // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – нач. 1960-х гг. М., 1996. С. 382 – 383.

[3] См.: Лаптун В.И. Научная и педагогическая деятельность М.М.Бахтина в Мордовском пединституте (1945 – 1952). С. 15 – 16.

[4] Бочаров С.Г., Гоготишвили Л.А. Указ. соч. С. 383.

[5] См.: Лаптун В.И. Научная и педагогическая деятельность М.М.Бахтина в Мордовском пединституте (1945 – 1952). С. 16 – 17.

[6] Там же. С. 20.

хардта. Кроме того, М.М.Бахтин дополнял свою работу о Рабле: написано дополнительно около 5 печ. листов»[1].

Судя по личному архиву ученого, отражающему и черновые планы его научной работы, не всегда совпадающие с протокольными, в 1948 – 1950 гг. Бахтин заявлял (или был готов заявить) – отчасти как «продолжение старых работ» – следующие исследования: «Творчество Гете и Достоевского», «Буржуазные концепции эпохи Возрождения (критическая историография вопроса)»; план последнего предусматривал несколько иную структуру разделов, чем было указано в одном из отчетов: «1. Концепция Возрождения до Буркхардта. 2. Критический очерк концепции Буркхардта»; «Источники концепции А.Н.Веселовского / Критика концепции А.Н.Веселовского»[2].

18 октября 1950 г., в разгар кампании против марризма в лингвистике, Бахтин, повинуясь конкретным обстоятельствам, выступил с докладом на объединенном заседании двух литературоведческих (всеобщей и русской) кафедр пединститута – «Применение учения И.В.Сталина о языке к вопросам литературоведения»[3]. Судя по протокольной записи этого выступления, он, помимо рассуждений в духе И.В.Сталина о диалектике классового начала в языке и речи, затронул и некоторые волновавшие его в то время научные вопросы, в частности теорию речевых жанров, которой несколько позже посвятил специальную работу: «Жанр непосредственно явление языковое. Жанры рождаются вместе с языком. Отрывать проблему жанра от проблемы языка нельзя»[4]. Из протоколов заседаний и отчетов кафедры следует, что «М.М.Бахтин работает над темой "Язык и стиль литературных произведений в свете учения И.В.Сталина о языке"», «План научной работы по кафедре выполнен. В первом полугодии 1951 года М.М.Бахтин подготовил материалы и сделал набросок первой части своей работы на тему "Язык и стиль литературных произведений в свете учения И.В.Сталина о языке"»; «Характер работы методологический. Ее задача установить точное значение понятий языка и стиля литературных произведений на основе учения И.В.Сталина о языке»[5]. В связи с выходом дом в 1950 г. сталинской книги «Марксизм и вопросы языкознания» Бах-

---

[1] Там же.

[2] См.: Бочаров С.Г., Гоготишвили Л.А. Указ. соч. С. 383. Фрагмент о А.Н.Веселовском, вероятно, появился в процессе доработки Бахтиным, по решению ВАК, диссертации. Ср.: «2. Дана принципиальная критика общих взглядов А.Н.Веселовского на творчество Рабле (на стр. 34 – 37) и сделаны отдельные критические замечания по частным вопросам (стр. 137 – 139, 206 – 207 и 215)» (см.: «Рабле есть Рабле…». С. 75).

[3] Лаптун В.И. Научная и педагогическая деятельность М.М.Бахтина в Мордовском пединституте (1945 – 1952). С. 20 – 21.

[4] Там же. С. 21.

[5] См.: К биографии М.М.Бахтина / Публ. В.Лаптуна // Бахтинский сборник: IV. Саранск, 2000. С. 136, 148, 151.

тин заменяет планируемое им на 1951 г. исследование «Буржуазные концепции эпохи Возрождения» на более «актуальную» работу «Язык и стиль литературных произведений в свете языковедческих трудов И.В.Стали-на»[1].

В постановлении ученого совета МГПИ им. А.И.Полежаева от 21 марта 1951 г. констатировалось: «Заслушав доклад т. Бахтина М.М. – зав. кафедрой зарубежной литературы и содоклад комиссии, проверявшей работу кафедры, уч. совет отмечает, что в работе кафедры имеется ряд положительных моментов. К достижениям кафедры следует отнести: <…> 3) Кафедра не только изучила труды т. Сталина по языкознанию, но и реализует их гениальные высказывания в преподавании и в научной работе по вопросам литературоведения; т. Бахтин имеет монографию на тему: "Язык и стиль литературного произведения в свете учения т. Сталина по языкознанию"»[2]. Очевидно, что университетское начальство фактически провоцировало Бахтина и его коллег на «приписки» относительно злободневных идеологических акций, вынуждавших к скоропалительным заявлениям, одобрявшимся «сверху», но, вероятно, не слишком контролировавшихся с точки зрения реального исполнения, поскольку сама политическая конъюнктура быстро менялась.

К 1952 г., по-видимому, относится замысел ученого написать статью «Диалог в литературе и его виды»[3].

Из протокола заседания кафедры от 30 марта 1953 г. мы узнаем следующее «О выполнении плана научной работы за I квартал: М.М.Бахтин. В I кв. велась работа по подготовке материала к статье "Проблемы речевых жанров". Материал весь собран, сделан черновой набросок статьи»[4]. 25 ноября 1953 г. на заседании кафедры констатировалось: «О выполнении планов научно-исследов. работы <…> М.М.Бахтин. По плану 1953 г. намечено написание статьи "Проблема речевых жанров" (2 п. л.). Статья написана, объем статьи – 5 п. л.»[5]. Это едва ли не единственный случай совпадения научной отчетности Бахтина с его реальной исследовательской деятельностью.

3 января 1954 г. на заседании кафедры Бахтин берет на себя обязательство написать статью «Слово как образ» (2 п. л.)[6]; при этом был указан план данной работы: «1. Предметно-смысловой момент и его виды.

---

[1] См.: Лаптун В. «В работе т. Бахтина по руководству кафедрой имеется существенный недостаток...» // Изв. Мордовии. 2000. 16 нояб. С. 7.

[2] Архивные материалы о преподавательской работе М.М.Бахтина в Мордовском педагогическом институте / Публ. В.И.Лаптуна. ДКХ. 1996. № 1. С. 73.

[3] См.: Бочаров С.Г., Гоготишвили Л.А. Указ. соч. С. 383.

[4] См.: Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ), ф. Р-546, оп. 1, д. 343, л. 1.

[5] Там же, л. 4

[6] Там же, л. 5

2. Экспрессивный момент слова. 3. Слово как "образ"»[1]. 16 декабря 1954 г. в отчете за истекающий год сообщено: «М.М.Бахтин по плану должен был написать научную статью на тему: "Слово как образ" (к вопросам поэтической семантики). План выполнен. Статья в размере 2-х печатных листов написана»[2]; при рассмотрении плана научной работы на следующий год «Бахтин М.М. заявил, что напишет методическую статью (2 печатных листа) на тему: "Вопросы теории литературы в средней школе"»[3].

22 октября 1955 г. при обсуждении на заседании кафедры хода выполнения соответствующего плана было отмечено: «<…> Бахтина М.М. Тема: "Вопросы теории литературы в средней школе" (методическая статья 2 – 3 печ. листа). В основном работа готова и будет сдана и отпечатана в конце ноября 1955 г.»[4].

24 декабря 1955 г. на заседании кафедры ученый взял на себя обязательство написать новую статью: «1) План научно-исследовательской работы на 1955 – 56 уч. год. М.М.Бахтин. Тема методической статьи "Анализ жанра, композиции и сюжета литературного произведения в ср. школе" (в помощь учителю)»[5]. 20 января 1956 г. на заседании кафедры Бахтин тин заявил, что «теперь еще нужно напомнить о том, что мы в сб. "Помощь учителю" не поместили ни одной статьи. Необходимо участвовать в этом сборнике»[6].

10 апреля 1956 г. в протоколе кафедры относительно Бахтина отмечалось: «Подготовка материала и набросок методической статьи "Анализ жанра, композиции и сюжета литер. произв. в средней школе" выполнены»[7].

3 октября 1956 г. Бахтин рассказал коллегам, что «было заседание зав. кафедрами, где указали, чтобы подготовить отдельные статьи к сборнику, который издается к 40-летнему юбилею Великой октябрьской социалистической революции», в связи с чем «Кафедра намечает закончить и сдать в печать к этой дате следующие работы: 1. "Очерк истории литературной критики в Мордовии" будет выполнять коллектив преподавателей под руководством М.М.Бахтина"»[8].

26 ноября 1956 г. в отчете о научной работе Бахтин указал, что им «план выполнен. Статья готова. Написано 4 печатных листа, но нужно со-

---

[1] См.: Бочаров С.Г., Гоготишвили Л.А. Указ. соч. С. 383.
[2] ЦГА РМ, ф. Р-546, оп. 1, д. 343, л. 9 об.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 28 об.
[5] Там же.
[6] Там же, л. 44 об.
[7] Там же, л. 49 об.
[8] Там же, л. 61 об., л. 62.

кратить <…> В начале декабря будет сдана»[1]. Одновременно Бахтин взял обязательство написать в следующем году статью «"Проблема эстетических категорий". Статья по эстетике (2 печ. лист<а>)»[2].

27 февраля 1957 г. на кафедре снова рассматривался вопрос о факультетском методическом издании: «III. О сборнике "В помощь учителю". По третьему вопросу заслушали рецензента М.М.Бахтина, который познакомил членов кафедры со статьей М.Я.Шалдыбиной "Н.Успенский-демократ" и со статьей А.Г.Сердцевой "Методика работы литературных кружков в старших классах нерусской школы". Обе научные статьи заслуживают положительной оценки и рекомендуются опубликовать в научном сборнике. Приняли решение – статьи опубликовать в научном сборнике»[3]. Однако сам ученый в планируемое издание ничего не предложил.

22 мая 1957 г. кафедра постановила: «По вопросу о совместной работе кафедры литературы со школами республики кафедра сделала следующее: 1. В общеинститутский план включена методическая работа на тему: "Методика организации и проведения письменных работ по литературе в старших классах ср. школы". Работу выполняют А.Г.Дорофеева, Н.П.Кудряшова и М.М.Бахтин. По данной работе собран материал по Ичалковской и Лобачковской школе, куда выезжали А.Г.Дорофеева и Н.П.Кудряшова, и по городским школам № 12 и № 15. Кроме того, получен материал из Министерства народного просвещения (выпускные сочинения медалистов и др. материалы) и от Института усовершенствования учителей. Все собранные материалы в настоящее время упорядочиваются и обобщаются. Работа будет закончена к 40-летию Октября»; «По второму вопросу М.М.Бахтин указал, что каждый член кафедры должен подготовить статью к 40-летию Октября»[4].

17 июля 1957 г. в кафедральном отчете Бахтин указал: «Статья "Проблема эстетических категорий" написана, 4 печ. листа"…»[5]. В протоколе заседания кафедры от 3 марта 1958 г. записано: «Бахтин сдает статью "Проблемы сентиментализма во французской литературе" в 2 печ. листа»[6]. На заседании кафедры от 10 октября 1958 г. обсуждалось «принятие обязательств членами кафедры к 21 съезду КПСС», и Бахтин снова заявил, что он «сдает в печать статью "Проблемы сентиментализма во французской литературе", 2 п. л.»[7]. 10 декабря того же года во время обсужде-

[1] Там же, л. 69, 69 об. О какой работе идет речь, из протокола неясно.
[2] Там же, л. 72.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 88 об., 89.
[5] Там же, л. 92.
[6] ЦГА РМ, ф. Р-2542, оп. 1, д. 24, л.3 об.
[7] Там же (системная пагинация отсутствует).

ния «выполнения плана научно-исследовательской работы за 1957 – 58», констатировалось: «…Бахтин М.М. собрал материал для работы "Проблема сентиментализма" (к истории критического реализма)»[1].

Характерно также, что при обсуждении на заседании кафедры 20 октября 1960 г. намечаемого коллективного сборника трудов (под редакцией А.М.Куканова) сообщалось об уже представленных в него статьях нескольких членов кафедры, но сам Бахтин ограничился лишь предложением включить туда статью В.В.Основина[2], в который раз проигнорировав возможность попытаться опубликовать что-то из своих работ.

Итак, в течение полутора десятилетий, проведенных в Саранске в качестве действующего вузовского преподавателя, т. е. до выхода в 1961 г. на пенсию[3], Бахтиным было заявлено в разных научных планах и отчетах по меньшей мере о 14 объемных трудах, как намечаемых, готовящихся или уже написанных, – монографиях «Теория романа / Вопросы теории и истории романа» (1945 – 1946, 1948 гг.), «Язык и стиль литературных произведений / литературного произведения в свете учения И.В.Сталина о языке / языковедческих трудов И.В.Сталина / учения т. Сталина по языкознанию» (1950 – 1952 гг.); статьях «Буржуазные концепции Ренессанса / эпохи Возрождения (критическая историография вопроса)» (1948 – 1949, 1951 гг.), «о прозе А.С.Пушкина» (1949 г.), «Творчество Гете и Достоевского» (1948 – 1950 гг.), «Источники гоголевского смеха» (1951 г.), «Проблема речевых жанров» (1953 г.); «Слово как образ (к вопросам поэтической семантики)» (1954 г.), «Вопросы теории литературы в средней школе» (1955 г.), «Анализ жанра, композиции и сюжета литературного произведения в средней школе» (1956 г.), «Проблема эстетических категорий» (1957 г.), «Проблемы / Проблема сентиментализма во французской литературе (к истории критического реализма)» (1958 г.) и коллективных работах под его прямым или косвенным руководством, среди которых «Очерк истории литературной критики в Мордовии» (1956 – 1957 гг.) «Методика организации и проведения письменных работ по литературе в старших классах средней школы» (1957). Фактически же им был реализован (и то не в полной мере) лишь один замысел, причем, как мы полагаем, формально навеянный сталинской кампанией против «нового учения о языке», идеологическая весомость которой, вероятно, и побуждала к серьезным размышлениям о лингвистике[4]…

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Необходимо, однако, отметить, что ученый сохранял связи с кафедрой и даже являлся в 1960-х гг. официальным руководителем 5 аспирантов. См.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его аспиранты // ДКХ. 1998. № 4. С. 53 – 68.

[4] По свидетельству публикаторов бахтинского наследия, работа «Проблема речевых жанров», о которой идет речь, в оригинале содержала цитаты из книги «Марксизм и вопросы

«Собрание сочинений» Бахтина, как известно, было представлено вначале томом работ саранского периода его жизни[1], наиболее документированного, по сравнению, например, с отчасти мифологизированным ленинградским временем печатной активности «бахтинского круга». Это дает возможность проследить, какие же именно труды ученого были написаны им в действительности, с учетом материалов его личного архива. Среди них – «Проблема речевых жанров» (конец 1953 – нач. 1954 г.); примыкающие к ним заметки «<Из архивных записей к работе "Проблемы речевых жанров">»; «Язык в художественной литературе» (конец 1954 г.); рецензия на спектакль по драме В.Гюго «Мария Тюдор» (дек. 1954 г.) вместе с архивными записями, касающимися творчества французского классика; «Проблема сентиментализма» (вторая пол. 1958 – нач. 1959 г.); рабочие записи под условным названием «Проблема текста» (1959 – 1960 гг.)[2]. Следует учесть, что в 7-томном собрании сочинений Бахтина, едва ли не большую часть которого составляют составительские комментарии, черновые материалы бахтинских исследований и даже предшествующие им конспекты, почему-то не нашлось места (хотя бы в примечаниях!) для некоторых саранских публикаций ученого, которые тоже нужно принять во внимание, говоря о его подлинной научно-методической деятельности в указанный период[3]. После выхода в свет 5-го тома сочинений Бахтина обнаружились и его заметки по проблеме «Язык и речь» 1957 – 1958 гг.[4] Наконец, в самое последнее время появилась публикация ранее не известной исследователям «внутренней» рецензии Бахтина на фольклорный сборник «Мордовские народные песни и сказки» (сост. А.И.Маскаев), датируемой августом 1946 г.[5]

языкознания» И.В.Сталина и «и некоторые другие ссылки того же рода» (см. ниже. – Т. 5. С. 536).

[1] Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – нач. 1960-х гг. М., 1996. 732 с.

[2] Там же. С. 536, 592, 613, 618.

[3] См., напр.: Бахтин М.М. Некоторые замечания // Мордов. университет. 1958. 18 нояб.; Бахтин М., Васильев Л. «На рассвете» // Сов. Мордовия. 1959. 17 мая. См. также: Бахтин М.М. Особенности китайской литературы и ее история [нач. 1950-х гг.] // М.М.Бахтин: Эстетическое наследие и современность: В 2 ч. Саранск, 1992. Ч. I. С. 5 – 12. Некоторые бахтинские тексты нами републикованы с подробными комментариями, см.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и Л.Г.Васильев: К истории двух малоизвестных публикаций ученого в саранский период жизни // Вторые Саранские философские чтения: Памяти М.М.Бахтина. Саранск, 2 – 3 июня 2005 г. Саранск, 2005. С. 72 – 77; Он же. Соавторские публикации М.М.Бахтина на страницах газеты «Советская Мордовия» (1950-е гг.) // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 2/3. С. 159 – 173.

[4] См.: Алпатов В.М. Неизвестный текст М.М.Бахтина; Бахтин М.М. Язык и речь / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 2001. № 1. С. 20 – 31.

[5] См.: Юрченков В.А. Неизвестная рукопись М.М.Бахтина: к вопросу об отношении философа к мордовской культуре // Вторые Саранские философские чтения: Памяти М.М.Бахтина (Саранск, 2 – 3 июня 2005 г.). Саранск, 2005. С. 35 – 38; Федосеева Е.А. М.М.Бахтин и мордовская фольклористика // Бахтин в Саранске. Вып. 2/3. С. 151 – 158.

Публикаторы наследия Бахтина справедливо констатируют: «Как показывает состав текстов, образующих настоящий том, единственная сохранившаяся реальная работа, соответствующая этим планам, отчетам и спискам, – "Проблема речевых жанров" (но и она осталась, по-видимому, незавершенной). Некоторым другим записанным в документах темам соответствуют в материалах *АБ* (архива Бахтина. – *Н.В.*) лишь предварительные черновые наброски и разработки (о народных источниках гоголевского смеха, к стилистике романа, диалог, сентиментализм; тема менипповой сатиры проходит сквозь многие материалы тома). Некоторые темы, вероятно, не сохранились (см. комм. к "Проблеме сентиментализма"). В основном же запланированные работы, по-видимому, написаны не были. В свои официальные планы автор записывал собственные темы, которыми он в различных формах занимался многие годы, однако реальной картине творческой работы М.М.Б<ахтина> двух этих десятилетий официальные документы, конечно, соответствуют очень условно. Зато документы воспроизводят идеологический фон, на котором приходилось работать автору <…>»[1].

К сказанному остается добавить, что возможностей для публикаций в Саранске в 1950-х гг. было немало, и ими активно пользовались многие коллеги Бахтина по кафедре, выпускавшие книги, статьи, коллективные монографии (главным образом по литературно-краеведческой проблематике)[2]. Сам Бахтин, отчасти в силу специфических научных интересов (оригинальная философия, античность, западная эстетика и литература, даже не всеми сторонами устраивавшее советскую идеологию творчество Ф.М.Достоевского), предпочитал не изменять своим исследовательским приоритетам в угоду каким-либо конъюнктурным обстоятельствам, авторскому тщеславию или коммерческим соображениям, ожидая признания в Большом времени, пусть даже ценой *временного* молчания…

[1] Бочаров С.Г., Гоготишвили Л.А. Указ. соч. С. 383 – 384.

[2] В связи с этим интересно, что Саранск нередко предоставлял в то время печатную трибуну для работ московских исследователей, жаловавшихся на трудности с публикациями. См.: Из переписки И.Д.Воронина с исследователями биографии и творчества Полежаева / Публ. Н.Л.Васильева и Г.Н.Голиченко // Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И.Полежаева (22 – 24 сент. 2004 г., г. Саранск). Материалы к научной биографии поэта. Саранск, 2005. С. 143 – 150.

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ М.М.БАХТИНА

ПРОБЛЕМА ВЫСКАЗЫВАНИЯ (РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ) В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М.М.БАХТИНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК[*]

Обращение к теме данной статьи убедительнее всего можно обосновать, сославшись на два мнения, высказанных приблизительно в одно и то же время и при одних обстоятельствах: «…История филологической науки вообще не представляет собой разработанной и документированной дисциплины (в результате понижается уровень современной науки, которая, порой, легкомысленно предает забвению достижения прошлого и пренебрегает уже достигнутыми результатами)»[1]; «…Работы М.М.Бахтина опередили свое время, настоящее полное звучание они приобрели только в 60-е годы XX в. Необходимо основательное изучение… и активное включение его идей в научную практику гуманитарных наук нашего времени»[2].

***

М.М.Бахтину принадлежит приоритет в разработке (уже с 20-х гг.) такого направления в филологии, как «философия языка», «металингвистика», или – более узко – «эстетика словесного творчества». Бахтин научно обосновал свою концепцию, дал блестящие образцы анализа произведений словесного искусства, осуществленного с помощью нового методологического инструментария – науки о высказывании, которую он создавал на протяжении нескольких десятилетий[3].

Методологический фундамент теории Бахтина в главном складывается из следующих положений.

---

[*] Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 85 – 104.

[1] Лотман Ю.М. О.М.Фрейденберг как исследователь культуры // Учен. зап. Тарт. ун-та, 1973. Вып. 308. С. 482.

[2] Информация о заседании Лингвистического объединения при Лабораториии вычислительной лингвистики МГУ, посвященном 75-летию со дня рождения М.М.Бахтина // Вопр. языкознания. 1971. № 2. С. 162.

[3] Мы имеем в виду и лингвистические работы В.Н.Волошинова: Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке (Л., 1929); Конструкция высказывания (Лит. учеба. 1930. № 3) и др.

1. Модные в 10 – 20-е гг. поиски истины в технике создания произведений, в их языковой форме (ОПОЯЗ) бесперспективны, несмотря на отдельные интересные достижения. Подходу к художественному (словесному) произведению со стороны его формы, материала, из которого оно сделано («материалистическая эстетика»), необходимо, по мнению Бахтина, противопоставить подход со стороны философии искусства, общей эстетики. Это позволяет преодолеть ограниченность методологии формальной школы с ее методикой атомистических, разбросанных наблюдений над языком, не объединенных в единое целое крупноплановым видением произведения как речевого жанра – под философским, общеэстетическим углом зрения[1].

2. Таким образом, теоретически обосновывается **эстетика** словесного творчества, под которую подводится философско-эстетическая база. Соответственно встает задача определения роли лингвистики в эстетике словесного творчества (поэтике – по традиционному пониманию и терминологии). Предмет лингвистики, по мысли Бахтина, есть язык в его самой строгой определенности, т. е. язык как система, вне наведенных на него в произведениях человеческой мысли (в речи вообще) идеологических, эстетических и иных внеязыковых обертонов: «Лингвистика, конечно, не остается равнодушной к особенностям языка научного, художественного, культового, но для нее это чисто лингвистические особенности самого языка, для понимания же их значения для искусства, для науки и для религии она не может обойтись без руководящих указаний эстетики, теории познания и других философских дисциплин…»[2]; «Язык в своей лингвистической определенности в эстетический объект словесного искусства не входит»[3]; «…Эстетический объект вырастает на границах слов, границах языка как такового…»[4].

Итак, лингвистика, по мысли Бахтина, лишь подспорье поэтике. Но вместе с тем новая наука о формах словесного искусства и его эстетической природе вырастает из самой лингвистики, имеет в своей родословной черты не только философско-эстетические, но, по традиции риторик, и лингвистические, так как материалом словесного творчества является язык (хотя и «преодоленный», как материал под рукой ваятеля). Рефлексия такого отношения к поэтике обнаруживается и в терминологическом аппарате Бахтина: при всей его великолепной способности к нахождению адекватных терминов, к словотворчеству вообще, он не в состоянии осво-

[1] См.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 6 – 24 и др.
[2] Там же. С. 44.
[3] Там же. С. 46.
[4] Там же. С. 49.

бодиться от лингвистической терминологии в своих анализах словесных форм (да и в теоретических рассуждениях).

3. В центре лингвистической (точнее, металингвистической) концепции Бахтина лежит разработанная им теория **высказывания**, или теория речевых жанров. Именно ей пророчит он авторитарное положение среди дисциплин, так или иначе вовлекаемых в орбиту методологии и методики эстетики словесного творчества.

4. К пониманию концептуальности высказывания Бахтина подводит, по-видимому, глубокое осознание им **диалогической** сущности человеческой речи, языка и всех их функционально-жанровых проявлений – от слова, реплики до больших словесных форм (научных, публицистических, художественных произведений). Диалогичность слова, языка – имманентное их свойство, объясняющееся важнейшей функцией языка – коммуникативной. Не случайно Бахтин так любит подчеркивать, что внутренняя амбивалентность слова (чужое – мое) отсутствовала разве только у «мифического Адама»: ему не с кем было общаться. Характерна и сама этимологическая основа термина *высказывание* – «высказаться, высказать себя».

Остановимся подробнее на бахтинской теории высказывания. Под высказыванием Бахтин понимает любую законченную – коммуникативно, структурно, интонационно – словесную реакцию, вызванную задачами общения, диалога (в широком, бахтинском понимании). Эта словесная реакция по форме (речевому жанру) может быть и только словом, и сложным композиционным целым (вплоть до масштабного произведения). Объединяющим моментом всех речевых жанров является их коммуникативная программа, структура, диалогическая реакция их авторов, экспрессивность, понимаемая Бахтиным как актуализация внеоценочного языка (языковой системы) в реальной речи, насыщенной интенциями живой жизни. До Бахтина никто, пожалуй, не сумел увидеть все внешне не соотносимые разновидности человеческой речи – устные и письменные, однословные и многотомные, научные и художественные, с иными дихотомическими оппозициями – **крупным планом**, как целое, в определенной мыслительно-абстрактной плоскости сводящиеся к единому, воспроизводимому по готовым, часто авторитетным, образцам и схемам модулю. Бахтин первый осмыслил и объединил их: «Может показаться, что разнородность речевых жанров так велика, что нет и не может быть единой плоскости их изучения… Этим, вероятно, и объясняется, что общая проблема речевых жанров по-настоящему никогда не ставилась. Изучались – и больше всего – литературные жанры»[1].

[1] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 238.

Понятие речевого жанра – это значительная, новаторская, продуктивная мысль, объединяющая все речевые явления под философско-онтологическим углом зрения на сущность языка и его функционирование в социуме.

Составляющими высказывания являются: «тематическое содержание», «стиль» (общее для группы жанров тяготение к определенному стилю, как будет видно далее) и «композиционное построение». Особенно важное место в концепции ученого придается последнему элементу. И вот почему.

Мысль Бахтина о категориальной сущности введенного им в науку понятия речевых жанров глубоко методологична, так как его теория высказывания позволяет выделить в жанре и **языковое** (устойчивое, идущее от системы языка), и **речевое** (относительно индивидуальное, принадлежащее субъекту, автору речи).

Здесь необходимо остановиться на методологии разграничения языка и речи, признаваемой в современной лингвистике в качестве одного из важнейших углов зрения на язык и его функционирование. В наиболее полном, методологически целостном виде дихотомия языка и речи сложилась в концепции Ф. де Соссюра и трудах его учеников А.Сеше и Ш.Балли, опубликовавших лекции ученого после его смерти. (Хотя черты этой дихотомии обнаруживаются одновременно в работах И.А.Бодуэна де Куртенэ, а теория разграничения языка и речи продолжает складываться и обогащаться в последующие годы[1].) Критикуя Соссюра[2], Бахтин ставит ему в вину преувеличение роли индивидуального в речи, возведение индивидуального в абсолют (речь субъективна, язык объективен – такова знаменитая формула швейцарского лингвиста). По мысли Бахтина и в свете его теории высказывания, в основе любых проявлений речи (как коммуникативной системы) лежат устойчивые, воспроизводимые представления, модели, образцы, на которые сознательно или бессознательно ориентируется говорящий. Они-то и принадлежат языку, а индивидуальность говорящего проявляется в «выборе определенного речевого жанра» и его экспрессивном интонировании[3].

На самом же деле в методе Ф. де Соссюра, основанном на дихотомиях, нет или почти нет (даже без учета крайностей, сопутствующих крупным, меняющим кардинально привычные представления открытиям, и современного, сбалансированного, критически осмысленного и дополненного представления о различиях языка и речи) ничего противоречащего взглядам Бахтина на природу высказывания. Соссюр, несомненно, абсо-

---

[1] См.: Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 85 – 91.

[2] См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 238.

[3] Там же. С. 257.

лютизирует момент противопоставленности языка и речи по оси «общее – индивидуальное». Его метод преследует цель гносеологически осмыслить принципиальную разнородность языка как системы средств вербального общения и речи как проявления языка. Метод Соссюра – это холодное, абстрактное, крайне необходимое для лингвистики его и последующего времени расчленение языка и его функционирования по различным направлениям с целью их философско-онтологического осмысления. Но вместе с тем из теории Соссюра, правильно и современно понятой, не должно следовать, что в речи нет ничего от языка, общего. Ведь буквальное понимание Соссюра ведет к абсурду: если речь только индивидуальна, то как мы понимаем друг друга? Итак, метод Соссюра – дихотомия («или – или»), особый взгляд на язык, абстрагирующийся на определенном этапе анализа от диалектических связей, взаимопроникновения языковых и речевых моментов. Именно поэтому современная лингвистика, признавая первенство Соссюра в теоретическом разграничении диалектически целостной субстанции языка-речи и плодотворность этой идеи, продолжает осваивать с помощью его методологии все проявления языка: систему, уровни и реальное функционирование в речи – под углом разграничения общего и частного. Работа по осмыслению того, что в речи принадлежит языку, проводится на уровне звуковой стороны речи (фонетика и фонология, фонема и ее речевые реализации, суперсегментные фонетические единицы), морфологическом (морфема и ее варианты), лексико-семантическом (лексема и ее реализации, употребление), синтаксическом (модель предложения и высказывание, языковые, т. е. социально данные, интонации, актуальное членение предложения, семантическая структура предложения, текст)[1], наконец (в самое последнее время и, по-видимому, не без влияния работ Бахтина), в **стилистической** плоскости. Последнее особенно важно, так как имеет прямое отношение к задачам данной статьи.

В частности, стали говорить о воспроизводимости стилей, о стилистических представлениях у носителей языка[2]. Стили (если даже рассматривать их категориально, а не как просто линейную последовательность языковых элементов) реально существуют в речи, а не в языке (в нем – набор языковых средств, схем, представлений). Но в стилях есть и нечто от языка, иначе как объяснить, что новые научные, художественные, публицистические и иные произведения, а также устные жанровые формы создаются по определенной программе (несомненно, языковой, инвариантной по своей природе), а носители языка ориентируются при создании речи на определенные нормы и представления о стилях, подчас автори-

[1] См.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.

[2] См.: Черемисин П.Г. Русская стилистика: Ч. 2. Стилистика речи. М., 1979. С. 22 – 23, 30, 33, 38 – 40.

тетные для них или объективно авторитетные. Поэтому так важно для стилистики, ее методологии, развития определить, что именно в ее объектах (стилях, стилистических значимостях и т. д.) относится к языку и что к речи; что воспроизводится, а что нет, минует традицию, норму; что в границах, а что вне этой нормы; каковы и чем объясняются пределы вариаций здесь. Такие проблемы в стилистике только начинают осмысляться.

Очень важно по-новому подойти сейчас к тексту – научному, художественному, публицистическому и т. д.: проследить историю зарождения его как определенной литературно-стилевой, жанровой формы, эволюцию его как жанра, влияние на него, например, авторитетных близкородственных жанров или же бывших когда-то в родстве, в одной колыбели (взять хотя бы влияние научной прозы на художественную в русской и французской литературе XIX в. – Толстой, Достоевский, Золя, Гонкуры); выявить особенности формальной и содержательной структур этого жанра и их диалектическое взаимодействие; четче определить его стилевую и стилистическую специфику, вариации, возможные в пределах жанра, – авторские, системно-языковые (например, русско-французское двуязычие в условиях русской разговорной и эпистолярной традиции или русско-латинское – в научной). Изучение текста как жанра должно оказаться продуктивным для развития стилистики и филологии вообще. Жанр – стилевая реальность, и с ним нельзя не считаться.

Рассмотрим, в каком отношении к научному произведению, например к таким жанрам, как монография и диссертация, находятся его структурные элементы: введение, главы, выводы, заключение, список использованной литературы (библиография, источники), оглавление (содержание), предметный и терминологический указатели и др. В художественном произведении из этого перечня встретится, да и то редко, оглавление. А ведь все эти элементы структурированы, стилистически доведены до шаблона, иногда похожи по словам, формулировкам у разных авторов. Где, как не в общественном сознании, опирающемся на авторитетные образцы или сложившиеся традиции, хранится информация о том, **каким** должен быть жанровый текст. Это, безусловно, **языковая** основа, принципиально не отличающаяся от социального представления о правильном ударении слов, их правописании и т. п. и его кодификации в словарях, справочниках, грамматиках. Лингвистическая теория в этом отношении осталась пока на уровне разграничения языкового и речевого лишь в пределах предложения. Теоретически, под углом зрения данной методологии, единицы языка более высокого, чем предложение, порядка только начинают осмысляться. Бахтин же поставил эту задачу еще в 1924 г.[1] Сам же

[1] См.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С. 45.

он не раз обращался к анализу романа как жанра, рассматривал карнавальную речевую стихию – «языковую», запрограммированную, несомненно, воспроизводимую в свою эпоху. Ныне актуальна задача расширения рамок такого анализа – по жанрам, их стилевой отнесенности, в глубину и т. д.

Итак, мысль Бахтина о жанрах глубоко методологична, так как позволяет выделить в высказывании и **языковое** (устойчивое), и **речевое** (относительно индивидуальное, принадлежащее субъекту, автору).

Отсюда возникают интересные вопросы, например: а) есть ли «языковое» (воспроизводимое, устойчивое в форме, эстетике, поэтике, стилистике, структуре) на уровне романа – античного, средневекового, эпохи Возрождения, нового; б) есть ли речевое (т. е. индивидуальное) и что именно в военной команде, деловом жанре, где пределы вариаций в них, с чем они связаны – вот поле для стыка филологии с теорией информации и семиотикой; в) в какой мере обязательны, сакральны содержание и форма некоторых жанров (литургических, например) и, наоборот, трансцендентны содержание и форма других (современный, неклассический роман – Пруст, Гессе, Фриш и др.). Какие интересные и важные горизонты открываются при этом для исследователей!

Высказывание, по Бахтину, – проблемный узел исключительной важности. Здесь пересекаются такие проблемы, как соотношение жанров и стиля, индивидуального и общенародного в жанре, предложения как единицы языка и высказывания как единицы речи: «Самая проблема общенародного и индивидуального в языке в основе своей есть проблема высказывания (ведь только в нем <…> общенародный язык воплощается в индивидуальную форму)»[1]. «Самое определение стиля вообще и индивидуального стиля в частности требует глубокого изучения как природы высказывания, так и разнообразия речевых жанров»[2]; «Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания. Это не значит, конечно, что языковой стиль нельзя сделать предметом самостоятельного специального изучения… Но это изучение будет правильным и продуктивным лишь на основе постоянного учета жанровой природы языковых стилей и на основе предварительного изучения разновидностей речевых жанров. До сих пор стилистика языка лишена такой основы. Отсюда ее слабость»[3].

Если жанры связаны со стилями, то, следовательно, наука о стилях, в первую очередь лингвостилистика, должна быть и наукой о жанрах речи, включать их в номенклатуру своих методологически значимых категорий и объектов анализа наряду со стилями и стилистическими сущностями. Стиль реализуется через жанр, жанр – как бы форма существования, про-

[1] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 241.
[2] Там же. С. 241.
[3] Там же. С. 242.

явления стиля. В определенном смысле нет стиля, а есть жанр. Жанр – категория, может оказаться, более устойчивая и бесспорная, чем стиль. (Вспомним дискуссию о стилях 1954 – 1955 гг. и мнение Ю.С.Сорокина об элиминации, взаиморастворении стилей. О жанрах это сказать труднее: они, скорее, испытывают тенденцию консолидации.) Жанры – понятие более осязаемое, конкретное, чем стили, еще и потому, что последние формируются в жанрах, в их смене, развитии, взаимодействии. Пример этому, в частности, история научно-популярного стиля, первоначально существовавшего, проявлявшего себя в рамках поэтических произведений (Лукреций Кар, Буало, Ломоносов).

Лингвостилистика, однако, почему-то не ставит своей целью изучение жанров, они как-то выпадают из ее поля зрения. Проблема жанров учитывается обычно лишь в специализированных «стилистиках» – пособиях по теории и практике редактирования научной, публицистической, деловой и иной литературы. То же можно сказать и в отношении стилистики художественной литературы. Совсем не обязательно, чтобы она учила, например, писать романы, рассказы (это не ее задачи). Но почему бы ей или другой филологической дисциплине не рассмотреть специфику жанров художественной литературы – глубже, чем это делается, например, в вузовских «теориях литературы», – используя то ценное, что есть в исследованиях литературно-художественных жанров у Бахтина, Тынянова, Эйхенбаума, Шкловского, Лотмана и других ученых.

Не вдаваясь в споры филологов о том, в чьем ведении находится стилистика, каков ее предмет, напомним, что методология Бахтина основывалась на комплексности подхода к явлениям человеческой мысли: он не замыкался в узких рамках, горизонтах какой-либо одной филологической дисциплины, ему было тесно даже в филологии вообще, отсюда – обращение к философии, эстетике, истории, психологии, семиотике…

Какие-то общие особенности жанров как высказывания, связанные с методологическим преломлением их в плоскости «язык – речь», должны рассматриваться, на наш взгляд, в **общей стилистике** (пусть общей только для лингвистов, если иметь в виду, что данная методология специфична, значима именно как лингвистическая). В дальнейшем на этой почве и на почве литературоведения, его разделов, изучающих литературно-художественные жанры, должна развиться **стилистика жанров**, с выходом в их теорию, историю, эстетику, поэтику, вплоть до практики создания, литературного редактирования. Стилистика научных жанров отпочкуется в самостоятельную ветвь, что, несомненно, облегчит труд студентов, аспирантов, да и зрелых ученых, если речь идет о редких жанрах научной литературы или о тех, которые требуют знания ГОСТов, трудных норм и т. п. Газетная публицистика (стилистика) будет в союзе с историей

журналистики или на ее базе изучать свои жанры. И так применительно к каждой сфере жанровых текстов.

Бахтин делит все жанры по принципу их первичности и вторичности[1]. Первичные – простые, вторичные – сложные, идеологические. Роман – высказывание вторичное. Граница между этими двумя типами жанров до конца не разъяснена ученым, хотя его мысль представляется интересной и важной, особенно при характеристике им жанра романа, его полифоничности, диалогичности.

Понятие вторичных жанров Бахтину нужно, чтобы пояснить природу форм типа романа, их диалогизм. Но из этого не следует, будто это понятие надуманно, бесперспективно. Оно тоже методологично, хотя и в меньшей степени, так как объемлет меньший круг жанров: только те из них, которые создаются как диалогическая реакция на чужое слово, структурно запрограммированная реакция. Такие жанры многослойны, синтетичны. В этом отношении характерен роман: в нем присутствуют потенциально все стили и средства языка (вот почему лингвисты так долго спорят о сущности и возможности выделения художественного стиля), в него включаются другие жанры и «голоса», подчиненные его композиции, идеологии, космосу, системе. Современный роман и иные прозаические жанры – многомерны, построены на новых философских представлениях, подобно тому, как эволюционировало представление о мире: от одномерного к двухмерному, от него к трехмерному, потом к «галилеевскому» (Бахтин любил эту метафору) и затем до галактических и супергалактических представлений. Сложности мира и его связей, структур соответствует усложненность сознания и продуктов сознания, таких, например, как искусство. Изменение реального хронотопа влечет за собой изменение хронотопа и в искусстве. Плюралистическая концепция личности (в психологии) соответственно отражается литературно: одномерность героя в классицистической эстетике, его схематизм – и последующий плюрализм, дуализм, амбивалентность души (например, Печорин). Идеологические формы, как и сама идеология, идут непосредственно за научно-материальными формами познания мира. По Бахтину, наука монологична (в известном абстрактном плане), а искусство – диалогично (в той же мере). На ранних ступенях развития общества они не расчленялись, искусство и познание шли рядом: искусство – как познание, познание – как искусство. Даже потом, например в философии (Лукреций), искусствоведении, эстетике Возрождения (Леонардо да Винчи), литературе классицизма (Ломоносов), наука и искусство слиты как форма и метод, как содержание и форма или находятся в иных отношениях друг к другу. В современную эпоху наука завоевывает новые плацдармы для искусства, обеспечивает

[1] Там же. С. 240 – 241.

ему свободу, плюралистичность, многомерность, полиструктурность, новый характер системности формы, а следовательно, и самого содержания (появление и развитие многоголосия). Современная проза – «открытая система» для мирового языкового космоса, конкретных языков, голосов, каналов, сознаний, мнений, слов, выражений – во времени и в пространстве. Калейдоскопическая смена хронотопов и голосов, словно смотришь многопрограммный телевизор или крутишь ручку настройки радиоприемника, принимающего все радиостанции мира, – таков современный роман. Семиотичен он необычайно, в него врывается уже не улица, а весь мир, больший, чем «мир» Толстого, – это мир континентов, галактик, созвездий (Маркес, Вознесенский). Старая литература из-за ограниченности временного и пространственного кругозора почти не знала исторических жанров литературы.

Важное место в концепции Бахтина занимает вопрос разграничения **высказывания** и **предложения**. Это традиционная проблемная ситуация в синтаксической науке (если абстрагироваться от терминологических расхождений). По Бахтину, предложение – единица языка как системы, а высказывание – единица речи, речевого общения, что очень важно, если исходить из методологии ученого. Этот раздел своей работы, непосредственно посвященной теории высказывания, Бахтин начинает с мысли о «недооценке коммуникативной функции языка» и критики понятий «наша речь», «речевой поток» и т. п. – слишком абстрактных, по его мнению (в свете его методологии и поисков), критики схематизма, недиалектичности концепции «говорящий – воспринимающий» (по Бахтину, говорение – амбивалентно). Выдвигая на первый план высказывание («реальная единица, имеющая начало и конец»), Бахтин, возможно, несколько категоричен. Получается, что остальные синтаксические единицы будто бы условны в своих границах. Если говорить о предложении, то, действительно, некоторые синтаксические элементы («неполные предложения» А.М.Пешковского, присоединительные конструкции и др.) не вписываются в классическое представление о нем, оказываются богаче существующей теории предложения. Границы же высказывания определяются, по Бахтину, «сменой речевых субъектов, обрамляющих высказывание», и его «специфической незавершенностью»[1].

Под предложением Бахтин понимает то, что в современных терминах синтаксической науки трактуется как «структурная схема предложения», или его «модель»[2], т. е. слепок грамматической структуры предложения,

[1] Там же. С. 254 – 255.

[2] См.: Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977. С. 99 – 101.

хранящийся в языковой системе и в языковом сознании лингвокомпетентных носителей языка[1].

Современные синтаксисты чаще склонны различать в предложении две стороны: его инвариантные (языковые, системные) черты и речевые – наполняемость смыслом, ситуацией общения[2]. Такой взгляд на двойственную природу предложения внешне методологичен, так как соответствует последовательному разграничению языка и речи на уровне синтаксических единиц, в частности самого предложения. Но верен ли он по существу? Известный французский лингвист Э.Бенвенист оставил синтаксистам мысль, на которую они часто ссылаются, чтобы объяснить сложности теории предложения: «С предложением мы покидаем область языка как системы, выражением которого является речь»[3]. По Бенвенисту, предложение не может быть интегрантом языковой единицы более высокого по отношению к нему уровня: оно – единица речи.

По мысли Бахтина, общаемся мы высказываниями. Предложение же – кирпичик высказывания, его грамматическая основа. Предложение может стать высказыванием при условии его интенциональной наполненности, коммуникативной реакции, диалогизации.

Критикуя некоторые термины синтаксиса и понятия, стоящие за ними («фраза» Карцевского, «коммуникация» Шахматова и др.), за их неточность, ложную компромиссность, туманность, Бахтин писал: «Все эти искусственные и условные единицы безразличны к смене речевых субъектов, происходящей во всяком живом и реальном общении <…> главный критерий завершенности высказывания как подлинной единицы речевого общения – способность определять активную ответную позицию говорящего… Любое предложение может фигурировать в качестве законченного высказывания, но в этом случае <…> оно восполняется рядом очень существенных моментов неграмматического характера, в корне меняющих его природу… На такое высказывание можно ответить»[4]. Реальное предложение, т. е. высказывание, пронизано интенциями цели, действия, побуждениями к нему, реакцией на чужое слово, очеловечено, «ситуировано», прикреплено и т. д.[5] Просто предложение – «ничье» (в определенном смысле). Высказывание же отличается отношением его к самому говорящему (автору) и к другим участникам речевого общения.

---

[1] «Предложение как единица языка имеет грамматическую природу» (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 253).

[2] Белошапкова В.А. Указ. раб. С. 99 – 101; Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 30.

[3] Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 139.

[4] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 261 – 262.

[5] Там же. С. 263.

Таким образом, Бахтин различает две единицы: предложение и высказывание. У других ученых предложение имеет и вторую, неязыковую (речевую) сторону, которая изучается в рамках коммуникативного, речевого синтаксиса[1]. На наш взгляд, концепция Бахтина цельнее, последовательнее: «Предложениями не обмениваются, как не обмениваются словами (в строгом лингвистическом смысле) и словосочетаниями, – обмениваются высказываниями, которые строятся с помощью единиц языка: слов, словосочетаний, предложений; причем высказывание может быть построено и из одного предложения, и из одного слова, так сказать, из одной речевой единицы (преимущественно реплика диалога), но от этого единица языка не превращается в единицу речевого общения»[2].

Важной частью бахтинской теории высказывания является мысль об инвариантности высказываний, их заданности частью в языке, частью в иных семиотических системах (жанр – понятие многоплановое). По крайней мере, данный вывод логично вытекает из его теории, и в частности из следующих слов: «Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего *в выборе определенного речевого жанра*… Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими *формами построения целого*. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. *Практически* мы все уверенно и умело пользуемся ими, но *теоретически* мы можем и вовсе не знать об их существовании (иногда наоборот. – *Н.В.*)… Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык, которым мы свободно владеем и до теоретического изучения грамматики… Формы языка и типические формы высказывания, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше речевое сознание вместе и в тесной связи друг с другом. Научиться говорить – значит научиться строить высказывания… Таким образом, говорящему даны не только обязательные для него формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания[3]… Представление о форме целого высказывания, то есть об определенном речевом жанре, руководит нами в процессе нашей речи»[4].

В плане разграничения предложения и высказывания и отнесенности их соответственно к языку и речи Бахтин не был новатором. Подобный или близкий взгляд на эту проблему – в тех или иных терминах – содержится в работах С.О.Карцевского, А. де Гроота, Л.А.Булаховского,

---

[1] См.: Ковтунова И.И. Указ. раб. С. 30.

[2] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 253.

[3] В известном смысле Бахтин все же противоречит сам себе: получается, что его «высказывание» не только речевая единица, но и языковая – чертеж, план, матрица речи.

[4] Там же. С. 256 – 257, 259 – 260.

В.В.Виноградова, Е.В.Кротевича, С.И.Бернштейна, В.Скалички, Ф.Данеша, И.Ф.Вардуля, А.М.Пешковского и др.[1]

Другое дело – что понимается под этими терминами. При всем терминологическом и, главное, проблемно-содержательном разнобое в синтаксической науке предложение все же начинает пониматься лингвистами более или менее общо, едино. В предложении теперь различают языковую и речевую стороны. Относительно высказывания дело обстоит гораздо сложнее. Термин понимается лингвистами и как речевое наполнение структурной схемы предложения, и как явление, не вмещающееся в традиционное понятие предложения, и иначе»[2].

Главное же – понимание высказывания в **традиционной** синтаксической науке имеет мало общего с пониманием этого же термина в лингвистической концепции Бахтина.

Обратимся к тому, как решаются эти проблемы в громко заявившей о себе в последние годы лингвистике **текста**, предметом которой была провозглашена область языка-речи, находящаяся выше уровня предложения. (В традиционном синтаксисе и синтаксической стилистике говорят только о двух единицах, больших, чем предложение: «сложном синтаксическом целом» и «абзаце»[3]. Но совершенно очевидно, что первая из них слишком абстрактна, а вторая малосодержательна.)

Еще в 1924 г. в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» Бахтин, характеризуя сложившуюся ситуацию в науке о языке, и в частности синтаксисе, писал: «Синтаксис больших словесных целых (или композиция как отдел лингвистики, в отличие от композиции, учитывающей художественное или научное задание) еще ждет своего обоснования: до сих пор лингвистика научно еще не продвинулась дальше сложного предложения; это самое длинное лингвистически научно обследованное явление языка: получается впечатление, точно лингвистический методически чистый язык здесь вдруг кончается и начинается сразу наука, поэзия и проч., а между тем чисто лингвистический анализ можно продолжать и дальше, как это ни трудно и как

---

[1] См.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка. С. 323 – 324.

[2] См.: Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964. М., 1964. С. 48; Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964. С. 53; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 94; Общее языкознание: Внутренняя структура языка. С. 325 – 328; Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики: 1972. М., 1973. С. 349 – 372; Торсуева И.Г. Теория высказывания и интонация // Вопр. языкознания. 1976. № 2. С. 53 – 64; Ковтунова И.И. Указ. раб. С. 30; Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 50; Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979. С. 276.

[3] См.: Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1973. С. 372; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973. С. 3.

ни соблазнительно внести здесь чужеродные для лингвистики точки зрения»[1].

Несомненно, эта и другие мысли Бахтина имели влияние на развитие лингвистики текста. По крайней мере, в ее генетике бахтинская лингвистическая наследственность обнаруживается, гласно или негласно осознается приверженцами новой науки, ее интерпретаторами, комментаторами, толкователями, критиками[2]. На ее возникновение решающим образом повлияла и знаменитая мысль Бенвениста, высказанная им на IX Лингвистическом конгрессе в нач. 60-х гг. (нами она уже приведена).

Но пошла ли лингвистика текста по пути, предложенному Бахтиным? Если обратиться к трудам ее представителей, то ответ на этот вопрос будет в целом отрицательным[3]. С бахтинским понятием жанров она, как и традиционная синтаксическая наука, почти не связана.

В плане поиска точек соприкосновения между лингвистикой текста и теорией речевых жанров Бахтина интерес представляет работа чешского ученого К.Гаузенблаза «О характеристике и классификации речевых произведений» (1966). Приведем несколько важных, на наш взгляд, мыслей из этой статьи: «…в лингвистике нет систематической классификации того материала, который дан ей изначально, а именно классификации *речевых произведений*»; «…Лингвистике предстоит много работы в данной области… это потребует теснейшего сотрудничества двух дисциплин, вместе занятых описанием языка… Первая из них устанавливает основные правила, которые следует применять к организации речевых произведений, независимо от особых условий, назовем ли мы ее *общей систематикой* или грамматикой в самом широком смысле слова. Вторая дисциплина – это та, за которой можно сохранить старое название *стилистики*… в то время как такая грамматика описывает общезначимые свойства организации речевых произведений, стилистика исследует частные свойства этих речевых произведений, свойства, обусловленные различными стилеобразующими факторами»[4].

Перед тем как перейти к обобщениям, непосредственно касающимся второго аспекта темы данной статьи (значения бахтинской теории высказывания для развития филологических наук), приведем еще одну ключевую мысль Бахтина: «Отчетливое представление о природе высказывания

---

[1] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С. 45.

[2] См.: Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина о языке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учен. зап. Тарт. ун-та, 1973. Вып. 308. С. 13, 18; Григорьев В.П. Лингвистика. Поэтика. Эстетика // Стилистика художественной речи. Саранск, 1979. С. 5.

[3] См.: Николаева Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 5 – 39; Русский язык: Энциклопедия. С. 348.

[4] Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 57, 76 – 77.

вообще и об особенностях различных типов высказываний (первичных и вторичных), то есть различных речевых жанров, необходимо, как мы считаем, при **любом специальном направлении исследования** (здесь и далее выделено нами. – *Н.В.*). Игнорирование природы высказывания и безразличное отношение к особенностям жанровых разновидностей речи в **любой области лингвистического исследования** приводят к формализму и чрезмерной абстрактности, искажают историчность исследования, ослабляют связи языка с жизнью. Ведь язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его), через конкретные высказывания и жизнь входит в язык»[1].

Сам Бахтин тяготел по своим интересам к изучению литературно-художественных жанров – к тому, что объединяется **эстетикой**. Но его идеи ныне распространяются на **все** области высказываний.

Наука о речевых жанрах, которую вызвал к жизни Бахтин, самостоятельного статуса пока не обрела. Но в ряде работ – в русле так называемой лингвистики текста, – и прежде всего самого Бахтина и его последователей, начинают проглядывать контуры этой новой науки: ее предмет, объекты, методология и методика. Можно ожидать, что эта наука, оплодотворив некоторыми своими идеями лингвистику текста, теперь отпочкуется от нее в **теорию текста как речевого жанра** (в бахтинском понимании термина «речевой жанр», кстати сказать, более конкретном и значимом, чем понятие «речевое произведение» и уж тем более «синтагма» и другие, не имеющие к внелингвистической стороне речи серьезного отношения).

Каковы возможные перспективы появления и направления развития новой науки в системе филологических (а не исключено, что и не только филологических) наук? Чего от нее можно ожидать? Какими могут сложиться взаимоотношения науки о жанрах (назовем ее так) с традиционными лингвистическими, литературоведческими, а также иными дисциплинами? Попытаемся в общих чертах ответить на эти вопросы.

Многие бросающиеся в глаза проблемы филологических наук в свете идей Бахтина, его теории высказывания могут быть решены или как-то по-новому осмыслены, дополнены в представлениях о них.

Прежде всего исследование жанров в духе идей Бахтина даст импульсы развитию **теории языка вообще** (общему языкознанию): в плане разграничения языка и речи на уровне предложения, в аспекте осмысления синтаксических конструктов более высокого уровня языковой и речевой системностей, чем предложение, – уровня коммуникации, общения.

Важную роль идеи Бахтина должны сыграть **в синтаксической науке** в аспекте изучения «сверхфразового уровня». В связи с этим большие

[1] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 240.

надежды возлагаются сейчас на **лингвистику текста**, которая как бы приняла эстафету изучения сверхфразового уровня от традиционного синтаксиса, оформилась в самостоятельную ветвь лингвистики. Но пока она больше обещает и пропагандирует себя, чем дает конкретные результаты, в том числе связанные с решением проблем всестороннего жанрового изучения текстов, еще «нащупывает» свой предмет, объекты, единицы анализа, методологию и методику. Учеными исследуется знаковость уровня сверхфразового единства, ведутся отдельные интересные наблюдения над семантическими, структурными, связующими элементами текста (пока абстрактного). Лингвистика текста представляет собой скорее общую теорию текста (без учета его жанровой природы), науку об организации текста и информационных процессах в нем.

Большое значение идеи Бахтина имеют для традиционной стилистики (лингвостилистики и стилистики художественной литературы). Особенно две из них.

Во-первых, мысль Бахтина о том, что стиль реализуется в речи, в коммуникативной плоскости через **жанр**. Следовательно, понятие жанра должно обрести в стилистике статус базового, методологически релевантного, наряду с традиционными понятиями стиля и стилистической значимости. Такое же место жанру должно принадлежать и в стилистике художественной литературы: здесь к основной ее категории – индивидуальному стилю, по мысли В.В.Виноградова, – необходимо добавить жанр. Совершенно очевидно, что категория индивидуального стиля есть категория историческая, она сформировалась после жанра, развилась на фоне жанра путем преодоления его содержательно-формального ригоризма, разрушения строгого канона (классицистического сначала), деспотизма жанра. Объединяющим центром эстетики классицизма в русской литературе был жанр[1]. Индивидуальные стили по-настоящему начинают развиваться в пушкинскую эпоху – после замены ломоносовской стилистической традиции новой, пушкинской[2]. И до этого, и в последующем можно наблюдать различные типы соотношения и взаимодействия жанра и индивидуального стиля в русской литературе. Главной же остается тенденция расширения сферы действия, распространения индивидуального, авторского в жанре. Индивидуальный стиль отталкивался от жанра, его канона и осмыслялся на фоне жанра.

Итак, жанр – это категориальное понятие лингвостилистики и стилистики художественной литературы.

---

[1] См.: Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 59; Смирнов А.А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981. С. 72.

[2] См.: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. 2-е изд. М., 1938. С. 267 – 268.

Во-вторых, значение бахтинских идей для стилистики мы видим в том, что они помогают понять природу языка и речи на уровне стиля. Если жанры, по мысли Бахтина, воспроизводимы, даны индивидам так же, как и «формы языка», то, следовательно, и стили тоже воспроизводимы: в языковом сознании общества и его лингвокомпетентных членов имеются представления о стилях, их нормах и нормах общения (стилистических, стилевых регистрах) вообще.

К сожалению, основная работа Бахтина по теории высказывания («Проблема речевых жанров»), хотя и создавалась в 1952 – 1953 гг., стала известна специалистам по стилистике лишь в самое последнее время[1].

Сила методологии Бахтина – не только в диалектике, но и в историзме: «Отрыв стилей от жанров особенно пагубно сказывается при разработке ряда исторических вопросов. Исторические изменения языковых стилей неразрывно связаны с изменениями речевых жанров»; «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры – приводные ремни от истории общества к истории языка»[2].

Поэтому большое значение теория высказывания Бахтина имеет и для развития науки об **истории русского литературного языка**, или, как ее иногда понимают, **исторической** стилистики.

История литературных языков – это прежде всего проблемы развития и взаимодействия стилей литературной и литературно-разговорной речи, а следовательно, исходя из признания лингвистической категориальности понятия «жанр», – истории **жанров**. Такой подход (внутренний – по отношению к стилям и внешний, диахронический – по отношению к их эволюции) даст, на наш взгляд, значительные научные результаты. История жанров, их смена, семиотические, экстралингвистические моменты этого процесса – проблема чрезвычайно интересная и многообещающая. Иллюстрацией к сказанному может послужить, например, следующее.

1. Историческое становление эпистолярных жанров (стиля) в русской культуре. Бытовое письмо: стиль, композиция, функция, сфера бытовой эпистолярной коммуникации (например, найденные во время новгородских и иных раскопок берестяные грамоты). Эпистолярная коммуникация в условиях дворянского русско-французского двуязычия; семиотические функции французского языка в жанре письма (например, письма Пушкина к Бенкендорфу, к Керн), зависимость выбора языка от предмета разговора и жанра письма («Доныне гордый наш язык / К почтовой прозе не привык»). Жанр открытого письма: публицистического, в стихах (Симонов), взаимодействие в нем публицистики, эпистолярности и художественности. Письма деловые, любовные, этикетные. Взаимодействие эпистоляр-

[1] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 237 – 280.
[2] Там же. С. 242, 243.

ных и художественно-литературных жанров: романы в письмах (Руссо, Достоевский), письмо в романе, публицистическая переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского.

2. Развитие внутрижанровой неоднородности романа: разговорные, ораторские, юридические, церковно-литургические речи в произведениях Л.Толстого, Достоевского; сказы, документы, легенды, эпистолярные, научные, публицистические, философские, иные вкрапления; внутренние художественные произведения; «двойное дно» романа.

3. Жанровая судьба, эволюция научно-популярного стиля в истории русской культуры. Первоначально популяризация науки в жанровых рамках поэзии классицизма (Ломоносов)[1], связь последней с просветительской установкой и традициями русского классицизма вообще. Затем постепенное параллельное вычленение научно-популяр-ного стиля из собственно научного и собственно художественного. Существование мировой традиции пропаганды научных знаний через поэтические жанры (Лукреций Кар, Буало, Ломоносов, Словцов).

4. Концепция высказывания Бахтина имеет и **прикладное** значение, например в аспектах теории и практики **редактирования** (научного, научно-популярного, художественного, публицистического, делового, технического) и культуры речи (письменной и устной).

Последнее особенно важно, так как культура речи тесно связана с владением жанрами, жанровой компетенцией индивида. Раньше владению некоторыми важными жанрами учили (азбуковники, письмовники, «приклады», риторики и т. п.). Теперь школьникам, например, предлагают овладеть лишь жанром сочинения и некоторыми жанрами деловых документов (заявление, расписка, объявление и др.). В результате даже люди с высшим образованием в процессе общения порой испытывают затруднения в выборе верных речевых ориентиров (вспомним хотя бы наболевшую проблему речевого этикета). В большинстве своем мы не владеем или плохо владеем эпистолярными жанрами (поздравительные открытки не в счет). Зато как нас поражает отточенность писем Пушкина, Лермонтова… А ведь объяснение этому не только в их литературном таланте, но и, главное, в поддерживавшейся традиции жанра и направленном обучении владению им (вспомним знаменитый «Письмовник» Н.Курганова). Может, причина некоторого упадка эпистолярного стиля в том, что появились другие, более быстрые формы, каналы коммуникации?.. Но ведь телефонному разговору тоже надо обучать! (Не случайно эта проблема – как этическая, производственная, информационная – в последнее время стала так актуальна). А кто и где учит начинающего человека искусству

[1] См.: Сердобинцев Н.Я. К истории научно-популярного стиля // Вопросы стилистики. Вып. 2. Саратов, 1976. С. 83 – 109.

(а по существу нормам) телефонной коммуникации, нормам речевого этикета вообще? Возможно, эта задача более важна, чем доскональное изучение тонкостей правописания и грамматики, которые в жизни не всегда пригодятся и которые не упомнят сами специалисты. Несомненно, что проблема владения социально значимыми жанрами, их нормами и регистрами использования назрела до такой степени, что игнорировать ее дальше нельзя, нельзя и оставлять ее на откуп только лингвистической науке. Уметь правильно приветствовать другого, говорить по телефону, поблагодарить, обратиться к кому-либо, должен каждый. И учить этому необходимо уже с детства, целенаправленно, серьезно. Это важная задача школьного обучения, прямо связанная с вопросами воспитания, социализации, нравственности.

Большое значение рассмотренная в данной статье проблема имеет не только для лингвистики, но и для **литературоведения** (истории и теории литературных жанров) и в целом для изучения **русской культуры**.

Какой же нам видится наука о жанрах, теория и методология которой начали складываться в трудах Бахтина? Будет ли она подчинена стилистике, синтаксису или же будет самостоятельной?

Проблема высказывания (в бахтинском понимании), как нам представляется, потенциально имеет все необходимое, чтобы стать новой филологической (в широком смысле слова) наукой – наукой о жанрах речи, жанрологией, жанроведением. Вместе с тем она перерастает границы филологии, начинает взаимодействовать с семиотикой, теорией информации, питаясь одновременно идеями, методологией, методикой философии, эстетики, этики. Все это вполне естественно, так как отражает интегративные и одновременно дифференционные процессы в современном научном познании.

Новая наука в общем виде будет являться теоретической базой для частных, теоретико-прикладных стилистик (художественной литературы, научной, публицистической, эпистолярной, ораторской, стилистики устных жанров и др.).

Говоря о ее терминологическом аппарате, следует отметить, что термин «высказывание» слишком скомпрометирован неопределенностью его использования в синтаксисе и лингвистике текста. Поэтому, на наш взгляд, новой науке лучше оперировать другим бахтинским термином – «жанр»: он определеннее, менее пронизан препятствующими правильному пониманию его сути центробежными интенциями. (В нашу работу снова врывается голос Бахтина – наглядная иллюстрация его концепции вторичного жанра.)

К сожалению, лингвистика до сих пор не использовала должным образом идеи Бахтина о высказывании. Одна из объективных причин этого в том, что среднему и особенно молодому поколению лингвистов мысли

Бахтина по-настоящему широко стали доступны только в последние годы – главным образом после выхода в свет двух сборников его работ. Вторая причина (субъективного плана) в том, что Бахтин продолжает восприниматься многими лишь как филолог-литературовед[1]. (Чем иначе объяснить негласное игнорирование его идей, как незнанием его работ или ложной «неавторитетностью» его как лингвиста?) Впрочем, может быть, время для преемственного осмысления языковедами бахтинских идей только настает…

ТЕОРИЯ МЕТАЛИНГВИСТИКИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М.М.БАХТИНА[*]

Среди многочисленных идей М.М.Бахтина, не учтенных пока в полной мере в современной науке[2], видное место занимает мысль о необходимости выделения в системе филологических дисциплин особой отрасли – металингвистики, с присущей именно ей спецификой анализа речи, прежде всего художественной.

Наша задача – рассмотреть понимание Бахтиным сути и места металингвистики в ряду других филологических наук и привлечь внимание исследователей к ее проблематике[3].

Для мышления Бахтина характерны использование «крупномасштабных» категорий (диалог, жанр, хронотоп, карнавализация, смеховая культура и др.) и тенденция очерчивания собственного видения ансамбля филологических наук. В архитектонике последних свое место занимает и теория металингвистики, развитая ученым в ряде исследований и прежде всего в книге «Проблемы поэтики Достоевского».

Термин «металингвистика» был заимствован Бахтиным, видимо, из работ американских структуралистов[4], но оригинально переосмыслен и

---

[1] Работы Бахтина 60 – 70-х гг., даже с лингвистической проблематикой, публиковались преимущественно в литературоведческих изданиях (журнале «Вопросы литературы», сборниках «Контекст: Литературно-теоретические исследования», «Из истории русской и зарубежной литературы» и др.).

[*] Васильев Н.Л. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52.

[2] См., напр.: Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 85 – 104.

[3] Эти цели актуальны и в плане выявления метаязыка ученого. О необходимости подготовки словаря его терминов говорилось, в частности, на Бахтинских чтениях в Махачкале (1990).

[4] См.: Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964. С. 109 – 110; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 230.

перенесен на конкретную филологическую почву – применительно к анализу словесно-художественных форм.

Впервые исследователь пишет о метафизическом аспекте изучения речи в работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» (1959 – 1961)[1], т. е. в период, непосредственно предшествующий переработке его книги о Достоевском, где будут намечены общие контуры новой науки. Интересно, что в плане (проспекте) второго издания своего исследования Бахтин не касается этих вопросов[2], хотя «Проблемы поэтики Достоевского» заметно отличает от предшествующих им «Проблем творчества Достоевского» именно подчеркнутое внимание к металингвистическому углу зрения при исследовании поэтики писателя, макрометодологическое обоснование изучения диалогического слова Достоевского.

По мнению Бахтина, филологическая наука нуждается в строгом разграничении традиционной л и н г в и с т и к и, изучающей язык в его первозданности, и м е т а л и н г в и с т и к и, предмет которой – живая жизнь слова[3]. Основание для такого разграничения он видит в принципиальной разнице между «монологическим», ничьим, мертвым словом языка и «диалогическим» («полифоническим») словом в художественном произведении[4]. Эта мысль логически вытекает из теории высказывания Бахтина, развитой им в ряде работ 1920 – 1950-х гг.[5] Предметом металингвистики исследователь называет область «диалогических отношений», которые, по его словам, «внелингвистичны»[6]. В то же время Бахтин подчеркивает, что лингвистика и металингвистика – смежные науки, дополняющие друг друга[7].

Объектом металингвистики является «двуголосое слово»[8]. В рамках данной категории Бахтин выделяет такие явления, как стилизация, пародия, сказ и диалог (формально выраженный)[9]. Общим для них признаком будет, по его мнению, направленность на чужое слово, двойной код –

---

[1] «Диалогические отношения между высказываниями, пронизывающие также изнутри и отдельные высказывания, относятся к металингвистике. Они в корне отличны от всех возможных лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании»; «Чем же определяются незыблемые рубежи высказываний? Металингвистическими силами» (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 309, 310).

[2] См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 326 – 346.

[3] См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 210.

[4] Там же. С. 210 – 213. К сожалению, Бахтин не говорит определенно об объеме понятия «диалогическое слово»: охватывает ли оно (и металингвистика вообще) всю область коммуникативно-преломленного слова или только художественное слово.

[5] См.: Васильев Н.Л. Указ. соч.

[6] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 211, 212.

[7] Там же. С. 210, 212.

[8] Там же. С. 214.

[9] Там же. С. 214 – 215.

предметный и коммуникативно актуализованный (без учета последнего невозможно адекватное восприятие текста)[1]. Традиционные лингвистические науки, изучающие слово (стилистика, лексикология, семантика), по убеждению ученого, оперируют постоянными сущностями, «нормативны» и не учитывают диалогическую природу высказываний[2]. Они не выходят за пределы «одного монологического контекста и знают лишь прямую непосредственную направленность слова на предмет без учета чужого слова»[3].

Бахтин последовательно характеризует типологию слов (высказываний) с точки зрения их коммуникативно-художественной специфики. Он выделяет три разновидности слова: «предметно направленное» (с номинативной функцией), «объектное» (художественно изображаемое) и, наконец, ориентированное на чужое высказывание[4]. Поясняет различия в их соотнесенности с авторской речью в тексте: «Непосредственное прямое полнозначное слово направлено на свой предмет и является последней смысловой инстанцией в пределах данного контекста. Объектное слово также направлено только на предмет, но в то же время оно и само является предметом чужой авторской направленности. Но эта чужая направленность не проникает внутрь объектного слова, она берет его как целое и, не меняя его смысла и тона, подчиняет своим заданиям. Она не влагает в него другого предметного смысла. <…> Но автор может использовать чужое слово для своих целей и тем путем, что он вкладывает новую смысловую направленность в слово, уже имеющее свою собственную направленность и сохраняющее ее. При этом такое слово, по заданию, должно ощущаться как чужое»[5]. Описывает особенности каждой разновидности «диалогического» слова – стилизации, рассказа рассказчика, сказа, рассказа от первого лица, пародии, скрытой полемики, диалога, реплики[6]. Причем делает оговорку, что это далеко не исчерпывающий перечень «способов ориентации по отношению к чужому слову»[7].

Бахтин отмечает важные, на его взгляд, следствия учета металингвистического угла зрения в филологическом анализе.

---

[1] Там же. С. 215.

[2] Там же. С. 215 – 216, 234 – 235.

[3] Там же. С. 216.

[4] Там же. С. 216 – 217.

[5] Там же. С. 219.

[6] Там же. С. 220 – 228.

[7] Там же. С. 230 – 231. См. также его анализ диалогической природы высказываний и их типов в других работах: Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 88 – 89, 94, 113 – 138, 170 – 178; Из предыстории романного слова // Там же. С. 410 – 416; Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. С. 305.

Во-первых, возможность увидеть «тончайшие изменения смысла», – недоступные традиционной семасиологии, замкнутой в монологическом микромире[1]. Здесь он обращает внимание, в частности, на активность слова в скрытой полемике, в противоположность его пассивности в стилизации, рассказе, пародии, и на возможные изменения пропорции этих двух начал в том или ином типе слов.

Во-вторых, это осознание и выявление отличия художественно-прозаического слова от поэтического: «Возможность употреблять в плоскости одного произведения слова разных типов в их резкой выраженности без приведения к одному знаменателю – одна из существенных особенностей прозы. В этом глубокое отличие прозаического стиля от поэтического[2]. Мысль о принципиальной разнице между прозаическим и поэтическим словом, на наш взгляд, абсолютизирована Бахтиным[3], хотя он и делает оговорки. Поэзия XX в. (особенно последних десятилетий) в лице так называемого авангардизма дает богатый материал для анализа функций «чужого слова» в поэтическом тексте, разнообразных идеологических и эстетических его преломлений в условиях «центонной» поэзии[4]. Да и анализ самим Бахтиным романного слова в «Евгении Онегине»[5] доказывает, что поэзии тоже присущи разнообразные способы рецепции «чужого слова» – не только по линии «прозаизации», о чем говорит ученый.

В-третьих, металингвистические углы зрения на слово позволяют увидеть отличия литературных направлений друг от друга в плане обработки языка. Классицизм, по мнению Бахтина, использует главным образом простое монологическое слово, лишенное авторского и вообще личного начала, хотя и смещенное «в сторону условного стилизованного слова»[6]. Для романтической поэтики также не характерна установка на чужое жое слово, хотя в ней и появляются приема ввода «сказовых» элементов[7]. Особенности реалистической поэтики художественного слова Бахтин не характеризует, вероятно, полагая, что именно здесь слово обретает подлинно диалогический простор, что, в частности, ярко проявилось в твор-

---

[1] См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 228 – 229, 234.

[2] Там же. С. 232. См. также: Бахтин М.М. Слово в романе. С. 110 – 111, 139, 143.

[3] Такого же мнения придерживается и В.П.Григорьев. См.: Григорьев В.П. Лингвистика. Поэтика. Эстетика: (О разных подходах к поэтическому языку) // Стилистика художественной речи. Саранск, 1979. С. 12 – 13.

[4] См., напр.: Васильев Н.Л. Литературный авангардизм: история, идеология, семиотика, поэтика // Поэзия русского и украинского авангарда: история, этика, традиции (1910 – 1990 гг.): Тез. Всесоюз. науч. конф. Херсон, 1990. С. 8; Илюшин А.А. ДЕМОНизм ДЕМОНстрируемого ДЕМОНтажа // Там же. С. 159. Интересно, что Бахтин сам пишет о жанре центона (cento), но применительно к средневековой поэзии. См.: Бахтин М.М. Из предыстории романного слова. С. 433.

[5] См.: Бахтин М.М. Из предыстории романного слова. С. 410 – 416.

[6] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 232.

[7] Там же. С. 233.

честве Достоевского. К сожалению, Бахтин не подчеркивает в своей книге, что диалогизм слова у Достоевского есть, по-видимому, свойство реалистической эстетики вообще. Последнее объясняется, на наш взгляд, зависимостью металингвистического анализа ученого от концепции принципиальной новизны романного творчества Достоевского.

Подведем некоторые итоги и сделаем небольшой комментарий к сказанному.

1. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтин дал развернутое описание методологического каркаса особой филологической отрасли – металингвистики: определил ее предмет, основные категории, обосновал самостоятельность ее подхода к речевым явлениям, взаимоотношение с традиционными лингвистическими дисциплинами (стилистикой, лексикологией, семасиологией).

2. Построение теории металингвистики, по-видимому, не являлось самоцелью ученого (по крайней мере, в нач. 1960-х гг.), а вытекало в первую очередь из необходимости методологического обоснования нового взгляда на творчество Достоевского, поскольку лишь при металингвистическом угле зрения можно было постичь и адекватно описать романное «многоголосие» писателя.

3. Попутным характером этой задачи объясняются, видимо, некоторые несовершенства и противоречия теории металингвистики у Бахтина.

Во-первых, он не определил точно границ предмета металингвистики, рассматривая ее то как область диалогических отношений в речи вообще (в рамках любого высказывания), то гораздо у́же – в пределах собственно художественного текста.

Во-вторых, исследователь не выразил прямо своего отношения к соотнесенности металингвистики с художественной стилистикой (теорией художественной прозы)[1], с семиотикой и особенно с поэтикой (как наукой), хотя споры о содержании и связях последней с лингвистикой, литературоведением очень актуальны для XX в.[2] и сам Бахтин подчеркивает во вводной части книги, что его исследование посвящено поэтике творчества Достоевского, – тем самым признавая теоретически постулируемые объ-

[1] Ср. его замечание в более ранней работе «Слово в романе»: «Если центральной проблемой теории поэзии является проблема поэтического символа, то центральной проблемой теории художественной прозы является проблема двуголосого, внутренне-диалогизированного слова во всех его многообразных типах и разновидностях» (С. 143).

[2] См., напр.: Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. С. 10 – 11; Волошинов В.Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке. Л., 1930. С. 208 – 223; Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология: (Методологическая справка) // Леф. 1923. № 3. С. 104 – 113; Виноградов В.В. Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы // Вопр. языкознания. 1962. № 5. С. 3 – 23; Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. М., 1975. С. 193 – 230.

екты металингвистики объектами и поэтики как науки[1]. (Видимо, поэтика понималась им как предельно широкая область художественного анализа, включавшая и металингвистический угол зрения на художественное слово[2]). Странно, однако, что при этом Бахтин обозначил общий характер своего исследования только как литературоведческий. Ср.: «Специальное изучение поэтики Достоевского остается актуальной задачей литературоведения»[3].

В-третьих, Бахтин ничего не сказал в своем анализе о так называемой несобственно-прямой речи, которая строится именно с оглядкой на чужое слово и, по существу, должна бы открывать «галерею» типов диалогического слова, описываемых ученым. Это тем более удивительно, что несобственно-прямой речи уделено много места в книге В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка»[4], приписываемой (с некоторыми оговорками) Бахтину. Да и сам Бахтин пишет о ней в работе «Слово в романе» (1934 – 1935)[5].

В-четвертых, исследователь недостаточно полно, половинчато охарактеризовал значение перенесения принципов металингвистического анализа в плоскость истории художественной литературы, эволюции литературных методов, не сделав попытки хотя бы контурно наметить характер внутренней диалектики художественного слова в эстетике сентиментализма[6] и особенно реализма. В то же время он ставил вопрос о диалогическом слове в жесткую зависимость от жанровой (романной) природы текста – в целом («Слово в романе», «Из предыстории романного слова»)[7] и применительно к творчеству Достоевского, тогда как свойство «диалогизации» высказывания присуще не только роману, но и другим жанрам речи, включая бытовые реплики, «шпильки» и тому подобное, о чем не раз писал сам Бахтин[8].

В-пятых, Бахтин в какой-то степени абсолютизировал принцип полифонии (диалогичности) прозаического слова и отличие его от поэтического.

---

[1] См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 3.

[2] Ср.: «Поэтика, определяемая систематически, должна быть эстетикой словесного художественного творчества» (Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. С. 10).

[3] Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского.

[4] См.: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. 2-е изд. Л., 1930. С. 113 – 157.

[5] См.: Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. С. 132 – 133.

[6] Хотя об этом также шла речь в работе «Слово в романе» (С. 208 – 210).

[7] Ср., напр.: «…центральная проблема романной стилистики может быть сформулирована как проблема художественного изображения языка, проблема образа языка» (Бахтин М. Слово в романе. С. 149).

[8] См., напр.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 228, 234.

Наконец, Бахтин ограничился металингвистическим анализом лишь семантики и стилистики двуголосого художественного слова, тогда как принципы металингвистики, видимо, могут быть распространены и на жанровые, орфоэпические, грамматические структуры языка. Все они способны давать отсветы «чужому слову». Приведем примеры.

В романе И.А.Гончарова «Обыкновенная история» словосочетание «желтые цветы» в речи (и сознании) Адуева-старшего выступает не просто как чужое слово (заимствованное из письма его бывшей возлюбленной), но в первую очередь как символ, знак особого бытового поведения и соответствующего жанрового мышления (восторженность, пустая сентиментальность, «лирика» и т. п.). Отсюда частое обыгрывание П.И.Адуевым подобных лирических излияний. Например: «А, старая девка! – подумал Петр Иваныч. – Не мудрено, что у ней еще желтые цветы на уме!»; «– Вы, дядюшка, удивительный человек! для вас не существует постоянства, нет святости обещаний… Жизнь так хороша, так полна прелести, неги: она как гладкое, прекрасное озеро… – На котором растут желтые цветы, что ли? – перебил дядя».

В романе И.С.Тургенева «Отцы и дети» произношение П.П.Кирсановым слова «принцип» на французский лад также воспринимается как нечто большее, чем особенность его орфоэпии. Это, скорее, п р и н ц и п жизни. Ср.: «Мы, люди старого века, мы полагаем, что без принсипов (Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер, Аркадий, напротив, произносил "принцип", налегая на первый слог), без принсипов, принятых, как ты говоришь, на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя».

Нарушение норм грамматики или подчеркивание каких-то ее индивидуальных особенностей может в авторской речи характеризовать (через связь с прямой речевой структурой персонажа) речь и образ героя, что обычно реализуется в виде косвенной или несобственно-прямой речи и их совмещений.

4. В целом представляется необходимым продолжить исследование металингвистической проблематики, начатое М.М.Бахтиным, – как в русле ее теоретического осмысления, так и применительно к конкретным явлениям литературно-художественного плана. Потенциал металингвистики и ее перспективы как самостоятельной науки значительны. Не случайно ее идеи в какой-то степени коррелируют ныне с транслингвистикой Р.Барта[1].

---

[1] См.: Иванов В.В. О применении точных методов в литературоведении // Вопр. литературы. 1967. № 10. С. 123.

М.М.БАХТИН КАК «ЛИНГВИСТ»: ОТ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА К МЕТАЛИНГВИСТИКЕ*

Хотя Бахтин говорил о себе только как о философе и литературоведе[1], в его трудах не раз поднимались теоретические вопросы, имеющие непосредственное отношение к языкознанию. Вместе с тем они почти всегда проистекали из общефилологических и философских идей ученого, что и дает основание для закавыченного определения Бахтина как лингвиста[2].

Попытаемся проследить эволюцию лингвистической теории Бахтина, отчасти чтобы лучше понять и другие стороны его оригинальной гуманитарной методологии.

Книга «Марксизм и философия языка» (1929 г.), к которой Бахтин имел отношение как один из авторов «*общей* концепции языка и речевого произведения»[3], долгое время, начиная с рецензионных откликов конца 1920-х гг., воспринималась в качестве лингвистической[4]. Между тем она написана в русле западноевропейской традиции «философии языка» – особого философско-лингвистического направления, сложившегося еще во времена В.Гумбольдта[5].

Это вытекает не только из ее заглавия, малоинформативного для современного читателя и, скорее, даже дезориентирующего его, но и из заявленной проблемности[6], отчасти из ее метаязыка[1], источниковедческой

---

* Васильев Н.Л. М.М.Бахтин как «лингвист»: от философии языка к металингвистике // Филологические исследования [Донецк, Украина]. 2007. № 9. С. 194 – 198.

[1] См., напр.: Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996. С. 41 – 42; Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1996). С. 76; Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Саранск, 1995. С. 4.

[2] Мы не имеем в виду лингвометодические работы ученого, написанные в пору его учительской деятельности в Калининской области. См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 141 – 156, 510 – 512 (прим.).

[3] См.: Письма М.М.Бахтина / Вступ. ст., прим. и подгот. текста В.В.Федорова // Лит. учеба. 1992. № 5/6. С. 145.

[4] См., напр.: Лоя Я. [Рец.] // На лит. посту. 1929. № 8. С. 72 – 73; Шор Р. [Рец.] // Рус. яз. в сов. школе. 1929. № 3. С. 149 – 154. Вопрос о реакции критики на книгу В.Н.Волошинова рассматривается нами в историко-текстологическом комментарии к «Марксизму и философии языка» (см.: Бахтин под маской. Тетралогия. М., 1998).

[5] См., напр.: Чикобава А.С. Проблема языка как предмета языкознания: На материале зарубежного языкознания. М., 1959. С. 15, 29 – 30; Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975. С. 319.

[6] Напр.: «…в самое последнее время как в западной Европе, так и у нас в СССР проблемы философии языка приобретают необычайную остроту и принципиальность. Можно сказать, что современная буржуазная философия начинает развиваться под знаком слова, причем это новое направление философской мысли Запада находится еще в своем начале»; «Основная идея всей нашей работы – *продуктивная роль и социальная природа высказывания*…»; «…наша работа движется в направлении от общего и абстрактного к частному и

базы (многочисленные ссылки на работы философов, психологов), а главное – из самой д и а л е к т и к и анализа, причем не столько лингвистических объектов, сколько философского-социальной природы вербального общения. Собственно языковедческой (и то с оговорками) в «Марксизме и философии языка» является III часть книги, первоначально представлявшая собой отдельную работу В.Н.Волошинова под названием «Проблема передачи чужой речи: (Опыт социолингвистического исследования)»[2]. Характерно, что активно используемый в первых двух частях монографии термин «философия языка» здесь не фигурирует вовсе[3].

В исследованиях «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924 г.), «Слово в романе» (1934 – 1935 гг.) Бахтин призывает языковедов не ограничиваться анализом языка лишь на уровне предложения, а идти дальше – в зону «высказывания», учитывать «стилистику жанра», различные типы трансформации художественного слова и другие стороны речевого функционирования языка[4].

В концептуальном виде свою теорию высказывания Бахтин изложил в работе «Проблема речевых жанров» (1952 – 1953 гг.), где он говорит о последних как о наиболее адекватных моделях человеческого общения[5]. Указанный труд содержит, на наш взгляд, необычайно плодотворные научные идеи, способные стимулировать развитие целого ряда филологических дисциплин – собственно «жанрологии», общего языкознания, стилистики, лингвистики текста, истории литературных языков,

---

конкретному: от общефилософских вопросов мы переходим к вопросам общелингвистическим…»; «Проблема внутренней речи, как и все разбираемые в этой главе проблемы, – философская проблема. Она лежит на стыке психологии и проблем наук об идеологиях. Свое принципиальное методологическое решение она может получить только на почве философии языка как философии знака» (цит. по: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 218 – 220, 252).

[1] Ср., например, следующие термины: *философско-лингвистический, знак, идеология, идеологический продукт, мировоззрение, миросозерцание, индивидуальное сознание, механистическая каузальность, общественная психология, классовая борьба, диалектика знака, базис, надстройка, производственные отношения, знаковая действительность психики, функциональная психология, антипсихологизм, абстрактный объективизм, индивидуалистический субъективизм* и т. д.

[2] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 12 – 13; Он же. М.М.Бахтин и В.Н.Волошинов // The Seventh international Bakhtin conference: june 26 – 30. 1995. Moscow, 1995. Book II. С. 399; Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 2. С. 79 – 80.

[3] Между тем он продолжает употребляться Бахтиным и в 1930-х гг. См.: напр.: Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 80, 83, 86, 88, 92, 94 и далее.

[4] См.: Бахтин М. Указ. соч. С. 15, 72 – 73, 75 – 80 и далее.

[5] См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 250 – 296. Работа переиздана в пятом томе Собрания сочинений ученого.

культуры речи, литературоведения и др.[1] В то же время бахтинская теория речевых жанров надлингвистична: она перерастает границы языкознания, соприкасаясь, в частности, с семиотикой и прагматикой общения[2].

В книге «Проблемы поэтики Достоевского» (1963 г.) Бахтиным была выдвинута концепция металингвистики – особой филологической науки, призванной, по его мнению, изучать различные формы реагирования слова на чужие высказывания (прежде всего в художественном тексте): стилизацию, пародию, сказ и др.[3] Данная теория Бахтина тоже перерастает пределы лингвистики как таковой, выходя в зону контакта с литературоведением, поэтикой, отчасти эстетикой[4].

Примечательно, что нередко ученый полемизирует с традиционной лингвистической наукой в целом и ее частными дисциплинами (стилистикой, лексикологией, семасиологией), не способными, по его мнению, адекватно отразить многие коммуникативные и эстетические сущности[5].

Таким образом, на протяжении всего творческого пути Бахтин последовательно отстаивал принципы подлинного филологизма, единства гуманитарных наук, доказывая ограниченность изучения языкового континуума с помощью лишь одного научного инструментария, под одним строго определенным углом зрения – и противопоставлял этому объемное, «голографическое» моделирование словесных проявлений человеческой жизнедеятельности. В этом, на наш взгляд, состоит величайшая заслуга исследователя.

В современных условиях, когда филологическая наука, прежде существовавшая как единое целое, а позже дифференцировавшая себя, особенно остро нуждается в качественно ином уровне синкретизма, идеи Бахтина о необходимости новых подходов к изучению языковой

---

[1] См.: Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 85 – 104.

[2] См.: Васильев Н.Л. Жанр и языковая компетентность // Проблемы оптимизации речевого общения. Саранск, 1989. С. 115 – 118.

[3] См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979. С. 210 – 237.

[4] См.: Васильев Н.Л. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52.

[5] Напр.: «Не во всех отделах равномерно лингвистика сумела овладеть своим предметом: с трудом она начинает овладевать им в синтаксисе, очень мало пока сделано в области семасиологии, совершенно еще не разработан отдел, долженствующий ведать большие словесные целые: длинные жизненные высказывания, диалог, речь, трактат, роман и т. п., – ибо и эти высказывания могут и должны быть определены и изучены чисто лингвистически, как языковые явления»; «…стилистика лишена подлинного философского и социологического подхода к своим проблемам, утопает в стилистических мелочах…»; «Можно прямо сказать, что диалогический момент слова и все явления, с ним связанные, оставались до последнего времени вне кругозора лингвистики» (Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. С. 45, 72 – 73, 87).

природы коммуникации представляются необычайно плодотворными и перспективными, расширяют представление о границах филологии вплоть до ее понимания как универсальной герменевтики нашего общения.

3. В.Н.ВОЛОШИНОВ: МИФОПОЭТИКА СУДЬБЫ

В.Н.ВОЛОШИНОВ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*

Имя В.Н.Волошинова воскресло из небытия в связи с колоссальным вниманием к личности и наследию М.М.Бахтина – и едва ли не последнему обязано своей сегодняшней известностью, воспринимаясь нередко как alter ego самого Бахтина. Между тем Волошинов был вполне реальным человеком, а не мифологемой, и его гражданский облик, труды, судьба представляют интерес вне зависимости от фигуры Бахтина. Попытаемся обобщить то немногое, что известно на сегодняшний день об этом человеке.

I

Валентин Николаевич Волошинов родился 18 (30) июня 1895 г. в Петербурге в семье присяжного поверенного (адвоката) – отставного коллежского асессора Николая Александровича Волошинова и его жены Лидии Валерьяновны[1]. По словам М.Бахтина, Н.А.Волошинов «был другом Вячеслава Иванова» – и через посредство младшего Волошинова сам он познакомился с В.И.Ивановым на одном из литературных вечеров «еще в Ленинграде» (вероятно, в 1924 г.)[2].

В 1904 г. Волошинов поступил в 12-ю городскую гимназию, где учился в течение 9 лет[3]. С 1913 г. Волошинов – студент юридического факультета Петербургского университета. Об этом периоде его жизни известно лишь то, что он всерьез увлекался музыкой и в год поступления в университет опубликовал свои первые музыкальные произведения. В 1917 г., являясь студентом 3 курса, Волошинов был вынужден оставить учебу из-за материальных трудностей и некоторое время работал учителем[4]. В 1918 г. стал председателем Исполкома сотрудников Петроградского окружного

---

* Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 5 – 22.

[1] Государственный исторический архив С.-Петербурга (ГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, д. 62100, св. 3044, л. 2, 42. Выражаем признательность С.С.Конкину (Саранск) и Д.А.Юнову (С.-Петербург), предоставившим в наше распоряжение архивные материалы, касающиеся биографии В.Н.Волошинова, без которых настоящий очерк был бы существенно неполным.

[2] См.: Разговоры с Бахтиным (продолжение) // Человек. 1993. № 6. С. 146.

[3] ГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 62100, св. 3044, л. 5 об.

[4] ГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 62100, св. 3044, л. 44. См. также: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.); London, 1984. P. 40.

народного суда (просуществовавшего около года) и заведующим канцелярией уголовного отдела[1].

В нач. 1919 г. Волошинов переехал в Невель, в прошлом уездный город Витебской губернии (ныне Псковской области), куда в годы гражданской войны потянулись многие петербуржцы, привлеченные сравнительной дешевизной жизни, благоприятными природными условиями этого региона. Здесь Волошинов встретил своего друга с гимназических лет Б.М.Зубакина, познакомился с М.Бахтиным, сблизился с М.И.Каганом, Л.В.Пумпянским, М.В.Юдиной[2]. В первое время Волошинов работал в Чупровской волости Невельского уезда, руководя отделом внешкольного образования. Затем стал заведовать музыкальной секцией в Невельском отделе народного образования и одновременно заниматься педагогической деятельностью – в музыкальной школе (по классу рояля) и в Единой трудовой школе 2-й ступени, где вел в старших классах историю литературы (там же с авг. 1918 г. работал преподавателем истории, социологии и русского языка Бахтин)[3].

В 1921 г. Волошинов переселился в Витебск (ныне областной город Республики Беларусь). Здесь он возглавил музыкальный отдел Витгубполитпросвета, стал заместителем заведующего подотделом искусств губернского отдела народного образования (вероятно, под началом П.Н.Медведева, с которым Волошинов мог быть знаком по учебе в Петербургском университете[4]), организовал коллектив артистов камерного ансамбля, получившего большую популярность[5]. Помимо этого преподавал историю драматургии, театра, костюма и внешнего быта в Школе сценического искусства при Витебской консерватории и эстетику в школьном театре при отделе народного образования. Читал в различных аудиториях лекции по истории русской и античной литературы, музыки, общей истории культуры[6].

Связи Волошинова с витебской интеллигенцией и партийно-советской номенклатурой способствовали вживанию в культурную жизнь города и самого Бахтина, перебравшегося в Витебск летом – осенью

---

[1] ГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 62100, св. 3044, л. 44.

[2] См.: М.М.Бахтин и М.И.Каган: (По материалам семейного архива / Публ. К.Невельской // Память: Ист. сб. Вып. 4. Париж, 1981. С. 273; то же (с доп.): Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива: (М.М.Бахтин и М.И.Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). Витебск. 1992. № 1. С. 79; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 53.

[3] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. С. 53 – 54.

[4] П.Н.Медведев окончил юридический факультет Петербургского университета в 1914 г. (см.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. С. 63). В нач. 1920-х гг. он заведовал подотделом искусств Витебского отдела народного образования (см.: Медведев Ю.П. «Нас было много на челне…» // ДКХ. 1992. № 1. С. 89).

[5] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. С. 62.

[6] ГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 62100, св. 3044, л. 4 об.

1920 г. С помощью Волошинова и Медведева ему удалось устроиться на работу в местный педагогический институт и консерваторию, читать лекции в Высшем институте народного образования[1]. Преподавательская деятельность Бахтина в Витебской консерватории (он вел курс истории и философии музыки), по-видимому, стимулировалась тесным общением с Волошиновым, чьи музыкальные интересы носили профессиональный характер.

В витебский период Бахтин и Волошинов жили какое-то время вместе, снимая комнату в доме врача О.Л.Алексеевской (Малченко)[2], что было вызвано не только их духовной потребностью друг в друге, но и обострением болезни Бахтина (полиомиелит) – необходимостью в связи с этим ухода за ним[3]. Здесь Волошинов познакомился с дочерью хозяина дома – Ниной Аркадьевной, ставшей вскоре его женой[4]. Обрел подругу жизни в Витебске и Бахтин: ею стала Е.А.Околович, квартировавшая в том же доме (свадьба последних состоялась в июле 1921 г.)[5].

Из воспоминаний слушательницы лекций Бахтина Р.М.Миркиной известно следующее: «Жили Бахтины на Смоленской улице (д. 61. – *Н.В.*) в квартире врача Алексеевской. Их небольшая комната с окнами, выходившими во двор, была обставлена весьма скудно <…>. На одной из стен не то с желтоватыми, не то с зеленоватыми обоями мелким почерком были написаны следующие строки:

Здесь жили поэт и философ
В суровые зимние дни.
И много проклятых вопросов
Решали в то время они.

Автором стихов был Валентин Николаевич Волошинов, зять Алексеевской, сосед по квартире и приятель Михаила Михалыча»[6].

Имя Волошинова постоянно фигурирует в письмах Бахтина к М.И.Кагану (март 1921 – янв. 1922 г.)[7]. Сохранился отрывок из письма самого Волошинова к М.И.Кагану (осень 1921 г.), на основе чего можно судить о творческой жизни Волошинова в витебский период и о том, что связывало молодых людей: «<…> На днях прочитал книжку "Освальд Шпенглер и Закат Европы" со статьями Степуна, Франка и др. Статьи эти не произвели на меня впечатления особенно блестящих, но сама книга

[1] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. С. 62 – 63.
[2] Там же. С. 360.
[3] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 51.
[4] Там же.
[5] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 51; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. С. 71.
[6] Миркина Р.М. Бахтин, каким я его знала: (Молодой Бахтин) // ДКХ. 1993. № 1. С. 93. То же (в расширенном виде): Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 67.
[7] См.: Каган Ю.М. О старых бумагах… С. 67, 69, 71, 72.

Шпенглера меня крайне заинтересовала. Читал ли ты ее в подлиннике? Если да, то мне крайне хотелось бы узнать твое мнение о ней. Посылаю тебе журнал "Искусство" с моей статьей о Бетховене и стихотворением памяти Блока. Думаю, что ты не откажешь указать мне на недостатки моих первых печатных работ. Предшествующий (№ 3) "Искусства" я не посылал, т. к. мне кажется, что помещенная там моя статья о Мусоргском менее интересна. Недели полторы тому назад я получил от Бориса Михайловича (Зубакина. – *Н.В.*) письмо из Смоленска. <…> Вот было бы хорошо, если б мы все – ты, Мих. Мих., Бор. Мих., и я – снова соединились в Москве, продолжая славную традицию Невеля: крепкий чай и разговоры до утра.

Прими мой самый сердечный дружеский привет.

Преданный тебе В.Волошинов»[1].

Кроме указанных в письме к М.И.Кагану статей Волошиновым была опубликована в том же году рецензия на книгу К.Эйгеса «Очерки по философии музыки», помещенная в № 2 – 3 витебского журнала «Искусство». Там же (1921, № 4 – 6. С. 48) сообщалось, что Волошинов, Бахтин, Медведев и поэт М.Пустынин ведут занятия в Литературной студии.

О поэтическом творчестве Волошинова нач. 1920-х гг. известен отзыв Бахтина: «…печатался, но потом… забросил совсем, понял, что он поэт слишком маленький и не захотел продолжать эту деятельность, тем более, что он был еще и музыкантом, композитором»[2].

В 1922 г. Волошинов возвращается в Петроград (в том же году туда приехал и Медведев). Одним из мотивов этого было желание продолжить университетское образование. Сохранился текст заявления 27-летнего абитуриента на имя ректора Петроградского университета[3]: «Поступив в 1913 г. в Петербургский университет на юридический факультет, я вынужден был, перейдя на 3-й курс, оставить университет в 1916 – 1917 учебном году по соображениям материального характера (невозможность вносить плату и необходимость поступить на службу).

В начале 1919 г. я уехал в г. Невель, а оттуда в Витебск, где до последнего времени деятельность моя протекала исключительно в области теории и практики искусства (литературы и музыки). В настоящее время Витебский губернский профсоюз работников искусств откомандировал меня, согласно разверстке ЦК, в Петроградский университет, причем, за неполучением мест на более подходящие факультеты для работников ис-

---

[1] Там же. С. 85.

[2] Разговоры с Бахтиным (продолжение) // Человек. 1994. № 3. С. 181.

[3] В 1922 – 1925 гг. ректором университета был Н.С.Державин (1877 – 1953), заведовавший кафедрой славянской филологии, а позже руководивший ИЛЯЗВом (см. ниже), Институтом славяноведения АН СССР, академик (с 1931 г.).

кусств, Союз должен был предоставить мне место на физико-математический факультет.

Ввиду того, что за последние годы моя специальность, как поэта и лектора по истории и философии искусства, окончательно определилась, я прошу зачислить меня не на физико-математический факультет, а на литературно-художественное отделение факультета общественных наук. Кроме того, прошу разрешения поступить не на первый курс, а на второй, так как я обладаю некоторой специальной подготовкой. Все требуемые зачеты могут быть мною сданы в установленный срок.

При сем прилагаю curriculum vitae. <…> 29.VIII.1922 г. В.Волошинов»[1]. О себе Волошинов сообщил, в частности, следующее: «Имею печатные произведения: а) статьи по философии и истории музыки и стихотворения в журнале "Искусство" № 2 – 3 и № 4 – 6 – 1921 г.; б) музыкальные композиции (фортепьянные и вокальные) в издании Иогансен (Петроград) 1913 года. Произведения в рукописи: а) книга стихов; три поэмы; драма в стихах; б) 24 opus'а фортепьянных, скрипичных и вокальных произведений»[2].

Однако вместо ожидаемого литературно-художественного отделения Волошинов был зачислен на этнолого-лингвистическую специализацию факультета общественных наук[3], что, вероятно, и послужило основной причиной его будущего интереса к марксизму, психологии, языкознанию. Там же учился хорошо знакомый Волошинову по Витебску (оба, в частности, работали в системе Губполитпросвета) И.И.Соллертинский, переехавший в Петроград за год до этого.

Факультет общественных наук (приходит на память название известного романа Ю.О.Домбровского) был образован в 1919 г. на базе трех факультетов – историко-филологического, восточных языков и юридического. Учебный план включал, в частности, общественно-исторические и экономические дисциплины, логику и психологию, общее и сравнительное языкознание, теорию и методологию литературы, углубленную языковую практику – в зависимости от специализации, а кроме того и в сфере новых западноевропейских языков. На старшем (четвертом) курсе студенты занимались в специальном семинаре теоретического характера. Упор делался на изучение «идеологических наук»[4]. Ничего удивительного, что в этих условиях могла произойти и смена теоретических, творческих интересов Волошинова, и трансформация его мировоззрения, идейной ориентации. В годы вторичной учебы в университете Волошинов, однако, про-

[1] ГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 62100, св. 3044, л. 3 об. См. также: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. С. 101.

[2] Там же, л. 4 об.

[3] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. С. 101.

[4] См.: Ленинградский государственный университет. Л., 1925. С. 12.

являет себя только в прежнем качестве. Так, в 1922 – 1923 гг. на страницах журнала «Записки передвижного театра», главным редактором которого являлся П.Н.Медведев, были опубликованы три его стихотворения, две статьи и несколько рецензий на книги по истории и теории музыки.

В 1924 г. Волошинов завершил университетское образование[1]. С переездом в Ленинград Бахтина (летом того же года) активизировались теоретические занятия витебских друзей. Российская интеллигенция переживала в это время повальное увлечение фрейдизмом[2], что прямо отразилось на научных интересах бахтинского круга. По свидетельству Бахтина (материалы его следственного дела), «были прореферированы важнейшие работы самого Фрейда и его последователей. Главным референтом был Пумпянский Л.В. Аудитория состояла из ближайших друзей (Тубянский, Медведев, Волошинов, Ругевич)…»[3]. О том, в какой степени интерес к психоанализу затронул умы гуманитариев самого разного профиля, входивших в круг Бахтина, можно судить, например, по тому факту, что И.И.Соллертинский вел курс психологии на словесном отделении Института истории искусств, где особое внимание уделял Фрейду, и даже планировал опубликовать цикл статей по этой проблематике[4], а Л.В.Пумпянский подготовил статью «К критике Ранка и психоанализа»[5]. Неудивительно, что вопросы философской интерпретации фрейдизма могли захватить и Волошинова, получившего к тому времени необходимую теоретическую подготовку и методологическую «закваску».

В 1925 г. в журнале «Звезда» (№ 5) появилась статья Волошинова «По ту сторону социального», которая предваряла его книгу «Фрейдизм»[6], сыгравшую немалую роль в приостановлении победоносного шествия психоанализа в СССР[7]. В 1926 г. выходит статья Волошинова «Слово в

---

[1] См.: Конкин С.С. Михаил Бахтин: (Критико-биогр. очерк) // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 10. Это подтверждается и архивными материалами ИЛЯЗВа (Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга – ЦГАЛИ СПб.), ф. 288, оп. 2, ед. хр. 13, л. 34). Ср.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 110.

[2] См.: Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 213 – 214, 273 – 275.

[3] Архивное управление КГБ РСФСР по Ленинградской области. Дело № 108-1929, д. 5, т. 3, л. 18 – 19. См. также: Савкин И.А. Дело о Воскресении // М.М.Бахтин и философская культура XX века: В 2 ч. СПб, 1991. Ч. 2. С. 110 – 111.

[4] См.: Миркина Р.М. Бахтин, каким я его знала. С. 95; Михеева Л.В. И.И.Соллертинский: Жизнь и наследие. Л., 1988. С. 51 – 53.

[5] См.: Николаев Н.И. Невельская школа философии: (М.Бахтин, М.Каган, Л.Пумпянский в 1918 – 1925 гг.) // М.Бахтин и философская культура XX века. Вып. 1. Ч. 2. СПб., 1991. С. 38.

[6] Сохранился текст договора В.Н.Волошинова с ЛенОГИЗом от 27 янв. 1927 г. на издание указанной книги, включавший условия ее издания: объем, тираж, авторский гонорар (ЦГАЛИ СПб., ф. 35, оп. 3, ед. хр. 89, л. 170, 170 об.).

[7] См.: Эткинд А. Эрос невозможного. С. 396 – 397.

жизни и слово в поэзии» («Звезда», № 6). В ней был намечен круг вопросов, нашедших впоследствии отражение в ряде работ как самого Волошинова, так и Бахтина.

Научные способности и творческая активность Волошинова, вероятно, привлекли к нему внимание университетской профессуры и администрации. В нач. 1925 г. он был зачислен в сверхштатные сотрудники II разряда Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), организованного в 1923 г. при Петроградском университете[1]. В ноябре 1926 г. в связи с упразднением должности сотрудников II разряда Волошинова переводят в «сверхштатные аспиранты» ИЛЯЗВа[2]. Спустя год руководство института ходатайствует перед комиссией по подготовке научных работников при ГУСе (Государственный ученый совет) Наркомпроса РСФСР о выдвижении Волошинова и еще двух аспирантов на стипендию «ввиду их больших научных способностей и острой нуждаемости, парализующей научную работу». В представлении стипендиальной комиссии ИЛЯЗВа (от 24 окт. 1927 г.) отмечалось, что Волошинов специализируется «по методологии литературы», работает «над вопросами социологической поэтики», успешно выдержал в декабре 1926 г. вступительные «испытания» и зарекомендовал себя «как марксист» книгой «Фрейдизм» (ГИЗ, 1927)[3]. С декабря 1927 г. Волошинов – «штатный аспирант» института (в документах указывается направление его исследований – «история русской литературы», сведения о возрасте, образовании; отмечается, что он работает по совместительству в Художественно-промышленном техникуме, не является членом ВЛКСМ и ВКПб, состоит в профсоюзе работников просвещения)[4].

В конце 1927 г. ИЛЯЗВ входит в структуру Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), координировавшую академическую гуманитарную науку. Организационный центр РАНИОН находился в Москве и возглавлялся литературоведом и искусствоведом В.М.Фриче. Из протокола заседания Президиума РАНИОН от 9 дек. 1927 г. явствует, что Волошинов, наряду с еще двумя сотрудниками – Г.Е.Горбачевым и В.Ф.Шишмаревым, был включен в состав Президиума секции литературы, председателем которой стал В.А.Десницкий, а секретарем Н.В.Яковлев[5]. Это свидетельствовало о сложившемся авторитете Волошинова как начинающего ученого.

---

[1] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 2, ед. хр. 6, л. 29, 37.

[2] Там же, ед. хр. 14, л. 23, 33.

[3] Там же, ед. хр. 21, л. 10, 11.

[4] Там же, ед. хр. 13, л. 28, 34.

[5] Там же, ед. хр. 21, л. 16. Г.Е.Горбачев (1897 – 1942) – доцент Ленинградского университета (с 1923 г.), редактор журнала «Звезда» (в 1925 – 1926 гг.), автор ряда книг по русской и советской литературе. изданных (и переизданных) в 1920-х гг., член ВКП(б) с 1919 г. В.А.Десницкий (1878 – 1958) – крупный литературовед (история русской литературы, мето-

6 апреля 1928 г. канцелярия ИЛЯЗВа отсылает в ЛенОГИЗ рукопись книги Волошинова «Проблема передачи чужой речи: (Опыт социолингвистического исследования)» объемом в 10 п. л.[1] Примечательно, что чуть позже (26 апр.) институт ходатайствует перед ЛенОГИЗом об издании печатавшейся там книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении: (Критическое введение в социологическую поэтику)» также под грифом ИЛЯЗВа[2]. 15 июня 1928 г. Волошинов назначается секретарем подсекции методологии литературы (председатель – В.А.Десницкий)[3]. Научные интересы ученого, однако, сосредотачиваются на теоретических вопросах лингвистики и поэтики. В журнале «Литература и марксизм»[4] (1928, № 5) выходит статья Волошинова «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе», излагающая основные положения его книги «Марксизм и философия языка» (за исключением третьей ее части), которая, появившись в нач. 1929 г., была переиздана год спустя.

Летом 1929 г. истек формальный срок учебы Волошинова в аспирантуре[5], после чего он был переведен в научные сотрудники I разряда[6]. Темой диссертации Волошинова, вероятно, была специфика передачи чужой речи и связанные с ней вопросы лингвистики и поэтики[7]. Определенного научного руководителя у Волошинова не было, но в разное время его консультировали, как явствует из материалов ИЛЯЗВа, А.В.Десницкий, Г.Е.Горбачев, Н.В.Яковлев[8]. Последнему Волошинов посвятил статью «О границах поэтики и лингвистики», датированную 13 ноября 1929 г. и опубликованную в одном из последних сборников трудов ИЛЯЗВа («В борьбе за марксизм в литературной науке», 1930 г.). В 1930 г. была напечатана и рецензия Волошинова на книгу В.В.Виноградова «О художест-

---

дология), был в 1906 – 1907 гг. членом ЦК РСДРП(б), редактором ряда большевистских изданий, дружил с А.М.Горьким, декан филологического факультета Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена (конец 1920-х – нач. 1930-х гг.). В.Ф.Шишмарев (1874 – 1957) – литературовед, лингвист (специалист по романской филологии), профессор Ленинградского университета (с 1918 г.), академик (с 1946 г.). Н.В.Яковлев (1891 – 1981) – специалист по русской литературе XIX в., ст. научный сотрудник Пушкинского дома (с 1916 г.), ученый секретарь ИЛЯЗВа.

[1] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, ед. хр. 40, л. 32.

[2] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, ед. хр. 40, л. 40.

[3] Там же, ед. хр. 41, л. 5 об.

[4] Журнал издавался в Москве (с 1928 г.), отличался академизмом, ответственным редактором его был в ту пору Ф.М.Фриче.

[5] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, ед. хр. 37, л. 48.

[6] См.: Наука и научные работники СССР. Ч. V: Научные работники Ленинграда. Л., 1934. С. 78.

[7] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 111.

[8] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, ед. хр. 41, л. 3; кд. хр. 37, л. 62. Кроме того известно, что Волошинов – сначала в качестве аспиранта, а потом и преподавателя Ленинградского пединститута – часто бывал на квартире В.А.Десницкого, видимо протежировавшего молодому ученому (см.: Медведев Ю.П. «Нас было много на челне…». С. 96).

венной прозе» («Звезда», № 2), в которой, как и в предшествующей статье, он полемизирует с автором по поводу методологии изучения художественного текста. К этому времени относится и работа Волошинова над циклом научно-популярных статей для журнала «Литературная учеба», издававшегося, по замыслу его основателя и редактора М.Горького, в помощь молодым пролетарским писателям[1]. Три статьи этого цикла («Что такое язык?», «Конструкция высказывания», «Слово и его социальная функция») были опубликованы под рубрикой «Стилистика художественной речи» во 2, 3 и 5 номерах журнала за 1930 г. Волошинов планировал продолжение своей серии: «В вопросу об образовании литературного языка, являющегося языком господствующего класса, мы подойдем в одной из следующих статей…», «О системах стихосложения подробно будем говорить в следующих статьях…», «В одном из следующих номеров будут рассмотрены наиболее характерные ответы на предложенный нами анализ…». В письмах к Горькому А.Д.Камегулов характеризует Волошинова как авторитетного исследователя: «К участию в журнале пока удалось привлечь Десницкого-Строева, Тынянова, Волошинова (написал интересную книгу "Марксизм и философия языка"), Л.П.Якубинского. Двое последних будут писать по вопросам языка прозы и поэзии» (осень 1929 г.); «С таким же величайшим трудом привлекаются и "старики" (перед этим речь шла о молодых ученых. – *Н.В.*). Я буквально *умолил* Якубинского и Волошинова вести отдел языка» (февр. 1930 г.)[2]. В ответных письмах к Камегулову Горький, просматривавший материалы журнала сначала в рукописном, а потом в опубликованном виде, дважды упоминал о статье Волошинова «Что такое язык?», подчеркивая необходимость для авторов «Литературной учебы» стремиться к максимальной простоте и доходчивости: «Дельная статья Волошинова выиграла бы вдвое, будь она сделана более простым языком» (май 1930 г.)[3].

В 1930 г. ИЛЯЗВ был преобразован в Институт речевой культуры (ИРК), просуществовавший до 1932 г. Институт испытывал значительные финансовые и организационные трудности, перестают издаваться его «Труды», количество публикаций сокращается до минимума. Тем не менее в его издательских планах по сектору литературы фигурировали сборники «Классики эстетики в марксистском освещении» и «Современные запад-

[1] Заместителем редактора журнала, выходившего в Ленинграде, был в 1930 – 1931 гг. критик и литературовед А.Д.Камегулов (1900 – 1937), окончивший в 1926 г. факультет общественных наук Ленинградского университета. Сам М.Горький жил в это время в Сорренто (Италия), руководя журналом через своего заместителя, а также путем переписки с потенциальными авторами.

[2] См.: М.Горький и советская печать: В 2 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 256, 268.

[3] Там же. С. 278, 286.

ноевропейские литературно-эстетические теории», среди авторов которых называлось и имя Волошинова[1].

После расформирования ИРКа (литературный сектор был ликвидирован, а лингвистический стал основой Ленинградского института языкознания)[2], Волошинов продолжал вести преподавательскую работу в учебных заведениях Ленинграда, в частности в Педагогическом институте им. А.И.Герцена (в должности доцента)[3] и Институте повышения квалификации работников искусств – ЛИПКРИ (в должности профессора), где читал курс социологии искусства[4]. Однако обострившийся процесс болезни (туберкулез), от которой Волошинов страдал с 1914 г.[5], заставил его в 1934 г. прекратить активную научную и педагогическую деятельность и заняться лечением. После его смерти, последовавшей 13 июня 1936 г. в Ленинграде[6], остался, в частности, неоконченный перевод на русский язык первого тома книги немецкого философа Э.Кассирера «Философия символических форм» (1923)[7]. Известно также, что на похороны Волошинова приехал из ссылки (г. Архангельск) его близкий друг Б.М.Зубакин, вскоре погибший в сталинских лагерях[8].

На этом можно было бы и поставить точку, выразив удовлетворение в связи с переизданием (кстати говоря, к 100-летию со дня рождения) работ одного из ярких отечественных ученых 1920-х гг. – критика, философа, филолога, основоположника нового подхода к изучению художественной и бытовой речи. Если бы не одно «но»…

II

Приписывание отдельных работ Волошинова (и Медведева) перу Бахтина началось в 1970-х гг., в частности после известного заявления Вяч. Вс. Иванова[9], вслед за которым появился целый ряд демаршей по-

---

[1] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, ед. хр. 41, л. 9, 10.

[2] См.: Ленинградский университет за советские годы: 1917 – 1947. Л., 1948. С. 356.

[3] См.: Наука и научные работники СССР. Ч. V: Научные работники Ленинграда. С. 78.

[4] Информация основана на следующем источнике: Архив отдела ЗАГС Центрального района г. С.-Петербурга, запись о регистрации смерти № 1189 от 14.07.36 г. Волошинова В.Н. См. также: Ленинградский государственный институт повышения квалификации работников искусств (1935 – 1936) / Сост. Л.И.Пумпянский. Л., 1936. С. 7, 28.

[5] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 265. По свидетельству Н.А.Волошиновой, у ее мужа была «высохшая» рука, из-за чего он не мог совершенствоваться в игре на фортепьяно (Ibid. P. 40).

[6] Архив отдела ЗАГС Центрального района г. С.-Петербурга, запись о регистрации смерти Волошинова В.Н. О причине смерти сообщается: «туберкулез легких, гнойный плеврит».

[7] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 265.

[8] См.: Каган Ю.М. О старых бумагах… С. 79.

[9] См.: Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1973. Вып. 308. С. 44 – 96.

добного рода со стороны людей, знавших Бахтина в разные годы. Молчание хранил только сам Бахтин…

Вопрос об авторстве «спорных текстов» оброс уже солидной библиографией (на нескольких языках)[1]. В работах, посвященных этой теме, достаточно объективно рассматриваются как аргументы «за», так и «против» авторства (соавторства) Бахтина. Попытаемся их обобщить и проанализировать – с учетом новых фактов, включенных в бахтинский контекст в последние годы.

К числу так называемых «спорных текстов» чаще всего относят (иногда со ссылками на устные заявления самого Бахтина) книги «Фрейдизм», «Формальный метод в литературоведении», «Марксизм и философия языка»; реже (с оговорками) статьи Волошинова «О границах поэтики и лингвистики», «По ту сторону социального», «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе», его триптих в журнале «Литературная учеба» и некоторые другие исследования, вышедшие из бахтинского круга[2].

В пользу мнения об участии Бахтина в написании каких-то из этих работ говорит следующее.

1) Свидетельства и высказывания – прямые и косвенные – лиц, знавших Бахтина или интервьюировавших его (В.В.Иванов, С.С.Конкин, С.Г.Бочаров, В.В.Кожинов, С.Н.Бройтман, Ю.М.Каган, Т.Уиннер, А.Уэрль). В наиболее развернутых из них речь идет либо о соавторстве Бахтина[3], либо о полном его авторстве – «с начала до конца»[4], что несколько настораживает своей противоречивостью.

2) Ссылки на участников литературной жизни 1920-х гг. (В.Б.Шкловского, В.В.Виноградова, Н.Я.Берковского), приписывавших именно Бахтину критику формального метода в литературоведении и языкознании.

3) Сообщения Н.А.Волошиновой (Алексеевской) и Е.А.Бахтиной о том, что отдельные «спорные» книги либо принадлежат Бахтину, либо

---

[1] Укажем лишь на последние русскоязычные публикации: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43; Осовский О.Е. Бахтин, Медведев, Волошинов: Об одном из «проклятых вопросов» современного бахтиноведения // Философия М.М.Бахтина и этика современного мира. Саранск, 1992. С. 39 – 54; Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 70 – 89; Медведев Ю, Акимов В. Не маски, а лица: Бахтин в лабиринте // Сегодня. 1994. 4 мая. С. 10; В.Б. [Рец.] Бахтин под маской // Вопр. философии. 1994. № 9. С. 214 – 215.

[2] См., напр.: Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина… С. 44; Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 158 – 170, 357; Осовский О.Е. Человек. Слово. Роман: (Научное наследие М.М.Бахтина и современность). Саранск, 1993. С. 133.

[3] См.: Конкин С.С. Ученый с мировой известностью // Штрихи к портретам. Саранск, 1990. С. 79.

[4] См.: Бочаров С.Г. Об одном разговоре… С. 73.

диктовались им Волошинову, либо готовились к изданию в доме Бахтиных.

4) Согласие и последующий отказ Бахтина подписать документ о его авторском праве на некоторые работы, вышедшие под именами Волошинова и Медведева.

5) Упоминание Бахтиным в разговоре с С.Г.Бочаровым (21 ноября 1974 г.) о том, что во время следствия по делу «Воскресения» ему задавали вопрос о секрете странного авторства.

6) Методологическая и текстологическая близость «спорных текстов» к авторизованным работам Бахтина.

7) Документальное подтверждение И.И.Канаевым бахтинского авторства статьи «Современный витализм», косвенно подкрепляющее версию о возможном участии Бахтина в написании работ Волошинова.

8) Отсутствие у Бахтина ссылок на «спорные тексты», а также публикаций (и попыток к этому) в 1925 – 1928 гг.

Среди причин, вызвавших столь странную форму проявления Бахтиным своего авторского начала, назывались (нередко со ссылками на самого ученого): необходимость в заработке, отсутствие связей в научно-издательском мире, бескорыстие, нежелание поступаться идейными принципами в угоду марксистской методологии, стремление помочь друзьям в их научной карьере, особое – диалогическое – отношение к творчеству, осторожность Бахтина (в условиях жесткого идеологического диктата скрывшего свою индивидуальность под несколькими именами); наконец, этот шаг ученого рассматривался и как своеобразный поступок – реакция на всеобщее «разложение».

То, что Бахтин не любил касаться этой темы и давал соответствующие объяснения каждый раз по-новому, заставляет предполагать, что истинные причины его издательско-авторского эксперимента им утаивались (или имели комплексный характер). Наиболее вероятными из них являются, на наш взгляд, две: 1) Бахтин не хотел быть причастным к распространению марксистской методологии в философии и филологии; 2) он не был формально связан с научными учреждениями Ленинграда (что давало возможность попасть в издательский план, например ИЛЯЗВа; заручиться поддержкой руководства института и т. д.). И, чтобы иметь доступ к читателю, Бахтин мог предложить необычную форму соавторства, устраивавшую в определенной мере и его друзей, поскольку они разделяли идеи Бахтина и понимали, что иного пути опубликовать бахтинские труды в ближайшее время нет. (В этом случае все действующие лица остаются на достойной этической высоте!)

Недавно были обнародованы новые свидетельства, касающиеся загадочного соавторства, – на этот раз исходившие непосредственно от Бахтина.

Отвечая на запрос В.В.Кожинова относительно слухов, циркулировавших в ленинградской среде на рубеже 20 – 30-х гг. о принадлежности ему некоторых работ Волошинова и Медведева, Бахтин пишет (10 янв. 1961 г.): «Книги "Формальный метод" и "Марксизм и философия языка" мне очень хорошо известны. В.Н.Волошинов и П.Н.Медведев – мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена *общая* концепция языка и речевого произведения. В этом отношении В.В.Виноградов совершенно прав. Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг. Что касается до других работ П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова, то они лежат в иной плоскости, не отражают общей концепции и в создании их я никакого участия не принимал.

Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживаюсь и до сих пор…»[1].

В беседе с В.Д.Дувакиным (магнитофонная запись, февр. 1973 г.), сумевшим расположить Бахтина к доверительному разговору о прошлом, последний говорит: «…у меня был близкий друг – Валентин Николаевич Волошинов. Он автор книги "Марксизм и философия языка", книги, которую, так сказать, мне приписывают»[2].

Перед нами единственные на сегодняшний день документальные (письменное и устное) высказывания самого Бахтина, фигурирующие, подобно свидетельским показаниям, в деле об авторстве «спорных текстов». Можно ли им доверять? Ведь легко сослаться, что и делали ранее (в отношении, например, автобиографии ученого), на неискренность Бахтина, его стремление утаить правду по каким-то соображениям. В таком случае уместен вопрос: кому мы должны доверять более, нежели самому Бахтину, в этом деликатном деле? При всем уважении к людям, знавшим Бахтина, при всей благодарности за их стремление «запротоколировать» разговоры с ученым, думается, что не следовало бы слишком категорично склонять общественное мнение в пользу бахтинского авторства, раз этого не сделал сам Бахтин – ни в далеких 20-х, ни в близким к нам 70-х гг. Деликатность нужна и в отношении людей, ушедших от нас «по ту сторону социального».

На основании данных бахтинских заявлений можно сделать следующий вывод. Бахтин не отрицал своего «участия» в «создании» некоторых работ Волошинова и Медведева, которое выразилось в «творческом кон-

[1] См.: Из писем М.М.Бахтина // Москва. 1992. № 11 – 12. С. 176. То же: Письма М.М.Бахтина // Лит. учеба. 1992. № 4 – 5. С. 145.

[2] См.: Разговоры с Бахтиным (продолжение) // Человек. 1993. № 6. С. 146.

такте», в выработке «общей концепции» (вероятно, исходящей прежде всего от Бахтина), но не распространялось на форму реализации «общих» идей, т. е. сами тексты. Этому выводу не противоречит и заявление Бахтина о том, что Волошинов был его «учеником» (М.М.Бахтин – В.В.Кожинову. 16 нояб. 1964 г.)[1]. Обладая в невельско-витебский период большей подготовкой в философии, литературоведении, языкознании, Бахтин, несомненно, питал своего друга – в то время юриста по образованию – соответствующими познаниями. Но позже мог начаться обратный процесс: Волошинов стал посредником между новой университетской наукой и Бахтиным. В ленинградский период жизни он, скорее всего, занял достаточно самостоятельную научную позицию, что могло приводить даже к принципиальным разногласиям с Бахтиным по вопросам методологии (отношение к марксизму, фрейдизму, марризму и т. д.)[2]. Во всяком случае, ученик должен был оказаться достойным учителя…

Нам уже приходилось касаться проблемы авторства отдельных «спорных текстов». В данном случае мы не ставим перед собой этой цели. Отчасти потому, что можно привести немало доводов в пользу как авторства Волошинова, так и Бахтина (или их соавторства). Так, в статье «По ту сторону социального» обращают на себя внимание не свойственный философу Бахтину озорной эпиграф, коррелирующий с финальным аккордом работы, ссылка на учебник (или хрестоматию) по «истмату» (с. 60). Книга о фрейдизме написана с малоприсущей Бахтину установкой на широкого читателя, энергичностью, прямолинейностью развертывания повествования, с общим марксистским уклоном. В работе «Марксизм и философия языка» ощущается разнородность текста, нестыковка отдельных его частей, отсутствие единого «образа автора»; создается впечатление об искусственности композиции книги, ее аритмичности. Статьи, опубликованные в журнале «Литературная учеба», наиболее далеки от бахтинского канона; приметы советской идеологии, действительности в них уже органичны (постоянные ссылки на классовую сущность языка, на труды Н.Я.Марра, соответствующий «иллюстративный ряд» и др.); экскурсы в область общего языкознания здесь уже лишены примеси «философии языка», часто встречаются аналогии с музыкальными понятиями, хорошо знакомыми Волошинову. То же волошиновское начало заметно и в статье «О границах поэтики и лингвистики»: иронический эпиграф (и концовка), марксизм, марризм, недооценка индоевропеистики, ссылки Волошинова на свои работы, в том числе по теории музыки, корреляция,

[1] См.: Из писем М.М.Бахтина. С. 182.

[2] Так, в 1926 г. Волошинов уже не принимает участия в теологических дискуссиях своих друзей, о чем свидетельствует письмо Л.В.Пумпянского к М.И.Кагану (см.: Каган Ю.М. О старых бумагах… С. 73 – 74).

а иногда затяжная полемика с Медведевым, идеологический ригоризм, аналогии с музыкой и др.

В то же время в большинстве указанных работ чувствуется бахтинская диалектика слова, почерк Философа. Есть и такая интригующая деталь: почти все интересующие нас труды содержат однотипную формулировку: «Теперь остается только подвести итоги...», «Остается подвести итоги», «Теперь мы можем подвести некоторые итоги». Встречается она в слегка измененном виде и в книге «Формальный метод в литературоведении» и в «Современном витализме»[1], и в «Проблемах творчества Достоевского» (Л., 1929. С. 242). Что это – случайность, «шаблон речи» (как говорил Волошинов) или своеобразный штамп Мастера, его «фирменный знак»?.. Полагаем, что об авторстве «спорных текстов» будет высказано еще немало соображений, в том числе сугубо текстологического характера.

III

Судя по творческим проявлениям (стихи, критика, статьи, книги), Волошинов предстает как человек большой культуры, прекрасно владеющий слогом, способный выразить мысль предельно точно и в то же время с элегантной легкостью и достоинством, в необходимых случаях – и с яркостью опытного популяризатора.

То немногое, что опубликовано из его поэтических опытов («Памяти Александра Блока», «Влекомый чудной тайной Назарета...», «Сонет», «Вечное»), отражает личность незаурядную, глубокую, тонкую.

Статьи о музыке выдают в нем человека, одаренного не только светом Искусства, Знания, но и чувством Слова, Ритма; наследника той культурной Атлантиды, которая почти бесследно исчезла после 1917 г.

Уже в первых работах Волошинова виден его интерес к «философии искусства», «нравственной философии», марбургской школе, ницшеанству, другим теоретическим построениям; безусловное знание первоисточников, большая эрудиция вообще.

Еще одна привлекательная черта «раннего» Волошинова – патриотизм, но с «лермонтовской» горчинкой: «…когда же, наконец, мы, русские, проявим себя самостоятельными, вполне оригинальными трудами по философии того искусства, к которому искони был склонен русский народ и которое на протяжении каких-нибудь 150 – 200 лет (от Глинки до Скрябина) небывало расцвело» (рец. на книгу К.Эйгеса «Очерки по философии музыки»).

[1] См. републикацию: ДКХ. 1993. № 4. С. 114.

В рецензии на стихи В.Брюсова (1927 г.) нельзя не отметить собственный взгляд критика на поэта, его индивидуальный голос, к которому прислушиваешься с интересом, доверием даже сейчас – после стольких слов, сказанных о Брюсове.

В работах «позднего» Волошинова происходит естественная в условиях 20-х гг. трансформация языка, метода мышления, архитектоники и ритма повествования, но сохраняется прежнее владение словом, логикой анализа, первоисточниками. Судить о волошиновских «трудах и днях» периода 1925 – 1930-х гг. сложно: приходится учитывать его диалог с Бахтиным, Медведевым, коллегами по научной работе вообще, а также – с самой эпохой, советской действительностью, заставлявшей порой мимикрировать, «соответствовать» (как сказал бы сологубовский Передонов) обстоятельствам. Не исключено, что последние, сломавшие не одну судьбу в те годы (вспомним хотя бы Е.Д.Поливанова), наложили свой трагический и даже демонический отпечаток и на такого цельного, чистого, тихого человека, каким предстает Волошинов[1].

Хочется думать, что Волошинов останется в нашей культурной памяти человеком, достойным уважения и внимания, – не только как друг М.Бахтина, П.Медведева, М.Кагана, Л.Пумпянского, Б.Зубакина, И.Соллертинского, М.Юдиной, И.Канаева, но и как творчески самоценная личность – музыкант, поэт, критик, ученый, педагог.

М.М.БАХТИН И В.Н.ВОЛОШИНОВ*

1. В 1995 г. исполняется 100 лет со дня рождения не только М.М.Бахтина (1895 – 1975), но и его близкого друга В.Н.Волошинова (1895 – 1936). Имя последнего, несмотря на отдельные ссылки на его труды авторитетных ученых, непосредственных участников научной жизни 1920-х гг. (В.В.Виноградов, Р.О.Якобсон и др.), долгое время находилось в забвении и обязано своим воскрешением главным образом общественному вниманию к работам и биографии Бахтина, в частности к полемике вокруг авторства некоторых книг и статей, приписываемых ему.

По мнению ряда биографов Бахтина (!), Волошинов не мог быть автором работ по психоанализу, поэтике, лингвистике, поскольку не являлся

---

[1] См. указание на не вполне ясный эпизод научных отношений Волошинова с О.М.Фрейденберг (1890 – 1955), зафиксированный в дневнике последней незадолго до ее смерти (Perlina N. Funny things are happening оп the way to Bakhtin Forum // Kennan Institute Occasional papers. № 231. Washington, 1989. P. 26; Осовский О.Е. Человек. Слово. Роман. С. 52).

* Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и В.Н.Волошинов // The seventh international Bakhtin conference: June 26 – 30, 1995. M, 1995. Book II. P. 396 – 400.

ученым в строгом смысле слова и его творческие пристрастия ограничивались лишь поэзией и музыкой. Формированию этого убеждения способствовала и скудность сведений о жизни Волошинова в послевитебский период (1922 – 1936 гг.).

2. Между тем изучение биографии Волошинова дает основание заключить, что его научные (искусствоведческие, лингвистические, литературоведческие, философские) интересы не были случайными или ученическими, носили профессиональную направленность и формировались не только в атмосфере общения с М.М.Бахтиным, М.И.Каганом, Л.В.Пумпянским, П.Н.Медведевым, И.И.Соллертинским, Б.М.Зубакиным, М.В.Юдиной и другими представителями невельско-витебской культурной «диаспоры», но и в соответствующей академической среде (Петербургский университет – Ленинградский университет – ИЛЯЗВ – ЛГПИ и т. д.).

3. Валентин Николаевич Волошинов родился в семье петербургского адвоката Н.А.Волошинова, который, по свидетельству Бахтина, был другом поэта и филолога Вячеслава Иванова.

В 1913 г. юный Волошинов заканчивает гимназию и поступает на юридический факультет Петербургского университета. К этому времени он опубликовал свои первые музыкальные произведения (фортепьянные и вокальные композиции). В 1917 г. Волошинов был вынужден оставить учебу, некоторое время учительствовал. В 1918 г. работал Председателем исполкома сотрудников Петроградского окружного народного суда и заведующим канцелярией уголовного отдела.

В 1919 г. Волошинов переехал в Витебскую губернию, где сначала руководил отделом внешкольного образования в одной из волостей Невельского уезда, а позже стал заведовать музыкальной секцией в Невельском отделе народного образования и одновременно преподавать в музыкальной школе (класс рояля) и в Единой трудовой школе 2-й ступени (история литературы). В Невеле Волошинов познакомился с Бахтиным, сблизился с Каганом, Пумпянским, Юдиной.

В 1921 г. Волошинов переселился в Витебск, возглавил музыкальный отдел Губполитпросвета, стал заместителем завподотделом искусств отдела народного образования, организовал камерный ансамбль. Помимо этого Волошинов преподавал историю драматургии, театра, костюма и внешнего быта в Школе сценического искусства при Витебской консерватории и эстетику в Школьном театре при отделе народного образования, читал лекции по истории музыки, русской и античной литературе, общей истории культуры.

В витебский период Волошинов жил некоторое время с Бахтиным, снимая комнату в доме врача Алексеевского. Об их тесном общении свидетельствует переписка Бахтина с М.И.Каганом (март 1921 – янв. 1922 г.)

и стихи самого Волошинова, сохранившиеся в памяти Р.М.Миркиной: «Здесь жили поэт и философ / В суровые зимние дни. / И много проклятых вопросов / Решали в то время они». В доме Алексеевских Волошинов познакомился со своей первой женой – Н.А.Алексеевской, а Бахтин – с Е.А.Околович, квартировавшей там же.

В 1921 г. в Витебском журнале «Искусство» публикуются первые литературные опыты Волошинова: статьи о музыке, лирика. К этому времени им была подготовлена книга стихотворений, написаны три поэмы, драма, создано более 20 фортепьянных, скрипичных и вокальных произведений.

В 1922 г. Волошинов покидает Витебск и поступает на этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, специализируясь, вероятно, в области романо-германских языков. В журнале «Записки передвижного театра», издававшемся П.Н.Медведевым, печатаются его стихи и рецензии на книги по истории и теории музыки.

В 1924 г. Волошинов завершает свое университетское образование, с этого времени его научно-творческие интересы перемещаются в сферу идеологических наук (марксизм, психология, языкознание, литературоведение), привлекавших в те годы внимание гуманитарной интеллигенции. Вместе с Бахтиным (переехавшим в Ленинград летом 1924 г.), Пумпянским, Соллертинским и другими своими друзьями, коллегами Волошинов увлекается фрейдизмом, пытается осмыслить соотнесенность методологии психоанализа и марксизма. Результатом этого явилась, в частности, статья «По ту сторону социального», опубликованная во второй пол. 1925 г., а позже книга «Фрейдизм», вышедшая в 1927 г. (сохранился текст договора Волошинова с ЛенГИЗом по этому поводу).

Незаурядные способности и творческая активность Волошинова содействовали его успешной научной карьере. В нач. 1925 г. он зачисляется в сверхштатные сотрудники Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), сформированного при Ленинградском университете. В 1926 г. переводится в сверхштатные аспиранты. В 1927 г. – в штатные аспиранты. В документах ИЛЯЗВа (ЦГАЛИ, ф. 288) отмечается, что Волошинов «специализируется по методологии литературы» и работает «над вопросами социологической поэтики». Одновременно Волошинов занимается преподавательской деятельностью в Художественно-промышленном техникуме.

В конце 1927 г. Волошинов становится членом Президиума секции литературы, образованной в рамках Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Председателем секции был видный литературовед марксистской ориентации В.А.Десницкий, остальными членами президиума – специалист по рус-

ской литературе XIX в. ученый секретарь ИЛЯЗВа Н.В.Яковлев, критик и литературовед, редактор журнала «Звезда» (здесь в 1926 г. была опубликована статья Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии») Г.Е.Горбачев и крупнейший советский романист академик В.Ф.Шишмарев. В 1928 г. Волошинов утверждается, кроме того, секретарем подсекции методологии литературы. Это свидетельствовало о сложившемся авторитете его как ученого.

Весной 1928 г. Волошиновым была подготовлена к печати книга «Проблемы передачи чужой речи (Опыт социолингвистического исследования)» объемом в 10 п. л., отосланная канцелярией ИЛЯЗВа в ЛенОТГИЗ в качестве плановой институтской работы. Судьба ее неизвестна. Параллельно Волошинов готовил рукопись книги «Марксизм и философия языка» (1929 г.), о чем говорится в его статье «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе», опубликованной в академическом журнале «Литература и марксизм» (1928, № 5): «Данная статья – автореферат трех глав книги автора – "Марксизм и философия языка (Основные проблемы социологического метода в науке о языке)", выходящей в Ленинградском отделении Госиздата». Вероятно, материалы «Проблем передачи чужой речи» вошли в волошиновскую монографию в качестве третьей структурной части.

Летом 1929 г. закончился срок учебы Волошинова в аспирантуре, и он был переведен в старшие научные сотрудники института. Из документов ИЛЯЗВа явствует, что в разное время Волошинова консультировали коллеги – В.А.Десницкий, Г.Е.Горбачев, Н.В.Яковлев. О том, что Волошинов в качестве аспиранта, а затем и преподавателя Ленинградского пединститута им. А.И.Герцена тесно общался с В.А.Десницким, свидетельствует дочь последнего – известный языковед член-кореспондент АН СССР А.В.Десницкая. Н.В.Яковлеву Волошинов посвятил статью «О границах поэтики и лингвистики», опубликованную в сборнике трудов ИЛЯЗВа в 1930 г., где он, как и в рецензии на книгу В.В.Виноградова «О художественной прозе» (1930 г.), полемизирует с последним по поводу методологии изучения художественного текста.

В 1929 – 1930 гг. Волошинов работает над циклом научно-популярных статей для журнала «Литературная учеба», редактором которого был М.Горький. Участвовать в этом издании Волошинова пригласил заместитель М.Горького – критик и литературовед А.Д.Камегулов, окончивший в 1926 г. факультет общественных наук ЛГУ. В письмах к М.Горькому он характеризует Волошинова как опытного исследователя: «К участию в журнале мне удалось привлечь Десницкого-Строева, Тынянова, Волошинова (написал интересную книгу "Марксизм и философия языка"), Л.П.Якубинского (осень 1929 г.), «Я буквально умолил Якубинского и Волошинова вести отдел языка» (февр. 1930 г.). М.Горький, лично

просматривавший материалы, поступавшие в «Литературную учебу», дважды упоминал о статье Волошинова «Что такое язык?», положительно оценивая ее содержательную сторону: «Дельная статья Волошинова выиграла бы вдвое, будь она сделана более простым языком» (май 1930 г.). Волошинов вел в журнале отдел «Стилистика художественной речи», в котором на протяжении 1930 г. были напечатаны три его статьи («Что такое язык?», «Конструкция высказывания», «Слово и его социальная функция») и планировались новые, в частности касающиеся литературного языка, стихосложения, анализа ответов читателей на предложенные стилистические задания. Однако по каким-то причинам (возможно, из-за отхода А.Д.Камегулова от технического руководства журналом) задуманным планам осуществиться не удалось.

В 1930 г. ИЛЯЗВ был выведен из состава Ленинградского университета и преобразован в Государственный институт речевой культуры (ГИРК). В его издательских планах фигурировали сборники «Классики эстетики в марксистском освещении» и «Современные западноевропейские литературно-эстетические теории», среди авторов которых был заявлен и Волошинов. В 1932 г. ГИРК расформировали. Этим обстоятельством, вероятно, и объясняется снижение печатной активности Волошинова. Преподавательская деятельность Волошинова продолжалась в Ленинградском пединституте (в должности доцента) и Институте повышения квалификации работников искусств – ЛИПКРИ (в должности профессора), где он читал, в частности, курс социологии искусств.

В 1934 г. Волошинов был вынужден прекратить научно-педагогическую деятельность в связи с обострением туберкулезного процесса, начавшегося еще в 1924 г. Болезнь и явилась причиной его смерти в 1936 г. Есть сведения, что в последние годы жизни Волошинов переводил на русский язык первый том книги немецкого философа Э.Кассирера «Философия символических форм» (1923).

4. Вопрос об авторстве ряда научных произведений, опубликованных под именем Волошинова, приобрел в последние годы несомненную актуальность. Выявление фактов, свидетельствующих о том, что Волошинов был активным и заметным действующим лицом в академической науке своего времени (наряду с сопоставительным анализом бахтинских и волошиновских текстов), заставляет осторожнее отнестись к заявлениям относительно его пассивной роли в авторском союзе с Бахтиным.

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО В.Н.ВОЛОШИНОВА В ОЦЕНКЕ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ*

Биография В.Н.Волошинова, в частности его научная карьера, вопросы авторства ряда вышедших под его именем книг и статей, уже были предметом нашего внимания[1].

Задача данной статьи – не доказательство филологической дееспособности одного из заметных ученых-гуманитариев 20-х гг., а анализ реакции на его творчество современников – ближайшего окружения, вузовской администрации, академической и писательской среды, что представляет интерес по ряду причин: информирует о степени известности работ Волошинова, их конкретно-исторической актуальности, вписываемости в идеологический контекст своего времени; в какой-то мере и объективирует личность Волошинова как реально существовавшего исследователя, а не «мифологемы», позволяет лучше разобраться в его авторском содружестве с М.М.Бахтиным.

Творческие проявления Волошинова выразились многообразно – в поэзии, критике, композиторской, педагогической и научной деятельности. Первые его музыкальные опыты были опубликованы еще в 1913 г., но большей частью остались неизданными. Стихи печатались в витебском журнале «Искусство», «Записках Передвижного театра»; кое-что из поэтического наследия Волошинова уцелело в архиве его сына – Б.В.Волошинова[2], известно из воспоминаний о Бахтине[3], периодической печати 20-х гг.[4] и других источников[5]. Статьи и рецензии Волошинова по музыкальной тематике публиковались в указанных выше изданиях в те же

---

* Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 31 – 69.

[1] См., напр.: М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 45 – 52; М.М.Бахтин и В.Н.Волошинов // The Seventh international Bakhtin conference. Moscow, 1995. Book II. С. 396 – 400; В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 5 – 22; К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 530 – 541.

[2] Ссылаемся на свидетельство петербургского исследователя Д.А.Юнова.

[3] См.: Миркина Р.М. Бахтин, каким я его знала: (Молодой Бахтин) // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1993. № 1. С. 93.

[4] Так, в № 1 витебского журнала «Искусство» за 1921 г. читаем: «Поэт В.Н.Волошинов заканчивает новую поэму "Астранда" и продолжает свои изыскания в области философии музыки» (с. 23).

[5] В письме Б.М.Зубакина к В.А.Пясту (от 16 июля 1931 г.) есть указание на то, что стихи Волошинова печатались в 1915 – 1920 гг. в петроградских журналах, а также приведена цитата из его стихотворения «Празднество» (в источнике, на который мы ссылаемся, вероятно, опечатка: «Празденство») – с пожеланием включить лирику Волошинова в одну из поэтических антологий, подготавливаемых Пястом. См.: Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. С. 247 – 248.

годы, что и лирика. В большей степени имя Волошинова связывается с философско-филологическими трудами.

Отклики на композиторские сочинения Волошинова нам не известны. Естественно было бы ожидать какой-то реакции на них со стороны М.В.Юдиной, И.И.Соллертинского, познакомившихся с Волошиновым еще в невельский период его жизни, но в опубликованных на сегодняшний день документах, материалах из их литературно-эпистолярного наследия никаких упоминаний о Волошинове как композиторе или исполнителе нет[1].

Поэтические и эзотерические наклонности Волошинова связывали его с Б.М.Зубакиным и А.И.Цветаевой. Последние посвятили Волошинову по крайней мере три стихотворения, что свидетельствует о немалом уважении к личности и духовности их общего друга[2]. Так, в балладе Цветаевой «Утрата» (вторая пол. 1930-х гг.) есть следующие строки, адресованные Волошинову:

Почти четырнадцать годин прошло с тех пор,
Как имя нежное Твое я услыхала.
Легендой было спущено забрало
На юные черты <…>
О не лгала легенда! В принцах крови
Такую не встречаешь тонкость черт,
И лишь в отшельниках такой любви
Сияет – неземного рода – герб.
Т а к о м у сыну блудному служить опорой –
Коленопреклоненная мечта!

---

[1] В записных книжках И.И.Соллертинского есть лишь малоговорящее упоминание о Волошинове (инициалы последнего искажены): «Лето. Поездки в Невель <…>. Знакомство с М.В.Юдиной, М.М.Бахтиным, В.И.Волошиновым». См.: Михеева Л.В. И.И.Соллертинский: Жизнь и наследие. Л., 1988. С. 24.

[2] Б.М.Зубакин (1894 – 1941) – поэт, философ-мистик; соученик Волошинова по гимназии; в 1913 – 1917 гг. учился в Международном философско-оккультном институте астролога А. фон Кордига – закрытом учебном заведении (под Петроградом), одним из организаторов которого был Волошинов. (См., однако, новейшие данные о характере этого «института» и распределении в нем ролей Зубакиным, Волошиновым и др.: Розенкрейцеры в советской России: Документы 1922 – 1937 гг. / Публ., вступ. ст., коммент., указ. А.Л.Никитина. М., 2004. С. 368 – 420.) А.И.Цветаева (1894 – 1993) – прозаик, поэт, мемуарист. Входила в ближайшее окружение Б.М.Зубакина, была слушательницей его лекций по «этическому герметизму», читавшихся для круга единомышленников; в сер. 1930-х гг. во время болезни Волошинова (туберкулез), приведшей его к преждевременной смерти, ухаживала за ним, бывая наездами в Ленинграде. См., в частности: А.И.Цветаева. Лесной ученый / Публ. и вступ. зам. Ст.А.Айдиняна // ДКХ. 1993. № 4. С. 87; А.И.Цветаева. Три поэмы / Публ., вступ. ст. и коммент. Ст.А.Айдиняна // ДКХ. 1995. № 1. С. 138 – 139. Об отношениях Цветаевой с Зубакиным см. также: Шаповалов М. Последняя встреча // Лит. Россия. 1994. № 39. С. 13.

Сохранился текст стихотворения Зубакина с посвящением «Валентину Волошинову» и указанием на «хронотоп» – «Юклы, Финляндия. Июнь 1928»:

...Мне томительно, мне сумно
На путях моих.
Но вгляжусь и вижу рядом
Юношеский взгляд.
Это ты проходишь садом,
Когда люди спят.
Это ты мне шепчешь внятно
О свирельных днях.
Встань же солнце незакатно
На твоих путях.[1]

В следственных показаниях Зубакина (1922, 1929 гг.), арестованного по обвинению в создании нелегальной политической организации, Волошинов фигурирует как один из основателей философско-мистической общины розенкрейцеров в Петербурге и на хуторе Затишье Чупровской волости Невельского уезда; при этом Зубакин почти избегает каких-либо оценок личности близкого ему человека, несмотря на весьма обстоятельный характер своих полувынужденных ответов на вопросы московского ГПУ. Наиболее интересные его свидетельства в отношении друга таковы: «Мы с Волошиновым объявили себя преемственниками через Кордига (уже совершенно слегшего на одр болезни и смерти) христианского розенкрейцерства <…>. Установили четырехгодичный курс школы (1-й год – символика и введение, 2-й год – каббала и магия, 3-й – мажорные арканы и 4-й – минорные арканы)…» (1915 г.); «Все дело дорогого мне кружка осталось на Волошинове. Он изобрел печать с египетским ключом и буквами. Он вел занятия с "учениками". Магнетизировал больных, занимался самообразованием и подбором библиотеки» (1916 г.); «К пасхе 1919 г. я списался с Валентином Волошиновым. Узнав, что он почти умирает с голоду с матерью, я выписал его к себе в деревню…»; «Все мы поэты. <…> я – поэт, Валентин Волошинов – поэт, <…> мать Волошинова – поэтесса…»; «Жили мы с патриархальной и апостольской простотой и красотой, с пением, музыкой (Волошинов к тому же и композитор <…>). Писали поэмы. С нами были мудрые книги. Идиллия длилась до 1920 г., июля»; «С моим отъездом все наше "рыцарство духа" расклеилось. <…> Волошинов женился и уехал к жене в Витебск, за ним последовала и мать его»; «Волошинов совсем от меня отошел и занялся музыкой, стихами и весе-

[1] Цит. по: Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. соч. С. 392. См. также пронзительно-нервную «Импровизацию» (1927 г.) Б.М.Зубакина, адресованную Волошинову (Зубакин Б. Медведь на бульваре. М., 1929. С. 36 – 37; ср.: Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. соч. С. 379 – 380).

лым обществом» (1920 г.); «В Витебск мне очень хотелось наезжать, потому что там жил Волошинов, которого я продолжал все-таки нежно любить…» (1921 г.)[1].

Бахтин же весьма сдержанно отзывался о лирическом творчестве Волошинова: «…поэт, который тогда печатал стихи, но потом он забросил совсем, понял, что он поэт слишком маленький, и не захотел продолжать эту деятельность, тем более что он был еще и музыкант, композитор»[2]. Парадоксально, что Бахтин совершенно игнорирует в данном случае Волошинова как ученого, словно его восприятие личности друга «замкнулось» на невельско-витебском периоде их общения; и, наоборот, в другом месте своего разговора с В.Д.Дувакиным, когда речь заходит о знакомстве с литераторами «серебряного века», вспоминает о Волошинове только как о филологе: «…у меня был близкий друг – Волошинов… Он автор книги "Марксизм и философия языка", книги, которую мне, так сказать, приписывают»[3]. Не свидетельство ли это того, что Волошинов доленинградского и ленинградского периодов представлял собой в сознании Бахтина как бы двух людей, с трудом "уживавшихся" друг с другом: поэта, музыканта – и филолога, философа? Отсюда могла идти инерция представления Бахтина о Волошинове как всего лишь его "ученике"[4].

Скупые высказывания Бахтина о научных трудах Волошинова[5] связаны, как правило, с ответами на вопросы об авторстве ряда книг и статей, вышедших из «бахтинского круга»: «Книги "Формальный метод" и "Маркизм и философия языка" мне очень хорошо известны. В.Н.Волошинов и П.Н.Медведев – мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте»; «Что касается до Волошинова, то Вы с полным правом можете назвать его моим учеником»[6]; «…отвечая на мой вопрос об авторстве книг, подписанных именами Мед-

---

[1] Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. соч. С. 104 – 107, 110 – 119, 236. По свидетельству биографов Зубакина, в одном из его писем к Горькому (1927 – 1930 гг.) есть также нелестное упоминание о Волошинове, в связи со слухами относительно «сексотства» и чудачеств Зубакина, распространявшимися в Москве и Ленинграде (С. 73, 232, 306).

[2] Цит. по: Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996. С. 184. Ср. оценки Бахтиным других поэтов в указанных воспоминаниях: «…Зубакин – маленький очень поэт, а это (М.Кузмин. – *Н.В.*) очень большой поэт»; «…как поэт тоже он (К.Вагинов. – *Н.В.*) был крупный...» (с. 179, 186).

[3] Там же. С. 77 – 78.

[4] См. также трактовку творческих «интенций» Бахтина и Волошинова в невельсковитебский период их жизни в четверостишии последнего: «Здесь жили поэт и философ / В суровые зимние дни. / И много проклятых вопросов / Решали в то время они» (Миркина Р.М. Указ. соч. С. 93).

[5] Ср. более развернутую, яркую характеристику Бахтиным П.Н.Медведева (Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 171 – 172, 196 – 197 и др.).

[6] Цит. по: Письма М.М.Бахтина / Вступ. ст., прим. и подгот. текста В.В.Федорова // Лит. учеба. 1992. № 5/6. С. 145, 152.

ведева и Волошинова, Михаил Михалович назвал своим созданием книгу о формальном методе. <…> Про другие же работы Бахтин сказал, что в них выражены его идеи, развитые им в лекциях для круга учеников. Он отрицал, что у Волошинова есть что-либо самостоятельное, и отмечал в своих отношениях с ровесником, как я записал, "естественное соотношение между учителем и учеником"»[1]; «Он [Бахтин] пояснил: "Это были мои ученики. Они мне предложили, что могут издать мои книги под своими именами. Я согласился», «…неужели Вы думаете, что я мог бы поставить свое имя на книге с названием "Марксизм и философия языка"?..»[2].

Ни в одной из авторизованных работ Бахтин не упоминает имени Волошинова (как и Медведева) и не ссылается на его труды, что, по меньшей мере, странно, поскольку любой исследователь должен отражать предшествующие публикации по затронутой им теме, даже если они его собственные. Лишь в одном из мемуаров о Бахтине говорится о непроизвольном упоминании им книги «Фрейдизм»[3].

Между тем Волошинов и Медведев делали ссылки как на работы друг друга, так и на подписанные их именами «спорные тексты». Например, в статье «О границах поэтики и лингвистики», посвященной Н.В.Яковлеву[4], Н.В.Яковлеву[4], Волошинов неоднократно полемизирует с «Формальным методом в литературоведении» (далее ФМЛ). В свою очередь Медведев упоминает о статье Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии». Во «Фрейдизме» Волошинов ссылается на работу И.И.Канаева «Современный витализм» и свои собственные: «По ту сторону социального», «Слово в жизни и слово в поэзии», «Философская мысль современного Запада». В «Марксизме и философии языка» (далее МФЯ) – на «Фрейдизм» и «Слово в жизни и слово в поэзии». В статье «О границах поэтики и лингвистики» – на МФЯ и свою рецензию на книгу И.Глебова «П.И.Чайковский: Его жизнь и творчество»[5]. В работе «Конструкция высказывания» – на МФЯ.

В архивах бывшего КГБ сохранился экземпляр МФЯ, подаренный Медведеву со следующей надписью: «Павлу не только "дружески", но и с

---

[1] Свительский В.А. Идеи М.М.Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века // М.М.Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Витебск, 1994. С. 119.

[2] Иванов Вяч. Вс. Об авторстве книг В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева // ДКХ. 1995. № 4. С. 135 – 136. Ср. также использование Бахтиным слова «ученик» в иных случаях: «…есть такой литературовед сейчас, Вы, вероятно, знаете, – Гачев. <…> Это вот из того же круга литературоведов, как Кожинов, Бочаров, Они вместе вот трехтомник-то издавали "Теория литературы" <…> Ну вот. Гачев написал очень интересное исследование <…> о Горьком. Он говорит, что Горький – это был, в сущности, воплощение карнавального начала. <…> (Гачев вообще, так сказать, мой ученик, то есть такой, неофициальный ученик, он в Московском университете учился. Вот» (Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 114 – 115).

[3] См.: Естифеева В.Б Воспоминания о Бахтине // ДКХ. 2000. № 1. С. 147.

[4] Н.В.Яковлев (1891 – 1981) – литературовед, ученый секретарь ИЛЯЗВа, старший научный сотрудник Пушкинского дома (с 1916 г.).

[5] См.: Записки Передвижного театра. 1922. № 42. С. 5.

любовью. Валентин. 19 23/I 29»[1] – на основании чего можно предположить, что это ответный знак внимания Волошинова на поднесенную ему незадолго до того книгу Медведева ФМЛ[2].

В воспоминаниях о Бахтине не отмечается и факт наличия в его домашней библиотеке трудов Волошинова и Медведева, приписываемых ему, что тоже выглядит странным, если они создавались при участии последнего (хотя мы должны принять во внимание драматические обстоятельства жизни Бахтина – многочисленные переезды, имущественные потери и т. п.); скорее, наоборот – подчеркивается неожиданность появления указанных трудов в «поле зрения» ученого[3]. Нет сведений и об автографах Бахтина, оставленных на указанных работах, как и надписях, адресованных ему титульными авторами данных исследований.

Неоднократно ссылается на труды Волошинова в своих неопубликованных работах «социологического периода» (1927 – 1931 гг.) другой представитель «круга Бахтина» – Л.В.Пумпянский. Так, в заметке о целях массовой лекционной пропаганды (1928 г.) он пишет: «…дуализм в литературоведении[4] <…> есть наследие метафизики… Не то, чтобы нельзя

---

[1] Выражаем благодарность Ю.П.Медведеву за возможность ознакомиться с фотокопией автографа Волошинова.

[2] 26 апр. 1928 г. руководство ИЛЯЗВа направило в ЛенОТГИЗ официальное письмо, из которого видно, что Медведев был тесно связан с названным институтом (7 дек. того же года он стал его внештатным научным сотрудником I разряда): «Согласно постановлению Коллегии Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Востока и Запада при ЛГУ о приеме в серию трудов Института печатающейся у Вас книги П.Медведева "Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику)", – прошу поставить на титуле и обложке названной книги (наверху листа) следующую надпись:

Российская ассоциация научных институтов общественных наук
Научно-исследовательский институт
сравнительной истории литератур и языков
Запада и Востока

Директор Института Н.Державин
Уч. секретарь Н.Яковлев
Делопроизводитель <…>» (ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, ед. хр. 40, л. 40).

[3] См., напр.: Wehrle A.I. Introduction // P.N.Medvedev/M.M.Bakhtin. The formal method in literary scholarship. Baltimore; London, 1978. P. 16; Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 71.

[4] Перед этим Пумпянский отмечает: «…в быту, в обиходе культурном, успех формализма привел к популярному дуализму: одну сторону произведения надо изучать и объяснять по формализму, другую – по марксизму». В связи с этим интересен следующий комментарий по поводу методологической полемики указанного времени: «В начале 20-х годов В.А.Десницкий активно боролся с формалистами и "форсоцами". Первые, необычайно воинственные в ту пору, считали себя истинными представителями литературоведческой науки <…>. "Форсоцами" были те молодые люди (Г.Горбачев и др.), которые мня себя марксистами, старались примирить непримиримое, соединить несоединимое: формализм и марксизм или формальный метод с социологическим <…>, а по сути дела были верными оруженосцами формализ-

пользоваться понятиями формы и содержания <…>, нельзя отдавать вопросы "формы" формалистам. См. статью Волошинова[1]. "Форма" насквозь социологична…»[2]. В книге «Литература современного Запада и Америки. 1920 – 1929» (1930 г.) исследователь высоко оценивает мысли Волошинова о социальной природе высказываний, цитируя соответствующие места МФЯ[3]: «…индивидуальная биография биологически необъяснима. Не только поступки человека, но и мышление его, чувства, характер, склад личности – сплошь социальны, хотя бы даже потому, что основное их проявление – внутренняя речь, а всякая речь, в том числе и внутренняя, есть речевая идеология, возникшая на базе социального общения. "Вне объективации, вне воплощения в определенном материале (напр. внутренней речи) сознание – фикция… Организационный центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а во вне: в социальной среде, окружающей особь"[4]».

Важным источником информации о научной деятельности Волошинова является его учеба в аспирантуре ИЛЯЗВа. Так, Н.В.Яковлев, бывший одним из научных консультантов Волошинова, в протоколе стипендиальной комиссии ИЛЯЗВа от 25 окт. 1927 г. отмечает у своего подопечного «большие научные способности <…> и острую нуждаемость, парализующую научную работу», а также, что Волошинов специализируется «по методологии литературы», работает «над вопросами социологической поэтики», успешно «выдержал испытания» в декабре 1926 г.[5], зарекомендовал себя «как марксист, книгой "Фрейдизм", ГИЗ, 1927»[1].

ма <…>» (Касторский С.В. Научно-педагогическая деятельность В.А.Десницкого // Из истории русских литературных отношений XVIII – XX веков. М.; Л., 1959. С. 9 – 10).

[1] Имеется в виду статья «Слово в жизни и слово в поэзии», в которой обосновывается «социологический подход к имманентно-художественной структуре поэтической формы» (Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 86).

[2] Здесь и ниже тексты Пумпянского цитируются по выпискам, сделанным для нас исследователем литературного наследия ученого Н.И.Николаевым, за что выражаем последнему сердечную благодарность.

[3] Данная книга – без «авторской» надписи – сохранилась в библиотеке Пумпянского и, по свидетельству Н.И.Николаева, содержит многочисленные пометы ученого, особенно в «социологических» разделах (ныне она передана в Отдел редких книг Научной библиотеки СПбГУ).

[4] Здесь Пумпянский сделал следующее примечание: «В.Н.Волошинов. Маркизм и философия языка. "Прибой", 1929, стр. 107 – 111. Образцовый разбор всего вопроса читатель найдет на стр. 99 – 119, обосновывающих положение: индивидуальное переживание не менее социально, чем коллективное». В одном случае Пумпянский воспроизводит текст Волошинова неточно (см.: Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 306 – 307, 310).

[5] Речь идет о вступительных экзаменах в аспирантуру. О том, какие требования предъявлялись к кандидатам в аспиранты в Ленинградском университете, можно узнать из соответствующих справочников: «При факультете (имеется в виду образованный в 1925 г. на базе факультета общественных наук факультет языковедения и материальной культуры, который окончил Волошинов. – *Н.В.*) состоит научно-исследовательский институт сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока <…> куда... направляются наиболее выдаю-

В личном деле Волошинова, находящемся в архиве Российской ассоциации научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИОН), в систему которой входил с 1928 г. ИЛЯЗВ, имеется несколько свидетельств о его научной деятельности: «Работа В.Волошинова была в области исследования новых и сложных проблем методологии литературоведения в высшей степени интересна и плодотворна. <…>. Горбачев[2]»; «т. Волошинов работает под руководством В.А.Десницкого[3]. Принадлежит к числу ученых, с успехом применяющих в своих работах марксистский метод. Готовит работу на тему "Марксизм и

щиеся из окончивших курс студентов» (Ленинградский государственный университет / Под ред. В.Б.Томашевского. Л., 1925. С. 12 – 13); «Государственный Ученый совет при НКП (ГУС) взял подготовку научных кадров под свой контроль. При университетах, в том числе и при Ленинградском университете, был создан институт аспирантуры, которая была рассчитана на три года, причем персональный отбор аспирантов решался на основании не только академических, но и общественных данных кандаидата»; «В течение 1927 – 1929 гг. в Ленинградском университете проведена большая работа по упорядочению "выдвижения" в аспирантуру. Кандидаты в аспиранты ("выдвиженцы") намечались предметными комиссиями факультетов, причем списки наиболее успевающих и подающих надежды студентов направлялись через Правление в так называемую "Социолого-предметную комиссию" для испытания по общественным дисциплинам»; «Одновременно университет проявил большую заботу о правильной постановке дела марксистско-ленинской подготовки аспирантов. Здесь впервые были поставлены специальные курсы диалектического и исторического материализма, советского строительства и пр. В 1927 г. Правление университета <…> поставило перед соответствующими органами вопрос о создании при ЛГУ единого центра марксистской подготовки аспирантов» (Ленинградский университет за советские годы: 1917 – 1947. Л., 1948. С. 22 – 23.

[1] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 2, ед. хр. 21, л. 10, 11.

[2] Г.Е.Горбачев (1897 – 1942) – член Президиума секции литературы ИЛЯЗВа; в 1925 – 1926 гг. редактор журнала «Звезда»; автор ряда монографических исследований по русской и советской литературе, изданных в 20-х гг.; член ВКП (б) с 1919 г.; являлся одним из научных консультантов аспиранта Волошинова. Пропагандировал синтез марксизма с формализмом: «Формальный анализ должен быть использован марксистами, но настоящее включение формального метода в марксистский историко-литературный метод произойдет тогда, когда марксисты сумеют так же легко объяснить, исходя из своей монистической точки зрения <…> особенности формы, как они умеют объяснять идеи произведения» (Горбачев Г. Очерки современной русской литературы. Л., 1925. С. 11 – 12). О методологической платформе Горбачева-критика свидетельствует Бахтин, лично с ним не знакомый: «…представители вот такой критики – уже коммунистической, марксистской… Такой был Горбачев, в то время очень популярный критик» (Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 153). Как стилист Горбачев нередко прибегал в своих статьях к остроумным эпиграфам (см.: Горбачев Г. Полемика. Л., 1931), что могло отразиться на композиционном «почерке» Волошинова в статьях «По ту сторону социального», «О границах поэтики и лингвистики», написанных им в пору непосредственного контакта со своим коллегой по работе в ИЛЯЗВе.

[3] В.А.Десницкий (1873 – 1958) – литературовед марксистской ориентации, автор работ по методологии и истории русской литературы; в 1906 – 1907 гг. – член ЦК РСДРП(б); редактор ряда большевистских изданий; заместитель директора и председатель Президиума секции литературы ИЛЯЗВа; в конце 20 – нач. 30-х гг. декан факультета языка и литературы ЛГПИ им. А.И.Герцена, зав. сектором советской литературы Пушкинского дома; пропагандист социологического метода в изучении литературных явлений.

философия языка"»; «В ИЛЯЗВе сверх своей работы как аспиранта, В.Н.Волошинов выполняет большую организационную работу (секретарь п/секции методологии). Его основная работа – книга "Марксизм и философия языка", изданная в 1929 году ИЛЯЗВом в серии трудов по методологии, характеризует В.Н.Волошинова как вполне зрелого молодого научного работника, с правильной марксистской методологической линией, с широким кругозором и знаниями (не только в области узко литературы, но и лингвистики), с хорошо выработанной техникой научной работы. В.Н.Волошинов имеет ряд и других ценных работ <…> Действительный член ИЛЯЗВа профессор В.А.Десницкий»; «В.Н.Волошинов – один из активнейших работников п/секции; его выступления, принципиально выдержанные методологически, богатые фактическим материалом характеризуют его, как вполне подготовленного молодого научного работника. В.Десницкий»[1].

Там же отмечается, что на заседании подсекции методологии литературы (28 февр. 1928 г.) был заслушан доклад Волошинова «Социологическая структура поэтической формы», получивший положительную оценку: «П р е д с е д а т е л ь (В.А.Десницкий) в заключительном слове отметил, что доклад т. Волошинова в высшей степени интересен; дух наших марксистских исканий веет над всеми частями работы…»[2].

Важные сведения о научной репутации Волошинова можно почерпнуть из переписки М.Горького с А.Д.Камегуловым[3] в связи с подготовкой ими первых номеров журнала «Литературная учеба» (далее ЛУ), мыслившегося как орган повышения литературного мастерства молодых пролетарских писателей. В письмах к Горькому в Сорренто Камегулов следующим образом характеризует Волошинова в качестве потенциального автора нового издания: «К участию в журнале мне пока удалось привлечь Десницкого-Строева, Тынянова, Волошинова (написал интересную книгу "Марксизм и философия языка"), Л.П.Якубинского[4]. Двое последних будут писать по вопросам языка прозы и поэзии. В разработке этих же вопросов дал согласие принимать коллективное участие кабинет русского

[1] Цит. по: Личное дело В.Н.Волошинова / Вступ. ст., публ. и прим. Н.А.Панькова // ДКХ. 1995. № 2. С. 70 – 78.

[2] Там же. С. 78.

[3] А.Д.Камегулов (1900 – 1937) окончил факультет общественных наук ЛГУ в 1926 г.; критик, литературовед.

[4] Л.П.Якубинский (1892 – 1945) – филолог-языковед. Был увлечен идеями социологического подхода к языку, в 20-х гг. разделял взгляды Н.Я.Марра; в период учебы Волошинова в апирантуре являлся одним из его непосредственных кураторов. Стыковка научных интересов Якубинского и Волошинова, характер ссылок последнего на труды своего коллеги дают основание видеть в Якубинском одного из наиболее близких Волошинову исследователей. Ср., например, оценку первым идей Соссюра: «Учение Соссюра является методологически неприемлемым и политически реакционным» (Л.Якубинский. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Против буржуазной контрабанды в языкознании. Л., 1932. С. 104).

языка научно-исследовательского института по сравнению изучения языка и литературы Запада и Востока», «К постоянному сотрудничеству думаю привлечь Мих. Слонимского, Б.Эйхенбаума и К.Федина» (до 5 окт. 1929 г.); «…по моему мнению, для "Литучебы" нужны сотрудники, обладающие одновременно и политической, и литературной, и педагогической культурой», «С таким же величайшим трудом привлекаются и "старики"[1]. Я буквально *умолил* Якубинского и Волошинова вести отдел языка» (между 10 – 12 февр. 1930 г.)[2].

В ответных письмах к Камегулову Горький дважды упомянул о статье Волошинова «Что такое язык?», подчеркивая необходимость для авторов ЛУ стремиться к доходчивости изложения: «…сотрудники солидные <…> Очень хорошо, что Вы привлекли Десницкого…» (29 нояб. 1929 г.); «Тов. Камегулов, – возвращаю материал. Он неплох, за исключением сочинения Журбиной…», «Прежде всего: внушайте авторам, умоляйте их – писать проще, экономнее в словах. <…> Я уже не говорю о Волошинове. Но вот Либединский – беллетрист, "художник слова", а ведь как небрежно написал» (25 февр. 1930 г.); «Надобно писать проще. Все и обо всем можно говорить просто. Дельная статья Волошинова выиграла бы вдвое, будь она сделана более простым языком» (май 1930 г.)[3].

Первым из известных нам откликов на монографические работы Волошинова является рецензия С.Васильева на «Фрейдизм»[4]. Отзыв в целом носит положительный характер, но содержит упрек автору в том, что критическая часть книги выглядит репрезентативнее собственно конструктивной. Отмечается и такой недостаток исследования, как отсутствие объяснения успехов практической деятельности психоаналитиков, что приводит к односторонней трактовке автором фрейдизма. Эти замечания, по мнению рецензента, не умаляют «больших достоинств книги, написанной ясно, сжато и достаточно глубоко. Трезвый маркистский подход ее к весьма остро поставленным проблемам производит отрадное впечатление и, конечно, будет иметь большое значение» (с. 165).

Интересно, что мы не находим какой-либо реакции на выход «Фрейдизма» со стороны окружения Волошинова по линии Бахтина, хотя многие из их общих друзей занимались данной проблематикой вполне профессионально. По свидетельству Бахтина, в 1924 – 1925 гг. он и его «ближайшие друзья» – Л.В.Пумпянский, М.И.Тубянский, П.Н.Медведев, В.З.Ру-

---

[1] Перед этим шла речь об исследователях более молодого поколения, в частности С.С.Динамове (1901 – 1938), являвшемся в то время директором московского Института литературы и языка РАНИОН, И.И.Анисимове (1899 – 1966) – будущем члене-корреспонденте АН СССР, директоре ИМЛИ им. М.Горького.

[2] См.: Архив А.М.Горького. Т. X: М.Горький и советская печать: В 2 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 256 – 257, 268.

[3] Там же. С. 278, 286.

[4] Печать и революция. 1928. Кн. 1. С. 164 – 165.

гевич и Волошинов – прореферировали «важнейшие работы самого Фрейда и его последователей»[1]. Результатом этого явились, в частности, не только работы, опубликованные под именем Волошинова, но и тезисы Пумпянского «К критике Ранка и психоанализа»[2].

Гораздо больше откликов вызвала книга МФЯ, видимо не случайно переизданная год спустя.

В рецензии Я.В.Лоя[3] подчеркивался марксистский характер работы и соответствующая идеологическая платформа ее автора: «В настоящее время, когда почти исполнилось десятилетие со дня смерти (1920 г.) первого русского языковеда-марксиста, проф. Д.Н.Кудрявского[4], начинают все чаще появляться м а р к с и с т с к и е работы о языке. Марксистом является И.И.Презент, написавший "Происхождение речи и мышления" ("Прибой", 1928). Марксистом и языковедом является автор настоящих строк. Наконец, к марксистскому же направлению принадлежит и автор рецензируемой работы – Валентин Николаевич Волошинов» (с. 72)[5].

Лоя положительно оценивает факт выхода книги и заостряет внимание лишь на «некоторых недостатках» исследования «уважаемого коллеги и товарища по борьбе». Так, по его мнению, вряд ли оправданно широкое

---

[1] См.: Савкин И.А. Дело о Воскресении // М.Бахтин и философская культура XX века. Вып. 1: В 2 ч. СПб., 1991. Ч. 2. С. 110 – 111. Интересна – в контексте приписывания Бахтину книги «Фрейдизм» – оценка им психоанализа спустя почти полстолетия после указанных событий: «…нужно сказать так, что у нас этот фрейдизм не привился, нет. Настоящих, действительно серьезных продолжателей фрейдизма у нас на русской почве не было…

– А Вы как относитесь к фрейдизму?

– Ну, видите ли, ну как я к нему отношусь? Во всяком случае, это один из величайших представителей XX века был, конечно, гениальный открыватель. Его можно поставить рядом – ну с кем?.. ну, с… Господи Боже мой!.. с Эйнштейном. <…> Другое дело – можно не соглашаться с его направлением…» (Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 203 – 204).

[2] См.: Николаев Н.И. «Оригинальный мыслитель» // Филос. науки. 1995. № 1. С. 70; Л.В.Пумпянский: Из лит. наследия // Там же. С. 82 – 85.

[3] На лит. посту. 1929. № 8. С. 72 – 73. Я.В.Лоя (1896 – 1969) – лингвист. В 20-х гг. работал в ИЛЯЗВе; автор учебника «История лингвистических учений» (М., 1968), в котором в обширной библиографии указана и книга МФЯ.

[4] Д.Н.Кудрявский (1867 – 1920) – историк, лингвист. Переводчик книги Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», пропагандист марксизма в России. Одним из изданий «Введения в языкознание» Кудрявского пользовался Сталин в процессе подготовки лингвистической дискуссии 1950 г. (см.: Горбаневский М.В. В начале было слово…: Малоизвестные страницы истории советской лингвистики. М., 1991. С. 129).

[5] В опубликованной до этого статье «Против субъективного идеализма в языковедении» Лоя следующим образом оценивает персональное «соотношение сил» в языкознании: «Приношу благодарность лучшим представителям научного языковедения в СССР, моим старшим коллегам: академику Николаю Яковлевичу Марру, Сергею Мартиниановичу Доброгаеву и Льву Петровичу Якубинскому, поддержавшим меня своими советами»; «Материалистами в разной степени являются: еще покойный Д.Н.Кудрявский, ленинградцы: Л.П.Якубинский и С.М.Доброгаев и москвичи: Р.О.Шор и Г.Винокур. Из иностранных языковедов особо должен быть упомянут покойный Ф. де Соссюр и французская школа (Мейе и др.)» (Языковедение и материализм / Под ред. Н.Я.Марра. Л., 1929. С. 133, 211, прим. 1).

использование Волошиновым термина «философия языка», «когда имеется гораздо более подходящий термин: "м е т о д о л о г и я языка" или просто: "общее языковедение", которое ведь именно рассматривает о б щ и е п р и н ц и п ы языковедения» (с. 72). Они показывают, что рецензент воспринял книгу Волошинова как исследование сугубо лингвистического характера. Между тем предметом внимания Волошинова является не столько язык, сколько языковая природа человеческого общения – ее коммуникативные, социологические, психологические и иные аспекты[1].

Справедливы замечания Лоя в отношении «несомненных передержек» в работе Волошинова, например утверждений, что система языка, рассматриваемая в синхроническом срезе, «с объективной точки зрения, не соответствует ни одному реальному моменту процесса исторического становления» и что она «существует лишь с точки зрения субъективного сознания говорящего индивида» (с. 72)[2]. Действительно, Волошинов односторонне оценивает в своем исследовании сформулированный Соссюром и его учениками (Ш.Балли и А.Сеше) положения, принятые ныне за лингвистические аксиомы. Эта недооценка «абстрактного объективизма» характерна и для Бахтина[3], что дает основание видеть в последнем по крайней мере идейного соавтора Волошинова. Недоумение рецензента вызвало и следующее обстоятельство: «Как это ни странно для марксиста, симпатии В.Н.Волошинова – пусть с оговорками – всецело на стороне индивидуалистического субъективизма[4]…» (с. 72). Лоя упрекает Волошинова также в «игнорировании… достижений физиологической школы (Сеченова – Павлова)» и одностороннем определении в связи с этим понятия «психика» (с. 72). В самом деле, методология и источниковедческая база МФЯ целиком строится на трудах западноевропейских психологов и философов[5].

Необычайно интересны и принципиальны наблюдения критика, касающиеся метаязыка работы: «В книге очень бросается в глаза обилие "диалектических" словечек и целых фраз, за которыми трудно уловить какую-либо действительную диалектику самого явления, и вообще обилие журналистически-размашистых небрежных выражений в роде следующих

---

[1] См.: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка». С. 541.

[2] См.: Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 280.

[3] См. об этом: Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 88 – 89.

[4] Этим термином Волошинов определяет совокупность течений в лингвистике и философии, берущих за основу понимание языка как продукта индивидуального творчества (Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 260).

[5] Интересно, однако, что во «Фрейдизме» говорится о разновидности «объективной психологии – *рефлексологии* (школа Павлова, Бехтерева и др.)» – с соответствующими ссылками (см.: Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 98).

<…>: "Слово же есть выражение социального общения, социального взаимодействия материальных личностей, производителей" (почему только производителей? – Я.Л.). "Личность, с точки зрения своего внутреннего субъективного содержания есть тема языка, и эта тема развивается и варьируется в русле более устойчивых языковых конструкций"[1] (предоставляю читателю разгадать, в русле каких конструкций "развивается и варьируется" личность с точки зрения своего внутреннего субъективного содержания. – Я.Л.)» (с. 73). Кажется, это единственная в своем роде характеристика научного стиля и методологии автора МФЯ в ряду многочисленных апологий в адрес самой книги и Бахтина, с именем которого она ассоциируется.

Лоя высказывает Волошинову замечания, выявляющие некоторую лингвистическую неосведомленность последнего или, по крайней мере, недостаточное знание им советского лингвистического контекста и ориентацию преимущественно на немецкоязычную научную литературу: «Непонятно, почему В.Н.Волошинов вместо общеупотребительного (у большинства народов) термина "индоевропеистика" стал придерживаться немецко-патриотического "индогерманистика"»[2]; «Фамилию московской лингвистки Розалии Осиповны Шор автор склоняет во всех падежах (Шора, Шору, Шором и т. д.), очевидно, считая ее мужской» (с. 73). Вряд ли справедлив, однако, упрек Лоя в том, что Волошинов связывает взгляды Бодуэна де Куртенэ с идеями Соссюра: «…только совершенным недоразумением можно объяснить причисление автором субъективно-идеалистической школы И.А.Бодуэна де-Куртенэ к направлению "абстрактного" объективизма и "лингвистического формализма"[3]» (с. 72). В современном языкознании имя Бодуэна де Куртенэ прочно связывается со становлением нового – соссюровского – подхода к пониманию языка[4].

---

[1] См. Волошинов В.Н. Указ соч. С. 373.

[2] Там же. С. 291, 326. Ср., однако: «Слова академика Н.Я.Марра справедливы, конечно, не только по отношению к индоевропеистике…» (с. 287).

[3] «Две русские лингвистические школы: школа Фортунатова и так называемая "казанская школа" (Крушевский и Бодуэн де Куртенэ), являющиеся ярким выражением лингвистического формализма, всецело укладываются в рамки очерченного нами второго направления философско-лингвистической мысли» (Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 273). Ср. позицию Бахтина, почти дословно совпадающую с приведенным текстом: «Вот основоположником направления формальной лингвистики был Бодуэн де Куртенэ. Но было, собственно, два основоположника, которые создали два типа формализма в языкознании: московский Фортунатов…», «…Бодуэн де Куртенэ. Он был ближе… вот к тому первоисточнику формализма вообще в мировом языкознании – это де Соссюра» (Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 59).

[4] См. об этом, напр.: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 94; Кубрякова Е.С., Мельников Г.П. О понятиях языковой системы и структуры языка // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 35.

В рецензии на МФЯ самой Р.О.Шор[1] отмечались новаторство и смелость автора в пересмотре лингвистической методологии. Но было высказано и немало критических замечаний. В частности, обращалось внимание на категоричность заявлений об отсутствии специальных работ по истории «философии языка»[2] – Шор привела в пример труды Т.Бенфея, О.Есперсена, В.Дельбрюка и других западноевропейских исследователей (с. 149). Еще большее сомнение рецензента вызвало утверждение, что «…по философии языка нет еще ни одной марксистской работы», с которого начинается МФЯ (с. 149). Шор сослалась при этом на имена Ф.Энгельса и П.Лафарга (с. 149)[3]. Автор рецензии высказала Волошинову также упрек в «недостаточном знакомстве с развитием лингвистической мысли в конце XVIII и нач. XIX в. и с местом в ней Гумбольда»[4] и в связи с этим – «чрезмерной переоценке… построений "лингвистического субъективизма"» (с. 149). По мнению Шор, в основу концепции МФЯ кладется именно школа Фосслера[5]; но при этом берется «социальный момент в высказывании», заимствуемый из «объективной лингвистики» (с. 150)[6].

Шор обращает внимание и на поверхностный, недостаточно аргументированный характер критики Волошиновым идей Соссюра, в частности то, будто бы последний не замечает момента изменчивости в языке (с. 152)[7]. Вместе с тем она соглашается с Волошиновым, что соссюриан-

---

[1] Рус. язык в сов. школе. 1929. № 3. С. 149 – 154. Р.О.Шор (1894 – 1939) – в конце 20-х гг. проф. I Московского университета, в 30-х гг. – проф. ЛИФЛИ. Научный редактор и комментатор первого перевода на русский язык «Курса общей лингвистики» (1933) Соссюра; издавала серию трудов «Языковеды Запада».

[2] См.: Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 259, прим. 1.

[3] В самом общем виде Волошинов ссылается на труды Ф.Энгельса и К.Маркса во вводной части книги (с. 218), ссылок на П.Лафарга у него нет.

[4] Действительно, Волошинов вряд ли обоснованно связывает развитие «индивидуалистического субъективизма» (фосслерианства) с именем В.Гумбольдта (с. 261). Скорее, что, вероятно, и имела в виду Шор, последнего следует рассматривать как предшественника Соссюра (см. об этом, например: Постовалова В.И., Рамишвили Г.В Гумбольдтианство // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 123 – 124).

[5] См.: Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 262 – 267, 281 – 282, 296 – 298 и далее. Это проявилось и в рейтинге цитирования, отсылок в МФЯ: о Фосслере упоминается в сумме на 20 страницах, о Соссюре лишь на трех; на учеников Фосслера (Э.Лорка, Э.Лерха, Г.Лерх) Волошинов ссылается около 30 раз, на Балли и Сеше – в три раза реже.

[6] Ср. замечание автора МФЯ: «Следует ли отсюда, что верными являются основоположения <…> индивидуалистического субъективизма? <…> Мы полагаем, что здесь, как и везде, истина находится не на золотой середине и не является компромиссом между тезисом и антитезисом, а лежит за ними: дальше их, являясь одинаковым отрицанием как тезиса, так и антитезиса, т. е. *диалектическим синтезом*» (с. 298). См. также рассуждения Бахтина: «Диалектика гегелевского типа – ведь это обман. Тезис не знает, что его снимет антитезис, а дурак-синтез не знает, что в нем снято» (Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 88).

[7] Ср. у самого Соссюра: «При поверхностном взгляде может показаться, что синхроническая истина отрицает истину диахроническую и что между ними надо выбирать; в дей-

ство не может быть положено в основу марксистского языкознания, поскольку швейцарский лингвист не пошел до логического конца в признании социальности языка (с. 153)[1]. По поводу методологии Волошинова рецензент пишет: «Если построения западноевропейского "лингвистического объективизма" могут быть приняты лишь после коренной перестройки на базе материалистического и диалектического понимания исторического процесса, построения "идеалистической неофилософии" в самых основных своих предпосылках, безусловно, чужды марксистской философии языка» (с. 154). Шор отмечает и такое уязвимое место работы, как голословная констатация социальной дифференциации языка[2], в результате чего происходит «подмена факта лингвистического фактом стилистическим, изучение языка изучением художественного слова <…> типичная для фосслерианцев» (с. 151). Действительно, автор книги балансирует между теорией языка и поэтикой, что не всегда выглядит теоретически убедительным[3].

Общий вывод Шор таков: «Книга Волошинова – бесспорно интересная книга. И если мы принуждены были решительно разойтись с автором в его выводах, то все же нельзя не признать, что появление книги, так четко формулирующей ясные задачи нашей лингвистической современности, так энергично требующей пересмотра всей нашей лингвистической традиции, – является вполне уместным и современным» (с. 154).

ствительности этого не требуется: ни одна из истин не исключает другую» (Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 128).

[1] Данный вывод продиктован, вероятно, осторожностью рецензента. Соссюр в рамках своей теории последовательно социален в понимании языка как такового (langue). Предметом же исследования в МФЯ является не столько язык, сколько речь (parole). Отсюда – подмена объекта внимания Соссюра иными сущностями и, как следствие этого, разногласия с предшественником. Сам Соссюр, настаивая на необходимости разграничения двух взаимосвязанных сторон «речевой деятельности» (langage) и используя при этом несколько прямолинейную – дихотомичную – аргументацию, не отрицал социальности речи, поскольку понимал ее как обратную сторону языка (Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 52 – 53). Вместе с тем приоритет автора МФЯ в осмыслении социальной детерминированности в с е х проявлений языка/речи неоспорим: по существу это развитие философской базы «лингвистики речи», лишь контурно намеченной Соссюром, – далеко выходящее за пределы не только языкознания в понимании Соссюра, но и лингвистики вообще, так как объектами внимания Волошинова/Бахтина становятся «металингвистические» сущности.

[2] См.: Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 313 – 315 и др. Однако создается впечатление, что автор МФЯ и его критик говорят о разных вещах: Волошинов о бесконечных нюансах варьирования языка (слова), Шор – о социальной «диалектологии», понимаемой вполне традиционно как поднауки о классовых, профессиональных и т. п. регистрах функционирования языка (см.: Шор Р. Язык и общество. М., 1926. С. 118).

[3] Заметим, что это проявилось и в разделе, посвященном вопросам металингвистики в «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтина (см.: Васильев Н.Л. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 48 – 49).

В рецензии В.Державина, напечатанной на украинском языке[1], исследование Волошинова тоже приветствовалось как первопроходческое и стимулирующее своей проблемностью. Но выдвигались серьезные претензии к его методологии: субъективизм в оценке идей Соссюра; уязвимость теории «высказывания», в котором, по мнению рецензента, реализуется и комплекс внелингвистических моментов; неконкретность рассуждений о социальной природе языка (о чем писала и Шор).

Замысел рецензии на МФЯ зрел у секретаря Московского лингвистического кружка, одного из первых переводчиков Соссюра на русский язык – А.И.Ромма, в архиве которого сохранились заметки об этой книге, датированные 18 – 19 декабря 1929 г. В частности, он пишет: «Критикуя Соссюра, Волошинов в конце концов исходит не из языка, а из *говорящего*, из его психологии <…>»; «Наоборот, критикуя Фосслера, он только подводит новое философское обоснование. В самом деле, перенос центра тяжести с говорящего на диалог есть лишь логический вывод из всей фосслеровой системы, и к этому фосслерианцы подходили до Волошинова. Он правильно додумывает Фосслера до истины, и для этого необходима философская ревизия: от психологии говорящего к социальной жизненной идеологии <…>»; «*Прав* Фосслер, что есть творчество в движении языка и что в нем есть "дух, вкус" <…>. Но прав и Соссюр, что то, что проникнуто, и то, что меняется этим творческим способом, объективно. <…> Диалектическое разрешение антиномии (а Волошинов показал антиномию полностью) может состоять лишь в *справедливом и полном* принятии и снятии ее членов»; «Но связь с контекстом общения – бесконечно ценное *открытие* Волошинова»[2].

Отклик на работы Волошинова содержится и в брошюре П.Я.Черных, изданной на основе двух его докладов, сделанных в Иркутском университете[3]. Здесь, в частности, высказывается упрек автору в связи с оценкой им состояния лингвистики: «В настоящее время не редко можно услышать мнение, что наука о языке вступила в период какого-то "кризиса", что она переживает нечто похожее на революцию и т. п.» (с. 3)[4].

---

[1] См.: Критика. [Харьков]. 1929. № 4. С. 94 – 97.

[2] См.: Ненаписанная рецензия А.И.Ромма на книгу М.М.Бахтина и В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» / Подгот. текста, публ., вступ. заметка и прим. А.Л.Беглова и Н.Л.Васильева // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 199 – 216.

[3] Черных П.Я. I: Современные течения в лингвистике; II: Русский язык и революция. Иркутск, 1929. Первый доклад ученого состоялся 25 января, второй – 24 ноября того же года. П.Я.Черных (1896 – 1970) – автор ряда работ по истории русского языка; теоретические интересы ученого проявились и в лингвистической дискуссии 1950 г. – в статье «К критике некоторых положений "нового учения о языке"», опубликованной одновременно со статьей И.В.Сталина «Относительно марксизма в языкознании» (Правда. 1950. 20 июня).

[4] Черных ссылается, в частности, на статьи Р.О.Шор («Кризис современной лингвистики» – Яфетический сборник: [Вып.] V. Л., 1927. С. 32 – 71) и Волошинова («Новейшие течения лингвистической мысли на Западе»).

Черных весьма сочувственно анализирует идеи Соссюра и Фосслера, находя их, в отличие от Волошинова, вполне убедительными и не противоречащими друг другу: «Главной заслугой Соссюра является, несомненно, его теория… "синхронической" лингвистики» (с. 13); «…язык можно изучать именно как систему знаков, все элементы которой органически связаны друг с другом, примерно, как части часового механизма, – настолько, что разрушение одного из них грозит разрушением всей системы. Такое изучение языка возможно только при условии отвлечения от временной перспективы…» (с. 13); «В конечном счете, и Фосслер понимает язык как явление социальной жизни. Только за этой социальной видимостью языка он сумел разглядеть и объяснить и такие его стороны, о существовании которых представители позитивного, "положительного" языкознания не хотели и подозревать» (с. 23); «Основные положения этой теории вкратце сводятся к тому, что язык является одной из форм интуитивного познания, отличающегося от познания логического…» (с. 23).

Тем не менее Черных симпатизирует, скорее, последней из указанных теорий: «Изучение языковой системы почти ничего не дает для познания живого языка. Ибо жизнь языка заключается в сознательной творческой деятельности отдельных представителей… языкового общества, – деятельности художественной по своему существу, регулируемой языковым вкусом» (с. 27). В связи с этим он ссылается на Волошинова, подчеркивая непротиворечивость идей Фосслера марксизму, имплицитно постулируемую в МФЯ: «Из современных языковедов-марксистов влияние Фосслера заметно сказывается на В.Н.Волошинове, авторе книги "Марксизм и философия языка"…» (с. 27).

В нач. 30-х гг. Волошинов попал под пресс критики марристов, несмотря на сочувственное упоминание и цитирование трудов Н.Я.Марра в МФЯ, статье «О границах поэтики и лингвистики» и особенно публикациях в ЛУ.

Первые симптомы изменения тона оценок МФЯ наметились в сборнике трудов ИЛЯЗВа «Языковедение и материализм» (Л., 1931), подготовленном к печати еще в 1929 г. В двух из 5 статей этого коллективного исследования, изданного под редакцией Н.Я.Марра, содержались явно ироничные выпады против МФЯ. А.А.Пальмбах («К проблеме диалектики знака») писал, что книга страдает наивностью выводов и неточностью формулировок: «Поистине, гора родила мышь», «Что означает это определение языка как "события речевого взаимодействия"?» (с. 13). Упрекал он Волошинова и в «субъективном идеализме», определении «знаковой сущности» языка как «нейтральной по отношению к "идеологиям"» (с. 25), отсутствии подлинной диалектики в анализе: «Между тем автор <…> оперировал и категориями диалектики и в достаточном обилии привлеченными ссылками на Марра. В чем же здесь источник беды? Именно в

том, что наш исследователь, как и многие другие <…> нащупывает <…> отдельные моменты диалектического развития, упуская, однако, из виду присущую им взаимосвязь» (с. 14). В статье А.Бескровного «Против опасности обскурантизма в высшей школе», представляющей собой апологию «яфетического учения», говорилось: «Надо упомянуть и о тех горе-языковедах, которым новое учение о языке представляется алхимией. По мнению лингвистов этого толка, критиковать яфетическую теорию, пожалуй, легче, чем выбрать себе псевдоним для безопасного выступления в журнальной прессе[1], где неискушенного в лингвистике читателя можно убедить даже в том, что учение акад. Марра угнетает марксистское языковедение, в частности его представителей: В.Н.Волошинова, Я.В.Лоя, В.Аптекаря, Г.Данилова, И.Презента» (с. 54).

Учесть идеологическую конъюнктуру – повсеместное наступление марристов, борьбу за первенство в освоении «марксистской» лингвистики – вынуждены были и союзники Волошинова. Р.О.Шор в статье «Неотложная задача: (К построению марксистской философии языка)»[2] отметила: «Даже в таких основополагающих, казалось бы, работах, как "Против субъективного идеализма в языковедении" Я.В.Лоя или "Марксизм и философия языка" Волошинова, почти отсутствуют ссылки на марксистскую литературу» (с. 30); «Как ни странно, в своем определении языка Волошинов <…> следует построениям идеалистической неофилологии, отрицая реальность языка за пределами акта индивидуального высказывания и

[1] Речь идет о статье Я.В.Лоя «Основные направления в языковедении», опубликованной под псевдонимом «Языковед» в журнале «На лит. посту» (1929. № 20). Здесь Лоя, говоря о «современном кризисе языковедения», выделяет три направления в советском языкознании: 1) «буржуазное, реакционное», среди представителей которого называет в первую очередь Л.В.Щербу, В.В.Виноградова, Б.А.Ларина; 2) «несомненно, прогрессивное» – «яфетидологию», «руководимую акад. Н.Я.Марром, до сих пор более других известную советской общественности»; «языковедов-физиологов, под руководством С.М.Доброгаева»; «сравнительников, растущих к новому», в частности Л.П.Якубинского, Д.В.Бубриха, С.П.Обнорского, Р.О.Шор, Г.О.Винокура; и исследователей «техники публичной речи»; 3) «новое (марксистское)», к которому он причисляет Волошинова (указывая на МФЯ и свою рецензию), В.Б.Аптекаря, Г.К.Данилова, И.И.Презента и себя (с. 55 – 57, 87). Рассматривая «яфетидологию», автор, помимо «некоторых хороших», отмечает в данном направлении «теневые стороны»: «1) игра алхимическими четырьмя элементами (сал, бер, йон, рош), 2) вульгаризация марксистского метода, когда в каждом предложении склоняется слово "класс" и т. д., 3) авторитарное преклонение учеников перед учителем, вследствие чего теряется столь необходимый для науки критический подход, 4) ограничение научного кругозора почти единственно вопросами происхождения, до-истории, палеонтологии речи, 5) самовлюбленность, доходящая порой уже до нападок на языковедов-марксистов, не желающих "защищать" или "дополнять" марксизм марризмом» (с. 55 – 56). По словам Лоя, «в настоящее время самой важной задачей является сплочение марксистов-языковедов <…> для борьбы как с реакционным крылом лингвистики, так и с некоторыми ненормальными явлениями у других направлений…» (с. 57).

[2] Рус. язык в сов. школе. 1931. № 1. С. 29 – 36.

вводя лишь определение его как социального процесса, как действий социально-обусловленной личности»; «Между тем, подобное утверждение резко противоречит установке марксизма…» (с. 32). Решительно критикуя «французскую социологическую школу» Соссюра – Дюркгейма за неспособность «ни подвести обоснование под понятие социального, ни диалектически снять выявленные ею… противоречия… языка как системы знаков, существующих в коллективе» с «непосредственной данностью осуществления этой системы знаков в говорении, в речевом акте личности», Шор пишет: «Тем более удивительно некритическое соединение учения о знаковости идеологий с системой идеалистической неофилологии в quasi-марксистской философии языка Волошинова. Волошинов принимает и определение языка как знака, указывающего на другую действительность, и разложение языка как суммы отдельных, неповторяемых высказываний; он также принимает сведение языка к деятельности личности. Но, во-первых, он указывает, что языковые знаки осуществляются на материале вещном, следовательно, они материальны и, следовательно, доступны материалистическому объяснению и истолкованию. Во-вторых, он указывает на то, что и личность в свою очередь определяется и создается той социальной средой, в которой она существует. Внеся эти две поправки в определение языка, он выдает построения метафизического идеализма и интуитивизма за марксистскую философию языка, впадая в "иероглифический материализм", ибо он забывает о лежащем в основе теории знаковости отрицании связи между идеей и действительностью…» (с. 33). В том же номере журнала в разделе «Книжная полка» анонсировался № 5 ЛУ за 1930 г. – со статьей Волошинова, о которой говорилось: «Значительный интерес представляет работа В.Волошинова – "Слово и его социальная функция" (Классовая идеология и стилистика высказывания; слово как идеологический знак). Автор на ряде примеров показывает, как в одних и тех же словах могут отражаться и проявляться различные классовые отношения, принимающие форму различных идеологий» (с. 195).

Г.К.Данилов в учебном пособии, изданном I-м Московским университетом[1], называет Волошинова в ряду последователей марксизма: «Материалистическая лингвистика связана прежде всего с именем акад. Марра. Наряду с ним действует группа материалистически настроенных ученых (Каринский, Яковлев, Шор) и марксистски-лингвистический молодняк (Лоя, Волошинов, Державин, Данилов)» (с. 22). Подробно останавливается на анализе МФЯ: «Некоторые из этих лингвистов дают уже обобщения. Волошинов <…>, видя действительность языка в его функции быть всеобщим знаком мысли, проводит важное разграничение знака, как чего-то

[1] Данилов Г. Краткий очерк истории науки о языке с приложением программы по «основам языковедения». М., 1931.

подвижного и многозначного, от сигнала – неподвижного и многозначного, не имеющего отношения к языку. Автором более или менее удачно вскрывается диалектика языка. <…> Исходя из анализа живой диалектически развивающейся речи, Волошинов призывает к изучению в первую очередь целых высказываний, всего речевого потока, а не низших элементов языка: звуков, формы, даже предложений. Между грамматикой и стилистикой, между шаблоном и модификацией, по его мнению, нет строгой границы» (с. 26); «Более подробного указания заслуживают лишь ошибки Волошинова. Волошинов отрицает реальность индивидуальности языков. Для марксиста это понятно. Но единственной реальностью он признает лишь акт высказывания, хотя в отличие от Фослера этот акт понимается им не как индивидуальный, а как социальный процесс. В акте высказывания и осуществляется слово как знак. "Язык же как устойчивая система нормативно-тождественных форм есть только научная абстракция, конкретной действительности эта абстракция не адэкватна"[1]. Является вопрос, как же может осуществляться социальный акт высказывания, раз он в той или иной степени не опирается и не исходит из данной системы языковых норм. В этом основном для языковедения <вопросе> Волошинов пошел назад от Гумбольдта, диалектически не разрешив этой проблемы. Марксистски неверный исходный пункт привел автора к тому, что он и практику лингвистического исследования вынужден был поставить с ног на голову: стилистика у него довлеет над грамматикой, жанр над социальной функцией речи» (с. 32).

Вскоре Волошинов стал едва ли главной мишенью критики в филологических «разборках» марристов с антимарристами – группой «Языкфронт»[2].

А.К.Боровков в рецензии на книгу Г.К.Данилова «Краткий очерк истории науки о языке» обрушивает на автора МФЯ упрек в методологической несостоятельности: «Антипролетарские, враждебные марксизму-ленинизму элементы пытаются всеми силами противопоставить успехам социалистического строительства свое влияние, чудовищно фальсифицируя при этом марксизм. <…> Реакционный буржуазный профессор Е.Д.Поливанов издает сборник статей, где защищаются позиции субъективно-идеалистического направления буржуазной лингвистики под общим заглавием: "За марксистское языкознание". Волошинов защищает и развивает точку зрения идеалистического неокантианского направления буржуазной лингвистики в книге "Марксизм и философия языка", прикрываясь

[1] Неточная цитата-перифраза из МФЯ (см.: Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 261, 270 – 271).

[2] О существе разногласий и формах полемики между марристами и «Языкфронтом», участниках этой дискуссии см., в частности: Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 95 – 101.

марксистской фразеологией и т. д. и т. п.»[1]. Ему вторит, как ни странно, один из лидеров «Языкфронта» Т.П.Ломтев – в статье «К вопросу о большевистской партийности в языке Ленина»: «Язык является острейшим оружием классовой борьбы. Он по самой природе своей есть классовое явление. В нем отражается классовая идеология. Нужно дать решительный отпор всяким буржуазным теориям, сводящим язык лишь к голой технике (формализм), определяющим язык как "нейтральный идеологический знак" (Волошинов) и т. д.»; «Слово не есть просто "нейтральный идеологический" знак, как это проповедует апологет буржуазного языкознания Волошинов…»[2]. Примечательно, что имена других лингвистов в статье не упоминались вовсе[3]. В связи с этим интересно, что в ранее опубликованном программном докладе Т.П.Ломтева «Очередные задачи марксистской лингвистики: (В порядке дискуссии)», наоборот, критике подверглись едва ли не все советские лингвисты, но о Волошинове не говорилось ни слова[4].

Еще большая по масштабности атака на МФЯ содержалась в коллективном труде «Против буржуазной контрабанды в языкознании» (Л., 1932), подготовленном группой сотрудников Института языка и мышления АН СССР, во главе которых стоял будущий член-корреспондент, а в то время аспирант Ф.П.Филин. Целью авторов сборника – в большинстве своем учеников Марра – была борьба с оппонентами из «Языкфронта». Одновременно огонь критики направлялся и по адресу старых врагов – «индоевропеистов». Маргинал Волошинов, несмотря на сочувственно-ритуальное цитирование работ основоположника «нового учения о языке», также оказался в ряду критикуемых – как по объективным (несоответствие его методологии вульгарно-социологическому примитивизму марристов), так и субъективным причинам (его поддерживали те, кого марристы считали своими главными врагами – Я.В.Лоя, Р.О.Шор, Г.К.Данилов).

В 5 из 13 статей данного сборника, включая «Предисловие», проводилась мысль о принципиальной чуждости методологии Волошинова марксизму. Процитируем наиболее существенные характеристики, данные

---

[1] Проблемы марксизма. 1931. № 10/12. С. 176 – 177. Эта же статья Боровкова («Авторизованная халтура и безграмотность: О брошюре Г.Данилова <…>») позже была опубликована в сб. «Против буржуазной контрабанды в языкознании» (см. ниже).

[2] Литература и язык в политехнической школе. 1932. № 1. С. 12, 17. Т.П.Ломтев (1906 – 1972) – лингвист, с 1931 г. доцент МГПИ и ст. науч. сотр. НИИЯ.

[3] См. также подробный разбор Т.П.Ломтевым МФЯ в неопубликованной работе «Понятие языка в марксистском освещении» (1930 г.): Брандист К., Чоун Е. Дипломная работа Т.П.Ломтева // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сб. в честь Николая Панькова Уфа, 2011. С. 22 – 53. Из нее видно, что рецензию на МФЯ готовил и В.Б.Аптекарь (с. 52).

[4] Рус. язык в сов. школе. 1931. № 5. С. 150 – 160.

здесь автору МФЯ (сама книга почти не упоминалась): «Особую бдительность необходимо проявить по отношению к маскирующейся индоевропеистской лингвистике, приспосабливающейся к условиям реконструктивного периода. Таковы в особенности "лингвисты" из группы "языкфронт", а также и близкие к последней отдельные лингвисты (Р.Шор, Волошинов, Яковлев и др.)» (Предисловие. С. 3); «Только недостаточной партийной бдительностью <…> можно объяснить беспрепятственное протаскивание открытой буржуазной клеветы на пролетарскую революцию, протаскивание троцкистских установок в лингвистической литературе и явно антимарксистские выступления (Поливанов, Щерба, Винокур, Волошинов, Петерсон, Ушаков и мн. др.)», «Правая опасность в языкознании выражается в замазывании классовой борьбы, в завуалированной защите буржуазного учения о языке, в поддержке буржуазных лингвистов, прикрывающихся "социологизмом" и марксистской фразой (Волошинов, Винокур, Шор и др.)», «Индоевропеизм – открытый и главный враг. Мы ведем с ним ожесточенную борьбу. В этой борьбе индоевропеизм находит самую основательную поддержку в лице фальсификаторов марксизма-ленинизма в языкознании, в лице Волошинова, Шор, Винокура и молодых кадров, воспитанных ими и приспосабливающихся к советскому климату» (Н.Я.Золотков. Против буржуазной контрабанды в языкознании. С. 9, 12); «Маскирующаяся индоевропеистика (в лице таких представителей, как, напр., Волошинов, Шор, Яковлев, "Языкфронт" в целом и др.) в настоящее время особенно опасна» (Ф.П.Филин. Борьба за марксистко-ленинское языкознание и группа "Языкфронт". С. 30); «В одном месте автор (речь идет о статье Р.О.Шор "Неотложная задача". – *Н.В.*) упоминает об основополагающем значении высказываний Маркса, Энгельса, Ленина, но тут же предлагает “отвлечься от общих положений, совершенно бесспорных <…>. Стоит ли, мол, об этом распространяться? Не лучше ли перейти к конкретным "основополагающим" статьям Лоя, Данилова, Волошинова, хотя и нуждающимся в "дружественной критике"»; «Зачем расстраивать "друзей", вроде Волошинова, с которого хватит и дружеских указаний: "как ни странно", "тем более удивительно", но, говорит автор, Волошинов кое в чем сползает к идеалистам и механистам», «Что стоит вся критика автора и социологистов, и рефлексологов, и Волошинова, и Плеханова, когда так ловко "показано" за дымовой завесой цитат и стилевых нюансов, что и классики марксизма – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – не имеют реальных достижений по основным проблемам языка…» (Е.Н.Петрова. Методологическое лицо журнала «Русский язык в советской школе». С. 156, 158, 159); «Хамелеонство за последнее время особенно проявилось в лингвистике. Таково бесстыдное выступление открытого защитника индоевропеистики проф. Поливанова, озаглавившего свою книжку "За марксистское языкознание", идеалистическое писание Волошинова "Мар-

ксизм и философия языка". Такова, в основном, вся продукция группы "Языковедный фронт", беспринципного блока от Г.Данилова, Лоя, Ломтева до Дрезена и Бубриха» (Г.И.Горбаченко, Н.П.Синельников, Т.А.Шуб. Вылазка буржуазной агентуры в языкознании. С. 129).

Вполне вероятно, что именно развернувшаяся компания критики МФЯ была главной причиной резкого снижения печатной активности Волошинова, начиная с 1932 г.

В ряде своих работ Волошинов не раз – порой в весьма резкой форме – говорит о трудах В.В.Виноградова, у которого он учился, будучи студентом Петроградского университета[1]. Последний в свою очередь не оставил без внимания исследования Волошинова, хотя и был гораздо лояльнее по отношению к своему оппоненту.

В книге «О художественной прозе» Виноградов высказывает упрек Волошинову в том, в чем был обвиняем сам – лингвоцентризме: «…в науке о новой русской литературе… которая терминологически опиралась на лингвистику, а теоретически продолжает и до сих пор в одной своей части жить лингвистической контрабандой (ср. пересказ Соссюра в историко-литературном плане у Ю.Н.Тынянова, книгу В.Н.Волошинова "Марксизм и философия языка" (1929), "Проблемы творчества Достоевского" (1929) М.Бахтина, прежние, "добытовые" работы Б.М.Эйхенбаума, ранние статьи В.Б.Шкловского и мн. др.), при посредстве лингвистических понятий разрабатывались… специфические проблемы литературности»[2]. Виноградов отчасти прав: "сверхзадача" Волошинова состояла не только в осмыслении

[1] В 20-х гг. Виноградов являлся доцентом Петроградского (Ленинградского) университета, читал лекции по современному русскому языку, стилистике и истории языка на этнолого-лингвистическом отделени, руководил аспирантами в ИЛЯЗВе. См., в частности: Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. Л., 1971. С. 142, 165. Тон высказываний Волошинова о Виноградове заметно меняется в 1930 г., являясь своеобразным индикатором культурно-идеологической «неврастении» этого периода отечественной истории. Если в МФЯ Волошинов достаточно корректно и даже положительно говорит об исследованиях Виноградова в области изучения диалога, поэтики, сдержанно отмечает его пристрастие к «Женевской школе» (с. 273, 332, 338), то в последующих работах характер его полемики с современником становится неоправданно резким, напр.: «В решении проблем, связанных с историей литературы, В.В.Виноградов сохраняет ту же глубоко антиисторичную и антисоциологичную точку зрения»; «Но мы обязаны поставить вопрос: в чем глубочайшая ошибка В.В.Виноградова, в чем его proton pseudos, благодаря которым этот талантливый лингвист, с большим научным кругозором, эстетическим вкусом, оказался, по своей общей *методологической* позиции, в ряду тех теоретиков искусства, о которых еще Платон сказал, что они "считают себя знатоками гармонии на том основании, что могут настроить струну на самый высокий и самый низкий тон" <…>» (см.: Волошинов В.Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке. Л., 1930. С. 213, 217; см. также: Волошинов В.Н. [Рец.] В.В.Виноградов. О художественной прозе. Л., 1930 // Звезда. 1930. № 2. С. 233 – 234).

[2] Цит. по: Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 65.

философии языка, но и в приложении ее к поэтике[1], что косвенно было отмечено в рецензии Р.О.Шор. Это, собственно говоря, логически вытекает из "фосслерианской" установки Волошинова[2].

В работе «Стиль "Пиковой дамы"» (1936 г.) Виноградов, не ссылаясь прямо на Волошинова, полемизирует с ним по поводу эстетической роли несобственно-прямой речи[3]: «Изучение синтаксических форм как средств экспрессивной изобразительности обычно сочетается с проблемой "чужой речи", "несобственно прямой речи" в повествовательном стиле. Однако здесь необходимо произвести более глубокое и точное разграничение разных стилистических явлений»[4]. Последующая мысль Виноградова перекликается со сходным высказыванием в МФЯ: «Широкое развитие "непрямой речи" в русской художественной литературе является несомненным продуктом романтизма. <…> И Пушкину принадлежит если не почин в этом деле, то, во всяком случае, роль смелого новатора»[5].

Упоминает Виноградов о своем современнике и в книге «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (М., 1963), как и ранее разграничивая имена Волошинова и Бахтина: «По неясным причинам, очевидно: под влиянием неожиданного знакомства со старой книгой П.Медведева "Формальный метод в литературоведении", сам В.Турбин[6] в лице П.Медведева (ср. однородные, но более ярко выраженные точки зрения в работах М.Бахтина, В.Волошинова и др.) находит себе союзника в борьбе с стилистическими взглядами А.Ефимова и близких к нему языковедов» (с. 102).

Вспоминал об исследованиях Волошинова и Р.О.Якобсон, несмотря на эмиграцию, поддерживавший тесные контакты с советскими учеными, в частности с представителями МЛК и ОПОЯЗа. В 1931 г. в письме к Н.С.Трубецкому он отмечал яркую экспликацию Волошиновым лингви-

---

[1] См. также констатацию теоретической стыковки данных понятий («Философия языка и проблема поэтики») в «проекте» МФЯ, представленном Волошиновым в 1928 г. в качестве отчета о своей аспирантской деятельности (Личное дело В.Н.Волошинова. С. 81).

[2] См., например, следующую ремарку в МФЯ: «Очень часто можно услышать обвинение Фосслера и фосслерианцев в том, что они занимаются больше вопросами стилистики, чем лингвистики в строгом смысле слова. В действительности, школа Фосслера интересуется вопросами пограничными, поняв их методологическое и эвристическое значение, и в этом мы усматриваем огромные преимущества этой школы» (Волошинов В.Н. Философия и социология… С. 342, прим. 1).

[3] См.: Чудаков А.П. Комментарии // Виноградов В.В. Избранные труды… С. 349.

[4] Виноградов В.В. Избранные труды… С. 224.

[5] Там же. С. 225. Ср.: «На почве байроновской риторики молодого Пушкина и сложилась (по-видимому, впервые) несобственная прямая речь»; «…Пушкин сделал этот шаг, когда он отделился от своих героев, противопоставил им более объективный авторский контекст со своими оценками и интонациями» (Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 357).

[6] Речь идет о статье В.Н.Турбина «Что же такое стиль художественного произведения?» (Вопр. литературы. 1959. № 10), в которой автор полемизирует с книгой А.И.Ефимова «Стилистика художественной речи» (М., 1957).

стических проблем и убедительность его диалектических построений в МФЯ[1]. По мнению американских переводчиков МФЯ, книга Волошинова не только способствовала развитию некоторых лингво-семиотических идей самого Якобсона, но и сыграла, благодаря последнему, важную роль в формировании теоретических положений ПЛК[2]. Именно Якобсон был инициатором первого перевода этого труда на английский язык[3]. Кроме того им было написано предисловие к французскому переводу МФЯ, в котором высоко оценивался вклад Бахтина[4] и Волошинова в развитие гуманитарной мысли XX в.[5]

В работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (1957) Якобсон опирается на волошиновскую концепцию речевого высказывания: «Ц и т и р у е м а я р е ч ь – это речь в речи, сообщение в сообщении и в то же время это и речь по поводу речи, "сообщение о сообщении", как формулирует Волошинов в своей работе, посвященной исследованию этой кардинальной проблемы языкознания и стилистики»[6]. В статье "Лингвистика в ее отношении к другим наукам" (1970 г.) Якобсон говорит о приоритете Волошинова в разработке «социологии» языка: «Можно вспомнить и мнение Дюркгейма, который отмечал все возрастающую роль лингвистики среди общественных наук, и его отеческое указание о построении лингвистической социологии[7]. Однако к сегодняшнему дню первые шаги в этом направлении были предприняты именно лингвистами; сюда относятся, например, интересные попытки выявления корреляции языка и социокультурных сфер, предпринятые русскими лингвистами на рубеже

---

[1] См.: N.S.Trubetzoy's letters and notes. The Hague – Paris, 1975. P. 222.

[2] Matejka L., Titunik I.R. Translators' Preface, 1986 // Volosinov V.N. Marxizm and the philosophy of language. Cambridge, Massachusetts; London, England. P. 7.

[3] Там же. P. 7 – 8.

[4] Jakobson R. Preface // M.Bakhtin (V.N.Volochinov). Le marxisme et la philosophie de langage. Paris, 1977.

[5] Р.Матияшевич пишет, что делал запрос Якобсону о его позиции в отношении авторства МФЯ, поскольку в предшествующем – американском – издании (1983 г.) на титуле книги фигурировала только фамилия Волошинова, – на что тот ответил 17 июня 1979 г.: «Профессор Браун's Университета (Providence) Томас G. Winner посетил Бахтина незадолго до его смерти и тот прямо заявил Винеру: "Книга "Марксизм и философия языка" написана мною". Несколько московских лингвистов передавали мне то же, со слов Бахтина <…>» (Matijasevic R. Bahtinova teorija govora // Bahtin M. Marxizam i filozofija jezika. Beograd, 1980. S. 13).

[6] Якобсон ссылается на переиздание МФЯ (1930), в русском переводе статьи соответствующая страница МФЯ не указана. Ср.: «Чужая речь – это *речь в речи, высказывание о высказывании*, но в то же время это и *речь о речи, высказывание о высказывании*» (Волошинов В.Н. Философия и социология… С. 330).

[7] См. также в МФЯ: «Соссюр и его школа не единственная вершина абстрактного объективизма в наше время. Рядом с ней возвышается другая – социологическая школа Дюркгейма, представленная в лингвистике такой фигурой, как Мейе…» (Волошинов В.Н. Философия и социология… С. 276).

1920-х и 1930-х гг.», – ссылаясь при этом на МФЯ, а также исследования Е.Д.Поливанова, Л.П.Якубинского, А.М.Иванова[1].

Весьма необычный и трудно комментируемый отзыв о личности Волошинова оставила в своих воспоминаниях О.М.Фрейденберг, познакомившаяся с Волошиновым, вероятно, в сер. 1920-х гг.[2] По ее словам, это был "элегантный молодой человек и эстет, автор лингвистической работы, написанной для него Блохиным"[3]. Фрейденберг сообщает, что Волошинов нов предложил ей в обмен на такого же рода услугу способствовать изданию необходимой для нее работы; но после того, как она «отвергла это предложение», их «отношения стали холодны как лед»[4]. Данный эпизод Фрейденберг датирует 1930 годом, когда оба действующих лица, как она пишет, работали в Яфетическом институте Н.Я.Марра[5]. В это время (начиная с осени 1928 г.) Фрейденберг, действительно, нуждалась в публикации монографии «Поэтика сюжета и жанра» (1936), необходимой для защиты докторской диссертации[6]. Но Волошинов к тому моменту был автором солидных напечатанных работ и имел в своем «портфеле» еще не-

---

[1] Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С. 384.

[2] О.М.Фрейденберг (1890 – 1955). С 1917 по 1923 г. училась в Петроградском университете. В 1924 г. защитила в ИЛЯЗВе магистерскую диссертацию «Происхождение греческого романа», в чем ей большую помощь оказал Марр. В последующие годы работала в различных научных учреждениях Ленинграда – ИЛЯЗВе, Институте языка и мышления Н.Я.Марра, ГИРК. В 1932 г. возглавила кафедру классической филологии в ЛИФЛИ. В 1935 г. защитила докторскую диссертацию «Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы». В 1950 г. после известной дискуссии о марризме была отстранена от работы.

[3] Публикатор цитируемого фрагмента – Н.Перлина комментирует это место следующим образом: «Неправильное написание Фрейденберг имени (Блохин) говорит о том, что в 1940 – 50-х, когда она писала дневник, она не знала о знакомстве Волошинова с Бахтиным и не ассоциировала автора "лингвистической книги" с человеком, написавшим "Проблемы творчества Достоевского"» (Перлина Н. Забавные вещи случаются на пути к бахтинскому форуму / Пер. с англ. // ДКХ. 1995. № 1. С. 33).

[4] В 1925 – 1926 гг. после длительного поиска работы Фрейденберг была устроена Марром в ИЛЯЗВ, откуда в 1927 г. ее уволили по причине «отсутствия продукции» (Фрейденберг О.М. Воспоминания о Н.Я.Марре // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 189 – 190). В «Библиографии трудов О.М.Фрейденберг» отмечены лишь две опубликованные статьи за указанный период ее научной деятельности (см.: Брагинская Н.В. От составителя // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 579). Бóльшая часть работ исследовательницы, в том числе 20-х гг., осталась не изданной. В издательском плане ГИРКа на 1930 – 1931 гг. фигурировал сборник научных трудов «Современные западноевропейские литературно-эстетические теории»; среди его авторов названы И.Г.Франк-Каменецкий, М.К.Азадовский, Волошинов, Фрейденберг, А.А.Холодович, Л.В.Цырлин, А.А.Бескина (ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп, 1, ед. хр. 41, л. 9). Причем в первоначальном варианте сборника фамилии Франк-Каменецкого и Фрейденберг отсутствовали (л. 10 об).

[5] О работе Волошинова в данном учреждении сведений нет.

[6] См.: Мосс К. Ольга Фрейденберг и марризм // Вопр. языкознания. 1994. № 5. С. 101. По словам Фрейденберг, книга была написана в 1927 г. (Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. Л., 1936. С. 4).

сколько подготовленных книг[1]; трудно поверить в то, что кроме «Блохина» он собирался эксплуатировать еще и исследователя-античника, тем более рискуя принять на себя ответственность за чужое слово… Вероятно, если Фрейденберг не изменяет память (ее мемуары были записаны спустя два десятилетия после указанных событий; настораживают и фактические ошибки), между ней и Волошиновым произошло какое-то недоразумение: возможно, уязвленный намеком на творческое бессилие, за которым на деле скрывалось желание помочь Бахтину[2], Волошинов вполне мог зло пошутить с кокетливой собеседницей (именно такой предстает мемуаристка в те годы в своем «автопортрете»[3]), своеобразно, демонически подыграв ей…

Есть еще одна парадоксальная по своей неожиданности характеристика Волошинова со стороны женщины, тоже представительницы старшего поколения советских литературоведов – Л.Я.Гинзбург[4], переданная, однако, с чужих слов: «Разговор зашел о книгах, изданных в конце 20-х гг. людьми из окружения Бахтина. <…> Л.Я. сказала, что в книге "Формальный метод в литературоведении", вышедшей в 1928 году под именем Медведева, "доносы на формалистов, на Степанова[5], в частности, принадлежат жат именно Медведеву, остальное преимущественно Бахтину". В книге В.Н.Волошинова "Марксизм и философия языка" (1929) все или почти все, по мнению Л.Я., принадлежит Бахтину.

– Мы же знали этих людей, Не могли они так глубоко писать. Это же были примитивные люди.

– Пумпянский – другое дело. Это был в полном смысле слова блестяще одаренный человек, эрудит. <…> Но и он был человеком со всячин-

---

[1] См., в частности: Личное дело В.Н.Волошинова. С. 72 – 80. По свидетельству Д.А.Юнова, Волошинов являлся автором ряда монографических работ, о которых ранее не было известно.

[2] См. об этом: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов… С. 18; Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 135 – 136, 138.

[3] См.: Фрейденберг О.М. Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 150 – 156.

[4] Л.Я.Гинзбург, окончившая в 1926 г. Институт истории искусств, хорошо знала ленинградскую научную и литературную среду 20 – 30-х гг. В ее дневниковых записях этого времени (см., в частности: Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л., 1989. С. 17 – 155) упоминаются имена Г.Е.Горбачева, И.И.Соллертинского, высвечиваются некоторые факты истории ИЛЯЗВа, ГИРКа, издательской деятельности журнала «Звезда», отношение филологической общественности к ЛУ (вынужденный компромисс с подлинной наукой). Как непосредственная ученица Б.М.Эйхенбаума, Ю.Н.Тынянова, относившая себя к «младоформалистам», Гинзбург, безусловно, принимала близко к сердцу все обстоятельства полемики с формализмом, развернувшейся в конце 20-х гг., в ходе которой Медведев и Волошинов выступили как одни из наиболее ярких и вдумчивых критиков этого метода.

[5] Имеется в виду Н.Л.Степанов (1902 – 1972), ученик Ю.Н.Тынянова и Б.М.Эйхенбаума. В книге ФМЛ упоминаний о нем нет.

кой. Не обязательно верить всему, что о нем говорили[1]: но вообще Бахтин был окружен сомнительными людьми[2]»[3].

Этим финальным аккордом, более подходящим в качестве эпиграфа к специальной работе о «круге Бахтина», мы завершаем обзор отзывов современников Волошинова о нем и его творчестве и сделаем некоторые выводы.

Если как композитор, поэт, музыкальный критик Волошинов не приобрел достаточной известности, то филологические труды ученого вызвали заметный резонанс еще при его жизни и даже способствовали развитию некоторых тенденций в науке последующих десятилетий.

Обе книги Волошинова – одна в меньшей, другая в большей степени – попали в «нерв» интеллектуальной жизни 20-х гг. и привели к немаловажным последствиям. «Фрейдизм» пресек выпуск «Психологической и психоаналитической библиотеки» в Москве и стал «источником и образцом для целого поколения людей, получавших деньги за "критику буржуазной философии"»[4]. В то же время реакция научной общественности на первую монографию Волошинова и ее внешняя апперцепция современниками были незначительными (причины этого, вероятно, нуждаются в осмыслении).

Гораздо больше откликов – как в СССР, так и за рубежом – вызвал МФЯ. Отчасти этому способствовало эффектное название книги, хорошо вписавшееся в контекст идеологических «интенций» своего времени. Закономерно, что монография была вскоре переиздана, несмотря на критические отзывы многих ее оппонентов.

По мнению А.Эткинда[5], МФЯ послужил И.В.Сталину своеобразной калькой при выборе названия для его книги статей «Марксизм и вопросы языкознания»[6]. Данное предположение не так уж невероятно, если учесть

---

[1] Возможно, намек на слухи о связи Л.В.Пумпянского с Ленинградским ОГПУ, основанные, в частности, на том обстоятельстве, что вскоре после ареста по делу о «Воскресении» (1928 г.) он был освобожден.

[2] В этой плане интересно «внушение», сделанное Бахтиным в письме к М.И.Кагану (март 1921 г.): «…где Вы вообще найдете теперь что-либо в России, что не было бы отчасти авантюрой? Увы, и нам приходится становиться авантюристами. Что же делать, если иначе нельзя действовать? Будем начинать с авантюры, чтобы затем превратить ее в нечто более солидное и основательное» (см.: Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива: М.М.Бахтин и М.И.Каган // ДКХ. 1992. № 1. С. 68).

[3] Баевский В.С. Две страницы из дневника // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 10 – 11.

[4] Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 393, 397.

[5] Там же. С. 399.

[6] По иронии судьбы это отозвалось на Бахтине: в характеристике ученого, заверенной ректоратом Мордовского пединститута в 1953 г., отмечается: «В работе т. Бахтина по руководству кафедрой имеется существенный недостаток, заключающийся в том, что кафедра медленно перестраивает свою работу на основании учения товарища И.В.Сталина по вопросам

два обстоятельства. Во-первых, в 1929 г. А.Д.Камегулов написал Сталину письмо с просьбой прислать статью для ЛУ, в которой бы последний напутствовал новое издание, и просил М.Горького поддержать его обращение[1], – на что Сталин ответил Горькому 17 янв. 1930 г.: «Просьбу Камегулова удовлетворить не могу. Некогда! Кроме того, какой я критик, черт меня побери!»[2]. Вполне вероятно, что идеологическая программа нового журнала и его авторский коллектив являлись предметом подробного анализа в письме Камегулова к Сталину (текст его не известен). Во-вторых, книга Волошинова, определенно, была знакома А.С.Чикобаве – одному из продолжателей традиций теоретического осмысления «философии языка» после Волошинова. Учитывая роль грузинского академика в организации лингвистической дискуссии 1950 г. и его влияние в этом отношении на Сталина[3], гипотеза о том, что в заглавии брошюры «Марксизм и вопросы языкознания», вышедшей полумиллионным тиражом, в какой-то мере реминисцировался заголовок волошиновского труда, обретает некоторую реальность[4].

Отрицательная оценка Волошиновым лингвистической теории Соссюра прямым образом сказалась на последующем отношении к идеям швейцарского лингвиста и его учеников как «буржуазным», структуралистическим и т. д.[5] Во всяком случае в период деятельного освоения соссюрианства молодой советской наукой Волошинов находился в явной к нему оппозиции. По мнению К.Брандиста, в этом выразилась общая установка «школы Бахтина» на дезавуирование Соссюра – из-за опасения, что

языкознания…» (Архив Мордовского государственного университета, ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 22). См. также: К биографии М.М.Бахтина / Предисл., публ. и прим. В.Лаптуна // Бахтинский сборник: Вып. IV / Под ред. В.Л.Махлина. Саранск, 2000. С. 136 – 141.

[1] «Не знаю, одобрите ли Вы мою инициативу, но я написал письмо к И.В.Сталину с просьбой прислать статью для "Литучебы" о том, какое значение придает наша партия художественной литературе. Эта статья для журнала, если бы И.В. ее написал, была бы крайне полезна, так многим скептикам (а таких у нас в партии имеется порядочно) разъяснила бы, что художественная литература – не забава, а могущественный двигатель культурного роста масс. Очень хорошо будет, дорогой Алексей Максимович, если Вы поддержите нашу просьбу и в свою очередь попросите И.В.» (см.: Архив А.М.Горького… Кн. 2. С. 257). Примечательно, что в том же самом письме Горькому Камегулов сообщал о Волошинове и МФЯ.

[2] Сталин И.В.Соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 12. С. 177.

[3] См.: Горбаневский М.В. Указ. соч. С. 15 – 21, 111 – 121, 173 – 183.

[4] Ср., примечательную ошибку отечественных биографов Бахтина, переименовавших МФЯ в «Марксизм и вопросы языкознания» (Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993. С. 93).

[5] См., например, оценку синхронической / диахронической антиномии Соссюра как «метафизической» в статье В.М.Жирмунского с примечательным названием «Марксизм и социальная лингвистика» (Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 14). Статья представляла собой доклад, сделанный автором «на юбилейной сессии Отделения литературы и языка АН СССР, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции…» (с. 5).

жесткая социологическая линия Женевской школы в определении предмета языкознания отразится на политических тенденциях в советском обществе, приведет к дегуманизации, деиндивидуализации человеческой личности и опыта; отсюда – опора на фосслерианство, несмотря на внешне критическую позицию по отношению к данному направлению[1].

Вместе с тем философско-лингвистические идеи Волошинова были похоронены в СССР на несколько десятилетий, причиной чего, на наш взгляд, явился ряд обстоятельств: осложнение внутриполитической и идеологической обстановки в стране; усиление методологического монологизма; боязнь обращения в 30 – 50-х гг. к философской проблематике, не связанной с классическим марксизмом, а также цитирования, ссылок, даже простого упоминания исследователей-предшественников, каждый из которых мог вдруг оказаться «врагом народа» и, следовательно, скомпрометировать того, кто о нем вспомнил (исчезновение Волошинова из научной жизни в сер. 30-х гг. могло восприниматься как репрессивный акт со всеми вытекающими последствиями[2]).

В документах ИЛЯЗВа и РАНИОН, в рецензии Я.В.Лоя, брошюре П.Я.Черных, учебном пособии Г.К.Данилова подчеркивается марксистский характер работ Волошинова и, соответственно, мировоззрения автора. Наиболее идеологизированны в данном плане статьи Волошинова, подготовленные для ЛУ. Это связано отчасти с установкой А.Д.Камегулова на идеологическую активность нового издания[3], что вызывало постоянные упреки Горького, заявлявшего в письмах о превращении «Литучебы» в «политучебу»[4]; а также с усилением внимания к критике немарксистских течений в гуманитарных науках. Тем не менее Волошинов не вступил в члены ВКП (б) – в анкетных документах ИЛЯЗВа он фигурирует как беспартийный[5], несмотря на то, что его окружение во многом состояло из партийцев, да и сама среда, в которой он вращался, подталкивала к этому.

Имя Волошинова – даже в трудах его оппонентов – фигурирует в ряду крупнейших представителей отечественной лингвистики, что тоже является косвенным показателем отношения к нему современников. Можно высказать предположение, что, если бы не преждевременная смерть этого исследователя и не внимание к нему с 1922 г. органов ГПУ, НКВД[6], он мог мог бы стать одним из лидеров советской филологической науки. Во вся-

---

[1] Брандист К. Политическое значение борьбы с идеями Соссюра в работах школы Бахтина / Пер. с англ. // ДКХ. 1995. № 2. С. 32 – 43.

[2] См., например, косвенное указание на это: Слюсарева Н.А. Два слова о В.Н.Волошинове // ДКХ. 1998. № 4. С. 184 – 185.

[3] См., например, проспект ЛУ на 1931 г. (Архив А.М.Горького… С. 329 – 333).

[4] Там же. С. 261.

[5] См., напр.: ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 2, ед. хр. 13, л. 17, 34.

[6] См.: Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. соч. С. 102 – 124, 233 – 239, 268, 276.

ком случае набранное им ускорение и потенциал уже опубликованных работ весьма внушительны.

Ранее Волошинов рассматривался лишь как человек из «круга Бахтина» – не самостоятельная и даже второстепенная фигура, выполнявшая роль своеобразного рупора бахтинских идей. Теперь, после пока еще эскизного знакомства с биографией Волошинова и реакцией на его работы, мы видим, что определяющее влияние на его формирование как ученого оказывал не столько Бахтин, в то время мало кому известный литературовед[1], сколько академическая научная среда (ЛГУ, ИЛЯЗВ, ГИРК, ЛГПИ и т. д.)[2], взрастившая из несостоявшегося юриста самобытного филолога и философа.

[1] «…я пользовался в очень узких кругах известностью только. Вокруг меня был круг, который называют сейчас "круг Бахтина"…» (Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 143).

[2] Среди университетских преподавателей, сокурсников, коллег Волошинова были, в частности, академики Н.С.Державин, Н.Я.Марр, В.М.Жирмунский, В.Ф.Шишмарев, В.В.Виноградов, Л.В.Щерба, С.П.Обнорский, Б.А.Ларин, Д.С.Лихачев и другие известные ученые. См., напр.: Ленинградский университет за советские годы… С. 357; Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. С. 165; Скворцов Л.И. С.И.Ожегов (1900 – 1964) // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 5; Лихачев Д.С. Избранное: Воспоминания. СПб., 1997. С. 144 – 153.

4. ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА «СПОРНЫХ ТЕКСТОВ»

М.М.БАХТИН ИЛИ В.Н.ВОЛОШИНОВ? (К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ КНИГ И СТАТЕЙ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ М.М.БАХТИНУ)*

В 1929 г. в ленинградском издательстве «Прибой» были опубликованы две книги: «Марксизм и философия языка» В.Н.Волошинова и «Проблемы творчества Достоевского» М.М.Бахтина[1]. Автор первой из них уже был известен своими работами по психологии, поэтике и лингвистике[2]. Имя же М.М.Бахтина предстало перед широким читателем впервые[3]. Обоих исследователей связывало давнее дружеское и творческое общение (еще с невельского периода их жизни)[4].

Судьба двух ученых сложилась по-разному. Валентин Николаевич Волошинов (1895 – 1936) умер сравнительно рано. А его ровесник М.М.Бахтин, имевший, казалось бы, меньше шансов выжить в годы сталинской «мясорубки» (серьезная болезнь, арест, ссылка в Кустанай, ампутация ноги, бесконечные мытарства по городам и весям), прожил почти 80 лет. Книга В.Н.Волошинова через год была переиздана (она оказалась созвучной идеологическим устремлениям своего времени), появились и новые его работы по вопросам поэтики и лингвистики[5]. Но после этого

---

* Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43.

[1] См.: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929; Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929.

[2] См.: Волошинов В.Н. По ту сторону социального: О фрейдизме // Звезда. 1925. № 5. С. 186 – 214; Он же. Слово в жизни и слово в поэзии: К вопр. социол. поэтики // Там же. 1926. № 6. С. 244 – 267; Он же. Фрейдизм: Крит. очерк. М.; Л., 1927; Он же. Новейшие течения лингвистической мысли на Западе // Лит. и марксизм. 1928. № 5. С. 115 – 149.

[3] За десять лет до этого он опубликовал лишь небольшую заметку в провинциальном альманахе: Бахтин М. Искусство и ответственность // День искусства. [Невель] 1919. С. 3 – 4.

[4] См.: Конкин С.С. Михаил Бахтин: (Критико-биогр. очерк) // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. Саранск, 1985. С. 9 – 10; Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.; London, 1984. P. 39 – 40, 51.

[5] См.: Волошинов В.Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке: Сб. ст. Л., 1930. С. 203 – 242; Он же. Что такое язык? // Лит. учеба. 1930. № 2. С. 48 – 66; Он же. Конструкция высказывания // Там же. № 3. С. 65 – 87; Он же. Слово и его социальная функция // Там же. № 5. С. 43 – 59. Недавно промелькнула ссылка на книгу В.Н.Волошинова, ранее бахтинистам неизвестную: Волошинов В.Н. Вопросы марксистской поэтики. Избранные тр. Л., 1929 (см.: Абишева С.Д. Реминисценции как вид «чужого слова» в поэзии Д.Самойлова // Проблемы стиховедения и поэтики. Алма-Ата, 1990. С. 39, 50). Но найти библиографические сведения о ней не удалось. (Позже выяснилось, что информация С.Д.Абишевой было неверной.)

всплеска творческой и издательской активности (несколько книг и статей в течение 6 лет) имя исследователя надолго ушло в небытие[1]. Книга же М.М.Бахтина подверглась критике с позиций вульгарного социологизма, распространившегося в литературоведческой науке («многоголосый идеализм», атака на «позиции диалектико-материалистического понимания художества[2]), и, несмотря на благоприятный отзыв о ней А.В.Луначарского, на долгие годы была предана забвению. Этому способствовало и то обстоятельство, что ее автора вскоре репрессировали[3]. Литературоведческий ум был поставлен на службу коллективизации[4].

К нач. 1960-х гг. М.М.Бахтин, оторванный от издательской деятельности, несмотря на шумную защиту диссертации о творчестве Ф.Рабле (1946 г.), едва ли был известен новому поколению советских литературоведов[5]. Последовавшие затем публикации его старых и новых работ оказались подобны взрыву и в какой-то степени компенсировали те нравственные и творческие страдания, которые мог испытывать ученый, лишившийся на несколько десятилетий возможности говорить «вслух», включиться в подлинный научный диалог.

На фоне всемирной известности работ М.М.Бахтина, открытого и замаскированного подражания ему почти забыто имя В.Н.Волошинова, хотя его труды 1920-х гг. являются классическими для советской психологии и лингвистики. То обстоятельство, что фамилия В.Н.Волошинова фигурирует достаточно активно в современной науке в связи с именем М.М.Бахтина, никак не восстанавливает историческую справедливость по отношению к другу и соратнику М.М.Бахтина. Произошла парадоксальная вещь: работы В.Н.Волошинова (и не только его) едва ли не безоговорочно приписываются ныне о д н о м у М.М.Бахтину[6]. Понятно, что на волне все-

---

[1] О дальнейшей судьбе В.Н.Волошинова есть лишь отрывочные сведения. См.: С1агк К., Holquist M. Op. cit. P. 265.

[2] См.: Старенков М. Многоголосый идеализм // Лит. и марксизм. 1930. № 3. С. 92 – 105; Гроссман-Рощин И. О «социологизме» М.Бахтина // На лит. посту. 1929. № 18. С. 5 – 10.

[3] См. новейшие публикации, посвященные обстоятельствам ареста М.М.Бахтина и следствия по его делу: Плеханкова Н.Н. Признан невиновным… // Молодой ленинец. Саранск, 1989. 5 марта; Конкин С.С. Ученый с мировой известностью // Штрихи к портретам. Саранск, 1990. С. 83 – 85; Он же. Арест и приговор: Новые материалы о М.М.Бахтине // Сов. Мордовия. 1991. 26 марта.

[4] В своей автобиографии ученый пишет: «С 1931 по 1936 год я жил в г. Кустанае (Казахстан), работая <…> экономистом в райпотребсоюзе. Здесь мною была произведена исследовательская работа по изучению спроса и покупательской способности колхозного сектора, опубликованная в журнале «Советская торговля», 1934 г., и удостоенная похвальным отзывом Комакадемии» (Карпунов Г.В., Борискнн В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. Саранск, 1989. С. 7).

[5] См.: Кожинов В.В. «Так это было…» // Дон. 1988. № 10. С. 156.

[6] Это стало общим местом большинства публикаций о М.М.Бахтине. Книга «Марксизм и философия языка» переиздается за рубежом порой под фамилией одного М.М.Бахтина (см.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. Саранск, 1989. С. 38 – 39).

общего увлечения идеями М.М.Бахтина и в связи с необычностью, отчасти таинственностью его судьбы (с многочисленными «фигурами умолчания») соблазнительно приписывать ему всё, звучавшее в унисон разрабатываемым им проблемам, рождавшееся при его участии – диалогическом (но всегда ли авторском или соавторском смысле слова?) Справедливо ли это? Рассмотрим некоторые внешние и внутренние (методологические, жанрово-стилистические и т. п.) основания, позволяющие усомниться в корректности попыток безоговорочно приписать М.М.Бахтину в с е работы В.Н.Волошинова, авторство которых оспаривается, – тем более что серьезных доводов в пользу авторства М.М.Бахтина пока не приводилось.

Основная задача нашей работы – сравнение книг М.М.Бахтина и В.Н.Волошинова, вышедших в один год. При этом мы исходим из предположения, что, если обе книги написаны одним автором, тем более в условиях одного «хронотопа», они должны методологически, жанрово и стилистически быть близки друг к другу. Одновременно мы считаем необходимым остановиться на некоторых обстоятельствах спора об авторстве ряда работ, вышедших из круга М.М.Бахтина, В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева.

Каковы причины, побудившие отдельных исследователей приписать авторство некоторых работ В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева М.М.Бахтину? Во-первых, то, что М.М.Бахтин в частных беседах не отрицал своего участия в их создании[1]. Во-вторых, он не опроверг прижизненные публикации, приписывавшие ему эти работы. В-третьих, это некоторая стилистическая, методологическая и терминологическая близость авторизованных работ М.М.Бахтина и работ, приписываемых ему. Последний довод, будучи по духу главным, как ни парадоксально, наиболее уязвим по форме: мы же не приписываем Пушкину произведения его эпигонов. Родство идей, терминов, известная близость культуры научного слова и мышления у М.М.Бахтина, В.Н.Волошинова, П.Н.Медведева могли быть следствием обычного творческого общения, той атмосферы, в которой закладывалась и протекала творческая жизнь исследователей-единомышленников. В-четвертых, то обстоятельство, что в период интенсивной научной работы (с 1920 по 1928 г.) М.М.Бахтин ничего не опубликовал (по крайней мере, под своим именем). Наконец, в-пятых, это свидетельства жены В.Н.Волошинова – Н.А.Волошиновой и жены М.М.Бахтина – Е.А.Бахтиной[2].

Что же дает основания сомневаться в авторстве (полном или частичном) М.М.Бахтина? Во-первых, это автобиография ученого (написанная в

---

[1] См., напр.: Конкин С.С. Ученый с мировой известностью. С. 79; Matijašević R. Bahtinova teorija govora // Bahtin M. (Vološinov V.M.). Marxisam i filosofia jesika / Prev. i dosl. R.Matijaševića. Beograd, 1980. S. XI—XIII; C1ark K., Holquist M. Op. cit. P. 375.

[2] См.: Matijašević R. Op. cit. S. XIV; C1ark K., Holquist M. Op. cit. P. 147, 148.

1944 г.), в которой он ничего не говорит о своих занятиях психологией и лингвистикой: «Уже в университете началась моя научная деятельность: сначала я специализировался по философии (у проф. Ланге и проф. А.И.Введенского), а затем я перешел к литературоведению, которому и посвятил всю свою последующую жизнь[1]. Между тем специализация В.Н.Волошинова – это как раз психология и лингвистика; известно, в частности, что он, в отличие от М.М.Бахтина, учился в 1922 – 1924 гг. на этнолого-лингвистическом отделении Петроградского университета[2], а впоследствии продолжил свои научные занятия в Институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (под руководством в том числе известного лингвиста Н.Ф.Яковлева[3]) и в нач. 1930-х гг. стал доцентом Педагогического института им. А.И.Герцена и старшим научным сотрудником Института речевой культуры[4]. Во-вторых, М.М.Бахтин не подтвердил официально, печатно своего участия в создании книг и статей В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева[5]. В-третьих, если бы М.М.Бахтин совсем не печатался в 1920-х гг., «выброс» его творческой энергии и авторского честолюбия в столь необычном виде – под чужим именем – мог бы быть еще как-то объясним. Но ведь в те же самые годы (1929 – 1930) он издает свою собственную книгу о Достоевском и две работы о творчестве Л.Н.Толстого[6]. Правда, мы должны учесть и сложившиеся обстоятельства: в 1929 г. М.М.Бахтин находился под следствием и мог рассматривать свою авторскую «легализацию» как знак лояльного отношения к советской действительности[7]. Но, с другой стороны, он не идеологизировал книгу о Достоевском, и более того, она вызвала упреки именно в методологическом плане.

Наконец, есть еще одно существенное обстоятельство, почему-то не принимаемое во внимание. Задаваясь вопросом, по какой причине

---

[1] См.: Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. Указ. соч. С. 6. Правда, из переписки М.М.Бахтина с М.И.Каганом (1921 г.) видно, что в сфере его интересов были и лингвистика с психологией (см.: Память. Париж, 1981. Сб. 4. С. 257, 260). См. также ответы М.М.Бахтина на вопросы следователей (Конкин С.С. Арест и приговор…).

[2] См.: Конкин С.С. Михаил Бахтин. С. 10.

[3] После публикации данной статьи выяснилось, что речь идет о литературоведе Н.В.Яковлеве.

[4] См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 110, 265.

[5] Незадолго до смерти ему было предложено подписать документ, свидетельствующий о его авторском праве на некоторые работы В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, в том числе на книгу «Марксизм и философия языка», но, несмотря на предварительное согласие, сделать это М.М.Бахтин отказался. См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 147.

[6] Бахтин М.М. Предисловие: [Драматические произведения Л.Толстого] // Толстой Л.Н. Поли. собр. худож. произведений: В 15 т. М.; Л., 1929. Т. 11. С. III – X; Он же. Предисловие: [роман «Воскресение» Л.Толстого] // Там же. 1930. Т. 13. С. III – XX.

[7] В неофициальных беседах следователи задавали ему вопрос об авторстве трех спорных книг. См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 143 – 144.

М.М.Бахтин публиковал свои работы под чужими именами, исследователи его жизни и творчества не учитывают позицию, личность второй «юридической» стороны, в частности В.Н.Волошинова (или делают это крайне предвзято, говоря чуть ли не о «цинизме» соавторов М.М.Бахтина[1]). Но не менее уместен вопрос, почему В.Н.Волошинов согласился публиковать чужие работы под своим именем, как это соотносилось с этикой обоих ученых, «ответственностью» художника за свое слово (тезис, с которого начался диалог М.М.Бахтина с миром[2]). В самом деле, не странно ли, М.М.Бахтин так легко перекладывает на плечи В.Н.Волошинова ответственность за критику фрейдизма как «немарксистского» учения (в условиях, когда теория Фрейда поддерживалась, в частности, Л.Д.Троцким и многими советскими психологами-марксистами[3]), за приоритет марксистского, классового рассмотрения некоторых сторон функционирования языка в обществе? И не странно ли, что В.Н.Волошинов так легко соглашается нести бремя ответственности за «подлинно марксистскую» интерпретацию сложнейших проблем психологии и лингвистики – в то самое время, когда разгорается острая идейная борьба в науке, происходит кристаллизация марризма, начинаются, по существу, политические гонения на инакомыслие (судьба Е.Д.Поливанова и многих других советских языковедов[4])? Похоже ли это на М.М.Бахтина – прятаться за спину друга, который в свою очередь столь необдуманно, с открытым забралом бросается в научную борьбу? Любой творческий человек согласится, что требуется немало мужества и уверенности в своей правоте, чтобы быть готовым к критике своего Слова, ответственности за него. Но как соотнести эту ответственность с «без-ответственностью» (при условии публикации чужой работы под своим именем или, наоборот, – своей под чужим)? Думается, друзья и коллеги М.М.Бахтина, в том числе В.Н.Волошинов, были достойны его – являлись людьми творчески и граждански самостоятельными. Недооценивать их научный масштаб, писательскую потенцию у нас нет оснований. Иначе мы принизим и личность самого М.М.Бахтина.

Сторонники авторства М.М.Бахтина ссылаются, в частности, на какие-то препятствия ему со стороны цензуры, его неавторитетность, неизвестность как ученого в издательском мире, непрактичность и т. п.[5] Но эти эти доводы не выдерживают критики. В самом деле: неужели В.Н.Волоши-нову было проще опубликовать труды, чем М.М.Бахтину –

---

[1] Ibid. P. 151.

[2] См.: Бахтин М. Искусство и ответственность. (Перепечатано в кн.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 7 – 8).

[3] См.: Борискин В.М. Подлинная жизнь слова: (Критика фрейдистской философии культуры в концепции М.М.Бахтина) // Родные напевы: Лит.-худ. сб. Саранск, 1986. С. 206.

[4] См.: Леонтьев А.А., Ройзензон Л.И., Хаютин А.Д. Жизнь и деятельность Е.Д.Поливанова // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 20 – 29.

[5] См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 97, 117, 150 – 152, 166.

явному лидеру в их научном кружке? Что мешало М.М.Бахтину издать свою книгу о Достоевском ранее 1929 г. – неужели то, что он еще не был в положении подследственного, «врага народа»?.. Ссылки на душевную щедрость ученого («Мы были друзья…»[1]) вряд ли можно принимать всерьез как подтверждение пассивного участия В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева в создании приписываемых М.М.Бахтину работ. М.М.Бахтин, что хорошо известно, избегал разговоров на эту тему[2], видимо храня чувство уважения к памяти своих друзей и не желая делить «общее имущество».

«Тайна» М.М.Бахтина могла быть и в том, что он не желал ставить свое имя под трудами с явной установкой на марксистскую методологию, – и в этом случае мы тоже не вправе признать их бахтинскими в собственном смысле слова. Последнее, в свою очередь, опровергает довод о том, что М.М.Бахтин в ы н у ж д е н был пойти на компромисс с действительностью и идеологизировать работы по Фрейду, формальному методу и языку, оснастить их марксистским инструментарием. Как раз наоборот, на компромисс он не пошел, поскольку не подписал эти работы своим именем, а позже не признал их официально своими. Это тем более справедливо, что собственная его книга о Достоевском была свободна от конъюнктурных веяний.

Отметим также, что недостаточно было бы доказать авторство М.М.Бахтина. Надо еще доказать не-авторство В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева! Мы должны исходить из презумпции авторства В.Н.Волошинова, а не наоборот. Решающим аргументом – в условиях отсутствия документального подтверждения авторства того или другого ученого (рукописи, бесспорные свидетельства «незаинтересованных сторон» и т. п.) – может быть только объективный а н а л и з работ В.Н.Волошинова в сравнении с авторизованными работами М.М.Бахтина. Перейдем к главной задаче нашего исследования.

Со стороны своей структурно-жанровой организации книги «Проблемы творчества Достоевского» и «Марксизм и философия языка» заметно отличаются. Единственное их сходство состоит в делении излагаемого материала на части, а те, в свою очередь, на главы.

Книга В.Н.Волошинова начинается с оглавления, затем следует развернутое «Введение», включающее 7 сносок, и непосредственно основная часть книги. Книга М.М.Бахтина открывается небольшим «Предисловием» без каких-либо сносок, затем идет основной текст, после этого – «Заключение» (элемент, отсутствующий у В.Н.Волошинова) и, наконец, оглавление.

---

[1] См.: Литературное наследство. М., 1983. Т. 93: Из истории советской литературы 1920 – 1930-х гг.: Новые материалы и исслед. С. 707.

[2] См., напр.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 148.

Бросается в глаза существенное различие между книгами в подаче информации о содержании глав. У В.Н.Волошинова после каждого названия главы имеется подзаголовочная часть, раскрывающая ее содержание. Например: «Глава первая. Наука об идеологиях и философия языка. Проблема идеологического знака. Идеологический знак и сознание. Слово как идеологический знак par excellence. Идеологическая нейтральность слова. Способность слова быть внутренним знаком. Итоги»[1]. Ничего подобного нет в книге М.М.Бахтина. С другой стороны, в ней есть подзаголовки к обеим частям: «Полифонический роман Достоевского (Постановка проблемы)» и «Слово Достоевского (Опыт стилистики)» – чего нет у В.Н.Волошинова.

Обе книги имеют приблизительно одинаковую частоту использования постраничных сносок и примечаний. В книге В.Н.Волошинова их 114, в книге М.М.Бахтина – 138 (объем книг соотносителен). Однако по характеру подачи сносок, в частности при указании на источник, книги отличаются. В.Н.Волошинов начинает текстовую часть сноски, как правило, с оценки работы, на которую он ссылается, или с комментирующей конструкции. Например: «Общий обзор современной философии жизни, правда, тенденциозный и несколько устаревший, читатель найдет в книге Риккерта…» (с. 42); «См., напр., очень поучительную работу Генриха Риккерта…» (с. 41). У М.М.Бахтина характер указания на источник обычно приближен к современной норме. Напр.: «Б.М.Энгельгардт. Идеологический роман Достоевского. См. <…>» (с. 8); «См. его работу "Достоевский и роман-трагедия" в книге…» (с. 14). Все оценки и комментарии он предпочитает давать в основном тексте.

В обеих книгах используются текстовые выделения. У В.Н.Волошинова они, как правило, даются курсивом и очень редко разрядкой; у М.М.Бахтина – только разрядкой. Но частота использования этого элемента логической акцентуации текста у В.Н.Волошинова в три раза выше, чем в книге М.М.Бахтина (235 против 84)[2]. Можно сказать, что автор исследования «Марксизм и философия языка» несколько злоупотребляет этим графическим приемом, без отчетливого принципа выделяя отдельные сло-

---

[1] Книга В.Н.Волошинова идентична в данном отношении книге П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении», что, скорее всего, объясняется издательскими требованиями: обе они напечатаны под грифом РАНИОН и одной научной организации – Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. Но это же обстоятельство свидетельствует в пользу собственного решения М.М.Бахтиным архитектонического оформления книги о Достоевском.

[2] Следует, однако, заметить, что в последующих изданиях книги о Достоевском М.М.Бахтин использует выделение разрядкой гораздо чаще: в среднем два раза на каждой странице.

ва, целые предложения, их части, абзацы[1]. Есть и функциональная разница в использовании графического выделения обоими авторами. В.Н.Волошинов подчеркивает не только важнейшие определения, понятия, но и поставленные задачи. Кроме того, он выделяет фамилии авторов цитируемых и анализируемых работ (в последнем случае курсив нередко заменяется разрядкой).

С точки зрения способов выражения авторского начала обе книги в целом схожи. В них встречаются такие формы, как «мы», «наша работа», «наша задача», «наш текст» и подобные. Но личное начало в книге М.М.Бахтина выражено заметнее и в количественном плане (в предисловии – 6 раз, на отдельных страницах, например 11-й, – до 7 раз), и в качественном – с помощью местоимения «я» (с. 65), что не наблюдается у автора другой книги. В отличие от М.М.Бахтина, В.Н.Волошинов несколько раз апеллирует к «читателю» (с. 10, 42 и др.)[2].

Итак, с архитектонической и некоторых стилистических сторон указанные книги имеют существенные различия, вряд ли случайные.

Еще заметнее разница между ними в методологии и используемой терминологии.

Книга «Марксизм и философия языка» (как и более раннее монографическое исследование В.Н.Волошинова) ставила целью привести научные воззрения своего времени в области теоретического языкознания (ранее – в психологии) в соответствие с марксистским пониманием жизни общества, человеческого общения; носила подчеркнуто идеологический характер. Это выразилось в названии книги, в постановке задач, в терминологии: «До сих пор по философии языка нет еще ни одной марксистской работы» (с. 9); «В первой части работы мы попытаемся обосновать значение проблем философии языка для марксизма в его целом»; «Проблемы философии языка находятся на стыке ряда важнейших областей марксистского мировоззрения…» (с. 10).

В.Н.Волошинов активно использует соответствующую философскую лексику и фразеологию: «марксизм», «марксистский», «марксистский анализ», «марксистское мышление», «марксистская литература», «основоположники марксизма», «философский дух марксизма», «марксистское мировоззрение», «марксистское миросозерцание», «обще-марксистская подготовка» (читателя), «марксистские круги», «с марксистской точки зрения», «надстройка», «базис», «исторический материализм», «классовая борьба», «социально-политический строй», «орудие производства», «продукт потребления», «додиалектический механический материализм», «механическая каузальность», «позитивистическое понимание эмпирики»,

[1] Это характерно и для предшествующей книги В.Н.Волошинова, и в то же время совершенно несвойственно книге П.Н.Медведева.

[2] Это проявилось и в книге «Фрейдизм: Критический очерк» (см., напр., с. 138).

«преклонение перед "фактом", понятым не диалектически», «современная буржуазная философия», «позитивистическая боязнь всякой принципиальности», «идеалистическая философия культуры», «психологический позитивизм», «индивидуалистический субъективизм», «абстрактный объективизм», «исторические корни», «основоположение» и т. п. (только во «Введении» упоминание о марксизме встречается 14 раз)[1].

Ничего подобного нет в книге М.М.Бахтина, да и, пожалуй, во всем его авторизованном творчестве[2]. Вообще, столь подчеркнутое, как у В.Н.Волошинова, увлечение марксизмом мало связывается с обликом М.М.Бахтина и его оригинальной, независимой методологией. М.М.Бахтин рассматривает предшествующие исследования о Достоевском безотносительно к их философской методологии. В «Предисловии» он даже критикует «узкоидеологический подход» в изучении творчества Достоевского.

Трудно представить, что из-под пера М.М.Бахтина могла бы выйти, например, следующая фраза: «Даже литературоведение, благодаря Плеханову, наиболее разработанная область этих наук («наук об идеологиях». – *Н.В.*), почти ничего не могло дать нам для нашей темы»[3]. Или: «Проблемы философии языка находятся на стыке важнейших областей марксистского мировоззрения…»; «На целом ряде важнейших боевых участков научной работы марксистский метод упирается именно в эти проблемы…»[4].

Книга «Марксизм и философия языка» по своей методологии не только не похожа на книгу М.М.Бахтина, но в чем-то антагонистична ей. Исследование В.Н.Волошинова сыграло определенную роль в формировании вульгарно-марксистского взгляда на язык, в частности в развитии марризма. В.Н.Волошинов не раз ссылается на работы Н.Я.Марра, сочувственно цитируя их и используя «классические» понятия «нового учения о языке» (с. 86, 90, 91, 121). Влияние марризма чувствуется, например, в следующих высказываниях: «Знак становится ареною классовой борьбы» (с. 31); «Идея языкового скрещения, как основного фактора эволюции языков, со всею отчетливостью была выдвинута ак. Н.Я.Марром (с. 90);

---

[1] По мнению исследователей, книга «Марксизм и философия языка» отличается даже превышением среднего уровня использования марксистской методологии (в ряду других работ того времени). См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 161.

[2] Хотя это не исключает хорошего знания им марксистского контекста, теоретического интереса к марксизму – в 1920-х гг. и даже в более позднее время. См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 43, 153; Турбин В.Н. Карнавал: религия, политика, теософия // Бахтинский сборник. Вып. I. М., 1990. С. 9 – 10. Ср., напр.: Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 45; Он же. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 250 – 296.

[3] Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. С. 10.

[4] Там же. С. 10, 12.

«Первобытное магическое восприятие слова в значительной степени определяется чужим словом» (с. 91) и др. Ничего похожего мы не находим в работах М.М.Бахтина (предшествующих этой книге и последующих). Бахтинское понимание категории «чужой речи», рассматриваемое в книге о Достоевском (с. 105 и др.), никак не связано с пониманием ее В.Н.Волошиновым (в последнем процитированном его рассуждении), находится в совершенно иной методологической плоскости.

Говоря о важности изучения «речевых жанров», В.Н.Волошинов заявляет: «Типология этих форм – одна из насущнейших задач марксизма. <…> Эти <…> формы всецело определяются производственными отношениями и социально-политическим строем» (с. 28). Ни до работы В.Н.Волошинова, ни после нее М.М.Бахтин не высказывал подобных мыслей»[1]. Если в книге В.Н.Волошинова развитие «формалистических направлений» в поэтике, лингвистике, философии связывается с «классовыми предпосылками» (с. 188), то М.М.Бахтин, рассуждая о русском формализме в работе 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», никак не соединяет филологическую методологию с философско-классовой[2].

Книги В.Н.Волошинова и М.М.Бахтина посвящены близким, но все-таки р а з н ы м наукам и объектам: теории языка (знаковая природа языка и слова, разграничение языка и речи в аспекте дихотомии Ф. де Соссюра, синтаксис прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в различных языках и др.) – и поэтике романов Достоевского (полифония, слово Достоевского и т. п.). Однако было бы неверно полагать, что между обоими исследованиями нет ничего общего: отдельных перекличек (проблемного, эвристического и терминологического характера) в них немало. Во многом они объясняются некоторыми тенденциями филологии, философии, психологии 1920-х гг.

Оба автора касаются вопросов организации «чужой речи», речевых жанров, диалога (как глобальной категории), используют порой идентичные или близкие термины.

Так, во введении к своей работе (с. 12) В.Н.Волошинов пишет: «Проблема чужого высказывания имеет большое значение, выходящее далеко за пределы синтаксиса. Ведь целый ряд важнейших литературных веяний – речь героя (вообще построение героя), сказ, стилизация, пародия, – являются лишь различными преломлениями "чужой речи"»; «Как извест-

[1] Ср., напр.: Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 45; Он же. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 250 – 296.

[2] Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. С. 8 – 13.

но, эти именно явления в настоящее время привлекают внимание **литературоведов** (здесь и далее выделено нами. – *Н.В.*)»[1]. Названные В.Н.Волошиновым стилистические явления были предметом исследования и М.М.Бахтина (на материале творчества Достоевского): «Существует группа художественно-речевых явлений, которая в настоящее время начинает привлекать к себе особое внимание исследователей. Это – явления стилизации, пародии, сказа и диалога» (с. 105).

Можно указать и на общий для В.Н.Волошинова и М.М.Бахтина интерес к диалогу: «Проблема диалога начинает все более привлекать к себе внимание лингвистов, а иногда прямо становится в центре лингвистических интересов» (В.Н.Волошинов. С. 137). Причем у В.Н.Волошинова обнаруживается интересное методологическое совпадение с бахтинским пониманием всеобъемлющей сущности диалога: «При более внимательном анализе оказалось бы, что единицею внутренней речи являются некие целые, несколько напоминающие абзацы монологической речи, или целые высказывания. Но более всего они напоминают *реплики диалога*. Недаром внутренняя речь представлялась уже древнейшим мыслителям как *внутренний диалог*» (с. 49).

В.Н.Волошинов нередко иллюстрирует свои мысли примерами из произведений Достоевского (с. 154 – 155, 158 – 159 и др.). В этом могло сказаться его общение с М.М.Бахтиным. Но нельзя не учитывать и общего литературоведческого интереса к Достоевскому в 1920-е гг., о масштабе которого можно судить по вводной главе книги самого М.М.Бахтина (с. 8 – 52). Творчество Достоевского являлось классическим «полигоном» для иллюстрации самых разных филологических и философских идей.

Есть между книгами и отдельные текстовые совпадения, возможно не случайные. В частности, обе они заканчиваются сходными резюмирующими конструкциями (впрочем, достаточно стандартными): «Остается подвести краткий итог» (Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. С. 242); «Остается подвести итоги нашего анализа несобственной прямой речи…» (Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. С. 186).

Однако за сходством проблематики, лингво-литературоведческих эвристических приемов и терминологии нередко проступает различное понимание авторами сути вещей, различающиеся углы зрения на материал, а то и разные приоритеты анализа. Так, в своем описании типологии художественной речи в романе Достоевского М.М.Бахтина совсем не упоминает о несобственно-прямой ее разновидности, хотя, казалось бы, очевидна ее направленность на выражение «чужого» слова. Анализ несобственно-прямой речи отсутствует и в переработанной в 1960-х гг. книге М.М.Бах-

[1] О внимании к изучению этих явлений в советском литературоведении 1920-х гг. см.: Чудаков А.П. В.В.Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 285 – 315.

тина о Достоевском. (Хотя упоминание этой категории встречается в его работе «Слово в романе», написанной в 1934 – 1935 гг.[1]) Между тем В.Н.Волошинов посвящает ей целую главу: «Несобственная прямая речь во французском, немецком и русском языке» (с. 166 – 188), отмечая во вводной части книги, что «явление несобственной прямой речи в русском языке (уже у Пушкина) еще никем не было указано и описано» (с. 12). Объяснить это противоречие, продолжая думать, что обе книги были написаны одним автором, нельзя. Другой пример. Говоря в специальной главе о косвенной и прямой речи, В.Н.Волошинов выделяет следующие их «модификации»: предметно-аналитическая, словесно-аналитическая, импрессионистическая (с. 153 – 157); подготовленная прямая речь, овеществленная прямая речь, превосхищенная и рассеянная чужая речь, риторическая прямая речь, замещенная прямая речь (с. 157 – 165). Ничего подобного – ни в концептуальном, ни в терминологическом плане – мы не находим у М.М.Бахтина. Рассуждая о типах художественного слова у Достоевского, он дает совершенно иную классификацию, и при этом ничего не говорит о косвенной речи (с. 105 – 127). Это тоже по меньшей мере странно, если полагать, что автором обеих книг был М.М.Бахтин.

Не только философские, но и многие психологические и лингвистические термины, активно используемые В.Н.Волошиновым, едва ли вообще встречаются в авторизованных работах М.М.Бахтина: «идеологический знак», «тема знака», «функциональная психология», «объективная психология», «лингвистическая система», «линейный стиль», «живописный стиль» (в плане передачи «чужой речи»), «аналитическая модификация косвенной речи», «речевая интерференция», «психологический позитивизм», «аналитическая передача чужой речи», «социологическая психология» и др.

Итак, как мы убедились, анализ методологии, терминологии, содержательной части обеих книг тоже дает веские основания для отрицательного ответа на вопрос о непосредственном участии М.М.Бахтина в написании книги «Марксизм и философия языка».

Вернемся к рассмотрению такого аргумента в пользу приписывания М.М.Бахтину работ В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, как отсутствие публикаций под его именем в годы интенсивной творческой деятельности (1920 – 1928). Начнем с того, что это еще не служит доказательством работы ученого над проблемами (тем более книгами, статьями), которым посвящены труды П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова. Временное отсутствие публикаций может свидетельствовать о творческой требовательности автора, долгом вынашивании замыслов, резкой смене научных интересов,

[1] См.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С. 132.

непредвиденных жизненных и издательских обстоятельствах, помешавших закончить начатые работы и представить их к опубликованию.

Из сохранившегося архива М.М.Бахтина (многие рукописи ученого были утеряны) и его переписки видно, что в 1920-х гг. им было написано несколько крупных работ: книг и статей. Это книга о «проблемах нравственной философии» – «Субъект нравственности и субъект права», над которой М.М.Бахтин работал в 1920 – 1921 гг.[1]; большое исследование под условным названием «Автор и герой в эстетической деятельности», работа над которым велась до сер. 1920-х гг.[2]; примыкающая к ним работа о философии поступка[3]; большая статья «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», написанная для журнала «Русский современник», но неопубликованная[4]; исследование (трактат) по «эстетике словесного творчества», о котором ученый пишет в письме к М.И.Кагану (20 февр. 1921 г.) и говорится в заметке о М.М.Бахтине в «Жизни искусства» (1922 г.)[5]; две статьи о творчестве Л.Н.Толстого, опубликованные в 1929 – 1930 гг., и, наконец, книга о поэтике Достоевского, потребовавшая от М.М.Бахтина нескольких лет труда (работа над ней началась еще в 1921 г.)[6]. Есть косвенные сведения о реализации ученым и других творческих замыслов.

Итак, в период с 1920 по 1928 г. М.М.Бахтин написал по крайней мере две книги (каждая около 15 печатных листов) и ряд больших статей – не считая исследований в области «нравственной философии» и «эстетики словесного творчества», объем которых неизвестен. К этому нужно добавить напряженную преподавательскую, лекторскую, редакторскую, общественную деятельность, время, затраченное на лечение (порой длительное), многочисленные переезды, смену работы, общение с друзьями, переписку, самообразование[7]. Нетрудно убедиться, что такие области, как психоанализ, теоретическая лингвистика (с резкой сменой методологии), теория литературоведения (формальный метод, социологическая поэтика),

---

[1] См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 412 – 413.

[2] Там же. С. 404.

[3] См.: Бахтин М.М. Архитектоника поступка / Вступ. ст. и публ. С.Бочарова // Социол. исслед. 1986. № 2. С. 156 – 169; Он же. К философии поступка / Публ. и вступ. заметка С.Г.Бочарова; прим. С.С.Аверинцева // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984 – 1985. М., 1986. С. 80 – 138. См. также: Махлин В.Л. Михаил Бахтин: Философия поступка. М., 1990. С. 40 – 41 (здесь восстановлен важный фрагмент бахтинского текста, отсутствующий в вышеуказанных публикациях).

[4] См.: Кожинов В., Конкин С. М.М.Бахтин: Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 6 – 7.

[5] См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С 5, 404.

[6] Там же. С. 5, 412 – 413.

[7] См. об этом, напр.: Конкин С.С. Михаил Бахтин: (Критико-биогр. очерк). С. 6 – 10; Гуревич П., Махлин В. Пророк в своем отечестве // Сов. культура. 1989. 22 июля. С. 6; Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 97 – 140.

представленные в трех книгах и нескольких статьях под фамилиями В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, как-то не укладываются в его жизнь. Зигзаг научных интересов Бахтина в сторону психологии и языкознания вызывает сомнение, если также учесть последующие (не только предшествующие) исследования М.М.Бахтина. Напомним в этой связи об автобиографии ученого, где он прямо говорит об эволюции своих научных интересов. Сомневаться в искренности М.М.Бахтина у нас оснований нет[1].

Остается задуматься над вопросом о характере творческого взаимодействия М.М.Бахтина и его «соавторов». Большинство пишущих об этом некритично повторяют появившиеся в 1970-х гг. утверждения о том, что автором книг и статей, изданных в 1925—1930 гг. под именами В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, по существу, был сам М.М.Бахтин. Для примера приведем один из «первоисточников» подобных заявлений[2], характерный в плане аргументации: «Его (М.М.Бахтина – *Н.В.*) ученики В.Н.Волошинов и П.Н.Медведев <…> произвели лишь небольшие вставки и изменения отдельных частей <…> этих статей и книг. Принадлежность **всех** работ одному автору, подтверждаемая свидетельствами очевидцев[3], явствует из самого **текста**»[4]. Необходимо заметить, что «ученик» П.Н.Медведев был старше своего «учителя» на четыре года, начал печататься с 1911 г. и опубликовал к 1928 г. по меньшей мере 40 работ, в том числе книги об А.Блоке и Д.Бедном[5] (хотя мы и готовы согласиться с тем, что он не был подлинным или единственным автором книги о формальном методе).

Между тем встречались и сдержанные высказывания на счет возможного авторства М.М.Бахтина, разделяемые авторитетными исследователями. Так, Р.О.Якобсон в предисловии к французскому изданию «Марксизма и философии языка» (1977 г.) утверждал, что книга была написана В.Н.Волошиновым в тесном взаимодействии с М.М.Бахтиным, но позже переменил свою точку зрения под влиянием внешних обстоятельств (свидетельств о беседах с М.М.Бахтиным Т.Винера, В.В.Иванова и др.), скло-

---

[1] Даже если предположить, что публикация книг и статей В.Н.Волошинова была эскападой М.М.Бахтина и его друзей, своеобразным карнавальным, пародирующим действом, протестом против засилья социологизаторства в советской науке 1920-х гг., то и в этом случае книга «Марксизм и философия языка» написана не М.М.Бахтиным, по крайней мере не «подлинным» М.М.Бахтиным.

[2] Ссылки на него в работах западных бахтинистов постоянны.

[3] Заметим, что свидетельства Н.А.Волошиновой и Е.А.Бахтиной – по прошествии нескольких десятилетий – нельзя признать надежными.

[4] Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1973. Вып. 308. С. 44.

[5] См.: Калмановский Е.С. Медведев Павел Николаевич // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1967. Т. 4. Стб. 724. Библиографию избранных трудов П.Н.Медведева см. в кн.: Медведев П.Н. В лаборатории писателя. Л., 1971. С. 387 – 390.

нился к мнению о минимальном участии В.Н.Волошинова в ее создании[1]. С.С.Конкин, рассматривая окружение М.М.Бахтина и его влияние на друзей, пишет: «...из круга этих людей выходит ряд принципиально важных исследований. Среди них книги: "Фрейдизм. Критический очерк" (М.; Л., 1927); "Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику" (Л., 1928); "Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке" (Л., 1929). <…> Таковы люди, с которыми М.Бахтин в 1919 – 1929 годах делил радости увлеченной культурно-просветительной <…> и научной деятельности, **помогая** им выйти на передовые рубежи науки того времени»[2], хотя в других публикациях тот же ученый заявляет об авторстве М.М.Бахтина. Да и сами создатели первой обширной биографии М.М.Бахтина, подвергнутой критическому остракизму за приписывание ученому многих работ В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева со стороны своих американских коллег (см. далее), порой вынуждены признавать, что вопрос об авторстве исследований, подписанных именем В.Н.Волошинова, наиболее запутан и спорен: последний был достаточно самостоятелен как ученый[3].

Наконец, по мнению В.В.Кожинова, хотя влияние М.М.Бахтина и сказалось на работах В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, он не был в буквальном смысле соавтором последних, первой его книгой стали «Проблемы творчества Достоевского»: «На основе бесед с Михаилом Михайловичем, посвященных проблемам философии и психологии, филологии и эстетики, впоследствии сложился ряд статей и книг»; «М.М.Бахтин не торопился публиковать результаты своих исследований; **первая его книга** вышла в свет, когда ему было уже 34 года»[4]. Осторожный, а то и скептический взгляд на приписывание М.М.Бахтину работ В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева в последнее время формируется и в зарубежных публикациях[5].

Подведем итоги. Анализ методологии, терминологии, содержания обеих книг, их композиции, архитектоники, отдельных элементов стилистики, а также внимательное рассмотрение эволюции творчества

---

[1] См.: Matijašević R. Op. cit. S. XIII.

[2] Конкин С.С. Михаил Бахтин: (Критико-биогр. очерк). С. 9 – 10.

[3] См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 150, 160, 162, 170.

[4] Кожинов В., Конкин С. Указ. соч. С. 6 – 7. (Цитируемый раздел статьи написан В.В.Кожиновым.)

[5] См., напр.: Brown E.J. Soviet structuralism, a semiotic approach // Russian formalism. New Haven, 1985. P. 118 – 120; Titunik I.R. Bakhtin and/or Medvedev: Dialogue and/or doubletalk // Language and literary theory. Ann Arbor, 1985. P. 535 – 564; Morson G.S. The Bakhtin industry // Slavik and East European journal. Tucson, 1986. Vol. 30. №. 1. P. 81 – 90; Titunik I.R. The Bakhtin problem: Concerning “Mikhail Bakhtin” by Clark K. and Holquist M. // Ibid. P. 91 – 95. См. также: Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, 1990. P. 102 – 118.

М.М.Бахтина свидетельствуют о недостаточности аргументов для приписывания ему книги «Марксизм и философия языка». Очевидно, в данном случае разумнее говорить о **диалогическом** влиянии ученого на своего товарища по жизни и научным интересам. Однако за всем этим не следует автоматическое отрицание участия М.М.Бахтина в создании других работ В.Н.Волошинова, как и П.Н.Медведева. Хотя, заметим, для славы М.М.Бахтина вполне достаточно тех исследований, под которыми по праву стоит его имя. Такова была и его авторская воля.

ЗАМЕТКИ ОБ АВТОРСТВЕ «СПОРНЫХ ТЕКСТОВ», ВЫШЕДШИХ ИЗ КРУГА М.М.БАХТИНА*

Автор не дан, а задан…[1]

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, – одна из интригующих в бахтиноведении. Нам уже приходилось касаться указанного вопроса в ряде публикаций[2]. В данном случае мы ставим цель приблизиться к разгадке тайны скрытого соавторства Бахтина и его друзей путем специального рассмотрения двух формальных аспектов стилистики корпуса работ, вышедших из «круга Бахтина», – использования интересующими нас авторами текстовых (графических) выделений и употребления ими нетранслитерированных слов и выражений (варваризмов).

Указанные стилистические особенности редко встречаются в научном дискурсе; отличаются они и качественно-количественными параметрами индивидуального варьирования. Это дает основание для выводов относительно творческой манеры того или иного автора и, следовательно, сравнения авторских «почерков», выявления их общности или различий.

---

* Васильев Н.Л. Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М.Бахтина // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 10: По материалам Одиннадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 авг. 2004 г.). СПб., 2005. С. 71 – 80.

[1] Перефразирование размышлений одного из героев романа К.К.Вагинова «Козлиная песнь» (1928): «А в самом последнем вагоне ехал философ с пушистыми усами и думал: "Мир задан, а не дан; реальность задана, а не дана"» (см.: Вагинов К.К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 61).

[2] См., напр.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43; Он же. Бахтин и его соавторы: История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике // Лит. Россия. 2003. 18 июля (№ 29). С. 13 – 14; Он же. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С.121 – 129; Он же. XI Международная Бахтинская конференция (г. Куритиба. Бразилия, 21 – 25 июля 2003 г.) // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 1 (34). С. 247 – 254.

I

И сам Бахтин, и В.Н.Волошинов, и П.Н.Медведев прибегают к такому специфическому способу акцентирования повествовательного дискурса, как шрифтовые выделения (курсив, разрядка, в бахтинских рукописях им соответствует подчеркивание)[1]. Причем первые двое используют данный прием не просто постоянно, а чрезвычайно активно, что само по себе уже необычно. Так, во «Фрейдизме» (1927 г.) Волошинова встречается около 300 выделений такого рода, в его «Марксизме и философии языка» (1929 г.) – 235; в соотносительной по объему книге Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929 г.) – 84.

Последнее, казалось бы, говорит о несовпадении авторских идиолектов Волошинова и Бахтина; но в «Проблемах поэтики Достоевского» (1963 г.) число графических выделений, включая массив текстовых примечаний, составляет уже около 600 случаев[2]; почти в такой же степени насыщена ими книга о Ф.Рабле (в среднем по полтора выделения на каждой странице). В ранних трудах Бахтина эта черта также обращает на себя внимание: «<К философии поступка>» (между 1918 и 1924 гг.) – 41, «<Автор и герой в эстетической деятельности>» (первая пол. 1920-х гг.?) – 409, «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве» (1924 г.) – 172 выделения[3]. Однако в опубликованных статьях о Л.Н.Толстом (1929; 1930) подобных явлений гораздо меньше: «Толстой-драматург» – 2, «Идеологический роман Л.Н.Толстого» – 18.

Следовательно, можно с уверенностью сказать, что для авторского стиля Бахтина активное графическое акцентирование является абсолютной нормой и встречается на всем его творческом пути, за исключением отдельных работ, готовившихся к печати в 1929 г.[4]

---

[1] Чтобы понять, насколько это явление необычно, следует иметь в виду, что графические выделения отсутствуют, в частности, в таких знаковых исследованиях того времени, как «Эстетические фрагменты» (1922 – 1923 гг.) Г.Г.Шпета, «Мышление и речь» (1934 г.) Л.С.Выготского. Однако, например, в более поздней книге Г.Г.Шпета «Внутренняя форма слова» (1927 г.) разрядка встречается уже регулярно.

[2] Можно предполагать, что находившийся в 1929 г. под следствием ученый не всегда мог отстаивать свою авторскую волю, шел на уступки редактору или человеку, патронировавшему процесс издания его книги.

[3] Отметим также тот факт, что в статье И.И.Канаева «Современный витализм» (1926 г.), по свидетельству формального автора написанной Бахтиным, средняя частота графических выделений составляет 4 раза на страницу текста.

[4] В связи с этим интересно обратиться к воспоминаниям редактора бахтинских книг С.Л.Лейбович, которая сообщает о некоторых деталях, касающихся авторской щепетильности ученого: «А вот другая история – в ней еще раз проявилась крайняя заинтересованность М.М. в культуре издания своих трудов. <…> Вопреки установленному стандарту набирать выделения курсивом (в рукописи подбиваются волнистой чертой), М.М. признавал таковой лишь в приводимых им цитатах, а в собственном, авторском тексте допускал только разрядку (обозначавшуюся пунктиром – черточками). С этими черточками и была представлена рукопись сборника «Вопросы литературы и эстетики». Между тем, после ее вычитки в коррек-

В какой степени присуще данное явление Волошинову? В его музыкальной критике этот прием не встречается; единичные графические выделения (2) появляются в рецензии на стихи В.Я.Брюсова (1927 г.), несколько больше их (10) в рецензии на книгу В.В.Виноградова «О художественной прозе» (1930 г.); в работе над этой рецензией, впрочем, тоже подозревают Бахтина… Пестрят подобными выделениями волошиновские труды «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926 г.), «О границах поэтики и лингвистики» (1929 г.). В статьях из цикла «Стилистика художественной речи» (1930 г.), наиболее далеких от возможного бахтинского влияния, суммарное число таких выделений (разрядкой) исключительно велико – 229.

Судя по данному стилевому признаку, можно думать, что либо философско-филологические работы Волошинова и в самом деле принадлежат Бахтину (так считали многие!), либо оба исследователя обладали сходным авторским почерком, возможно явившимся результатом их длительного биографического и творческого контакта начиная с невельского периода; не исключено и влияние одного на другого в этом отношении…

Однако подобные графические выделения еще чаще, чем Бахтин и Волошинов, использует в те же годы ближайший коллега и наставник последнего в ИЛЯЗВе – Л.П.Якубинский. Например, в статьях цикла «Классовый состав современного русского языка» (1930 г.), написанных им отчасти в соавторстве с А.М.Ивановым для «Литературной учебы», они встречаются в среднем 10 раз на каждой странице текста! При этом интересно, что в предшествующих работах того же автора, например в статье «О диалогической речи» (1923 г.), подобных выделений вообще нет[1].

торской все черточки (разрядка) в рукописи оказались перечеркнутыми, вернее, перекрытыми жирным зеленым волнистым подчеркиванием (курсив). Отход от стандарта корректоры сочли ляпсусом и, не посоветовшись с редакцией, произвели своего рода "революцию". Что было делать? По неукоснительному производственному графику, рукопись должна была быть сдана в производство не позже завтрашнего дня. А выделений было много, чуть ли не на каждой странице. О перепечатке всей рукописи в несколько сот страниц и речи быть не могло. Нанести же на жирные волнистые линии еще один слой черточек, – получилась бы только мазня…»; «Узнав о безвыходной ситуации, даже Бочаров, неукоснительный страж авторского кредо, – и тот махнул рукой: мол, что делать, в конце концов обойдемся, объясним М.М., и пусть остается курсив, ничего страшного. Только было мы успокоились, как звонит, кажется, тот же Бочаров и сообщает: М.М. не соглашается ни в какую. <…> Курсив, объяснял М.М., своей резкостью обезображивает текст, мешает его правильному восприятию, и он, автор, требует (**требует**!) восстановить разрядку» (Лейбович С.Л. Тридцать лет спустя. Диалог. Карнавал. Хронотоп [далее ДКХ]. 1997. № 1. С. 160 – 161).

[1] См., напр.: Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986; Данный парадокс, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем осмыслении, поскольку неясно, вследствие каких именно причин (субъективных и объективных) в научной манере Л.П.Якубинского (и не только его) в конце 1920-х гг. происходит такого рода трансформация. Провоцируется и вопрос: не являлся ли Бахтин исполнителем или редактором лингвистиче-

Примечательно, что подобное противоречие присуще и написанной в 1941 г. книге ученого «История древнерусского языка», где системные графические выделения отчетливо бросаются в глаза лишь в ограниченном числе глав: «Глава четвертая. Родство славянских языков (продолжение)», «Глава пятая. К вопросу о происхождении праславянского племенного диалекта», «Глава шестая. Восточнославянские племена» и фрагментарно в некоторых других[1].

Обращает на себя внимание тот факт, что в книге Медведева «Формальный метод в литературоведении» (1928 г.) число графических выделений минимально – 8[2]. За этим стоит либо непричастность Бахтина к буквальному написанию данной книги, либо волевое решение Медведева убрать графические акценты своего соавтора – т. е., по меньшей мере, «мягкое» редактирование им текста книги. (Можно было бы подозревать в этом и штатных редакторов издательства «Прибой», но в таком случае неясно, почему такая же процедура не коснулась «Марксизма и философии языка» или «Проблем творчества Достоевского».) Медведевские работы, приписываемые некоторыми исследователями Бахтину, например «Ученый сальеризм» (1924 г.), «Социологизм без социологии» (1926 г.), вообще не содержат графических выделений! Незначительно их число и в труде Медведева «Драмы и поэмы Александра Блока» (1928 г.).

Выдвинем гипотезу, что в редактировании книги Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» принимал непосредственное участие Медведев, работавший в тот момент в издательстве «Прибой»; как литературовед он был более близок к теме данного исследования, в отличие от лингвиста Волошинова. Во всяком случае, частота графических выделений в книге Бахтина является статистически компромиссной между его стилистическими установками и представлением об этом опытного практика Медведева…

Есть разница и в способе графического выделения текстовых фрагментов в интересующих нас трудах: у Бахтина это исключительно разрядка; у Волошинова – преимущественно курсив, что он, между прочим, подчеркивает вербально: «Курсив автора [А.М.Пешковского]», «Курсив

ских статей не только Волошинова, в чем его подозревают, но и других авторов «Литературной учебы»…

[1] См.: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

[2] Несколько больше их в книге П.Н.Медведева «Формализм и формалисты» (1934 г.), преемственно связанной с предшествующей монографией.

А.М.Пешковского», «Курсив наш»[1]. Принципы выделения текстовых фрагментов у авторов тоже различны[2].

II

Высказывалось мнение, что Бахтин, в отличие от Волошинова, редко прибегал в своей научной речи к нетранслитерированным иноязычным элементам: «Использование "латинизмов" не характерно для работ Бахтина. Так, например, в написанной примерно в это же время работе "Автор и герой в эстетической деятельности" данные слова и выражения не встречаются»[3]. На основании этого упомянутые исследователи делают логически не безупречный вывод, что первая часть книги «Марксизм и философия языка», где встречаются отдельные варваризмы (*par exellence*, *resp<ective>*, *medium*), «была написана Бахтиным или надиктована Волошинову, который и осуществил стилистическую обработку текста», «вторая часть и первые три главы третьей части были, по все видимости, написаны самим Бахтиным и не подвергались стилистической правке со стороны Волошинова», «Сложнее вопрос об авторстве последней, четвертой главы третьей части. <…> Эта глава, написанная Волошиновым, вероятно, отредактирована Бахтиным, поэтому в ней не встречаются латинизмы, о которых мы говорили выше, кроме par exellence»[4].

Вопреки утверждению тверских филологов, Бахтин регулярно, на протяжении всего творческого пути, употреблял нетранслитерированные международные элементы, главным образом из латинского языка. Так, еще в ранних философско-филологических работах, включая «<Автор и герой в эстетической деятельности>», им используются варваризмы *alibi* (3), *contradictio in adjecto* (2), *deus ex machina*, *en face*, *ex cathedra* (3), *homo sapiense* (4), *hors d'œever*, *nature morte*, *par excellence*, *post factum* (2), *prima philosophia*, *quasi-научный*, *quaternion terminorum*, *res nullius* и др.[5] В «Проблемах творчества Достоевского» – *habitus*, *implicite*, *NB*, *medium*

---

[1] См.: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 342, 343, 348 – 350, 353, 357. Все указанные реплики содержатся в III части «Марксизма и философии языка», в основу которой легла неопубликованная книга (диссертация) Волошинова «Проблема передачи чужой речи» (1928 г.).

[2] См. об этом: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? С. 40.

[3] Ерохин В.Н., Ружицкий И.В., Строганов М.В. Волошинов или Бахтин? (К вопросу об авторстве «Марксизма и философии языка») // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Мат. 7-ой Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и школьных учителей. Тверь, 1993. С. 149.

[4] Там же.

[5] О значении приводимых варваризмов см., в частности: Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. Л., 1981 – 1987. В скобках указывается количество их употреблений в конкретных текстах интересующих нас авторов.

(4), *minimum* (2), *perpetuum mobile*, *tercium non datur*[1]. В статьях о Л.Н.Толстом – *quasi-внеклассовый*. В работах 1930 – 1950-х гг., в эпоху борьбы с «космополитизмом», подобные элементы употребляются им, естественно, несколько более сдержанно: *contradictio in adjecto*, *contre-partie*, *dixi* (2), *habitus*, *specificum*, *sub specie aeternitatis*.

Волошинов также регулярно использовал варваризмы в своей письменной речи, причем независимо от Бахтина: *curriculum vitae*, *opus* (автобиография 1922 г.)[2], *à priori*, *ibid*[3]. Встречаются они и в «спорных текстах», подписанных его именем, например во «Фрейдизме» – *a posteriori*, *a priori*, *façon de parler*, *ibid* (4), *minimum*, *postfactum*, *quasi-объективный*, *reductio ad absurdum*; в рецензии на книгу В.В.Виноградова «О художественной прозе» – *medium*. Особенно много их в «Марксизме и философии языка»: *asylum ignorantiae*, *consecutio temporum* (3), *contradictio in adjecto*, *ergo*, *homo sapiense*, *medium* (3), *incipit philosophia*, *incipit philologia*, *minimum*, *par excellence* (4), *proton pseudos* (2), *quaternion terminorum*, *resp.*, *sic*, *specificum*, *urbi et orbi*[4]. В статьях для журнала «Литературная учеба», вследствие научно-популярной установки издания, они отсутствуют.

В некоторых статьях Медведева, приписываемых отдельными исследователями Бахтину, фигурируют варваризмы *facilius est plus facere*, *ibid* (6), *plus facere*, *pro doma sua*, *quam idem*, *Sturm und Drang*[5]. В книге «Формальный метод в литературоведении» – *ad hos*, *conditio sine qua non* (2), *ibid* (4), *minimum*, *reductio ad absurdum*, *sui generic*, *tertium non datur*, *usus* (2)[6].

У всех трех указанных авторов встречаются общие, хотя бы для двух подписанных разными именами работ, варваризмы: *contradictio in adjecto* (Бахтин, Волошинов), *ibid* (Волошинов, Медведев), *medium* (Бахтин, Волошинов), *minimum* (Бахтин, Волошинов, Медведев), *par excellence* (Бахтин, Волошинов), *quasi* (Бахтин, Волошинов), *reductio ad absurdum* (Во-

---

[1] В «Проблемах поэтики Достоевского» – *habitus*, *logistoricus*, *punctum contra punktum*, *tertium non datur*.

[2] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 9.

[3] Волошинов В. О концертном стиле // Записки передвижного театра. 1923. № 58. С. 1 – 2; Он же. [Рец.] Кузнецов К.А. Введение в историю музыки. Ч. 1. Пг.: ГИЗ, 1923 // Там же. 1923. № 67. С. 9.

[4] Ср. также в «Плане и некоторых руководящих мыслях работы "Марксизм и философия языка" (основы социологического метода в науке о языке)» – *medium*, *par excellence* (2). См.: Личное дело Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1995. № 2. С. 81 – 99.

[5] См., напр.: Бахтин под маской. Вып. 5 (1). М., 1996.

[6] Можно заметить, однако, что в ряде случаев Медведев избегает нарочито академического употребления варваризмов, заменяя их адаптированными синонимами – *минимум*, *преимущественно* и др. См., напр.: Бахтин М.М. (под маской): Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. С. 195, 274.

лошинов, Медведев), *specificum* (Бахтин, Волошинов), *tertium non datur* (Бахтин, Медведев).

Общим для всех из них является слово *minimum*, использующееся во «Фрейдизме», «Формальном методе в литературоведении», «Марксизме и философии языка» и «Проблемах творчества Достоевского» – т. е. сразу в четырех (!) книгах, вышедших из «круга Бахтина» в течение короткого срока. Проиллюстрируем контексты его употребления: «Фрейдизм – это вовсе не ряд фактов и вовсе не тот minimum рабочей гипотезы, который необходим для предварительного объединения и группировки этих фактов» («Фрейдизм»); «Вот этот чувственный minimum слова они [формалисты] и хотели спасти от переобремененности и полной поглощенности его тем высоким смыслом, который придавали слову символисты» («Формальный метод в литературоведении»); «Мы пользуемся все время термином Гертруды Лерч "uneigentlich direkte Rede", как инвольвирующим minimum теории» («Марксизм и философия языка». Ч. III, гл. 4); «Все в романах Достоевского сводится к диалогу, к диалогическому противостоянию, как к своему центру. <…> Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – minimum жизни, minimum бытия» («Проблемы творчества Достоевского»)[1]. Во всех указанных контекстах термин используется в семантически и синтагматически сходных условиях.

Общим только для Бахтина и Волошинова является, например, слово *medium,* трижды встречающееся, в частности, в «Марксизме и философии языка» и четырежды в «Проблемах творчества Достоевского». Ср.: «Слово – чистейший и тончайший medium социального общения»; «Романтики были первыми филологами родного языка, первыми, попытавшимися радикально перестроить лингвистическое мышление на основе переживаний родного языка, как medium'а становления сознания и мысли»; «В процессе этого овладения материалом, преодоления его, превращения его в послушный medium выражения, – само переживаемое и выражаемое видоизменяется и принуждено идти на известный компромисс»[2]; «Идея же была для него [Достоевского] или пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, – и это главное – тем medium'ом, той средою, в которой раскрывается человеческое сознание в своей глубочайшей сущности»; «Поэтому не жизнь идеи в одиноком сознании и не взаимоотношения идей, а взаимодействие сознаний в medium'е идей (но не только идей) изображал Достоевский», «Если есть в распоряжении данной социальной группы сколько-нибудь авторитетный и отстоявшийся medium преломления, то будет господствовать условное слово в той или иной его разновидности, с тою или иною степенью

[1] См.: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 160, 359; Бахтин М.М. (под маской). С. 240; Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 2000. С. 157.

[2] Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 226, 299, 300.

условности. Если же такого medium'а нет, то будет господствовать разнонаправленное двуголосое слово <…>»[1]. Обращает на себя внимание разница в употреблении Волошиновым и Бахтиным этого слова: у первого оно используется в конкретно-переносном значении «посредник»[2], у второго – в более философском, абстрактном смысле… Однако в рецензии на книгу В.В.Виноградова «О художественной прозе» оба указанных семантических компонента не только перекрещиваются, но и фразеологически коррелируют со словоупотреблением как Волошинова («medium социального общения»), так и Бахтина («тем medium'ом, той средою»): «Для метода, видящего в языке литературного произведения лишь "композиционную систему речевых форм" <…> нет и не может быть подхода к историческому становлению языка, как medium'а, как среды социального общения и социальной борьбы»[3].

Одновременно мы видим, что точек соприкосновения между Бахтиным и Волошиновым (в данном отношении) опять-таки намного больше, чем между Бахтиным и Медведевым; с последним словоупотребление Бахтина «пересекается» только при участии Волошинова. В свою очередь, Волошинова и Медведева связывает то обстоятельство, что оба, в отличие от Бахтина, активно использовали академическую формулу *Ibid* в подписанных их именами трудах[4]. У самого Бахтина она нами не зафиксирована!

Напрашивается вывод, что наличие в «спорных текстах» сразу нескольких общих для Волошинова, Медведева и самого Бахтина нетранслитерированных слов и выражений подтверждает версию об участии последнего в написании указанных книг и статей. Однако такое умозаключение было бы некорректным. Использование варваризмов, несмотря на своеобразие реализации этого явления в речи конкретного автора, является едва ли не нормой для научного стиля начала XX в.

В качестве подтверждения сказанного приведем результаты проведенного нами экспресс-анализа только одного фрагмента научной прозы идейно близкого к «бахтинскому кругу» философа Г.Г.Шпета, оказавшего, по мнению многих исследователей, сильное влияние философию на Бахтина. В разделе «Современные напоминания: структура слова in usum aestheticae» из его «Эстетических фрагментов» философ использует, в ча-

---

[1] Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 2. С. 40, 41, 99 – 100. Примечательно, что в «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин в одном случае упростил свое изложение, заменив словосочетание *в medium'е идей* на *в сфере идей* (Там же. С. 524, прим. 24).

[2] Ср. также в «Плане и некоторых руководящих мыслях работы "Марксизм и философия языка"…»: «Слово, как объективный medium сознания» (Личное дело В.Н.Волошинова. С. 81).

[3] М.М.Бахтин (под маской). С. 516.

[4] Указанный тип ссылки на иноязычный источник присущ, например, и статьям Л.П.Якубинского (1926, 1931 гг.). См.: Якубинский Л.П. Избранные работы… С. 70, 81.

стности, следующие варваризмы, причем некоторые неоднократно: *ad finitum* (2), *characteristicum*, *etc.*, *explicite*, *fundamentum relationis*, *id*, *implicite* (3), *in abstracto*, *in actu*, *in potencia* (4), *materia circa quam*, *materia in qua*, *minimum* (3), *nomen*, *prima facie*, *quasi-логический*, *resp.*, *signum*, *silencium*, *specificum*, *sui generis* (5)[1]. Легко заметить, что многие из них совпадают с теми, которые мы зафиксировали в «спорных текстах» и трудах подлинного Бахтина. Более того, можно предположить, что Г.Г.Шпет оказал на Бахтина и некоторое стилистическое воздействие. Например, последний употребляет узкоспециальный термин *конципиро-вание*, в работе же его современника используется глагол *конципировать*[2].

Сделаем выводы. Бахтин активно, причем на протяжении всего творческого пути, прибегает к графическим текстовым выделениям и более сдержанно – к нетранслитерированным словам и выражениям, главным образом из латинского языка. Первую особенность можно считать одной из своеобразнейших черт его авторского стиля, хотя и не дифференцирующую его в данном отношении, например, от Л.П.Якубинского; вторую – рассматривать в качестве устойчивой черты метаязыка ученого, но не выделяющей его резко на фоне некоторых других современников, включая и Волошинова, Медведева. Обращают на себя внимание отдельные поразительные стыковки словоупотребления в сочинениях Бахтина и работах его ближайших друзей, что при желании можно трактовать как аргумент в пользу авторского участия Бахтина в «создании *общей* концепции». Более уверенно можно сказать о том, что Волошинов и Медведев участвовали, по крайней мере, в техническом редактировании «спорных текстов»; что между Бахтиным и Волошиновым было больше общего в рассмотренных стилистических нюансах, чем между Бахтиным и Медведевым; что прослеживается и общность стилистических почерков Волошинова и Медведева, объясняемая, вероятно, академическими требованиями издательской практики ИЛЯЗВа, под грифом которого вышли «Формальный метод в литературоведении» и «Марксизм и философия языка».

---

[1] См.: Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.

[2] О лексических особенностях научного дискурса Бахтина см.: Васильев Н.Л. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени // Невельский сборник. Вып. 9. СПб., 2004. С. 64.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА ОБ АВТОРСТВЕ «СПОРНЫХ ТЕКСТОВ», ПРИПИСЫВАЕМЫХ М.М.БАХТИНУ*

А н н а А н д р е в н а. Так, верно, и Юрий Милославский ваше сочинение?
Х л е с т а к о в. Да, это мое сочинение.
А н н а А н д р е в н а. Я сейчас догадалась. (Н.В.Гоголь. Ревизор)

– Но требуется же какое-нибудь доказательство… – начал Берлиоз.
– И доказательств никаких не требуется, – ответил профессор <…> (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита)

«…вообще Бахтин был окружен сомнительными людьми» (Л.Я.Гинзбург)

«Миша, как тебе не стыдно!» (Е.А.Бахтина)

«Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту <…> у каждого смысла будет свой праздник возрождения» (М.М.Бахтин. К методологии гуманитарных наук)

1.

В 1973 г. один из авторитетнейших филологов – Вяч. Вс. Иванов сделал печатное заявление о том, что ряд книг и статей, вышедших в 1920-х гг. под именами В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, принадлежит перу Бахтина[1]. Поскольку это произошло еще при жизни последнего и в какой-то мере с его молчаливого согласия[2], научная сенсация вскоре стала

* Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов», приписываемых М.М.Бахтину // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сб. в честь Николая Панькова. Уфа, 2011. С. 68 – 105. Статья представляет собой развернутую версию доклада на XI Международной Бахтинской конференции в Бразилии (г. Куритиба, 21 – 25 июля 2003 г.), дополненную анализом работ по этой теме, появившихся в последние годы, малоизвестными публикациями Бахтина и архивными материалами. Россия была представлена в Куритибе двумя участниками – Н.А.Паньковым и автором этих строк.

[1] См.: Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1973. Вып. 308. С. 44. То же: Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1996. № 3. С. 5 – 58. Ранее та же информация прозвучала в выступлении В.В.Иванова в 1970 г. на заседании Объединения по структурной лингвистике в МГУ по случаю 75-летия Бахтина.

[2] См.: Иванов В.В. Послесловие // ДКХ. 1996. № 3. С. 59.

фактом, казалось бы, не требующим никаких доказательств[1]. Ссылки на некоторые работы Волошинова и Медведева как на бахтинские стали обычным, если не сказать модным, явлением. Этому способствовало, в частности, то обстоятельство, что фамилии Медведева и Волошинова почти ничего не говорили исследователям послевоенного поколения. Ведь и само имя Бахтина выплыло из забвения лишь за десять лет до этого… Надо сказать, что выступление В.В.Иванова было своевременным и явилось закономерной реабилитацией многолетнего скромного «молчания» Бахтина как выдающегося исследователя-методолога.

Между тем многих ученых интересовали причины, по которым Бахтин и его друзья решились на такой необычный, едва ли не беспрецедентный в издательской практике авторский эксперимент. Ответы на этот вопрос – в том числе со ссылками на Бахтина – давались самые разные: необходимость в заработке; отсутствие у Бахтина связей в научно-издательском мире; его духовное бескорыстие; особое диалогическое отношение к творчеству; неумение доводить до конца ранее «проговоренные» работы; стремление помочь друзьям в их научной карьере; осторожность Бахтина, в условиях жесткого идеологического диктата скрывавшего свою индивидуальность под несколькими именами; реализация на практике теоретических положений о различных формах бытования «чужого слова»; неудача с публикацией под своим именем статьи «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве»; своеобразная авантюрная реакция ученого и его круга на всеобщее «разложение» и др.

Согласно господствовавшим к началу 1990-х гг. представлениям, Медведев и Волошинов не были профессиональными или, по крайней мере, достаточно самостоятельными исследователями. Поэтому делались выводы, что они согласились поставить свое имя на работах Бахтина по каким-то конъюнктурным, едва ли не корыстным соображениям. Реже высказывались предположения, что такого рода соавторство устраивало всех, включая Бахтина, не имевшего в те годы официального статуса уче-

[1] См., например, суждения одного из самых ярких «приближенных» Бахтина: «Валентин Волошинов, Иван Канаев, Павел Медведев – у них есть и свои работы, превосходные или попроще, но в иных статьях, книгах, как известно, спрятан Бахтин. Можно спорить о том, в какой мере и степени та или иная книга написаны непосредственно Бахтиным, да и то расхождение здесь должно быть не очень большое: 99 процентов или 95 – 96. Но "Марксизм в языкознании" и особенно "Формальный метод в литературоведении" – книги, созданные собственно Бахтиным, и уж тут-то спорить нам не о чем. Совершая своеобразный антиплагиат, учредив фиктивное авторство, одарив своих спутников 20-х годов гениальными трудами, нагромоздил Бахтин невообразимую путаницу. Да, конечно, с нас хватило бы и книги "Проблемы творчества Достоевского»". И все же затейливо это – приблизительно две трети работ ни с того, ни с сего как бы передоверить сверстникам. Нам подобного не понять» (Турбин В.Н. Эмиграция в МАССР / Публ. и послесл. О.В.Турбиной» // ДКХ. 1997. № 4. С. 100).

ного или не желавшего открыто приспосабливать свой философский метаязык и методологию к марксистской идеологии. Волошинов и Медведев могли пойти на этот шаг, понимая, что иного пути опубликовать бахтинские труды в ближайшее время нет, а спустя несколько лет они потеряют актуальность. (В таком случае все действующие лица остаются на достойной этической высоте.)

Не до конца проясненные обстоятельства, касавшиеся «спорных текстов» вызывали естественное желание разобраться в существе дела, расставить все точки над i. Сомнения относительно исключительно бахтинского авторства высказывались и на Западе[1]. Концептуально же вопрос о необходимости ответственного, взвешенного разговора по этому поводу был поставлен на родине ученого в 1991 г.[2] В указанных публикациях с помощью разного рода аргументов, прежде всего сравнительно-статистического анализа, доказывалось, что книги «Марксизм и философия языка», «Проблемы творчества Достоевского», вышедшие в 1929 г., не могли быть написаны одним автором, т. е. только Бахтиным, – и делался следующий вывод: «Анализ методологии, терминологии, содержания обеих книг, их композиции, архитектоники, отдельных элементов стилистики, а также внимательное рассмотрение эволюции творчества М.М.Бахтина (он называл себя философом, литературоведом, но никогда не говорил о себе как лингвисте. – *Н.В.*) свидетельствуют о недостаточности аргументов для приписывания ему книги "Марксизм и философия языка". Очевидно, в данном случае мы должны говорить о **диалогическом** влиянии ученого на своего товарища по жизни и научным интересам»[3]. Нужно признаться, что в основе весьма смелого по тем временам и категоричного отрицания авторства Бахтина лежала еще и определенная «сверхзадача» – вызвать реакцию контраргументации со стороны лиц, причастных к изданию бахтинских трудов в России и ведавших его литературным наследством.

Появление указанной статьи привело к «необратимой ядерной реакции», породив дискуссию и череду публикаций, прямо или косвенно под-

---

[1] См., напр.: Gardin B. Chronique linguistique: Volochinov ou Bakhtine? // La pensèe. Paris, 1978. Fevr. (№ 197). P. 87 – 100; Perlina N. Bakhtin – Medvedev – Voloshinov: an apple of discourse // Univ. of Ottawa quarterly. 1983. № 1. P. 35 – 47; Titunik I.R. Bakhtin and/or Voloshinov and/or Medvedev: dialogue and/or doubletalk // Language and literary theory. Ann Arbor, 1985. P. 535 – 564; Morson G.S. The Bakhtin industry // Slavic and East Europien jurnal. Tucson, 1986. Vol. 30. № 1. P. 81 – 90; Titunik I.R. The Bakhtin problem: Concerning «Mikhail Bakhtin» by Clark K. and Holquist M. // Ibid. P. 91 – 95; Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, 1990. P. 102 – 118.

[2] См.: Васильев Н.Л. К вопросу об авторстве книги «Марксизм и философия языка», приписываемой М.М.Бахтину // М.М.Бахтин и методология современного гуманитарного знания: Тез. докладов участников вторых саранских Бахтинских чтений. 28 – 30 янв. 1991 г. Саранск, 1991. С. 43 – 45; Он же. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43.

[3] Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? С. 42.

держивавших ту или иную точку зрения[1]. Можно сказать, что данный вопрос стал в 1990-х гг. одним из наиболее интригующих и стимулирующих в плане изучения биографии Бахтина, его окружения и литературного наследства «бахтинского круга», причем не только в России, но и за рубежом[2].

Прежде всего выяснилось, что ближайшие друзья и потенциальные соавторы ученого не были людьми, далекими от академической науки и, следовательно, их общение с Бахтиным основывалось не только на личных симпатиях, но и общности научных интересов. Медведев (1891/92 – 1938), во многом благодаря исследованиям его сына, предстал более глубоким и разносторонним литературоведом, чем это казалось ранее[3]. Волошинов (1895 – 1936), биография которого почти не была известна, стал восприниматься как сложившийся гуманитарий, оставивший заметный след в научной жизни своего времени[4]. Достаточно сказать, что кроме незаконченного юридического он получил и филологическое образование в Петроградском университете, которое продолжил в аспирантуре Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), став заметным фигурантом в научной жизни Ленинграда. Попытки некоторых исследователей, в основном сторонников бахтинского авторства

---

[1] См., напр.: Медведев Ю.П. «Нас было много на челне…» // ДКХ. 1992. № 1. С. 97 – 98; Осовский О.Е. Бахтин, Медведев, Волошинов: Об одном из «проклятых вопросов» современного бахтиноведения // Философия М.М.Бахтина и этика современного мира. Саранск, 1992. С. 39 – 54; Ерохин В.Н., Ружицкий И.В., Строганов М.В. Волошинов или Бахтин? (К вопросу об авторстве «Марксизма и философии языка») // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Мат. 7-ой Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и школьных учителей. Тверь, 1993. С. 148 – 149; Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. 1993 (№ 2). С. 74 и др.; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 15, 16, 132 – 134, 137, 147 – 149, 356 – 357; Конкин С.С. О М.Бахтине и его соавторах // Лит. обозр. 1995. № 2. С. 45 – 48; Паньков Н.А. Мифологема Волошинова // ДКХ. 1995. № 2. С. 66 – 69; Пешков И.В. Один вопрос вокруг двух конференций // ДКХ. 1995. № 3. С. 179; Иванов В.В. Об авторстве книг В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева // ДКХ. 1995. № 4. С. 34 – 39; Пешков И.В. Новый органон (ч. 1. Бахтинский вопрос и др. разделы) // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 542 – 590; Алпатов В.М. Кружок М.М.Бахтина и проблемы лингвистики // ДКХ. 2000. № 2. С. 5 – 30; Он же. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 94 – 118.

[2] См., напр.: Shepherd D. Introduction: (Mis)Representing Bakhtin // Bakhtin: carnival and other subjects: (Selected Papers from the Fifth International Bakhtin Conference University of Manchester, July 1991). Amsterdam – Atlanta, 1993. P. XXII – XXIII; Coates R. Christianity in Bakhtin: God and the exiled auther. Cambridge, 1998. P. 57 – 58; Hirschkop K. Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democracy. Oxford, 1999. P. 311.

[3] См., напр.: Медведев Ю.П. Витебский период жизни П.Н.Медведева // Бахтинские чтения – I. Витебск, 1996. С. 63 – 86; Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Творческое наследие П.Н.Медведева в свете диалога с М.М.Бахтиным // ДКХ. 2001. № 2. С. 73 – 94.

[4] См., в частности: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995; Он же. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 31 – 69.

«спорных работ», дискредитировать Волошинова, представить его как своеобразного выскочку, пытавшегося играть роль ученого, а фактически озвучивавшего мысли «кукловода» Бахтина[1], явно несостоятельны. Волошинов был не просто самобытным исследователем, но и во многом развивался независимо от Бахтина – под влиянием филологической среды Ленинградского университета и других научных организаций северной столицы[2]. Личность любого ученого раскрывается не только в его печатных

---

[1] См. в связи с этим следующий анекдот: «Как В.Н.Волошинов нес бремя своей книги? С.Г.Бочаров рассказал мне две версии анекдота, которые циркулировали в питерских научных кругах вроде бы еще с 30-х годов. Согласно первой из них, Волошинов в панике прибегает к Бахтину и говорит: "На такое-то число назначено обсуждение книги (речь идет о книге «Марксизм и философия языка». – *Н.В.*). Наверняка будут вопросы! Что делать?!" А Бахтин ему невозмутимо отвечает: "Не надо беспокоиться! Сейчас я продиктую, какие будут вопросы, а потом расскажу, как и что на них отвечать…". По второй же версии, Бахтин советует Волошинову сказать, что на вопросы он ответит через день…» (Паньков Н.А. Мифологема Волошинова (несколько замечаний как бы на полях архивных материалов) // ДКХ. 1995. № 2. С. 67). Отметим некоторые детали в «мифологеме» данного анекдота. Во-первых, он не учитывает то обстоятельство, что Волошинов уже был к тому времени автором «чужой» книги – «Фрейдизм» (1927) и, следовательно, мог бы сделать вывод, что за «свое» слово придется отвечать. Во-вторых, литературная байка метит не только в Волошинова, но и в Бахтина, представляя последнего в качестве пророка, ясновидца. Очевидно, какие-то бытовые основания для формирования обоих подтекстов указанного анекдота имелись: о Волошинове могли сплетничать, что он находится под влиянием малоизвестного в научных кругах друга; а о Бахтине – как о «темной лошадке» с выдающимися аналитическими способностями. Предваряя указанную публикацию исключительно важных архивных материалов, Н.А.Паньков пишет: «В заключение упомяну только о следующем. Свидетельствую, что "План" книги "Марксизм и философия языка" и ее автореферат написаны каким-то иным почерком, нежели отчеты, заполненные и подписанные В.Н.Волошиновым. Что это может значить – не знаю. Насколько я могу судить, – почерк этот принадлежит НЕ М.М.Бахтину. Кому? Тоже не знаю. Загадка!» (с. 69). Однако спустя некоторое время Д.А.Юнову удалось установить, что таинственный почерк принадлежит второй жене Волошинова (с первой – Н.А.Волошиновой – он развелся в 1925 г.). Это, впрочем, лишь знак деятельного, не исключено что и согласованного, участия супруг Волошинова и Бахтина (см. далее) в работе их мужей. С.Г.Бочаров сообщает: «Кроме того, ведь есть показания современников и свидетелей тех отдаленных событий, зафиксированные тоже, как правило, не одним собеседником, – вдовы В.Н.Волошинова, Нины Аркадиевны Волошиновой (которая говорила мне в апреле 1975 г. о книгах "Фрейдизм" и "Марксизм и философия языка": "Эти книги написал Михаил Михайлович" – и то же подтвердила в письме югославскому переводчику и издателю книги "Марксизм и философия языка" Радовану Матиашевичу от 14.III.1978) <…>» (Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 73). По словам же Д.А.Юнова, основанным на общении с сыном Волошиновых – Б.В.Волошиновым, в конце 1920-х гг. отношения между супругами разладились, после чего В.Н.Волошинов женился вторично. Следовательно, Н.А.Волошинова могла не знать всех деталей сотрудничества ее бывшего мужа с Бахтиным.

[2] См. также: Васильев Н.Л. К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник. СПб., 2006. С. 71 – 84; Он же. К текстологии книги В.Н.Волошинова / М.М.Бахтина «Марксизм и философия языка» // Из истории филологии: Сб. ст. и материалов к 85-летию Г.В.Краснова. Коломна, 2006. С. 36 – 52. Он же. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18 – 22 July, 2005) / Ed. by

трудах, но и в ежедневном, будничном общении с коллегами, студентами, в диалогах, спорах, дискуссиях, администра-тивных действиях и т. д. В документах своего времени Волошинов вы-глядит достойно во всех названных амплуа.

Постепенно отпал и такой довод в пользу авторства Бахтина, что Волошинов мало проявил себя как исследователь после высылки своего друга в Кустанай. Во-первых, удалось установить, что в нач. 1930-х гг. – после резкой активизации идеологической борьбы в СССР – Волошинов попал, наряду со многими другими языковедами, под пресс критики со стороны марристов и одновременно их оппонентов – группы «Языкфронт», вследствие чего вынужденно замолчал. Во-вторых, в 1930 г. произошла реорганизация ИЛЯЗВа, а затем и его правопреемника – Института речевой культуры, закончившаяся в 1932 г. закрытием последнего, после чего Волошинов в основном сосредоточился на преподавательской деятельности в качестве доцента и профессора соответственно в ЛГПИ и ЛИПКРИ. В-третьих, обнаружилось, что вскоре исследователь серьезно заболел (у него активизировался процесс легочного туберкулеза), результатом чего стала преждевременная смерть ученого. Наконец, были выявлены и ранее не известные работы Волошинова, в том числе монографические, датированные указанным периодом[1].

В создавшихся условиях сторонники бахтинского авторства стали говорить прежде всего о методологической и стилистической близости авторизованных и «спорных» произведений Бахтина. Действительно, стыковки тех и других текстов порой удивительны и вряд ли случайны. Мы можем обнаружить, в частности, идентичные резюме во многих сочинениях, вышедших из «круга Бахтина»: «Остается подвести итоги…», «Теперь остается только подвести итоги…», «Теперь мы можем подвести некоторые итоги»; «Остается подвести краткий итог» и т. п.[2] Но одновременно в приписываемых Бахтину работах встречаются такие мысли и термины, которые не были ему свойственны на протяжении всего творческого пути, находятся в противоречии с его собственными высказываниями. Так, в описании типологии художественной речи в романах Ф.М.Достоевского Бахтин вовсе не упоминает о несобственно-прямой ее разновидности, хотя, казалось бы, очевидна направленность последней на выражение «чужого слова». Между тем в «Марксизме и философия языка» данному син-

M.Lähteenmäki, H.Dufva, S.Leppänen and P.Varis [Departament of Languages University of Juväskylä, Finland 2006]. P. 53 – 60 (CD).

[1] Об этом было заявлено в выступлениях Д.А.Юнова на VII Международной Бахтинской конференции в Москве в 1995 г. (в прениях) и Международных Бахтинских чтениях в Витебске в 1998 г. (в докладе). См. также: Здольников В.В. Колеблемые треножники жрецов. Третьи Бахтинские чтения (Витебск. 23 – 25 июня 1998 г.) // ДКХ. 1998. № 3. С. 178 – 179.

[2] См.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? С. 41; Он же. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 20 – 21.

таксическому явлению посвящена целая глава («Несобственная прямая речь во французском, немецком и русском языке»); во вводной ее части отмечается, что «явление *несобственной прямой речи в русском языке* <…> еще никем не было указано и описано»[1]. Говоря о косвенной и прямой речи, Волошинов выделяет следующие «модификации» обеих: *предметно-аналитическая, словесно-аналитическая, импрессионистическая, подготовленная прямая речь, овеществленная прямая речь, предвосхищенная и рассеянная чужая речь, риторическая прямая речь, замещенная прямая речь*[2]. Ничего подобного – ни в концептуальном, ни терминологическом плане – мы не находим у Бахтина. Рассуждая о типах художественного слова Ф.М.Достоевского, он дает совершенно иную классификацию и при этом ничего не говорит о косвенной речи. Объяснить данное противоречие, продолжая думать, что обе книги созданы одним автором, нельзя. Это касается и некоторых других «спорных текстов». Книга «Фрейдизм» (1927 г.) написана с несвойственной Бахтину установкой на широкого читателя, энергичностью, прямолинейностью развертывания мысли. В статье «О границах поэтики и лингвистики» (1930 г.), также приписываемой ученому, заметно сильное волошиновское начало, особенно ярко проявившееся в цикле статей, опубликованных в «Литературной учебе»: посвящение его коллеге по ИЛЯЗВу «Николаю Васильевичу Яковлеву», иронические эпиграф и концовка, воинствующий марксизм, марризм, недооценка индоевропеистики, ссылки на работы самого Волошинова, в том числе по теории музыки, полемика с П.Н.Медведевым, идеологический ригоризм – чего мы не находим в авторизованных трудах Бахтина.

Анализ истории создания, концептуальности и стилистики книги «Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке» показывает, что она состоит из двух разнородных частей, принадлежащих разным авторским субъектам: первые ее части написаны, как нам представляется, в основном Бахтиным, третья и предисловие к самой книге – Волошиновым. Объясняется это тем, что данная книга была скомпонована из двух «волошиновских» монографий, одновременно фигурировавших в издательском плане ИЛЯЗВа в 1928 г. – «Проблема передачи чужой речи: (Опыт социо-лингвистического исследования» (10 п. л.) и «Марксизм и философия языка (основы социологического метода в науке о языке)». Самим Волошиновым или его руководством, вероятно, был сделан выбор в пользу более актуального исследования, которое, однако, на заключительной стадии редакционной подготовки включило в себя в качестве третьей структурной части основное со-

[1] Цит. по: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 220.
[2] Там же. С. 346 – 356.

держание первой монографии[1]. Если первые две части книги насквозь теоретичны (речь в них и формально, и по существу идет о проблематике философии языка), то ее третья часть имеет в большей степени фактографическую направленность, термин *философия языка* в ней вообще не встречается[2]. Из этого вытекает, что а) либо Бахтину, помимо трех известных монографий, надо приписывать и книгу «Проблема передачи чужой речи», в основе которой предположительно лежала аспирантская диссертация его друга; б) либо она была написана вообще кем-то другим… Одновременно мы не можем исключать изначальные соавторские намерения Бахтина и Волошинова, по каким-то причинам не закрепленные ими официально.

Новые документы (архивные данные, воспоминания, письма корреспондентов Бахтина), опубликованные в 1990-х гг., к сожалению, не раскрывают в полной мере тайны создания «спорных текстов», а скорее делают ее более загадочной, вследствие противоречивости многих фактов, недоговоренности, двусмысленности.

Так, В.В.Иванов сообщает: «После того, как в предыдущих разговорах со мной Бахтин удостоверил свое авторство применительно ко второй книге Волошинова и книге Медведева, во время очередной встречи я задал ему вопрос о книге Волошинова "Фрейдизм". Бахтин нехотя процедил: "Да, и в этой книге основную часть я написал". При разговоре присутствовала жена Бахтина Елена Александровна. Она возмутилась: "Да что ты, Мишенька, говоришь! Я же под твою диктовку всю эту книгу своей рукой написала". Бахтин нехотя согласился»[3]. Ср. также воспоминания С.Г.Бочарова: «Я решился тогда спросить о причинах странного авторства этой книги («Марксизма и философии языка». – *Н.В.*) и книги П.Н.Медведева о формальном методе; эта тема впоследствии возникала в

---

[1] См.: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 532 – 535.

[2] Ср. также наблюдения над «аритмичным» использованием в разных частях книги латинских варваризмов (Ерохин В.Н., Ружицкий И.В., Строганов М.В. Указ. соч.), на основании чего исследователи из Твери, полагающие что «"латинизмы" не характерны для работ Бахтина», делают следующий вывод: «Вторая часть и первые три главы третьей части были, по всей видимости, написаны Бахтиным и не подвергались стилистической правке со стороны Волошинова. <…> Сложнее вопрос об авторстве последней, четвертой главы третьей части. Идеи данной главы не выходят за рамки общей концепции книги, однако ее композиция и отчасти стиль не полностью совпадают с предшествующими главами, что дает возможность предположить авторство Волошинова, который в это время работал над диссертацией по теме, совпадающей с темой данной главы – несобственно прямая речь. Эта глава, написанная Волошиновым, вероятно, отредактирована Бахтиным, поэтому в ней не встречаются латинизмы <…>» (С. 149).

[3] Иванов В.В. Об авторстве книг В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева. С. 136 – 137; Он же. Голубой зверь // Звезда. 1995. № 3. С. 176 – 177. Ср.: Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 70 – 71, 73, 76.

разговорах не раз. Он ответил небольшим монологом, который был произнесен с известным пафосом <…> – Видите ли, я считал, что могу это сделать для своих друзей, а мне это ничего не стоило, я ведь думал, что напишу еще свои книги, и без этих неприятных добавлений (тут он кивнул с гримасой на заголовок)»; «Когда-то наша первая встреча с Михаилом Михайловичем в июне 1961 г. в Саранске (нас было трое перед ним: В.В.Кожинов, Г.Д.Гачев и я) началась с его декларации о себе: он не литературовед по призванию, а философ. "Но я не марксист", – прибавил он тут же, чтобы мы сразу же знали, с кем имеем дело. Позже я спрашивал (21.XI.1974): "М.М., может быть, вы увлекались какое-то время марксизмом?" – "Нет никогда. Интересовался, как и многим другим, – фрейдизмом, даже спиритизмом. Но марксистом никогда не был ни в какой мере"»[1].

С.А.Лейбович, чьи воспоминания как редактора бахтинских книг выглядят наиболее развернутыми и независимыми от подтекста споров об авторстве анализируемых работ, повествует о поездке к Бахтину в 1970 – 1971 гг. в Климовск (Гривно) и разговоре, в котором ученый сам коснулся деликатной темы: «Он рассказал о том, что в 20-е годы много писал по вопросам истории и теории литературы, искусства, философии. Большинство его работ тех лет так и осталось в набросках, черновиках, не дописанными до конца, только книга о Достоевском вышла в 1929 году, да еще две книги было напечатано под именами его друзей: "Марксизм и философия языка" <…> и "Формальный метод в литературоведении" <…>. В ответ на мои недоуменные вопросы М.М. рассказал о причинах, побудивших к этому "озорству" и его самого, и его друзей»; «Прежде всего, объяснял М.М., обоим его друзьям было необходимо выступить в печати со своими трудами – для, так сказать, профессиональной карьеры. Волошинову – для поступления в аспирантуру, Медведеву – для защиты диссертации. И М.М., как я поняла, охотно передал им свое авторство»[2]; «Но не только в этом было дело. М.М. был рад предоставившейся ему, как он считал, единственной возможности издать свои труды. Противясь редакторскому диктату, он не соглашался ни на какие, даже самые незначительные изменения в своем тексте, был непреклонен и отказывался от публикации. Но, с другой стороны, М.М. занимал активную позицию в литературной борьбе, менее всего был "кабинетным" ученым и писал не "для стола", искал встречи с читательской аудиторией. Так вот, ради этой

[1] Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 71, 76 – 77.

[2] Заметим, что Волошинов учился в аспирантуре с ноября 1926 г. (см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. оп. 1, д. 37. Л. 48). Кроме того, вряд ли наличие книг являлось необходимым условием для поступления в аспирантуру или ее окончания. О требованиях к выдвиженцам в аспиранты в ЛГУ см.: Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников. С. 57 (прим. 28).

встречи он был готов на своеобразный "трюк". Даже с правкой – пусть книга найдет свой путь к людям, обретет свое общественное бытие, но – при одном условии: без его фамилии, под другим именем…»; «На мой естественный вопрос: почему же хотя бы теперь М.М. не объявит о своем авторстве официально – он ответил примерно так: "Нет, это невозможно, ведь я же подарил им эти работы, это п о д а р о к. Кроме того, Волошинова и Медведева давно нет в живых – как же можно без их ведома!?..". Дареное не берут обратно. Такова была воля М.М., которую и нам сейчас необходимо учитывать…»[1].

Однако В.А.Свительский, тоже ссылаясь на разговор с ученым, передает следующее: «…отвечая на вопрос об авторстве книг, подписанных именами Медведева и Волошинова, Михаил Михайлович назвал своим созданием книгу о формальном методе. <…> Про другие же работы Бахтин сказал, что в них выражены его идеи, развитые им в лекциях для круга учеников»[2].

Таким образом, в процитированных мемуарах разных лиц, общавшихся с ученым, излагаются три (!) версии авторства «спорных» книг: по одной, все они в основном написаны Бахтиным; по другой, только две из них; по третьей, лишь одна…

Есть и более гибкая трактовка причастности Бахтина к созданию указанных книг, переданная тоже со ссылкой на самого ученого: «В один из вечеров (в нач. 1970-х гг. – *Н.В.*) я вновь завел разговор <…> о тех его книгах, которые он опубликовал в 1920-х гг. под именем В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева. <…>. Михаил Михайлович заметил, что ему принадлежала большая часть этих книг, их методология, принципиальные обобщения и выводы. Некоторую работу над рукописями названных книг выполнили и сами В.Н.Волошинов и П.Н.Медведев»; «"Почему же Вы, Михаил Михайлович, не опубликовали своих исследований под своим именем?" – продолжал я. – "В то время я не придавал этому большого значения. К тому же обстоятельства тогда требовали, что лучше было бы сделать так, как сделано", – услышал я в ответ»[3].

Интригуют и косвенные свидетельства об авторстве «спорных» книг, принадлежащие известным филологам. Так, в письме в НКВД 22 февраля 1940 г. по поводу ареста Медведева, к тому времени уже негласно расстрелянного за участие в «антисоветской деятельности», В.А.Десницкий

---

[1] Тридцать лет спустя: Редактор «Рабле» С.Л.Лейбович вспоминает о подготовке книги к изданию // ДКХ. 1997. № 1. С. 162 – 163. Публикатор этого интервью – Н.А.Паньков отмечает, что «воспоминания С.Л.Лейбович на сей счет представляют собой как свидетельство, так и мнение по дискуссионному вопросу <…>» (с. 186, прим. 33).

[2] Свительский В.А. Идеи М.М.Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века // М.М.Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Витебск, 1994. С. 119.

[3] Конкин С.С. Ученый с мировой известностью // Штрихи к портретам. Саранск, 1990. С. 79.

сообщал: «На моих глазах происходила и научно-исследовательская работа П.Н. <…> Его наиболее ценная работа ("Формальный метод в литературоведении") проведена и выполнена, в значительной мере, с использованием моих указаний и советов»[1]; «Покойная член-корреспондент РАН А.В.Десницкая хорошо знала В.Н.Волошинова, его книги "Фрейдизм" (1927) и "Марксизм и философия языка" (1929). Работа над ними велась под руководством В.А.Десницкого. Учитывая, что А.В.Десницкая была лингвистом и неоднократно беседовала с В.Н.Волошиновым по широкому кругу вопросов теоретического языкознания, причем участником этих бесед был А.А.Холодович, у нас нет оснований оспаривать ее свидетельство о том, что книги эти были написаны В.Н.Волошиновым (хотя последний мог обсуждать их также с Бахтиным, пользоваться его помощью и поддержкой)»[2]; «Говоря о книге "Марксизм и философия языка", А.А.Реформатский вспомннл, что в свое время было известно об авторстве трех лиц, выпустивших эту работу ("как у Козьмы Пруткова" – его слова) под именем В.Н.Волошинова, но главным был М.М.Бахтин. <…> Примерно в то же время (начало 70-х гг.) в Москву приезжала А.В.Десницкая, к которой я обратилась, как к ленинградке, с вопросом о В.Н.Волошинове, и она мне сказала, что знала реального человека, носившего это имя: он был учеником (аспирантом) ее отца В.А.Десницкого, увлекался лингвистикой и что-то писал на эти темы. Умер он действительно молодым в 30-е годы от туберкулеза. О его связях с М.М.Бахтиным она ничего не могла добавить»[3]; «Ну конечно, я очень хорошо знаю книгу Бахтина о Достоевском и считаю ее одним из самых блестящих явлений нашей науки за последние десятилетия. <…> Других книг под его [Бахтина] именем нет: он, участвовал, говорят, в написании книги Волошинова о языкознании и марксизме и написал один раздел для книги Медведева о формализме» (Г.А.Гуковский – Д.Е.Максимову. 1.08.1943)[4]; «Кроме "Достоевского" я знаю еще две книги, которые молва приписывает Вам. Думаю, что п и с а н ы они не прямо Вашей рукой, ибо в них не тот язык, что в "Достоевском", – очень памятный язык, философски-экспрессионистический» (Н.Я.Берковский – М.М.Бахтину. 18.01.1956)[5].

---

[1] Цит. по: Медведев Ю.П. «Нас было много на челне…». С. 94.

[2] Фридлендер Г.М. Наследие М.М.Бахтина вчера и сегодня // Рус. литература. 1993. № 3. С. 200. Заметим, однако, что если А.А.Холодович (1906 – 1977), фигурировавший в научном окружении Волошинова, в самом деле мог являться полноправным «участником» таких бесед, то родившаяся в 1912 г. А.В.Десницкая, скорее, была их «слушателем». Но несомненно, что к нач. 1930-х гг. последняя могла составить для себя достаточно объективный портрет Волошинова.

[3] Слюсарева Н.А. Два слова о В.Н.Волошинове // ДКХ. 1998. № 4. С. 184 – 185.

[4] См.: Комментарии // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 487.

[5] Там же. С. 514.

В своем большинстве российские исследователи данного вопроса считают, что марксистский слой указанных книг принадлежит не Бахтину, а его соавторам или неофициальным редакторам книг; между тем В.В.Иванов оспаривает это мнение: «Из разговора с Бахтиным мне стало ясно, что главной причиной его появления "под маской" <…> были условия цензуры. Не только в заглавии, но и в содержании книг необходим был такой компромисс с официальной идеологией, на который Бахтин не был готов пойти. Но он согласился написать тексты, которые стилизованы в духе компромисса, в то время требовавшегося. Я полагаю, что при серьезном исследовании этих книг <…> можно выделить два разных "голоса" (в бахтинском смысле). Один из них принадлежит Бахтину, другой – предполагаемому фиктивному автору, стоящему на официальной марксистской точке зрения»; «То, что в книгах, изданных под чужими именами, не совпадает с известными нам бахтинскими текстами, следует приписать голосу фиктивного автора – носителя официальной марксисткой идеологии. Но и этот голос звучит благодаря писательскому дару создателя сложной диалогической композиции. Им был сам Бахтин: книги в целом написаны им»[1].

Еще больше, чем проблема *девтероканонического* «трехкнижия», запутан вопрос об авторстве и количестве «спорных» статей, вышедших из «бахтинского круга». Первооткрыватели причастности к ним Бахтина указывают на «Современный витализм» (1926) И.И.Канаева, «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926), «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе» (1928), «О границах поэтики и лингвистики» (1930), «Конструкция высказывания» (1930) В.Н.Волошинова[2]. Наиболее радикальные представители вероучения о бахтинском авторстве включают в их число и такие публикации Медведева, Волошинова, как статьи «Ученый сальеризм» (1925), «По ту сторону социального» (1925), «Социологизм без социологии» (1926), «Что такое язык?» (1930), «Слово и его социальная функция» (1930), рецензии на книги «Теория литературы» Б.Томашевского (1925), «Достоевский» И.Нейфельда (1925), «Теория прозы» В.Шкловского (1926), «Введение в метрику» В.М.Жирмунского, «О художественной прозе» В.В.Виноградова (1930)[3]. Определенные логические

---

[1] Иванов В.В. Об авторстве книг В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева. С. 136.

[2] См.: Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики (см. раздел «Цитированные статьи и книги М.М.Бахтина», предшествующий примечаниям к статье); Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 73 – 77.

[3] См., напр.: Бахтин под маской. Вып. 5 (1): В.Н.Волошинов, П.Н.Медведев, И.И.Канаев / Вступ. ст. и коммент. В.Л.Махлина; под общ. ред. И.В.Пешкова. М., 1996; Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост., текстолог. подгот. И.В.Пешкова; коммент. В.Л.Махлина, И.В.Пешкова. М., 2000; Николаев Н.И. Издание наследия М.М.Бахтина как филологическая проблема: (Две рецензии) // ДКХ. 1998. № 3. С. 117 – 144.

и прагматические основания для этого есть. Так, если предположить, что Бахтин предельно использовал возможности ленинградской периодической печати для заработка и самовыражения, то его издательская стратегия впечатляет своей продуманной архитектоникой – он последовательно передавал права на публикации Канаеву, Медведеву, Волошинову…

Не проясняют обсуждаемую проблему и скупые высказывания самого Бахтина по поводу его коллег и их книг, известные благодаря публикации писем и устных мемуаров ученого[1]. Во всех случаях Бахтин комментирует данный казус крайне неопределенно, уклончиво – и в тоже время весьма осторожно, взвешенно, если сказанное им облекается в форму потенциального документа. Ср., напр.: «Прежде всего отвечаю на Ваш последний вопрос. Книги "Формальный метод" и "Марксизм и философия языка" мне очень хорошо известны. В.Н.Волошинов и П.Н.Медведев – мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена общая концепция языка и речевого произведения. В этом отношении В.В.Виноградов совершенно прав. Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг. Что касается до других работ П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова, то они лежат в иной плоскости, не отражают общей концепции и в создании их я никакого участия не принимал. Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживаюсь и до сих пор, хотя за тридцать лет она совершила, конечно, известную эволюцию. Мне было приятно узнать, что она имеет сторонников и сейчас» (10.01.1961 г.)[2]. Поэтому его суждения легко можно интерпретировать в пользу любой версии авторства «спорных текстов».

---

[1] См., напр.: Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996.

[2] Из переписки М.М.Бахтина с В.В.Кожиновым (1960 – 1966 гг.) / Публ., подгот. текста и коммент. Н.А.Панькова // ДКХ. 2000. № 3/4. С. 127 – 128. Для полноты картины приведем текст запроса В.В.Кожинова по этому поводу: «Ещё один чисто личный вопрос. Я (то есть В.Кожинов) пишу теоретическую работу о художественной речи (для нашей "Теории литературы"). В связи с этим мне очень интересно было бы узнать Ваше мнение о двух работах, посвященных одинаковым проблемам. Это давно ценимые мной книги: В.Волошинов. "Марксизм и философия языка" и П.Медведев. "Формальный метод в литературоведении" (последняя заставила меня даже восхвалить другие, менее интересные работы Медведева <…>. Замечу, что В.В.Виноградов (общеизвестный академик) в статье, помещенной в "Вопросах литературы" № 5 за 1960, указал на совпадение теории художественной речи в этих двух книгах и в Вашей книге о Достоевском. И, по-моему, это небезосновательно. Михаил Михайлович, знаете ли Вы эти книги и как Вы относитесь к ним?» (Там же. С. 123). Интересно проследить тонкую игру деликатностей, недомолвок, подтекстов в приведенном диалоге корреспондентов. Бахтин строго следует рамкам вопроса В.В.Кожинова, ничего не говоря, в частности, о книге «Фрейдизм» и по существу выводя ее из круга соавторских работ, навеянных «общей концепцией». Это изящное риторическое изобретение ученого (*общая концепция*), вследствие смысловой двуплановости (*общая* в значении «соавторская» и *общая* в

Странно, однако, что в архиве Бахтина не сохранилось следов работы ни над одним из многочисленных сочинений, относящихся к корпусу «спорных текстов», хотя остались, например, рукописи более ранних по времени философских произведений[1].

Следует отметить и сдержанность Бахтина в разговорах с коллегами относительно своей причастности не только к созданию книг, вышедших из «бахтинского круга», но и к судьбе их титульных авторов: «Первое время величие Михаила Михайловича, его огромная эрудиция меня подавляли. Однако обаяние Михаила Михайловича было столь велико, его, казалось, все понимающая улыбка действовала так успокаивающе, что очень скоро я уже доверительно рассказывала своему заведующему кафедрой о больших трудностях, которые испытываю при разработке курсов, о своих пробелах в знаниях, о том, что пункты учебной программы, касающиеся негативного влияния западных философ Фрейда, Бергсона, Шопенгауэра на творчество писателей, часто ставят меня в тупик. Михаил Михайлович охотно пришел мне на помощь. Во время отдыха в парке он кратко излагал основные положения философов и их отражение в творчестве интересовавших меня писателей. Он порекомендовал мне ряд книг. Среди них была работа В.Н.Волошинова о Фрейде. С большим трудом мне удалось ее достать у одного книголюба»[2].

По словам В.А.Свительского, Бахтин скептически оценивал научные способности Волошинова, считая его только своим учеником, подмастерьем: «Он отрицал, что у Волошинова есть что-либо самостоятельное и отмечал в своих отношениях с ровесником, как я записал, "естественное соотношение между учителем и учеником"»[3]. Однако В.В.Иванов, вероятно под влиянием появившихся в первой пол. 1990-х гг. исследований о научной карьере Волошинова, свидетельствует противоположное: «Напротив, ничего дурного от него [Бахтина] я не слышал о Волошинове. Полагаю, что и вклад самого Волошинова в подготовку книги о философии языка мог быть немалым: он был образованным филологом»[4]. О том же, по существу, пишет С.Г.Бочаров: «Вероятно, нельзя исключить каких-то форм

смысле «принадлежащая одному автору, а именно написавшему «книгу о Достоевском») удачно позволяет ему оставить за собой право дальнейшего выбора акцентов при условии продолжения подобного разговора. С этической точки зрения по отношению к его друзьям-соавторам это вполне оправданно.

[1] Ср. также заявление составителей собрания сочинений Бахтина: «…все тексты, как публикуемые впервые, так и уже печатавшиеся ранее, готовятся заново по сохранившимся в архиве автора рукописям (а для большей части его работ имеются архивные источники; случаи, когда опубликованные работы являются единственным источником текста, в его наследии немногочисленны <…>» (Бахтин М.М. Собр. соч.: М., 1996. Т. 5. С. 5 – 6).

[2] Естифеева В.Б. Воспоминания о Бахтине: (Первое десятилетие в Саранске) // ДКХ. 2000. № 1. С. 147.

[3] Свительский В.А. Указ. соч.

[4] Иванов В.В. Об авторстве книг В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева. С. 138.

участия подписных авторов в отработке или подгонке текстов, как и собственной работы Волошинова по канве "общей концепции" <…>»[1].

Нам уже приходилось говорить в специальных работах, посвященной личности и творчеству Волошинова, что Бахтин, вероятно, недооценивал филологический потенциал друга, оставаясь в плену прежних – невельско-витебских – впечатлений о нем как несостоявшемся юристе по образованию, не слишком талантливом поэте и композиторе[2]. Между тем к сер. 1920-х гг. Волошинов рассматривался многими современниками как весьма перспективный молодой исследователь. Его университетскими учителями были будущие академики В.В.Виноградов, В.М.Жирмунский, Б.А.Ларин, С.П.Обнорский, Л.В.Щерба и другие известные ученые. В его близкое окружение входили, в частности, филологи В.А.Десницкий, Л.П.Якубинский, В.Ф.Шишмарев, Н.В.Яковлев, Г.Е.Горбачев. Знал и упоминал о нем М.Горький. В отличие от Бахтина, Волошинов жил полнокровной научной жизнью – общением с коллегами, участием в повседневной преподавательской и организационно-административной работе. И, вероятно, уже не столько Бахтин, сколько сам Волошинов подпитывал своего друга новыми идеями, являлся связующим звеном между взрослеющей советской наукой и почти не работавшим в то время официально, страдавшим костным туберкулезом Бахтиным.

Необходимо заметить, что доверие к автобиографическим признаниям ученого в последнее время существенно пошатнулось, вследствие обнаруженной склонности Бахтина к мистификациям. С.С.Конкин документально обосновал купеческое происхождение ученого, хотя сам Бахтин не раз подчеркивал связь с известным дворянским родом[3]. Другие исследова-

---

[1] Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 77.

[2] См. об этом, в частности: Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников. С. 33 – 35. Недавно появилось еще одно свидетельство об оценке Бахтиным Волошинова: «Разносторонний человек. Поэт, филолог, композитор-скрябинист, он учился у учеников Скрябина…» (см.: Кузнецов А.М. М.М.Бахтин 11 октября 1973 года, от 5 до 7 часов вечера // ДКХ. 2003. № 1/2. С. 301). Его можно трактовать как в пользу безусловного признания Бахтиным филологического профессионализма своего товарища, так и с оговорками относительно того, что слово *филолог* подозрительно стоит в одном ряду с творческими проявлениями Волошинова если не дилетантского уровня, то уж во всяком случае уступающими по своей исторической значимости его научным трудам. Интересно, что Бахтин не называет Волошинова философом, между тем обе книги последнего носили преимущественно философский характер. Это, возможно, указывает на участие в написании волошиновских монографий самого Бахтина. В качестве подтверждения данной мысли естественно было бы сослаться на лирическую констатацию Волошиновым разницы между ним и другом в витебский период жизни обоих: «Здесь жили поэт и философ / В суровые зимние дни. / И много проклятых вопросов / Решали в то время они». Но, как теперь известно, годы учебы и работы Волошинова в Ленинграде (1922 – 1930-е) вольно или невольно заставили его заняться философией…

[3] См., в частности: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 32 – 36; Конкин С.С. Пора закрыть вопрос о родословной

тели обратили внимание на то, что Бахтин мог и не закончить гимназического курса, вследствие болезни, а позже, следовательно, не имел формального права поступить в университет, хотя сам ученый неоднократно утверждал, что учился в двух университетах (Новороссийском и Петроградском) и получил высшее образование[1]. Обнаружились документы 1910 – 1920-х гг., в которых Бахтин, отчасти ориентируясь на жизненные вехи старшего брата Николая, собственноручно утверждает, что родился то в 1891, то в 1892, то 1893 г. и, подобно своему другу М.И.Кагану, учился 1910 – 1912 гг. в Германии (в Марбурге и Берлине), а в 1914 г. закончил Петербургский университет (хотя на самом деле до 1916 г. жил в Одессе) и позже якобы готовился к профессорскому званию по кафедре классической филологии[2]. Мы понимаем, конечно, что Бахтин вынужденно или отчасти карнавально мистифицировал советских чиновников относительно своего прошлого, его жизнь пришлась на переломный момент русской истории, когда необходимость буквального физического выживания заставляла идти на подобные авантюрные шаги. Но почему не допустить, что корректировки ученым его биографии не распространялись и на высказывания о собственном научном творчестве? Например, при поступлении в 1945 г. на работу в Мордовский пединститут Бахтин в списке изданных трудов указал, что не включил туда «мелкие статьи и рецензии в журналах и газетах»[3]; отвечая в 1960 г. на запрос молодых сотрудников ИМЛИ, сообщил: «Начал свою вузовскую работу в Витебском педагогическом институте (в 1920 г.). К тому же времени относятся мои первые публикации в местной прессе (они не заслуживают внимания)»[4], – между тем известна

М.М.Бахтина // ДКХ. 1994. № 2. С. 119 – 123, Он же. Послесловие к статье «Пора закрыть вопрос о родословной М.М.Бахтина» // ДКХ. 1994. № 3. С. 135 – 137; Он же. Если обратиться к первоисточникам… (К родословной М.М.Бахтина) // The Seventh International Bakhtin Conference. Moscow, 1995. Book II. С. 244 – 250. Ср., однако: Иванова Л.В., Саран А.Ю. Истоки биографии М.М.Бахтина в документах // Бахтинские чтения. Вып. 2. Орел, 1997. С. 279 – 282. См. также: Васильев Н.Л. Комментарий к комментариям биографов М.М.Бахтина // ДКХ. 1995. № 4. С. 157 – 160.

[1] См.: Лаптун В.И. К «биографии М.М.Бахтина» // ДКХ. 1993. № 1. С. 67 – 73; Паньков Н.А. Загадки раннего периода (Еще несколько штрихов к «биографии М.М.Бахтина») // ДКХ. С. 74 – 89; Васильев Н.Л. Комментарий к комментариям биографов М.М.Бахтина. С. 157 – 161; Он же. Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения // Бахтинские чтения: III: Материалы Междунар. науч. конф. (Витебск, 23 – 25 июня 1998 г.). Витебск, 1998. С. 68 – 69. Напомним, что Бахтину удалось защитить диссертацию без представления диплома о высшем образовании (см.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее..» (Защита диссертации М.М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 38).

[2] См.: Лисов А.Г., Трусова Е.Г. Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М.М.Бахтина (Новая находка в фондах Витебского архива) // ДКХ. 1996. № 3. С. 161 – 166.

[3] См.: Васильев Н.Л. Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения. С. 69, 73.

[4] Из переписки М.М.Бахтина с В.В.Кожиновым. С. 119 – 121.

лишь одна небольшая заметка, подписанная именем Бахтина в невельской газете «День искусства» (1919 г.). До выхода в свет книги «Проблемы творчества Достоевского» других публикаций у него, насколько это сейчас известно, не было[1]. Хотя, конечно, нельзя исключать относительность наших знаний о раннем творчестве Бахтина.

Кроме того ученый нередко прибегал к невинным бюрократическим уловкам в многочисленных документах о своей научной работе в Мордовском пединституте, стремясь как заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы откликаться на запросы времени, спускаемые «сверху» установки, а на деле не слишком афишировать свои подлинные творческие замыслы. В разных научных отчетах и планах Бахтина фигурирует по меньшей мере 14 объемных трудов, намечаемых, готовящихся или уже написанных: монографии «Теория романа / Вопросы теории и истории романа» (1945 – 1946, 1948 г.), «Язык и стиль литературных произведений / литературного произведения в свете учения И.В.Сталина о языке / языковедческих трудов И.В.Сталина / учения т. Сталина по языкознанию» (1950 – 1952 гг.); статьи «Буржуазные концепции Ренессанса / эпохи Возрождения (критическая историография вопроса)» (1948 – 1949, 1951 гг.), «о прозе А.С.Пушкина» (1949 г.), «Творчество Гете и Достоевского» (1948 – 1950 гг.), «Источники гоголевского смеха» (1951 г.), «Проблема речевых жанров» (1953 г.); «Слово как образ (к вопросам поэтической семантики)» (1954 г.), «Вопросы теории литературы в средней школе» (1955 г.), «Анализ жанра, композиции и сюжета литературного произведения в средней школе» (1956 г.), «Проблема эстетических категорий» (1957 г.), «Проблемы / Проблема сентиментализма во французской литературе (к истории критического реализма)» (1958 г.); коллективные работы под его прямым или косвенным руководством, среди которых «Очерк истории литературной критики в Мордовии» (1956 – 1957 гг.), «Методика организации и проведения письменных работ по литературе в старших классах средней школы» (1957)[2]. Фактически же им был реализован (и то не в полной мере) лишь один замысел, причем, как мы полагаем, формально навеянный сталинской кампанией против «нового учения о языке», идеологическая весомость которой, вероятно, и побуждала к серьезным размышлениям о лингвистике[3].

---

[1] См., напр.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост. Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989. С. 4; The annotated Bakhtin bibliography, by C.Adlam and D.Shepherd. London, 2000. P. 3 – 22.

[2] См.: Васильев Н.Л. Двойная бухгалтерия» Бахтина: По материалам саранского периода жизни ученого // Невельский сборник. Вып. 12. СПб., 2007. С. 119 – 130.

[3] По свидетельству публикаторов бахтинского наследия, работа «Проблема речевых жанров», о которой идет речь, в оригинале содержала цитаты из книги «Марксизм и вопросы языкознания» И.В.Сталина «и некоторые другие ссылки того же рода» (см.: Бахтин М.М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 536).

Недавно было подвергнуто ревизии и признание Бахтина, в частности в беседе с Н.И.Николаевым в 1972 г.[1], о том, что он являлся прототипом философа А.И.Андриевского в романе К.К.Вагинова «Козлиная песнь» (1927). А.В.Коровашко доказывает, что фигура Андриевского по ряду причин не соответствует реальным представлениям о Бахтине конца 1920-х гг.: герой уже не молод, он поэт и музыкант, наставник Тептелкина, а фраза «Мир задан, а не дан <…>», якобы маркирующая именно Бахтина как неокантианца, была общим местом философских штудий российских мыслителей нач. XX в.[2] По мнению исследователя, «образ Андреевского вобрал в себя черты таких старших современников Бахтина, Пумпянского и Вагинова, как Александр Александрович Мейер и Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольдов», «Соприкасалось окружение Вагинова и с другим известным представителем ленинградского философского "подполья" – Иваном Михайловичем Андреевским <…>. Совпадение его фамилии с фамилией изображенного в "Козлиной песни" "философа" вряд ли следует считать простой случайностью»[3]. Итоговый вывод А.В.Коровашко достаточно экстремален: «Позднейшее самоотождествление Бахтина с Андреевским, по всей видимости, представляет собой результат его ревностного отношения к своему философскому приоритету, который, по причине смерти всех основных прототипов "Козлиной песни", в семидесятые годы уже никто не мог оспорить <…>»[4].

Указанные обстоятельства заставляют нас гораздо осторожнее комментировать высказывания Бахтина по поводу его друзей – Медведева и Волошинова, а также их трудов. Тем более что Бахтин не признал официально своего авторства. Характерно следующее замечание канадского исследователя К.Томсона о прежней и нынешней степени доверия к тем или иным фактам: «Я не слышал почтительно благоговейных докладов в Берлине – жанра, который я порой замечал на предыдущих конференциях. Является ли это знаком того, что Бахтинские исследования вошли в новую фазу, за пределы прежних дебатов, в которых некоторые комментаторы, как казалось, возглашали тайное знание о правде идей Бахтина? Я использовал слова "Ложь понять легче, чем правду" как название для моей статьи. Это – умный афоризм, приписанный Бахтину Брайеном Пулом в его докладе на конференции, и мой способ намекнуть, чтобы мы держали в

[1] См.: Никольская Т.Л., Эрль В.И. Примечания // Вагинов К.К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 551.

[2] См.: Коровашко А.В. Михаил Бахтин в романе Константина Вагинова «Козлиная песнь» // Вестн. Нижегор. ун-та. Сер. Филология. 2003. Вып. 1. С. 29 – 32.

[3] Там же. С. 32.

[4] Там же.

уме и бахтинское эксцентричное отношение к "правде" его собственной биографии, и наше собственное использование этих скользких понятий»[1].

Одним из существенных доводов в пользу участия Бахтина в создании «спорных текстов» является письменное подтверждение биологом И.И.Канаевым того, что его работа «Современный витализм», опубликованная в журнале «Человек и природа» в 1926 г., была написана именно Бахтиным, хотя и не без помощи невольного «соавтора», выразившейся в доставке необходимой научной литературы и, вероятно, каких-то консультациях[2]. Однако это не ведет автоматически к распространению авторства Бахтина на другие тексты, вышедшие из круга его друзей. Известно, что Канаев позже выпустил ряд трудов, отличающихся от традиционной проблематики естествознания[3]. В связи с этим небезынтересен вопрос: принимал ли Бахтин как наследник философских и филологических идей германской научной школы, поклонник творчества Гете[4], какое-то участие – хотя бы диалогическое – в создании указанных работ своего товарища. Подобная мысль, например, прозвучала в реплике К.Брандиста на III Международных Бахтинских чтениях в Витебске в 1998 г. и получила подтверждение в опубликованной переписке Бахтина с Канаевым[5]. Ее публикатор коснулся и вопроса об авторстве «спорных текстов», комментируя замечания Канаева по поводу конкретных форм участия Гете в редактировании книги И.-К.Лафатера «Физиономика», поскольку они типологически напоминают возможные детали творческих контактов Бахтина,

---

[1] Томсон К. «Ложь понять легче, чем правду»: Обзор IX Междунар. Бахтинской конф. (Берлин, Свободный университет, 26 – 30 июля 1999 г.) / Пер. с англ. Н.А.Панькова // ДКХ. 2000. № 2. С. 160. См. также: Poole B. Bakhtin and Cassirer: The Philosophical Origins of Bakhtin's Carnival Messianism // The South Atlantic Quarterly. Summer / Fall 1998, vol. 97, № 3/4. P. 568.

[2] См.: Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 74.

[3] См., напр.: Канаев И.И. И.-В.Гете: Очерки из жизни поэта-натуралиста. М.; Л., 1964 (здесь имеются разделы «Реализм Гете», «Немецкая поэзия, 18 – 19 вв.», «Гете и Спиноза»); Он же. Гете как естествоиспытатель. Л., 1970 (есть раздел «Немецкая литература 18 – 19 вв.»).

[4] Известно, что Бахтин подготовил фундаментальное исследование «Роман воспитания и его значение в истории реализма» (1936 – 1938), рукопись которого пропала в годы войны; свободно цитировал в подлиннике фрагменты «Фауста», присутствовал на «домашнем» чтении Б.Л.Пастернаком перевода этого произведения (см.: М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002. С. 304, 378, 381). Его не вполне реализованный в печатной форме интерес к творчеству классика, в частности трилогии «Ученические годы Вильгельма Мейстера» или трактату «Метаморфоз растений», не раз проявлялся в 1950 – 60-х гг. в университетских лекциях по зарубежной литературе, занятиях с аспирантами. См.: Диалектова А.В. М.М.Бахтин о жанре воспитательного романа // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 41 – 51; Она же. М.М.Бахтин о Гете (по воспоминаниям ученицы М.М.Бахтина) // ДКХ. 1999. № 3. С. 161 – 169; Соболевский А. Русский Сократ // Странник. [Саранск]. 2003. № 4. С. 183.

[5] См.: Гете в Саранске: Письма М.М.Бахтина к И.И.Канаеву / Публ., коммент. и послесл. Н.А.Панькова // ДКХ. 1999. № 3. С. 79 – 97.

Волошинова, Медведева и Канаева[1]. Нельзя исключать и сознательного калькирования «бахтинским кругом» германского прецедента в области скрытого соавторства.

Оригинально – путем осмысления бахтинской «риторики поступка» – доказывает присутствие в бесспорных и «спорных» текстах Бахтина единого автора И.В.Пешков, хотя его логические построения выглядят как красивая, но малоубедительная гипотеза. Например, исследователь пишет: «…работы Бахтина под маской это не уход автора от ответственности, как думал Васильев [Н.Л.Васильев], а, наоборот, верность замыслу, только не философии поступка, как полагают философы-профессионалы, а риторике поступка, поскольку это верность не *теоретическому*, а практическому, действительному и действенному»[2]. Известно, что И.В.Пешкову, начинавшему свой путь в науке с возрождения внимания к риторике как универсальной дисциплине ума и поведения человека, принадлежит издательская инициатива популяризации бахтинских и парабахтинских текстов в серии «Бахтин под маской», юридическое и моральное право на которую ему приходилось не раз отстаивать, с одной стороны, в полемике с законными наследниками Бахтина, с другой – с потенциальными наследниками Медведева и Волошинова. Этим отчасти объясняется прагматический подход издателя и исследователя к обоснованию концептуального единства книг и статей, печатаемых «под маской» Бахтина[3]. Примечательно, что позже И.В.Пешков перешел от риторических к собственно филологическим методам обоснования бахтинской причастности к написанию указанных работ (см. далее).

Свое решение указанного вопроса предлагает Н.И.Николаев. Опираясь на «тематико-стилистический» анализ параллелей между статьей Бахтина «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924 г.) и статьей Медведева «Ученый сальеризм», положившей начало серийным публикациям «круга Бахтина» в ленинградских журналах, он делает следующие выводы: «Приведенные примеры показывают, что в "Ученом сальеризме" воспроизведены mutatis mutandis основная проблематика и основные понятия ПСМФ ("Проблем содержания, материала и формы…". – *Н.В.*), а также некоторые стилистические особенности. Все это свидетельствует только об авторстве Бахтина»; «С доказательством принадлежности Бахтину "Ученого сальеризма" <…> решается и проблема авторства всех остальных работ, опубликованных

[1] Там же. С. 84.

[2] См., в частности: Пешков И.В. М.М.Бахтин: от <Философии поступка> к риторике поступка. М., 1996. С. 100 и др.; Он же. Новый Органон // М.М.Бахтин. Тетралогия. С. 572 – 579.

[3] См., напр.: Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.

под именами П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова. Остается лишь выяснить, как осуществлялось в каждой из этих книг и статей последовательное развитие его идей»[1]. Иными словами, если исходить из гипотезы, что волошиновско-медведевский цикл философских, психологических и филологических штудий, печатавшихся с сер. 1920-х гг., инспирирован самим Бахтиным, то достаточно доказать причастность последнего хотя бы к одной из таких работ, поскольку это автоматически ведет к распространению его авторства на остальные публикации. Со своей стороны, заметим, что текстологический метод Н.И.Николаева и некоторых других сторонников бахтинского авторства в «спорных текстах» основывается в первую очередь на выявлении «общих мест» между собственно бахтинскими и волошиновско-медведевскими работами, тогда как не менее важно установить и то, что в них не согласуется с методологией, терминологией, стилистикой Бахтина, каким мы его представляем по авторизованным и рукописным текстам. Эта разница может свидетельствовать о неодинаковой степени участия Бахтина в создании «спорных текстов»; а может быть, и о непричастности его к написанию некоторых конкретных работ. Так, Г.М.Фридлендер считает, что автором «Формального метода в литературоведении» был именно Медведев; пишет, что Н.И.Николаев «повторяет традиционную версию о принадлежности Бахтину книги Волошинова «Фрейдизм» (1927) и даже стремится поддержать эту атрибуцию новыми аргументами, хотя лексическое и терминологическое сопоставление языка этой книги с языком текстов Бахтина делает это предположение сомнительным)»[2].

Перспективны, на наш взгляд, попытки отдельных исследователей опровергнуть или подтвердить авторство Бахтина с помощью «технических» методов анализа текста, однако полученные ими результаты кардинально расходятся. Д.А.Юнов (он же Д.А.Татарников), используя методику электронного сравнения словарно-терминологической базы подлинных и «спорных» текстов Бахтина, сделал следующее заключение: «…как показал опыт составления лексико-терминологического Указателя и сравнения на его основе работ П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова с произведениями, представленными в данном томе, корреляция терминологии в этих работах недостаточна, чтобы говорить о едином авторстве, стиль и лексика существенно различны. Общие же критическая аргументация и бахтинская (когеновская) философская терминология, присутствующие там, говорят только о принадлежности к единому философскому кругу (школе) и подтверждают факт близости и "диалогичности" общения данных лю-

[1] Николаев Н.И. Издание наследия М.М.Бахтина как филологическая проблема. С. 127 – 132.

[2] Фридлендер Г.М. Указ. соч. С. 198, 202.

дей»[1]. И.В.Пешков путем тщательного сравнения терминологического словника двух приложений из «Личного дела В.Н.Волошинова», опубликованного Н.А.Паньковым[2] с текстовыми массивами «Формального метода в литературоведении» (ФМЛ), «Марксизма и философии языка» (МФЯ), «Проблем творчества Достоевского» (ПТД), других трудов Бахтина и его друзей, а для большей объективности и книг А.А.Потебни, Л.С.Выготского, Г.О.Винокура, О.М.Фрейденберг[3], пришел к противоположному и, на его взгляд, окончательному выводу: «Мне представляется текстологически доказанным теперь, что и ФМЛ и МФЯ написаны Бахтиным по крайней мере по преимуществу <…>»; «Теперь пусть сторонники коллективного авторства вылавливают в спорных текстах дружеские вкрапления»[4]. Надо отдать должное ученому: выявленные им лексические, фразеологические и терминологические параллели между работами, вышедшими из «круга Бахтина», впечатляют. Заметим, однако, что оба исследователя по-своему правы. Первый сравнивает «спорные тексты» с ранними трудами Бахтина («Искусство и ответственность», «<К философии поступка>», «<Автор и герой в эстетической деятельности>», «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве»), в которых, естественно, еще преобладает прежний философский метаязык ученого. Второй же опирается на труды Бахтина после «социологического периода» – и в них неизбежно может сохраняться инерция понятийного аппарата, выработанного в бахтинском окружении.

Из устных мемуаров Бахтина, записанных В.Д.Дувакиным, видно, что научные заслуги Медведева и Волошинова он оценивал не слишком высоко, хотя и не отрицал их: «Он [Медведев] первый, который занимался архивом Блока. Записные книжки Блока, дневники Блока были изданы им <…>», «И вот он написал книжку о Блоке, которая называлась "Творческий путь Блока". Пустяковая книжка. <…> Барахольная, да. Чепуха», «Вообще книжка совсем незначительная. Просто плохая книжка»; «**Д<увакин>**: <…> У него о Брюсове была интересная книжка. Собственно, первая связная книга о Брюсове. – **Б<ахтин>**: О Брюсове? Я сейчас

---

[1] См.: Татарников Д.А. Примечания; Предметно-терминологический указатель // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 334, 335 – 381. Тот же исследователь не раз в выступлениях по вопросам бахтинского авторства «спорных текстов» (Витебск, 1998; Шеффилд, 1999) говорил о необходимости анализа распределения творческих ролей в «круге Бахтина», считая, что такие функции, как рецензирование работ предшественников, эвристика, собственно написание и даже продвижение работ в печать, могли синтезироваться в «творческой группе» по принципу дополнительности.

[2] См.: ДКХ. 1995. № 2. С. 70 – 99.

[3] Выбор указанных авторов отчасти объяснялся наличием у И.В.Пешкова электронной базы их текстов.

[4] Пешков И.В. «Делу» – венец, или Еще раз об авторстве М.Бахтина в «спорных текстах» // Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. С. 621.

даже не помню. <…> Он был теоретиком литературы», «Он был человек очень… умелый, он умел как-то обходить всевозможные рифы, которых и тогда уже было очень много в литературе и искусстве, и был человеком в достаточной мере смелым и инициативным. И вот он печатал Вагинова. <…> Он печатал там (в «Записках передвижного театра». – *Н.В)* стихотворения такие, которые – даже трудно сейчас представить себе, что их можно было публиковать в то время»; «Дело в том, что у меня был близкий друг – Волошинов… Он автор книги "Маркизм и философия языка", книги, которую мне, так сказать, приписывают. Вот – Валентин Николаевич Волошинов»[1]. В этом плане интересны и сторонние свидетельства, например: «Волошинова Кирпотин не знал. С Медведевым был знаком, и тот показался ему человеком "неглубоким" ("не мог он написать сильную книгу")»[2].

В отношении друзей и коллег Бахтина развернулась новая волна полемики в связи с дискредитацией их как ученых в отзывах О.М.Фрейденберг и Л.Я.Гинзбург[3]. Так, последняя в разговоре с В.С.Баевским в 1986 г. заметила: «…в книге "Формальный метод в литературоведении" <…> "доносы на формалистов <…> принадлежат именно Медведеву (речь идет, вероятно, о книге «Формализм и формалисты». – *Н.В.*), остальное преимущественно Бахтину". В книге <…> "Марксизм и философия языка" <…> все или почти все <…> принадлежит Бахтину»; «– Мы же знали этих людей. Не могли они так глубоко писать. Это же были примитивные люди»; «– Пумпянский – другое дело. Это был в полном смысле слова блестяще одаренный человек, эрудит. <…> Но и он был человеком со всячинкой. Не обязательно верить всему, что о нем говорили: но вообще Бахтин был окружен сомнительными людьми»[4].

В.М.Алпатов, однако, хладнокровно поставил имя Волошинова впереди Бахтина, предприняв попытку целостного описания лингвистических идей «бахтинского круга»[5]. Н.В.Брагинская ответила ему эмоциональным эссе, смысл которого сводится к тому, что лица, поддерживавшие Волошинова, как и он, были людьми, зависимыми от конъюнктурных обстоя-

---

[1] М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 88, 193 – 194, 215, 221 – 222.

[2] См.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее (защита диссертации М.М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия [раздел Приложения] // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 114.

[3] См. об этом, в частности: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 22; Он же. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников. С. 49 – 50.

[4] Баевский В. Две страницы из дневника // Бахтинология: Исслед., пер., публикации. СПб., 1995. С. 10 – 11.

[5] Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. См. также наши рецензии на это исследование (М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 224 – 234; Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3. С. 254 – 259.

тельств, готовыми ради карьеры на компромиссы с собственной совестью, что и зафиксировано в воспоминаниях О.М.Фрейденберг; а написание работ за другого человека – заурядный факт как в прошлом, так и в настоящем[1]. Ею впервые опубликован развернутый контекст соответствующего мемуара О.М.Фрейденберг: «Его [В.А.Десницкого] правой рукой был Н.В.Яковлев, смещенный ученый секретарь. В свою очередь Яковлев имел свою правую руку. Это был Волошинов, изящный молодой человек и эстет, автор лингвистической книги, написанной ему Блохиным. Этот Волошинов цинично предлагал мне, чтоб я за него и на него работала, а он за то будет продвигать меня через Яковлева и Десницкого. Я отказалась – и наши отношенья сделались холодны, как лед»; «Вскоре Волошинов пал, как пал вскоре и Яковлев, как пал еще дальше Десницкий <…>. Люди, строившие советскую власть, один за другим убирались этой же властью со сцены. Хищники пожирали друг друга»; «Десницкий был хозяином на литературном отделении ИРКа, а на языковом – Якубинский. Это был красивый, светский мужчина, циник, любитель молодых людей. <…> Возле Якубинского были свои Яковлевы и Волошиновы»[2]. Заметим, что Н.В.Брагинская, по основным научным интересам филолог-античник, увлекаясь апологией рассуждений О.М.Фрейденберг, вероятно, недооценивает значения трудов Л.П.Якубинского, В.А.Десницкого и Н.В.Яковлева для русистики[3].

Независимо во всех отношениях пишет о данной проблеме А.В.Коровашко: «Доказательная база передачи М.М.Бахтину посмертных авторских прав отличается крайней шаткостью и представляет собой вариативный набор лишь трех ключевых аргументов»; «Первый из них апеллирует к авторитету "устного радио" и восходит к полуфольклорному жанру внутрицеховых преданий: "Весь Ленинград знал…", "Виноградов говорил…" <…> и т. д.»; «Другим способом закрепить за Бахтиным роль демиурга "спорных текстов" является теория "умственной недостаточности" Волошинова и Медведева. <…> Известно, например, что Виктор Шкловский (учитель Л.Я.Гинзбург) называл Веселовского "туповатым", а на склоне лет с некоторым для себя удивлением обнаружил, что

---

[1] Брагинская Н.В. Между свидетелями и судьями: Реплика по поводу книги: В.М.Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. Языки славянских культур, 2005. // М.М.Бахтин в Саранске. Вып. II – III. С. 39 – 60.

[2] Там же. С. 39 – 41.

[3] Л.П.Якубинский (1892 – 1945) – признанный классик отечественного языкознания. См., например, высокую оценку его научно-педагогической и административной деятельности во вступительной статье В.В.Виноградова к изд: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 3 – 40. О В.А.Десницком (1878 – 1958) и Н.В.Яковлеве (1891 – 1981) см., в частности, развернутые биографические очерки в одном из последних по времени академических изданий: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905 – 2005. СПБ., 2005. С. 436 – 437, 550 – 551.

Овсянико-Куликовский "был не совсем умен"»; «Наибольшей популярностью в спорах о Бахтине "под маской" пользуется интуитивный критерий атрибуции. <…> Но также "непосредственно" воспринималась, например, "подлинная" древность сфабрикованных чешскими учеными Вацлавом Ганкой и Йозефом Линдой произведений – «Краледворской рукописи», «Суда Либуше» и «Глосс Вацерада». В течение полувека они открывали официальную историю чешской литературы. О том, насколько ненадежным критерием оказывается "непосредственное" впечатление, говорит и случай с первой книгой Иоганна Готлиба Фихте "Критика всяческого откровения". Поскольку она вышла в свет анонимно <…>, то была в скором времени приписана самому Канту <…>»[1].

Предпринимались усилия приблизиться к разрешению обсуждаемого вопроса путем сравнительного анализа использования в «спорных текстах», других работах Бахтина, Волошинова и Медведева, трудах их коллег столь необычных инструментов организации научного дискурса, как графические выделения (разрядка, курсив, подчеркивание) и нетранслитерированные иноязычные слова, выражения[2]. Выводы, к которым мы пришли в результате этого, таковы. Бахтин чрезвычайно активно использует графические акценты на протяжении почти всего творческого пути. В такой же степени они характерны и для работ Волошинова; однако это свойственно, например, и Л.П.Якубинскому. Медведев крайне редко прибегает к текстовым выделениям, что свидетельствует в пользу самобытности его книги «Формальный метод в литературоведении». Одновременно в работах «бахтинского круга» встречается много общих, хотя бы для двух авторов, варваризмов (*contradictio in adjecto, ibid, medium, minimum, quasi, par excellence, reductio ad absurdum, specificum, tertium non datur*); но и это не дает основания делать вывод о едином авторском субъекте, поскольку, например, Г.Г.Шпет тоже активно привлекал нетранслитерированные элементы в своих трудах, хорошо известных его современникам[3]. Прослеживаются, на первый взгляд, противоречивые, но вполне закономерные стилистические (со)авторские оппозиции: Бахтин, Волошинов – Медведев; Волошинов, Медведев – Бахтин. Есть некоторые ос-

---

[1] Коровашко А.В. Заметки об авторстве спорных бахтинских текстов // Вестн. Нижегор. ун-та. Сер. Филология. 2000. Вып. 1. С. 62 – 66.

[2] Васильев Н.Л. Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 71 – 80.

[3] См. также: Васильев Н.Л. Г.Г.Шпет и М.М.Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Невельский сборник. Вып. 13. СПб., 2008. С. 100 – 109; Он же. G.Chpet et M.Bakhtine: aux sources de la métalangue du «cercle de Bakhtine» / Trad. du russe par F.Corrado-Kazanski // Slavica Occitania [Toulouse]. 2008. № 26: Gustave Chpet et son héritage aux sources russes du srtucturalisme et de la sémiotique. P. 75 – 89; Он же. Густав Шпет и Михаил Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Густав Шпет и его философское наследие: У истоков семиотики и структурализма. М., 2010. С. 312 – 321.

нования полагать, что книга Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» редактировалась Медведевым, вследствие «компромисса» в ней между обычной нормой использования разрядки (в рукописях – подчеркивания) самим автором и его другом-литературоведом, помогавшим Бахтину в издании этого труда.

Были выявлены расхождения между Бахтиным и Волошиновым в рецепции марризма (последний гораздо радикальнее в данном отношении, что объясняется прежде всего научной атмосферой в ИЛЯЗВе)[1]; из этого тоже вытекает, что Волошинов как ученый эволюционировал во второй пол. 1920-х гг. все более независимо от Бахтина.

И.Л.Попова в ряде работ стремится обосновать связь между вниманием автора «Марксизма и философии языка» к трудам «школы Фосслера» о Ф.Рабле и последующим знаменитым исследованием Бахтина, воплотившимся в кандидатскую диссертацию и монографию, заявляя, что «опрометчиво рассматривать "Марксизм и философию языка" отдельно от остального наследия Бахтина. На частном примере критической рецепции школы Фосслера легко убедиться, что контекст проблемы целиком, методология исследования и целое замысла существуют в сознании одного автора <…>»[2].

В.Н.Захаров пишет о расхождениях между автором «Формального метода в литературоведении» и Бахтиным в понимании фундаментальных литературоведческих категорий (*фабула, сюжет, жанр*), отмечая в связи с этим: «Сегодня большинство исследователей исходят из предполагаемого единства идей, категорий анализа и концепций жанра в кругу Бахтина, независимо от того, писал ли *ФМЛ*, *МФЯ* и *ПТД* один автор или идеи и концепции книг принадлежат единомышленникам. Очевидно, что в рамках одной школы должна быть установка хотя бы на общий тезаурус. Неожиданным результатом данного исследования стало обнаружение не столько противоречий, сколько разной трактовки ряда ключевых категорий в трудах Медведева и Бахтина, Волошинова и Бахтина»[3].

---

[1] См.: Lähteenmäki M., Васильев Н.Л. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я.Марра в работах В.Н.Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. 2005. Vol. 29. № 1. P. 71 – 94.

[2] См., напр.: Попова И.Л. «Лексический карнавал» Франсуа Рабле: книга М.М.Бахтина в контексте научных идей 1910 – 1920-х гг. // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18 – 22 July, 2005). P. 111; Она же. История «Рабле»: 1930 – 1950-е годы // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 2008. Т. 4 (ч. 1). С. 843 – 858. Ср.: Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. С. 30.

[3] См.: Захаров В.Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М.М.Бахтин, П.Н.Медведев, В.Н.Волошинов) // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference. С. 79. См. также: Захаров В.Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М.М.Бахтин, П.Н.Медведев, В.Н.Волошинов) // Рус. лит. 2007. № 3. С. 18 – 30.

Н.Д.Тамарченко возражает предшественнику, продолжая анализ указанной книги в плоскости теории литературы, обнаруживая фразеологические переклички между «Формальным методом в литературоведении» и отдельными высказываниями Бахтина[1]. По его мнению, «комплекс основных идей и понятий первой части ФМЛ и, соответственно, всех формулировок», «идеи в области поэтики, а именно – теории произведения и теории жанра, которые составили проблемное ядро третьей части ФМЛ» принадлежат Бахтину; «под вопросом может остаться разве что изложение фактов истории западноевропейского и русского формализма – в виде более или менее нейтральной территории»[2]. Он же передает еще одну устную версию авторства «спорных текстов»: «Кстати, А.Чудаков рассказывал автору этих строк, что на его настойчивые расспросы "кто написал?" Бахтин после бесплодных попыток отмолчаться, наконец, "выдал": "Ну, чья фамилия стоит, тот и написал". Эти слова вызвали немедленную реакцию его жены? "Миша, как тебе не стыдно! Ты же сам продиктовал эту книгу с первого слова до последнего!»[3]. (Заметим, что почти во всех случаях в этой «мифологии» присутствует один и тот же «архетип»: рядом с Бахтиным оказывается его жена, готовая противоречить ему в своем стремлении защитить истину.)

Оппоненту В.Н.Захарова, в свою очередь, ответил Ю.П.Медведев[4], не приводя на этот раз новых аргументов в подтверждение причастности своего отца к написанию «Формального метода в литературоведении»[5], но косвенно обосновывая данный непреложный для него факт путем целостного рассмотрения теоретико-литературных построений старшего Медведева, отражавшихся в его работах уже с 1911 г. (некоторые из них публикуются в указанной статье в качестве приложения), объяснения причин, по которым Медведев в 1930-х гг. изменил концепцию второго издания «Формального метода в литературоведении», осмысления метаязыка со-

---

[1] Тамарченко Н. М.Бахтин и П.Медведев: судьба «Введения в поэтику» // Вопр. литературы. 2008. № 5. С. 160 – 184.

[2] Там же. С. 171, 177.

[3] Там же. С. 177.

[4] Медведев Ю. Жертвы «вненаходимости» // Вопр. лит. 2009. № 6. С. 163 – 203.

[5] Они были представлены, в частности, в докладе Ю.П.Медведева на XII Международной Бахтинской конференции (см. ниже). Речь идет о ранее неизвестных методологических набросках Медведева (1919 – 1920 гг.), являющихся планами серьезных эстетико-литературоведческих лекционных курсов, проблематика которых отчасти связана с последующими работами «бахтинского круга». Помимо этого докладчиком были высказаны соображения относительно экстранаучных факторов, повлиявших на эскалацию кампании приписывания Бахтину «спорных текстов». См. об этом: Васильев Н.Л. XII Международная Бахтинская конференция // М.М.Бахтин в Саранске. Вып. II – III. С. 246 – 247; Он же. Оглядываясь назад… (XI и XII Международные Бахтинские конференции) // ДКХ. 2009. № 2 (42). С. 197 – 198.

ветской науки сталинского времени, воспринимаемого сейчас порой вне исторического контекста.

Анализ «Формального метода в литературоведении» sub specie «*общей* концепции языка и речи», о которой Бахтин сообщал В.В.Кожинову, показал, что автор книги отразил ее механистично, уступая в понимании лингвистических тонкостей полемизировавшему с ним позже по этому поводу Волошинову, что свидетельствует, на наш взгляд, о расхождении авторских субъектов Бахтина и Медведева, а также о самостоятельной позиции Волошинова в этом треугольнике[1].

В ИЛЯЗВе Волошинов тесно работал в контакте с Медведевым и другими сотрудниками института по программе изучения «социологической поэтики», результатом чего планировалась состоявшая первоначально из 10 глав его монография «Опыт социологической поэтики. I: Социология формы» (1926 г.)[2], спустя год трансформировавшаяся во «Введение в социологическую поэтику» (с 4 главами, объемом в 8 п. л.). Содержание незавершенной или неопубликованной книги отразилось в статье Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926), докладе «Поэтическая структура как структура социологическая» (18 июня 1927 г.), третья глава этой работы – «Социологическая структура поэтической формы» – была «прочитана на заседании п/секции методологии литературы ИЛЯЗВа» 28 февраля 1928 г., как видно из аспирантских отчетов Волошинова[3]. Таким образом, это уже пятая книга, вышедшая из «бахтинского круга», которую, следуя логике сторонников принадлежности Бахтину всех «спорных текстов», тоже нужно бы приписать ему…

Продуктивны попытки аргументировать коллективное авторство «спорных работ» – как продукта деятельности «бахтинского круга», в котором определяющую роль играл Бахтин, но каждый из членов этого дружеского и творческого союза был полноправным собеседником и соавтором любого другого[4].

---

[1] См.: Васильев Н.Л. Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Невельский сборник. Вып. 14. СПб., 2008. С. 44 – 60. То же: ДКХ. 2009. № 2 (42). С. 28 – 50.

[2] См.: Brandist C. Sociological linguistics in Leningrad: The Institute for the comparative history of the literatures and languages of the West and East (ILJAZV), 1921 – 1933 // Russian Literature. 2008. Vol. 63. № 2/4. P. 190 – 192. См. также: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики // ДКХ. 1998. № 2. С. 23 – 31.

[3] См.: Васильев Н.Л. К биографии В.Н.Волошинова как сотрудника ИЛЯЗВа (разработка «социологической поэтики») // Невельский сборник. Вып. 15. СПб., 2009. С. 60 – 69.

[4] См., напр.: Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Круг М.М.Бахтина как «мыслительный коллектив» // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference С. 16 – 33; Они же. Труды и дни Круга М.М.Бахтина // Звезда. 2008. № 7. С. 192 – 210.

Вместе с тем «бахтинский круг» – понятие весьма условное[1]. Бахтин намного пережил своих ближайших друзей, в то время как наши представления о Медведеве и Волошинове основываются только на впечатлении от их яркого научного взросления, прерванного в 1930-е гг. Случись так, что они, развиваясь как исследователи, пережили бы Бахтина, еще не известно, как бы сейчас именовался этот «круг» и распределялись роли в нем его участников[2].

2.

<…>[3]

3.

Вопрос о «спорных текстах» остается одним из наиболее актуальных в плане истории советской гуманитарной (психология, литературоведение, лингвистика, философия языка) науки 1920-х гг. Не случайно ему было уделено особое внимание на состоявшейся в 1999 г. в шеффилдском Бахтинском центре (Великобритания) конференции по теме «В отсутствии мастера: неизвестный круг Бахтина»[4]. Ранее высказывалось пожелание считать данную проблему принципиально не решаемой (С.С.Аверинцев). Теперь же большинство исследователей предпочитают говорить о содружестве разноплановых ученых, в котором рождались те или иные идеи, тексты, избегая какой-либо категоричности в этом вопросе, а иногда и с раздражением воспринимая прежние попытки приписать исключительное авторство «спорных текстов» Бахтину. Симптоматичны в данном отношении, например, следующие констатации: «1924 – 1930. Опубликованы три книги ("Фрейдизм", 1927; "Формальный метод в литературоведении", 1928; "Марксизм и философия языка", 1929) и серия статей по философской лингвистике, социальной психологии и литературоведческой методологии под именами друзей М.М.Б<ахтина> – В.Н.Волошинова, П.Н.Медведева и И.И.Канаева; М.М.Б<ахтин> участвовал в написании

---

[1] Ср., что и как говорит об этом феномене Бахтин: «Нет, я пользовался в очень узких кругах известностью только. Вокруг меня был круг, который называют сейчас: "круг Бахтина" <…> Сюда включают прежде всего Пумпянского, Медведева Павла Николаевича, Волошинова. Кстати сказать, все они были и в Невеле, кроме, правда, Медведева»; «И вот все они трое были в Витебске, и там, в сущности, заложена основа вот этого круга, который потом в Ленинграде обосновался» (М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 161).

[2] См.: Васильев Н.Л. «Круг Бахтина», или Квадратура круга // Новое лит. обозр. 2006. № 2. С. 408 – 414.

[3] Статья публикуется с сокращениями, касающимися раздела о соавторских публикациях Бахтина в саранский период его жизни (см. ранее).

[4] См.: The Bakhtin Circle: In the Master's Absence / Ed. by C.Brandist, D.Shepherd, G.Tihanov. Manchester; N.Y: Manchester University Press, 2004.

этих работ, степень и форма его участия остаются спорным вопросом»[1]; «Для меня самого первый и в определенном смысле "главный" вопрос уже решен: при отсутствии неотразимого свидетельства об авторстве Бахтина логичнее считать, что спорные тексты написали те самостоятельные, некогда жившие и действовавшие ученые, под чьими фамилиями книги были опубликованы»[2]; «Сегодняшнее состояние изученности вопроса об авторстве так называемых "спорных текстов" не дает убедительного опровержения того, что "Марксизм и философия языка", "Формальный метод" были написаны именно теми авторами, которые значатся на обложках первых изданий данных книг, т. е. Волошиновым и Медведевым, – с участием, однако, Бахтина, выразившимся в обсуждении некоторых ключевых идей указанных книг и, вероятно, привнесении в них в отдельных случаях соответствующей фразеологии»[3].

Таким образом, можно констатировать, что за последние 20 лет в «бахтинистике» произошел существенный сдвиг в отношении представлений о «спорных текстах». Если раньше они воспринимались как безоговорочно бахтинские, то теперь это мнение поколеблено. Полемика относительно обсуждаемых книг и статей была необычайно плодотворна для филологии в целом, поскольку стимулировала методы определения авторства, что являлось особенно актуальным в условиях, когда те же вопросы решались применительно и к литературной классике, в частности «Тихому Дону» М.А.Шолохова, наследию поэта-декабриста Г.С.Батенькова, и другим эстетическим феноменам.

---

[1] См.: Хронограф жизни и деятельности М.М.Бахтина: Основные даты / Сост.: С.Г.Бочаров, В.И.Лаптун, Т.Г.Юрченко // М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 376.

[2] Ренфру А. (Шотландия). Не все вопросы должны остаться открытыми: Крайне субъективные заметки о конференции «В отсутствии мастера: неизвестный круг Бахтина (Шеффилд, 7 – 9 окт. 1999 г.)» / Пер. с англ. Н.А.Панькова // ДКХ. 2000. № 2. С. 157.

[3] См.: Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000. P. 8 (пер. цитируемого фрагмента наш). См. также: Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London, 2002. P. 8 – 9.

5. ТЕКСТОЛОГИЯ И ПЕРСОНОЛОГИЯ «СПОРНЫХ ТЕКСТОВ»

К ИСТОРИИ КНИГИ «МАРКСИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА»*

Книга «Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке» вышла в 1929 г. в ленинградском издательстве «Прибой» как плановая монография в серии трудов Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (далее ИЛЯЗВ). В 1930 г. появилось ее второе издание (без каких-либо серьезных изменений). После долгого перерыва книга была переиздана в 1993 г. московским издательством «Лабиринт», а в 1995 г. – петербургским издательством «Аста-пресс ltd в первом томе сочинений В.Н.Волошинова «Философия и социология гуманитарных наук». Начиная с 1970-х гг. книга неоднократно переводилась (а также печаталась в оригинале) за рубежом – в США, Германии, Италии, Франции, Югославии, Японии и других странах.

I

История текста МФЯ неотделима от вопроса о его авторстве. Титульный автор книги – В.Н.Волошинов (1895 – 1936), выпускник романо-германского отделения факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ (1924 г.), а затем аспирант и научный сотрудник ИЛЯЗВа, впоследствии – доцент ЛГПИ и профессор ЛИПКРИ (Ленинградского института повышения квалификации работников искусств)[1].

При жизни Волошинова и в последующие три-четыре десятилетия принадлежность ему МФЯ официально (в печати) не подвергалась сомнению, хотя определенные слухи на этот счет были. В 1970-х гг. в СССР и за рубежом стала распространяться версия о непосредственной причастности к этой книге М.М.Бахтина (1895 – 1975), вскоре ставшая общим местом работ по бахтинской тематике. Основанием для нее явились устные высказывания Бахтина, а также некоторые сопутствующие обстоятельства[2]. В 1990-х гг. вопрос об авторстве МФЯ, активно обсуждавшийся в западной бахтинистике (E.-J.Brown; I.-R.Titunik; K.Clark, M.Holquist;

---

* Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 530 – 541.

[1] Подробнее о личности и научной карьере Волошинова см.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 5 – 22.

[2] См.: Васильев Н.Л. Указ. соч. С. 16 – 21.

C.Emerson, G.-S.Morson и др.), обрел «неожиданную» актуальность и на родине предполагаемых авторов МФЯ[1]. В эти же годы были обнародованы письма и устные мемуары Бахтина, в которых прямо или косвенно затрагивался вопрос об авторстве МФЯ[2].

Бахтин не говорит с достаточной определенностью о том, как и кем создавалась книга: «…у меня был близкий друг – Валентин Николаевич Волошинов. Он автор книги "Марксизм и философия языка", книги, которую, так сказать, мне приписывают» (беседа с В.Д.Дувакпным, февр. – март 1973 г.); «Книги "Формальный метод" и "Марксизм и философия языка" мне очень хорошо известны. В.Н.Волошинов и П.Н.Медведев – мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена *общая* концепция языка и речевого произведения. <…> Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг. Что касается до других работ П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова, то они лежат в иной плоскости, не отражают общей концепции и в создании их я никакого участия не принимал. Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживалась и до сих пор…» (письмо к В.В.Кожинову. 10 янв. 1961 г.). Последнее замечание Бахтина перекликается с оценкой им спустя два года собственной книги о Ф.Рабле в письме к Л.Е.Пинскому (21 февр. 1963 г.): «…я был поражен глубиною и верностью Вашего пони-

[1] См, напр.: Васильев Н.Л. К вопросу об авторстве книги «Марксизм и философия языка», приписываемой М.М.Бахтину // М.М.Бахтин и методология современного гуманитарного знания: Тез. докл. участников Вторых саранских Бахтинских чтений. Саранск, 1991. С. 43 – 45; Он же. М.М.Бахтин и В.Н.Волошинов (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43; Медведев Ю.П. «Нас было много на челне…» // Диалог. Карнава. Хронотоп (далее ДКХ). 1992. № 1. С. 96 – 100; Осовский О.Е. Бахтин, Медведев, Волошннов: Об одном из «проклятых вопросов» современного бахтиноведения // Философия М.М.Бахтина и этика современного мира. Саранск, 1992. С. 39 – 54; Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 70 – 89; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993. С. 14 – 16, 132 – 138; В.Б. Бахтин под маской // Вопр. философии. 1994. № 9. С.214 – 215: Татарников Д.А. Примечания // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 334; Конкин С.С. О М.Бахтине и его соавторах // Лит. обозр. 1995. № 2. С. 45 – 48; Пешков И.В. One more Mozart или поступок как риторика ответственности? // Риторика. 1995. № 1(2). С. 79 – 85; 1996. № 1 (3). С. 56 – 71; Паньков Н.А. Мифологема Волошинова // ДКХ. 1995. № 2. С. 66 – 69. Пешков И.В. Один вопрос вокруг двух конференции // ДКХ. 1995. № 3. С. 178 – 187.

[2] См.: Из писем М.М.Бахтина / Публ. В.В.Федорова // Москва. 1992. № 11/12. С. 176, 182; То же: Письма М.М.Бахтина // Лит. учеба. № 5/6. С. 152; Разговоры с Бахтиным / Запись В.Д.Дувакнна // Человек 1993. № 6. С. 146; 1994. № 3. С. 181.

мания моих замыслов (выраженных у меня в работе не всегда вразумительно)»[1].

Волошинова Бахтин характеризовал как человека не совсем самостоятельного в научном отношении: «Что касается до Волошинова, то Вы с полным правом можете назвать его моим учеником» (письмо к В.В.Кожинову. 16 нояб. 1964 г.); «…поэт, который тогда печатался, но потом… забросил совсем, понял, что он поэт слишком маленький, и не захотел продолжать эту деятельность, тем более, что он был еще и музыкантом, композитором» (беседы с В.Д.Дувакнным). Это выглядит несколько странно: создается впечатление, что в восприятии личности своего друга Бахтин остался на уровне их невельско-витебского общения (1919 – 1922 гг.), в какой-то мере проигнорировав становление Волошинова как ученого.

Не вполне проясняют вопрос об авторстве МФЯ и свидетельства «третьих» лиц. Приведем одно из наиболее интригующих: «…отвечая на мой вопрос об авторстве книг, подписанных именами Медведева и Волошинова, Михаил Михайлович назвал своим созданием книгу о формальном методе. <…> Про другие же работы Бахтин сказал, что в них выражены его идеи, развитые им в лекциях, прочитанных для круга учеников. Он отрицал, что у Волошинова есгь что-либо самостоятельное, и отмечал в своих отношениях с ровесником, как я записал, "естественное соотношение между учителем и учеником"»[2].

В целом в современном бахтиноведении наметился определенный компромисс в решении вопроса об авторстве книги, поскольку в ней есть следы участия как Бахтина, так и Волошинова[3]. Даже сторонники безоговорочного приписывания МФЯ Бахтину вынужденно признают, что марксистские «пассажи» в ней принадлежит, скорее всего, Волошинову. Попутно заметим, что вопрос об авторстве МФЯ теперь осложняется еще одним: кто был автором исследования «Проблема передачи чужой речи» (см. ниже).

II

Рукопись МФЯ не сохранилась. Но известны некоторые относящиеся к ней материалы и документы, позволяющие в какой-то степени восстановить историю создания книги.

---

[1] Цит. по: Из семейного архива Л.Е.Пинского / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1994. № 2. С. 58.

[2] Свительский В.А. Идеи М.М.Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века // М.М.Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Витебск. 1994. С. 119.

[3] См. об этом, в частности: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошннов? С. 40 – 41; Он же. В.Н.Волошинов. С. 20 – 21.

6 апреля 1928 г. руководство ИЛЯЗВа направило в ЛенОГИЗ официальное письмо с просьбой принять к изданию рукопись книги Волошинова «Проблема передачи чужой речи: (Опыт социолингвистического исследования)» объемом в 10 п. л.[1] О ее содержании известно из «Отчета о работе в ИЛЯЗВе аспиранта В.Н.Волошинова» от 5 мая 1928 г., к которому прилагалось «оглавление» указанного исследования[2]. По своей структуре оно почти полностью совпадает с III частью МФЯ.

Из того же отчета видно, что «в мае 1928 года» ЛенОГИЗом была принята к изданию книга Волошинова «Марксизм и философия языка (основы социологического метода в науке о языке)», «подготовляемая к печати»[3]. Судя по всему, Волошинов решил «пожертвовать» первой из названных монографий в пользу более актуальной и методологнчной, поскольку «Проблема передачи чужой речи» фигурирует в данном отчете уже как «статья… принятая к печатанию в сборнике "Против идеализма и языкознании" ГИЗ – ИЛЯЗВ 1928 г.»[4].

К отчету Волошпнова были приложены также «план» и «автореферат» МФЯ – «Некоторые руководящие мысли работы "Марксизм и философия языка"…»[5]. На сегодняшний день это наиболее существенные документы, отражающие творческую историю МФЯ, его первоначальный замысел. Написаны они, по свидетельству публикатора, неизвестной рукой.

Книга должна была состоять из трех частей. Название первой не изменилось, но количество глав уменьшилось с 5 до 3. Неозаглавленная вторая часть содержала 8 глав, в окончательном варианте их число сократилось вдвое. Третья часть именовалась «Опыт применения социологического метода к проблеме высказывания в истории языка» и включала 4 главы, из которых лишь одна была непосредственно связана с проблематикой «чужой речи».

Еще большие изменения претерпела содержательная сторона книги. Судя по «автореферату», Волошинов планировал рассмотреть в данном исследовании и такие вопросы, как необходимость борьбы с формальным методом в литературоведении, причем в духе своего коллеги по ИЛЯЗВу Г.Е.Горбачева, пытавшегося соединить в 1920-х гг. формализм с марксизмом (п. 4); влияние символизма и футуризма на новейшую филологию (п. 7, 8); зависимость отношения к «слову» от характера эстетических теорий (п. 9); специфику синтаксической связи между высказываниями

[1] ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, ед. хр. 40, л. 32.

[2] См.: Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1995. № 2. С. 79 – 80.

[3] Там же. С. 76.

[4] Там же. С. 77.

[5] Там же. С. 81 – 99.

(п. 11), предвосхищая, по сути дела, проблематику лингвистики текста; соотношение функций языка (п. 13).

Вместо них впоследствии была привнесена концепция «двух направлений фнлософско-лингвнстической мысли», усилено внимание к критике «буржуазных» теорий языка. Изменились и отдельные формулировки, акценты[1].

В аспирантских отчетах Волошинова содержатся косвенные указания на предварительную работу, предшествующую написанию МФЯ: «Слежу за иностранной научной литературой (французской и немецкой) по интересующим меня проблемам, в частности, по вопросам поэтики и философии языка» (с. 78), «В. Занятия новыми языками: Подготовлены к печати: 1) перевод статьи К.Бюлера "Vom Wesen der Syntax"; 2) перевод двух отделов книги Э.Касснрера "Philosophie der symbolischen Formen"» (с. 75) – оба указанных труда используются в МФЯ. В том же «автореферате» Волошинов трижды ссылается на свои печатные труды, подчеркивая преемственность МФЯ с его предшествующими научными интересами: «Некоторые соображения о "жизненных высказываниях", их значении и формах были развиты нами в нашей статье: "Слово в жизни и слово в поэзии" ("Звезда", Ленгиз, № 6, 1926. стр. 244 – 267)»; «Значение проблемы высказывания (вербальной реакции) для объективной психологии обсуждалось нами в нашей книге: "Фрейдизм" (критический очерк), Ленгиз, 1927 г. Главы: П-я ("Два направления современной психологии"), стр. 25 – 40, и III-я ("Современное сознание, как идеология"), стр. 127 – 137»; «Опыт конкретного применения нашей общеметодологической концепции к разработке одного из специальных вопросов синтаксиса был нами осуществлен в работе: "Проблемы передачи чужой речи" (опыт социо-лингвистического исследования)…» (с. 86, 99). Указанные обстоятельства важны для выяснения степени причастности Волошинова к МФЯ.

Типографский набор книги осуществлялся в конце 1928 г.; следовательно, работа над ней должна была завершиться не позже осени. Решающие изменения в тексте произошли в течение летних месяцев. По мнению В.М.Алпатова, к этому времени первый вариант МФЯ был уже готов[2]. Выскажем предположение, что его просто не было, – имелся лишь «план», «руководящие мысли» и договоренность с издательством (одну из главных должностей в нем занимал П.Н.Медведев). В связи с этим интересно указание Е.А.Бахтиной на то, что работа над книгой протекала коллективно: «Помнишь, Мишенька, как ты диктовал ее Валентину Николае-

[1] См., в частности: К истории книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» / Публ. Н.А.Панькова; вступ. ст. В.М.Алпатова // Изв. РАН, отд. лит. и яз. 1995. № 3. С. 63 – 66.

[2] См.: К истории книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка». С. 65 – 66.

вичу на даче в Финляндии?»[1]. Это могло относиться, однако, лишь к первым двум частям книги, поскольку третья (объемом в 3,5 п. л.), вероятно, повторяла сокращенный вариант волошиновской монографии «Проблема передачи чужой речи», уже представленной в печать в виде статьи. Не исключено, что замена третьей структурной части будущего МФЯ была осуществлена под давлением обстоятельств, в самый последний момент: соавторы могли не уложиться в срок, установленный издательством для доработки рукописи. В любом случае III часть МФЯ выглядит несколько нелогичной в общей концепции книги и по материалу, и по характеру изложения (преобладание фактографии над теорией), и по понятийному аппарату (например, очень активный в первых двух частях книги термин «философия языка» в ней не используется), несмотря на почти безупречное в смысле логики обоснование ее во «Введении».

Одними из первых были написаны главы II части, фрагменты которых, наряду с двумя абзацами «Введения», вошли в опубликованную Волошиновым осенью 1928 г. статью «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе»[2]. В примечании к ней говорилось: «Данная статья – автореферат трех глав книги В.Н.Волошинова "Марксизм и философия языка: (Основные проблемы социологического метода в науке о языке)" (Л.: Прибой. 1929)».

Книга вышла в январе 1929 г. Сохранился ее экземпляр, подаренный автором П.Н.Медведеву со следующей надписью: «Павлу не только "дружески", но и с любовью. Валентин 19 $^{23}/_{1}$ 29»[3].

III

Первые отклики на МФЯ носили в целом благоприятный характер.

В рецензии коллеги Волошинова по ИЛЯЗВУ Я.В.Лоя[4], как и во «внутренних» отзывах руководства института об аспирантской деятельности Волошинова, подчеркивался марксистский характер исследования. Вместе с тем рецензент высказал автору ряд принципиальных замечаний, касавшихся, в частности, недооценки им идей Ф. де Соссюра и соответственно переоценки положений К.Фосслера, прокомментировав последнее следующим образом: «Как это ни странно для марксиста, симпатии В.Н.Волошинова – пусть с оговорками – всецело на стороне индивидуалистического субъективизма…» (с. 72). Интересно и такое замечание критика: «В книге очень бросается в глаза обилие "диалектических" словечек и целых фраз, за которыми трудно уловить какую-либо действительную

[1] См.: Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 71.

[2] Литература и марксизм. 1928. № 5. С. 115 – 146.

[3] Выражаем благодарность Ю.П.Медведеву, познакомившему нас с фотокопией волошиновского автографа.

[4] На лит. посту. 1929. № 8. С. 72 – 73.

диалектику самого явления, и вообще обилие журналистически-размашнстых небрежных выражений…» (с. 73). Я.В.Лоя обратил внимание также на некоторую неосведомленность автора в области языкознания, в частности незнание того, что Р.О.Шор это женщина. Упоминает Я.В.Лоя о МФЯ и в приложении к статье «Основные направления в языковедении»[1], опубликованной им под псевдонимом «Языковед», где исследование Волошинова поставлено на первое место в перечне работ «нового (марксистского) направления» советской лингвистики.

В рецензии Р.О.Шор[2] отмечалась смелость автора в пересмотре методологии лингвистики. Но были высказаны упреки, касающиеся опять-таки «чрезмерной переоценки… построений "лингвистического субъективизма"», поверхностного характера критики теории Ф. де Соссюра, «недостаточного знакомства с развитием лингвистической мысли в конце XVIII и начале XIX века и с местом в ней Гумбольдта» (с. 149). По мнению Р.О.Шор, в основу концепции Волошинова положены именно принципы фосслерианства, дополненные, однако, «социальным моментом в высказывании», привнесенным из «объективной лингвистики» (с. 150). Итоговый вывод рецензента был следующим: «Книга Волошинова – бесспорно интересная книга. И если мы и принуждены были решительно разойтись с автором в его выводах, то все же нельзя не признать, что появление книги, так четко формулирующей задачи нашей лингвистической современности, так энергично требующей пересмотра всей нашей лингвистической традиции, является вполне уместным и современным» (с. 154). Позже Р.О.Шор более сдержанно оценивала МФЯ, отмечая, в частности, увлечение автора «идеалистической неофилологией» и «quasi-марксистский» характер его философии языка[3].

В рецензии В.Державина, напечатанной на украинском языке в харьковском журнале «Критика» (1929. № 4. С. 94 – 97), исследование Волошинова тоже приветствовалось как первопроходческое и стимулирующее своей проблемностью. Но выдвигались серьезные претензии к его методологии: субъективизм в оценке идей Ф. де Соссюра; уязвимость теории «высказывания», в котором, по мнению рецензента, реализуется комплекс внелингвистических моментов; неконкретность рассуждений о социальной природе языка (о чем писала и Р.О.Шор).

Отклик на МФЯ появился в брошюре П.Я.Черных «I. Современные течения в лингвистике. П. Русский язык и революция» (Иркутск, 1929), сочувственно воспринимавшего идеи К.Фосслера: «Из современных язы-

[1] На лит. посту. 1929. № 20. С. 55 – 57, 87.

[2] Рус. язык в сов. школе. 1929. № 3. С. 149 – 154.

[3] См.: Шор Р. Неотложная задача: (К построению марксистской философии языка) // Рус. язык в сов. школе. 1931. № 1. С. 30 – 33.

коведов-марксистов влияние Фосслера заметно сказывается на В.Н.Волошинове, авторе книги "Марксизм и философия языка"…» (с. 27).

Замысел рецензии на МФЯ зрел у секретаря Московского лингвистического кружка, одного из первых переводчиков Ф. де Соссюра на русский язык – А.И.Ромма, в архиве которого сохранились заметки об этой книге, датированные 18 – 19 дек. 1929 г.[1] Их автор обратил особое внимание на «контрапункт» программных положений Ф. де Соссюра и К.Фосслера в МФЯ, а также на мысль о социальной обусловленности любого речевого акта: «…связь с контекстом общения – бесконечно ценное открытие Волошинова'»[2].

Книга была замечена и литературоведами. Так, А.Д.Камегулов, являвшийся заместителем главного редактора «Литературной учебы», в письме к М.Горькому (до 5 окт. 1929 г.) следующим образом характеризовал Волошннова: «К участию в журнале мне пока удалось привлечь Десницкого-Строева, Тынянова, Волошинова (написал интересную книгу "Марксизм и философия языка"), Л.П.Якубинского»[3].

Сочувственно цитировал МФЯ в своей неопубликованной книге «Литература современного Запада и Америки. 1920 – 1929» (1930 г.) один из главных представителей «круга Бахтина» Л.В.Пумпянский: «…индивидуальная биография биологически необъяснима. Не только поступки человека, но и мышление его, чувства, характер, склад личности сплошь социальны, хотя бы даже потому, что их проявление – внутренняя речь, а всякая речь, в том числе и внутренняя, есть речевая идеология, возникшая на базе социального общения. "Вне объективации, вне воплощения в определенном материале (напр., внутренней речи) сознание – фикция… Организационный центр всякого высказывания, всякого выражения не внутри, а во вне: в социальной среде, окружающей особь"»[4].

О МФЯ упоминается и в книге В.В.Виноградова «О художественной прозе» (М.: Л. 1930) – в связи с критикой им лингвистического центризма в литературоведении 1920-х гг.[5] По мнению же самого Волошпнова[6], данным недостатком страдал именно В.В.Виноградов. Следы полемики с Во-

---

[1] РГАЛИ, ф. 1495, оп. 1, ед. хр. 77.

[2] Цнт. по: Тоддес Е.А., Чудакова М.О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения: 1978. М., 1981. С. 239. См. также: Ненаписанная рецензия А.И.Ромма на книгу М.М.Бахтина н В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» / Подгот. текста, публ., вступ. заметка и прим. А.Л.Беглова, Н.Л.Васильева // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 199 – 218.

[3] Цнт. по: М.Горький и советская печать: В 2 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 256.

[4] Выражаем благодарность исследователю литературного наследия ученого – Н.И.Николаеву за сообщение данного факта.

[5] Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 65.

[6] См., например, его рецензию на указанную книгу В.В.Виноградова (Звезда. 1930. № 2. С. 233 – 234).

лошнновым в вопросе об эстетической роли несобственно-прямой речи обнаруживаются также в работе В.В.Виноградова «Стиль "Пиковой дамы"» (1936 г.)[1].

Отзывы о МФЯ появились и за рубежом, в среде русской филологической эмиграции. В 1931 г. Р.О.Якобсон в письме к Н.С.Трубецкому отметил яркую интерпретацию Волошнновым лингвистических проблем, убедительность его диалектики[2]. По мнению американских переводчиков МФЯ, книга Волошинова оказала влияние и на формирование идей Пражского лингвистического кружка[3].

В нач. 1930-х гг. в СССР труд Волошинова стал переоцениваться: автор МФЯ попал под пресс критики как марристов, так и их оппонентов.

Первые симптомы изменения тона оценок книги наметились в сборнике трудов ИЛЯЗВа «Языковедение и материализм» (Л., 1931), подготовленном к печати в 1929 г. В двух из 5 статей этого коллективного исследования, изданного под редакцией Н.Я.Марра, содержались явно ироничные выпады против МФЯ. А.А.Пальмбах («К проблеме диалектики знака») писал, что книга Волошинова страдает наивностью выводов и неточностью формулировок: «Поистине, гора родила мышь», «Что означает это определение языка как "события речевого взаимодействия"?» (с. 13). Упрекал он Волошннова и в «субъективном идеализме» (влиянии К.Фосслера), определении «знаковой сущности» языка как «нейтральной по отношению к "идеологиям"» (с. 25), отсутствии подлинной диалектики в анализе: «Между тем автор… оперировал и категориями диалектики и в достаточном обилии привлеченными ссылками на Марра. В чем же здесь источник беды? Именно в том, что наш исследователь, как и многие другие… нащупывает… отдельные моменты диалектического развития, упуская, однако, из виду присущую им взаимосвязь» (с. 14). В статье А.Бескровного «Против опасности обскурантизма в высшей школе», представляющей собой апологию «яфетического учения», говорилось: «Надо упомянуть и о тех горе-языковедах, которым новое учение о языке представляется алхимией. По мнению лингвистов этого толка, критиковать яфетическую теорию, пожалуй, легче, чем выбрать себе псевдоним для безопасного выступления в журнальной прессе (речь идет об упоминавшейся выше статье Я.В.Лоя – *Н.В.*), где неискушенного в лингвистике читателя можно убедить даже в том, что учение акад. Марра угнетает марксистское языковедение, в частности его представителей: В.Н.Волошинова, Я.В.Лоя, В.Аптекаря, Г.Данилова, И.Презента» (с. 54).

---

[1] См.: Чудаков А.П. Комментарии // Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. С. 349.

[2] См.: N.S.Trubetzkoy's Letters and Notes. The Hague-Paris, 1975. P. 222.

[3] См.: Matejka L., Titunik I.R. Translator' Preface, 1986 // Vološinov V.N. Marxism and the philosophy of language. Cambridge, Massachusetts; London, England, 1986. P. VII.

Вскоре Волошинов стал едва ли не главной мишенью критики в филологических «разборках» марристов с антимарристамн – группой «Языкфронт».

А.К.Боровков в рецензии на учебное пособие Г.К.Данилова «Краткий очерк истории науки о языке» (М., 1931), где в целом положительно оценивается труд Волошинова, обрушивает на автора МФЯ упрек в методологической несостоятельности: «Антипролетарскне враждебные марксизму-ленинизму элементы пытаются всеми силами противопоставить успехам социалистического строительства свое влияние, чудовищно фальсифицируя при этом марксизм. <…> Реакционный буржуазный профессор Е.Д.Поливанов издает сборник статей, где защищаются позиции субъективно-идеалистического направления буржуазной лингвистики под общим заглавием: "За марксистское языкознание". Волошинов защищает и развивает точку зрения идеалистического неокантианского направления буржуазной лингвистики в книге "Марксизм и философия языка", прикрываясь марксисткой фразеологией и т. д. и т. п.»[1]. Ему вторит, как ни странно, один из лидеров «Языкфронта» Т.П.Ломтев – в статье «К вопросу о большевистской партийности в языке Ленина»: «Язык является острейшим оружием классовой борьбы. Он по самой природе своей есть классовое явление. В нем отражается классовая идеология. Нужно дать решительный отпор всяким буржуазным теориям, сводящим язык лишь к голой технике (формализм), определяющим язык как нейтральный идеологический знак (Волошинов) и т. д.»; «Слово не есть просто "нейтральный идеологический" знак, как это проповедует апологет буржуазного языкознания Волошннов…»[2]. Примечательно, что имена других лингвистов в этой статье не упоминались.

Еще большая по масштабности атака на МФЯ содержалась в коллективном труде «Против буржуазной контрабанды в языкознании» (Л., 1932), подготовленном группой сотрудников Института языка и мышления АН СССР, во главе которых стоял Ф.П.Филин.

Целью авторов сборника – в большинстве своем учеников Н.Я.Марра – была борьба с оппонентами из «Языкфронта», прежде всего Г.К.Даниловым. Одновременно огонь критики направлялся и по адресу старых врагов Н.Я.Марра – «индоевропеистов». Маргинал Волошииов, несмотря на сочувственно-ритуальное цитирование в МФЯ работ основоположника «нового учения о языке», также оказался в ряду критикуемых – отчасти по объективным причинам (несоответствие его методологии вульгарно-социологическому примитивизму маррн-

[1] Проблемы марксизма. 1931. № 10/12. С. 176 – 177.
[2] Литература и язык в политехнической школе. 1932. № 1. С. 12, 17.

стов), отчасти по субъективным (его поддерживали те, кого марристы считали своими главными врагами – Я.В.Лоя, Р.О.Шор, Г.К.Данилов).

В 5 из 13 статей данного сборника, включая «Предисловие», проводилась мысль о принципиальной чуждости методологии Волошинова марксизму. Процитируем наиболее существенные характеристики, данные здесь автору МФЯ (сама книга почти не упоминалась): «Особую бдительность необходимо проявить по отношению к маскирующейся индоевропеистской лингвистике, приспосабливающейся к условиям реконструктивного периода. Таковы в особенности "лингвисты" из группы "языкфронт", а также и близкие к последней отдельные лингвисты (Р.Шор, Волошинов, Яковлев и др.)» (Предисловие. С. 3.); «Только недостаточной партийной бдительностью… можно объяснить беспрепятственное протаскивание открытой буржуазной клеветы на пролетарскую революцию, протаскивание троцкистских установок в лингвистической литературе и явно антимарксистские выступления (Поливанов, Щерба, Винокур, Волошннов, Петерсон, Ушаков и мн. др.)», «Правая опасность в языкознании выражается в замазывании классовой борьбы, в завуалированной защите буржуазного учения о языке, в поддержке буржуазных лингвистов, прикрывающихся "социологизмом" и марксистской фразой (Волошинов, Винокур, Шор и др.)», «Индоевропепзм – открытый и главный враг. Мы ведем с ним ожесточенную борьбу. В этой борьбе нндо-европеизм находит самую основательную поддержку в лице фальсификаторов марксизма-ленинизма в языкознании, в лице Волошинова, Шор, Винокура и молодых кадров, воспитанных ими и приспосабливающихся к советскому климату» (Н.Я.Золотов. Против буржуазной контрабанды в языкознании. С. 9, 12); «Маскирующаяся индоевропеистика (в лице таких представителей как, напр., Волошинов, Шор, Яковлев, "Язык-фронт" в целом и др.), в настоящее время является особенно опасной» (Ф.П.Филин. Борьба за марксистко-ленинское языкознание и группа "Языкфронт". С. 30); «В одном месте автор (речь идет о статье Р.О.Шор «Неотложная задача» – *Н.В.*) упоминает об основополагающем значении высказываний Маркса, Энгельса, Ленина, но тут же предлагает «отвлечься от общих положений, совершенно бесспорных <…>. Стоит ли, мол, об этом распространяться? Не лучше ли перейти к конкретным "основополагающим" статьям Лоя, Данилова, Волошинова, хотя и нуждающимся в "дружественной критике"», «Зачем расстраивать "друзей", вроде Волошинова, с которого хватит и дружеских указаний: "как ни странно", "тем более удивительно", но, говорит автор, Волошинов кое в чем сползает к идеалистам и механистам», «Что стоит вся критика автора и соцнологистов, и рефлексологов, и Волошинова, и Плеханова, когда так ловко "показано" за дымовой завесой цитат и стилевых нюансов, что и классики мар-

ксизма – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – не имеют реальных достижений по основным проблемам языка…"» (Е.Н.Петрова. Методологическое лицо журнала "Русский язык в советской школе". С. 156, 158, 159); «Хамелеонство за последнее время особенно проявилось в лингвистике. Таково бесстыдное выступление открытого защитника индоевропеистики проф. Поливанова, озаглавившего свою книжку "За марксистское языкознание", идеалистическое писание Волошинова "Марксизм и философия языка". Такова, в основном, вся продукция группы "Языковедный фронт", беспринципного блока от Г.Данилова, Лоя, Ломтева до Дрезена и Бубриха" (Г.И.Горбаченко, Н.П.Синельникова, Т.А.Шуб. Вылазка буржуазной агентуры в языкознании. С. 129).

Вполне вероятно, что развернувшаяся кампания критики МФЯ была главной причиной резкого снижения печатной активности Волошинова. К этому вскоре прибавилась прогрессирующая болезнь (туберкулез), заставившая его в 1934 г. отойти от активной научно-педагогической деятельности и в конечном счете приведшая к преждевременной смерти.

IV

Книга МФЯ ошибочно воспринималась (например, Я.В.Лоя, упрекавшим автора за использование термина «философия языка» вместо «общего языковедения») и продолжает восприниматься как собственно лингвистическая. На самом деле и по названию, и по содержанию, и по авторскому замыслу она соотносится с особым философским направлением осмысления языка, сложившимся в нач. XIX в. и в какой-то мере исчерпавшим себя к сер. XX ст. В гуманитарной науке прошлого разграничивались «философия языка» и лингвистика (языкознание). Первая являлась частью философии вообще, вторая – с определенного времени – самостоятельной наукой[1].

Основоположником «философии языка» был немецкий мыслитель В. фон Гумбольдт; наиболее значительными его преемниками в этом отношении – Г.Штейнталь. В.Вундт, Э.Гуссерль, Б.Кроче, К.Фосслер, Э.Кассирер, в России – А.А.Потебня и Г.Г.Шпет (все они неоднократно упоминаются в МФЯ). Философской основой этого направления являлось классическое и новое кантианство[2].

Название МФЯ, за вычетом «марксизма», непосредственно соотносится с трудами Ф. фон Гумбольдта (Die sprachphilosophischen Werke, hrsg von H.Steinthal. Bd. 1 – 2. Berlin, 1883 – 1884), А.Марти (Unterschungen zur

[1] См.: Чнкобава А.С. Проблема языка как предмета языкознания: на материале зарубежного языкознания. М., 1959. С. 15, 29, 30.

[2] См.: Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975. С. 319; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 123 – 124, 330.

Grundlegung allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle, 1908), Э.Кассирера (Philosophie der symbolischen Formen. Teil I: Die Sprache, Berlin, 1923), К.Фосслера (Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie. München, 1923; Philosophie der Sprache, 1926).

Предметом внимания МФЯ является не столько языка, сколько языковая природа человеческого общения – ее коммуникативные, социологические, психологические, эстетические и иные аспекты. Соответственно в книге разграничиваются понятия «философия языка» и «лингвистика», начиная с первой страницы исследования; постоянно употребляется термин «философско-лингвистический»; порой прямо говорится о философском характере рассматриваемых проблем: «…проблемы философии языка приобретают необычайную остроту и принципиальность. Можно сказать, что современная буржуазная философия начинает развиваться *под знаком слова*…»; «Вторая часть (МФЯ. – *Н.В.*) пытается разрешить основную проблему философии языка, проблему *реальной данности языковых явлений*»; «Основная идея всей нашей работы – *продуктивная роль и социальная природа высказывания*…» (Введение); «Проблема внутренней речи, как и все разбираемые в этой главе проблемы, – философская проблема. Она лежит на стыке психологии и проблем наук об идеологиях» (Ч. 1, гл. III); «Мы ограничимся здесь лишь общим анализом основных магистралей философской и лингвистической мысли нового времени» (Ч. II, гл. I). Широко используется и философский терминологический аппарат: *идеология, идеологический знак, сознание, внутренний знак, базис, надстройка, механистическая каузальность, общественная психология, социальное общение, диалектика знака, психика, функциональная психология, антнпсихологнзм* (перечисляем лишь ключевые понятия I части – см. «Оглавление»).

По этим причинам полноценный проблемно-содержательный комментарий МФЯ требует объединенных усилий представителей по меньшей мере четырех наук – философии, языкознания, психологии и литературоведения[1].

К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ В.Н.ВОЛОШИНОВА

[1] Определенные шаги в данном направлении уже сделаны: Махлин В.Л. Комментарий // Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М., 1993. С.176 – 189; Алпатов В.М. Книга «Марксизм и философия языка» и история языкознания // Вопр. языкознания. 1995. № 5. С. 108 – 126; Он же. [Рец.] Бахтин под маской. Маска третья: В.Н.Волошннов. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993 // ДКХ. 1995. № 3. С. 80 – 90.

И ТЕКСТОЛОГИИ КНИГИ «МАРКСИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА»*

Книга «Марксизм и философия языка» (далее МФЯ) вызывает много споров в отношении ее методологии, творческой истории и авторства.

Высказывались, в частности, соображения, со ссылками на самого М.М.Бахтина, что марксистские пассажи книги были навеяны конъюнктурными обстоятельствами и это являлось одной из причин, по которой ученый отказался от своего авторства (или соавторства)[1]. Между тем вышедшая под именем М.М.Бахтина книга «Проблемы творчества Достоевского» (1929 г.) не содержит насильственных ссылок на марксистскую методологию. Следовательно, обращение авторов МФЯ к марксизму вряд ли можно объяснить только необходимостью в получении карт-бланша для публикации исследования. Марксизм завоевывал в тот момент все новые научные рубежи, но не являлся еще догматически господствующим в советской науке[2]. Характерно в этом плане пози-ционирование таких направлений в лингвистике, как «марксистское» и «яфетическое», до конца 1920-х гг. развивавшихся параллельным курсом. В такой же степени неоднозначна корреляция между марризмом, постепенно усиливающим свои позиции в советской лингвистике, и оригинальной концепцией авторов МФЯ. По мнению В.М.Алпатова, ссылки на труды Н.Я.Марра играют в книге несущественную роль[3]. Более органичными, закономерными в цикле волошиновских *трудов и дней* 1920-х гг. они представляются нам[4]. Относительно авторства МФЯ споры тоже не утихают; но их общая тональность за последние полтора десятилетия заметно изменилась: если раньше большинство исследователей безоговорочно приписывали текст книги М.М.Бахтину, рассматривая В.Н.Волошинова-филолога как мифологиче-

---

* Васильев Н.Л. К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник: Статьи и воспоминания. Вып. 11: По материалам Двенадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2005 г.). СПб., 2006. С. 71 – 84.

[1] См., напр.: «…неужели Вы думаете, что я мог бы поставить свое имя на книге с названием "Марксизм и философия языка"?» (Иванов В.В. Голубой зверь: (Воспоминания). [Окончание] // Звезда. 1995. № 3. С. 176. Ср. также: «– Видите ли, я считал, что могу это сделать для своих друзей, а мне это ничего не стоило, я ведь думал, что напишу еще свои книги, и без этих неприятных добавлений (тут он кивнул с гримасой на заголовок <книги МФЯ>) // Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 71.

[2] См. об этом, напр.: Языковед [Лоя Я.В.]. Основные направления в языковедении // На лит. посту. 1929. № 20. С. 55 – 57.

[3] См.: Алпатов В.М. Лингвистическое содержание книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 527 – 528; Он же. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 56 – 61.

[4] См.: Ляхтеэнмяки М., Васильев Н.Л. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я.Марра в работах В.Н.Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. 2005. № 1. P. 71 – 94.

скую или анекдотическую фигуру, то теперь, наоборот, большинство специалистов, касающихся этой непростой проблемы, предпочитают говорить, по крайней мере, о соавторстве двух ученых или вообще исключать имя М.М.Бахтина из формального описания и анализа данного труда, оставляя его в подтексте[1].

В данной работе мы коснемся новых аспектов указанной проблемы, ставя следующие задачи: во-первых, проанализировать научный фон, подпитывавший В.Н.Волошинова в годы его аспирантской учебы и научной деятельности в ЛГУ, особенно в стенах Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ); во-вторых, сравнить оба издания МФЯ (1929; 1930) – с целью выявления реакции ученого на изменения в научной парадигме, произошедшие со времени выхода книги в свет, т. е. с января 1929 г.[2] по неизвестный нам временной рубеж, когда доработанная автором и заново отредактированная в издательстве рукопись была сдана в набор для переиздания[3].

Как показывает анализ документов, излагающих требования к философской и специальной подготовке научных кадров в СССР[4], многое во внешнем теоретическом слое МФЯ идет от рекомендаций Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), касающихся и аспирантов ИЛЯЗВа.

В.Н.Волошинов был переведен из числа сверхштатных сотрудников II разряда указанного института в «сверхштатные аспиранты» в ноябре 1926 г. и в декабре выдержал вступительные «испытания»; спустя год он был переоформлен в штатные аспиранты, а закончил аспирантуру в июне 1929 г. – с предоставлением ему, однако, еще трех месяцев, вследствие незавершенности «уч. плана», возможно именно диссертации[5]. Поэтому, говоря об учебной и научной деятельности ученого, мы вполне можем экстраполировать требования, предъявляемые к аспирантам в РАНИОН в 1929/30 г., на несколько более ранний период. Научная работа В.Н.Волошинова в ИЛЯЗВе велась по специализации «методология литературы»,

---

[1] См.: Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С. 121 – 129; То же // Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference: Curitiba, Parana, Brasil, July, 21 – 25 / Ed. C.-A.Faraco and other. Universidade Federal do Parana, 2004. P. 744 – 751 (CD); Он же. XI Международная Бахтинская конференция (г. Куритиба. Бразилия, 21 – 25 июля 2003 г.) // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 1. С. 247 – 254.

[2] О датировке см.: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. С. 535.

[3] В выходных сведениях МФЯ (1930) какие-либо указания на этот счет отсутствуют.

[4] См.: Справочник аспиранта РАНИОН на 1929/30 год. М., 1929. Выражаем благодарность финскому коллеге М.Ляхтеэнмяки за возможность ознакомиться с данным изданием.

[5] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 11 – 13; ср.: Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1995. № 2. С. 70 – 74.

«история русской литературы», «социологическая поэтика»; его руководителями являлись литературоведы В.А.Десницкий, Г.Е.Горбачев, Н.В.Яковлев[1]; выбранной им диссертационной темой стала, скорее всего, проблематика «чужой речи» (на материале европейских литературных языков)[2]. Вероятно, была подготовлена и сама диссертация: «Проблема передачи чужой речи: Опыт социолингвистического исследования» (объемом в 10 п. л.), позже трансформировавшаяся в МФЯ, где предшествующая тема не вполне органично стала III частью книги[3]. Учитывая специализацию В.Н.Волошинова в ИЛЯЗВе как литературоведа, это выглядит несколько противоречиво; но в 1920-х гг. подобное явление не представлялось необычным, вследствие еще нечеткой дифференциации наук и определенного синкретизма филологии, философии, социологии, психологии; более того, в стенах института совмещение литературоведения и языкознания только приветствовалось[4]. Одновременно В.Н.Волошинов, как и многие его коллеги, работал в других организациях, в частности преподавал в Художественно-промышленном техникуме при Академии художеств, читая курсы «Исторический материализм», «История материальной культуры» и «История русской литературы»[5]. Его основной научный руководитель – В.А.Десницкий, члены «коллегии по учету акад. раб. и успев.» (Н.С.Державин, Л.П.Якубинский, А.А.Бескина»), характеризовали В.Н.Волошинова в качестве «вполне подготовленного марксиста-исследователя», «с правильной марксистской медологической линией, с широким кругозором и знаниями (не только в области узко литературы, но и лингвистики)», «с хорошо выработанной техникой научной работы», в работах которого веет «дух наших марксистских исканий»[6]. Итак, можно сделать вывод, что В.Н.Волошинов вполне органично смотрелся в научной среде Ленинграда, все более ориентирующейся на марксизм.

Согласно требованиям к кандидатам в аспиранты, они должны были «представить в Отдел Подготовки аспирантов РАНИОН <…> следующие материалы: а) Заявление <…>; б) рекомендацию с приложением всех ма-

---

[1] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 13; Личное дело В.Н.Волошинова. С. 72 – 73, 75 – 77.

[2] См.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.); London, 1984. P. 111; Личное дело В.Н.Волошинова. С. 79 – 80.

[3] См.: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка». С. 582 – 583; Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. С. 167 – 168.

[4] См.: Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Институт речевой культуры и советское языкознание 20 – 30 годов [1971] / Публ. Л.В.Бондарко // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб, 1999. С. 207.

[5] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 12; Личное дело В.Н.Волошинова. С. 72, 75, 77 – 78.

[6] Личное дело В.Н.Волошинова. С. 73 – 74, 76, 78. О том, что для самого В.Н.Волошинова это не было маской, свидетельствуют отзывы о нем близко знавших его людей – Н.А.Волошиновой, А.И.Цветаевой.

териалов отборочной комиссии при ВУЗ'е, если соискатель командируется отборочной комиссией; в) вступительную письменную работу; г) анкету, заполненную по установленному образцу; д) автобиографию с подробными указаниями стажа научной и педагогической деятельности, практической работы, социального происхождения; е) копии дипломов, свидетельств и т. п. об окончании того или иного учебного заведения; ж) отзывы от научных учреждений, отдельных научных деятелей и профессоров об академической подготовленности кандидата в аспиранты (если такие имеются); з) печатные работы (если такие имеются); и) копии воинских документов; к) заключение соответствующих врачебных учреждений (районных амбулаторий, больниц и т. п.) о состоянии здоровья» (с. 4). Далее сообщалось: «V. Поданные заявления и материалы рассматриваются Мандатной Комиссией при Президиуме РАНИОН, постановлением которой соискатель допускается к конкурсу»; «VI. Вступительные работы соискателей должны отвечать следующим требованиям: тема вступительной работы должна соответствовать избираемой специальности. Работа должна свидетельствовать о достаточных навыках кандидата к самостоятельному научному исследованию, об обстоятельном знакомстве с литературой вопроса, умелом использовании источников и критическом отношении к привлекаемому в работе материалу»; «VII. В случае признания работы удовлетворительной кандидат допускается к устному коллоквиуму **по теоретической экономии, историческому и диалектическому материализму** (здесь и далее выделено нами. – *Н.В.*)»; «VIII. Приемной Комиссии предоставляется право повергать [!] поступающих в аспиранты коллоквиуму по специальности в установленных пределах»; «IX. При удовлеворительной сдаче коллоквиума преимуществом при зачислении пользуются лица пролетарского и крестьянского происхождения»; «X. Кандидаты, зачисленные Президиумом Ассоциации в штатные аспиранты, удовлетворяются стипендией в установленном размере, а также по мере фактической возможности общежитием. <…>» (с. 4 – 5).

Указанный документ содержит подробную «Программу коллоквиума по теоретической экономии и историческому материализму и списки литературы, знакомство с которой обязательно для поступающих во все институты РАНИОН» (с. 7 – 9), откуда видно, что именно должен был изучить В.Н.Волошинов как аспирант ИЛЯЗВа, тем более вводимый руководством института в выборные научные органы[1]. Приведем в качестве иллюстрации «Программу по историческому и диалектическому материализму»: «…материализм и идеализм; основные положения диалектического материализма (диалектика природы в обществе, диалектический

[1] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 12 – 13; Личное дело В.Н.Волошинова. С. 73, 74, 76.

метод); французский материализм XVIII века; диалектический идеализм Гегеля; Л.Фейербах; диалектика во взаимоотношениях природы и общества; производительные силы и учение о базисе и надстройках; учение об общественных классах, их существе, их развитии и классовой борьбе; учение об экономических формациях и динамике общественного развития; теория социальной революции и классовой диктатуры; учение о государстве; общественное сознание и развитие отдельных форм идеологии; роль личности в истории; закономерность и теология; ленинизм и марксизм» (с. 8 – 9). К ней прилагался список литературы, включавший в себя сочинения Ф.Энгельса, Г.В.Плеханова, В.И.Ленина, Н.И.Бухарина, И.В.Сталина и др. (с. 9).

При этом для аспирантов, поступавших в ИЛЯЗВ, предусматривалось знакомство с дополнительной литературой общеметодологического и специального характера, например: «I. Общая часть: а) для литературоведов: 1. Плеханов. Собр. соч., тт. V, VI, X, XIV и XXIV. <…> 4. "Введение в изучение искусства и литературы", под редакцией В.Десницкого. б) Для языковедов: 1. Марр Н. Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке. Баку, 1928. 2. Марр Н. По этапам развития яфетической теории. 1926. 3. Шор Р. Язык и общество, изд. 2-е. 4. Кудрявский. Введение в языковедение. II. Дополнительно в зависимости от специальности: а) По русской литературе: 1. Г.Плеханов. История русской общественной мысли, тт. I, II, III и материалы (соч., тт. XX, XXI, XXII, XXIII). <…> Горбачев. Современная русская литература. 1928 г. б) По русскому языку: <…> 4. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 2 или 3. <…>» (с. 17 – 18). Итак, мы видим, что упоминаемые в МФЯ авторы (Г.В.Плеханов, Н.Я.Марр, Р.О.Шор, А.М.Пешковский) входили в указанную программу и, следовательно, знакомство с их трудами, вероятней всего, шло именно от В.Н.Волошинова, а не М.М.Бахтина.

В справочнике имеется и «План подготовки аспирантов в научно-исследовательских институтах РАНИОНА», включающий следующие немаловажные пункты: 1. Институты ставят своей задачей подготовку преподавателей высших учебных заведений и научных работников в области **общественных наук**. 2. Срок подготовки аспирантов – трехлетний. 3. При вступлении в Институт аспирант зачисляется в одну из секций Ин-та, соответственно избранной им специальности. 4. Подготовка аспирантов протекает по утвержденным Президиумом РАНИОН трехгодичным планам. Последние предусматривают **семинарскую проработку общеобязательных для всех аспирантов дисциплин: истмат или диамат** <…> и **методология специальности; семинарскую и индивидуальную подготовку в области избранной специальности; изучение смежных со специальностью дисциплин**; изучение иностранных языков и обязательную педагогическую практику <…>. 5. За время пребывания в Ин-те аспирант

должен изучить не менее двух иностранных языков (немецкий, французский, английский) в объеме, необходимом для свободного чтения научной литературы по специальности. <…>. 5. Со второго года пребывания в Инте каждый аспирант проходит обязательную педпрактику в ВУЗ'ах и представляет подробную учебную программу занятий (курса, семинара) по своей специальности. 7. С III года аспирант приступает к самостоятельной работе над диссертацией. По окончании подготовки аспирант представляет диссертацию и защищает ее в открытом заседании Совета Института» (с. 24).

Документ фиксирует «Перечень работ, необходимых для выполнения каждым аспирантом в зависимости от специальности (кроме изучения языков, педпрактики, программы курса, работы над диссертацией и защиты ее)». В отношении ИЛЯЗВа здесь намечена следующая программа: «А. ПО СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ. 1. Методологическая подготовка: а) Диалектический материализм. 1 год. Семинарий. Представлен<ние> доклада[1]. б) Методология литературы 1 год. <То же>. в) Знакомство с основной литературой по специальности. 1 – 2 года. Самостоятельная проработка, консультация с руководителем. Представлен<ие> доклада по одной из проблем методологии и теории литературы. 2. Подготовка по специальности: а) Работа по основным вопросам избранной специальности (конкретные темы вопросов устанавливаются секцией и утверждаются Коллегией). 2 – 3 год. Семинарий, проработка литературы, участие в экспедициях. Групповая проработка. (Прораб. предусматривается по одному из указ. способов для каждой темы в отдельности). Представлен<ие> доклад<а>. б) Работа по смежным дисциплинам (**для литературоведов по языку**[2]). 2 год. Прораб<отка> л-ры, консультация с руководителем. Коллоквиум. в) Работа по подсобным дисциплинам (филолог. анализ памятника, критика текста, палеография). 1 год. Лаборатория, семинарий, экспедиция. Отзыв руководителя. г) Участие в выполнении произв. плана одного из кабинетов[3] и комиссии по соглашению[4]. 1 – 3 год. [во второй графе пропуск]. Представлен. отчета по форме, установлен. для всех работников Ин-та и отзыв заведующ. Б. ПО СЕКЦИИ ЯЗЫКА: 1. Методологическая подготовка: а) Диалектический материализм. 1 год. Семинарий. Представлен. доклада. б) Общее языковедение. 1. **Палеонтология речи**. 1 год. <Семинарий>. То же <Представлен.

[1] Здесь и далее последовательно указываются подпункты «Год подготовки», «Способ проработки», «Способ учета работы», в самом документе представленные в виде таблицы. Сохраняем орфографию подлинника.

[2] Последнее обстоятельство тоже поясняет, почему В.Н.Волошинов, будучи аспирантом-литературоведом, занимался в ИЛЯЗВе еще и лингвистикой.

[3] В структуре ИЛЯЗВа имелись, в частности, «кабинеты» фонетики, романо-германских, славянских и восточных языков. См.: Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Указ. соч. С. 207.

[4] Об этом нам ничего не известно.

доклада>. 2. Ознакомление с основн. работ<ами> **по общему языкознанию**. 2 год. Прораб. литературы, консультац. с руковод., самост. прораб. темы. Представлен. доклада по одной из проблем общ. языкознания. 2. П о д г о т о в к а п о с п е ц и а л ь н о с т и : а) Основн. язык с его палеонт., срав. грамм., диалектол. и истор. 2 год. а) Семинарий; б) Практ. занятия по собир. матер. в язык. среде избран. языка; в) Проработка литературы. Представлен. доклада и отчета по специальн. выраб. схеме. б) Дополн. язык (иной системы <,> чем основной язык) с палеонтолог., ср. грамм. истор. и диалектологией. 2 – 3 год. То же. Коллоквиум. в) Смежные дисциплины: 1. История матер. культуры и фольклор (для специализирующихся по общ. языковед.). То же. Прораб. основн. научн. литературы, ознакомление с памятниками. Представл. критич. обзора прораб. материалов. 2. Литер., соотв. основн. языку и фольклор для спец. по отдельн. языкам. То же. То же. То же. <3>. Систематическ. участие в выполнении произвед. плана одного из кабинетов или лаборатории Института. 1 – 3 год. [пропуск]. Представл. отчета, установлен. для всех работник. лаборатории или кабинета. Отзыв руковод.» (с. 31 – 33).

Итак, можно сделать вывод, что карьера В.Н.Волошинова-ученого была следствием серьезной, продуманной, целенаправленной стратегии. Обучение в аспирантуре, несмотря на некоторые привилегии, требовало от аспирантов большой самоотдачи и установки на то, что их дальнейшая жизнь будет связана с научно-педагогической деятельностью. Это тоже свидетельствует, что В.Н.Волошинов не был «поручиком Киже» в научном мире Ленинграда, а наоборот, являясь ярким выпускником этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук, в 1924 г. преобразованного в факультет языка и материальной культуры, прошел с 1922 по 1929 г. серьезную научную школу в наиболее авторитетной академической среде России (СССР). Естественно, что подобной подготовки не было у М.М.Бахтина. Все перечисленное не только отражает становление В.Н.Волошинова как ученого и педагога в ИЛЯЗВЕ, но и объективирует существенные методологические грани его книги, комментировавшиеся ранее лишь в качестве «конъюнктурных», «позднейших», «вынужденных» добавок к МФЯ, хотя они репрезентируют исследователя как выученика советской высшей школы.

Второе издание МФЯ вышло не ранее, чем через год, но именно в нач. 1929 г. в СССР произошли существенные изменения в диспозиции лингвистических сил: после известной дискуссии о марризме, вызванной его критикой Е.Д.Поливановым, положение яфетидологии заметно укрепилось, а ее связь с марксизмом была признана как самим Н.Я.Марром, так и

сторонниками ученого среди обществоведов, историков и лингвистов[1]. В создавшейся обстановке, тем более в условиях готовящейся в недрах Яфетического института в Ленинграде критической кампании против МФЯ[2], о чем титульный автор книги, тесно контактировавший с марристами, не мог не знать, естественно было бы ожидать от В.Н.Волошинова каких-то правок хотя бы во вводной части исследования, например большего уклона в сторону диалога с яфетидологией или смягчения отдельных формулировок, вызвавших вскоре резкую реакцию промарровского окружения. Однако В.Н.Волошинов оставил прежними все методологические пуанты своей лингвофилософской концепции, довольствуясь лишь небольшими, второстепенными корректировками текста. Несомненно, что сторонникам бахтинского авторства МФЯ хотелось бы объяснить это тем, что находившийся с конца 1928 г. под следствием, а в марте 1930 г. отправленный в ссылку М.М.Бахтин был не в состоянии что-либо отредактировать[3]; но мы склоняемся к тому, что последнее более соответствовало интересам самого В.Н.Волошинова, в отличие от своего друга, непосредственно связанного с научной инфраструктурой Ленинграда. Можно лишь предположить, что исследователь отказался от принципиальных изменений в МФЯ, либо находясь на гребне эйфории от внешнего успеха книги, сопровождавшегося сначала благожелательными рецензиями и отзывами[4], либо не пожелав считаться с конъюнктурными обстоятельствами, в частности усилением марризма и активизировавшейся борьбой с «индоевропеистами», что, несомненно, делает ему честь.

Перейдем к сопоставительному анализу двух изданий МФЯ[5]. Когда было подписано в печать первое издание (далее МФЯ-1), тоже не известно, но в выходных сведениях книги указано: «Печатается по постановлению Коллегии Научно-Исслед. Ин-та сравнит. ист. литератур и языков Запада и Востока. – Декабрь 1928 г. Ленинград. Ученый Секретарь Н.Яковлев. Ленинградский Областлит. № 20349. 11 ¾ л. Тираж 2000». Обозначена и цена книги – 2 р. 20 к. Второе издание (далее МФЯ-2) имело следующие выходные сведения: «Ленинградский Областлит. № 65917

[1] См., в частности: Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд. М., 2004. С. 84 – 94.

[2] См.: Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 42.

[3] Заметим, впрочем, что в том же 1929 г. М.М.Бахтин, имея возможность спорадически трудиться, напечатал три больших работы под своим именем.

[4] См.: Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников. С. 38 – 42.

[5] Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке [РАНИОН: Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока: Вопросы методологии и теории языка и литературы: Сб. и монографии]. Л.: Прибой, 1929. 188 с.; То же. 2-е изд. Л.: Прибой, 1930. 157 с.

<…> 10 л. Тираж 3000». Цена не указывалась. Формат МФЯ-2 больше за счет ширины страницы; поэтому общий листаж книг соотносителен, вопреки указанию издателей (11 ¾ и 10 лл.). Скорее, даже есть основания говорить, что МФЯ-2 превзошел в текстовом объеме МФЯ-1 за счет некоторых вставок (см. ниже).

Прежде всего бросается в глаза, что В.Н.Волошинов сохранил на первой (!) странице МФЯ-2 так задевшее марристов заявление, что «единственной марксистской работой, касающейся языка», является «недавно вышедшая книжка И.Презента "Происхождение речи и мышления" <…>» – вместе с обоснованием того, почему она «языка вовсе не задевает»[1]. Отмеченная им книга И.И.Презента (1902 – 1969), позже известного в качестве методолога советской генетики, заслуживает большего внимания со стороны современных исследователей, хотя бы вследствие столь существенного упоминания о ней в МФЯ. Она не содержит указания на причастность к серии трудов ИЛЯЗВа; следовательно, ссылка на нее диктовалась не корпоративными, а скорее собственно научными соображениями. Исследование затрагивало вопросы соотношения речи и мышления, т. е. находилось в русле не столько лингвистики, сколько психологии и физиологии внутренней речи (чуть позже эту проблематику ярко разовьет Л.С.Выготский). В предисловии автор писал: «Вопрос о происхождении речи и мышления, в марксистской литературе почти не разработанный, становится однако теперь одним из центральных вопросов научной (марксистской) социологии (с. 5). О самой книге говорилось: «…являясь по существу первым опытом у г л у б л е н н о й марксистской постановки вопроса о речи и мышлении, она, несомненно, будет стимулировать дальнейшее научное творчество в этом направлении» (с. 8). И.И.Презент ссылался на работы Л.Нуаре, Ф.Энгельса, Н.И.Бухарина, А.А.Богданова, С.М.Доброгаева, Л.С.Выготского; высказал достаточно новаторские, разделяемые современной наукой положения о «наличии у животных минимальной речи и мышления, а также необязательной связанности мышления речью» (с. 122). Поэтому можно признать апеллирование В.Н.Волошинова к труду, вышедшему незадолго до МФЯ, вполне обоснованным. Не исключено, что исследователь рассчитывал занять свою нишу как марксист на лингвистическом плацдарме[2].

---

[1] См.: Презент И. Происхождение речи и мышления: (К вопросу об их приоритете) / Предисл. Б.А.Фингерта. [Л.]: Прибой, 1928. 127 с.

[2] Характерно, что другой выпускник аспирантуры ИЛЯЗВа., Я.В.Лоя, в рецензии на МФЯ писал: «В настоящее время, когда почти исполнилось десятилетие со дня смерти (1920 г.) первого русского языковеда-марксиста, проф. Д.Н.Кудрявского, начинают все чаще появляться м а р к с и с т с к и е работы о языке. Марксистом является И.И.Презент, написавший "Происхождение речи и мышления" ("Прибой", 1928). Марксистом и языковедом является автор настоящих строк. Наконец, к марксистскому же направлению принадлежит и автор рецензируемой работы…» (На лит. посту. 1929. № 8. С. 72).

Было отредактировано оглавление МФЯ-2, в частности приведено в соответствие с параллельной внутренней рубрикацией книги: «Значение **проблемы** философии языка для марксизма» – вместо прежнего «Значение проблем…» (ч. 1); «Слово как идеологический знак **par excellence** (выделенные слова ранее отсутствовали. – *Н.В.*)» (ч. 1, гл. 1). Название одного из подразделов книги было исправлено и в оглавлении, и в основном тексте: «**Особенность** внутреннего знака» – вместо прежнего «Особенности…» (ч. 1, гл. 3). Это коснулось и пунктуации: «Высказывание, как целое, и его формы» – вместо прежнего «Высказывание как целое…» (ч. 2, гл. 3); а также орфографии: «eigentümliche **Mischung direkter** und Indirekter Rede» – вместо ранее слитного написания: *Mischungdirekter* (ч. 3, гл. 4).

Произошли архитектонические преобразования: три структурные части МФЯ-2 стали начинаться не с отдельных страниц, а на тех же, где и соответствующие им первые главы, которым, в свою очередь, тоже пришлось потесниться, т. е. последующие главы начинались также не с отдельных страниц. В некоторых случаях исчезли отступы (отбивки) между фрагментами текста, помогающие читателю следить за развитием мысли (ср., напр., с. 38, 33; 46, 40; 71, 60; 77, 65, 142, 119; 169, 141; 177, 148)[1]. И, наоборот, в результате редактуры в одном случае появилась новая отбивка (с. 179, 141). Вследствие уменьшения числа страниц, изменилась пагинация и система сносок.

Была исправлена орфография иноязычных имен, названий, цитат, например: *Aestetik des reinen Gefühis* – вместо прежнего ***Äestetik*** *des reinen Gefuhis* (с. 37, 31); *K. Vossler* – вместо *K. Vosler* (с. 177, 147). Это коснулось и соответствующих русских лексем: *Фосслер* – вместо прежнего *Фослер, фосслерианцы* – вместо *фослерианцы* (с. 169, 141; 180, 150). Фамилии Кассирера (E.Cassirer), Соссюра (F. de Saussure) тоже стали писаться в современном виде, тогда как в МФЯ-1 – *Касирер, Сосюр* (с. 71, 60; 72, 61 и т. д.). Имя *Бодуэн-да-Куртенэ* преобразовалось в *Бодуэн-де-Куртенэ* (с. 72, 61). Однако сохранилось неправильное написание имени Г.Шпета, напр.: «Недавно вышла очень острая и интересная книга Г.Шпетта "Внутренняя форма слова <…>"» (с. 60, 50; 61, 51).

Появился дефис в составном термине: «Индивидуальный акт **говорения-высказывания**…» – вместо прежнего тире (с. 75, 63). Краткое причастие с отрицанием стало писаться раздельно: «Язык в процессе его практического осуществления **не отделим** от своего идеологического или жизненного наполнения» (84, 72). Исчезли апострофы в словах, где требовалась изъятая после реформы правописания 1918 г. из типографий, а по-

[1] В скобках, через запятую, мы указываем сначала страницу МФЯ-1, затем МФЯ-2.

том восстановленная в своих правах литера Ъ, напр.: *субъективный* (с. 60, 50), *объединенный* (с. 60, 50), *объективизм* (с. 71, 60).

Была изменена пунктуация в отдельных предложениях, напр.: «И здесь нужна совершенно особая, не обусловленная целями говорящего сознания установка…» – ранее перед словом *установка* была запятая (с. 84, 72); «Явление несобственной прямой речи, как особой формы передачи чужого высказывания, рядом с прямой и косвенной речью, было впервые указано Tobler'ом…» – ранее запятая после слова *высказывания* отсутствовала (с. 167, 139); «Мы воспринимаем, как эти чужие оценки перебивают авторские акценты» – ранее запятой в предложении не было (с. 183, 153). В другом случае появилась ненужная, по современным нормам, запятая после слова, открывающего вводную конструкцию: «О некоторых лингвистах и философах языка <…>, например, об Отто Детрихе и Антоне Марти, нам придется упомянуть в дальнейшем…» (с. 77, 65). Здесь же словоформа *упомянуть* заменила прежнюю *упоминать*.

Появился дополнительный курсив в следующих фразах: «Поэтому, *с точки зрения содержания, между психикой и идеологией нет принципиальной границы, есть лишь различие в степенях*…» (с. 43, 37); «Следовательно, *не слово является выражением внутренней личности, а внутренняя личность есть выраженное или загнанное во внутрь слово*» (с. 181, 151)[1].

Были исправлены фактические ошибки, связанные с неверным представлением В.Н.Волошинова о личности автора лингвистических работ, выходивших под именем Розалии Осиповны Шор (1894 – 1939): «На русском языке краткий, но основательный очерк современного положения лингвистики и философии языка дан С[?].Шором в статье: "Кризис современной лингвистики" <…>» (с. 58, 48); «В духе "Женевской школы" поставлена работа Р.Шора: "Язык и общество" <…>» (с. 71, 60); «Краткое изложение воззрений Сосюра можно найти в указанной статье Шора…» (с. 72, 61); «Московский лингвист Р.Шор, примыкающий…» (с. 117, 100) и др.[2] Соответственно в МФЯ-2 стало: «…дан Р.Шор»; «Московская лингвистка Р.Шор…» и т. д. Это противоречие между серьезной языковедческой подготовкой В.Н.Волошинова в ЛГУ, ИЛЯЗВе и почти анекдотическим незнанием им гендерного признака известного в то время специалиста в области теории языка, действительно, настораживает, как и некоторые детали первоначального «Плана и некоторых руководящих мыслей» МФЯ[3].

---

[1] О курсиве и разрядке как средствах акцентуации научного дискурса М.М.Бахтина и В.Н.Волошинова см.: Васильев Н.Л. Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 71 – 80.

[2] На данную ошибку В.Н.Волошинова указал в своей рецензии Я.В.Лоя (С. 73).

[3] Личное дело В.Н.Волошинова. С. 81 – 99. См. об этом, в частности: Алпатов В.М. Кружок М.М.Бахтина и проблемы лингвистики // ДКХ. 2000. № 2. С. 12 – 12.

Вместе с тем следует учитывать, что Р.О.Шор жила в те годы в Москве, представление о *женщине в науке* еще только формировалось; никто из лингвистического окружения В.Н.Волошинова в ИЛЯЗВе своевременно тоже не обратил внимания на эту нелепую ошибку. Нельзя исключать и того, что к «изменению пола» Р.О.Шор приложил в последний момент руку неизвестный оператор-редактор ЛенОТГИЗа.

Наиболее существенными изменениями в МФЯ-2 явились следующие дополнения. В примечании к анализу концепции младограмматизма в книге появилась вставка (она выделена нами): «Основными работами младограмматического направления являются: *Osthoff*, “Das physiologische und psyhologische Momentin der sprashlichen Formenbildung” (Berlin, 1879); ***Brugmann* und *Delbrück*. “Gründriss der verglichenden Grammatik der indogermanishen Sprachen (пять томов, I-ое изд. первого тома – 1886 г.)**. Программа младограмматиков изложена в предисловии к книге O s t h o f f und B r u g m a n n, “Morphologische Untersuchungen”, I Lpz. 1878» (с. 76; 65). Говоря о необходимости анализа категории «чужой речи», исследователь дополнительно сослался на новое издание книги А.М.Пешковского: «В синтаксисе Пешковского, например, этому явлению посвящено всего 4 страницы. См. А.М.Пешковский, "Русский синтаксис в научном освещении", изд. 2-е. М., 1920, стр. 465 – 468 **(3-е изд. 1928, стр. 552 – 555)**» (с. 135, 113)[1]. Соответственно, в последующей цитате из той же книги исследователь исправил прежнее отсылочное указание («…изд. 2-ое, стр. 466») на новое: «изд. 3-е, стр. 554» (с. 149, 124). Это показывает, что в условиях возрастающего диктата марризма (с его неприятием индоевропеизма и вообще «буржуазной» науки) В.Н.Волошинов продемонстрировал хладнокровное внимание к трудам их невольных оппонентов.

В.Н.Волошинов уточнил и страницы работ, к которым он отсылает читателей, например: «О возможности выпадения из социального контекста группы сексуальных переживаний человека и связанной с этим утраты словесной осознанности см. нашу книгу "Фрейдизм", Гиз, 1927, стр. 135 – 136» – ранее им указывались с. 136 – 137 (с. 104, 89). Рассуждая о реплике как элементе диалогической речи («И подготовка реплики – *внутреннее реплицирование* и реальное *комментирование* <…>»), исследователь пишет в примечании: «Термин [*комментирование*] заимствован у Л.П.Якубинского. – см. названную статью», – но на этот раз не указывает конкретную страницу последней» (с. 140, 117).

---

[1] Основанием для этого было то, что А.М.Пешковский серьезно переработал свой труд, отмечая в предисловии к ее переизданию 1928 г.: «Отличия данного издания от предыдущего, собственно говоря, далеко превосходят то, что принято называть переработкой. Достаточно сказать, что около пяти шестых текста написано заново…» (цит. по: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 9).

В ряде случаев при переиздании книги были допущены искажения предшествующего текста, например: «**Результатом** [в МФЯ-1 – *Результаты*] самонаблюдения в процессе самоуяснения непременно должны быть выражены во-вне или во всяком случае приближены к стадии внешнего выражения» (с. 47, 40); «На этой почве получают **равитие** [в МФЯ-1 – *развитие*] философские и религиозные системы непротивленческого и фаталистического типа…» (с. 105, 90); «О роли рассказчика в **эпохе** [в МФЯ-1 – *эпосе*] существует довольно большая литература» (с. 143, 120). В иллюстрации примеров «несобственной прямой речи во французском языке», ранее начинавшейся со слов «1) Il protesta: “son père la haïssait!”», при переиздании книги лексема *père* исчезла, сохранившись, однако, в иных трансформациях той же фразы в указанном контексте (с. 166, 138). Ранее правильно построенная фраза («Он [Тоблер] определил это явление как "своеобразное смешение прямой и косвенной речи"…») изменилась в следующую: «Он определил, **что** явление, как "своеобразное смешение прямой и косвенной речи"…» (с. 167, 139).

Было исправлено на множественное число грамматическое согласование сказуемых с местоимением *кто* в следующем контексте: «Те, кто игнорируют тему, доступную лишь активному отвечающему пониманию, и пытаются в определении значения слова приблизиться к нижнему, устойчивому, себетождественному пределу его, – фактически хотят, выключив ток, зажечь электрическую лампочку» (с. 123, 105). Встретилась одна техническая ошибка: в примере «II. ich was – ich war» текст после римской цифры «уполз» вниз, на отдельную строку (с. 68, 57).

Таким образом, можно сделать следующие главные выводы: а) некоторые общеметодологические постулаты, суждения, ссылки в МФЯ проистекали из принадлежности В.Н.Волошинова к поколению молодых советских ученых, воспитывавшихся в особых идеологических условиях; б) изменения в МФЯ-2 коснулись главным образом формальных и в гораздо меньшей степени содержательных сторон книги; в) вместе с тем, при публикации книги необходимо учитывать и ее второе издание.

К РЕКОНСТРУКЦИИ КНИГИ В.Н.ВОЛОШИНОВА «ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ» (1925 – 1927 гг.)*

* См.: Васильев Н.Л. К биографии В.Н.Волошинова как сотрудника ИЛЯЗВа (разработка «социологической поэтики») // Невельский сборник: Статьи, письма, воспоминания. Вып. 15. СПб., 2009. С. 60 – 69; Он же. К реконструкции книги В.Н.Волошинова «Опыт социологической поэтики» (1925 – 1927 гг.) / Per una riconstruzione del libro di V.N.Vološinov *Opyt Sociologičeskoj Poetiki* (1925 – 1927) // The XIV Bakhtin Conference – Бахтинская конференция. 2011: Programme. [Bologna: Università di Bologna, 2011]. P. 19 – 20.

В 1924 г. В.Н.Волошинов успешно закончил этнолого-лингвистическое (с романо-германской специализацией) отделение факультета общественных наук (языка и материальной культуры) Петроградского (Ленинградского) государственного университета[1]. Его связи с alma mater, однако, не прерывались, поскольку в начале 1925 г. он становится «сверхштатным сотрудником» II разряда Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при университете, а в ноябре 1926 г., в связи с упразднением должности сотрудников II разряда, переводится в «сверхштатные аспиранты» указанного научного заведения, являвшегося в тот момент центром филологических исследований в Ленинграде.

Аспирантский период научной деятельности В.Н.Волошинова изучен относительно неплохо, отчасти благодаря опубликованным в последние годы документам ИЛЯЗВа и Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН)[2]. Менее известно о работе молодого ученого в качестве научного сотрудника ИЛЯЗВа в 1925 – 1926 гг. Косвенно о ней можно судить лишь по отдельным публикациям ученого в этот период[3].

Обнаруженные недавно новые материалы, касающиеся исследовательских интересов В.Н.Волошинова, реализовывавшихся в стенах ИЛЯЗВа[4], позволяют существенно дополнить представление о том, чем именно занимался ученый в это время и как соотносилась его научная работа с творческой деятельностью «бахтинского круга» в целом[5]. Речь идет о представленном В.Н.Волошиновым в качестве отчета за 1925/26 год двухстраничном проспекте монографии **«Опыт социологической поэтики. I: Социология формы»**[6]. Объем этого документа незначителен; тем поразительнее богатство его содержательной стороны, дающей новую пищу для размышления об идеях, обсуждавшихся представителями «бахтинского круга».

---

[1] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 8 – 10; Он же. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 530.

[2] См., в частности: Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1995. № 2. С. 70 – 99; Васильев Н.Л. К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник. Вып. 11. СПб., 2006. С. 71 – 84.

[3] См., напр.: Волошинов В.Н. По ту сторону социального: О фрейдизме // Звезда. 1925. № 5. С. 186 – 214.

[4] См.: Brandist C. Sociological linguistics in Leningrad: The Institute for the comparative history of the literatures and languages of the West and East (ILJAZV), 1921 – 1933 // Russian Literature. 2008. Vol. 63. № 2/4. P. 171 – 200.

[5] См. также: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики // ДКХ. 1998. № 2. С. 23 – 31.

[6] См.: Brandist C. Op. cit. P. 190 – 192.

Появление такого рода документов – из разряда сенсаций, хотя и ожидаемых, поскольку сведения о деятельности «бахтинского круга» в период его наибольшей консолидации и печатной активности (1924 – 1930 гг.) скудны и противоречивы, вследствие нюансов коллективного творчества его представителей, прежде всего М.М.Бахтина, В.Н.Волошинова, П.Н.Медведева и И.И.Канаева[1].

В наши задачи входит рассмотрение лишь некоторых аспектов этого «отчета», который, несомненно, привлечет внимание исследователей разных гуманитарных специализаций и будет предметом пристального аналитического внимания.

Книга В.Н.Волошинова должна была состоять из 10 глав: «I. Обзор современных направлений общего искусствоведения и поэтики в Западной Европе», «II. Современное состояние поэтики в СССР», «III. Слово в жизни», «IV. Анализ высказывания», «V. Слово, как социальная оценка», «VI. Отражение социального кругозора в формах языка и в структуре образа», «VII. Понятие стиля», «VIII. Социология жанра», «IX. Итоги социологического анализа формы», «X. Классовый характер формообразующих оценок».

Прежде всего обращают на себя внимание смелость и масштабность замысла В.Н.Волошинова, не просто намеревавшегося предложить читателям новую – «социологическую» – поэтику, а еще и взявшего на себя крайне ответственное бремя полемического рассмотрения предшествующей гуманитарной науки, в частности в СССР (см. ниже). Последнее, впрочем, характерно для всех основных представителей «бахтинского круга», которые в серии книг и статей 1920-х гг. новаторски пересмотрели многие влиятельные научные парадигмы (философские, психологические, литературоведческие, лингвистические)[2].

В проспекте книги прослеживается свойственный В.Н.Волошинову боевой пропагандистский терминологический инструментарий, усвоенный им за годы учебы в советской высшей школе: *методологический плюрализм, разрыв теоретических и исторических дисциплин, формалистический уклон, конкретное социально-историческое явление, социальные и исторические категории, социальный кругозор высказывания, высказывани как продукт социального взаимодействия говорящих, отражение социальных отношений между говорящими, социальное положение говоря-*

---

[1] Подробнее см.: Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С.121 – 129.

[2] См., в частности: Волошинов В.Н. Фрейдизм: Критический очерк. Л., 1927; Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928; Волошинов В.Н. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Л., 1929.

щего, социальная ориентация, социальная оценка, социологический анализ, социальная иерархия, материально-технические и социологические факторы жанра, социально-политическая архитектоника, техника формы, социологические методы анализа содержания, межклассовые и неклассовые оценки, «национальное» искусство и классовое искусство и т. п. Эти ключевые слова и словосочетания сразу же определяют методологию исследования и косвенно дают представление о его проблемном характере.

Книга, однако, издана не была; вместо нее в том же году появилась большая статья В.Н.Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии»[1], излагающая главные положения задуманного исследования. По этой статье, отчасти изоструктурной книге (7 разделов, обозначенных римскими цифрами), можно в какой-то степени реконструировать и конкретизировать творческий замысел ученого.

I глава монографии, судя по волошиновскому отчету, включала следующие разделы: «Методологический плюрализм. Разрыв теоретических и исторических дисциплин – основные недостатки этих направлений. Переоценка значения материала – формалистический уклон. Переоценка субъективного психологического момента». Она отразилась в первых двух разделах указанной статьи. Ср., например: «Социологический метод в науке о литературе применялся почти исключительно при разработке *исторических* вопросов, между тем как проблемы так называемой *теоретической поэтики* – весь круг вопросов, касающихся художественной формы, ее различных моментов, стиля и пр. – остался почти нетронутым этим методом»; «Существует ложное мнение, которого тем не менее придерживаются и некоторые марксисты, что социологический метод вступает в свои права только там, где художественная поэтическая форма <…> начинает развиваться исторически в условиях внешней социальной действительности. Самая же форма обладает своей особой, не социологической, а специфически художественной природой и закономерностью»; «Такой взгляд в корне противоречит самым основам марксистского метода: его *монизму* и его *историчности*. Разрыв между формой и содержанием, разрыв между теорией и историей – вот результат подобных воззрений»; «Наиболее ясное и последовательное развитие этой точки зрения дано недавно проф. Сакулиным[2]. Он различает в литературе и в ее истории два ряда: имманентный (внутренний) и каузальный (причинный)»; «С таким утверждением социолог-марксист, конечно, не может согласиться. Но тем не менее приходится признать, что до сих пор социология <…> не сделала

[1] Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии: К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 244 – 267.

[2] Прим. В.Н.Волошинова: «См.: Сакулин П.Н. Социологический метод в литературоведении. М., 1925».

ни одной серьезной попытки изучить с помощью своих методов так называемую имманентную структуру художественного произведения. Эта последняя фактически всецело предоставлена в ведение эстетического, психологического и иных методов, ничего общего с социологией не имеющих»; «Искусство трактуется так, как если бы оно "по природе" было в такой же степени несоциологично, как несоциологична физическая или химическая структура тела. Большинство западноевропейских и русских искусствоведов так именно и утверждают относительно литературы <…>»[1]. Отметим, что эти размышления В.Н.Волошинова, вероятно, нашли свое воплощение и в более позднее время: в нач. 1930-х гг. он фигурировал как один из авторов коллективных сборников «Классики эстетики в марксистском освещении» и «Современные западно-европейские литературно-эстетические теории», готовящихся в Государственном институте речевой культуры (ГИРК), образованном на базе ИЛЯЗВа[2].

II глава задуманной книги, с разделами «Критика психологической ориентации поэтики (Потебня и его школа). Критика лингвистической ориентации (разновидностей формального метода). Критика историко-культурного метода (эпигонов Веселовского). Критика воззрений проф. Сакулина», тоже частично экстраполировалась в указанной статье (раздел II). Приведем соответствующие рассуждения В.Н.Волошинова: «Для правильного и продуктивного применения социологического анализа в теории искусств, и в частности в поэтике, необходимо отрешиться от двух ложных воззрений <…>»; «Первое воззрение можно определить как фетишизацию художественного произведения-вещи. <…> Поле зрения исследователя ограничивается художественным произведением, которое анализируется так, как если бы им исчерпывалось всё в искусстве. *Творец* и *созерцатели* остаются вне поля рассмотрения»; «Вторая точка зрения, наоборот, ограничивается изучением психики или созерцателя (чаще же просто ставит между ними знак равенства). *Переживания созерцающего* или творящего человека для нее исчерпывают искусство»; «Разновидностью этой первой точки зрения является и так называемый формальный метод. <…> При этом слово берется им не как социологическое явление, а с отвлеченно-лингвистической точки зрения»; «В конечном счете, обе точки зрения грешат одним и тем же недостатком: они пытаются в части найти все целое <…>. Между тем "художественное" в своей целокупности находится не в вещи, и не в изолированно взятой психике творца<,> и не в психике созерцателя – "художественное" обнимает все эти три момента»; «Это *художественное общение* вырастает из общего с другими социальными формами базиса <…>. *Понять эту особую форму социального об-*

[1] Цит. по: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 59 – 60.
[2] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 14 – 15.

щения, реализованного и закрепленного в материале художественного произведения, и является задачей социологической поэтики»[1].

III глава книги (разделы «Действительное жизненное высказывание, как конкретное социально-историческое явление. Языковое явление как лингвистическая абстракция. Необходимость применения социальных и исторических категорий для понимания формальных сторон действительного высказывания. Внесловесная среда и ситуация высказывания определяют его форму и значение») нашла отражение в III разделе волошиновской статьи. Напр.: «Само слово, взятое изолированно, как чисто лингвистическое явление, конечно, не может быть ни истинным, ни ложным, ни смелым, ни робким»; «Следовательно, жизненное высказывание, как осмысленное целое, слагается из двух частей: 1) из словесно осуществленной (или актуализованной) части и 2) из подразумеваемой»[2].

Ее IV глава (разделы «Несловесная ("подразумеваемая") часть высказывания. Единый социальный кругозор высказывания. Пространственный, временной и ценностный компоненты этого кругозора. Высказывание, как продукт социального взаимодействия говорящих на основе общего кругозора. "Автор" высказывания, "соавторство" собеседника-слушателя, постановка "героя"») аккумулировалась в том же разделе статьи. Например: «Но при более широком кругозоре высказывание может опираться только на константные, устойчивые моменты жизни и на существенные, основные социальные оценки»; «Таким образом <…>, всякое *действительно произнесенное* (или осмысленно написанное), а не дремлющее в лексиконе слово *есть выражение и продукт социального взаимодействия трех: говорящего* (автора), *слушателя* (читателя) *и того, о ком* (или о чем) *говорят* (героя). Слово – социальное событие, оно не довлеет себе, как некая абстрактно-лингвистическая величина, не может быть и психологически выведено из изолированно взятого субъективного сознания говорящего»; «Ведь взаимоотношение автора и героя никогда не бывает действительно интимным взаимоотношением двоих: форма все время учитывает третьего – слушателя – который и оказывает существеннейшее влияние на все моменты произведения»; «Нет ничего пагубнее для эстетики, как игнорирование самостоятельной роли слушателя»; «Здесь нелишне еще раз подчеркнуть, что мы все время имеем в виду слушателя – как имманентного участника художественного события, изнутри определяющего форму произведения. Этот слушатель является, наравне с автором и героем, необходимым внутренним моментом произведения и отнюдь не совпадает с так называемый "публикой", находящейся вне произведения, художественные требования и вкусы которой можно сознательно учитывать»[3].

---

[1] Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 62 – 64.
[2] Там же. С. 65, 67.
[3] Там же. С. 72, 81, 83.

V глава монографии (разделы «Понятие экспрессивной интонации. Интонация и оценка. Интонационная и жестикуляционная метафоры. Вторичность семантической метафоры. Интонационная метафора и миф. Социальная атмосфера метафоры. Слово, как социальная оценка. Конденсация оценки художественно-формальной стороны высказывания») отозвалась в IV разделе статьи. Напр.: «В интонации слово непосредственно соприкасается с жизнью. <…> интонация социальна par exellence (по преимуществу)»; «В нашем же случае мы имеем дело с чрезвычайно важным явлением языкового творчества – с *интонационной метафорой* <…>»; «Следует отметить, что интонация в жизненной речи в общем гораздо метафоричнее слов, – в ней как бы жива еще древняя, мифотворческая душа»[1]. Центральное понятие, используемое в этой главе работы В.Н.Волошинова, – «социальная оценка» – позже фигурирует в его наброске «Некоторые руководящие мысли работы "Марксизм и философии языка"» (1928 г.), а также в соответствующей монографии[2].

VI глава книги (разделы «Отражение социальных отношений между говорящими в морфологии и синтаксисе примитивных языков и исключительные формы множественного числа в австралийских языках. Разные значения слов "мы", "другой" и проч. и их языковые отражения. Различные формы оптативных и императивных форм. Социальное положение говорящего и ранг слушающего определяют выбор конструкции. Образ и его социальная ориентация. Образ, как оживление и обновление социальной оценки в слове») в большей степени лингвоцентрична и наиболее отдалена от написанного В.Н.Волошиновым и другими представителями «бахтинского круга». Тем не менее ее содержание тоже отразилось в статье (раздел VI): «Первым определяющим форму моментом содержания является *ценностный ранг* изображенного события и его носителя – героя <…>, взятый в строгой корреляции к рангу творящего и созерцающего. Здесь имеет место *двустороннее отношение*, как и в правовой и политической жизни: господин – раб, владыка – подданный, товарищ – товарищ и т. д.»; «Основной тон стиля высказывания определяется, таким образом, прежде всего тем, о ком идет речь и в каком отношении он находится к говорящему: стоит ли он выше, ниже или наравне с ним на ступенях социальной иерархии», «Некоторые языки, в особенности японский, обладают богатым и разнообразным арсеналом специальных лексических и грамматических форм, которые употребляются в строгой зависимости от ранга героя высказывания (этикет в языке)»; «В некоторых языках чисто грамматические формы способны еще более гибко передавать нюансы социального взаимоотношения говорящих и различные степени их близости.

[1] Там же. С. 69 – 71.

[2] См.: Личное дело В.Н.Волошинова. С. 98; Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 324.

С этой стороны интересны формы множественного числа в некоторых языках: так называемые "включительные" и "исключительные" формы (инклюзивные и эксклюзивные). Так, если говорящий, употребляя "мы", имеет в виду и слушающего, включает и его в субъект суждения, он пользуется одной формой; если же он имеет в виду себя и другого ("мы" в смысле "я" и "он"), то он употребляет уже другую форму. Таково употребление двойственного числа в некоторых австралийских языках. Так же особые формы существуют и для тройственного числа <…>»[1].

VII глава монографии (разделы «Стиль, как совокупность словесных оценок. Социологический анализ основных мотивов стиля. Отражение социальной иерархии в ее статике и динамике – в лексике, в эпитетологии, в семантических сдвигах (метафорических, метонимических и др.). Единство стиля, как единство и выдержанность социальной оценочной позиции говорящего») соотносится с V разделом статьи. Напр.: «То общее определение стиля, которое было дано еще классической и неоклассической поэтикой, и основное разделение стиля на "высокий" и низкий" верно выдвигает именно эту активно оценивающую природу художественной формы»; «…основное требование *адекватности стиля* имеет в виду *оценочно-иерархическую адекватность формы и содержания*: они должны быть равнодостойны друг друга»; «Простой выбор эпитета или метафоры есть уже активный оценивающий акт», «Задача социологической поэтики была бы разрешена, если бы удалось объяснить каждый момент формы как активное отражение оценки в этих двух направлениях – к слушателю и к предмету высказывания – герою»; «Иногда слушатель начинает сближаться с героем высказывания. Наиболее яркое и типичное выражение этого – полемический стиль, ставящий на одну доску героя и слушателя. Сатира тоже может захватывать и слушателя <…>»; «Стиль поэта рождается из не поддающегося контролю *стиля его внутренней речи*, а эта последняя является продуктом всей его социальной жизни. "Стиль – это человек", но мы можем сказать: стиль – это, по крайней мере, два человека, точнее, – человек и его социальная группа в лице ее авторитетного представителя – слушателя – постоянного участника внутренней и внешней речи человека»[2].

VIII глава книги (разделы «Классификация жанровых форм с точки зрения постановки основных участников события творчества – автора, слушателя, героя. Материально-технические и социологические факторы жанра. Степень широты социального кругозора, определяющего жанр. Большие и малые ("камерные") жанры. Степень широты социального кругозора и их [?] отражение в структуре жанра. Архитектоника жанра и со-

[1] Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 78 – 80.
[2] Там же. С. 76, 81, 83 – 84.

циально-политическая архитектоника. Эволюция поэтического жанра с XVII по XX века. Эволюция романа в XVII и XIX в. Эволюция лирических жанров») наиболее «бахтинская», судя по некоторых из этих тем в трудах «круга»[1]; хотя, заметим, что М.М.Бахтин не связывал собственную жанровую концепцию с триадой «автор, слушатель, герой», сосредоточившись на более объективной и естественной для нехудожественных жанров оппозиции «говорящий – слушающий»[2]. Об «архитектонике» художественных жанровых форм (роман, драма, лирика, поэма, повесть, новелла и др.) М.М.Бахтин рассуждает в статье «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924 г.)[3], перекликающейся, но не более, с некоторыми суждениями В.Н.Волошинова. В статье последнего (раздел VI), помимо общеметодологических предпосылок, изложенных им в первых разделах, присутствуют лишь отдельные стыковки такого рода с заявленной монографией, напр.: «Очень своеобразно и интересно для анализа ощущение автором слушателя в формах исповеди и автобиографии»; «Особенно чуткой к постановке слушателя является форма лирики. Основным условием лирической интонации является *непоколебимая уверенность в сочувствии слушающих*»[4].

IX глава книги (разделы «Художественная форма, как система социальных оценок. Формообразующие и не образующие формы социальные оценки. Техника формы, обусловленная природой лингвистического материала. Гомологические факторы формы (ритм). Проблема взаимоотношения формы и содержания. Форма, как оценка содержания. Социологические методы анализа содержания») по своей методологии и терминологии, пожалуй, тоже осталась в стороне от ее конкретной реализации в трудах ученых «бахтинского круга», хотя внешне, по своей проблематике, она вполне вписывается в концептуальное ядро волошиновской статьи (раздел VII), напр.: «Но мы указывали, что форма должна быть понята и с другой стороны – как форма, реализованная с помощью *определенного материала*. Это открывает длинный ряд вопросов, связанных с *техникой формы*»; «Вопросы техники формы, конечно, выходят за пределы поставленной нами задачи. Кроме того, их разработка предполагает несравненно более дифференцированный и углубленный анализ социально-художественной стороны поэзии: здесь же мы могли только бегло наметить основные направления такого анализа»[5]. Заметим, что М.М.Бахтин в указанной выше

---

[1] См.: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров; Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 159 – 286.

[2] См.: Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 85 – 104.

[3] См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 277 – 278.

[4] Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 81, 82.

[5] Там же. С. 85, 86.

статье 1924 г., рассуждая о сходном предмете, не использует термина «техника формы», хотя говорит о «технике художественного творчества», «технике произведений словесного искусства», «технике творчества»[1].

X глава монографии (разделы «Формообразующая оценка, как константная существенная оценка. Случайные группировки не обладают художественно-творческими силами. Поверхностный и отвлеченный характер всех межклассовых и неклассовых оценок. "Национальное" искусство и классовое искусство») не нашла буквального воплощения в статье В.Н.Волошинова и, как нам представляется, в работах других представителей «бахтинского круга»; в ней можно видеть эвристическую оригинальность самого В.Н.Волошинова или влияние на него со стороны научного окружения в ИЛЯЗВе. Исследователь заканчивает статью выводами несколько иного плана (раздел VII), но тоже социологизированными. Напр.: «Все разобранные нами моменты, определяющие форму художественного высказывания <…> являются *точками приложения социальных сил внехудожественной деятельности к поэзии*. Другие идеологические сферы, в особенности социально-политический строй, и, наконец, экономика определяют поэзию *не извне* только, а опираясь на эти внутренние структурные элементы ее. И обратно: художественное взаимодействие творца, слушателя и героя может оказывать свое влияние и на другие области социального общения»; «Если нам удалось показать хотя бы только возможность социологического подхода к имманентно-художественной структуре поэтической формы, то мы сочли бы нашу задачу выполненной»[2].

В более позднем, аспирантском, отчете В.Н.Волошинова за 1926/27 год было указано, что 18 июня 1927 г. в ИЛЯЗВе запланирован его доклад «Поэтическая структура как структура социологическая», а также «подготовляется к печати книга **"Введение в социологическую поэтику"** – около 8 печатных листов» (речь, несомненно, идет о той самой монографии)[3], отложенной вследствие более актуальной на тот момент и уже готовой книги «Фрейдизм», в основе которой лежал коллективный мозговой штурм «бахтинского круга», активно осуществлявшийся в домашних обсуждениях психоанализа в 1924 – 1926 гг.[4]

В аспирантском отчете В.Н.Волошинова от 19 мая 1928 г. указаны как готовые, во-первых, статья «Проблема передачи чужой речи (опыт социолингвистического исследования)», принятая к печати в сборнике «Против идеализма в языкознании» («ГИЗ – ИЛЯЗВ 1928 г.»), вместе с ее «планом», который, однако, в деле отсутствует, и, во-вторых, «Четыре главы

[1] См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 271, 272, 305.
[2] Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 85, 86.
[3] См.: Личное дело В.Н.Волошинова. С. 76.
[4] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов. Биогр. очерк. С. 10 – 11.

книги **"Введение в социологическую поэтику"**: Глава I "Социологическая структура элементарных жизненных высказываний"; Глава II – "Социологическая структура «переживания» и «выражения»; Глава III – "Социологическая структура поэтической формы"; Глава IV – "Социология жанра"», с припиской, что «третья глава прочитана на заседании п/секции методологии литературы ИЛЯЗВа 28 февраля с. г.»[1]. Здесь же приложен развернутый план еще одной неопубликованной монографии В.Н.Волошинова – «Проблема передачи чужой речи: Опыт социолингвистического исследования»[2], позже трансформированной и частично вошедшей в книгу «Марксизм и философия языка» (в качестве третьей ее части)[3], а также обстоятельный проспект последней, претерпевшей значительные изменения в ходе ее доработки и в связи с публикацией «Формального метода в литературоведении» П.Н.Медведева, где содержались отдельные общие места с «планом и некоторыми руководящими мыслями» «Марксизма и философии языка»[4].

Внимание к «социологической поэтике» проявлял и П.Н.Медведев, руководивший с 1926 г. в ИЛЯЗВе соответствующей коллективной темой, разрабатываемой при участии В.Н.Волошинова[5]. В одном из отчетов этого литературоведа о научной работе (10.06.1929) была отмечена подготовка монографии «Социологическая поэтика. Т. 1 – Тематика», соотносящейся с указанной работой В.Н.Волошинова, из чего можно заключить, что оба исследователя системно развивали «социологическое» направление в филологических науках[6].

Таким образом, после окончания Ленинградского университета, будучи сотрудником ИЛЯЗВа, а позже аспирантом этого института, В.Н.Волошинов занимался, в частности, проблемами «социологической поэтики», – причем в тесном контакте с П.Н.Медведевым как официальным координатором данной институтской проблематики и с М.М.Бахтиным как теневым

---

[1] Личное дело В.Н.Волошинова. С. 77 – 78.

[2] Там же. С. 79 – 80.

[3] См.: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка». С. 532 – 534.

[4] См. Личное дело В.Н.Волошинова. С. 81 – 99. По поводу некоторых параллелей между трудами тесно взаимодействовавших в то время П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова см., в частности: Васильев Н.Л. Г.Г.Шпет и М.М.Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Невельский сборник. Вып. 13. СПб., 2008. С. 101 – 103; Он же. Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Невельский сборник. Вып. 14. СПб., 2008. С. 44 – 60.

[5] См.: Медведев Ю.П. Указ. соч. 28, 31; Brandist C. Op. cit. P. 179.

[6] Ср., также подзаголовки других работ указанного творческого тандема: Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии: К вопросам социологической поэтики (1926); Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику (1928); Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке (1929).

генератором и воплотителем многих идей «бахтинского круга»[1]. Замысел В.Н.Волошинова в отношении монографии «Опыт социологической поэтики» (1925 – 1926) претерпел в течение последующих двух лет некоторые изменения – как в названии книги, так и в ее содержании, терминологии, структуре. Концепция первого варианта книги была изложена им в статье «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926). Сама книга опубликована не была, хотя и «подготовлялась к печати» в 1927 г.; не сохранилась она и в рукописи. Однако перед нами еще один любопытный факт творческой деятельности ученого, в данном случае в виде его первого монографического исследования, предшествовавшего книге о фрейдизме и отличавшегося по своей проблематике от других известных работ представителей «бахтинского круга».

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ П.Н.МЕДВЕДЕВА «ФОРМАЛЬНЫЙ МЕТОД В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ» В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА «БАХТИНСКОГО КРУГА»[*]

Лингвистические идеи «бахтинского круга» в последние годы становятся предметом все более пристального внимания российских и зарубежных ученых[2]. Прежде всего это касается книги В.Н.Волошинова

[1] См., напр.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 20 – 21; Он же. К истории книги «Марксизм и философия языка». С. 534.

[*] Васильев Н.Л. Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 14: По материалам Пятнадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2008 г.). СПб., 2008. С. 44 – 60.

[2] См., напр.: Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 85 – 104; Он же. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52; Гоготишвили Л.А. Философия языка М.М.Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М.М.Бахтин как философ. М., 1992. С. 142 – 174; Колесов В.В. Металингвистика М.М.Бахтина // Рус. язык в школе. 1995. № 5. С. 92 – 98; Перлина Н. Диалог о диалоге: Бахтин – Виноградов, 1924 – 1965 / Пер. с англ. // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 155 – 170; Lähteenmäki M. Dialogue, Language and Meaning: Variations on Bakhtinian Themes. Jyväskylä, 2001; Киржаева В.П. Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках М.М.Бахтина. Ст. первая: О некоторых параллелях и созвучиях (Соссюр, Фосслер и Шпитцер) // Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 36 – 55; Lähteenmäki M. Vološinov and Cassirer: A case of plagiarism? // Historiographia Linguistica: XXIX. 2002. № 1/2. P. 121 – 144; Faraco C.-A. Linguagem & Dialogo as idéias lingüísticas do círculo de Bakhtin. Curitiba, 2003; Brandist C. Voloshinov's dilemma: on the philosophical roots of the dialogic theory of the utterance // The Bakhtin Circle: In the Master's absence. Manchester; N.Y., 2004. P. 97 – 124; Алпатов В.М. Волоши-

«Марксизм и философия языка» (1929; 1930), незавершенной работы М.М.Бахтина «Проблема речевых жанров» (1953 – 1954) и раздела о металингвистике в его монографии «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). На фоне этого в тени остается книга П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении» (1928), рассматривавшаяся ранее исключительно с литературоведческой точки зрения. Между тем именно она открывала серию фундаментальных филологических трудов конца 1920-х гг., вышедших из «бахтинского круга», и естественно предположить, что в ней отразились контуры складывавшейся «*общей* концепции языка и речевого произведения» философа М.М.Бахтина[1], лингвиста В.Н.Волошинова и литературоведа П.Н.Медведева.

Исследование П.Н.Медведева (далее ФМЛ)[2] было опубликовано незадолго до появления книги В.Н.Волошинова (далее МФЯ), в той же серии монографий Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете[3], и содержало в зародыше корпус еще не вполне развернутых филологических идей «бахтинского круга»[4].

Судя по «Плану и некоторым руководящим мыслям работы "Марксизм и философия языка" <…>» (май 1928 г.), заявленная В.Н.Волошиновым полемика с западноевропейской и отечественной лингвистикой первоначально смыкалась с критическим анализом русского формализма как одного из влиятельных направлений в изучении художественного слова: «Часть первая. <…> Глава IV. Философия языка и проблемы поэтики. 2. Формальный метод и борьба с ним»; «4. Кроме этих чисто положительных задач, связанных с философией языка, перед марксизмом стоят и очень важные полемические задачи. Нужно сказать откровенно, что борьба марксизма с формальным методом до сих пор была не слишком успешной. Здесь сказалось именно отсутствие проработанного марксистского подхода к проблемам теории и истории языка. Это лишало возможности подойти к конкретным вопросам, выдвинутым формалиста-

нов, Бахтин и лингвистика. М., 2005; Васильев Н.Л. [Рец.] Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005 // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3. С. 254 – 259.

[1] См.: Из переписки М.М.Бахтина с В.В.Кожиновым / Публ. Н.А.Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 2000. № 3/4. С. 127 – 128. О том, что М.М.Бахтин воспринимал себя, особенно в ранний период своей научной деятельности, в первую очередь философом см., напр.: Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 76.

[2] См.: Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928.

[3] Подробнее см.: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики // ДКХ. 1998. № 2. С. 31, 54 (прим. 117).

[4] О месте этой книги в общем контексте творчества «бахтинского круга» см., напр.: Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London, 2002. P. 66 – 74.

ми, и в большинстве случаев заставляло ограничиваться повторением общих мест марксизма. Марксистские основы литературоведения могут быть прочно заложены лишь при условии всесторонней и специальной разработки проблем языка. До этого неизбежно: в теории – провозглашение методологического монизма, а на практике – методологический дуализм: совмещение общесоциологических рассуждений с конкретным формалистическим анализом»; «7. Этому оживлению и обновлению философской и лингвистической мысли предшествовало необычайное обострение интереса к слову, как такому, и изменение функций его в художественном творчестве. Начало этого нового восприятия слова и переоценку его значения нужно искать в символизме. <…> С точки зрения строго исторической "самовитое слово" наших футуристов (В.Хлебников) является лишь поздним эпигонским упрощением и огрублением тех творческих импульсов в переоценке слова, какие были даны Малларме и его кругом. <…> Этот культ слова, как такого, обостренный интерес к его чисто-словесным энергиям и моментам совершенно был чужд реализму, натурализму и импрессионизму <…>. Любовь к слову классиков не была связана с исключительной переоценкой его <…>, с провозглашением его высшею реальностью. В классицизме не было почвы для какого бы то ни было словесного радикализма <…>»; «8. Этот обостренный интерес к слову, как к главному герою мировоззрения, культу слова, – начинается и у нас с появлением символизма. Здесь сложилась атропософская концепция слова А.Белого, мистический магизм Бальмонта ("Поэзия, как волшебство"), более сдержанный и более научный интерес к слову у Брюсова. Релятивистским разложением и снижением этого символического культа слова явилось "самовитое слово" футуристов, перешедшее в теорию формалистов. В настоящее время интерес к слову идет у нас по двум направлениям. <…> Первое направление, пройдя через футуризм и осложнившись позитивистическими влияниями, исходящими от некоторых направлений западноевропейского искусствоведения и лингвистики, образовало так называемый формальный метод. <…>»; «9. <…> Одновременно с этим отрешением слова от вещи в ее реальном аспекте идет отрешение его от дела, то есть отрыв его от реальных возможностей на почве крайнего словесного демократизма и словесной свободы при полном отсутствии действительной, реальной, политической свободы. Это выражается и в том типичном для символизма, футуризма и экспрессионизма крайнем утопическом радикализме в политических и социальных вопросах <…>» [1].

Ранее в замыслах В.Н.Волошинова фигурировала и монография «Опыт социологической поэтики», перекликающаяся своим названием с

[1] См.: Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1995. № 2. С. 81, 86 – 87, 89 – 91.

подзаголовком ФМЛ; развернутый план ее первой части («Социология формы») был изложен в волошиновском отчете о научной работе в 1925 – 1926 гг.[1] Исследователям еще предстоит тщательный анализ этого небольшого, но проблемно и тематически емкого текста с точки зрения его места в имплицитном и эксплицитном творчестве «бахтинского круга». Предварительно отметим, что в данном двухстраничном наброске аккумулируются многие проблемы, которые затрагивали в своих публикациях П.Н.Медведев, В.Н.Волошинов и М.М.Бахтин.

Следует иметь в виду, что П.Н.Медведев являлся – с некоторыми перерывами – научным сотрудником ИЛЯЗВа (с 7.12.1928 – I разряда)[2] и, подобно В.Н.Волошинову[3], опекался председателем Президиума секции литературы ИЛЯЗВа В.А.Десницким[4]; следовательно, он был в курсе актуальных филологических идей, обсуждавшихся в стенах института, – независимо от своего дружеского и профессионального общения с В.Н.Волошиновым. Более того, с 1926 г. П.Н.Медведев руководил в ИЛЯЗВе (в одном случае с В.Ф.Шишмаревым, в другом с И.И.Иоффе) коллективными темами по теории литературы и социологической поэтике, разрабатываемыми при участии В.Н.Волошинова, – органическим следствием чего и стала книга ФМЛ[5]. Позже, в одном из отчетов П.Н.Медведева о науч-

---

[1] См.: Brandist C. Sociological linguistics in Leningrad: The Institute for the comparative history of the literatures and languages of the West and East (ILJAZV), 1921 – 1933 // Russian Literature. 2008. Vol. 63. № 2/4. P. 190 – 192. В указанное время В.Н.Волошинов числился одним из «сверхштатных» научных сотрудников II разряда ИЛЯЗВа, а позже был переведен в категорию «сверхштатных аспирантов» (см.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 11 – 12).

[2] См.: Медведев Ю.П. «Нас было много на челне…» // ДКХ. 1992. № 2. С. 100, 101; Он же. На пути к созданию социологической поэтики // ДКХ. 1998. № 2. С. 28 – 29, 31. Ср.: The Bakhtin Circle: a timeline // The Bakhtin Circle: In the Master's Absence / Ed. by C.Brandist, D.Shepherd, G.Tihanov. Manchester; N.Y, 2004. P. 265. См. также: ЦГАЛИ СПБ., ф. 288 (НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока), оп. 1, ед. хр. 37, л. 53, 54 об.; ед. хр. 40, л. 40; Архив Российского (Ленинградского) государственного педагогического института (далее РГПИ). Личное дело П.Н.Медведева – № 1076. Л. 3 (выражаю благодарность Д.А.Юнову, предоставившему в 1994 г. в мое распоряжение данную информацию).

[3] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов… С. 12 – 14; Он же. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 36.

[4] В письме в НКВД (22.02.1940) по поводу ареста П.Н.Медведева, к тому времени уже негласно расстрелянного за участие в «антисоветской деятельности», В.А.Десницкий сообщал: «На моих глазах происходила и научно-исследовательская работа П.Н. <…> Его наиболее ценная работа ("Формальный метод в литературоведении") проведена и выполнена, в значительной мере, с использованием моих указаний и советов» (цит. по: Медведев Ю.П. «Нас было много на челне…». С. 94). См. также: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики. С. 25 – 26, 29; Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Творческое наследие П.Н.Медведева в свете диалога с М.М.Бахтиным // ДКХ. 2001. № 2. С. 83. См. также англ. пер.: Medvedev Iurii, Medvedeva Dar'ia. The scholarly legacy of Pavel Medvedev in the light of his dialogue with Bakhtin // The Bakhtin Circle: In the Master's absence. P. 36.

[5] См.: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики С. 28; Brandist C. Op. cit. P. 179.

ной работе в РГПИ (10.06.1929) была отмечена подготовка им монографии «Социологическая поэтика. Т. 1 – Тематика»[1], в свою очередь соотносящаяся с указанной выше гипотетической работой В.Н.Волошинова «Опыт социологической поэтики: I. Социология формы».

О том, что лингвофилософские идеи были чрезвычайно популярны и среди литературоведов ИЛЯЗВа, свидетельствует, например, Б.Я.Бухштаб (1904 – 1985), учившийся с В.Н.Волошиновым в одни годы на этнолого-лингвистическом отделении факультета общественных наук ЛГУ, а позже, как и он, являвшийся аспирантом ИЛЯЗВа (но под руководством Б.М.Эйхенбаума)[2], – часто ссылающийся в своих записках аспирантских лет и конспектах (в период подготовки диссертации о поэтике В.Хлебникова) на грамматику Пор-Рояля, работы В.Гумбольдта, Б.Кроче, Э.Гуссерля, К.Фосслера, Л.Шпитцера, Э.Кассирера, Ж.Вандриеса, Г.Пауля, А.Марти, В.Вундта, А.А.Потебни, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, Г.Г.Шпета, В.В.Виноградова, Е.Д.Поливанова, И.И.Мещанинова, М.Н.Петерсона, С.И.Бернштейна, Р.О.Шор, Г.К.Данилова, «опоязовцев» и др.; особенно же на «школу Соссюра», включая А.Сеше и Ш.Балли[3]. При этом начинающий исследователь размышляет о методологии языкознания, философии языка: «… новая лингвистика противостоит старой по линии "2-й антиномии Гумбольдта" – не коммуникация, но сознание (Энгельгардт). Это относится и к немцам, и к французам. Но немецкая школа Фосслера противостоит школе Соссюра и близким по линии 1-ой антиномии: немецкая школа – язык как деятельность» (6.11.1927); «Почему шпетовцы – гуссерлианцы, совершенно понятно. Только тогда и можно изучать структуру смысла как объективно существующую структуру, когда установлено это объективное, самостоятельное существование смысла, независимо от конкретных – исторических, групповых, индивидуальных – психических актов его сознания» (17.01.1928); «Виноградов гов[орит], что Шпету угрожает опасность *все* принять за слово, за язык при его определении. То же указывает Кассирер относительно Лейбница (что у него всякий сигнал – язык)» (1.04.1928); «Гумбольдтовы антиномии касаются речи в целом. Антиномии, возникающие при осознании отдельного слова, по-видимому, таковы <…>» (23.03.1929); «Разница между гласными и согласными в типе значений – очевидно только из семитических языков. Почему же этот тип структуры так близок Хлебникову (посмотреть по яфетидологическим работам о структуре семитских языков)» (12.1930)[4];

[1] См.: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики. С. 31.

[2] См.: Эльзон М.Д. «Вне моды» // Бухштаб Б.Я. Фет и другие: Избр. работы. СПб., 2000. С. 6 – 7.

[3] См.: Бухштаб Б.Я. Филологические записи 1927 – 1931 гг. / Публ. А.Е.Барзаха // Бухштаб Б.Я. Фет и другие. С. 463 – 517; 518 – 535 (прим.).

[4] Бухштаб Б.Я. Филологические записи. С. 473 – 474, 476, 477, 482, 513.

он постулирует роль философии и лингвистики в литературоведческом дискурсе: «Литературоведение может опираться только на ту философию, которая синтезирует 1) философию искусств, 2) философию языка, 3) философию истории. А все эти элементы есть далеко не во всякой системе», «Первая проблема методологии литературоведения очевидно проблема объекта этой науки» (март 1931 г.); «Если символизму близко синтетическое понимание слова, а футуризму аналитическое, то надо попробовать построить аналогию поэтического языка с языками аналитического и синтетического строения» (между мартом и сентябрем 1931)[1]. Это косвенно доказывает, что и философская составляющая в ФМЛ, МФЯ вовсе не была навеяна их авторам исключительно общением с М.М.Бахтиным, о чем пишут многие исследователи, – а скорее отражала общегуманитарный тренд в ленинградской филологии тех лет.

Очень часто в записках Б.Я.Бухштаба фигурирует имя В.Н.Волошинова, что ранее не было учтено в работах о восприятии волошиновских идей современниками[2], напр.: «Как обе проблемы (изоляция слова и морфологизация) связаны в рационалистической философии. Относительно связи первой с рационализмом<,> кажется<,> есть у Волошинова» (14.09.1929); «Не перелогизировать, точно выяснить, к чему ведет Хлебникова последовательный рационализм. Вот и Соссюр – рационалист (см. Волошинова) – по основному признаку "семиологического" рассмотрения языка; а он один из решительных противников придания звуку значения» (18.09.1929); «Указав, что антиномии связаны между собой, создавая таким образом возможность двух основных направлений, отталкивающихся одновременно по разным антиномиям, обрисовать это общее направление в пределах настолько широких, чтобы оно охватывало и Соссюра, и Хлебникова, – и затем уже вскрыть разницу между последними и "номенклатурно-сигнальное" понимание языка Хлебниковым. Все это, стараясь быть самостоятельным по отношению к книге Волошинова» (29.09.1929); «Контекст и изоляция – по каким антиномиям? Например, по Волошинову εργον – ενεργεια, по Энгельгардту: сознание – коммуникация» (3.09.1929?); «Волошинов, сколько помнится, видит различие лингвистики и поэтики в том, что 2-ая относится к слову как к оценке. Непонятно, почему (и по тем же мотивам) лингвистика не должна относиться к слову так же» (март 1931)[3].

Лингвистическая подготовка начинающих литературоведов, как и, наоборот, литературоведческая у лингвистов, всячески поощрялась в сте-

[1] Там же. С. 514, 516.

[2] См.: Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников; Алпатов В.М. Указ. соч.

[3] Бухштаб Б.Я. Филологические записи… С. 496, 497, 503, 504, 515.

нах ИЛЯЗВа – и вообще вменялась в обязанность аспирантам РАНИОН в качестве важной составляющей их филологического фундамента[1].

Заметим, что и книга Б.М.Энгельгардта «Формальный метод в истории литературы» (Л., 1927), полемизирующая с ОПОЯЗ'ом, также содержала экскурсы в область «высказывания с установкой на выражение» (Р.О.Якобсон), «коммуникативной лингвистики», гумбольдтианства и т. д.[2] Интересно, что, работая в том же ИЛЯЗВе, Б.М.Энгельгардт занимался в 1925 г. сугубо лингвистической темой «Проблемы и методы семантики»[3]. На труды этого исследователя, затрагивающие проблематику философии языка, есть ссылка в МФЯ: «О Гумбольдте и его значении для русской лингвистической мысли читатель найдет в книге: *Энгельгардт Б.М.* А.Н.Веселовский. Пг., 1922»[4].

Поэтому не удивительно, что следы лингвофилософских дискуссий 1920-х гг. фигурируют и в ФМЛ, даже если не принимать во внимание возможные обстоятельства написания этой книги, о которых спорят некоторые ученые, усматривая активное участие М.М.Бахтина в творческом тандеме П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова[5]…

Те или иные лингвистические замечания встречаются в книге на многих страницах; особенно – в главе «Поэтический язык как предмет поэтики» из III ее части («Формальный метод в поэтике»). Характерны названия некоторых разделов указанной главы, напр.: «Поэтический язык как особая языковая система», «Поэтический язык и конструкция литературного произведения», «Поэтика и лингвистика», «Итоги методологического анализа проблемы поэтического языка», «Апофатический метод определения особенностей поэтического языка», «Поэтический язык как из-

---

[1] См. об этом: Справочник аспиранта РАНИОН на 1929/30 год. М., 1929. С. 31 – 33; Васильев Н.Л. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18 – 22 July, 2005) / Ed. by M.Lähteenmäki, H.Dufva, S.Leppänen and P.Varis. Juväskylä, 2006 [CD]. С. 53 – 60; Он же. К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник. Вып. 11. СПб., 2006. С. 72 – 76.

[2] См. об этом: Барзах А.Е. Примечания // Бухштаб Б.Я. Фет и другие… С. 522, 525 – 526.

[3] См.: Brandist C. Op. cit. P. 175.

[4] Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 261.

[5] Об их соавторской работе по теории музыкального творчества (1924 г.), подготовке хрестоматии по «материалистической мысли» в искусстве, участии в обсуждении книги В.В.Виноградова «О художественной прозе» (1930), обмене публикациями см.: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики. С. 25, 35; Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Круг Бахтина как «мыслительный коллектив» // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference…С. 25, 29 (то же: Звезда. 2006. № 7. С. 201, 204). О некоторых стилистических параллелях и расхождениях между авторизованными трудами П.Н.Медведева, В.Н.Волошинова и М.М.Бахтина см.: Васильев Н.Л. Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 71 – 80.

нанка языка практического», «Проблема жизненно-практического языка», «Жизненно-практический язык у формалистов», «Современное состояние проблемы поэтического языка у формалистов», «Проблема звука в поэзии» и т. д.

Соответственно в ФМЛ имеются ссылки на работы В.Гумбольдта, К.Фосслера, представителей «женевской школы: Байи и Сешэ», А.А.Потебни, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Г.Г.Шпета («Внутренняя форма слова»), Л.В.Щербы, Л.П.Якубинского («О звуках стихотворного языка», «О скоплении одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках», «О поэтическом глоссемосочетании»)[1], Е.Д.Поливанова («По поводу звуковых жестов японского языка»)[2]. Ср., напр.: «Формалисты научились ценить звук в фонетической лаборатории И.А.Бодуэна-де-Куртенэ и Л.В.Щербы. Этот трезвый звук экспериментальной фонетики они противопоставили осмысленному слову как заумный язык поэзии» (с. 69)[3]. Интересно, что П.Н.Медведев, рассуждая об «истории симфонической формы от Бетховена до Малера», ссылается на статью В.Н.Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926)[4], – чего, кстати говоря, никогда не

---

[1] Напомним, что Л.П.Якубинский являлся одним из ведущих ученых и администраторов ИЛЯЗВа, а позже – директором Государственного института речевой культуры (ГИРК), и творчески тесно контактировал с В.Н.Волошиновым. См., в частности: Иванова И.С. Концепция диалога в работах Л.П.Якубинского и В.Н.Волошинова (к вопросу о взаимосвязи) // Язык и речевая деятельность. [Вып.] 3. СПб., 2000. С. 285 – 304; Lähteenmäki M., Васильев Н.Л. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я.Марра в работах В.Н.Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. 2005. Vol. 29, № 1. P. 83, 88. Однако это не помешало П.Н.Медведеву критически рассматривать теоретические построения своего коллеги-лингвиста (см. далее).

[2] Имя ученого фигурирует в ФМЛ искаженно: Л.Поливанов. Это отчасти напоминает известный парадокс первого издания МФЯ в отношении гендерного статуса другого известного представителя московской лингвистики 1920-х гг. – Р.О.Шор (см. об этом, в частности: Васильев Н.Л. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка». С. 59 – 60). Недавно мы обнаружили, что ошибочная половая идентификация и даже инициальная обезличенность Р.О.Шор встречалась и в более позднее время – причем в обстоятельствах куда более идеологизированных, что отчасти реабилитирует автора МФЯ: «В 12 часов прибывает делегация Академии наук СССР в составе вице-президента академика В.Л.Комарова, академиков: А.С.Орлова, А.Н.Крылова, <…>, проф. А.А.Бусыгина, Л.Г.Башинджагяна, С.Л.Быховского и др., делегации Дома ученых в составе проф. Р.Л.Самойловича, Шора и других, <…>, ВЦК (Всесоюзного центрального комитета. – *Н.В.*) нового алфавита и др.» (Хроника траурных дней [Отчет о похоронах акад. Н.Я.Марра в Ленинграде, республикованный в посвященном его памяти специальном выпуске основанного им журнала] // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4. С. 258). О том, что речь, вероятно, идет именно о Р.О.Шор свидетельствует перепечатка в том же издании статьи-некролога последней «Академик Марр и его учение о языке» (с. 217 – 218), оперативно опубликованной через два дня после смерти ученого в газете «Красная звезда» (22.12.1934).

[3] Здесь и далее цит. по: Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993 (с указанием страниц в тексте; абзацные отступы отмечаются двумя косыми чертами).

[4] Там же. С. 19. В 1921 – 1923 гг. последний был известен главным образом по своим публикациям о теории музыки, в частности в журнале «Записки Передвижного театра», ре-

делал печатно М.М.Бахтин в отношении своих друзей и возможных «соавторов».

В книге прослеживается характерное для «бахтинского круга» стремление критически осмыслить не только обсуждаемый предмет (в данном случае формальный метод), но и провести методологическую ревизию других влиятельных научных парадигм, напр.: «Аналогичным движением в области филологии является школа Фосслера (Idealistische Neufilologie), пытающаяся приспособить идеалистическую философию к решению конкретных проблем лингвистики и истории языка» (с. 10); «Лингвистика, строя понятие языка и его элементов – синтаксических, морфологических, лексических и иных, – отвлекается от форм организации конкретных высказываний и их социально-идеологических функций. Поэтому язык лингвистики и лингвистические элементы индифферентны к познавательной истине, к поэтической красоте, к политической правоте и т. п. //[1] Такая абстракция совершенно правомерна, необходима и диктуется познавательными и практическими целями самой лингвистики. Без нее не построить понятия языка как системы. Поэтому можно и должно изучать функции языка и его элементов в поэтической конструкции, равно и функции его в различнейших типах жизненных высказываний, ораторских выступлений, научных построений и пр. Это изучение должно опираться на лингвистику, но оно не будет лингвистическим. Руководящие принципы для отбора и оценки лингвистических элементов могут дать только формы и цели соответствующих идеологических образований. Но такое изучение функций языка в поэзии в корне отлично от изучения "поэтического языка" как особой языковой системы» (с. 94 – 95); «Якубинский, конечно, неправ. <…> Лингвистический анализ какого-нибудь поэтического произведения не обладает никаким критерием для различения поэтически существенного от несущественного. Оставаясь в пределах такого анализа, совершенно нельзя судить, являются ли и в какой мере выделяемые с его помощью лингвистические элементы элементами самой поэтической конструкции»; «Поэтому же совершенно не основательна и попытка Жирмунского строить поэтику как поэтическую лингвистику. <…> В основе этой попытки лежит совершенно не доказанное предположение, что лингвистический элемент языка и конструктивный элемент произведения непременно должны совпадать. Мы полагаем, что они не совпадают и совпадать не могут как явления различных планов» (с. 96)»; «Формалисты, признавая возможность поэтического языка чем-то само собой разумеющимся, совершенно не заметили всех тех методологических трудностей и двусмыс-

дактировавшемся П.Н.Медведевым (еще один факт, говорящий о творческом взаимодействия П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова). См. также: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов… С. 10, 21.

[1] Здесь и далее с помощью этого знака мы указываем на абзацные отступы в цитируемых текстах.

ленностей, какие заложены в этом понятии. Поэтому без всякой методологической оглядки они построили теорию поэтического языка как особой языковой системы и пытались даже найти чисто лингвистические законы и признаки поэтического» (с. 96); «Ни о каком жизненно-практическом языке как об особой языковой системе говорить не приходится. Более того, если можно и должно было говорить о функциях языка в поэтической конструкции, то аналогичная задача в применении к жизненно-практической конструкции чрезвычайно осложняется. // Ведь определенно жизненно-практической конструкции не существует. <…> Между отдельными жизненно-практическими конструкциями формальные различия могут быть даже существенней и глубже, чем между научным трактатом и поэтическим произведением. // Необходим тщательный и трудный анализ различных типов речевых выступлений и соответствующих форм высказывания во всех сферах жизненного общения и практики, чтобы можно было говорить о функциях языка в том или ином типе коммуникативной конструкции. При этом придется все время учитывать все социальные особенности общающихся групп и всю конкретную сложность идеологического кругозора – понятий, верований, нравов и пр., и пр., – в пределах которого строится каждое жизненное высказывание. Современная лингвистика только теперь начинает подходить к этим труднейшим вопросам речевого общения в школе Фосслера и в школе философа Бенедетто Кроче» (с. 104).

В проблематике и терминологии ФМЛ есть отдельные параллели с МФЯ, статьей В.Н.Волошинова «О границах поэтики и лингвистики» (1930) и некоторыми бахтинскими трудами[1]. Так, по мнению В.Л.Махлина, «критика "лингвистической поэтики" здесь совершенно узнаваема: данная точка зрения более основательно развита практически во всех основных литературно-теоретических работах Бахтина (в "Марксизме и философии языка", в "Слове в романе", в книге о Достоевском и др.). Методологическая альтернатива лингвистической поэтике – выдвинутое Бахтиным понятие "металингвистики"»[2]. Не касаясь в данном случае проблемы авторства «спорных текстов», заметим, что в этом комментарии подчеркивается первенство ФМЛ в плане развертывания лингвистических взглядов «бахтинского круга».

Сказанное относится и к иным научным идеям П.Н.Медведева, используемым концептам (*высказывание, социальная оценка* и др.). Напр.: «Но иначе обстоит дело с конкретным высказыванием, хотя бы состоящим из одного слова. Всякое конкретное высказывание – социальный акт.

[1] См., в частности: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики. С. 23.

[2] См.: Махлин В.Л. Комментарии // Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993. С. 201.

Будучи даже единичным материальным комплексом – звуковым, произносительным, зрительным, высказывание в то же время – часть социальной действительности. Оно организует общение, установленное на ответную реакцию, само на что-то реагирует; оно неразрывно вплетено в событие общения. Его единичная действительность есть уже не действительность физического тела, а действительность исторического явления. Исторически и социально значим не только смысл высказывания, но и самый факт его произнесения, вообще – осуществления здесь и теперь, при данных обстоятельствах, в данный исторический момент, в условиях данной социальной ситуации» (с. 134); «Если мы оторвем высказывание от социального общения, овеществим его, то мы утратим и достигнутое нами органическое единство всех его моментов. Слово, грамматическая форма, предложение и все вообще лингвистические определенности, взятые в отвлечении от конкретного и историчного высказывания, превращаются в технические знаки только возможного, исторически еще не индивидуализованного смысла. Эта органическая связь смысла и знака не может стать словарной, грамматически устойчивой и закрепленной в передающихся тождественных формах, т. е. она не может сама стать знаком или постоянным моментом знака, грамматикализоваться. Эта связь созидается, чтобы разрушаться и снова созидаться, но уже в новых формах, в условиях нового высказывания. // Вот эту-то историческую актуальность, объединяющую единичную наличность высказывания с общностью и полнотой его смысла, индивидуализующую и конкретизующую смысл и осмысляющую звуковую наличность слова здесь и теперь, мы называем социальной оценкой» (с. 135); «Социальная оценка определяет все стороны высказывания, пронизывая его насквозь, но наиболее чистое и типическое свое выражение она находит в экспрессивной интонации» (с. 136); «Даже внутреннее высказывание (внутренняя речь) – социально; оно ориентировано на какую-то возможную аудиторию, на какой-то возможный ответ, и только в процессе такой ориентировки оно может сложиться и сколько-нибудь оформиться» (с. 140).

В ФМЛ впервые отчетливо выражена полемика «бахтинского круга» с влиятельной в то время лингвофилософской концепцией Г.Г.Шпета[1]: «Итак, между языком как абстрактной системой возможностей и между конкретною его действительностью посредствует социальная оценка. <…> Эту посредническую роль социальной оценки совершенно не пони-

[1] О соотнесенности филологических взглядов Г.Г.Шпета и «бахтинского круга» см., в частности, тезисы нашего доклада: G.Chpet et M.Bakhtine: aux sources de la métalangue du «cercle de Bakhtine» / Г.Шпет и М.Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Colloque international “Gustave Chpet et son heritage: Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique: Creuset d’influences et intériorisation des marges” (Bordeaux, 21 – 24 novembre 2007). Bordeaux, 2007. P [52].

мают сторонники "внутренней формы". <…> Отсюда нелепые попытки показать внутреннюю форму в самом слове, в предложении, в периоде, вообще в языковой конструкции, взятой независимо от высказывания и его конкретной исторической ситуации» – с примечанием: «Поучительным примером таких попыток является книга Г.Шпета "Внутренняя форма слова", М, 1927 г. Стремление внести диалектику и историю не мешает ему все же искать внутреннюю форму в языке и субстанциализовать ее в нем. На идеалистической почве, впрочем, иначе и быть не может» (с. 140). Ср. также в проспекте волошиновского МФЯ: «В настоящее время интерес к слову идет у нас по двум направлениям. <…> Первое направление, пройдя через футуризм и осложнившись позитивистическими влияниями, исходящими от некоторых направлений западноевропейского искусствоведения и лингвистики, образовало так называемый формальный метод. Другое направление, сложившееся под влиянием западноевропейской философской мысли – неокантианской, но главным образом феноменологической (Гуссерль) – нашло свое выражение в философии слова Густава Шпета, его учеников и последователей»; «Социальная оценка формирует самое содержание значения слова, т. е. конкретное определение, которое дает слово своему предмету. Пресловутая "внутренняя форма слова" у большинства апологетов-теоретиков является лишь искаженным и научно-непродуктивным выражением для заложенной в слове социальной оценки»[1]. Соответственно антишпетовская методологическая программа развернута и в самом МФЯ, где фамилия ученого по числу ссылок занимает одно из первых мест, например: «В русской литературе об оценке, как о *созначении* слова, говорит Г.Шпет. Для него характерно резкое разделение предметного значения и оценивающего созначения, которые он помещает в разные сферы действительности. Такой разрыв между предметным значением и оценкой совершенно недопустим и основан на том, что не замечаются более глубокие функции оценки в речи. Предметное значение формируется оценкой, ведь оценка определяет то, что данное предметное значение вошло в кругозор говорящих – как в ближайший, так и в более широкий социальный кругозор данной социальной группы. <…>»[2].

В рассуждениях автора ФМЛ встречаются и эклектичные высказывания в духе марризма, расходящиеся со взглядами М.М.Бахтина и даже В.Н.Волошинова[3], например мысль о прямолинейной связи языка и базиса: «Две враждующие социальные группы располагают одним и тем же лингвистическим языковым материалом – абсолютно одинаковым словарем, теми же морфологическими и синтаксическими возможностями и пр.

[1] См.: Личное дело В.Н.Волошинова С. 90, 98.
[2] Цит. по: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 324.
[3] См.: Lähteenmäki M., Васильев Н.Л. Указ. соч.

При этих условиях, если различия наших двух социальных групп обусловлены существенными социально-экономическими предпосылками их бытия, одни и те же слова будут интонироваться глубоко различно; в одних и тех же общеграмматических конструкциях они будут вступать между собою в глубоко различные смысловые и стилистические сочетания. Одни и те же слова будут занимать совершенно иное иерархическое место в целом высказывания как конкретного социального акта. // <…> На самом же деле язык создается, формируется и непрерывно становится в границах определенного ценностного кругозора. Поэтому и не могут две существенно различные социальные группы обладать одним и тем же языковым арсеналом» (с. 138). Это может объясняться непосредственным влиянием на П.Н.Медведева как самого Н.Я.Марра, курировавшего в ИЛЯЗВе сферу языкознания, так и промарровского окружения в стенах того же института.

Книга П.Н.Медведева, несомненно, экстраполировала коллективные споры о формальном методе и поэтическом языке в «кругу Бахтина». Но ее автор (заметим, юрист по образованию, хотя и со студенческой поры интересовавшийся филологией, литературной критикой[1]), будучи далеким в своих основных научных интересах от лингвистики, отразил картину этих дискуссий, используя самобытный синтез терминологии формальной школы, понятийного аппарата других влиятельных филологических теорий и отчасти собственного «метаязыка» описания существа художественно-речевых явлений. Поэтому наряду с апробированными лингвистическими терминами в ФМЛ встречаются слова, выражения, формулировки, отличающиеся семантической избыточностью, дилетантской неточностью, например: *позитивная* [позитивистская?] *лингвистика, жизненно-практический язык, история языка неограмматиков, французские лингвисты-стилисты, поэтическая конструкция, поэтическая фонема и ее функции, синтаксическая интонация*[2].

Характерно, что на это сразу же обратил внимание один из самых первых и заинтересованных читателей ФМЛ – В.Н.Волошинов, который в статье «О границах поэтики и лингвистики» тактично, но с академической твердостью духа оспаривает некоторые положения своего коллеги: «<…> В отношении второго фактора – интонационного, может возникнуть тенденция разбить его на две самостоятельные модификации: 1) синтаксическую интонацию и 2) экспрессивную интонацию. Такое деление появляется и у П.Н.Медведева <…>. // Мы полагаем, что такое утверждение не совсем верно. // Прежде всего, в с я к а я и н т о н а ц и я э к с п р е с с и в н а, т. е. является воплощенной в звуковом материале социальной

[1] См.: Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Творческое наследие П.Н.Медведева в свете диалога с М.М.Бахтиным. С. 74 – 75; Medvedev Iurii, Medvedeva Dar'ia. Op. cit. P. 25 – 26.

[2] См.: Медведев П.Н. Указ. соч. С. 20, 51, 88, 94, 136 и др.

оценкой. // Этим самым рушится предположение о возможности отсутствия "экспрессивной" интонации, так как безоценочной речи вообще в природе не существует. Затем, если говорить о "синтаксической» и и н т о н а ц и и, то почему же не говорить о "графической» или "лексической" интонации? // Конечно, мы понимаем мысль П.Н.Медведева. Существует как бы нижний предел экспрессивной интонации, за которым начинается уже иная область грамматики и ее формальных категорий. Но ставить в одном ряду понятия экспрессивной и с и н т а к с и ч е с к о й интонации – lapsus terminologiae»[1]. Данные рассуждения В.Н.Волошинова, безупречные с точки зрения методологии и терминологии современного языкознания, выявляют не только разницу в лингвистической подготовке представителей «бахтинского круга», но и косвенно доказывают, что ФМЛ и МФЯ, как и цитируемая статья, не могли быть написаны одним автором (по мнению некоторых исследователей, М.М.Бахтиным)[2]; несмотря на наличие «*общей* концепции», все участники данного диалога сохраняли свою творческую индивидуальность и суверенность, а в чем-то интеллектуально и соперничали друг с другом[3]. Ср. также развернутую полемику В.Н.Волошинова в той же статье с ФМЛ по другому поводу: «В последнее время мы имеем указание о влиянии на В.В.Виноградова "женевской школы" в книге П.Н.Медведева "Формальный метод в литературоведении". // Правда, тот вывод, к которому приходит П.Н.Медведев, утверждая, что влияние французских лингвистов основ формалистической поэтики не определило[4], нам представляется не вполне убедительным (здесь имеется ссылка: «*В.Н.Волошинов*. Марксизм и философия языка. «Прибой», 1929 г., стр. 58 и сл.». – *Н.В.*). Конечно, если формальный ме-

---

[1] Цит. по: Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. С. 512.

[2] См. об этом: Titunik J.R. Bakhtin and/or Vološinov and/or Medvedev: Dialog and/or Doubletalk // Language and literary theory. Michigan, 1984. P. 543; Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики. С. 23. Ср. также сходные наблюдения по поводу проблемно-методологических и метаязыковых расхождений МФЯ с работами М.М.Бахтина: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43.

[3] Комментатор волошиновской статьи В.Л.Махлин, сторонник бахтинского авторства «спорных текстов», стремясь нейтрализовать указанное логическое противоречие, полагает, что это была своеобразная акция прикрытия со стороны «бахтинского круга», предпринятая с целью создать впечатление о расхождениях творческих субъектов – П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова, за которыми незримо стоял в качестве демиурга сам М.М.Бахтин: «Примечательный факт как бы полемики между учениками» (с. 596). Если это так, то надо отдать должное сверхизобретательности М.М.Бахтина и его друзей, которые не только опубликовали под фамилиями четырех авторов (включая И.И.Канаева) впечатляющие по масштабности и разноплановости проблем тексты, но и сами же организовали их диалогическую критику…

[4] Заметим, что перед этим П.Н.Медведев пишет: «Влияние французской литературоведческой мысли на наш формализм, в особенности влияние французских лингвистов-стилистов, было довольно велико» (с. 61). – *Н.В.*

тод ограничить его первым периодом (с 1914 г. по 1918 г. – по отчетливому хронологическому делению П.Медведева), то само собой разумеется, что к серьезному и вполне ответственному лингвистическому мышлению Соссюра, Байи и др. футуристические декларации В.Шкловского никакого отношения не имеют. Это своеобразная, полунаучная, полулитературная конквиста, движимая своими узко-программными, отнюдь не объективно исследовательскими, интересами, только привлекла внимание к тем ценным проблемам, которые не только решить, но даже правильно поставить оказалось не в ее силах. Организованное вторжение в столь заманчивые, еще мало изведанные "формальные области" теоретического литературоведения началось позже благодаря трудам В.В.Виноградова, В.М.Жирмунского и других представителей формального метода (примечание В.Н.Волошинова: «Во избежание недоразумений мы должны подчеркнуть резко полемическую позицию В.В.Виноградова по отношению к "формалистам". Однако, субъективный пафос дистанции не дает еще права утверждать и объективную отдаленность и независимость»). Беспринципному методологическому авантюризму они попытались противопоставить более объективную установку исследовательской мысли. В этот момент, как совершенно справедливо отмечает и П.Н.Медведев (ссылка на источник. – *Н.В.*), и произошло проникновение лингвистического метода в поэтику. Наиболее полно и последовательно провел эту тенденцию В.В.Виноградов»[1].

Нередко попытки автора ФМЛ теоретизировать выглядят наивно, во всяком случае с точки зрения современной науки (хотя в чем-то перекликаются во времени и пространстве с высказываниями, например, представителей Пражского лингвистического кружка): «Язык, понятый как совокупность или система лингвистических возможностей – фонетических, грамматических, словарных, – менее всего является материалом поэзии. Поэт выбирает не лингвистические формы, а заложенные в них оценки. Все лингвистические характеристики слова получены лишь путем абстракции этой оценки и сами по себе, в своей отвлеченности, не только не могут являться материалом поэзии, но даже примером грамматики. // Привести пример значит произнести условное высказывание; чистая же лингвистическая форма поддается лишь символическому обозначению. Как действительность, она осуществляется лишь в конкретном речевом выступлении, в социальном акте высказывания» (с. 136). Встречаются, на наш взгляд, и ошибочные суждения в ФМЛ, например замечание о преемственности между В.Гумбольдтом и А.А.Потебней по линии анализа поэтического языка: «Самое понятие поэтического языка у формалистов появляется, конечно, не впервые. Оно было в обиходе и раньше; прежде все-

[1] Бахтин М.М. (под маской)… С. 489 – 490.

го – у Потебни, который и в этом отношении сам является продолжателем традиций Гумбольдта» (с. 93). Своей прямолинейностью эта мысль лишь отдаленно напоминает соответствующие высказывания в МФЯ, например: «Можно сказать, что вся послегумбольдтовская лингвистика до наших дней находится под его определяющим влиянием»; «В русской лингвистической литературе важнейшим представителем первого направления является А.А.Потебня и круг его последователей» – с примечанием: «Его основная философская работа: "Мысль и язык" <…> В основной книге Потебни имеется изложение идей Гумбольдта»[1].

О том, что ФМЛ интересовал своей проблематикой не только литературоведов, свидетельствует, например, внимание к данной книге известного языковеда акад. Г.В.Степанова, рекомендовавшего своим ученикам параллельное знакомство с работами формалистов и их критиков, прежде всего П.Н.Медведева[2]. Отчасти это объясняется инициированными формализмом спорами о соотнесенности поэтики с лингвистикой.

Сделаем выводы. Книга П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении», несмотря на ее литературоведческую специфику, отразила и некоторые черты лингвофилософской концепции «бахтинского круга», позже развернутые в работах В.Н.Волошинова и М.М.Бахтина. Синтез филологических наук и философии был естествен для многих ученых-гуманитариев 1920-х гг., воспитанных на западноевропейских и отечественных научных традициях. По своей проблематике ФМЛ органичен не только в контексте исследовательских интересов самого П.Н.Медведева, в частности как сотрудника ИЛЯЗВа, но и в плане творческого взаимодействия последнего с В.Н.Волошиновым. Видеть в этой книге исключительное влияние, хотя бы и философское, со стороны М.М.Бахтина, тем более использовать это в качестве аргумента его авторства[3], по меньшей мере наивно, – учитывая общий потенциал того интеллектуального «магнитного поля», в котором пребывали и научно взрослели в ленинградской академической среде его ближайшие друзья.

Г.Г.ШПЕТ И М.М.БАХТИН: К ИСТОКАМ МЕТАЯЗЫКА «БАХТИНСКОГО КРУГА»[*]

[1] Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. С. 261.

[2] См.: Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики. С. 32.

[3] Отчетливо это проявляется по отношению к удивленной реплике Б.Л.Пастернака относительно глубокого философского подтекста ФМЛ. См.: Борис Пастернак – Павел Медведев. Письма к П.Медведеву // Литературное наследство. М., 1983. С. 709.

[*] Васильев Н.Л. Г.Г.Шпет и М.М.Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 13: По материалам Четырнадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2007 г.). СПб., 2008. С. 100 – 109.

Имя Шпета нередко фигурирует в различных контекстах размышлений о Бахтине. Исследователи почти единодушны в том, что Бахтин и его ближайшее научное окружение внимательно следили за публикациями одного из видных теоретиков философии языка в России. Следы диалога с современником прослеживаются в трудах «бахтинского круга».

Мы ставим задачу проанализировать степень эвристической и стилистической близости сочинений Шпета и работ, опубликованных Бахтиным и его ближайшими друзьями, поскольку эта проблема специально не рассматривалась; между тем она актуальна в плане осмысления наследия указанных ученых.

Шпет являлся, в частности, руководителем философской секции Российской академии художественных наук. Одним из ее сотрудников был М.И.Каган, который вынашивал планы трудоустройства в академии и Бахтина, вынужденно обретавшегося в провинциальном Витебске. Личное знакомство М.И.Кагана со Шпетом, хотя и не отличавшееся теплотой отношений, тоже могло стимулировать внимание «бахтинского круга» к трудам известного ученого.

О диалоге Бахтина со Шпетом говорится уже применительно к самым ранним бахтинским трудам («<Автор и герой в эстетической деятельности>», «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве»), а также по отношению к «работам М.М.Б<ахтина> второй половины 1920-х гг.», под которыми в первую очередь понимаются так называемые «спорные тексты»[1]. О последних заявляется: «…с середины 1920-х гг. ведущим теоретическим направлением становится герменевтика, представленная, с одной стороны, школой "внутренней формы слова" Г.Г.Шпета, а с другой, – работами самого М.М.Б<ахтина>»[2]. Более того, Шпет категорично именуется заочным «оппонентом» Бахтина чуть ли не во всех направлениях гуманитарной мысли, где пересекались интересы обоих ученых, даже «прямым антиподом М.М.Б»; при этом скрытая полемика со Шпетом усматривается в бахтинских суждениях о работах В.В.Виноградова и иных исследователей, разделявших шпетовские идеи[3].

Однако в авторизованных работах Бахтина 1920-х гг. имя Шпета вообще не фигурирует (!), что заставляет нас критично отнестись к попыткам некоторых исследователей навязать представление о каком-то чрезмерном внимании ученого к трудам философа. Отмечалось, впрочем, на-

---

[1] См.: Комментарии // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 734 – 738, 752, 830 и др. (комментаторы – С.С.Аверинцев, С.Г.Бочаров, Л.А.Гоготишвили, В.Ляпунов, В.Л.Махлин, Н.И.Николаев и др.).

[2] Там же. С. 735 – 736.

[3] Комментарии… Т. 1. С. 472, 481, 740, 748, 751 – 752, 762, 808, 848 и др.; Т. 5 (1996). С. 388 – 393; Т. 6 (2002). С. 572, 641.

личие в архиве Бахтина конспектов ряда «философско-лингвистических» книг, сделанных рукой его жены и предположительно сестры – Н.М.Бахтиной; среди них представлена монография Шпета «Введение в этническую психологию» (1927), законспектированная без какой-либо системы (с. 42 – 84)[1].

Бахтин не упоминает Шпета и в большинстве последующих своих работ. Исключением является лишь исследование «Слово в романе» (1934 – 1935): «Такое разрешение дилеммы в свое время было предложено у нас со всею принципиальностью и последовательностью Г.Г.Шпетом. Художественную прозу и ее предельное осуществление – роман – он совершенно исключает из области поэзии и относит к чисто риторическим формам» (с прим.: «Первоначально – в "Эстетических фрагментах", а наиболее же в законченном виде в книге "Внутренняя форма слова". М., 1927»)[2]. Бахтин подробно развивает свою мысль, полемизируя и с В.В.Виноградовым, и с предшествующей «философией языка» вообще (с. 81 – 82). При этом он использует термины *поэзия*, *риторическое образование*, основанные на шпетовской дихотомии поэтическое/риторическое; в орбиту его словоупотребления втягиваются и другие элементы философского метаязыка Шпета, например: «Конципирование словом своего предмета – акт сложный <…>» (с. 90); «…в языке не остается никаких нейтральных, "ничьих" слов и форм: он весь оказывается расхищенным, пронизанным интенциями <…>» (с. 106).

Обратимся к работам других представителей «бахтинского круга».

П.Н.Медведев в книге «Формальный метод в литературоведении» (1928) пишет: «Итак, между языком как абстрактной системой возможностей и между конкретною его действительностью посредствует социальная оценка. <…> Эту посредническую роль социальной оценки совершенно не понимают сторонники "внутренней формы". <…> Отсюда нелепые попытки показать внутреннюю форму в самом слове, в предложении, в периоде, вообще в языковой конструкции, взятой независимо от высказывания и его конкретной исторической ситуации» (с прим.: «Поучительным примером таких попыток является книга Г.Шпета "Внутренняя форма слова", М, 1927 г. Стремление внести диалектику и историю не мешает ему все же искать внутреннюю форму в языке и субстанциализовать ее в нем. На идеалистической почве, впрочем, иначе и быть не может»)[3].

Полемика с теорией «внутренней формы» содержится и в проспекте книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка»: «В настоящее время интерес к слову идет у нас по двум направлениям. <…> Первое на-

[1] Комментарии… Т. 2 (2000). С. 432, 654 – 655.

[2] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. 1975. С. 81. Далее постраничные ссылки на эту работу даются непосредственно в тексте.

[3] Цит. по: Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993. С. 140.

правление, пройдя через футуризм и осложнившись позитивистическими влияниями, исходящими от некоторых направлений западноевропейского искусствоведения и лингвистики, образовало так называемый формальный метод. Другое направление, сложившееся под влиянием западноевропейской философской мысли – неокантианской, но главным образом феноменологической (Гуссерль) – нашло свое выражение в философии слова Густава Шпета, его учеников и последователей»; «Социальная оценка формирует самое содержание значения слова, т. е. конкретное определение, которое дает слово своему предмету. Пресловутая "внутренняя форма слова" у большинства апологетов-теоретиков является лишь искаженным и научно-непродуктивным выражением для заложенной в слове социальной оценки»[1].

В «Марксизме и философии языка» (1929) фамилия Шпета по числу ссылок занимает среди русских ученых одно из первых мест, наряду с Н.Я.Марром, Р.О.Шор и А.М.Пешковским, хотя заметно уступает в этом отношении именам западных лингвистов, в частности К.Фосслера, Ф. де Соссюра, Ш.Балли. Во Введении В.Н.Волошинов пишет: «…в самое последнее время как в Западной Европе, так и у нас в СССР проблемы философии языка приобретают необычайную остроту и принципиальность. <…> Идет оживленная борьба вокруг "слова" и его систематического места, борьба, аналогию которой можно найти только в средневековых спорах реализма, номинализма и концептуализма. И действительно, традиции этих философских направлений средневековья начинают до известной степени оживляться в реализме феноменологов и концептуализме неокантианцев», – в связи с чем ссылается на книги Шпета «Эстетические фрагменты» и «Внутренняя форма слова»[2]. Вторично имя Шпета всплывает в примечаниях автора, касающихся «направлений философско-лингвистической мысли» (ч. II, гл. I): «Недавно вышла очень острая и интересная книга Г.Шпета "Внутренняя форма слова (этюды и вариации на тему Гумбольдта)". Он пытается восстановить подлинного Гумбольдта из-под наслоений традиционного истолкования (есть несколько традиций истолкования Гумбольдта). Концепция Шпета, очень субъективная, лишний раз доказывает, насколько сложен и противоречив Гумбольдт; вариации вышли очень свободными»; «Термин "этническая психология" предложил Г.Шпет в замену буквального перевода немецкого термина "Völkerpsychologie" – "психология народов". Последний термин действительно совершенно неудовлетворителен, и обозначение Г.Шпета представляется нам весьма удачным. (См.: *Шпет Г.* Введение в этническую психологию. М.:

[1] См.: Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 2. С. 90, 98.

[2] Цит. по: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 218 – 219.

Гос. акад. худ. наук, 1927). В книге дана основательная критика концепции Вундта, но собственное построение Г.Шпета совершенно неприемлемо»[1]. Наконец, В.Н.Волошинов полемизирует со Шпетом в конце II части книги, перекликаясь с П.Н.Медведевым: «В русской литературе об оценке, как о *сознaчении* слова, говорит Г.Шпет. Для него характерно резкое разделение предметного значения и оценивающего сознaчения, которые он помещает в разные сферы действительности. Такой разрыв между предметным значением и оценкой совершенно недопустим и основан на том, что не замечаются более глубокие функции оценки в речи. Предметное значение формируется оценкой, ведь оценка определяет то, что данное предметное значение вошло в кругозор говорящих – как в ближайший, так и в более широкий социальный кругозор данной социальной группы. <…>»[2]. Анализ бахтинских трудов и «спорных текстов» показывает некоторую корреляцию их метаязыка (терминологии, фразеологии) с исследованиями Шпета.

Так, поясняя мысль Бахтина «Элемент и изолированный природный образ не имеют автора, и эстетическое созерцание их носит гибридный и пассивный характер» («<Автор и герой в эстетической деятельности>»), комментаторы его наследия пишут: «Гибридный <…> – термин, встречающийся у Вяч. Иванова <…> и в работах Г.Г.Шпета преимущественно 1920-х гг. »[3]. Это касается и употребления Бахтиным термина *гибридное образование* в более поздней работе «Язык в художественной литературе», где он полемизирует с В.В.Виноградовым[4]. Говорится и о преемственности в использовании термина *высказывание* между Э.Гуссерлем, Шпетом, Р.О.Якобсоном и Бахтиным[5]. Отмечается соотнесенность шпетовской формулы *бытие отрешенное* с метаязыком «бахтинского круга» (*отрешение, эстетическая изоляция*), отразившимся в заметке Л.В.Пумпянского «<Об отрешении>» (1919) и книге П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении»[6]. Подчеркивается связь между категорией В.Соловьева и Шпета «*ничье* сознание» и бахтинскими вариациями на эту тему, в частности в работе «Проблема речевых жанров» (1953 – 1954)[7]. Вместе с тем указываются и расхождения в метаязыке Шпета и Бахтина, например в трактовке терминов *смысл, речевое высказывание, преодоление (материала)*, употребляемых последним не без влияния работ Б.Христиансена,

[1] Там же. С. 261 – 262.
[2] Там же. С. 324.
[3] Комментарии… Т. 1. С. 660.
[4] Комментарии… Т. 5. С. 607.
[5] Там же. С. 828 – 829.
[6] Там же. С. 860 – 861.
[7] Там же. С. 656.

М.И.Кагана, Л.П.Якубинского, в существе концептов *эмоциональный тон* (Шпет) и *чувство словесной активности* (Бахтин)[1].

Дополним эти факты нашими наблюдениями в русле темы доклада.

Очень интересно, что Шпет, как и Бахтин в авторизованных работах 1920 – 1930-х гг., крайне редко прибегает к использованию марксистской терминологии и тем более не маскирует ею свои идеи. Он упоминает, например, о Ленине, но совершенно объективированным, отстраненным тоном: «Лицо субъекта выступает, как некоторого рода р е п р е з е н т а н т, представитель, "иллюстрация", знак общего смыслового содержания, с л о в о (в его широчайшем символическом смысле архетипа всякого социально-культурного явления) с о с в о и м с м ы с л о м (Цезарь – знак, "слово", символ и репрезентант цезаризма, Ленин – коммунизма, и т. п.)[2]. То же касается идеологически нейтральной ссылки на Маркса: «Ср. к первому – анализ п р о ц е с а т р у д а, а ко второму – понятие ф е т и ш и з м а т о в а р а, в I-ом томе "Капитала" К.Маркса <…>» (с. 179). Термин *надстройка*, используемый В.Н.Волошиновым в «Марксизме и философии языка» со всей идеологической определенностью, Шпет употребляет только в переносном смысле, напр.: «Откуда почерпается матерьял для всей надстройки эмоционального впечатления от художественного произведения?» (с. 152). Еще реже встречаются у него термины *диалектика, диалектический, метафизический, мировоззрение* и т. п.

На уровне научной методологии в творчестве Шпета и Бахтина можно найти контексты, свидетельствующие о разной степени их эвристической близости:

а) шпетовские формулировки, близкие по духу, стилистической и даже архитектонической (частая разрядка!) организации работам «бахтинского круга», напр.: «Личные, индивидуальные и колективные (школа, эпоха и т. п.) особенности эмоционального словоупотребления запечатлеваются в объективных особенностях синтаксической конструкции, интонации, мелодии и пр. Эти особенности в своей совокупности создают объективно определимые м а н е р ы, ж а н р ы, с т и л и» (с. 152); «Что касается полноты и богатства выражения, то их обоснование вытекает непосредственно из определения социальной вещи, как осмысленного з н а к а, и, в то же время, как с р е д с т в а (орудия труда и творчества)» (с. 188); «Б и о л о г и ч е с к о е и п с и х о ф и з и ч е с к о е – сами приобретают с о ц и а л ь н ы й смысл, и притом величайший социальный смысл. Все акты биологической особи, известные под абстрактными названиями реф-

[1] Там же. Т. 1. С. 754, 829, 833 – 834, 862.

[2] Шпет Г. Внутренняя форма слова: (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 1927. С. 200. Далее постраничные ссылки на это издание даются непосредственно в тексте. Сохраняются особенности шпетовской орфографии, в частности написание заимствованных слов без двойных согласных букв.

лексов, реакций, импульсивных движений, оказываются социально значимыми, как акты социального подражания, симпатии, интонации, жестикуляции, мимики и т. д.» (с. 189); «Сама смерть, раз она фигурирует в качестве аргумента, имеет разное значение применительно к антропологическому индивиду и социальному субъекту: физическая смерть первого еще не означает смерти его, как социального субъекта» (с. 196); «Есть особый род изображения в области культурного, в частности художественного творчества, который мы называли (<с.> 209) с т и л и з а ц и е й, и рассмотрение смысла которого дает возможность еще с новой стороны и глубже проникнуть в проблему, над которою мы стоим. Стилизация тем отличается от простой подделки, что она не претендует на эмпирическую подлинность вещи и ее временнóго контекста. Стилизация есть процес д в о й н о г о сознания, двойственность которого не скрывается, а тонко подчеркивается по мотивам специального эстетического интереса и художественного задания» (с. 212);

б) контексты, в которых можно наблюдать как сходство, так и различие в трактовке учеными тех или иных явлений, например: «Существенно, однако, везде – с о ц и а л ь н о е намерение социального субъекта, о котором в естественной экспресии не говорится. Это намерение его состоит именно в том, чтобы выразить (или скрыть) свое субъективное отношение к чему-либо» (с. 205); «Уже простая конвенциональность, вносимая художником в их («экспресивные формы». – *Н.В.*) изображение, есть их с о ц и а л и з а ц и я. Возникает вопрос: не лишаются ли эти формы вместе с тем и другой своей черты – т в о р ч е с к о й с у б ъ е к т и в н о с т и? Пусть язык, как социальная вещь, не только – осуществление идеи, но и объективация социального субъекта, и пусть языковая экспресия имеет своего индивидуального или колективного субъекта, – не мало ли этого? Ведь существенно, что в нашем чувстве субъекта, "скрытого" за своей экспресией, в истолковании этого чувства, мы все же под т в о р ч е с к и м субъектом понимаем не отвлеченный или "средний", безличный объект индивидуальной и социальной психологии <…>» (с. 216);

в) контрарные суждения ученых, например: «Я не спорю против того, что творчество в сфере воображения может ставить себе такую задачу, принимая ее за внутреннюю задачу самого творчества (роман!), но я только утверждаю, что это – не задача п о э т и ч е с к о г о творчества» (с. 152).

Научный стиль Шпета, по сравнению с бахтинским, выглядит более строгим и даже бескомпромиссным по отношению к читателю. Напр.: «И всё это, с геометрически прогресирующими коэфициентами, приходится вариировать и повторять о предложениях перцептивных, общих, и пр., более сложных по построению и структуре, но, в конечном счете, непре-

менно базирующихся на номинации» (с. 111); «Если мы примем первый член дилемы, мы утверждаем права вещей, в их концептивной о т о б р а ж е н н о с т и, называться всячески, то те же права принадлежат конципируемой, что значит здесь – нами конституируемой, ф е н о м е н а л ь н о с т и» (с. 133 – 135); «…ибо вообще фундирующее основание по отношению к фундируемому только п о т е н ц и а л ь н о» (с. 151); «Без всякой натяжки можно уподобить такой трансцензус тому гипостазированию чистого сознания, которое создает из его критики догматическую метафизику» (с. 201).

С другой стороны, идиостиль Шпета, при всем академизме, отличается яркой образной поэтикой, не характерной в такой же степени для Бахтина. Напр.: «Для всего этого необходим я з ы к, так как именно в нем духовное стремление прорывает себе путь через губы и возвращает свой продукт к собственному уху» (с. 16); «Слова свободно текут из груди человека, и нет ни в какой пустыне орды, у которой не было бы песен. Человек – поющее животное <…>» (с. 17); «Простое слово есть полный распустившийся цветок языка» (с. 19); «Гумбольдт берет оба указанные им предела <…> как строго очерченные грани, – как бы "верх" и "низ", – между которыми, как поршень в насосе, работает формообразующее языковое начало. На деле, материя языка функционирует в нем, как питательные соки – в растении. Трудно точно установить, когда запредельная растению влага превращается в его сок и когда она в его дыхании и испарении выходит за пределы его форм» (с. 64); «Именно эта завлекающая психология поддерживает и те гностические чисто рассудочные учения, которые с настоящею мистикою ничего общего даже не имеют, но нагнетают ее в свои рассудочно-схематические костяки, разукрашенные фантастическою пестротою алегорических, символических, эмблематических тряпок» (с. 156); «Как сказано, созерцание стоит перед чистою д а н н о с т ь ю – до сознания ее, как данности воспринимаемой, фиктивной, галюцинаторной или еще какой» (с. 184).

Есть, впрочем, интересные параллели в музыкальных аналогиях метаязыка ученых. Шпет пишет в предисловии к своей книге: «Если бы автор был вообще смелее, он, наверное, прибавил бы к словам "этюды и вариации" еще один музыкальный термин: "и фантазии"…» (с. 9); напомним, что Бахтин в известном исследовании «Проблемы творчества Достоевского» (1929) тоже заимствует из сферы музыкального искусства знаковое понятие *полифония*.

В работах Шпета и Бахтина можно найти общие для обоих концепты: *интенция*, *интенциональный*, *конципирование*, *конципировать*, *самодавлеющий*, *философско-лингвистический*, *философия языка* и др. Есть переклички такого рода между Шпетом и В.Н.Волошиновым: *знак*, *живописный* (стиль речи), *концептуализм*, *линеарный/линейный* (стиль речи), *тех-*

ника (слова, речи). Но больше бросается в глаза уникальность шпетовского терминологического инструментария, кажется вовсе не отзывающегося эхом в работах «бахтинского круга»: *алгоритм, аналогон, антитетика, аперцепция, апрегензия, виртуально, гностицизм, гностический, гомолог, гомология, гомологичный, двоеречие, дистинкция, дистрибутивно, енергийный, индекс, квантифицироваться, компонировать, конвенциональность, конвенциональный, конверсия, конституировать, контрапозиция, концепт, корелативный, модус, онтологика, отрешаемость, потенция, прагматическая речь, предикативный применение, продуцирующий (субъект), профетические конструкции, регулятор, редукция, релативизовать, репрезентировать, самоэкспрессивность, самость, сочетательные формы, сочлен, структурный, сублиминально, сублиминальный, тропированная речь, условная речь, феноменальность, фидеизм, эвритмия, эквивокация, экспликабельный, экспонибельное предложение, экспонибильность, экспонирование, экспонировать, элиминация* и т. п.

Научная проза Шпета отличается от публикаций «бахтинского круга», за исключением трудов М.И.Кагана, и колоритным многоязычием: немецкие, латинские, древнегреческие слова и выражения встречаются у него почти на каждой странице. Интересно, что некоторые употребляемые ученым латинские варваризмы (*explicite, implicite, minimum, NB, quasi-, sui generis*) фигурируют в работах Бахтина и его друзей[1], хотя вряд ли это следует рассматривать как непосредственное влияние Шпета. При этом если Бахтин и В.Н.Волошинов активно используют варваризмы *medium, par excellence*, то Шпет, наоборот, отдает предпочтение русским экви-валентам этих понятий: *посредник* (с. 180, 186, 200), *по преимуществу* (с. 215).

Несмотря на корреляцию научных интересов Шпета и Бахтина: (философия, психология, эстетика, филология и др.), а также некоторую соотносительность их судеб (оба были репрессированы в 1930-х гг.), мы все же приходим к выводу, что не только в методологическом, но и в метаязыковом отношениях они далеки друг от друга. Первый выглядит полифоничнее, смелее и интереснее в плане выражения мыслей, использует самые различные языковые ресурсы, нередко алгебраические символы и формулы, употребляя их порой в игровом ключе. Лингвистическая оригинальность Шпета выразилась даже в орфографии иноязычных слов: *граматика, интелектульный, кристал* и т. д. В этом контексте написание В.Н.Волошиновым в обоих изданиях «Марксизма и философии языка» (1929, 1930) шпетовской фамилии с удвоенными согласными (*Шпетт*) –

[1] См.: Васильев Н.Л. Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 71 – 80.

казус, достойный внимания[1], едва ли не шарж на орфографическую «идиосинкразию» Шпета.

Не у всех представителей «бахтинского круга» обнаруживаются ссылки на шпетовские труды[2]. Наиболее созвучной интересам Бахтина и его друзей была книга Шпета «Внутренняя форма слова». Стилистически ближе к нему М.И.Каган и В.Н.Волошинов, который не только активно обозначил внимание к работам современника, но и тоже прибегал к полуозорным эпиграфам, хотя в этом мы усматриваем и влияние на него литературоведа Г.Е.Горбачева[3].

Общее у Шпета и Бахтина, – что, вероятно, отчетливо осознавал последний, – понимание роли Философа как интерпретатора всех гуманитарных и отчасти естественнонаучных проблем. Оба выступают в самых разных амплуа, касаясь даже тонких вопросов физиологии и биологии[4]. Отличие – в том, что Шпет оставил замечательный труд по истории общественной мысли в России («Очерк развития русской философии») и меньше известен как литературовед, хотя претендовал на теоретическое лидерство в этом плане: «Проблема принципиальных и методологических оснований литературоведения – частная проблема философии и методологии научного знания»[5]. О возможной творческой эволюции Шпета, проживи он дольше, судить сложно. Бахтин же вынужденно сублимировался в условиях советской идеологии как скрытый философ, выражавший себя преимущественно в литературоведческих трудах.

---

[1] См.: Васильев Н.Л. К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник Вып. 11. СПб., 2006. С. 79.

[2] Ср.: Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. тр. по истории рус. литературы. М., 2000.

[3] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 12 – 13, 20.

[4] См., напр.: Шпет Г. Память в экспериментальной психологии. Киев, 1905; Канаев И.И. [Бахтин М.М.]. Современный витализм // Человек и природа. 1926. № 1. С. 33 – 42; № 2. С. 9 – 23.

[5] См.: Тезисы к докладу Г.Г.Шпета: «О границах научного литературоведения» // Каган М.И. О ходе истории. М., 2004. С. 570.

6. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ М.М.БАХТИНА

БАХТИНИЗМ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН*

1. Появление в печати в 1960-х гг. работ мало кому известного провинциального преподавателя, пребывающего к тому же на пенсии, привело к беспрецедентному в науке феномену – «индустрии Бахтина».

Уникальность бахтинизации современной гуманитарного знания заключается, во-первых, в «заражении» идеями ученого сразу нескольких общественных наук (философии, эстетики, этики, литературоведения, языкознания, семиотики, психологии, педагогики и др.); во-вторых, во всемирном характере распространения его оригинальной методологии и терминологии. Пожалуй, ни одно ментальное течение (марксизм, фрейдизм, пушкинизм и др.) не имело столь мощного воздействия на ученый мир.

2. В чем причины такого необычного явления? Их несколько – как объективных, так и случайных, конъюнктурных.

Во-первых, интеллектуальная привлекательность идей ученого, заметно ожививших теоретический аппарат и метаязык современной науки, оплодотворивших ее новыми подходами к уже изученному, казалось бы, материалу. Исследования Бахтина продемонстрировали перспективность междисциплинарной методологии – стыковок литературоведения, лингвистики, философии, эстетики; восприятия текста как герменевтического объекта. Вместе с работами Бахтина пришли или актуализовались такие понятия, как *диалог, полифония, жанр, чужое слово, металингвистика, хронотоп, карнавал, народно-смеховая культура, большое время, событие бытия* и др.

Во-вторых, то обстоятельство, что благодаря трудам Бахтина «воскресли» многие полузабытые имена, традиции отечественной науки, питавшей ученого. Бахтин стал своеобразным посредником между прошлым и настоящим, поражая современного исследователя уровнем образованности, едва ли не естественным для гуманитариев XIX – нач. XX в. Он вступал в диалог со всеми предшественниками, в то время как его соотечественники до определенного момента имели возможность опираться лишь на труды методологически и биографически «лояльных» по отношению к социалистической системе мыслителей.

---

* Васильев Н.Л. Бахтинизм как историко-культурный феномен // Бахтин и время: Тез. докл. IV Бахтинских чтений. Саранск, 1998. С. 10 – 12.

В-третьих, это бесспорное обаяние стиля Бахтина и «образа автора», проступающего сквозь его тексты: оригинальное терминотворчество, вариативность репрезентации мысли, необычная культура слова, «суверенность», интеллигентность, отсутствие «общих» мест, идеологических заклинаний, философский эзотеризм, скрытый нравственный императив и др.

В-четвертых, особенности судьбы ученого: прерванные революцией образование и естественный уклад жизни; внутреннее диссидентство, порой маскировавшееся под «примирение с действительностью»; яркий дебют книгой «Проблемы творчества Достоевского»; репрессии, болезни, гонения; многолетний перерыв в публикациях, работа «в стол»; белые и темные пятна в биографии, странные формы соавторства с друзьями; философское отшельничество, олимпийское спокойствие абсолютно уверенного в своей миссии человека…

Есть от чего прийти в удивление! Тем более, что Бахтин являлся одним из немногих представителей плеяды молодых философов и филологов 1920-х гг., уцелевших после стольких лет «борьбы за выживание». Ближайшее его окружение почило почти бесследно еще в довоенное время.

Наконец, нельзя не отметить идеологическую актуальность работ Бахтина в период их начального восприятия (критика авторитарного слова – в искусстве и в жизни; апология народного сознания, «хора», равноправия социальных голосов), что тоже послужило катализатором внимания к размышлениям исследователя.

3. Помимо, безусловно, положительных сторон явления, о котором идет речь, есть и отрицательные моменты эпидемии увлечения бахтинскими идеями. Наблюдается некритичное усвоение отдельных, действительно, ценных открытий ученого, выражающееся в подражании, эпигонстве, начетничестве (вплоть до появления работ «в свете идей Бахтина»). Программы многих «бахтинских конференций» пестрят докладами, лишь формально связанными с проблематикой, разрабатываемой ученым, напичканными модными терминами. Встречается непонимание существа мыслей ученого, их конъюнктурное восприятие. В результате, как справедливо сетуют некоторые исследователи, у нас много бахтиноведов, но нет продолжателей Бахтина.

4. Давно пора перейти к взвешенному диалогу с предшественником. Многие популярные идеи Бахтина – при всей их привлекательности – получили сдержанно-критическую оценку, оказались недостаточно разработанными, не нашли применения. Отметим, что это совершенно нормальное явление для развития науки. Уместно напомнить о реакции авторитетных ученых на исследования Бахтина: «За универсализацию, имеющую совершенно безобразный характер, его не хочется бранить: это – ув-

лечение "первооткрывателя"… Но, конечно, было бы страшно… если бы вслед за Бахтиным его поклонники стали во всех периодах мировой литературы открывать "народное смеховое творчество"» (В.М.Жирмунский – В.Б.Шкловскому. 6.IX.1970); «В научном отношении Тынянов, в определенном смысле, подобен Бахтину: конкретные идеи часто ложные, а концепции предвзятые…» (Ю.М.Лотман – Б.Ф.Егорову. 31.VII.1984); «Утверждая полифонизм Достоевского, Бахтин в своих работах, как это ни парадоксально, крайне монологичен и дидактичен» (Г.М.Фридлендер. Ответ на вопросы редакции ДКХ по поводу 30-летия выхода 2-го изд. книги «Проблемы поэтики Достоевского»)[1].

5. Мы, разумеется, не против максимальной популяризации работ Бахтина, но против складывающегося культа ученого. Усвоение предшествующего знания предполагает не слепое преклонение перед авторитетом, а диалектическое восприятие уже достигнутого, его продолжение, преломление в новых общественно-эстетических условиях. Культура и культ «две вещи несовместные».

ПАРАДОКСЫ БАХТИНА И ПАРОКСИЗМЫ БАХТИНОВЕДЕНИЯ*

Современное «бахтиноведение» вполне созрело для ироничной констатации предела своих возможностей как науки в постижении феномена Бахтина. Не ясны многие обстоятельства жизни ученого; складывается впечатление о мистификации Бахтиным не только отдельных моментов биографии, но творческого пути; запутан вопрос об авторстве «спорных текстов»; не опубликована библиография созданных ученым работ, без которой трудно ориентироваться в том, какое литературное наследие оставил Бахтин, как хронологически протекала его научная деятельность, что при этом выходило на «поверхность», а что оставалось в тени, принимало форму скрытого или мнимого соавторства[2].

С.С.Конкин, кажется, окончательно доказал, что Бахтин не знал, к какому социальному слою он принадлежал по рождению, т. е. ошибочно идентифицировал себя с дворянским классом, причем с древним родом, имевшим «родство или свойство» с А.Д.Кантемиром, литераторами И.И.Бахтиным и Н.И.Бахтиным, основателем орловского кадетского кор-

---

[1] См.: Переписка Б.М.Эйхенбаума и В.М.Жирмунского // Тыняновский сборник. Рига, 1988. С. 321; Ю.М.Лотман: Письма 1940 – 1993. М., 1997. С. 331; Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С. 15.

* Васильев Н.Л. Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения // Бахтинские чтения: III (Материалы Междунар. науч конф. Витебск, 23 – 25 июня 1998 г.). Витебск, 1998. С. 68 – 74.

[2] См. об этом, в частности: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его тексты // Бахтинские чтения. Вып. 2. Орел, 1997. С. 125 – 126.

пуса М.П.Бахтиным и др.[1] Признания Бахтина, сделанные в разговоре с В.Д.Дувакиным, истолковывают по-разному: как имплицитное подразумевание побочного, например крестьянского, происхождения ветви «наших» Бахтиных, «забывчивость» мемуариста, плохое знание им истории семьи или намерение выдать желаемое за действительное[2]. Но вот в недавно опубликованных материалах об орловских корнях Бахтина появилось замечание о том, что среди его родственников по линии отца, наряду с купцами, были и дворяне[3]. Вероятно, это придаст новый импульс полемике о социальном происхождении Бахтина[4].

В.И.Лаптун, Н.А.Паньков и другие исследователи обратили внимание на явные нестыковки реальной и «документальной» (апокрифической) биографий Бахтина[5]. Странным образом он переводился из одного гимназического класса в другой, фигурировал то в Новороссийском, то в Петроградском университете; успел, не закончив гимназии, получить высшее образование и даже побывать в 1910 – 1912 гг. на учебе в Германии; готовился к профессорскому званию...

Вершиной этой забавной пирамиды была защита кандидатской диссертации без представления диплома о высшем образовании[6].

После публикации автобиографий Бахтина витебского периода, в которых он пишет, что родился в 1891 г. (назывались и 1892, 1893 гг.), учился в Марбурге и Берлине, а в 1914 г. закончил Петербургский университет, стало ясно, что принимать на веру признания ученого, касающиеся его жизни, нужно более чем осторожно. Автор концепций полифоничного романа и карнавальной стихии был, возможно, и создателем жанра аван-

---

[1] См.: Кожинов В., Конкин С. М.М.Бахтин. Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 5 (версия В.В.Кожинова о происхождении Бахтина, несомненно, учитывала позицию последнего, поскольку указанная статья была опубликована при жизни ученого); Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996. С. 17, 18.

[2] См., напр.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 33; Иванова Л.В., Саран А.Ю. Истоки биографии М.М.Бахтина в документах // Бахтинские чтения. Вып. 2. Орел. 1997. С. 279 – 282.

[3] См.: Иванова Л.В., Саран А.Ю. Указ. соч. С. 279.

[4] См.: Конкин С.С. Пора закрыть вопрос о родословной М.М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1994. № 2. С. 119 – 123; Паньков Н.А. Вопрос о родословной М.М.Бахтина: все ли так ясно? // Там же. С. 124 – 137; Конкин С. И снова о родословной Бахтина // Изв. Мордовии. 1995. 23 дек.; Васильев Н.Л. Комментарий к комментариям биографов М.М.Бахтина // ДКХ. 1995. № 4. С. 157 – 160.

[5] См.: Лаптун В.И. К «биографии М.М.Бахтина» // ДКХ. 1993. № 1. С. 67 – 73; Паньков Н.А. Загадки раннего периода: (Еще несколько штрихов к «биографии М.М.Бахтина») // Там же. С. 74 – 89; Лисов А.Г., Трусова Е.Г. Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М.М.Бахтина // ДКХ. 1996. № 3. С. 161 – 166.

[6] См.: Паньков Н.А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее…»: (Защита диссертации М.М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 38.

тюрно-мифологической биографии… Вот характерные примеры вариативной интерпретации им своего прошлого: «…учился в университетах, Одесском и Петербургском, 3 года (диплома не получил)» (ответ на вопрос следователя в 1928 г.); «Д<увакин>: Вы успели до революции кончить гимназию… // Б<ахтин>: Да, это я все успел. // Д<увакин>: …и университет? Или нет? // Б<ахтин>: И университет, да-да, и университет. Правда, не совсем уже: после революции я уже сдал государственные экзамены»[1].

Мифологизирует Бахтин и свое научное творчество. Так, при поступлении в 1945 г. на работу в Мордовский пединститут в списке изданных трудов он указал, что не включил "мелкие статьи и рецензии в журналах и газетах"[2], что можно рассматривать как полуправду, поскольку под его именем, насколько это известно сейчас, была напечатана лишь заметка в невельской газете «День искусства». За время непосредственной работы в вузах Саранска (1936 – 1937, 1945 – 1961 гг.) ученый не опубликовал ни одного труда и всего лишь две газетные рецензии. Между тем его коллеги по кафедре печатали в те годы монографии, учебники, статьи[3]; обсуждали на заседаниях кафедры рукописи своих новых работ, активно выступали в периодической печати… Бахтин, как показывает анализ факультетских документов, лишь имитировал научную активность, занимаясь банальными «приписками». Яркий пример этому – постановление Ученого совета МГПИ от 21.03.1951 г.: «Тов. Бахтин имеет монографию на тему: "Язык и стиль литературного произведения в свете учения т. Сталина по языкознанию"»[4]. Можно проследить, как из года в год исследователь отчитывался на заседаниях вверенной ему кафедры стандартными ссылками на готовые статьи, учебные пособия, за которые он, скорее всего, и не брался. Параллельно этому шла «подпольная работа», не выходившая наружу, остававшаяся в столе в виде рукописей, черновиков. Двойная жизнь, двойная бухгалтерия кустанайского экономиста…

Полемика относительно авторства «спорных текстов» постепенно вошла в новую фазу. Обнаружилось, что В.Н.Волошинов и отчасти П.Н.Медведев не были случайными людьми в академической науке. Волошинов, в частности, получил в послереволюционное время отменное филологическое образование в стенах Петроградского университета; закончил аспирантуру Института сравнительной истории литератур и язы-

---

[1] См.: Паньков Н.А. Загадки раннего периода… С. 82; Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 23.

[2] См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

[3] См., например, справочник: Труды сотрудников Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева (1957 – 1967). Саранск, 1971.

[4] Архивные материалы о преподавательской работе М.М.Бахтина в Мордовском педагогическом институте / Публ. В.И.Лаптуна. ДКХ. 1996. № 1. С. 73.

ков Запала и Востока; несколько лет проработал в научно-педагогических учреждениях Ленинграда, написав и опубликовав немало трудов, – в том числе и такие, которые никогда не ассоциировались с бахтинскими[1].

Вопрос об авторе «Марксизма и философии языка» неожиданно вовлек в себя еще одну больную проблему: кому принадлежит монография «Проблема передачи чужой речи (Опыт социолингвистического исследования)», положенная в основу третьей части «Марксизма и философии языка»[2]. Появилось свидетельство и в пользу того, что Бахтин являлся лишь идейным, а не буквальным автором «Марксизма и философии языка»: «…отвечая на мой вопрос об авторстве книг, подписанных именами Медведева и Волошинова, Михаил Михайлович назвал своим созданием книгу о формальном методе. <…> Про другие же работы Бахтин сказал, что в них выражены его идеи, развитые им в лекциях для круга учеников. Он отрицал, что у Волошинова есть что-либо самостоятельное и отмечал в своих отношениях с ровесником, как я записал, "естественное соотношение между учителем и учеником"»[3]. Таким образом, мы не можем, как раньше, слепо доверять сообщениям на этот счет предшествующих мемуаристов…

Уничижительная оценка Бахтиным научного потенциала Волошинова тоже представляет загадку: в устных мемуарах, письмах, разговорах со знакомыми Бахтин игнорирует становление своего друга как филолога, подчеркивает неспособность его к продуцированию научных идей, отсутствие какого-либо влияния на Волошинова со стороны университетских учителей и коллег, в числе которых, заметим, были В.В.Виноградов, В.М.Жирмунский, Б.А.Ларин, С.П.Обнорский, Л.В.Щерба, Л.П.Якубинский и др.

Интересную попытку обосновать принадлежность Бахтину «тетралогии» 1920-х гг., найти выход из нравственного кризиса, который с неизбежностью возникает в результате признания авторского компромисса Бахтина, Волошинова и Медведева, предпринял с риторико-центристских

---

[1] См., в частности: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 9 – 15; Личное дело В.Н.Волошинова // ДКХ. 1995. № 2. С. 70 – 99. Последний документ, впрочем, по мнению ряда исследователей, говорит не в пользу научной дееспособности Волошинова (см., напр.: Пешков И.В. …Mozart, или Поступок как риторика ответственности // Риторика. 1996. №. 1. С. 56 – 58; Он же. Новый Органон // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 555 – 559). К сожалению, пока не опубликованы анонсированные Д.А.Юновым новые материалы о биографии и творческом наследии В.Н.Волошинова: «письма и дневники», «библиография работ… примечания, указатели» (Волошинов В.Н. Указ. соч. С. 4).

[2] См.: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. С. 532 – 533.

[3] Свительский В.А. Идеи М.М.Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века // М.М.Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Витебск, 1994. С. 119.

позиций И.В.Пешков[1]. Однако «новая риторика» Бахтина воспринимается таковой лишь с позиции сегодняшнего дня, «большого времени», – в прошлом же она могла быть не риторическим, а прагматическим изобретением… Гораздо перспективнее наблюдения того же исследователя относительно терминологических и фразеологических перекличек между соавторскими книгами Бахтина, Волошинова, Медведева – и проспектом «Марксизма и философии языка»[2].

Интересно, что после неудачной попытки опубликовать серьезную академическую статью в журнале «Русский современник» Бахтин переходит на нелегальную научную деятельность – печатается, как бы в отместку, под именами своих ближайших друзей, причем по самому широкому спектру проблем – от биологии и психологии до литературоведения, лингвистики, поэтики, философии. А позже – с непринужденностью гения – и по проблемам кооперации… Публикация под его именем «Проблем творчества Достоевского» выглядит в контексте этого, скорее, вынужденной, – навязанной обстоятельствами неожиданного ареста и необходимостью в связи с этим обозначить свое имя как исследователя в общественном сознании, с целью облегчить друзьям хлопоты об изменении участи приговоренного к поселению на Соловки молодого ученого.

Личная жизнь Бахтина определялась рядом существенных моментов, редко соединяющихся в биографии одного человека – хронической болезнью, мешавшей учиться и полноценно работать; социальной катастрофой 1917 г., выбившей почву под ногами, заставившей приспосабливаться к новому укладу жизни; необходимостью элементарного физического выживания в условиях, мало подходящих для этого даже представителям пролетарских слоев России; постоянной угрозой репрессий; гибелью близких людей (родителей, сестер, друзей); разлукой с братом, с которым его связывало и духовное родство; опасением, что белогвардейское прошлое Н.М.Бахтина отрицательно скажется на жизни семьи самого Бахтина; отсутствием у него детей, что является мощным психологическим фактором, определяющим жизнедеятельность человека; вселенским характером научных интересов (античник, знаток европейского средневековья и Возрождения, заочный ученик немецких философов) и невозможностью прямого контакта с объектами исследовательского внимания, выезда за рубеж (препятствием было не только «уголовное» прошлое и наличие «родственников» за границей, но и ампутированная нога).

В комплексе это не могло не отразиться на «философии жизни» мыслителя: он почти полностью подчинил себя Труду, Размышлению, отверг-

[1] См., напр.: Пешков И.В. М.М.Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. М., 1996. С. 100 и др.; Он же. Новый Органон. С. 552 – 553, 572 – 579.

[2] См.: Пешков И.В. Новый Органон. С. 554 – 559.

нув сиюминутное, конъюнктурное, в том числе ученые звания, тешащие самолюбие иного исследователя дежурные публикации, до определенного момента и «игрушку мира – славу»… Работая на вечность, рассчитывая на подлинное бытие в «большом времени», Бахтин тем не менее оставлял за собой право на некоторую коррекцию представлений о его жизни в сознании потомства.

Биографию Бахтина можно рассматривать и как авантюрный роман и как роман испытания. В ней вместилось многие жизненные жанры: личная трагедия, социальная драма, комедия с переодеванием (смена философского метаязыка на филологический, эзотерического на марксистский и т. д.), героическая эпопея с защитой диссертации… Были и лирические страницы, о которых на склоне лет поведал сам Бахтин, вспоминая невельский период жизни.

Исследователь форм чужой речи на практике осуществлял эксперименты с различными проявлениями авторского начала. Имплантация «цитат» из Н.М.Бахтина, М.И.Кагана осуществлена в автобиографическом «тексте» ученого. Правда и вымысел в жизни Бахтина соотносительны с пропорцией этих категорий в художественном произведении. Задача будущего биографа ученого – прочесть и прокомментировать жизнь Бахтина с новых герменевтических позиций, без прежней идеализации и наивности.

ФЕНОМЕН БАХТИНОВЕДЕНИЯ В СССР (РОССИИ), ИЛИ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ…*

> Нельзя быть великим в своем времени, величие всегда апеллирует к потомкам, для которых оно станет прошлым… (М.М.Бахтин. Эпос и роман. 1941)

Нам уже приходилось писать о том, что беспрецедентный интерес к биографии, окружению, литературному наследию М.М.Бахтина, сопоставимый разве что с пушкинистикой, во многом инспирировался в СССР

* Васильев Н.Л. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени // Невельский сборник: Статьи, воспоминания: По материалам Десятых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2003 г.). Вып. 9. СПб., 2004. С. 62 – 67.

обостренным вниманием к российской истории нач. XX в., насильственно отторгнутой или «отредактированной» в советское время[1].

Вряд ли случайно становление отечественной «бахтинской индустрии» совпало с началом Перестройки. Именно с этого времени стали появляться коллективные сборники работ об ученом, материалы разнообразных специализированных конференций, серийные журнальные выпуски, массовые переиздания бахтинских и парабахтинских трудов, библиографические указатели, рецензии и т. д.[2]

Мощное становление бахтиноведения в России вылилось, по существу, в своеобразную культурологию философской и филологической мысли Серебряного века с учетом трансформации последней в 1920-х гг. Благодаря повышенному интересу к трудам Бахтина воскресли многие полузабытые имена ученых, традиции отечественной науки. Бахтин стал своеобразным посредником между прошлым и настоящим, поражая современных исследователей неслыханным уровнем образованности. Он вступал в диалог со всеми предшественниками, в то время как его соотечественники, родившиеся в XX в., до самого последнего времени имели возможность опираться лишь на труды методологически и биографически «лояльных» по отношению к социализму мыслителей. Важную роль сыграла и идеологическая актуальность работ Бахтина в период их первоначального восприятия (критика авторитарного слова – в искусстве и в жизни[3]; апология народного сознания, «хора», равноправия социальных голосов). Привлекал и независимый, суверенный характер его личности, размышлений, лишенных идеологических догм. Тем более, что Бахтин являлся одним из немногих представителей плеяды русских гуманитариев прошлого, доживших до 1970-х гг.

В данной статье мы постараемся развить и обосновать некоторые из высказанных ранее тезисов.

Начнем с того, что еще относительно недавно Бахтин представлялся уникальным явлением интеллектуального духа, чудом сохранившимся для потомков… Его фигура высилась среди современников, как одинокая вершина айсберга. Случайные люди, бытовавшие в его окружении, лишь

---

[1] См.: Заключение // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 157; Васильев Н.Л. Бахтинизм как историко-культурный феномен // Бахтин и время: Тез. докл. IV Бахтинских чтений. Саранск, 1998. С. 10 – 12.

[2] См., напр.: Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985; Махлин В. Бахтин и проблемы «новой науки» // Вопр. лит. 1987. № 8. С. 213 – 221; Он же. Наследие М..Бахтина в современном зарубежном литературоведении // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 4. С. 316 – 329; Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. Саранск, 1989; М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989.

[3] См.: Васильев Н.Л. Диалог или диктат: (к методологии общения)? // Диалог о диалоге. Саранск, 1991. С. 94 – 97.

оттеняли достоинства этой личности и ее исключительность: философ М.И.Каган, литературовед П.Н.Медведев, филолог Л.В.Пумпянский, «поэт и музыкант» В.Н.Волошинов, «пианистка» М.В.Юдина, музыковед И.И.Соллертинский, сначала просто «брат-2», а потом уже критик, публицист, филолог, античник Н.М.Бахтин, биолог И.И.Канаев и др. Позже выяснилось, что каждый из них был оригинальным явлением, а вместе эти люди, дополняя друг друга, создавали ту культурную среду, в которой воспитывались и духовно обогащались все они, независимо от научной или творческой специализации.

Наряду с этими именами обозначился новый – пристальный – интерес к культурной среде Ленинграда, Витебска, Невеля, ко многим явлениям прошлого: организация «Воскресение», журналы «Звезда», «Записки Передвижного театра…», литературное общество «Омфалос», ИЛЯЗВ, ГАХН (РАХН), ГИРК, ФОН (факультет общественный наук), ВОЛЬФИЛА (Вольная философская ассоциация), СОРАБИС (Витебский губернский союз работников искусств) и т. д.

С чувством преодолеваемой немоты мы проговаривали вслух труднопроизносимые фамилии современников Бахтина – филологов, философов, людей искусства: Н.П.Анцифиров, С.А.Аскольдов, А.И.Введенский, Ф.Ф.Зелинский, Н.Н.Ланге, Р.О.Ланге, Н.О.Лосский, Н.А.Малько, А.А.Ухтомский, О.М.Фрейденберг, Р.О.Шор, Г.Г.Шпет, Б.М.Энгельгардт… Еще более смутно всплывали в памяти, как обломки «Титаника», имена западных философов, естественников, особенно немарксистской ориентации: А.Бергсон, Ф.Брентано, М.Бубер, Э.Гуссерль, В.Дильтей, Г.Дриш, Г.Зиммель, Э.Кассирер, Г.Коген, П.Наторп, Г.Риккерт, М.Шелер… Активизировались такие термины, как неокантианство, феноменология, марбургская школа и др. Даже марксизм и тот стал объектом реанимированного внимания, вследствие интереса к его рецепции в молодой советской науке.

Научный метаязык Бахтина поражал своей виртуозностью и неповторимостью! Особенно на фоне приевшейся, идеологизированной, порой интеллектуально убогой фразеологии наукообразных сочинений советского периода. Как было не обратить внимание на бахтинские *интенции, карнавалы, полифонии, хронотопы*; пропустить мимо сознания слова и словосочетания *антиципация, безинтенциональный, вещный, взаимоосвещаться, вненаходимость, внеэстетический, вчувствование, вчувствовать, вчувствоваться, выголашивать, вылущиваться, героизация, дистанцированный, довлеть себе, иерархический, интенциональность, интенциональный, интонативный, интроицировать, исповедальный, конципирование, логосфера, надбытийственный, не алиби бытия, объектность, обымать, овнешнять, оплотневать, опредмечивание, оркеструющий, переакцентуация, перекодирование, преднаходимость, преднаходи-*

мый, просквоженный, разноголосый, релятивизация, реплицирующий, рецептивный, ритмировать, романизация, событие бытия, сооценка, сооцениваемый, спецификаторство, субстанциализация, трактование, трансгредиентный, транспонировать, узнание, фамильяризация, фамильяризующий, философема, философия языка, хронотопичность, хронотопичный, чужесть, эмпиризация… Позже стало ясно, что приписываемое исключительно Бахтину, даже с учетом привнесенного в русскую терминологию германского языкового колорита, калькированного иноязычного мышления, заложенного еще в детские годы с помощью гувернантки и усиленного чтением в подлиннике немецких философов[1], – являлось едва ли не общим достоянием отечественной гуманитарной науки нач. XX в. Теперь наметилась, особенно за рубежом, даже противоположная крайность – считать, что Бахтин не был оригинален в терминах, идеях, порой без ссылок заимствовал отдельные мысли, высказывания своих предшественников[2].

Стали изучаться имена и труды тех, на кого ссылался Бахтин или его друзья; а потом уже наследие и тех ученых, на кого они не ссылались, но – подразумевалось – что знали, что имели в виду и т. д. Даже интерес к таким выдающимся филологам, как В.В.Виноградов и Р.О.Якобсон, тоже стимулировался в эти годы вниманием к их современнику…[3]

Мы завидовали Бахтину, свободно цитировавшему, по воспоминаниям саранских студентов, на своих лекциях античных писателей[4]. Позже пришло осознание того, что изучение латыни и древнегреческого вместе с переводами древних авторов на русский язык было распространенной гимназической практикой, заучивалось и воспроизводилось так же, как нами стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Твардовского…[5] (Хотя эрудиция и уникальная память Бахтина тоже сыграли в этом

---

[1] См.: М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002. С. 38, 41.

[2] См., например, полемические рассуждения об этом: Brandist C. Bakhtin, Cassirer and Symbolic Forms // Radical Philosophy: 85. 1997. P. 20 – 27; Poole B. Bakhtin and Cassirer: The philosophical origins of Bakhtin's carnival messianism // The South Atlantic Quarterly. 1998. № 3/4. P. 537 – 578; Lahteenmaki M. Voloshinov and Cassirer: A case of plagiarism // Historiographia Linguistica: XXIX, № 1/2. 2002. P. 121 – 144.

[3] См., напр.: Алпатов В.М. М.М.Бахтин и В.В.Виноградов: опыт сопоставления личностей // Бахтинские чтения – III. Витебск, 1998. С. 7 – 18; Виноградов В.В. Лингвистический анализ поэтического текста: (Спецкурс по материалам лирики А.С.Пушкина) / Запись П.Г.Черемисина; публ., подгот. текста и коммент. Н.Л.Васильева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3/4. С. 304 – 355; Ито И. Две теории поэтического языка 20-х гг.: Якобсон и Бахтин / Пер. с яп. // Там же. 2003. № 1/2. С. 234 – 244; Тодоров Цв. Монолог и диалог: Якобсон и Бахтин / Пер. с фр. // Там же. С. 245 – 279.

[4] См. об этом, напр.: Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность и средние века: (В записи В.А.Мирской) / Публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В.Клюевой и Л.М.Лисуновой. Саранск, 1999. С. 5.

[5] Ср. в воспоминаниях самого Бахтина: «**Д**<увакин>: Скажите, а знание древних языков?.. – **Б**<ахтин>: Уже было. – **Д.**: Уже было с гимназии? – **Б**: С гимназии. Латинский был

свою роль.) Вспомним, что и не слишком «ученый малый» Онегин свободно разбирал латинские «эпиграфы». Да и знание французского, немецкого, других иностранных языков в дореволюционной России основывалось на вековых традициях[1], подкреплялось полиэтническим характером русского суперэтноса[2], отсутствием пресловутого железного занавеса, свободными контактами с Западной Европой.

То, что мы приписывали Бахтину в смысле его образованности выглядело экстраординарным лишь на фоне нас самих, во всяком случае большинства из нас… И лишь впоследствии пришло убеждение, что Бахтин – один из очень многих наших культурных соотечественников, ну может быть один из лучших, имена которых только начинают врезываться в нашу историческую память, затронутую болезненным феноменом идеологического беспамятства – манкуртизма. Что он был не *исключением*, а скорее, *правилом* образованного, мыслящего, пишущего, говорящего, творящего человека своего времени, увы, генетически переделанного в советского мутанта…

То, о чем мы говорим, нашло отражение и в программе первого международного бахтинского журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп», сыгравшего важную роль в консолидации усилий бахтиноведов многих стран в установлении важнейших деталей жизни, питательной среды и духовного наследия «круга Бахтина». Издание задумывалось сначала как «Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М.М.Бахтина» (1992 – 1997 гг.), затем стало именоваться «журналом исследователей, последователей и оппонентов М.М.Бахтина» и, наконец, в 2001 г. превратилось в обычный «научный журнал», в статусе которого и завершило свою историческую миссию. Таким образом, первоначально, по замыслу редколлегии журнала, одной из его стратегических целей было углубление наших представлений об «эпохе М.М.Бахтина». До сих пор подобное словосочетание связывается в русской культуре, кажется, лишь

обязательный. И латинский, нужно сказать, проходили прекрасно. Прекрасно проходили. А древнегреческий факультативно, так сказать, по желанию. Я проходил… древнегреческий. – **Д**: Значит, Вы, уже поступая на первый курс университета, знали латынь, древнегреческий, ну, конечно, французский… – **Б**: Ну, французский, конечно. Французский знал с детства. И с детства знал немецкий. Более того, так как мой брат немножко старше, то взяли нам гувернантку, немку. Для меня это было рано еще: по-русски как следует не научился говорить… ну, и поэтому моим первым языком почти что был немецкий. Почти что. Я тогда и думал по-немецки и говорил по-немецки…» (М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 38).

[1] См., в частности: Васильев Н.Л. Методологические аспекты изучения и преподавания истории русского литературного языка // Вестн. Мордов. ун-та. 1995. № 3. С. 7 – 8; Он же. Латинский язык в истории русского литературного языка // XXIV Огаревские чтения: Тез. докл.: В 3 ч. Саранск, 1995. Ч. 1. С. 112; Он же. Французский язык в истории русского литературного языка // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1998. С. 40 – 41; Воробьев Ю.К. Латинский язык в русской культуре XVII – XVIII веков. Саранск, 1999.

[2] См.: Васильев Н.Л. Заметки о *русском* // Лит. Россия. 2003. 29 авг. (№ 35). С. 6.

с именами А.С.Пушкина («пушкинская эпоха»), А.Б.Пугачевой (анекдот о «мелком государственном деятеле эпохи Пугачевой») и некоторых русских правителей… Бахтину была оказана высочайшая честь обозначить своим именем 1910-, 1920-, 1930-е гг. и едва ли не последующие десятилетия новейшей русской истории! «Эпоха Бахтина» объединила в себе и Серебряный век, и Революцию, и Коллективизацию с Индустриализацией, поглотив имена Ленина, Троцкого, Сталина… Этим самым формально подчеркивалось, как мало мы знали о нашем недавнем прошлом.

Так, по крупицам, благодаря интересу к Бахтину, мы восстанавливали – хотя бы в памяти – наше прошлое, великую страну и великую культуру, отчетливо осязаемую теперь лишь в Большом времени…

7. МЕЖДУНАРОДНЫЕ БАХТИНСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ (ОБЗОРЫ)

III БАХТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В ВИТЕБСКЕ (БЕЛОРУССИЯ, 23 – 25 ИЮНЯ 1998 г.)*

С 23 по 25 июня 1998 г. в старинном белорусском городе Витебске, отметившем уже тысячелетнюю историю, состоялись III международные Бахтинские чтения, собравшие ученых из стран ближнего зарубежья, а также США, Англии, Японии, Польши.

Витебск – один из немногих городов, где в течение нескольких лет жил и работал М.М.Бахтин. После октябрьского переворота, спасаясь от голода, гражданских распрей, сюда переехали многие представители петроградсклй и московской интеллигенции, придав культурной атмосфере Витебска неповторимый колорит. Здесь творили художники М.Шагал и К.Малевич, читали лекции литературоведы П.Медведев, Л.Пумпянский, выступали с концертами Н.Малько, М.Юдина…

Ныне Витебск известен своими «Славянскими базарами» – интернациональными песенными фестивалями и как один из мировых центров бахтиноведения. Именно здесь издается международный журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп», посвященный наследию Бахтина, эпохе, породившей личности такого масштаба. Не случайно организаторами Бахтинских чтений выступили власти Витебска, придав этому мероприятию солидность и необходимый комфорт.

Несмотря на ограниченный круг участников конференции (отбор осуществлялся по персональным приглашениям), трехдневное мероприятие прошло содержательно, на высоком научном уровне и в то же время без помпы и излишнего официоза. Было время и для докладов, и для спокойного обсуждения услышанных выступлений, знакомства участников конференции друг с другом за чашкой кофе в самой непринужденной обстановке.

Доминировали четыре темы: личность и биография Бахтина; его окружение; литературоведческая концепция ученого; философские взгляды. Наибольший интерес вызвали доклады, связанные с осмыслением жизненного пути ученого, его дружеских и творческих отношений с коллегами – П.Н.Медведевым, В.Н.Волошиновым, чьи книги 1920-х гг. приписываются некоторыми иследователями Бахтину. Об этом говорили, в част-

---

* Васильев Н.Л. Бахтинские чтения в Витебске // Изв. Мордовии. 1998. 17 июля. С. 8.

ности, петербуржцы Ю.П.Медведев и Д.А.Юнов, обстоятельно раскрывшие на основе новых документальных данных особенности научного становления друзей Бахтина, их контакты с начинающим ученым и взаимную помощь друг другу в ленинградский период жизни.

С обостренным вниманием обсуждался на чтениях вопрос о мистификации Бахтиным отдельных моментов его биографии и творчества, что связано как с конкретными обстоятельствами послереволюционных лет, вынуждавшими людей «редактировать» свое прошлое, так и с личными причинами, касавшимися Бахтина.

Проблемный характер носили выступления петербургского литературоведа Б.Ф.Егорова («М.М.Бахтин и Ю.М.Лотман») и московского лингвиста В.М.Алпатова (М.М.Бахтин и В.В.Виноградов»), в которых затрагивались вопросы восприятия бахтинских идей крупнейшими отечественными филологами, далеко не всегда и не во всем соглашавшимися со своим современником.

Зарубежные участники конференции рассматривали главным образом философские стороны наследия Бахтина: «Феноменологические мотивы в философии раннего М.М.Бахтина» (Б.Жилко, Польша), «Противоречивая архитектоника» (П.Хитчкок, США), «Неокантианский компонент в раннем творчестве Михаила Бахтина» (К.Томсон, Канада), «Ответственность и логика деятельности» (К.Брандист, Великобритания), «М.М.Бахтин и Тэцуро Вацудзи: вопросы этики и философия языка» (Х.Сасаки, Япония).

Некоторые докладчики касались новых аспектов бахтиноведения: «Бахтин и Богданов: традиция натуральной философии» (В.В.Бабич, Витебск), «К.Маркс и М.Бахтин: особенности диалога» (В.В.Здольников, Витебск). Часть выступлений была посвящена анализу литературных текстов с привлечением бахтинского теоретического инструментария.

В последний день конференции участники получили свежий номер витебского журнала, где опубликована, в частности, стенограмма защиты докторской диссертации («Философская программа М.М.Бахтина и смена парадигмы в гуманитарном познании») московского исследователя В.Л.Махлина. Много разговоров вызвала и статья философа Н.К.Бонецкой «Бахтин глазами метафизика», помещенная в первом номере журнала за этот год, где автор пересматривает традиционный взгляд на книги Бахтина о Достоевском и Рабле, приходя к выводу о враждебности идей ученого христианской догаматике, их своеобразном «сатанизме», что вызовет, вероятно, большую дискуссию.

Не раз вспоминали на витебских чтениях о Саранске – городе, где Бахтин прожил больший отрезок своей жизни и оставил неизгладимый след в культурной памяти столицы Мордовии.

XI МЕЖДУНАРОДНАЯ БАХТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (БРАЗИЛИЯ, г. КУРИТИБА, 21 – 25 ИЮЛЯ 2003 г.)*

На этот раз участников разговора о творчестве мыслителя, с именем которого связывается представление о «карнавальности» в искусстве, принимала родина самого знаменитого в мире карнавала…

Выбор очередной страны-организатора диктовался как культурологическими, так и тактическими соображениями. Идеи Бахтина и круга его друзей, соавторов – В.Н.Волошинова, П.Н.Медведева, И.И.Канаева, Л.В.Пумпянского и др. – вслед за европейскими, североамериканскими и отдельными азиатскими странами (Япония, Китай, Вьетнам), постепенно овладевают умами представителей науки в других регионах мира. В Бразилии, как показала минувшая конференция, сложился едва ли не культ Бахтина. Этому способствуют, в частности, активные информационные, литературно-издательские и дружеские контакты южноамериканских философов, филологов, культурологов, психологов, педагогов с коллегами из других стран. Многие работы Бахтина и его друзей уже переведены на испанский и португальский языки. О бахтинском буме в Бразилии свидетельствуют и разнообразные труды, посвященные наследию ученого, изданные исследователями как самой Латинской Америки, так и переведенные ими с других языков.

Непосредственным организатором конференции стал Федеральный университет юго-восточного бразильского штата Парана, столицей которого является двухмиллионный город Куритиба, претендующий на неофициальное звание интеллектуального центра своей страны... Деятельностью оргкомитета конференции руководил профессор местного университета Карлос Альберто Фарако, чья энергия, пунктуальность и личностное обаяние немало способствовали успешному проведению ответственного и трудоемкого мероприятия.

В программе конференции были представлены доклады 184 ученых из 19 стран – Аргентины, Белоруссии, Бразилии, Великобритании, Канады, Колумбии, Мексики, Нидерландов, Перу, Польши, Пуэрто-Рико, России, Сербии, Словении, США, Финляндии, Франции, ЮАР, Японии. Преобладали, естественно, представители Латинской Америки, из других стран – США, Канады и особенно Великобритании, где создан Бахтинский научно-учебный центр, базирующийся в г. Шеффилде.

Рабочими языками конференции являлись португальский, испанский, английский и русский. В основном ее участники группировались на тех, кто владел одним из близкородственных латиноамериканских языков, и

* Васильев Н.Л. XI Международная Бахтинская конференция (Бразилия, г. Куритиба. 21 – 25 июля 2003 г.) // Вестн. Мордов. ун-та. 2004. № 1/2. С. 150 – 153.

тех, кто говорил или понимал по-английски. Соответствующим образом строилась и программа конференции. Синхронные переводы делались лишь во время пленарных выступлений.

Из России и постсоветского пространства в лице Белоруссии было заявлено в общей сложности 7 докладов. В реальности же в конференции участвовали двое – Н.А.Паньков (Москва) и автор этих строк, представлявший г. Саранск. Первый как главный редактор международного бахтинского журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» получил грант на поездку со стороны организаторов конференции; второй – со стороны РГНФ.

Н.А.Паньков выступил на одном из пленарных заседаний с докладом «Терракотовые фигурки и проблема античного реализма: "Рабле" Михаила Бахтина в контексте русской науки конца 19 – нач. 20 в.», в котором попытался ответить на вопрос, в какой мере малая античная скульптура могла оказать воздействие на создателя теории гротескного реализма. Второй российский участник прочитал, также на русском языке (с вкраплениями португальского и английского), доклад по давно волнующей его теме «История вопроса об авторстве "спорных текстов" в российской бахтинистике (М.М.Бахтин и его соавторы)». Доклад планировался на русскоязычной секции, но по иронии судьбы его слушателями оказались лишь иностранные участники. Это не помешало живому обсуждению услышанного, причем главным образом на русском языке… Прозвучало также заочное выступление И.Л.Поповой (Москва), доклад которой («Философия карнавала Бахтина сквозь историю ее основных понятий») был озвучен Г.Тихановым (Великобритания).

Кажется, впервые за последние годы родина Бахтина и русский язык были представлены на подобных мероприятиях так скудно… Реноме «великого и могучего» в известной мере спасли иностранные участники, многие из которых в разной степени владели русским языком и использовали его при обсуждении выступлений российских коллег и в кулуарных беседах. Назовем их поименно: британцы Д.Шеппард, К.Брандист и Г.Тиханов; финны М.Ляхтеэнмяки и Т.Лайне, поляки Б.Жилко и М.Броки, словенец М.Яворник, японец Т.Йокота-Мураками, бразильский переводчик Бахтина и Достоевского П.Безерра, мексиканка русского происхождения Т.Бубнова… К слову говоря, были и другие приятные сюрпризы на фоне гнетущей славянской «немоты», например появление на конференции аспирантки Куритибского университета И.Старостиной, спонтанный русский язык ее бразильских студентов, работавших в аппарате конференции, «архетипическая» русская речь профессора местного университета Г.Фрам, мама которой белоруска по происхождению.

Проблематика докладов остальных участников была достаточно пестрой. Бахтинские мотивы увязывались как с традиционными науками – филолософией, литературоведением, лингвистикой, психологией, педаго-

гикой, так и новыми, междисциплинарными – культуро-логией, семиотикой. К минимуму на этот раз были сведены доклады, затрагивающие биографические аспекты Бахтина и его окружения, характерные для российских конференций.

К сожалению, мой уровень владения английским, а тем более испанским и португальским языками, не позволил в полной мере оценить содержательные стороны прослушанных выступлений. Запомнилось, в частности, необычное сообщение одного из старожилов подобных мероприятий и их историографа – К.Томсона (Канада), сделанное им от имени еще двух его коллег (Э.Уолла и М.Гайдуковски-Ахмед): «Два десятилетия Бахтинских международных конференций». Оно стало в чем-то знаковым. Докладчик продемонстрировал в строгом хронологическом порядке видеоряд фотографий, изображавших те или иные эпизоды – в основном дружески-неофициальные – предшествующих Бахтинских конференций, а также издания их материалов. С интересом воспринимались лица знакомых людей в их более ранней «редакции», многие из которых присутствовали в этот момент в зале… Однако не отставляло впечатление, что «доклад» фактически подводит черту под серьезным восприятием самого мероприятия, пародирует многолетнюю официальность подобных форумов с помощью карнавального шествия полуозорных видео-хронотопов. (Надо сказать, что незадолго до этого мне пришлось делиться с отдельными участниками конференции грустно-ироническими размышлениями о том, что пик романтического интереса к Бахтину прошел, накопилась некоторая усталость за те 20 лет, которые связывались с интенсивным обсуждением его идей, и пора бы зрелым мужам от науки оставить это занятие на откуп более молодым исследователям, и может быть именно латиноамериканским…)

Также неожиданным и, не скрою, приятным для меня, как биографа В.Н.Волошинова, явлением стало повышенное внимание к трудам этого ученого, причем персонализированным именно его именем… В этой связи нужно упомянуть по крайней мере о трех докладах: «Волошинов – искренний гумбольдтианец?» (К.-А.Фарако), «О критике Волошиновым Соссюра» (М.Ляхтеэнмяки), «Круг Бахтина и конфигурация советских гуманитарных наук в 1920-х гг.: Волошинов, Медведев и ИЛЯЗВ» (Р.Вохан-Вильямс). Совпадение моих научных пристрастий с интересами бразильского лингвиста, причем координатора конференции, с которым я не был знаком до этого, показалось мне едва ли не мистическим… Теперь о Волошинове как о самодостаточном филологе стали писать, в частности, и в Латинской Америке.

Вообще в программе бразильской конференции масштабно обращали на себя внимание лингвистические доклады, чего ранее не наблюдалось: «Почему (бы) не металингвистика?» (Ж.-Т.Соуза), «Бахтин и Бенвенист

(В.-Л.Пирес), «Бахтин, марризм и социолингвистика культурной революции» (К.Брандист), «Некоторые проблемные аспекты коммуникативной (addressive) функции языка в диалогической перспективе» (А.-М.Олива), «Сакральное и обыденное: внимание к языку у Бахтина, Беньямина, Бубера и Витгенштейна» (К.Хиршкоп), «Феноменологии языка у Бахтина и Мерло-Понти» (Т.Херрик), «Бахтин и Соссюр – преодоление противостояния» (Б.Даллари) и др. Соответственно меньшей, чем раньше, выглядела доля выступлений, посвященных литературоведческим и философским аспектам бахтинских и парабахтинских трудов.

Назову темы некоторых других докладов, заявленных на конференции, – чтобы дать представление о проблемном спектре внимания к наследию Бахтина и тенденциях бахтиноведения: «Бахтин против русских формалистов: контрасты и сравнения» (М. да П.-М. де Са), «Бахтинский персонализм и современная ортодоксальная теология личности» (М.Пирен), «Герменевтика и социология между Германией и Россией: импликации для понимания бахтинской теории культуры и романа» (Г.Тиханов), «Бахтин и американская антропология» (Т.Бубнова), «Об эстетике бахтинской рецепции: эволюция или неизменность?» (Э.Уолл), «Роль сатирической мениппеи в развитии романа» (Дж. Альказар), «Теория и практика диалога в понимании Михаила Бахтина» (М.-М.Фуртадо), «Проблема культуры и жизни в ранней философии Михаила Бахтина» (Б.Жилко), «Бахтин и Флобер: соблазн культурной истории» (Д.Шеппард), «Бахтинская теория диалогизма и проблематика идентичной политики» (Т.Йокота-Мураками). Самыми популярными терминами, фигурировавшими в выступлениях, являлись *диалог* и *диалогизм*…

Конференция была прекрасно организована – как в плане ее научной инфраструктуры, так и на бытовом уровне. Действия оргкомитета отличались деловитостью, четкостью и необыкновенной доброжелательностью по отношению к гостям. Очень выразительной и по-своему знаковой оказалась атрибутика, XI Международной Бахтинской конференции, в частности символика земного шара, на котором на разных языках было вписано имя русского ученого...

Участники конференции имели возможность ознакомиться с новыми работами о Бахтине и его идеях, их конкретной рецепции в тех или иных отраслях знания и т. д. На выставке научной литературы в помещении, где проходила конференция, были представлены сотни изданий на разных языках мира, прежде всего, конечно, португальском и испанском. Нам приходилось там видеть, в частности, перевод на португальский язык книги исследовательницы из США К.Эмерсон «Первое столетие Михаила Бахтина» (Принстон, 1998), монографию К.Брандиста «Бахтинский круг: Философия, культура и политика» (Лондон, 2002), книгу К.-А.Фарако

«Речь и диалог: лингвистические идеи круга Бахтина» (Куритиба, 2003), презентация которой состоялась в рамках программы конференции.

Конференция, несомненно, способствовала укреплению связей ученых-русистов разных стран, активизации внимания к России, ее прошлому и настоящему. Разговор о Бахтине нередко перерастал границы собственно бахтиноведения и касался творчества русских классиков, истории советской лингвистики, психологии и т. п.

Общим голосованием участников конференции было принято решение о проведении следующего подобного мероприятия в 2005 г. уже на европейском континенте – в Финляндии.

Программа XI Международной Бахтинской конференции была отражена на интернетовском сайте (http://www.ufpr.br/bakhtin), где размещались и тезисы заявленных выступлений ее участников, что давало возможность предварительного ознакомления с основными положениями докладчиков. В печатном виде материалы конференции были опубликованы лишь частично – в переводе на португальский язык[1], однако организаторы тиражировали все сделанные сообщения (на языке оригинала) в современном электронном формате[2].

XII МЕЖДУНАРОДНАЯ БАХТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (ФИНЛЯНДИЯ, г. ЮВЯСКЮЛЯ, 18 – 22 ИЮЛЯ 2005 г.)[*]

Незаметно пролетело два года после XI Международной Бахтинской конференции, состоявшейся в Бразилии. И вот новая встреча бахтиноведов всего мира, на этот раз в северном полушарии, недалеко от полярных снегов… Северный хронотоп нисколько не преуменьшил горячего пыла исследователей бахтинского творчества в поисках научных истин.

Конференция была организована Ювяскюльским университетом, в небольшом симпатичном городке срединной Финляндии, отличающимся красивыми ландшафтами, обилием озер, исключительной чистотой среды, неспешной академичностью и спортивной непринужденностью его обита-

---

[1] Vinte ensaios sobre Mikhail Bakhtin [20 эссе о Михаиле Бахтине]: Marilia Amorim, Rosse-Marye Bernardi, Paulo Bezerra, Beth Brait, Craig Brandist, Tatiana Bubnova, Tim Herrick, Ken Hirschkop, Peter Hitchcoc, Brian Kennedy, Mika Lähteenmäki, David Shepherd, Marlene Teixeira, Galin Tihanov, Clive Thomson, N.L.Vasilev, Anthony Wall / Ed. by Carlos Alberto Faraco, Cristovão Tezza, Gilberto de Castro. Petropolis, RJ [Бразилия]: Vozes, 2006. – 318 с.

[2] Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference: Curitiba, Parana (Brasil), July, 21 – 25, 2003 / Ed. Carlos Alberto Faraco and other. Universidade Federal do Parana, 2004 (CD).

[*] Васильев Н.Л. XII Международная Бахтинская конференция // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 244 – 249.

телей. Непосредственным координатором конференции стал научный сотрудник местного филологического факультета доктор философии М.Ляхтеэнмяки; почетным председателем оргкомитета – ассоциированный член РАН профессор-литературовед Э.Пеуранен. Сразу же следует отметить, что, благодаря продуманной, значительной по объему подготовительной работе оргкомитета, конференция прошла в спокойной, деловой, теплой атмосфере, насыщенной как интеллектуальными, так и иными общечеловеческими ценностями бытия – от сауны на берегу тихого озера до банкета в ресторане с джазовыми импровизациями интернационального дуэта Э.Уолла (фортепьяно) и М.Ляхтеэнмяки (гитара).

В конференции приняли участие более 90 ученых, переводчиков, преподавателей из 20 стран – Бразилии, Великобритании, Германии, Израиля, Индии, Испании, Италии, Канады, Мексики, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Словении, США, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Японии. Самые многочисленные делегации по традиции представили Великобритания и США, не уступали им на этот раз и российские участники. Среди зарубежных славистов было немало и наших соотечественников, по разным причинам работающих или обучающихся ныне за пределами России, что создавало весьма необычную, пеструю картину гомогенного интернационала…

Россию представляли 11 человек: В.М.Алпатов, С.Г.Бочаров, Н.Л.Васильев, И.А.Есаулов, В.Н.Захаров, В.Л.Махлин, Ю.П.Медведев, Д.А.Медведева, Н.И.Николаев, И.Л.Попова, Г.С.Прохоров.

Рабочими языками конференции являлись английский и русский, последним владели также многие участники из других стран, специализирующиеся в области славистики. Состоявшийся круглый стол, посвященный проблемам будущего бахтинистики как науки (руководитель К.Эмерсон; докладчики – В.Л.Махлин, Г.Тиханов, Д.Шепперд) велся, однако, исключительно на английском языке (без хотя бы краткого синхронного перевода или письменного ознакомления присутствующих с основными тезисами основных выступлений), несмотря на то, что все заявленные на нем ученые в той или иной мере владеют русским языком. Это лишило возможности многих исследователей оценить веселое остроумие выступавших, вступить в дискуссию – и судьбы бахтиноведения решались главным образом в словесных баталиях иностранных участников…

Предварительная проблематика конференции была позиционирована организаторами так, чтобы максимально избежать балласта «околобахтинских» докладов, чем часто грешат подобные мероприятия, акцентировать эвристическую составляющую выступлений, концентрацию мыслительных усилий на собственно филологических, философских аспектах идей Бахтина, его окружения и других современников ученого. Помимо этого данная конференция отличалась и заметным лингвоцентризмом, вызван-

ным научными интересами и межличностными связями ее главного координатора. Впрочем, подобная тенденция наметилась еще на бразильском форуме бахтиноведов, и, вероятно, носит закономерный характер, нуждающийся в анализе. В связи с этим всё больший вес в прозвучавших докладах обретало, наряду с концептом «бахтинский круг», имя В.Н.Волошинова как автора (или соавтора) книги «Марксизм и философия языка», лет 10 – 15 тому назад находившееся почти в полном забвении. Можно отметить и то, что данная конференция собрала почти всех грандов современной бахтинистики и одновременно много молодых исследователей.

Тон конференции был задан пленарным докладом С.Г.Бочарова «Бахтин как филолог: книга о Достоевском», в котором, в частности, отчетливо прозвучала мысль, что ученый, с чьим именем связывается столько достижений в области литературоведения, все-таки являлся по своей методологии прежде всего философом. Заметим, что участие в конференции столь авторитетного в мире бахтинистики человека, как С.Г.Бочаров, долгое время игнорировавшего подобные мероприятия, было воспринято сообществом его коллег с благодарностью и пониманием, как и экстравагантное заявление исследователя, что он «не принадлежит к числу *бахтиноведов*», а просто имел счастье быть причастным к судьбе М.М.Бахтина…

Интрига относительно того, кем именно являлся М.М.Бахтин – филологом или философом (как будто нельзя одновременно выступать в двух этих ипостасях или расширять представление о филологии привнесением в нее философского начала), – поддерживалась в напряжении и другими докладчиками, что имело под собой, кроме прочего, прагматический подтекст: доказать или опровергнуть авторство приписываемых Бахтину «спорных текстов». Так, в докладе И.Л.Поповой «"Лексический карнавал" Франсуа Рабле: книга М.М.Бахтина в контексте научных идей», тонко проводилась мысль, что создателем «Марксизма и философии языка» мог быть только человек, написавший позже 4-ю главу «Проблем поэтики Достоевского» («Слово у Достоевского») и книгу «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», поскольку во всех данных трудах содержатся следы знакомства автора с работами школы К.Фосслера, в частности Л.Шпитцера. (Получается, таким образом, что *в начале* оригинальной литературоведческой методологии Бахтина *было Слово* и он до известной степени оставался даже в своих поздних работах лингвистом.) Услышав такую реплику, подтекст которой выявлял несовпадение взглядов бахтинской группы ИМЛИ, И.Л.Попова достойно ответила, что она против подобного спецификаторства в науке.

Большой интерес, хотя и небольшой аудитории, вызвал своей фактологической и методической новизной доклад В.Н.Захарова «Проблема жанра в "школе" Бахтина (Бахтин, Медведев, Волошинов)», посвященный

анализу употребления терминов *фабула, сюжет* и *жанр* в трудах ученых бахтинского круга. По словам докладчика, неожиданно для него самого выяснилось, что в отличие, например, от П.Н.Медведева, Бахтин использовал данные термины не в строгом литературоведческом смысле, а скорее в образно-расширительном – и, следовательно, по своему метаязыку являлся скорее философом, чем профессиональным филологом. Этим косвенно устанавливается приоритет П.Н.Медведева как основного поставщика литературоведческих идей в дружеском кругу, именуемом ныне бахтинским. (Как известно, Бахтин намного пережил своих друзей, продолжая расти как ученый, в отличие от своих умерших коллег, чье научное становление прервалось в 1930-х гг., но могло быть не менее блестящим. Данное обстоятельство надо иметь в виду, когда мы невольно сравниваем масштаб личностей участников бахтинского кружка, некорректно соотнося разновременные величины, экстраполируя Бахтина 1960-х в 1920-е гг., а В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, соответственно, в плоскость нынешнего времени.)

Позиционирование последних как достаточно самостоятельных фигур в научной жизни 1920-х гг. отчетливо ощущалось, например, в докладах Н.Л.Васильева («К текстологии книги В.Н.Волошинова "Марксизм и философия языка"»), В.М.Алпатова («Волошиновская книга в лингвистике XX столетия»), П.Серио («Субъект и социальная психология в книге Волошинова»), И.Агеевой («Полемика В.Н.Волошинова с Ф. де Соссюром в "Марксизме и философии языка"). Автор этих строк, в частности, обратил внимание слушателей на новые доказательства причастности В.Н.Волошинова к созданию «Марксизма и философия языка», основанные на анализе нормативных требований советской академической науки второй пол. 1920-х гг. к подготовке аспирантов РАНИОН, а также проанализировал расхождения между первым и вторым изданием указанной книги в контексте взаимоотношений ее титульного автора с марристами[1].

Кульминацией конференции в ее четвертый день стал пленарный доклад Ю.П.Медведева (с участием Д.А.Медведевой) «Круг Бахтина как мыслительный коллектив», явившийся для большинства присутствовавших участников *событием бытия*. Докладчик убедительно показал, насколько значительную роль сыграл П.Н.Медведев – самый опытный и авторитетный в свое время исследователь из членов бахтинского кружка – в становлении М.М.Бахтина как литературоведа и его судьбе после ареста в 1928 г. (Напомним, что еще относительно недавно П.Н.Медведеву отводилась скромная роль «ученика» М.М.Бахтина.) Касаясь вопроса о «спорных текстах», выступавший подчеркнул, что причины приписывания рядом

[1] См. также: Ляхтеэнмяки М., Васильев Н.Л. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я.Марра в работах В.Н.Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. 2005. № 1. P. 71 – 94.

московских исследователей авторства книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении» М.М.Бахтину имеют под собой не только благородный научный подтекст, выявляющий диалогический фон в содружестве молодых ученых. Отвечая на невинно-провокационный вопрос И.С.Ивановой (г. Лозанна, Швейцария) относительно конкретных обстоятельств этого, Ю.П.Медведев, отчасти вынужденно (в условиях этически непростой ситуации), познакомил аудиторию с некоторыми официальными документами, свидетельствующими, что гонорары за книгу «Формальный метод в литературоведении», неоднократно переиздававшуюся за рубежом, были получены не наследниками репрессированного в 1930-х гг. исследователя, его отца, а «душеприказчиками» (правопреемниками) М.М.Бахтина, сумевшими на некоторое время убедить общественное мнение в том, что основные труды П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова принадлежат не титульным авторам, а М.М.Бахтину[1], хотя последний, как известно, отказался подписать специальное заявление на этот счет; поделился докладчик и своими соображениями, как именно могли манипулировать «беспомощным, одиноким стариком» люди, окружавшие его в последние годы жизни.

В числе пленарных докладов конференции прозвучали также выступления англичанина К.Брандиста («Круг Бахтина и филологические исследования в ленинградских научных институтах: Взгляд из архивов»), русского американца В.Ляпунова («Бахтин и феноменология») и шведа П.Линелля («К диалогической лингвистике»).

В докладе Н.Перлиной, опубликовавшей не так давно в США биографию О.М.Фрейденберг, сообщалось об интересных типологических параллелях между методологией исследователя-античника и исследователя-медиевиста, носящими, по мнению докладчика, явно преемственный характер, подтверждаемый к тому же неопровержимым фактом своевременного знакомства М.М.Бахтина с диссертацией О.М.Фрейденберг[2]. Между тем по словам самого М.М.Бахтина, пересказанным В.Н.Турбиным, книга о Рабле могла увидеть свет – при благоприятных обстоятельствах – еще в 1933 г.[3]; следовательно, говорить о каком-то решающем влиянии

[1] Сюрреалистическая абсурдность сложившейся ситуации проявляется, например, в том (об этом тоже шла речь на конференции), что в Российской государственной (!) библиотеке нельзя найти книгу В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929; 1930), поскольку ныне она зафиксирована там только под фамилией… М.М.Бахтина. О моральной ответственности за такого рода безответственные деяния говорилось и в докладе Ю.П.Медведева.

[2] См., в частности: Осовский О.Е. М.М.Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск, 2002. С. 24 – 35.

[3] «Я спросил у Михаила Михайловича: – "А если бы… Если б книгу о Франсуа Рабле можно было издать тогда же, когда Вы написали ее… Сытин, что ли явился бы какой-нибудь

идей автора «Поэтики сюжета и жанра» (1936) на карнавальную концепцию Бахтина, по меньшей мере, категорично. Иное дело, что до Бахтина могли доходить сведения о направленности исследования его современницы на рубеже 1920 – 1930-х гг.; но это уже область предположений.

Из других примечательных докладчиков и докладов отметим, в частности, выступления В.Л.Махлина («Переход от Иванова к Бахтину»), Н.И.Николаева («Происхождение идеи Третьего возрождения и ее развитие в невельской школе: М.М.Бахтин, Л.В.Пумпянский, М.И.Каган»), К.Хиршкопа («Бахтин, Соссюр и советская лингвистика: Что мы понимаем под «социологией языка»?»), П.Хичкока («Бахтин после теории»), К.Томсона («Психоанализ, демократия и диалогизм»), Э.Уолла («Бахтин и музыка»), Х.Сасаки («Бахтинистика в Японии за последние 15 лет»), К.-А.Фарако («Несколько философских ремарок насчет <интеллектуальной> технологии XX в.: Бахтин, Маркузе, Хайдеггер)», Т.Лайне («Назад к Бахтину 2»), И.А.Есаулова («"Место" автора в художественном целом произведения и позиция читателя»), М. де Микиель («М.М.Бахтин: "Рубцы межей высказываний", или К философии перевода»), И.Ивановой («Институт живого слова и его роль в русской культуре 20-х гг.»), В.Резник («Успех ниспровержения: Профессиональные стратегии культурной революции»). Рассказать обо всех интересных выступлениях здесь, естественно, невозможно.

Уже по этим штрихам можно судить о разновекторной направленности мыслительных усилий участников последнего по времени форума бахтиноведов. К сожалению, ни одного доклада на конференции не прозвучало о личности и трудах брата ученого – Н.М.Бахтина, новых биографических фактах из жизни семьи Бахтиных.

Изданная Программа конференции включала в себя и абстракты (тезисы) заявленных выступлений, хронологизацию конкретных докладов, что позволяло легко ориентироваться в выборе того, куда именно и когда стоит направиться в том или ином конкретном случае… Позже доклады, прозвучавшие в Ювяскюля, были представлены в полном объеме, по модели XI Бахтинской конференции, на специально выпущенном электронном диске[1].

В заключение поделюсь некоторыми субъективными заметками. В 1989 г. Н.Перлина опубликовала (сначала на английском, а затем русском

и издал бы… Когда книга вышла бы в свет?" Он ответил, не задумываясь: – "В 1933 году…"» (Турбин В.Н. Эмиграция в МАССР // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – далее ДКХ. 1997. № 4. С. 112 – 113).

[1] Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18 – 22 July, 2005) / Ed. by M.Lähteenmäki, H.Dufva, S.Leppänen and P.Varis [Departament of Languages University of Juväskylä, Finland 2006].

языке) запомнившуюся своим карнавальным названием статью[1]. Отдам, в свою очередь, скромную дань этой жанровой традиции. В указанной статье впервые произвольно цитировался долгое время обсуждавшийся затем в российской бахтинистике фрагмент воспоминаний О.М.Фрейденберг, касавшийся В.Н.Волошинова и М.М.Бахтина[2]. Так получилось, что среди участников конференции оказалась, хотя и в пассивной роли слушательницы, Н.В.Брагинская, с именем которой связывается воскрешение интереса к наследию О.М.Фрейденберг в России. Нина Владимировна, тесно контактировавшая с Ниной Перлиной во время конференции, любезно продемонстрировала мне с помощью своего ноутбука указанный контекст в оригинале рукописей О.М.Фрейденберг, хранящихся сейчас в Великобритании (Оксфорд)[3].

По пути домой, в Россию, я остановился на несколько дней в финской столице для работы в богатейшей библиотеке местного университета, где неожиданно нашел новое подтверждение прежним наблюдениям над причудливыми превратностями жизни и проявлениями философии бытия: коллеги-бахтиноведы, с которыми я то и дело сталкивался, но так и не успел попрощаться в Ювяскюле, мистическим или местечковым образом материализовались в хельсинском хронотопе. Сначала это был американский исследователь Б.Кеннеди с его симпатичной спутницей (оказалось, что мы поселились в одной гостинице и к тому же регулярно встречались во время завтрака); потом в Славянской библиотеке довелось дважды столкнуться нос к носу с К.Хиршкопом, причем в последний раз до этого мы виделись, когда лихо отплясывали в интернациональной компании более молодых бахтиноведов в ночном диско-баре в Ювяскюле; наконец, две случайные, но памятные встречи в той же библиотеке с Н.В.Брагинской, как оказалось, работавшей в те дни Хельсинском университете по приглашению ее финских коллег. Забавные приключения случаются по пути *с* бахтинского форума…

И последнее. На минувшей конференции, по традиции во время заключительного банкета, решался вопрос о месте проведения следующего конгресса бахтиноведов. Некоторые из участников конференции частным образом предлагали автору этих строк в качестве возможного варианта го-

---

[1] См.: Перлина Н. Забавные вещи случаются на пути к бахтинскому форуму // ДКХ. 1995. № 11. С. 20 – 37.

[2] См., напр.: Осовский О.Е. Человек. Слово. Роман: (Научное наследие М.М.Бахтина и современность). Саранск, 1993. С. 52; Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 22; Он же. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 49 – 50.

[3] Последующий цитатный фрагмент этой статьи был снят в сборнике, где она опубликована, поскольку позже в нем появилась статья Н.В.Брагинской с анализом данных воспоминаний О.М.Фрейденберг.

род, где М.М.Бахтин реализовал себя как вузовский педагог, заведующий кафедрой, подготовил к печати самые известные свои книги и где трудится немало исследователей биографии и творчества ученого (уверен, что когда-нибудь Саранск должен решиться провести подобное мероприятие!). Эксплицитно фигурировали, однако, предложения встретиться через два года в Индии или Франции, но вопрос так и остался открытым. Может быть, сыграло свою роль роковое число XIII, которое должно будет символизировать будущую встречу представителей «лженауки» XX в. под названием *бахтинистика*… Как знать! И что сказал бы об этом мудрый Бахтин?..

«ПЕРВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС БАХТИНОВЕДОВ»: ОРЛОВСКИЙ *ДИАЛОГ, КАРНАВАЛ, ХРОНОТОП* (г. Орел, 20 – 23 сент. 2005 г.)*

110-летие со дня рождения М.М.Бахтина, в отличие от такой же даты, связанной с именем В.Н.Волошинова, в недавнем времени считавшегося бахтинской «маской», отмечено в 2005 г. рядом международных конференций. Одна из них прошла с 20 по 23 сентября на родине философа и филолога – в российском городе Орле.

Конференция была организована местным университетом при содействии Администрации Орловской области, уделяющей большое внимание деятелям литературы и культуры своего края. Вдохновителем и организатором этого весьма трудоемкого мероприятия стал доктор филологических наук фольклорист В.И.Костин, в прошлом учившийся и работавший в г. Саранске.

На конференции были заявлены доклады почти 70 исследователей из России, Украины, Польши, Македонии, Словакии, Испании и Франции. По разным причинам, многие «участники» не смогли приехать, что существенно снизило эвристический «накал» выступлений, полемики и рекреационных бесед.

Большая часть прозвучавших (или заявленных) в первый день пленарных докладов отличалась, судя уже по тематике выступлений, унылым неофитством и претензиями на обобщения, которые вряд ли под силу всем бахтиноведам, вместе взятым: «XXI век и наследие М.М.Бахтина» (Г.Я.Узилевский), «М.М.Бахтин: страницы жизни и творчества» (Н.А.Меркурьева), «М.М.Бахтин-литературовед» (Г.Б.Курляндская),

* Васильев Н.Л. «Первый всемирный конгресс бахтиноведов»: орловский диалог, карнавал, хронотоп // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 249 – 251.

«М.М.Бахтин-философ» (Т.В.Серегина), «М.М.Бахтин-лингвист» (М.М.Зайченкова). Автор данного обзора, к сожалению, не имел возможности присутствовать на некоторых секционных заседаниях. Из услышанного, в частности, запомнились яркие в том или ином отношении выступления И.Н.Сухих («Жанр как универсальность: перечитывая М.М.Бахтина»)», В.М.Головко («Онтология понимания литературного жанра в методологической парадигме М.М.Бахтина»), А.А.Бокшицкого («Гротескное тело средневековой карты мира»).

Обратила на себя внимание такая особенность регламента конференции, как игнорирование права аудитории задать вопросы докладчикам, тем более публично обсудить их выступления. Пресловутый бахтинский *диалог* отсутствовал… Еще одним элементом *карнавализации*, в частности путем подмены одного культурного *тела* другим, стала неожиданная замена уже изданной программы конференции ее новой версией… (При этом лично мне, докладчику и руководителю одного из заседаний, получить ее не удалось, поскольку, как было заявлено в секретариате, обновленные программы были розданы университетским аспирантам; пришлось пользоваться чужой…) На этом фоне уже не выглядело странным то обстоятельство, что в обширном, крупноформатном томе изданных материалов конференции, превышающих по объему разумные пределы того, что принято именовать тезисами или статьями, не нашлось места для публикаций докладов некоторых из присутствовавших на ней участников, хотя с избытком были напечатаны труды тех, кто на ней отсутствовал…[1]

Зато беспрецедентной в положительном смысле для бахтинских конференций выглядела вторая составляющая научного форума – культурно-бытовая. Наиболее насыщенным в этом плане был первый день, отмеченный таким событием, как открытие орловского Музея М.М.Бахтина, имеющего свой собственный особняк в центральной части города. Несмотря на относительную незрелость, вызванную юбилейными темпами подготовки экспозиция, музей произвел на посетителей самое благоприятное впечатление. Представителей Саранска это заставило с грустью вспомнить о некогда созданном профессором С.С.Конкиным в стенах Мордовского университета *первом* в России бахтинском музее, ныне расформированном, так же, как и первое детище того же исследователя – уникальный по благолепию и документальности Музей Н.П.Огарева… В отличие от Саранска и *Мордовского* университета им. Н.П.Огарева, в котором четверть века трудился Бахтин, Орел не просто гордится своими знаменитыми земляками-писателями, но и славится соответствующими литературными мемориалами, в чем имели возможность убедиться участники конференции, побывав в музеях И.А.Бунина, Н.С.Лескова, И.С. Тур-

[1] См.: Бахтинский вестник: Собр. соч. ученых: в 5 т. Т. 1. Орел, 2005. 768 с.

генева… В тот же день в уютном «камерном» театре города состоялся спектакль по пьесе саранских драматургов Константина и Анны Смородиных[1]. Яркое сценическое действо, оригинально поставленное талантливым орловским режиссером В.И.Симоненко, прошло на одном дыхании, духовно и эмоционально объединило всех присутствующих – ученых и артистов. Состоялось и обсуждение постановки, в чем приняли участие сами авторы произведения и специалисты-искусствоведы. Во второй день, а точнее вечер, в Орловском музыкальном училище прошло открытие сезона «Бахтинские вечера классической музыки», посвященное памяти М.В.Юдиной. Заключительный день конференции подарил незабываемое путешествие в бывшее имение И.С.Тургенева Спасское-Лутовиново, по пути к которому автобус проехал через легендарный г. Мценск, а также недалеко от могилы А.А.Фета…

Размещались участники конференции в лучшей гостинице города, построенной на месте дома, где родилась А.П.Керн[2]. И были обеспечены бесплатным ресторанных обслуживанием, комфортабельным автобусом, заботливым вниманием организаторов. При этом все путевые и гостиничные расходы для многих приехавших также оплачивались принимающей стороной.

Карнавальность мероприятия подчеркивалась самыми разнообразными деталями – от фольклорной композиции в церемонии приветствия участникам конференции до сольного исполнения русских народных песен и романсов по время банкета профессором В.И.Костиным.

Конференция позиционировалась организаторами с претензиями на лидерство в интернациональном бахтинском движении, осуществляющемся уже около трех десятилетий в самых разнообразных формах и форматах, в разных странах… Безусловно, город, подаривший миру выдающегося ученого, имеет моральное право на акции вроде создания Музея М.М.Бахтина, регулярные научные мероприятия, но вряд ли может координировать многочисленное мировое сообщество бахтиноведов в рамках орловского «Международного научно-просветительского [sic!] Центра имени М.М.Бахтина», хотя бы по той причине, что подобные функции без большого успеха брали на себя ранее такие авторитетные центры изучения биографии и наследия ученого и его круга, как Саранск (Россия) и Шеффилд (Великобритания).

---

[1] См.: Ныне отпущаеши…: (Пьеса о жизни и судьбе М.М.Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1994. № 2. С. 138 – 150.

[2] Поэтические аллюзии поддерживались и тем, что в 1829 г. А.С.Пушкин по пути в Арзерум заехал в Орел, с целью повидать знаменитого усмирителя горских народов генерала А.П.Ермолова, тело которого покоится в фамильном склепе в церкви на территории старинного орловского кладбища. Добавим к сказанному, что в том же году через Орел *прошествовал* в составе Московского пехотного полка рядовой А.И.Полежаев, направляясь на буйный Кавказ.

В заключение отмечу, что научные связи Орла с Саранском выражаются не только в том, что организатором конференции выступил исследователь, некогда работавший на кафедре, которой в разное время руководили М.М.Бахтин и его биограф С.С.Конкин. Еще раньше из Орловского пединститута (историческая рокировка!) переехал в Саранск философ-социолог А.И.Сухарев, ставший в 1969 г., в год отъезда Бахтина в столицу, ректором Мордовского университета, а позже пригласивший из того же Орла на работу в Саранск вдумчивого лингвиста П.Г.Черемисина, которому автор этих строк обязан своими стойкими филологическими интересами[1].

XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ БАХТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (КАНАДА, г. ЛОНДОН, 28 ИЮЛЯ – 1 АВГУСТА 2008 г.)[*]

XIII Международная Бахтинская конференция была посвящена творчеству «бахтинского круга» (М.М.Бахтин, П.Н.Медведев, В.Н.Волошинов и др.), его влиянию на гуманитарную мысль по линии концепций диалогизма, полифонии, карнавализации, в русле диалогической педагогики, в плане преемственности научных традиций и их переосмысления в условиях современности.

Подобные мероприятия, ставшие традиционными, проводятся с 1983 г., кочуя по разным континентам и странам (Канада, Италия, Израиль, Великобритания, Мексика, Россия, Германия, Польша, Бразилия, Финляндия), что свидетельствует о закономерном и устойчивом интересе научного сообщества к биографии и трудам группы молодых российских ученых 1920 – 1930-х гг., работам М.М.Бахтина 1940 –1960-х гг., диалогу русской и западноевропейской науки, культурному фону, который подпитывал идеи «бахтинского круга».

Последняя конференция собрала более 100 участников из 23 стран (Россия, Великобритания, Канада, США, Бразилия, Мексика, Индия, Япония, Малайзия, Сингапур, Израиль, Польша, Германия, Финляндия, Нор-

---

[1] См., в частности: В.В.Виноградов. Лингвистический анализ поэтического текста (Спецкурс по материалам лирики А.С.Пушкина) / Запись П.Г.Черемисина; вступ. ст., подгот. текста и комментарии Н.Л.Васильева // ДКХ. 2000. № 3/4. С. 304 – 355; Васильев Н.Л. Профессор Черемисин, или Памятные сюжеты эпохи застоя... // Саранск: История и образ города-провинциала: Материалы III Воронинских науч. чтений. Саранск, 2005. С. 234 – 239.

[*] Васильев Н.Л. XIII Международная Бахтинская конференция (Лондон, Канада, 28 июля – 1 авг. 2008 г.) // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 4. С. 254 – 256. Статья публикуется с сокращениями, касающимися доклада автора (см.: Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга»).

вегия, Италия, Словения, Франция, Румыния, Нидерланды, Греция, Испания, Киргизия). Проходила она в канадском городе Лондоне, расположенном на юге страны, недалеко от границы с США и от знаменитого Ниагарского водопада. Это один из научных центров современной Канады, представляющий собой миниатюрную «модель» Англии (под формальным протекторатом которой находится Канада), не только со своим «столичным» имиджем, но и со своими Темзой, знаменитыми улицами «Оксфорд» и «Пикадилли» в центре города, символами Биг-Бена и Тауэра в замечательном парковом кампусе местного университета, выстроенном в «викторианском» стиле…

Организатором конференции являлся канадский профессор К.Томсон. Вместе с коллегами по Университету Западного Онтарио ему удалось создать атмосферу по-настоящему делового обсуждения серьезных исследовательских проблем и одновременно – непринужденного общения участников научного форума в перерывах между докладами и с помощью приуроченных к конференции разноплановых культурных мероприятий.

Российская делегация была представлена лишь несколькими участниками – из Москвы, Петербурга, Н.Новгорода и Саранска, хотя в программе конференции были заявлены доклады и ученых других городов нашей страны. На одном из пленарных заседаний в переводе с русского на английский (Д.Шеппард) прозвучал доклад Ю.П.Медведева и Д.А.Медведевой (С.-Петербург). Он был посвящен наследию «бахтинского круга», в частности творчеству П.Н.Медведева, и вызвал особый интерес аудитории вследствие деликатных моментов авторства «спорных текстов», печатавшихся некоторое время тому назад необоснованно под именем М.М.Бахтина.

В проблемном отношении конференция отличалась меньшим вниманием к биографическим и творческим аспектам «бахтинского круга» (указанная тенденция все заметнее прослеживается по мере постепенного заполнения «белых пятен» такого рода) и большим уклоном в сторону теоретической и практической приложимости научных идей М.М.Бахтина, П.Н.Медведева, В.Н.Волошинова, их соотнесенности с концепциями других ученых XX в.

Материалы конференции (программа, тезисы, отдельные доклады) были представлены на сайте Университета Западного Онтарио для удобства ее участников и подготовки полноценной дискуссии по проблематике форума. Во время конференции была организована выставка-продажа новых книг, сборников статей, специализированных номеров журналов (на разных языках), посвященных идеям «бахтинского круга» и их актуальности в современной науке. Интерес к истории русской филологии подтверждается и новыми переводами трудов М.М.Бахтина, П.Н.Медведева,

В.Н.Волошинова на французский, итальянский, финский, португальский, японский, иврит и другие языки.

Рабочими языками конференции являлись английский, русский и французский. В основном использовался первый (причем и некоторыми российскими участниками), зато к русскому языку прибегали в своих докладах отдельные представители Польши, Мексики, Израиля.

Автор этих строк был единственным российским участником, выступившим с докладом на русском языке («Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «"Формальный метод в литературоведении" в контексте коллективного творчества "бахтинского круга"»). Тем не менее доклад собрал большую аудиторию, поскольку многие западные ученые в разной степени владеют им, занимаясь историей русской филологии, переводами с русского языка, прибегая к нему как к одному из мировых языков общения.

XIII Международная Бахтинская конференция не только позволила ее участникам обменяться наблюдениями по различным аспектам обсуждаемой проблематики, но и способствовала закреплению профессиональных связей ученых разных стран, занимающихся русистикой, вопросами диалогики, педагогики, искусствознания, прагматики общения. Следующий форум такого рода намечено провести в 2010 г. в Болонье.

XIV МЕЖДУНАРОДНАЯ БАХТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (ИТАЛИЯ, г. БЕРТИНОРО. 4 – 8 ИЮЛЯ 2011 г.)*

XIV Бахтинская конференция, посвященная творчеству выдающегося отечественного ученого М.М.Бахтина, была организована Болонским университетом – одним из старейших и авторитетнейших в Европе, что придавало данному научному мероприятию особую знаковость. Следует отметить, что итальянские исследователи давно интересуются трудами М.М.Бахтина и ученых «бахтинского круга» (В.Н.Волошинов, П.Н.Медведев и др.), переводят их работы на итальянский язык и уже являлись организаторами подобных форумов, посвященных бахтинской тематике.

Конференция проходила в Университетском центре, расположенном в живописном городке Бертиноро, в 80 км. южнее Болоньи. Это специально выделенная академическая «площадка» с высокоразвитой научной и бы-

* Васильев Н.Л. XIV Международная Бахтинская конференция (Италия, Болонский университет. 4 – 8 июля 2011 г.) // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 120 – 121. Участие автора в конференции было поддержано Российским гуманитарным научным фондом (проект № 11–04-15057з).

товой инфрастуктурой, предназначенная для международных встреч ученых, лекций, семинаров и т. д.

Несмотря на то, что г. Бертиноро не входит в число известных туристических центров Италии, находится в стороне от железнодорожных и автобусных магистралей, конференция собрала более 100 участников из 24 стран (Италия, Россия, Украина, Великобритания, США, Канада, Мексика, Бразилия, Израиль, Германия, Франция, Испания, Польша, Венгрия, Румыния, Швеция, Финляндия, Ирландия, Греция, Бельгия, Индия, Иран, Тайвань, Австралия).

Среди докладчиков и слушателей были известные зарубежные ученые, в частности соавтор первой монографической биографии М.М.Бахтина Катерина Кларк (США), автор оригинальных исследований о русской культуре профессор Римского университета Чезаре де Микелис.

Помимо большой группы итальянских ученых наиболее представительной выглядела делегация из Бразилии (около 20 докладчиков), что неудивительно, поскольку в 2003 г. там проводилась XI Бахтинская конференция, стимулировавшая интерес в Южной Америке к наследию русского ученого и его современников. Россия традиционно была заявлена в программе конференции лишь несколькими участниками, из которых далеко не все смогли быть на ней. Так, автору этих строк пришлось «озвучить» пленарное сообщение отсутствующих по уважительным причинам в Бертиноро петербургских исследователей Ю.П.Медведева и Д.А.Медведевой. Организаторы предоставили возможность участникам конференции услышать русскоязычные доклады и других не приехавших российских коллег.

Несмотря на то, что XIV Бахтинская конференция состоялась, как и предшествующая ей в Канаде, с интервалом не в два, а в три года, причиной чего были финансовые затруднения организаторов, отсутствие в последние годы «конкуренции» за право проведения таких мероприятий, она прошла на очень высоком уровне, в чем, несомненно, сказался значительный итальянский опыт в проведении международных «университетских» форумов. Достаточно отметить, что едва ли не впервые в практике «бахтинских» конференций был организован – с помощью группы профессиональных переводчиков и соответствующей высокотехнологичной аппаратуры – синхронный перевод большинства докладов, а также задаваемых слушателями вопросов, прений по докладам, «круглых столов», информационных сообщений представителей оргкомитета одновременно на три рабочих языка конференции (русский, итальянский, английский), – что, конечно, способствовало взаимопониманию ее участников; каждый имел возможность высказаться и быть понятым. Это выгодно отличало данную Бахтинскую конференцию от других. Новацией было и то, что пленарные доклады сопровождались их анализами со стороны заранее назначенных

«содокладчиков». Выделенное для пленарных (45 мин.) и секционных (30 мин.) докладов время было достаточным для того, чтобы слушатели могли задать необходимые вопросы и эффективно обсудить услышанное. Были изданы и тезисы докладов, причем с параллельным переводом русских текстов на итальянский язык. Организаторы конференции (прежде всего ее координатор Ф.Пеллицци) сумели без лишней суеты создать непринужденную и в то же время деловую атмосферу в рамках столь значительного в плане подготовительной и текущей работы научного мероприятия.

В содержательном аспекте ощущался, однако, отход проблематики докладов XIV Бахтинской конференции от актуальных вопросов биографии и творчества М.М.Бахтина (эта тенденция отчетливо наметилась в последние годы). Докладов, посвященных собственно «бахтинской» тематике, было сравнительно немного: «Круг М.М.Бахтина» (к обоснованию феномена)» (Ю.П.Медведев, Д.А.Медведева), «Дискуссия вокруг доклада Л.В.Пумпянского "О марксизме" (1924) и переход М.М.Бахтина к работам второй пол. 1920-х гг.» (Н.И.Николаев), «Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты: Опыт сопоставительного анализа философских позиций» (Г.Л.Тульчинский), «Книга М.М.Бахтина о Франсуа Рабле: генезис идей и понятий сквозь призму истории текста» (И.Л.Попова), «К истокам металингвистики М.М.Бахтина» (М.Ляхтеэнмяки), «Свое и чужое слово у Михаила Бахтина» (А.Понцио) и некоторые др.; превалировали сообщения «парабахтинского» плана, причем с философским или культурологическим уклоном. Многие докладчики смутно представляли себе сделанное предшествующей «бахтинистикой», не знали библиографию работ по той или иной проблеме, важные детали биографии М.М.Бахтина. Причины этого кроются, вероятно, в субъективных обстоятельствах (научные предпочтения большинства зарубежных исследователей) и в постепенном «размывании» строгих научных представлений о феномене М.М.Бахтина и «бахтинского круга». В этом отношении наиболее яркой в проблемном плане была XII Бахтинская конференция 2005 г. в финском городе Ювяскюля.

В целом можно констатировать, что имя М.М.Бахтина постепенно становится для ученых многих стран «брендом», позволяющим самовыражаться по любому поводу. Эта тенденция, с одной стороны, отрадна как факт популяризации отечественной гуманитарной мысли в современном мире; с другой, настораживает эксплуатацией своей внешней формы, а не глубинной сущности явления – филологических идей М.М.Бахтина и «бахтинского круга».

8. «ЧУЖОЕ СЛОВО» (РЕЦЕНЗИИ)

ЦЕННОЕ ИЗДАНИЕ*

В связи с проведением в Мордовском государственном университете первых Бахтинских чтений, состоявшихся в октябре этого [1989] г. и получивших всесоюзный резонанс, научной библиотекой университета был издан библиографический указатель работ М.М.Бахтина и литературы о его творчестве и жизни[1].

Указатель впервые в российской библиографии представляет наследие выдающегося ученого XX в., а также работы, в которых используются его новаторские идеи. Особенно ценным является раздел о зарубежной «бахтиниане» – труднодоступной для рядового читателя. Он дает возможность познакомиться с изучением творчества исследователя в других странах, узнать о переводах работ М.М.Бахтина на иностранные языки.

В указатель включены и работы соратников М.М.Бахтина – В.Н.Волошинова, П.Н.Медведева, И.И.Канаева, в которых, как полагают многие исследователи, есть доля участия и самого Михаила Михайловича. К сожалению, в данном указателе оказались пропущены три статьи В.Н.Волошинова, также приписываемые М.М.Бахтину: «О границах поэтики и лингвистики», «Что такое язык?», «Конструкция высказывания», опубликованные в 1930 г.

Выход подобного издания окажет помощь специалистам в области литературоведения, языкознания, эстетики, философии, этики, психологии и всем, интересующимся вкладом М.М.Бахтина в мировую гуманитарную мысль.

ПО СТРАНИЦАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БАХТИНИАНЫ*

1990-е гг. ознаменовались появлением сразу нескольких коллективных исследований творчества М.М.Бахтина и его вклада в мировую ду-

---

* Васильев Н.Л. Ценное издание // Сов. Мордовия. 1989. 20 дек.

[1] М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989. 96 с.

* Васильев Н.Л. По страницам отечественной бахтинианы: (Обзор) // Вестн. Мордов. ун-та. 1993. № 2. С. 63 – 64.

ховную культуру, что свидетельствует о некотором выравнивании в активности изучения наследия ученого за рубежом[1] и в нашей стране.

В Москве начал издаваться периодический «Бахтинский сборник», соредакторами которого являются известный российский бахтинист В.Л.Махлин и американский славист Д.Куюнджич. Появившийся недавно второй выпуск это сборника (его тираж, кстати говоря, вышел в Саранске) впечатляет своей содержательностью, высокой научной и издательской культурой. Среди авторов – ученые не только СНГ, но и Европы, США (подобное интеграционное сотрудничество представляется весьма перспективным и симптоматичным).

В Витебске, где некоторое время жил и работал Бахтин, появился первый номер специального журнала, посвященного бахтинской тематике (биографии, наследию ученого, его эпохе): «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (гл. ред. Н.А.Паньков; один из учредителей – Витебский пединститут). Это периодическое издание по-своему уникально: до сих пор в нашей стране, кажется, не было журнала, ставившего целью исследовать не конкретные вопросы той или иной науки или даже научные направления, а, по существу, персональный «культурный слой». (Однако многогранность творчества Бахтина оправдывает подобный комплексно-специализированный подход в его изучении.) На страницах журнала представлены теоретические исследования, документы, воспоминания, научные обзоры и рецензии, касающиеся указанной проблематики.

В С.-Петербурге – городе, который как никакой другой причастен к формированию исследовательских интересов Бахтина, в 1991 г. вышел сборник «М.Бахтин и философская культура XX века» (отв. ред. К.Г.Исупов), тоже задуманный как периодическое научное издание. Здесь помещены разнообразные материалы о жизни, творчестве, идеях ученого.

С бахтинской тематикой связан и межвузовский сборник «Хронотоп» (ред. Н.А.Горбанев), выпущенный в 1990 г. Дагестанским университетом.

Коллективная монография, посвященная философской стороне наследия и личности, научному методу Бахтина («М.М.Бахтин как философ»), вышла в минувшем году в издательстве «Наука». Свидетельством интереса отечественных философов к трудам и идеям ученого является и книга В.С.Библера «М.М.Бахтин, или Поэтика культуры» (М., 1991).

Появились и исследования частных вопросов бахтинистики: «Михаил Бахтин: Философия поступка» (М., 1990) В.Л.Махлина, «Риторика поступка М.Бахтина: Воспоминания о будущем или предсказания прошедшего?» (М., 1991) В.Л.Махлина, А.Е.Махова, И.В.Пешкова и др., – вышедшие в издательстве «Знание».

---

[1] См., обстоятельный анализ состояния и тенденций современного зарубежного бахтиноведения в брошюре О.Е.Осовского «Научное наследие М.М.Бахтина и гуманитарная мысль Запада сегодня» (М., 1991).

Таким образом, «география», проблемная широта изучения творчества М.М.Бахтина за последнее время в нашей стране заметно расширились.

Лидером же отечественного бахтиноведения, пожалуй, по-прежнему остается Саранск (здесь были опубликованы первые межвузовские сборники, посвященные наследию ученого, библиографический указатель, архивные документы и другие материалы, связанные с его именем; возникли идеи Бахтинских чтений и Бахтинского общества), что вполне естественно, учитывая продолжительность работы ученого в вузах столицы Мордовии и огромное количество учеников, коллег, сохранивших о нем благодарную память. Поэтому имена саранских исследователей (С.С.Конкин, О.Е.Осовский, В.М.Борискин, В.И.Лаптун, О.В.Брейкин, Г.В.Карпунов, В.Б.Естифеева и др.) по праву нашли место на страницах указанных выше изданий. Главное же – в минувшем году Мордовский университет выпустил сразу три (!) межвузовских сборника исследований, посвященных творчеству ученого: «М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия» (отв. ред. С.С.Конкин), «Философия М.М.Бахтина и этика современного мира» (отв. ред. Р.И.Александрова, О.В.Брейкин), «М.М.Бахтин: Эстетическое наследие и современность» (отв. ред. А.Ф.Еремеев). Думается, научная общественность в скором времени даст детальную рецензионную оценку упомянутых изданий.

В Мордовском книжном издательстве готовится к выходу в свет и первая в нашей стране книга о жизни и творческом пути исследователя, написанная профессором С.С.Конкиным. Ее появление ожидается с большим интересом и, несомненно, явится этапом в развитии отечественного бахтиноведения и стимулом для дальнейших работ в этом плане.

<КОНКИН С.С., КОНКИНА Л.С. МИХАИЛ БАХТИН: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. САРАНСК: МОРДОВСКОЕ КН. ИЗД-ВО, 1993. 400 с.>*

Работу, подобную этой, ждали в нашей стране давно. И, пожалуй, именно от С.С.Конкина: автор хорошо известен как исследователь биографии М.М.Бахтина и популяризатор его творческого наследия.

Необходимость в появлении отечественного монографического труда о судьбе и творчестве Бахтина назревала год от года. Этого требовала и логика развития науки (подведение определенных итогов в изучении бахтинского контекста), и долг по отношению к памяти Бахтина, и, наконец,

* Васильев Н.Л. [Рец.] Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993 // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 3. С. 144 – 151.

чувство стыда в связи с тем, что на родине всемирно известного ныне ученого такая книга еще не издана. Последнее обстоятельство, в частности наличие работы о Бахтине, написанной американскими славистами – К.Кларк и М.Холквистом[1], вызывало и определенный «спортивный» интерес, стимулировало своеобразный дух соперничества: удастся ли отечественным бахтиноведам в чем-то (и в чем) «обойти» зарубежных авторов?

Предпосылок для успеха было немало. К.Кларк и М.Холквист не были соотечественниками Бахтина, – тем более людьми, знавшими его непосредственно (в рабочей обстановке, в быту). Они испытывали определенные исследовательские трудности – и как первопроходцы, и как граждане иного государства (языковой барьер, сложность в работе с архивами, иногда незнание нашего историко-культурного «подтекста» и т. п.). В книге американских бахтинистов ощущалась порой наивность иностранцев, пытающихся судить о жизни другой страны, ее людях, психологии; не чувствовалось серьезной архивно-документальной базы; господствовал анализ ментальности Бахтина, его окружения. Тем не менее исследование К.Кларк и М.Холвиста нельзя было не признать удачным: авторам удалось выявить много фактов, касающихся судьбы Бахтина; осмыслить то, что интеллектуально питало его как ученого, мыслителя; серьезно проанализировать бахтинское творчество и работы, вышедшие из круга друзей Бахтина (так называемые «спорные тексты»). Любая попытка сказать что-то новое о Бахтине после этого автоматически требовала опоры на их книгу как отправную точку.

Оправдались ли наши ожидания в отношении новейшей биографии Бахтина? И да, и нет.

Со времени опубликования книги К.Кларк и М.Холвиста прошло почти десятилетие, в течение которого было выявлено много новых фактов, касающихся Бахтина; интенсивно разрабатывались частные вопросы бахтинистики. Это давало значительные преимущества последующим биографам Бахтина, но и создавало некоторые психологические трудности: могло появиться стремление «объять необъятное», учесть в с е публикации (отечественные и зарубежные), растущие как снежный ком, – что отодвинуло бы выход книги на неопределенный срок.

Авторы рецензируемого исследования избрали для себя достаточно скромную и ограниченную задачу: представить не научную биографию Бахтина, а своего рода подступы к ней – в виде «очерков», затрагивающих отдельные вехи в жизни и творчестве ученого (с. 8). Причем очерки эти носят порой публицистический, полемический характер, с элементами проблемно-описательного анализа работ Бахтина и его соавторов (?!).

---

[1] Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.); London, 1984.

К достоинствам книги, безусловно, относится серьезная документальная база, касающаяся жизни Бахтина, его общественной и научно-педагогической деятельности (хотя сразу же оговоримся, что она могла бы быть более полной и последовательной). В немалой степени в книге представлены свидетельства о Бахтине лиц, знавших его по работе, в быту (в том числе и одного из авторов книги). Учтен достаточно большой круг литературы о Бахтине и его окружении (правда, преимущественно на русском языке). Определенную привлекательность книге придает и неравнодушие авторов к российской истории, судьбе ученого; диалог с оппонентами (к сожалению, однако, не всегда корректный). Ценность исследования повышают и иконографические материалы, касающиеся Бахтина и его окружения, мест, связанных с жизнью ученого (некоторые из них ранее не публиковались)[1]. К привлекательным сторонам книги (но, может быть, не ее жанра) относится и наличие удачных эпиграфов к главам, что придает философско-лирическую тональность авторскому повествованию.

Наиболее удачными (с точки зрения новизны, содержательности, основательности изложения), на наш взгляд, являются главы книги, рассказывающие о семье Бахтина, невельском, витебском, ленинградском и кустанайском периодах его жизни.

Исследователи достаточно убедительно (в контексте их данных!) доказывают недворянское происхождение Бахтина, хотя им следовало бы быть более осторожными в своих выводах… С формальной точки зрения авторы книги, видимо, правы: по документам Бахтин принадлежал к мещанскому или купеческому сословию. Сам Бахтин, однако, связывал свою родословную с древней дворянской ветвью, давшей России немало известных людей, что, по-видимому, и легло в основу прижизненного биографического очерка о нем, написанного В.В.Кожиновым[2]. В последнее время это нашло подтверждение и в опубликованном диалоге Бахтина с В.Д.Дувакиным[3]. Ссылки же на автобиографию ученого, где он не подчеркивает своего дворянского происхождения, нельзя рассматривать как документальный источник, учитывая естественную осторожность Бахтина в годы, когда государственная машина ставила целью уничтожение эксплуататорских классов. (То, что Бахтин был аристократом духа и пренебрегал мещанской тягой к вещам и титулам, не вызывает сомнения ни у кого.) Тем не менее расхождение между социальной самоидентификацией

---

[1] Недоумение вызывает лишь фотография дореволюционного (конец XIX в.) Саранска, поскольку она никак не может дать представление об архитектурном облике города в 1930 – 1960-х гг., когда здесь жил Бахтин.

[2] См.: Кожинов В., Конкин В. М.М.Бахтин: Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 5.

[3] См.: Пепел и алмаз: Из рассказов М.М.Бахтина, записанных В.Д.Дувакиным // Лит. газ. 1993. 4 авг.

Бахтина и документами о его происхождении настораживает: нет ли в этом еще одной загадки биографии Бахтина, подобной запутанным вопросам о его гимназическом и университетском периодах жизни или обстоятельствах создания некоторых не вполне атрибутированных работ (см. далее).

Важное место в книге занимает описание событий, связанных с арестом Бахтина. Здесь авторам удалось уточнить хронологию и детали следственных действий, в которые был вовлечен Бахтин в качестве обвиняемого по делу «Воскресения»; обстоятельства, вызвавшие внимание к нему репрессивных органов. (Примечательно, однако, что сам Бахтин, вспоминая об этом, делал акцент на такой причине его ареста, не отраженной прямо в постановлении суда, как увлечение философским инакомыслием – кантианством[1].)

В меньшей степени удались авторам разделы о пребывании Бахтина в Саранске (1936 – 1937, 1945 – 1969) и Москве (1970 – 1975), хотя именно эти периоды жизни ученого наиболее доступны для изучения с точки зрения документированности, свидетельств очевидцев и т. д. Это тем более досадно, что в данном плане саранские исследователи имели явное преимущество над американскими: они могли опереться, в частности, на многочисленные воспоминания еще живых коллег, учеников, знакомых Бахтина (в большей степени, чем это было сделано); воссоздать его л и ч н о с т ь как ученого, вузовского педагога, гражданина, просто человека. Думается, что последнее могло существенно повысить потенциал книги и не повредить ее замыслу как «краткой биографии» Бахтина. Постараемся обосновать высказанный нами упрек.

Говоря об участии П.Н.Медведева в переезде Бахтина в Саранск (с. 211), авторы книги не воспользовались уже опубликованной к тому времени работой другого саранского биографа Бахтина – В.И.Лаптуна, посвященной личности П.Н.Медведева, его связям с Мордовским пединститутом (с 1935 г. руководство института вело переговоры с П.Н.Медведевым о его переезде в Саранск, в 1936 г. в течение двух недель последний читал лекции в здешнем вузе и других общественных аудиториях) и роли в привлечении Бахтина на преподавательскую работу из Кустаная в Саранск (здесь же публикуются соответствующие документы)[2].

Вне поля зрения авторов оказались и некоторые факты научной деятельности Бахтина в Саранске, зарегистрированные в периодической печати Мордовии, в историографических, литературоведческих трудах: в частности, его вступления по вопросам теории литературы, участие в редколлегии научных изданий. Приведем, например, выдержку из информа-

---

[1] Там же.

[2] См.: Лаптун В. Протеже профессора: Как М.М.Бахтин оказался в Саранске // Сов. Мордовия. 1992. 18 авг.

ционного раздела газеты «Советская Мордовия» (24 окт. 1952 г.), свидетельствующую о примечательной для нас мыслительной активности и методологической толерантности Бахтина в отношении, вероятно, чуждого ему теоретического инструментария: «В Мордовском педагогическом институте состоялось открытое заседание кафедры русской литературы, на которой присутствовали писатели Мордовии, студенты и преподаватели педагогического института. Был заслушан доклад председателя правления Союза писателей Мордовии И.Д.Воронина "О социалистическом реализме на современном этапе". В обсуждении доклада приняли участие Ф.Атянин, Л.Васильев, А.Маскаев, М.Бахтин»[1].

Мало конкретного сказано в книге о ближайших коллегах Бахтина по работе в вузах Саранска, его аспирантах, людях, друживших с ним и его женой (и соответственно – о темах, которые предлагались ученым для кандидатских диссертаций; о том, какую помощь оказывал Михаил Михайлович как педагог своим коллегам и ученикам). А ведь свидетельства людей, близко знавших Бахтина, многие из которых еще живы, о научно-педагогической деятельности, да и частной жизни ученого, его духовном облике, нравственном инстинкте могли бы дополнить портрет мыслителя и картину саранского периода его жизни необходимыми деталями, «телесностью», осязательностью. В результате потерялось многое из того, что сейчас так важно было бы соединить (на основе разрозненных, не всегда опубликованных воспоминаний) воедино именно в рамках монографического жанра. Для сравнения укажем на очень содержательные мемуарные материалы Ю.Ф.Басихина, В.Б.Естифеевой, использованные авторами рецензируемой книги далеко не в полной мере или даже оставленные без внимания, в которых ярко рассказывается о личности Бахтина, его роли в культурной жизни Саранска, педагогической деятельности, читательских интересах, бытовой стороне жизни[2].

Не упоминается в книге, как это ни странно, имя доцента Мордовского университета Л.Г.Васильева. Между тем последний (крайний слева в среднем ряду на фотографии, запечатлевшей Бахтина и его коллег среди выпускников Мордовского пединститута в 1950-е гг.) является на сегодняшний день единственным официальным соавтором Бахтина[3]. Думает-

---

[1] Цит. по: История мордовской советской литературы: В 3 т. Саранск, 1974. Т. 3. С. 118 – 119.

[2] См.: Басихин Ю.Ф. О Михаиле Михайловиче Бахтине // Родные просторы. Саранск, 1978. С. 203 – 209; Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. Саранск, 1989; Карпунов Г.В., Естифеева В.Б. Годы жизни М.М.Бахтина в Саранске // М.М.Бахтин: Эстетическое наследие и современность: В 2 ч. Саранск, 1992. Ч. 2. С. 361 – 365; Они же. М.М.Бахтин (1895 – 1975) // Мордовский университет: (Историко-хроникальный очерк). Саранск, 1992. С. 123 – 126.

[3] См.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989. С. 4.

ся, читателям было бы интересно узнать если не об этом человеке, долгие годы дружившим и работавшим с Бахтиным (и, кстати говоря, ныне здравствующим), то хотя бы об обстоятельствах появления написанной совместно с Бахтиным рецензии на пьесу Г.Я.Меркушкина «На рассвете», поставленную в Мордовском драматическом театре[1].

Эта деталь показалась бы и незначительной, если бы не всеобщее внимание к вопросу авторства ряда работ, приписываемых Бахтину. Его не обошли стороной и создатели рецензируемой книги. Жанр монографии требовал от них достаточной определенности и ответственности в суждениях на этот счет. Между тем уровень аргументации С.С.Конкина и Л.С.Конкиной в пользу авторства Бахтина и характер полемики с оппонентами, на наш взгляд, не соответствует тем возможностям, которые были предоставлены саранским биографам предшествующими исследователями (отечественными и зарубежными)[2]. В результате данный вопрос оказался еще более запутанным для читателя: встав сначала на точку зрения безоговорочного признания авторства Бахтина (с. 15), исследователи шаг за шагом отступают от своего утверждения, говоря уже о творческом «содружестве» Бахтина с В.Н.Волошиновым, П.Н.Медведевым и И.И.Канаевым (с. 21), о том, что в указанных работах есть и то, что «Бахтину явно не принадлежит» (с. 115) и т. д. Не лучше ли в таком случае говорить не об идеях Бахтина, реализовавшихся в указанных трудах, а об идеях самих книг, статей, подписанных именами В.Н.Волошинова, П.Н.Медведева, И.И.Канаева?

Загадка со-творчества Бахтина с его коллегами в 1920-х гг. не единственная странность в судьбе ученого, оставленная без серьезного аналитического внимания саранскими биографами. Интересны и пока не ясны многие обстоятельства гимназического и университетского периода жизни Бахтина и его брата. Удачным дополнением к рецензируемой книге в этом отношении являются недавно опубликованные статьи В.И.Лаптуна и Н.А.Панькова[3], которые будущий биограф Бахтина обязательно примет во внимание. Заметим, что многое в запутанной истории о том, где и как учился Бахтин, кажется, проясняет его собственное замечание на этот счет, оброненное в упоминавшемся диалоге с В.Д.Дувакиным:

---

[1] См.: Бахтин М., Васильев Л. На рассвете // Сов. Мордовия. 1959. 17 мая. По свидетельству Л.Г.Васильева, совместно с Бахтиным им была написана еще одна статья (в защиту их товарища по преподавательской работе), опубликованная, однако, по не вполне зависящим от воли обоих причинам без подписи первого, но с добавлением – для «вящей убедительности» – фамилий вузовских «чиновников».

[2] См., напр.: Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, 1990. P. 102 – 171.

[3] См.: Лаптун В.И. К «биографии М.М.Бахтина» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 67 – 73; Паньков Н.А. Загадки раннего периода: (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М.Бахтина») // Там же. С. 74 – 89.

«…основное-то я приобрел путем самостоятельных занятий. Потому что не могут по самой сути дела никакие официальные учебные заведения давать такое образование, которое может удовлетворить человека». Думается, что ученый не придавал особого значения формальностям не только в плане узаконения творческого соавторства, но и в отношении собственного образовательного ценза; то же можно сказать и о его равнодушии к ученым званиям, наградам[1].

Односторонне, ограниченно представлены в книге отношения Бахтина с его молодыми московскими коллегами-филологами В.В.Кожиновым, В.Н.Турбиным и др., немало сделавшими для Бахтина в научном и бытовом плане, установившими информационную связь между Саранском и Москвой. Явные пробелы ощутимы в реконструкции московского периода жизни Бахтина (1970 – 1975 гг.). Рассказывая о пребывании Бахтина в Калининской области (1941 – 1945 гг.), исследователи почему-то не ссылаются на хорошо известную им статью Е.Н.Пономаревой и М.В.Строганова, опубликованную в межвузовском сборнике[2], предпочтя ссылку на труднодоступный материал этих же авторов в калининской газете «За коммунистический труд».

В последние годы возрос интерес к личности брата Бахтина. В связи с этим необходимо отметить, что авторы рецензируемой книги, говоря о Н.Бахтине, упустили из виду его поэтические наклонности и соответственно литературные связи[3], которые могли оказывать воздействие на эстетическое формирование М.Бахтина.

Укажем на некоторые другие уязвимые места в монографии саранских литературоведов.

Обращают на себя внимание навязчивые повторы в книге одних и тех же мыслей, сведений (напр., на с. 107, 209, 368), нестыковки отдельных частей в изложении (с. 24, 126, 148, 152), информационные пропуски в именном указателе (в какой-то мере этот упрек должны разделить и редакторы книги), чрезмерное обилие цитат и описательности.

Спорным представляется утверждение авторов о том, что «именно Бахтин стоял у истоков социологической поэтики в нашем литературоведении» (с. 160). Скорее наоборот: в книге о формальном методе (1928 г.), несмотря на внешние марксистские декларации, реализовалось, как нам кажется, стремление противостоять прямолинейному социологическому

---

[1] См.: Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. Указ. соч. С. 23.

[2] См.: Пономарева Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М.Бахтина в Калининской области // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 145 – 149.

[3] См.: Эджертон В. Ю.Г.Оксман, М.И.Лопатто, Н.М.Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 211 – 237; [Редакторы]. Несколько цитат, библиографических заметок и мемуарная реплика на полях публикации В.Эджертона // Там же. С. 238 – 244.

истолкованию литературы, в какой-то степени расширить горизонты самого формального метода (это почувствовали и оппоненты П.Н.Медведева). В такой же степени категорично утверждение авторов, что понятие «хронотоп» Бахтин заимствовал из теории относительности Эйнштейна (с. 232 – 233).

Есть в книге, к сожалению, и фактические ошибки, неточности. Так, авторы пишут: «…с 1929 года имя молодого ученого [Бахтина] исчезло со страниц литературных и научно-теоретических изданий…» (с. 9). Получается, что до этого Бахтин активно печатался (под своей фамилией), а после – уже нет. Не резоннее ли было сказать, что в 1929 г. – после 10-летнего (!) перерыва – имя Бахтина *появилось* в печати? Вышла его книга о Достоевском, статьи о произведениях Л.Н.Толстого; последовали рецензионные отклики на «Проблемы творчества Достоевского», в том числе зарубежные (П.Бицилли)…

13-том собрания сочинений Л.Н.Толстого, в котором помещена вступительная статья Бахтина, был выпущен не в 1929 г., как пишут авторы книги (с. 100), а в 1930 г.[1]

Второе издание книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929, 1930) не отличается от первого в содержательном плане, вопреки заявлению С.С.Конкина и Л.С.Конкина (с. 115); а книгу П.Н.Медведева «Формализм и формалисты» (1934) лишь условно можно назвать, как это сделали авторы рецензируемой монографии (с. 115, 149, 355), переизданием «Формального метода в литературоведении»[2].

Утверждение С.С.Конкина и Л.С.Конкиной о том, что книга В.Н.Волошинова «Фрейдизм» (1927) «вскоре же была переведена на основные европейские языки» (с. 125), не соответствует действительности[3].

Непонятно о какой «книге» Бахтина идет речь, когда биографы говорят об исследовании «Марксизм и вопросы языкознания» (с. 9)…

Касаясь спорного авторства (соавторства) работ, вышедших из круга Бахтина, исследователи указывают и анализируют их не в полном объеме (с. 15, 370); создается впечатление, что они просто не осведомлены о в с е х «спорных текстах»[4]. Между тем ясно, что, претендуя на истину в этом деликатном и сложном вопросе, необходимо было хотя бы обозна-

---

[1] См.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. С. 37 – 38.

[2] Характерно, что даже К.Кларк и М.Холквист (Op. cit. P. 158, 160, 356) не рассматривают исследование «Формализм и формалисты» в качестве бахтинского. Добавим, что непонятно, как С.С.Конкин и Л.С.Конкина анализировали книгу «Формальный метод в литературоведении» (с. 147 – 160) и делали соответствующие заключение о ее авторстве, если в списке «книг, написанных с участием М.Бахтина» (с. 355) ими отмечается лишь книга «Формализм и формалисты».

[3] См.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. С. 37 – 38.

[4] См.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ., – где тоже имеются существенные пробелы в разделе «Перечень трудов, написанных при участии М.М.Бахтина» (с. 10).

чить весь цикл работ, вышедших из-под пера Бахтина и его друзей с 1925 по 1930 г., как это сделали американские биографы Бахтина, проанализировавшие их с достаточной полнотой[1].

Авторы рецензируемой монографии в свою очередь (вслед за М.М.Бахтиным, В.Н.Волошиновым, П.Н.Медведевым, И.И.Канаевым) заинтриговали читателей характером собственного научного сотрудничества. Ср., например, следующую примечательную *оговорку* на с. 365: «Цитирую [?] по книге <…>».

Подведем итог. Удовлетворительной научной биографии Бахтина на сегодняшний день пока нет. Главная причина этого – отсутствие (не всех, но многих) бесспорных документов об отдельных периодах и обстоятельствах жизни ученого; не до конца проясненные моменты с авторством ряда работ, вышедших из круга друзей Бахтина[2]; многочисленные «фигуры умолчания» в судьбе Бахтина, связанные как с личностью самого ученого, не всегда придававшего значение «формальностям», так и с эпохой, в которую он жил (необходимость в утаивании сведений биографического, творческого, духовного плана, если они могли как-то повредить ему и близким людям; хотя бы и их памяти). От грубого вторжения в личную жизнь Бахтин, видимо, защищался своими методами, лишь изредка, скупо приоткрывая те или иные общественные и личные обстоятельства, причем нередко их варьируя. Тем не менее ставшая здесь предметом обсуждения монография приближает нас к задачам реконструкции научной, духовной, гражданской эволюции М.М.Бахтина и создания исчерпывающего исследования, интересного не только в плане биографии самого ученого, но и в аспекте отражения судеб интеллигенции его поколения вообще.

БАХТИНСКИЕ ЛЕКЦИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ[*]

Подобную книгу ждали давно[3]. И появиться она была должна именно в Саранске – городе, где Бахтин проработал в вузах Мордовии в общей сложности около четверти столетия – с 1936 по 1937 и с 1945 по 1961 гг. А в последующие несколько лет он, будучи уже на пенсии, являлся официальным руководителем пяти аспирантов кафедры русской и зарубежной

[1] См.: Clark K., Holquist M. Op. cit. P. 356 – 357.

[2] Их не проясняет и содержательная, но запоздалая публикация воспоминаний о Бахтине: Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 70 – 89.

[*] Васильев Н.Л. Бахтинские лекции по литературе // Изв. Мордовии. 1999. 26 нояб. С. 7.

[3] Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века: (В записи В.А..Мирской) / Публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В.Клюевой, Л.М.Лисуновой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 212 с.

литературы Мордовского университета, принимал участие в научной жизни кафедры, вплоть до своего переезда в Москву в конце 1969 г.

Ученый оставил в Саранске много благодарных учеников, помнящих его замечательные лекции по зарубежной литературе. Идея издать бахтинские лекции зрела давно. За время, прошедшее после смерти ученого, авторитет его работ и просто щедрых разбросанных по разным источникам (письма, интервью, устные беседы, воспоминания и др.) мыслей, заметок вырос настолько, что каждое слово, высказанное им, стало представлять интеллектуальную ценность не только для филологов, но и философов, искусствоведов, культурологов, специалистов других областей знания, причем во всем мире.

Относительно недавно были опубликованы домашние лекции Бахтина по русской литературе, записанные его витебскими и ленинградскими слушателями в 1920-х гг.[1] В то время исследователь еще только начинал свою научную деятельность, постепенно переключаясь от философии к литературоведению и языкознанию. То, что представлено в изданных саранскими лекциях бывшего заведующего кафедрой местного университета, связано уже с интересами ученого в зрелый период, отразившимися частично в его кандидатской диссертации, книге о Рабле, других трудах, затрагивающих античные и западноевропейские литературные, фольклорные и иные корни.

Теперь у нас есть «виртуальная» возможность побывать на лекциях ученого, окунуться в атмосферу его видения истории мировой литературы, соприкоснуться с оригинальной мыслью исследователя, проявившейся и в лекциях для студенчества мордовских вузов.

Изданные лекции носят фрагментарный характер, но и по ним можно судить о неординарности Бахтина как ученого (античника, медиевиста) и педагога. Его лекции не похожи ни на чьи другие! Их отличает не столько обилие фактов, сколько внимание к методологии литературного процесса, его связям с историей культуры в целом, учет становления жанровых форм, перекличек отдельных авторов, мотивов и т. п. Знакомясь с лекциями Бахтина, чувствуешь постоянный диалог исследователя с предшественниками, его стремление привить студентам уважение к истории того или иного научного вопроса. О необходимости именно такой стратегии преподавания литературы Бахтин не раз говорил, обращаясь к своим коллегам по кафедре, делясь с ними накопленным опытом.

---

[1] См., напр.: Лекции М.М.Бахтина по русской литературе 1922 – 1927 гг. (Запись Р.М.Миркиной) [лекции о Л.М.Леонове, К.А.Федине, И.Г.Эренбурге, Ю.Н.Тынянове и М.М.Зощенко] // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 97 – 104; Записи лекций М.М.Бахтина из устного курса по истории русской литературы [Лекции об А.Белом, Ф.Сологубе, А.Блоке, С.Есенине (в записи Р.М.Миркиной)] / Публ. и вступ. заметка С.Г.Бочарова; коммент. С.Г.Бочарова и Л.Силард // Там же. 1993. № 2/3. С. 135 – 174.

Подготовили сборник и прокомментировали содержание материалов саранские исследователи И.В.Клюева и Л.М.Лисунова, проделав исключительно трудоемкую работу, связанную с научной редактурой текста и скрупулезным объяснением всего, о чем говорит Бахтин, со ссылками на исследования, вышедшие после смерти лектора. Достаточно сказать, что справочный аппарат книги составляет около половины ее объема; но это не производит впечатления излишества: перед нами необходимый, квалифицированный научно-популярный комментарий, цель которого помочь читателям оперативно сориентироваться в прочитанном. В книге помещены также три указателя – упоминаемых имен, произведений и географических названий.

Отдельно нужно сказать слова благодарности в адрес кандидата филологических наук, лингвиста и культуролога Виктории Александровны Мирской, чьей аккуратности, добросовестности, заинтересованности в знаниях в бытность ее студенткой Бахтина мы и обязаны знакомством с еще одной гранью педагогического и научного таланта выдающегося ученого. В заметке, предваряющей книгу, она вспоминает: «…Я и сейчас вижу его, неловко входящего в аудиторию. Вот он подходит к столу, грузно, тяжело садится, пристраивает костыли, здоровается с нами. <…> И меняется все: тон, голос. Голос становится громче – он перестает быть будничным, делается вдохновенным… И я оказываюсь перед выбором: записывать, стараясь из всех сил <…> или, забыв обо всем на свете, слушать…».

Рецензируемое издание, помимо историко-культурной ценности, является и замечательным учебным пособием для студентов гуманитарных факультетов. Поэтому закономерно, что его тираж пять тысяч экземпляров! В заключение отметим, что выход данной книги существенно укрепляет лидирующее положение саранского бахтиноведения в современной гуманитарной науке.

НОВЫЕ КНИГИ О М.М.БАХТИНЕ ЗА РУБЕЖОМ*

Начало текущего столетия ознаменовалось выходом ряда серьезных книг о Бахтине[1], свидетельствующих о процветании «бахтинской индустрии», – хотя, казалось, ее лучшие годы уже прошли… В самом деле, не

* Васильев Н.Л. Новые книги о Бахтине за рубежом // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 209 – 217.

[1] Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000. 327 p.; Lähteenmäki M. Dialogue, Language and Meaning: Variations on Bakhtinian Themes / University of Jyväskylä (Finland). 211 p.; Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London: Pluto Press, 2002. 221 p.; Faraco C.-A. Linguagem & Dialogo as idéias lingüísticas do círculo de Bakhtin. Curitiba, Brasil: Criar edições, 2003. 136 p.

удивительно ли, что личности и трудам одного, пусть даже неординарного, ученого в последние десятилетия уделяется столько внимания. Трудно назвать писателя, мыслителя, общественного деятеля, творчеству которого посвящались бы регулярные – географически «дрейфующие» – международные конференции, журналы на разных языках, аналитические обзоры, многочисленные библиографии… Очевидно, дело не только в Бахтине и притягательности его идей – вместе с ним в современной гуманитарной науке всплыла целая Атлантида философской и филологической культуры прошлого, по разным причинам утерянная и вновь обретенная нами. Для русских она стала открытием и даже откровением культурных достижений Серебряного века, отчасти и интересом к «контркультурным» преобразованиям первых десятилетий Советской власти, вынуждавшей ученых вроде Бахтина выживать и приспосабливаться к действительности[1]. Для Запада бахтинский бум, зародившийся еще в СССР, стал, возможно, и поводом к разговору о внутреннем духовном диссидентстве русских ученых, в условиях необычного социального эксперимента вынужденных подменять философию филологией, свое имя – чужими фамилиями, а собственную жизнь – мифологизацией. Созвучными времени оказались и идеи Диалога, ставшие вдруг особенно актуальными для одних в контексте идеологического монологизма, для других – этнического, культурного, религиозного и иного плюрализма. Так или иначе, но Бахтин еще не надоел гуманитариям. Свидетельство этому не только недавняя, уже одиннадцатая по счету, международная Бахтинская конференция в Бразилии, но и монографии, о которых пойдет речь.

I

Автор первого из указанных исследований – в недавнем прошлом докторант знаменитого Оксфордского университета Великобритании, ныне профессор в Ланкастере Галин Тиханов. Вышедшая под несколько претенциозным названием книга («Господин и раб: Лукач, Бахтин и идеи их времени») представляет собой печатный вариант диссертации ученого и, как всякая серьезная работа такого рода, отличается основательностью и почти исчерпывающей осведомленностью в мире бахтиноведения и смежных областей[2].

---

[1] См. об этом: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 – 1950-е гг.): Мат. респ. науч.-практ. конф. Саранск, 2001. С. 20 – 22; Он же. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени // Невельский сборник. Вып. 9. СПб., 2004. С. 62 – 67.

[2] Фрагмент работы Г.Тиханова (в пер. Н.К.Бонецкой) печатался, в частности, и на русском языке: Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1996. № 3. С. 117 – 142.

Книга посвящена сопоставительному анализу (и позиционированию!) философских, эстетических и литературоведческих идей двух известных гуманитариев XX в. Насколько закономерна постановка вопроса о «диалоге» Г.Лукача и М.Бахтина, можно судить по оглавлению работы: I. Идеи (1. Культура, 2. Форма, 3. Жанр); II. Трансфигурации (4. Овеществление и диалог, 5. Идеология, язык, и реализм, 6. Роман, эпопея и современность); III. Герои (7. Достоевский, 8. Гете, 9. Гегель и Рабле). Такое построение книги, с одной стороны, указывает на несколько искусственный характер ее проблематики, свойственный, впрочем, многим ученым сочинениям; с другой, акцентирует новейшие тенденции в науке не столько генетического, сколько типологического анализа связей между теми или иными явлениями.

Деликатный и крайне непростой вопрос об авторстве «спорных текстов», приписываемых Бахтину, исследователь решает, хотя и не без колебаний, в пользу… соавторов русского ученого: «Сегодняшнее состояние изученности вопроса об авторстве так называемых "спорных текстов" не дает убедительного опровержения того, что "Марксизм и философия языка", "Формальный метод" были написаны именно теми авторами, которые значатся на обложках первых изданий данных книг, то есть Волошиновым и Медведевым, – с участием, однако, Бахтина, выразившемся в обсуждении некоторых ключевых идей указанных книг и, вероятно, привнесении в них в отдельных случаях соответствующей фразеологии» (с. 8 – 9). Этот поворот от первоначально некритичного приписывания Бахтину чуть ли не всех трудов В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева 1920-х гг. (М.Холквист, К.Кларк и др.) до постепенного созревания мнения о коллективном их характере (Г.-С.Морсон, К.Эмерсон и др.) в работах западных ученых проступает очень явственно, во всяком случае заметнее, чем в России, где еще ощутима инерция бахтиноцентризма в этом плане.

Г.Тиханов размышляет, в частности, о влиянии на «круг Бахтина» самых разнообразных по типологии и происхождению теоретических источников – философских, лингвистических, марксистских и иных, уделяя при этом равное внимание как немецкой философии, так и, например, плехановскому социализму… Однако перед нами не систематический очерк ментальной генеалогии Бахтина или его трудов, а выявление точек соприкосновения между идеями Лукача и Бахтина применительно к теории романа, творчеству Достоевского, Гете, Рабле.

Указанное исследование – серьезный вклад в дальнейшее изучение тонкостей взаимодействия гуманитарной мысли XX ст. в общеевропейском контексте и в какой-то мере – база для последующего диалога в этом отношении, что видно, в частности, из анализа следующей монографии, нередко апеллирующей к предшественнику.

II

Имя Крейга Брандиста также хорошо известно в современном бахтиноведении. Это талантливый молодой ученый, работающий в Бахтинском центре Шеффилдского университета Великобритании, автор нескольких десятков работ о русском мыслителе, его единомышленниках и их общих идеях.

Рецензируемый труд К.Брандиста («Круг Бахтина: Философия, культура и политика») суммирует прежние исследования ученого под углом зрения идей, вышедших из «круга Бахтина», т. е. из-под пера самого Бахтина, а также его друзей – П.Н.Медведева, В.Н.Волошинова, И.И.Канаева, Л.В.Пумпянского, М.И.Кагана… Перед нами монография, посвященная непосредственно творчеству Бахтина и его ближайшего окружения, почти лишенная примеси биографизма. К.Брандист взял на себя в этом плане большой груз ответственности и блестяще справился с поставленными задачами.

Прежде всего в книге бросается в глаза четкая тенденция: избегая прямого разговора об авторстве «спорных текстов», без которого не обходились многие предшествующие исследователи, рассматривать весь корпус книг и статей, вышедших из «круга Бахтина», персонализированно – как диалог самостоятельных, хотя и дружески связанных ученых. Свою позицию по этому поводу автор книги объясняет так: «…нет никаких конкретных оснований думать, что авторы, чьи имена фигурируют в указанных публикациях, не были в значительной степени ответственны за тексты, подписанные ими. <…> Кроме того новые архивные данные показывают, что Волошинов и Медведев являлись в самом деле специалистами в соответствующих областях наук, в то время как Бахтин преимущественно интересовался другими вопросами. Поэтому более правдоподобно, что содержание указанных книг было результатом оживленных совместных обсуждений, в процессе которых их участники готовили предварительные материалы, впоследствии корректируемые с учетом комментариев их коллег» (с. 8 – 9). Заметим, что подобный подход к «спорным текстам», которые многими – и в России, и на Западе – еще продолжают восприниматься как собственно бахтинские[1], революционизирует отношение к столь скользкому вопросу. Даже автору этих строк, не раз пытавшемуся привлечь внимание научной общественности к волошиновскому вкладу в «труды» Бахтина, решение К.Брандиста обсуждать ныне хорошо известные сочинения 1920-х гг., подписанные именами Медведева и Волошино-

[1] См., напр.: Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М.Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – сер. 1990-х гг. Саранск, 2003. С. 116.

ва, как в общем-то не бахтинские показалось достаточно смелым[1], хотя оно и имеет прецеденты в англоязычном научном мире. Тем не менее выбранный английским исследователем подход весьма разумен и прагматичен: автора нельзя упрекнуть ни в приписывании Бахтину чужих идей, ни, как правило (!), в игнорировании мыслей Бахтина, прямо или косвенно отразившихся в анализируемых сочинениях.

Книга К.Брандиста отличается логичной структурой, основанной на хронологическом принципе. Автор поэтапно анализирует труды, вышедшие из круга Бахтина, рассматривая их генеалогию и идеи: «Ранняя этическая и эстетическая философия <бахтинского> круга (1919 – 26)»; «Марксизм, семиотика и социология (1926 – 29)»; «От вербального взаимодействия к диалогу: Достоевский и роман»; «Роман и история литературы (1934 – 41)»; «Романист как философ (1940 – 1963)»; «Последние методологические работы». Основной части книги предшествует содержательное введение, подготавливающее читателя к восприятию того, о чем и о ком пойдет речь: «Проблемы изучения наследия Бахтина»; «Вопросы публикации и перевода»; «Биографический очерк»; «Феномен "круга Бахтина"»; «Периодизация <коллективного> творчества»; «Философские уклоны: Неокантианство, Lebensphilosophi, Феноменология, Гештальтпсихология, Кризис неокантиантства, Религия»[2]. Заканчивается монография главой «Бахтинская исследовательская программа вчера и сегодня», в которой рассматриваются некоторые стратегии, выводимые автором из сказанного.

Обращает на себя внимание огромная эрудиция К.Брандиста в отношении того, что касается наследия Бахтина и его круга, западноевропейского философского контекста, питавшего русского ученого и его друзей. Исследователем были учтены многочисленные англоязычные источники и многие работы российских коллег[3]. (Отчасти это объясняется информационными возможностями шеффилдского Бахтинского центра, в который стекается разнообразная и разноязычная информация, касающаяся предмета нашего разговора.) Однако нужно отметить, что российские исследования известны К.Брандисту в меньшей степени, нежели англоязычные,

---

[1] Ср., например, следующие характерные рассуждения К.Брандиста как типичный пример использования им приема полифонии в общем хоре «круга Бахтина»: «Двигаясь от Волошинова к Бахтину…» (с. 91); «Подобно Волошинову, выдвинутая Бахтиным концепция высказывания…» (с. 158) и т. п.

[2] Здесь следовало выделить, на наш взгляд, и подразделы «Марксизм», «Фрейдизм», поскольку данные философско-гносеологические направления были весьма влиятельными – и ни Бахтин с соавторами, ни сам К.Брандист не избежали рассуждений по этому поводу.

[3] В данном отношении монография К.Брандиста существенно выигрывает, например, по сравнению с русской интерпретацией творческого наследия Бахтина, представленной в исследовании С.С.Конкина и Л.С.Конкиной «Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества» (Саранск, 1993), где почти нет ссылок на труды западных ученых.

несмотря на владение им русским языком. Такого же рода диспропорцию можно наблюдать и в аспекте рассмотренных в книге философско-эстетических влияний на Бахтина (преимущественно выявлены лишь западные, прежде всего немецкие, корни оригинальной бахтинской мысли).

Приведем некоторые примеры. Рассуждая о книге «Фрейдизм: Критический очерк», автор недостаточно говорит о значительной популярности идей австрийского психолога в СССР и, соответственно, том уровне «взрывной» критической аналитичности по отношению к ним, который продемонстрировал В.Н.Волошинов, по существу положивший конец победоносному распространению психоанализа на русской почве[1]. Кстати или не кстати, при знакомстве с исследованием К.Брандиста создается впечатление, что Бахтин вообще не был причастен к написанию или хотя бы обсуждению волошиновского «Фрейдизма», проблематика которого почему-то и не фигурирует в рамках второго этапа деятельности «круга Бахтина» (с. 12). Одновременно в книге К.Брандиста не учтена и высокая оценка Бахтиным идей З.Фрейда в зрелые годы[2]. Касаясь «Формального метода в литературоведении», автор мало уделяет места интерпретации того, кем именно предстает критик формализма в данном исследовании – антиформалистом или более глубоким и тонким формалистом, чем сами создатели «формальной школы»[3]. (Складывается впечатление, что все книги, вышедшие в 1920-х гг. из «круга Бахтина», имели и определенную эвристическую сверхзадачу – выявляли уязвимые места в наиболее популярных и влиятельных умственных построениях своего времени, касалось ли это психологии, философии, лингвистики, литературоведения или даже марксизма… Это характерный пример того, что в немецкой научной традиции получило наименование «младограмматизма».)

Во второй главе исследования по неясным причинам структурно проигнорирована ранняя литературоведческая работа Бахтина – «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), – между тем российские исследователи рассматривают ее как отправную точку большинства последующих идей и разработок ученого[4]. В этой статье, в частности, была заложена концепция и такой

---

[1] См., напр.: Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 393, 397.

[2] См.: Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996. С. 203 – 204.

[3] См. об этом, напр.: Васильев Н.Л. [Рец.] Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993 // ДКХ. 1994. № 3. С. 149; Ковальски Э. Скрытые формалисты или виднейшие критики формальной школы? // ДКХ. 2001. № 1. С. 80 – 81.

[4] См., напр.: Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 75 и др.; Николаев Н.И. Издание наследия М.М.Бахтина как филологическая проблема: (Две рецензии) // ДКХ. 1998. № 3. С. 127 – 132 и др.

специфической работы Бахтина, как «Проблема речевых жанров»[1], которой К.Брандист, как нам кажется, уделяет меньшее внимание, чем она заслуживает, во всяком случае не включает ее в проблематику четвертого этапа творчества «круга Бахтина» (с. 12). Соответственно при анализе последнего из указанных трудов ученого автором не учитываются русскоязычные публикации по этой теме, заложившие основу осмысления лингвистического потенциала идей Бахтина[2]. В разделе, посвященном «Проблемам поэтики Достоевского» мало уделено места анализу добавленной Бахтиным в переработанную книгу целой главы о металингвистическом подходе к художественному слову и вытекающим отсюда методологическим следствиям[3]. Не учтены в связи с этим и другие русскоязычные исследования по данной теме[4]. В рассуждениях о лингвофилософском подтексте идей Волошинова/Бахтина в книге «Марксизм и философия языка» автор, как нам представляется, недооценивает собственно русские влияния на концепцию данной книги, в частности теорию диалогизма, намеченную в работах Ленинградской школы (Л.П.Якубинский и др.), и некоторые другие тонкости лингвистического порядка, о которых пишут, в частности, российские и западные ученые[5]. Так, известную мысль Бахтина о том, что «Язык в каждый данный момент его становления расслоен не только на лингвистические диалекты в точном смысле слова <…>» («Слово в романе»), автор книги приводит как иллюстрацию влияния марризма на ученого (с. 113); между тем нам кажется, что здесь, скорее, ощущается воздействие ленинградской социолингвистики или проявление оригинальной лингвофилософской концепции Бахтина. Отметим и досадную фактическую неточность в книге, основанную на благородном побуждении подчеркнуть научное дарование Волошинова – утверждение, что монография «Марксизм и философия языка» вышла в свет, когда ее автору было «только 25 лет» (с. 87).

В исследовательской стратегии К.Брандиста вообще проступает в большей степени философ и культуролог, нежели литературовед и лингвист. Однако подчеркнем, что наши субъективные замечания лишь

---

[1] См.: Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 97.

[2] См. также: Васильев Н.Л. Лингвистические идеи М.М.Бахтина и их значение для развития филологических наук // М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. III Саранских междунар. бахтинских чтений: В 2 ч. Саранск, 1995. Ч. 1. С. 12 – 13.

[3] См.: Васильев Н.Л. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52.

[4] См., напр.: Осовский О.Е. М.М.Бахтин: От «Проблем творчества» к «Проблемам поэтики Достоевского» // Бахтинский сборник. М., 1990. Вып. 1. С. 47 – 60.

[5] См., например, работы В.П.Киржаевой, статьи и доклады финского языковеда М.Лях-теэнмяки.

следствие заинтересованного – диалогического – прочтения рецензируемой книги, а не попытка скомпрометировать ее бесспорные достоинства.

Привлекает в книге К.Брандиста и отсутствие культового преклонения перед Бахтиным; здесь ведется взвешенный, спокойный разговор о том, что в его теориях получило историческую исследовательскую перспективу, а что в какой-то мере отжило свой век. Давно настало время для более продуктивного (эвристичного) и даже критического анализа наследия Бахтина и его круга, поскольку подлинная преемственность в науке предполагает не монологический способ репрезентации идей предшественников, а *диалог* с ними, – причем равноправный, позволяющий развивать научную мысль в условиях нового времени, не останавливаться на достигнутом[1].

К.Брандиста как исследователя отличает тонкий социологический подход к трактовке многих филологических идей Бахтина, выявление их философского и общественного подтекста. Может быть, в рецензируемой книге это качество ученого проявилось не столь ярко и системно, как, например, в одной из его ранних публикаций по данной теме[2]. Впрочем, автор, возможно, и не ставил задачу гадать, в какой степени филологические штудии русского ученого были формой скрытой сублимации и шифровки его философских идей, а также общественных настроений его круга.

В заключение отметим, что книга написана хорошей научной прозой, академично, и в то же время доступно для читателя, не искушенного в изысках английской литературной речи.

III

Мика Ляхтеэнмяки – быстро прогрессирующий исследователь, работающий в университете г. Ювяскюля, известном центре финской славистики. Рецензируемая книга («Диалог, Язык и Значение: Вариации на бахтинские темы») – докторская диссертация ученого, специализирующегося по лингвистической философии. Это, кажется, первая монография, посвященная вопросам лингвофилософии Бахтина и его круга. В нее вошла собственно диссертационная часть работы исследователя и несколько его ранее опубликованных статей. В основной части – 6 разделов: 1. Введение; 2. Многоголосый Бахтин (2.1. Бахтин и Бахтины, 2.2. Об интеллектуальных контекстах Бахтина и бахтинского круга); 3. О лингвистических аспектах диалогизма: краткий обзор (3.1. Бахтинские исследования, 3.2. Лингвистические труды о диалоге); 4. Между релятивизмом и абсолютизмом (4.1. Диалогизм как эпистемологическая и онтологическая ус-

[1] См.: Васильев Н.Л. Бахтинизм как историко-культурный феномен // Бахтин и время: Тез. докл. IV Бахтинских чтений. Саранск, 1998. С. 10 – 12.

[2] См.: Брандист К. Политическое значение борьбы с идеями Соссюра в работах школы Бахтина // ДКХ. 1995. № 2. С. 32 – 43.

тановка, 4.2. О диалогическом понимании истины, 4.3. Переосмысление антиреализма); 5. Бахтин и Волошинов: язык как диалогическая потенция (5.1. Лингвистика против металингвистики, 5.2. О диалогическом понимании языка: различные перспективы, 5.3. Язык и коммуникация, 5.4. Значение как потенция); 6. Дискуссия. Они дополнены статьями автора (одна из них написана в соавторстве): «Сознание как социальный и диалогический феномен»; «Но кто убил Харри? Диалогический взгляд на язык и сознание»; О динамике и стабильности: Соссюр, Волошинов и Бахтин»; «О значении и понимании: диалогический подход»; «Между релятивизмом и абсолютизмом: диалогический подход».

Как и многие на Западе, М.Ляхтеэнмяки касается вопроса об авторстве «спорных текстов» и решает его достаточно гибко, – полагая, что, вследствие отсутствия документальных фактов в пользу того иного ее решения, предпочтительнее говорить, по меньшей мере, о тесном взаимодействии всех участников «бахтинского кружка» в создании данных текстов (с. 17 – 19). Автор хорошо знаком с разнообразными англоязычными источниками, поскольку тесно контактирует с британскими исследователями, в частности из Шеффилда; неплохо осведомлен о работах российских ученых и, кстати, свободно владеет русским языком; помимо этого опирается и на труды своих финских коллег по бахтинской проблематике. Суждения М.Ляхтеэнмяки отличаются взвешенностью, глубиной библиографической проработки затрагиваемых вопросов и неторопливым, академичным поиском истины…

Финская бахтинистика пока была малоизвестна в России. Между тем в этой северной стране, граничащей и даже в прошлом идентифицировавшейся с Россией, за последние годы появились интересные исследования, касающиеся наследия Бахтина и его круга, в частности перевод на финский язык книги «Марксизм и философия языка», опубликованный Т.Лайне вместе с небольшим биографическим очерком о В.Н.Волошинове и примечаниями[1], материалы симпозиума «Диалоги о Бахтине: Междисциплинарные исследования»[2]. Не случайно Финляндия была выбрана в качестве страны-организатора XII Международной Бахтинской конференции, планируемой в 2005 г.

IV

Исследование бразильского ученого Карлоса Альберто Фарако «Язык и диалог: лингвистические идеи круга Бахтина» привлекает внимание по ряду причин. Во-первых, это одна из немногих книг о Бахтине, изданных

[1] Vološinov V. Kielen dialogisuus: Marxismi ja kielifilosofia / Suomennos, esipuhe ja selitykset Tapani Laine. Tampere: Vastapaino, 1990.

[2] Dialogues on Bakhtin: Interdisciplinary Readings. Jyväskylä: Centre for Applied Languge Studies, 1998.

на португальском языке[1]; во-вторых, она тоже посвящена анализу идей не одного Бахтина, а его окружения в целом, что весьма симптоматично, учитывая упомянутые тонкости вопроса об авторстве «спорных текстов»; наконец, перед нами одна из первых в мировой науке монографий о лингвистических идеях «бахтинского круга».

Книга состоит из трех глав: «Круг Бахтина», «Идеологическое творчество и диалогизм», «Философия языка». Те в свою очередь делятся на небольшие параграфы, в которых последовательно рассматриваются отдельные стороны научного наследия Бахтина, Волошинова и Медведева. Касаясь вопроса об авторстве «спорных текстов», бразильский лингвист занимает позицию, сходную с его английскими предшественниками – рассматривает в качестве бахтинских только работы, авторизованные ученым (с. 14). Последовательно анализируются труды бахтинского круга, в которых затрагиваются те или иные идеи, связанные с понятиями «язык» и «диалог». Их конспективное осмысление идет скорее по линии «лингвистической философии», чем собственно лингвистики. Автор опирается в основном на англоязычные исследования; публикации российских ученых учитываются лишь при условии их переиздания на английском языке, что заметно сужает потенциал диалога латиноамериканского языковеда с предшественниками. Одновременно в книге представлена библиография бразильских переводов научного наследия Бахтина и его круга, что представляет интерес в плане изучения степени распространения идей русских ученых в западном мире.

В результате обзорного анализа четырех вышеуказанных книг мы можем сделать ряд выводов о тенденциях новейшего зарубежного бахтиноведения: во-первых, наблюдается стремление к монографической консолидации изучаемого предмета, поскольку созрели предпосылки к этому в виде «критической массы» разнообразных, но разрозненных публикаций по отдельным аспектам бахтинистики и парабахтинистики; во-вторых, весьма ощутимо нежелание приписывать одному лишь Бахтину ответственность за идейное содержание «спорных текстов», что приводит к оперированию гибким понятием «круг Бахтина» и даже перераспределению ролей в соавторском диалоге русских ученых по модели бахтинской «полифонии»; в-третьих, усиливается собственно теоретический подход к наследию «круга Бахтина», и, наоборот, сдают свои позиции прежние установки и приоритеты на изучение биографии ученого, его окружения, терминологического аппарата. Всё это – свидетельство закономерной «глобализации» в рамках бахтистики, а значит – и наступления ее новой фазы, вероятно близкой к полураспаду…

---

[1] См. также: Souza G.-T. Introducão à teoria do enunciado concreto do circulo Bakhtin/Volochinov/Medvedev. São Paulo, 1999.

«КРУГ БАХТИНА», ИЛИ КВАДРАТУРА КРУГА*

Коллективная монография «Круг Бахтина: В отсутствие Мастера»[1], подготовленная в Шеффилдском бахтинском центре, отражает материалы созвучной по названию («In the Master's Absence: The Unknown Bakhtin Circle») конференции, состоявшейся в Великобритании в 1999 г.[2]

Целью исследования, как и предварявшего его научного мероприятия, было системное рассмотрение судеб и творчества ученых, входивших в ближайшее окружение М.М.Бахтина (П.Н.Медведев, В.Н.Волошинов, Л.В.Пумпянский, М.И.Каган, И.И.Канаев, И.И.Соллертинский и др.). Сверхзадача выпущенной книги, надо думать, заключалась в том, чтобы развеять миф о Бахтине как единственном, нередко имплицитном, генераторе научных идей, выходивших наружу в трудах его друзей и единомышленников (прежде всего Медведева и Волошинова), чем нередко страдала гуманитарная наука 1970 – 1980-х гг., односторонне трактовавшая вопрос о так называемых «спорных текстах» в пользу бахтинского авторства[3]. В аннотации издания, в частности, говорится: «Русский философ и теоретик культуры Михаил Бахтин традиционно рассматривается как ведущая фигура в группе интеллектуалов, именуемой "Круг Бахтина". Труды других членов этого сообщества, если они не приписываются самому Бахтину, считаются значительно менее важными для его творческого становления. Однако достижения Бахтина преувеличены пропорционально умалению мыслителей, с которыми он контактировал в 1920-х гг.».

Книга состоит из двух частей. В первой содержатся статьи западных и российских ученых о конкретных персоналиях из окружения Бахтина, их трудах: «Научное наследие Павла Медведева в свете его диалога с Бахтиным» (Ю.Медведев, Д.Медведева); «В поисках "третьего пути" советской эстетики: евразийство, марксизм, формализм» (Г.Тиханов); «Круг Бахтина и проблемы лингвистики» (В.Алпатов); «Волошиновская дилемма: о философских корнях диалогической теории высказывания» (К.Брандист); «Лев Пумпянский и Невельская школа философии» (Н.Николаев); «Канаев, витализм и Бахтинский круг» (Б.Тейлор); «Сол-

---

* Васильев Н.Л. «Круг Бахтина», или Квадратура круга // Новое лит. обозр. 2006. № 2. С. 408 – 414.

[1] The Bakhtin Circle: In the Master's Absence / Ed. by C.Brandist, D.Shepherd, G.Tihanov. Manchester; N.Y: Manchester University Press, 2004. 286 p.

[2] См., в частности: Ренфру А. Не все вопросы должны оставаться открытыми: Крайне субъективные заметки о конференции «В отсутствии мастера: неизвестный круг Бахтина» (Шеффилд, 7 – 9 окт. 1999 г.) // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 2000. № 2. С. 152 – 157.

[3] См., напр.: Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С. 121 – 129.

лертинский и диалогический симфонизм» (П.Ферклаф). Во второй части представлены в переводе на английский язык малоизвестные работы членов кружка – «Дневник Толстого» П.Н.Медведева, «Герман Коген (4 июля 1842 – 4 апр. 1918)» М.И.Кагана, «<О марксизме>» Л.В.Пумпянского; а также наиболее существенные в плане истории создания «спорных текстов» архивные материалы, связанные с учебой В.Н.Волошинова в аспирантуре Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете, ранее опубликованные на русском языке. Весомым приложением к изданию является указатель «Бахтинский круг: хронограф» (составители Д.Шеппард, К.Брандист, Г.Тиханов).

Книга открывается статьей руководителя Бахтинского исследовательского центра Д.Шеппарда («Второе открытие круга Бахтина»), в которой автор анализирует теоретические и конкретные обстоятельства функционирования научного сообщества (кружка), связанного с лидерством Бахтина. При этом исследователь опирается на разнообразные работы западных и российских ученых по этой теме, демонстрируя широкую научную эрудицию, подкрепленную солидной библиографической базой Шеффилдского бахтинского центра и его предшествующими публикациями[1]. Итоговый вывод, к которому склоняется Д.Шеппард, основываясь на предваряемых его статьей исследованиях и материалах, свидетельствует в пользу того, что при всем уважении к научному авторитету Бахтина, мы не должны недооценивать потенциал оригинальных идей и работ его ближайших друзей.

Статья петербуржцев Ю.П.Медведева и Д.А.Медведевой ранее была напечатана в журнале «ДКХ» (2001. № 2. С. 73 – 94), откуда и осуществлен ее английский перевод. Поэтому адресуем читателя непосредственно к русскоязычному источнику. Заметим лишь, в качестве сопутствующего комментария, что Ю.П.Медведев давно известен как преданный сторонник концепции творческой (и авторской) самобытности научных фигур, окружавших Бахтина, в частности рано ушедшего из жизни вследствие репрессий 1930-х гг. П.Н.Медведева.

Исследование Г.Тиханова (г. Ланкастер, Великобритания) посвящено анализу реакции русской эмигрантской критики, в лице малоизвестной ранее Э.Э.Литауэр, на статью П.Н.Медведева «Формализм и история литературы (Фрагменты из книги «Формальный метод в литературоведении»)» (Звезда. 1928. № 9. С. 114 – 134)[2]. Автор подробно останавливается

---

[1] См., напр.: The annotated Bakhtin bibliography / Ed. C.Adlam and D.Shepherd. London, 2000. 413 p.

[2] См. также: Тиханов Г. Полемика вокруг «Формального метода»: Медведев и евразийцы // Бахтинский сборник: IV / Под. ред. В.Л.Махлина. Саранск, 2000. С. 116 – 120. Помимо очерка о Э.Э.Литауэр и комментария к ее творчеству здесь републикован текст рецензии,

на личности этой ученицы В.Б.Шкловского, эволюции ее литературно-культурологических взглядов, тонкой полемике с «Медведевыми» как представителями марксистской эстетики, нюансах соотнесенности трех мощных ментальных направлений, господствовавших в умах молодых российских интеллектуалов 1920-х гг., – марксизма, формализма и евразийства. Обратим внимание на то, что интерес к последнему феномену особенно заметен именно у западных славистов[1].

Статья московского лингвиста В.М.Алпатова, переведенная с русского (ДКХ. 2000, № 2. С. 5 – 30) на английский язык, предшествовала недавно вышедшей обобщающей монографии ученого – «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (М., 2005), рецензия на которую помещена в одном из последних номеров НЛО[2].

В работе К.Брандиста, одного из самых плодовитых сотрудников Шеффилдского бахтинского центра, рассматриваются возможные научные истоки оригинальной теории диалогического высказывания, изложенной в книге В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка». Автор глубоко, со свойственной ему эрудицией, анализирует точки соприкосновения между волошиновской монографией и лингво-философскими идеями Ф.Брентано, К.Бюлера, Э.Кассирера и других западных ученых. В более полном и детальном виде взгляд К.Брандиста на становление научных идей бахтинского круга изложен в его книге[3].

Статья петербургского литературоведа Н.И.Николаева, переведенная с русского на английский язык, до этого в идентичном виде, кажется, не печаталась; но точка зрения ее автора на значимость философских бесед участников невельского кружка (М.И.Каган, Л.В.Пумпянский, М.М.Бахтин, М.В.Юдина и др.) для последующего развития научных идей бахтинского круга, а также бахтиноцентризм в анализе «спорных текстов» хорошо известны по иным публикациям ученого[4].

о которой идет речь – «Формализм и история литературы» (Евразия: Еженедельник по вопросам культуры и политики. 1929. № 18).

[1] См. также: Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе. 1920 – 30-е гг. / Пер. с фр. Н.С.Автономовой. М., 2001.

[2] Фрумкина Р. Наша Geistesgeschihte в лицах и эпизодах // Новое лит. обозр. № 73 (2005). С. 382 – 387. См. также нашу рецензию на указанную книгу – в изд.: М.М.Бахтин в Саранске: Материалы. Документы. Исследования. Вып. 2/3. Саранск, 2006. С. 224 – 234.

[3] Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London: Pluto Press, 2002. 221 p.

[4] На XII Международной Бахтинской конференции, состоявшейся в июле 2005 г. в Финляндии (г. Ювяскюля), концепция Н.И.Николаева в отношении «невельской философской школы» как протоядра будущих научных достижений Бахтина и его ближайших друзей вызвала резкую и, на наш взгляд, справедливую критику со стороны Ю.П.Медведева, подчеркнувшего, что разворот научных интересов Бахтина от философии к литературоведению

Особенно нам хотелось бы выделить в рецензируемом сборнике обстоятельные статьи Б.Тейлора (Ноттингем) и П.Ферклаф (Манчестер), посвященные, соответственно, биографии, творчеству И.И.Канаева и И.И.Соллертинского. Эти участники научных бесед бахтинского круга известны гуманитариям пока в несколько меньшей степени, чем другие (например, М.В.Юдина), отчасти вследствие тяготения их основных научных и культурных интересов к иным областям – естествознанию и теории музыки. Оба автора тонко прослеживают взаимодействие некоторых определяющих научных (в естествознании) и искусствоведческих (в музыке) идей И.И.Канаева и И.И.Соллертинского с общим эвристическим багажом «круга Бахтина».

Ранние работы членов бахтинского кружка представлены тремя англоязычными переводами – одной из первых публикаций П.Н.Медведева (в газете «Бессарабская жизнь», 1916 г.), некрологическим очерком об основателе марбургской школы неокантианства, опубликованным М.И.Каганом в 1922 г.[1], и не печатавшимся ранее наброском о марксизме Л.В.Пумпянского, датируемым 1924 г., дополняющим представление об ученом-литературоведе[2]. Последняя работа показывает пристальный теоретический интерес филолога к прикладным (прежде всего в русле литературоведения) аспектам марксизма, методологию которого Л.В.Пумпянский, кажется, вполне искренне принял в 1927 г.[3]

Упоминавшиеся выше документы из архивного дела аспиранта В.Н.Волошинова – «Оглавление» (проспект) заявленной книги или диссертации «Проблема передачи чужой речи: Опыт социолингвистического исследования», «План и некоторые руководящие мысли работы "Марксизм и философия языка" (основы социологического метода в науке о языке»[4] – теперь переведены на английский язык, причем впервые с необходимыми, хотя и скорее эскизными, примечаниями К.Брандиста, касающимися прежде всего фигурирующих в них имен философов и филологов. Данные тексты давно уже требуют пристального исследовательского вни-

---

и искусствознанию произошел уже в условиях *витебского* периода, не без влияния П.Н.Медведева.

[1] См. также: Каган М.И. О ходе истории / Ред.-сост. В.Л.Махлин. М., 2004. С. 33–44.

[2] См.: Пумпянский Л.В. Из литературного наследия / Публ. Е.М.Иссерлин и Н.И.Николаева // Философ. науки. 1995. № 1. С. 72 – 86; Он же. Классическая традиция: Собр. тр. по истории рус. литературы / Сост.: Е.М.Иссерлин, Н.И.Николаев. М., 2000.

[3] См.: Николаев Н.И. Энциклопедия гипотез // Пумпянский Л.В. Указ. соч. С. 22.

[4] См.: Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1995. № 2. С. 79 – 99; Из «Личного дела В.Н.Волошинова» // Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм; Формальный метод в литературоведении; Марксизм и философия языка; Статьи / Сост. И.В.Пешков. М., 2000. С. 574 – 588.

мания, хотя предварительный их анализ уже делался[1]. Укажем в данном случае на излишне категоричную характеристику комментатором личности русско-польского лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845 – 1929), позиционированного в качестве *польского* ученого *Яна Нечислава* Бодуэна де Куртенэ (с. 244, прим. 29), несмотря на то, что последний значительную часть своей научной жизни проработал в Казанском (1875 – 1883), Юрьевском (1883 – 1893) и Петербургском (1900 – 1918) университетах[2], а Польша до 1918 г., на протяжении более чем столетия, входила в состав Российской империи.

Наиболее оригинальным и значимым по насыщенности фактами и напрашивающимся выводам структурным элементом рецензируемого издания является, на наш взгляд, хронограф (timeline) бахтинского круга, составленный на основе разнообразных источников. Перед нами синхронизированное обобщение «лнний жизни» нескольких лиц, несмотря на их «полифонию» нередко объединявшихся в сотворческом и содружеском «контрапункте», – М.М.Бахтина, Н.М.Бахтина, М.И.Кагана, Л.В.Пумпянского, П.Н.Медведева, В.Н.Волошинова, Б.М.Зубакина, М.В.Юдиной, И.И.Соллертинского, И.И.Канаева, К.К.Вагинова и др. Хронограф открывается с 1889 г. (рождение самого старшего из представителей бахтинского круга – М.И.Кагана) и заканчивается, почти спустя столетие, смертью пережившего всех своих друзей И.И.Канаева (1984 г.), а также сведениями об изданиях избранных трудов участников бахтинского круга (1996, 1999, 2000, 2002 гг.), символизирующими их итоговые научные достижения и общественное признание в Большом Времени. Не всё в данном хронографе сделано, на наш взгляд, идеально. Например, уязвимой выглядит бессистемная расстановка тех или иных фактов внутри конкретного временного отрезка, что лишает справочник необходимой причинно-следственной логики, связи его звеньев. Так, чрезвычайно насыщенный фактологией 1928 г. открывается сведениями об аресте Бахтина и Л.В.Пумпянского, хотя данное событие произошло в самом его конце – 24 декабря. Информация о событиях 1936 г. начинается с указания на возвращение Бахтина из кустанайской ссылки в Москву и Ленинград, его встречах с друзьями; а заканчивается известием о смерти В.Н.Волошинова, последовавшей 13 июня. Между тем в реальности данные события выстраивались обратным образом: сначала умер В.Н.Волошинов, на похороны которого приехали, в частности, Б.М.Зубакин и А.И.Цветаева, а

[1] См., напр.: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 533; Алпатов В.М. Кружок М.М.Бахтина и проблемы лингвистики // ДКХ. 2000. № 2. С. 11 – 13.

[2] См., в частности: Дорошевский В. Об И.А.Бодуэне де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 21 – 22; Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П.Филин. М., 1979. С. 33.

лишь в начале августа в Ленинграде и Москве не вполне легально появились Бахтины[1]. Нарушена хронология, связанная не только со смертью В.Н.Волошинова, но и его рождением: в графе 1895 г. сначала указан факт рождения М.М.Бахтина (16/4 ноября), а затем его ближайшего друга (30/18 июня); между тем хронограф призван отражать биографические и творческие факты «круга Бахтина» – и поэтому в нем желательно было бы соблюдать последовательность событий. Противоречиво говорится о невельском периоде жизни В.Н.Волошинова: сначала указывается, что в 1918 – 1919 гг. он вместе с Бахтиным, М.В.Юдиной, М.И.Каганом, Л.В.Пумпянским и Б.М.Зубакиным участвовал в общих философских дискуссиях (с. 256), но затем сообщается, что он приехал из Петрограда в Невель в 1919 г. (с. 257). Переезд В.Н.Волошинова в Витебск датируется 1921 – 1922 гг.; между тем он поселился там, по нашим сведениям, в 1921 г.[2] В графе за 1927 г. неточно заявлено о том, что «ИЛЯЗВ стал частью <…> РАНИОН», вместо пояснения, что указанный ленинградский научно-исследовательский институт стал, наряду с другими, идеологически и организационно курироваться из Москвы (заметим, что данный факт, как и некоторые иные, например председательство В.А.Десницкого в «литературной секции» ИЛЯЗВа, выглядит малосущественным, по сравнению с некоторыми неучтенными смежными событиями). Пропущено в хронографе важное причинно-следственное звено – приезд П.Н.Медведева в 1936 г. в Саранск для чтения спецкурса в местном пединституте[3], в результате чего Бахтин несколько позже оказался на преподавательской работе в столице Мордовии, где в итоге прожил четверть столетия (1936 – 1937, 1945 – 1969 гг.). Указывая публикации «круга Бахтина» в 1910 – 1930-е гг., составители пошли по пути их существенного (и не оговоренного конкретными принципами) сокращения, – в отличие от предельно насыщенного данной информацией библиографического указателя, подготовленного в Бахтинском центре[4]; что, может быть, выглядит рациональным, но обедняет культурный фон, в котором существовали исследователи из круга Бахтина; одновременно данные пробелы скрадывают впечатление о красноречивом «молчании» в эти же годы самого *Мастера*, наталкивающем на размышления, что он, вероятно, работал над чем-то более серьезным, чем порой дежурные отклики его друзей на текущие литера-

---

[1] См., напр.: Хронограф жизни и деятельности М.М.Бахтина: Основные даты / Сост.: С.Г.Бочаров, В.И.Лаптун, Т.Г.Юрченко // М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002. С. 378.

[2] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 6.

[3] См.: Лаптун В.И. М.М.Бахтин в Саранске (1936 – 1937 гг.) // Родник: Лит.-худ. сб. Саранск, 1991. С. 291 – 303; Он же. Первый приезд М.М.Бахтина в Саранск (1936 – 1937 гг.) // Невельский сборник. Вып. 1. СПБ., 1996. С. 61 – 75.

[4] См.: The annotated Bakhtin bibliography. P. 3 – 28.

турно-музыкальные события эпохи… Этот справочник, несомненно, будет в дальнейшем дополняться и корректироваться. Так, скандинавский исследователь Т.Лайне, опираясь на информацию Д.А.Юнова, исследует интересные факты контактов В.Н.Волошинова и Б.М.Зубакина с немецкими, финскими философами-мистиками, связанные с поездками в Хельсинки, в прошлом российскую «провинцию». Можно было бы добавить хронограф сведениями о том, что в 1950-х гг. Саранск к Бахтиным приезжала М.В.Юдина, что после выхода на пенсию Бахтин тем не менее официально руководил пятью аспирантами[1], привлекался для выполнения других кафедральных учебных поручений, поддерживал связь с университетскими коллегами[2].

Обсуждаемая книга издана с разумной сдержанностью внешнего оформления, но в то же время изящно – с использованием различных шрифтов и кеглей, информативными колонтитулами, остроумным коллажем на основе известной фотографии «круга Бахтина» 1924/25 г., перекликающимся с названием сборника; содержит удобный справочный аппарат, предоставляющий возможность читателю ориентироваться в необходимой информации: подробные сведения об авторах сборника, именной указатель, в котором, однако, оказались, пропущенными фамилии исследователей, фигурирующих в источниковедческом предисловии к хронографу «круга Бахтина» (с. 251).

Подведем итог. Рецензируемое издание представляет собой заметный вклад в такую область современного гуманитарного знания, как *бахтиноведение* (*бахтинистика*, *бахтинология*), а также, независимо от этого, в осмысление научного потенциала и диалога ряда ярких ученых и деятелей культуры, вышедших из недр русской (советской) научной школы, когда-то волею судьбы объединившихся в «круг Бахтина» в условиях невельского, витебского, а позже петроградского (ленинградского) хронотопов. И то обстоятельство, что данное коллективное исследование подготовлено главным образом усилиями славистов Великобритании выглядит особенно привлекательным.

Неизвестно, как бы сложилось наше теоретическое и терминологическое восприятие «круга Бахтина», если бы Бахтин, вопреки болезням и репрессиям, не пережил, причем надолго, большинство своих прежних товарищей по Невелю, Витебску и Ленинграду. Напомним, что и В.Н.Волошинов (1895 – 1936), и П.Н.Медведев (1892 – 1938), и Л.В.Пумпянский (1891 – 1940), и М.И.Каган (1889 – 1937), и Б.М.Зубакин (1894 – 1938) ушли из жизни достаточно рано. Наше же представление о Бахтине осно-

---

[1] См.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его аспиранты // ДКХ. 1998. № 4. С. 53 – 68.

[2] См., напр.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 270; Естифеева В.Б. Воспоминания о М.М.Бахтине: (Второе десятилетие в Саранске) // ДКХ. 2000. № 2. С. 140 – 141.

вывается на знании того, что им было написано, напечатано, сказано и недосказано вплоть до 1975 г. Между тем его друзья остановились в своем научном и личностном развитии в годы сталинского режима, мало способствовавшего полноценному научному диалогу и продуктивному исследовательскому дискурсу. Поэтому, оценивая сегодня масштабы личностей участников «круга Бахтина», мы не должны логически некорректно сравнивать несопоставимые в хронологическом отношении величины – научные потенциалы ученых, едва переживших 40-летний рубеж, еще только набиравших исследовательскую высоту, – и почти 80-летнего мудреца, скупо делившегося своими воспоминаниями о творческом содружестве людей, именуемых «бахтинским кругом». Случись иначе, переживи те же В.Н.Волошинов, П.Н.Медведев, Л.В.Пумпянский своего младшего товарища (тем более, если бы тот ушел из жизни в 1930-х гг.), еще неизвестно, как бы именовался сейчас творческий союз этих людей – *круг* Волошинова, Медведева, Пумпянского или как-то иначе?.. В литературоведении, как говорил Ю.М.Лотман, чтобы что-то *сделать*, нужно жить долго. Но и то, что успели сделать эти «люди не нашего времени» (Ю.М.Каган) – независимо от Бахтина или благодаря ему – впечатляет…

<АЛПАТОВ В.М. ВОЛОШИНОВ, БАХТИН И ЛИНГВИСТИКА. М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР, 2005. 432 с.>*

Книге «Марксизм и философия языка» (далее МФЯ) уделяется в последнее время едва ли не такое же внимание, как некогда «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра, подготовленному А.Сеше и Ш.Балли. Аналогия между книгами не ограничивается только этим. И та и, и другая работа не была в буквальном смысле *написана* ее титульными авторами или, по крайней мере, только ими. Если допустить, что основным идеологом МФЯ являлся М.М.Бахтин, то, следуя высказываниям последнего (в переписке с В.В.Кожиновым), данная книга была создана его «учеником», хотя ныне очевидно, что юрист с неполным образованием, а позже дипломированный филолог, получивший разностороннюю подготовку в аспирантуре и прошедший академическую школу научной работы в ИЛЯЗВе при Ленинградком университете, потомственный петербуржец В.Н.Волошинов не мог быть – по крайней мере, во второй пол. 1920-х гг. – в буквальном смысле *учеником* так и не получившего диплома о высшем образовании философа из провинциального Орла, своего младшего ровесника

* См.: Васильев Н.Л. Свой среди чужих, чужой среди своих… // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 224 – 234.

Бахтина… Разделенные по времени 13 годами, обе книги вступили в диалог: МФЯ позиционировался как философский ответ со стороны зарождающейся диалогической лингвистики на вызов жесткой предструктуралистической концепции Ф. де Соссюра, противопоставлял лингвистике *языка* диалектику *речи*, в известном смысле – «лингвистику речи», дополняя ее методологически эклетично налетом фосслерианства, что почувствовали уже первые рецензенты МФЯ. Попутно отметим еще одно обстоятельство, связанное с рецензируемой монографией: чуть ли не впервые на книге, посвященной бахтинской тематике, имя самого Бахтина потеснено фамилией его ближайшего друга и соавтора.

Исследование В.М.Алпатова состоит из 7 глав («МФЯ и лингвистика XIX в.», «На пути к книге», «Лингвистическая проблематика МФЯ», «Проблемы марксизма в МФЯ», «После МФЯ», «Проблемы лингвистики в работах М.М.Бахтина 30 – 60-х гг.», «МФЯ и современная лингвистика»), разбавленных четырьмя «экскурсами» («Бахтин и Виноградов. Опыт сопоставления личностей», «Проблема авторства "спорных текстов"», «О японских формах вежливости», «Марксистская лингвистика в 30 – 70-е гг.») и представляет собой своеобразную экскурсию в историю языкознания и отчасти философии языка как особой ветви любомудрия[1]. Так называемые экскурсы весьма органично и даже остроумно входят в повествование автора. Помимо этого в монографии присутствуют разделы «Литература» (библиографический аппарат, включающий 376 названий, из которых, однако, некоторые составляют малоинформативные указания на те или иные печатные издания: *ДКХ, Источник, Наш современник, НГ, Правда, Советская Мордовия* и др.); «Публикации автора книги по бахтинистике» (28 наименований) с хронологической глубиной в десятилетие; именной указатель, фиксирующий имена, отчества и годы жизни упоминаемых в книге лиц, что очень удобно для читателя.

В.М.Алпатов известен в России и за рубежом как специалист в области японского языка и истории языкознания[2]. Последнее обстоятельство составляет наиболее сильную сторону исследовательской манеры ученого и вместе с тем парадоксально ограничивает автора в возможностях собственно эвристического подхода к тем или иным обсуждаемым проблемам. Сразу же отметим, что данная книга, безусловно, является событием для филологии и такой ее незаконной дочери, как бахтинология, – поскольку

[1] Из описания структуры книги В.М.Алпатова видно, что основное ее содержание – анализ именно МФЯ, которому подчинено все остальное; эволюцию лингвистических взглядов Бахтина в 1930 – 1970-х гг. исследователь тоже соотносит с их отправной точкой, т. е. МФЯ, зарождавшимся в тесном общении участников бахтинского кружка.

[2] См., напр.: Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991 (2-е изд. – 2004); Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е гг. М., 1994; Алпатов В.М. История лингвистических учений М., 1998 (и др. изд.).

это первая монография на русском языке, посвященная лингвистическим идеям бахтинского круга[1]. Рассуждения автора отличаются высоким уровнем аналитизма, стремлением к объективности, взвешенностью и независимостью суждений, внимательным, хотя и избирательным, отношением к работам других исследователей творчества Волошинова и Бахтина, редкой в наше время деликатностью в полемике со своими оппонентами. В этой книге, как и в предшествующих работах ученого, ярко проявляется его широчайшая эрудиция как историографа лингвистики.

Можно согласиться с В.М.Алпатовым по многим принципиальным вопросам, раскрываемым в книге. Так, исследователь справедливо подчеркивает, что Волошинов был вполне самостоятельной фигурой в научной жизни Ленинграда (с. 103 – 104), но вместе с тем занимал маргинальное положение в отечественной филологии; что МФЯ тоже стоял особняком в ряду других книг 1920-х гг. (с. 60) и в чем-то опередил свое время в методологическом отношении, вследствие чего не вполне был воспринят современниками (хотя решающую роль, на наш взгляд, в этом сыграл установившийся с 1930-х гг. в советской науке режим боязни новых идей, особенно идущих с Запада). В рецензируемой монографии обращается внимание на знаменательную реплику о монологе и диалоге, прозвучавшую в 1915 г. в работе Л.В.Щербы, наряду с более известной статьей Л.П.Якубинского («О диалогической речи», 1923), тоже предшествующую концепции МФЯ (с. 44, 47 и далее)[2]. Разумна позиция, занимаемая автором в отношении споров о природе марксизма в МФЯ: к этому мог быть причастен и сам Бахтин, позже критически пересмотревший свои взгляды 1920-х гг. (с. 205, 214); вместе с тем все более очевидным становится влияние, по крайней мере внешнее, марксизма на Волошинова[3]; к сказанному нуж-но добавить и то, что марксизмом серьезно увлекался, начиная со второй пол. 1920-х гг. еще один участник бесед бахтинского круга – Л.В.Пумпянский[4]. Существенно обогатились, по сравнению с предшествующими работами В.М.Алпатова, его наблюдения, относительно того, как реагировали Волошинов и Бахтин на труды Н.Я.Марра

---

[1] См. также: Lähteenmäki M. Dialogue, Language and Meaning: Variations on Bakhtinian Themes. University of Jyväskylä (Finland); Faraco C.-A. Linguagem & Dialogo as idéias lingüísticas do círculo de Bakhtin. Curitiba, Brasil: Criar edições, 2003.

[2] При этом В.М.Алпатов, к сожалению, не ссылается на содержательную статью, посвященную проблеме влияния Л.П.Якубинского на В.Н.Волошинова и параллелям между их трудами: Иванова И.С. Концепция диалога в работах Л.П.Якубинского и В.Н.Волошинова (к вопросу о взаимосвязи) // Язык и речевая деятельность. [Вып.] 3. СПб., 2000. С. 285 – 304.

[3] См.: Васильев Н.Л. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» // The XII International Bakhtin Conference, Finland, July 18 – 22, 2005. Jyväskylä, 2005. С. 53 – 54.

[4] См.: Николаев Н.И. Энциклопедия гипотез // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. тр. по ист. рус. лит. М., 2000. С. 22.

(с. 57 – 60, 244 и др.)[1]. Заслуживает внимания замечание исследователя, что Волошинов, возможно даже еще в нач. 1930-х гг., был поглощен мистическими исканиями (розенкрейцерством), что сказывалось на его прямолинейно прагматичном или, наоборот, скептическом отношении к собственной научной карьере. Остроумно выявляются типологические параллели между бытовой (само)мифологизацией Е.Д.Поливанова и возможным мистификаторством со стороны Бахтина (с. 205). Любопытны сопоставления судеб, личностных характеристик, трудов В.В.Виноградова и Бахтина, давно привлекающие внимание. Не будучи русистом по своим основным исследовательским пристрастиям, В.М.Алпатов, на наш взгляд, несколько субъективно характеризует спектр научных интересов и соотношение этих фигур: «Один – профессионал, автор солидных, продуманных, законченных трудов по сравнительно узким и конкретным проблемам. Другой оставил после себя немного завершенных текстов и много черновиков и набросков. Однако его труды касаются крупных проблем и оказались интересны самым разным читателям, хотя автор совсем об этом не думал» (с. 71). В.В.Виноградов – признанный лидер советского языкознания, оставивший яркий след в самых разных областях филологии (история русского литературного языка, морфология, лексикология, лексикография, стилистика, поэтика, пушкинистика и др.). Скорее, следует подчеркнуть, что последний, в отличие от Бахтина, был в меньшей степени методологом и в большей мере фактографом (речь идет, конечно, лишь о пропорции данных ингредиентов в научном арсенале ученых). Попутно укажем на еще один примечательный знак внимания титулованного академика к трудам его университетского ученика Волошинова. В книге «Русский язык (грамматическое учение о слове)» (М.; Л., 1947) имеются две ссылки на МФЯ – в контексте рассуждений о феномене чужой речи (с. 732, 736)[2], хотя время выхода волошиновской монографии ошибочно обозначено здесь как 1932 г., а отсутствие указаний на ее конкретные страницы свидетельствует, что В.В.Виноградов опирался главным образом на свою незаурядную память.

В.М.Алпатов подробно рассматривает интригующий вопрос об авторстве МФЯ и других «спорных текстов», предлагая свою версию соотнесенности научного вклада Волошинова и Бахтина в данную книгу[3]: «Итак, мне представляется, что текст МФЯ и другие работы волошинов-

[1] См. также: Lähteenmäki M., Васильев Н.Л. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я.Марра в работах В.Н.Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. 2005. № 1. P. 71 – 94.

[2] Во втором издании (1972 г.) они были сняты.

[3] Отметим, однако, забавную логическую уязвимость соответствующего раздела рецензируемой монографии (Экскурс 2): «1. Состояние вопроса и его неразрешимость», «2. Возможная гипотеза о разграничении авторства» – поскольку научная гипотеза предполагает именно *решение* того, что неочевидно.

ского цикла, вероятно, написан<ы> Волошиновым с учетом идей, формулировок, иногда, может быть, фраз и фрагментов, придуманных Бахтиным, и на основе общей концепции всего его круга. За общую концепцию в дальнейшем, в том числе после смерти Волошинова, Бахтин брал на себя ответственность, а за детали ее разработки в волошиновском цикле – нет» (с. 118)[1]. Это достаточно решительное, хотя и последовательное утверждение[2]. В данном случае мы не станем ни соглашаться, ни полемизировать с автором по поводу правомерности данного заключения; заметим лишь, что у неработавшего и часто болевшего Бахтина, вынужденно прикованного к домашней жизни, было больше возможностей читать, размышлять и писать, в отличие от его друзей, ангажированных разнообразными жизненными мероприятиями – от официально-служебных до «светских» (поэтических, музыкальных и т. п.). Не исключено, что в их кругу Бахтин мог рассматриваться как «ведущий исполнитель», аккумулировавший идеи, с которыми его знакомили друзья, и переносивший их на бумагу в достаточно самобытной (в том числе по метаязыку) форме.

Не будем слишком подробно говорить обо всех достоинствах монографии, тем более, что некоторые из них уже отмечались[3]. Остановимся на тех выводах, наблюдениях, заметках автора, которые выглядят спорными, неточными, а может быть и ошибочными.

Прежде всего представляются малообоснованными заявления исследователя о том, что Бахтин не был способен к сосредоточению усилий для завершения своих работ, что у него отсутствовала заинтересованность в их публикации, повторяемые в книге на многих страницах, напр.: «…Бахтину было и физически тяжело и, главное, неинтересно обивать пороги в редакциях», «…при первых трудностях Бахтин быстро сдавался» (с. 69); «…Бахтину, как всегда, было трудно формировать из "руководящих мыслей" связный, законченный текст <…>» (с. 117); «…часто болевший и всегда с трудом оформлявший свои идеи в законченное целое…» (с. 348). Нам думается, что Бахтин, наоборот, обладал уникальной работоспособностью и продуктивностью, а вместе с этими качествами – высокой культурой владения различными научными жанрами. «Незавершенность» же многих его текстов, о которой писал, в частности, С.Г.Бочаров, есть не более, чем свойство подлинно творческого человека, для которого важнее движение мысли, чем (про)движение публикаций;

---

[1] В связи с этим В.М.Алпатов правильно указывает, что научная концепция как таковая может существовать отдельно от буквального автора, например в аспекте традиционного взаимоотношения научного руководителя кандидатской диссертации и самого диссертанта.

[2] Ср. также: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 43.

[3] См.: Фрумкина Р. Наша Geistesgeschihte в лицах и эпизодах // Новое лит. обозр. № 73 (2005). С. 382 – 387.

который рассматривает научную работу как проявление духовного инстинкта, а не средство служебного роста или заработка. В.М.Алпатов предполагает, что «отсутствие у Бахтина интереса к завершенности своих текстов и к их выходу на читателя может дать и ключ <…> к проблеме авторства "спорных текстов" <…>» (с. 67); между тем анализ многих документов, например протоколов заседаний кафедры всеобщей (русской и зарубежной) литературы Мордовского пединститута, первоначально оформлявшихся самим Бахтиным, черновиков его совместной с Л.Г.Васильевым рецензии на постановку пьесы Г.Я.Меркушкина, показывает, что ученый не только легко излагал свои мысли в нужной идеологической форме и в самых разнообразных жанровых вариациях, но и не пренебрегал черновой работой над второстепенными для него текстами[1]. Вряд ли удачна проводимая автором аналогия В.Н.Сидоров – Бахтин (с. 112 – 115), поскольку последний много и охотно писал сам; в то же время мы мало знаем о конкретных идеях ученого, высказанных в общении с коллегами (особенно после 1930 г.); гипотезировать же относительно личного вклада участников бесед «бахтинского круга» сложно: еще неизвестно, кто кого больше подпитывал: – сидевший дома, пусть даже за рабочим столом, Бахтин или Волошинов, находившийся в постоянном контакте с ленинградскими филологами. Отказывать Бахтину в честолюбии мы бы тоже не стали, хотя оно, конечно же, не равнялось виноградовскому, о чем немало рассуждает автор рецензируемой книги (с. 61 – 71). Будучи по ментальности философом, к тому же вынужденным долгое время держаться как можно далее от внимания официальных инстанций (прежние репрессии и угрозы новых, в частности из-за того, что брат ученого – Н.М.Бахтин был эмигрантом и имел белогвардейское прошлое), Бахтин жил в Большом времени, в другом измерении, что хорошо почувствовали его молодые московские коллеги-литературоведы, когда в нач. 1960-х гг. приехали в Саранск, чтобы, как казалось им, морально поддержать саранского затворника[2].

Трудно согласиться со следующим утверждением В.М.Алпатова: «Теория соссюрианства была достаточно ограниченной, здесь авторы МФЯ правы» (с. 152). Соссюр – классик современного языкознания, по-

---

[1] См., напр.: Лаптун В.И. Научная и педагогическая деятельность М.М.Бахтина в Мордовском пединституте (1945 – 1952) // М.М.Бахтин в Саранске: Материалы. Документы. Исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 10 – 23; Васильев Н.Л. Меркушкин Григорий Яковлевич // Там же. С. 69 – 70; Он же. «На рассвете» // Там же. С. 86 – 87; Он же. Саранские «тексты» М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 8. СПб., 2003. С. 86 – 92.; Лаптун В.И. Архивные материалы о преподавательской деятельности М.М.Бахтина в Мордовском пединституте // Бахтинский сборник. Вып. 5. М., 2004. С. 589 – 600.

[2] См., в частности: Как пишутся труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа: (Вадим Кожинов рассказывает о судьбе и личности М.М.Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1992. № 1. С. 112.

стулировавший основной объект лингвистики и ее методологию. Это положение давно уже стало общепризнанным в науке[1]. Вызывает возражение и то, что В.М.Алпатов, не делая оговорок, причисляет Соссюра, вслед за авторами МФЯ, к позитивистам: «Главный противник МФЯ – все-таки не марксизм, а позитивизм и, более конкретно, позитивистская лингвистика, к которой отнесен и Соссюр» (с. 209). Между тем хорошо известно, что лингвистическая теория Соссюра как раз противостояла атомистическому эмпиризму младограмматиков, опиравшихся на позитивистскую методологию[2]. Столь же категорично заявление М.В.Алпатова, что в МФЯ представлена «одна из исторически первых и наиболее продуктивных попыток полемики со структурализмом в лингвистике до Хомского» (с. 146)[3]. Соссюр не был в буквальном смысле *структуралистом*, хотя его исследования и послужили питательной средой для лингвистического структурализма – Пражской школы, глоссематики, дескриптивной лингвистики и т. д.[4] Скептическая оценка теории Соссюра в МФЯ органична для подхода к *лингвистике языка* со стороны *философии языка*. Волошинов и Бахтин, безусловно, исследователи диалектики *речи*, лингвистики *текста* (разумеется, не в строгом современном понимании данного термина). Это естественная постсоссюровская реакция, поскольку сам Соссюр лишь наметил перспективы «лингвистики речи», не успев, однако, их подробно раскрыть[5]. Заметим также, что в МФЯ идет полемика не только с Соссюром, но и с предшествующей лингвистикой вообще! Это характерное для 1920-х гг., и в частности «круга Бахтина», футуристическое стремление пересмотреть едва ли не все влиятельные в то время гуманитарные теории: «Фрейдизм: Критический очерк» (1927 г.), «Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику» (1928 г.), «Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке» (1929 г.). В стороне остался разве что сам *марксизм*…

---

[1] Заметим, что термин *соссюрианство* (с его весьма определенными смысловыми и оценочными коннотациями) уже не фигурирует в новейшей лингвистике. См.: Терминологический указатель // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990. С. 627 – 650.

[2] См., напр.: Чемоданов Н.С. Младограмматизм // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 302; Виноградов В.А. Структурная лингвистика // Там же. С. 496.

[3] См. также спор исследователя с Вяч. Вс. Ивановым, Н.А.Слюсаревой, В.Л.Махлиным по этому поводу (с. 144).

[4] Мы не касаемся тонких вопросов о переходных явлениях и смене научных парадигм. См.: Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920 – 1930-е гг. [1999] / Пер. с фр. Н.С.Автономовой. М., 2001. С. 37 – 38, 42.

[5] См.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А.А.Холодовича. М., 1977. С. 56 – 58.

В.М.Алпатов пишет, со ссылкой на известную статью В.В.Иванова, что автор МФЯ «был одним из первых исследователей знаковых систем» (с. 131 – 132). Рассуждения о «знаке» в МФЯ, разбросанные по разным разделам книги, на наш взгляд, не отличаются методологической строгостью и стройностью, в том числе и в плане метаязыка[1], тем более не отражают ее главные теоретические достоинства. Размышляя о причинах, по которым идеи Волошинова-Бахтина не были в свое время подхвачены другими исследователями, В.М.Алпатов объясняет это следующим: «…концепция МФЯ была не ко времени ни у нас, ни в мире. У нас она появилась накануне установления господства марризма, который был тогда еще популярен. А во всем мире, включая и СССР, шел процесс восходящего развития структурализма, далеко еще не реализовавшего все свои возможности» (с. 251); позже заключая: «Но наука о языке, безусловно, развивается в том направлении, которое было <…> намечено еще в конце 20-х гг. XX в. в пионерском исследовании – в МФЯ» (с. 401)[2]. Нам представляется, что в условиях СССР *структурализм* никогда не был в центре лингвистического внимания (во всяком случае, не создал влиятельных научных школ), в отличие от постепенного усвоения идей лингвистики *языка* (*langue*), выдвинутых Соссюром, и закономерного постепенного перехода к лингвистике речи (parole), о которой писал сам же швейцарский ученый… Главная же причина угасания внимания к МФЯ видится в ином: книга была написана в традициях так называемой «философии языка», исчерпавшей свой потенциал к сер. XX в., хотя ныне и появляются попытки ее реанимации. Отсюда вытекает весьма специфический метаязык МФЯ, порой далекий от понятийной четкости лингвистического инструментария и тем самым отталкивающий современных языковедов. Сомнительно, на наш взгляд, устанавливать также серьезные параллели между лингвистическими теориями Бахтина и Н.Хомского (с. 360) лишь на том основании, что оба в той или иной степени противостояли идеям Соссюра. Скорее, они – каждый по-своему – развивали то, что еще не было эксплицировано в науке о языке: первого интересовала диалектика диалога, второго прежде всего механизм порождения речи.

Говоря о критических откликах на МФЯ, в частности рецензиях Я.В.Лоя и Р.О.Шор, исследователь мягко упрекает автора этих строк: «Н.Л.Васильев отнесся к рецензии слишком всерьез» (с. 232); «Н.Л.Васильев <…> считает рецензию Шор положительной, с чем трудно согласиться» (с. 233)[3]. Позволим себе, в свою очередь, не согласиться с этими

---

[1] Это признает и сам В.М.Алпатов, говоря о «загадках» МФЯ (с. 128, 133 – 134).

[2] Речь идет о «пафосе отстаивания "человеческого фактора" в языке, перенесения центра внимания на акт общения, на взаимоотношения говорящего и слушающего» (Там же).

[3] См.: Васильев Н.Л. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 38 – 41.

утверждениями: отклик на книгу Волошинова его коллеги по ИЛЯЗВу является одним из наиболее квалифицированных и принципиальных[1]; по поводу же второй рецензии напомним, что, несмотря на ряд существенных замечаний автору МФЯ, вполне естественных при разборе любой научной работы, Р.О.Шор все же резюмировала: «Книга Волошинова – бесспорно интересная книга. И если мы принуждены [sic!] были решительно разойтись с автором в его выводах, то все же нельзя не признать, что появление книги, так четко формулирующей ясные задачи нашей лингвистической современности, так энергично требующей пересмотра всей нашей лингвистической традиции, – является вполне уместным и современным»[2]. Если последнее кажется В.М.Алпатову *отрицательным* отзывом об МФЯ (тем более в условиях намечавшегося третирования книги марристами и отчасти некоторыми их идейными оппонентами), то что же тогда следует считать *положительным* мнением о новаторском научном сочинении? Странным выглядит и следующее замечание исследователя: «Как мы помним, авторы МФЯ просто не знали того, что так (термином «индоевропеизм». – *Н.В.*) марристы ругательно называли всю лингвистику кроме своей» (с. 240). Получается, что автор рецензируемой монографии лучше осведомлен о том, что именно знали и не знали современники создателя «яфетидологии», один из которых (Волошинов) являлся к тому же учеником и коллегой Н.Я.Марра.

В.М.Алпатов пишет, что руководителем Волошинова в аспирантуре был «литературовед В.А.Десницкий» (с. 45), что не совсем точно, поскольку определенного научного наставника у начинающего ученого не было; судя по документам, его курировали также литературоведы Н.В.Яковлев и Г.Е.Горбачев[3]. Автор полагает, что Волошинов чувствовал себя неуютно в ленинградской научной среде, поскольку «выглядел лингвистом среди литературоведов и литературоведом среди лингвистов» (с. 249). Могло быть и наоборот: будучи разноплановым филологом, Волошинов занимался одновременно проблематикой лингвистики и поэтики (исключением в этом контексте выглядит, конечно, его книга «Фрейдизм»). Заметим, что В.В.Виноградов, В.М.Жирмунский, Г.О.Винокур, сам Бахтин и многие другие ученые вряд ли ощущали дискомфорт, вследствие вариабельности своих филологических интересов[4]. Противоречие между Волошиновым как аспирантом-литературоведом в ИЛЯЗВе и фи-

---

[1] См.: На лит. посту. 1929. № 8. С. 72 – 73.

[2] См.: Рус. язык в сов. школе. 1929. № 3. С. 154.

[3] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 12 – 13; Ср.: Личное дело В.Н.Волошинова / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1995. № 2. С. 71, 73 – 74 (здесь В.А.Десницкий назван «основным руководителем»).

[4] Кстати говоря, автор данной рецензии, доктор наук по специальности «русская литература», является тем не менее профессором кафедры русского языка…

лософом-лингвистом по направленности его работ отчасти объясняется конкретными требованиями к многосторонней научной подготовке аспирантов-филологов РАНИОН[1]. Лингвистическая проблематика, выглядевшая актуальной, в частности вследствие уделявшегося ей внимания основоположниками марксизма, привлекла к себе в то время такие разномасштабные фигуры, как Н.Я.Марр, И.И.Презент, а позже И.В.Сталина. Рискнем предположить, что Волошинов чувствовал себя неуютно по другим причинам, из которых немалую роль играли его дворянское происхождение, воспитание в условиях интеллектуальной свободы Серебряного века, столичный дендизм, незавершенное юридическое образование, которое он выбрал после гимназии, весь предшествующий уклад жизни, – конфликтовавшие с советским режимом, с узурпацией идеологии, науки и культуры не всегда интеллигентными носителями коммунистических идей.

Некоторые утверждения автора нуждаются в большей аргументации. Основываясь на устных воспоминаниях Бахтина[2], исследователь пишет, что первая совместная встреча Волошинова и Бахтина с поэтом-философом В.И.Ивановым произошла в дореволюционное время (с. 100, 104); на основании чего делает предположение, что авторы МФЯ были знакомы еще в доневельский период жизни; между тем никаких документальных данных об этом нет. Биографы Бахтина сообщают лишь о том, что Бахтин и Волошинов сблизились, когда, независимо друг от друга, оказались после революции в г. Невеле[3]. В.М.Алпатов также считает, что книга Волошинова «Проблема передачи чужой речи: (Опыт социолингвистического исследования)» существовала лишь в замысле, а в реальности являлась статьей (с. 83 – 84, 95); между тем в документах канцелярии ИЛЯЗВа фиксируется, что 6 апреля 1928 г. соответствующая рукопись была направлена в ЛенОГИЗ и имела объем 10 п. л.[4]; поэтому, вероятней полагать, что несколько позже Волошиновым было принято решение (может быть, вследствие отрицательно-сдержанной рецензии со стороны издательства, потребовавшего существенной доработки исследования)

---

[1] См.: Васильев Н.Л. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка».

[2] Ср.: «Я с ним [В.И.Ивановым] встречался в Ленинграде, на вечере, меня познакомили там… Дело в том, что у меня был близкий друг – Волошинов… Он автор книги "Марксизм и философия языка", книги, которую мне, так сказать, приписывают. Вот – Валентин Николаевич Волошинов. А его отец был другом Вячеслава Иванова, он был, кажется, даже на "ты" с Вячеславом Ивановым… И вот познакомил меня с ним на вечере литературном, еще в Ленинграде. А потом мы с ним уже встречались в Москве, после революции 17-го года» (М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002. С. 88).

[3] См., напр.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 53; Комментарии // М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 332, прим. 30.

[4] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 12 – 13. Данный факт сообщен нам Д.А.Юновым.

представить к печати более актуальную монографию, т. е. МФЯ, а перенасыщенную иллюстративным материалом книгу о «чужой речи» сократить до размеров большой статьи, вскоре трансформированной в III часть МФЯ[1].

Не убедительно говорится и о том, что Волошинов был знаком с московским лингвистом Н.Ф.Яковлевым, учеником которого к тому же и являлся (с. 45, 201). При этом автор ссылается на биографов Бахтина[2]; между тем неточность последних могла проистекать в свою очередь, из-за нашей ошибки, связанной в свое время с тем, что окружение Волошинова еще только становилось предметом изучения (отсюда отождествление личностей ленинградского литературоведа Н.В.Яковлева и московского лингвиста Н.Ф.Яковлева[3]). Вряд ли можно согласиться с эпитетом *бесхитростная* по отношению к Е.А.Бахтиной (с. 104); скорее, нужно говорить о ее естественной эмоциональной реакции как человека, трогательно поверенного в делах ее мужа, проявлявшей себя в условиях многолетнего настороженного отношения ко всему, что могло нести с собой опасность для их семьи… Второе издание МФЯ (1930 г.) отличалось от первого не только тем, что в нем были исправлены «опечатки и мелкие неточности» (с. 231), а и интересными библиографическими добавлениями в отсылочной части книги[4]. Незавершенная работа Бахтина «Проблема речевых жанров», мыслившаяся им как монографическое исследование[5], вряд ли удачно именуется В.М.Алпатовым «статьей» (с. 311), что снижает в читательском восприятии значимость этого труда ученого.

К сожалению, В.М.Алпатов недостаточно уделил аналитического внимания принципиальной новизне двух главных лингвистических идей Бахтина, развернутых им в указанной работе «Проблема речевых жанров» (1953 – 1954 гг.) и в книге «Проблемы поэтики Достоевского» (1963 г.), ограничившись главным образом описательным их анализом, лишенным позитивной критичности (с. 310 – 329, 344 – 346). По поводу методологических открытий Бахтина в языкознании и лингвопоэтике написано уже немало[6]. К ним относятся прежде всего возведение категории *речевой*

---

[1] См. также: Васильев Н.Л. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 532 – 533.

[2] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Указ. соч. С. 133.

[3] См.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? С. 39.

[4] См.: Васильев Н.Л. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка».

[5] См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 159 – 286 (вместе с новыми архивными материалами).

[6] См., напр.: Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 85 – 104; Он же. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52; Он же. Лингвистические идеи М.М.Бахтина и их значение для раз-

жанр до уровня верхнего яруса языковой структуры, т. е. жанровых *моделей* построения речи (революционное открытие саранского ученого!), формирование, по существу, такой филологической (шире культурологической, семиологическиой) науки, как *жанрология*[1], и обоснование еще одной гуманитарной дисциплины – *металингвистики* с ее оригинальным углом зрения на явления художественного (диалогического) слова.

По мнению В.М.Алпатова, в 1930-х гг. Бахтин «выдвинул содержательную концепцию стратификации языка» (с. 287). Уместнее, на наш взгляд, был бы в данном случае термин «стратификация речи» (социальная, возрастная и т. п.). Методологически нечетко говорится в рецензируемой монографии и о предложении как «единице языка» (с. 315), поскольку следует различать структурную модель (схему) предложения и ее реализацию в речи.

Отметим, наконец, и единичные фактические неточности, встречающиеся в книге. Скрытую полемику В.В.Виноградова («Стиль "Пиковой дамы"», 1936 г.) с некоторыми идеями МФЯ обнаружил не Н.Л.Васильев (с. 54), а А.П.Чудаков, на комментарий которого в работе первого имеется соответствующая ссылка. От возможного преследования органами НКВД в 1937 г. Бахтина спас не арест ректора Мордовского пединститута (с. 70), а своевременная смена ученым места работы и жительства; сам же ректор (А.Ф.Антонов) не только благородно пригласил в 1936 г. на работу в институт ранее репрессированного «за антисоветскую контрреволюционную деятельность» ученого, но и во многом пострадал из-за этого год спустя[2]. По словам В.М.Алпатова, «В.В.Иванов свидетельствует, что в разговорах с ним Бахтин о Медведеве говорил плохо, а о Волошинове не говорил никогда <…>» (с. 101); между тем в воспоминаниях, на которые ссылается автор, сообщается совершенно иное: «О Медведеве как человеке Бахтин отзывался отрицательно <…>. Напротив, ничего дурного от него я не слышал о Волошинове»[3]. В библиографии неточно указаны выходные сведения о работе П.Я.Черных «I. Современные течения в лингвистике. II. Русский язык и революция» (вторая лекция ученого позиционирована в

вития филологических наук // М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. III Саранских международных бахтинских чтений: В 2 ч. Саранск, 1995. Ч. 1. С. 12 – 13.

[1] См. также перекликающуюся с бахтинскими идеями работу чешского ученого К.Гаузенблаза: О характеристике и классификации речевых произведений [1966] / Пер. с англ. Т.Н.Молошной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М., 1978. С. 57 – 78.

[2] См.: Лаптун В.И. М.М.Бахтин в Саранске (1936 – 1937 гг.) // Родник. Лит.-худ. сб. Саранск, 1991. С. 291 – 303; Лаптун В.И., Куклин В.Н. К биографии М.М.Бахтина (по материалам следственного дела бывшего директора Мордовского пединститута Антонова А.Ф.) // Бахтинский сборник. Вып. III. М., 1997. С. 368 – 372.

[3] Иванов Вяч. Вс. Об авторстве книг В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева // ДКХ. 1995. № 4. С. 138.

рецензируемой монографии как коллективный сборник, в котором якобы напечатана первая). Трижды искажена в книге фамилия Г.В.Карпунова (с. 65, 408), соавтора двух библиографических указателей литературы о Бахтине, вероятно не учтенных В.М.Алпатовым, и брошюры о саранском периоде жизни ученого[1]; в именном указателе фамилии Г.В.Карпунова и В.М.Борискина, в отличие от В.Б.Естифеевой, почему-то не отражены. В том же указателе пропущено отчество у известного филолога-слависта А.В.Исаченко. Там же в дате рождения А.Эйнштейна допущена опечатка – 1979.

Книга хорошо издана. На ее обложке помещены три фотографии: В.Н.Волошинов, М.М.Бахтин и коллективный портрет дружеского круга этих ученых, включая П.Н.Медведева, Л.В.Пумпянского, М.В.Юдину и др. Заметим, однако, что Бахтин представлен на индивидуальной фотографии таким, как он выглядел в 1925 г., а Волошинов запечатлен в свои юношеские годы (предположительно 1913 г.), что может создать не вполне адекватное впечатление о его личностной зрелости в период научной деятельности «бахтинского круга»[2]. Впрочем, это противоречие забавно нейтрализуется упомянутой коллективной фотографией 1924 г., где возмужавший и по-прежнему элегантный Волошинов с дружеской непринужденностью приобнимает за плечо сидящего Бахтина[3]…

Подчеркнем, что наши размышления в процессе знакомства с новой монографией В.М.Алпатова носят исключительно диалогический характер; как и сделанные замечания, которые – при условии их правомерности – могут оказаться полезными читателям и автору, если в будущем он предпримет переиздание своей книги, безусловно, заслуживающей внимания исследователей.

<КЛЮЕВА И.В., ЛИСУНОВА Л.М. М.М.БАХТИН – МЫСЛИТЕЛЬ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК. САРАНСК, 2010. 468 с.>[*]

[1] См.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989; М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Ф.В.Макаревич. Саранск, 1995; Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранске: Очерк жизни и деятельности. Саранск, 1989 (2-е изд. – 1995 г.).

[2] Ср. более позднюю фотографию ученого в изд.: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук.

[3] В более четком виде указанная фотография репродуцирована, например, в изд.: М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным.

[*] Васильев Н.Л. [Рец.] Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М.Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. 468 с // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1/2 (43 – 44). С. 209 – 211.

Рецензируемая книга – одна из немногих, содержащих абсолютно новые, отсутствующие в других источниках данные о научно-педагогической деятельности М.М.Бахтина, его творческой лаборатории и биографическом окружении. Появление такой монографии было прогнозируемо и, тем не менее, неожиданно на фоне уже огромного числа публикаций об ученом.

За почти стандартным, малоинформативным заглавием скрывается уникальная информация. Выделим самое главное. Во-первых, это описание библиотеки М.М.Бахтина – в том виде, как она сохранилась после ее «путешествия» из Саранска в Москву, куда ученый переехал в 1969 г., и последующего возвращения назад, что произошло относительно недавно, по договоренности с наследниками покойного филолога (часть бахтинских книг пока остается в Москве). Во-вторых, это курсы лекций М.М.Бахтина по истории зарубежной литературы, «введению в литературоведение» и «эстетике», записанные его студентами в 1950-х гг., существенно дополняющие ранее опубликованные теми же исследователям материалы о педагогической деятельности ученого[1].

Библиотека М.М.Бахтина насчитывает в описании 1378 библиографических единиц, включая журналы («Литература в школе», «Известия АН СССР. Сер. литературы и языка», «Вопросы философии», «Русская литература», «Филологические науки. Научные доклады высшей школы», «Вопросы языкознания», «Deutsche Literatur Zeitung», «Sinn und Form», «Weimarer Beitrage», «Deutsche Zeitschrift fűr Philosophie», «Bildende Kűnst» и др.), которые он выписывал с разной периодичностью с 1951 по 1974 г. Приблизительно пятая часть изданий (261 том) содержит характерные карандашные пометы ученого, закладки (вкладыши) с его выписками. Почти столько же книг (257 томов) – с дарственными надписями их авторов, адресованными М.М.Бахтину[2]. Среди дарителей в основном ученые, реже писатели. Приведем некоторые интересные, а порой интригующие факты. Начиная с 1960-х гг. М.М.Бахтин получил немало книжных презентов с теплыми пожеланиями от Ю.М.Лотмана, В.В.Иванова, Б.А.Успенского, В.Н.Топорова и других представителей тартуско-московской семиотической школы, что проливает свет на его высокую оценку этого научного направления, выраженную в известном интервью редакции журнала «Новый мир» (1970, № 11), саранско-московско-тартуский диалог… Совсем неожиданно обнаруживается в его собрании книга В.Б.Шкловского

[1] Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века: (В записи В.А.Мирской) / Публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В.Клюевой, Л.М.Лисуновой. Саранск, 1999. 212 с.

[2] О книгах, подаренных самим ученым некоторым коллегам и инскриптах в них, см.: Васильев Н.Л. Саранские «тексты» М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 8. СПб, 2003. С. 90.

«Эйзенштейн» (М., 1973) с надписью: «Дорогой Михай Михайлович! Вот и еще одна книга. Я сам не вижу ее, но люблю человека. Меньше люблю его тут. Он шел непринужденно и делал чудо – доходил до своей цели. Виктор Шкловский. 18.II.73» – поскольку ранее было известно, главным образом, о натянутых отношениях «формалистов» с М.М.Бахтиным. В библиотеке ученого много книг, поднесенных ему известным мордовским краеведом И.Д.Ворониным, в частности монография «А.И.Полежаев: Жизнь и творчество» (Саранск, 1954) – с надписью: «Уважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину в знак моей искренней признательности за оказанную помощь в работе над этой книгой <…>». Последнее немаловажно вследствие того, что, по признанию самого М.М.Бахтина, он не интересовался как исследователь творчеством данного поэта[1], но, оказывается, помогал своему коллеге какими-то суждениями и советами в разработке этой темы. Автор рецензии узнал из монографии саранских бахтиноведов также о трех работах, подаренных М.М.Бахтину своим отцом – Л.Г.Васильевым (оба работали на одной кафедре); среди них автореферат кандидатской диссертации «Творческий путь А.С.Новикова-Прибоя», защищенной в 1951 г. в МГПИ им. В.И.Ленина, и книга «Алексей Дорогойченко: Очерк жизни и творчества» (Саранск, 1961). Не обнаруживаются, однако, в библиотеке М.М.Бахтина его собственные книги, а также приписываемые ему некоторыми исследователями монографии В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, чему, впрочем, есть разумные объяснения. Нет в ней трудов И.В.Сталина по языкознанию, зато есть работа Г.П.Сердюченко «Роль Н.Я.Марра в развитии материалистического учения о языке: стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории общества в Москве 13 апреля 1949 года». О том, что М.М.Бахтин был внимательным читателем лингвистической литературы, говорит и наличие в его библиотеке «Хрестоматии по истории языкознания XIX – XX вв.» (М., 1956), составленной В.А.Звегинцевым. Описание книжного собрания ученого дополняется в рецензируемой работе чрезвычайно содержательными справками об «авторах инскриптов на книгах и журналах из библиотеки» М.М.Бахтина, среди которых и академики, и малоизвестные персоналии.

Первый курс лекций М.М.Бахтина, посвященный истории западноевропейской литературы, читался им в течение четырех семестров в 1953 – 1955 гг. (лекции были записаны – с разной степенью полноты – студентами-однокурсниками Г.В.Балабаевым и Г.С.Белоключевским). Авторы книги сочли возможным пойти на некоторое дублирование данного материала, чтобы точнее воспроизвести лекторское творчество ученого. Курс включает в себя традиционные разделы литературы средневековья, Воз-

[1] См.: Илюшин А.А. По поводу «карнавальности» у Достоевского // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 87.

рождения и Нового времени (эпос, Данте, Петрарка, Боккаччо, Сервантес, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерон, Рабле, Поэты «Плеяды», Корнель, Расин, Буало, Мольер, Монтескье, Вольтер, Ж.-Ж.Руссо, Бомарше, Дефо, Свифт, Ричардсон, Филдинг, Стерн, Лессинг, Гофман, Шамиссо, Местр, Шатобриан, А. де Винье, Ж. де Сталь, Гюго, Ламартин, А. де Мюссе, Байрон, Шелли, Стендаль, Бальзак, Диккенс, Теккерей, французский «Парнас», Флобер, Гонкуры и др.). Интересно, что в списке рекомендованных учебно-методических пособий М.М.Бахтин указывает популярную в 1930-х гг. хрестоматию по западноевропейской литературе средних веков, составленную Р.О.Шор, и учебник по истории литературы средневековья и Возрождения под редакцией В.М.Жирмунского (М., 1947). В методологическом отношении важно отметить учет лектором биографий писателей, историко-культурные параллели. На наш взгляд, эти лекции не теряют актуальности и сейчас. Довольно часто, но не назойливо, М.М.Бахтин цитирует работы К.Маркса и Ф.Энгельса, нередко смешивая их конкретные высказывания; в единичных случаях ссылается на мысли В.И.Ленина, И.В.Сталина (однако подобные апелляции носят вполне естественный характер, не сопряжены с вульгарным идеологическим подходом).

Особенно интересными нам показались лекции М.М.Бахтина по «Введению в литературоведение» (1955 г., в записи Т.М.Ковалевой-Живаевой), поскольку они в большей степени отражают малоизвестные стороны оригинальной литературоведческой теории, исследовательской самобытности ученого. Здесь он касается, в частности, таких тем, как деление речи на прозаическую и поэтическую, версификация, природа ритма, композиция, тема и идея произведения, художественный образ, речь героя, сюжет, творческий метод, школа, течение. Как правило, изложение этих вопросов иллюстрируется примерами из русской классики, чаще всего произведениями А.С.Пушкина.

Небольшой цикл лекций по эстетике (1959 г., в записи А.И.Талалаевой), был прочитан М.М.Бахтиным для слушателей городского университета культуры (об этой стороне просветительской деятельности ученого ранее не было известно). Он представлен лишь фрагментарно – двумя темами: «Эстетика в труде» и «Прекрасное в быту и во взаимоотношениях людей». Вот некоторые этические наблюдения ученого: «Часто гонятся за вещами, квартирой… Тогда вещи съедают людей, которые загоняются в углы… Но если делается ради того, чтобы удивить, но не от души – это отвратительно, это трудовое безобразие… "Частная собственность сделала нас только глупыми и односторонними" (Маркс). Соревнование в быту, одежде, в доходах, заработках – это отвратительно. Как ни важны вещи, но они важны как средство человеческого общения. Люди – вот важно…»; «В Саранске не идут, а прут, остается фамильярное обращение к людям.

"Ты" – <обращение> для близких, друзей, а для остальных – "Вы". Это элементарно. "Ты" – <может выражать и> близость, и пренебрежение».

Отдельные внешние моменты лекций (имена, названия, факты, цитаты, переклички с бахтинскими печатными трудами и т. п.) проясняются публикаторами в примечаниях.

Фактически впервые мы имеем возможность масштабно оценить научно-педагогическую эрудицию М.М.Бахтина, его лекторские приоритеты, философскую и литературоведческую методологию, соотношение оригинальности и стандартности в следовании типовым учебным программам указанных дисциплин. Несомненно, что лекции ученого будут изучаться и комментироваться специалистами, использоваться как учебное пособие сегодняшними студентами.

В заключение хотелось бы сказать о большом объеме исследовательской работы, выполненной И.В.Клюевой и Л.М.Лисуновой, тщательности анализа разнопланового материала и в целом высокой научной культуре издания. Говорить же о мелких и поэтому особенно обидных стилистических, орфографических и иных недочетах в книге (*писатели и поэты*, А.В.Ис*о*ченко*, И*.А.Жуковский, пе*р*рихий, «*прения* и ко*м*ент. И.В.*Плетнева*, Л.М.Лисуновой*, М.М.Бахтин* (sic!)» и др. – см., например, с. 128, 220, 221, 416) приходится, учитывая возможность ее переиздания. Несомненно одно: эта монография о М.М.Бахтине будет с благодарностью воспринята читателями.

9. «В РАЗНОМ…»

«МНОГОГОЛОСИЕ» ИЛИ «ОБРАЗ АВТОРА»? О ДВУХ МОДЕЛЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРСКОГО НАЧАЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ*

1. В последние десятилетия большое распространение получила идея М.М.Бахтина о полифонии романных «голосов», их диалогическом равноправии и независимости. Появилась определенная мода на уместное и неуместное привлечение бахтинского «инструментария» (примененного прежде всего к романному творчеству Достоевского и на нем основанного) в анализ субъектно-сложных художественных форм вообще, некритическое следование М.М.Бахтину.

2. Между тем бахтинская модель интерпретации авторского начала в художественном произведении (романе) находится в явном противоречии с другой достаточно апробированной моделью – «образом автора», суммирующим в себе через все грани художественного целого авторское волеизъявление (она обоснована, в частности, в трудах В.В.Виноградова).

3. Представляется актуальным осмысление адекватности этих моделей существу разноплановых художественных образований. Так, в первом случае («многоголосие») есть опасность для исследователей впасть в своеобразный релятивизм: автор оказывается если не пассивным участником или фиксатором событий, то всего лишь заурядным их интерпретатором, а художественная истина (так называемая «идея произведения») при этом размывается в бесконечном «диалоге» соперничающих «сознаний», «голосов». Вторая модель в этом плане более методологична, поскольку объясняет механизм художественной объективации истины («идеи»).

4. Вместе с тем понятно, что обе модели лишь **моделируют** художественные законы, зависят от конкретного характера произведений, а последние типологически неоднородны.

---

* Васильев Н.Л. «Многоголосие» или «образ автора»? О двух моделях интерпретации авторского начала в художественном тексте // Проблема автора в художественной литературе: Тез. докл. регион. межвуз. науч. конф., посвященной памяти проф. Б.О.Кормана (Ижевск, 14 – 16 нояб. 1990 г.). Ижевск, 1990. С. 12 – 13.

М.ГОРЬКИЙ И КРУГ М.БАХТИНА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ*

Сопряжение имен Горького и Бахтина может показаться парадоксальным… Между тем спектр интересов и знакомств первого был необычайно широк, а второй не мог не учитывать значения личности и творчества своего современника. Знакомы между собой писатель и философ не были. Но Горький знал о Бахтине, контактировал с его окружением, отчасти интересовался работами, выходившими из «круга Бахтина».

В мемуарах Бахтина, записанных В.Д.Дувакиным, имя Горького встречается на многих страницах (инициативу в этом плане проявлял интервьюер). Ученый признался, что мало интересовался творчеством Горького, но следил за его жизнью, был знаком с воспоминаниями В.Ф.Ходасевича, рассказами С.В.Адрианова, ленинскими оценками Горького; «видел его несколько раз»; следил за работами горьковедов, в частности упомянул об исследовании Г.Д.Гачева, где развивались бахтинские идеи о «карнавальности»; вспоминал о пьесе «На дне», «итальянских рассказах», «Жизни Клима Самгина» и других произведениях писателя[1].

Особенно интересна трактовка Бахтиным личности и мировоззрения Горького – в восприятии людей его круга: «…мы понимали его значительность… как художника и так далее. Но <…> Его стиль нам не нравился»; «Кроме того… мы знали его характер, все это тоже нас не особенно привлекало… Это был поразительный человек. Ведь он, знаете, совершенно был лишен в области мировоззрения своей воли <…> Он увлекался тем, чем увлекался тот человек, который ему в данном случае близок: то он с революцией, то с контрреволюцией…»[2].

По словам Бахтина, писатель сыграл некоторую роль в его жизни: «…когда… меня посадили, то Горький прислал две телеграммы в соответствующие учреждения <…> В мою защиту. <…> Он знал мою книгу первую и вообще слышал обо мне много, и общих знакомых у нас было…»[3]. Упоминает Бахтин и Е.П.Пешковой, с которой была знакома жена Бахтина – Е.А.Бахтина: «Я ее не знал, но моя покойная жена к ней ездила… несколько раз, относились с взаимной симпатией друг к другу»[4].

Об обстоятельствах участия Горького в судьбе Бахтина, арестованного в 1928 г. за связь с «подпольной контрреволюционной организацией правой интеллигенции» под названием «Воскресение» и приговоренного к

---

* Васильев Н.Л. М.Горький и круг М.Бахтина: точки пересечения // Максим Горький на пороге XXI столетия: Горьковские чтения – 1998: Материалы Междунар. конф.: В 2 т. Н.Новгород, 2000. Т. II. С. 73 – 75.

[1] См.: Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996. С. 76 – 77, 112 – 115.

[2] Там же. С. 111.

[3] Там же. С. 113.

[4] Там же. С. 114.

ссылке в Соловецкий лагерь, известны следующие подробности. Бахтин был тяжело болен остеомиелитом, что послужило поводом для ходатайства о замене первоначального приговора более мягким наказанием. К делу подключились друзья Бахтиных, в частности М.В.Юдина и С.И.Каган – супруга философа М.И.Кагана, сумевшие организовать поддержку автору книги о Достоевском со стороны видных деятелей культуры. В нач. 1930 г. судебное решение в отношении Бахтина было пересмотрено: Соловки заменили ссылкой в Кустанай. Непосредственное содействие в этом оказала Е.П.Пешкова, возглавлявшая московское отделение «Комитета помощи политическим заключенным», через которую в курс дела был посвящен, очевидно, и Горький. В архиве ученого сохранилась копия официального письма Е.П.Пешковой к Е.А.Бахтиной по поводу сульбы мужа, однако документальных данных, подтверждающих личное вмешательство Горького, не найдено[1].

Судя по литературному наследию Бахтина, он ценил творчество Горького. В статье «Сатира» (1940), подготовленной для неопубликованного тома «Литературной энциклопедии», исследователь отметил «замечательные сатирические элементы в романах и пьесах Горького»; ссылался на термин Горького «активный романтизм» в рецензии на пьесу «Мария Тюдор» В.Гюго, поставленную Мордовским драматическим театром в 1954 г.; вспоминал о Горьком как наследнике демократической критики в заметках, посвященных переработке книги о Достоевском (1961)[2].

В 1929 – 1930 гг. Горький занимался организацией и редактированием журнала «Литературная учеба» и даже посещал с этой целью Ленинград, где жил в тот период Бахтин. Близкий друг последнего, В.Н.Волошинов, чьи труды до недавнего времени безоговорочно приписывались Бахтину, опубликовал в указанном издании три статьи: «Что такое язык?», «Конструкция высказывания», «Слово и его социальная функция». По поводу первой из них Горький дважды писал своему заместителю А.Д.Камегулову, отмечая, в частности, что «дельная статья Волошинова выиграла бы вдвое, будь она сделана более простым языком»[3]. Учитывая несомненные научные контакты Волошинова с Бахтиным, связанные прежде всего с работой над книгой «Марксизм и философия языка» (1929) оценка Горь-

[1] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 171 – 201; Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. С. 298.

[2] См.: Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 37, 298, 374.

[3] См.: М.Горький и советская печать: В 2 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 278, 286; Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 14.

ким статьи в «Литературной учебе» в некоторой степени относится и к Бахтину…[1]

Еще одним посредником между Горьким и Бахтиным мог быть Б.М.Зубакин, переписывавшийся с писателем и даже побывавший по его приглашению на Капри в 1927 г.[2] Зубакин с детских лет дружил с Волошиновым и, вероятно, через него познакомился в 1919 г. в Невеле с Бахтиным, Каганом и другими участниками невельского философского кружка. В разговорах Горького с Зубакиным, естественно, заходила речь и о писателях, ученых, оставшихся в СССР[3].

Не исключены контакты Горького с братом Бахтина – Н.М.Бахтиным, эмигрировавшим из России и жившим в 1924 – 1931 гг. в Париже. Последний являлся сотрудником русской газеты «Звено», выступал с яркими философскими и литературоведческими статьями, публичными лекциями об античной культуре, хорошо знал писательскую среду. По словам Г.В.Адамовича, «это был один из самых даровитых людей, которых приходилось мне в жизни встречать»[4]. Естественно, что Горького информировали о новостях, касавшихся русской эмиграции во Франции.

Таким образом, биографические и духовные связи Горького с Бахтиным в некотором смысле выглядят не случайными – объясняются общими судьбами российской интеллигенции нач. XX в., культурными и творческими запросами обоих мыслителей.

М.М.БАХТИН И В.В.ВИНОГРАДОВ: КОНТРАПУНКТ БИОГРАФИЙ И ТВОРЧЕСТВА[*]

В последние годы усилился интерес к истории отечественной филологической науки первой пол. XX в. – судьбам ученых в условиях идеологического диктата марксизма, их неопубликованным трудам, взаимоотношениям друг с другом и т. д.

---

[1] Косвенно Бахтина с Горьким связывает и фигура близкого знакомого последнего общественного деятеля, литературоведа В.А.Десницкого, являвшегося научным наставником Волошинова. См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк. С. 12 – 13.

[2] См.: Немировский А.И, Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 133 – 233.

[3] См, напр.: Переписка М.Горького: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 254.

[4] См.: Бахтин Н.М. Из жизни идей: Статьи. Эссе. Диалоги / Сост., послесл., коммент. С.Р.Федякина. М., 1995. С. 140.

[*] См.: Виноградов В.В. Лингвистический анализ поэтического текста: (Спецкурс по материалам лирики А.С.Пушкина) / Запись П.Г.Черемисина; вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.Л.Васильева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3/4. С. 304 – 355. (Воспроизводится фрагмент вступительной статьи.)

Особое внимание в ряду крупнейших филологов уходящего столетия – вследствие как некоторой научно-биографической общности, так и известной оппозиционности – привлекают имена М.М.Бахтина (1895 – 1975) и В.В.Виноградова (1895 – 1969). Не случайно стыковке судеб, творчества и окружения данных исследователей посвящено столько работ[1]. Первый из них долгое время олицетворял неофициальную науку; второй, несмотря на репрессии в отношении него в сер. 1930 – нач. 1940-х гг., получил официальное признание, являлся научным лидером, снискавшим всевозможные титулы, звания, награды.

Контрапунктный момент биографической и ментальной сопряженности обоих – речь Виноградова в защиту Бахтина во время обсуждения диссертации последнего на заседании пленума ВАК 21 мая 1949 г.: «Бахтин – почти мой товарищ по Ленинградскому университету, человек очень большой культуры, очень больших знаний, ну, необыкновенно талантливый <…>»[2].

Виноградов и Бахтин формально не являлись «товарищами» ни по Петроградскому, ни по Ленинградскому университету, поскольку первый не учился там в студенческие годы, хотя и работал с 1921 по 1930 г., а второй, наоборот, учился приблизительно в 1916 – 1918 гг., но никогда не являлся сотрудником данного учреждения[3]. Более того, когда Виноградов оказался организационно связан с университетом, Бахтин уже покинул Петроград – работал в Невеле[4]. Перед нами почти мистификация, причем в духе Бахтина. В основе ее лежит своеобразная инверсия: Виноградов *работал* там, где до него учился Бахтин! Оговорка Виноградова «*почти* товарищ», впрочем, имеет под собой гораздо большие основания: будущий академик учился в Историко-филологическом институте, находившемся рядом Петроградским университетом, и, надо думать, посещал занятия не только в Археологическом институте, который он тоже закончил, но и лекции университетских профессоров. Следствием этого было его прикрепление в 1918 – 1919 гг. к университету в качестве магистранта под руководством А.А.Шахматова, причем по инициативе последнего[5].

---

[1] См., напр.: Алпатов В.М. М.М.Бахтин и В.В.Виноградов // Бахтиские чтения – III. Витебск, 1998. С. 7 – 18; Большакова А.Ю. Теория автора у М.М.Бахтина и В.В.Виноградова // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1999. № 2. С. 4 – 10.

[2] См.: «Рабле есть Рабле…»: Материалы ВАКовского дела М.М.Бахтина / Публ., подгот. текста и коммент. Н.А.Панькова // ДКХ. 1999. № 2. С. 73, 116 – 117 (коммент.).

[3] См., в частности: Васильев Н.Л. Комментарий к комментариям биографов М.М.Бахтина // ДКХ. 1995. № 4. С. 161.

[4] См.: Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 52 – 53.

[5] См.: Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. Л., 1971. С. 138 – 141. Ср.: Чудаков А.П. Ранние работы В.В.Виноградова по поэтике русской литературы // Виноградов В.В. Избранные труды. Т. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 465 (со ссылкой на автобиографию Виноградова).

Таким образом, Виноградов в известном смысле тоже учился в Петроградском университете, готовясь к экзаменам и занимаясь написанием диссертации. В 1921 г. Виноградов стал доцентом факультета общественных наук Петроградского университета, читая на этнолого-лингвистическом отделении лекции по трем курсам – современному русскому языку, стилистике русского языка и истории русского языка[1]. Его научные интересы, формировавшиеся первоначально главным образом под влиянием А.А.Шахматова, постепенно расширялись, переключаясь и на поэтику русской литературы. Так, в 1921 г. исследователь выпустил первую работу, посвященную стилю Н.В.Гоголя, в 1922 г. – Ф.М.Достоевского[2]. Теснее всего Виноградов общался в этот период, однако, с лингвистами – Л.В.Щербой, Б.А.Лариным, Л.П.Якубинским[3].

Виноградов и Бахтин могли узнать друг о друге если не в пору студенчества обоих, то непосредственно после того, как Бахтин перехал из Витебска в Ленинград. Связующим звеном между ними был, вероятно, В.Н.Волошинов, учившийся с 1922 по 1924 г. на факультете общественных наук по специализации «романо-германские языки», а впоследствии являвшийся аспирантом и сотрудником Института литератур и языков Запада и Востока, созданного при ЛГУ[4]. Подчеркнем, что Волошинов являлся учеником Виноградова[5], а позже его коллегой по работе. Круг знакомств Виноградова в ленинградский период жизни был необычайно широк, он работал в нескольких учебных заведениях[6]. В ИЛЯЗВе у него имелись свои аспиранты, например однокурсник Волошинова С.И.Ожегов[7]. Кроме того, Виноградов и Волошинов были, хотя и в разной ной степени, связаны с Институтом языка и мышления Н.Я.Марра, имели общее окружение, в частности в лице Л.П.Якубинского[8]. Не исключено, что Виноградов «метонимически» соотносил Волошинова с Бахтиным, поскольку позже признавался, что считал автором волошиновских книг

[1] См.: Русское языкознанне в Петербургском – Ленинградском университете. С. 142.

[2] См.: Чудаков А.П. Указ. соч. С. 470. Библиографию работ Виноградова по данной проблематике см. в кн.: Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 223.

[3] См.: Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. С. 143.

[4] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 5 – 14.

[5] О том, что Волошинов писал рефераты по программе семинарских занятий у Виноградова и Л.В.Щербы, сообщил Д.А.Юнов в своем докладе на III международных Бахтинских чтениях в Витебске (23 июня 1998 г.).

[6] См.: Чудаков А.П. Указ. соч. С. 465, 468, 481.

[7] См.: Скворцов Л.И. С.И.Ожегов (1900 – 1964) // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 5; Чудаков А.П. Указ. соч. С. 481.

[8] См., напр.: Одинцов В.В. В.В.Виноградов. М., 1983. С. 6; Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов… С. 14. О тесных научных связях Волошинова с Якубинским подробно говорилось и в упоминавшемся докладе Д.А.Юнова.

именно Бахтина[1]. При этом нужно отдать должное интеллигентности и порядочности Виноградова, сумевшего переступить через возможную обиду, вызванную резкой и не всегда справедливой критикой Волошиновым его работ в статье «О границах поэтики и лингвистики» и рецензии на книгу «О хуложественной прозе»[2]. Заметим, впрочем, что в своих публикациях Виноградов четко разграничивал имена Волошинова и Бахтина[3]. К 1949 г. Волошинова уже давно не было в живых, а Виноградов и тем более Бахтин перенесли немало испытаний, что, несомненно, сближало их, наряду с ностальгией по петроградско-ленинградскому периоду жизни и мудрым осознанием общей причастности к почти исчезнувшей культуре прошлого. <…>

ТАРТУ – САРАНСК: ДВА ПОЛЮСА «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» НАУКИ (М.М.БАХТИН И Ю.М.ЛОТМАН)[*]

В небесное отечество отправились они
и нас зовут
и за это с Городом
все у них в порядке

С.Завьялов. Саранск – четвертый Рим (эпод)[4]

В границах бывшего СССР существовали, пожалуй, лишь два нестоличных города, ставших своеобразными символами независимости научного мышления, центрами (уж не вследствие ли их децентрализации!?) филологического инакомыслия и даже локусами паломничества представителей академической науки… Один связан с именем Ю.М.Лотмана, другой – М.М.Бахтина.

---

[1] См.: Из писем М.М.Бахтина // Москва. 1992. № 11/12. С. 176 (прим. В.В.Федорова); Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. 1993. № 2. С. 73 – 74.

[2] См.: В борьбе за марксизм в литературной науке. Л., 1930. С. 203 – 240; Звезда. 1930. № 2. С. 48 – 60.

[3] См., напр.: Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 65.

[*] Васильев Н.Л. Тарту – Саранск: два полюса «провинциальной» науки // Невельский сборник: Статьи, письма, воспоминания. Вып. 16: По материалам 16 Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2009 г.). СПб., 2010. С. 48 – 60.

[4] Завьялов С. Мелика. М., 2003. С. 56. Автор – известный петербургский поэт и филолог, живущий в Финляндии (с 2011 г. – в Швейцарии).

По отдельности каждый из этих городов уже был предметом гуманитарной рефлексии и мемуарной ностальгии. Вместе же, как общий феномен, тем более в диалоге, в «хронотопе» и «интертекстуальности», они, кажется, не воспринимались и не осмыслялись[1]. Хотя для этого есть немало оснований.

Феномен Тарту описан и проанализирован неоднократно[2]. Например: «…тартуско-московская семиотическая школа объединяет две традиции – московскую лингвистическую и ленинградскую литературоведческую…»; «Основной вехой следует считать симпозиум по структурному изучению знаковых систем (1962 г.). Этот симпозиум был организован совместно Институтом славяноведения <…> и Советом по кибернетике»; «В 1960/61 учебном году Ю.М.Лотман начал читать курс лекций по структурной поэтике, и в 1962 г. в печать была сдана книга "Лекции по структуральной поэтике", которая вышла в 1964 г. и стала первым выпуском "Трудов по знаковым системам"»[3]; «Решающую роль в переходе Лотмана к освоению совершенно новых научных областей сыграло его знакомство в начале шестидесятых годов с московскими лингвистами, тоже переходившими в смежные сферы»[4]; «Традиции академических свобод и интеллектуальной независимости, делавшие Дерпт уникальным явлением в русской академической жизни еще в прошлом веке, в значительной степени сохранялись в Тарту 1950 – 1960-х годов. Здесь собирались те, для кого наступившая в это время "оттепель" открыла возможность эмансипации, если не от официальных институций, то по крайней мере официально санкционированной системы интеллектуальных ценностей»[5]. Феномен Саранска отражен, хотя и менее системно, в многочисленных статьях, воспоминаниях, письмах московских литературоведов, связанных с ИМЛИ им А.М.Горького, МГУ им М.В.Ломоносова и некоторыми другими учреждениями.

12 ноября 1960 г. В.В.Кожинов обращается с письмом к М.М.Бахтину, работавшему с 1945 г. (после вторичного приезда) в столице Мордовии: «Глубокоуважаемый и дорогой нам Михаил Михайлович! Простите, что незнакомые люди осмеливаются Вас беспокоить. Впрочем, мы восприни-

---

[1] Мы не имеем в виду здесь работы, сопоставляющие имена, концепции М.М.Бахтина и Ю.М.Лотмана. См об этом, напр.: Егоров Б.Ф. М.М.Бахтин и Ю.М.Лотман // Бахтинские чтения: III. Витебск, 1998. С. 83 – 96; Он же. Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана. М., 1999. С. 243 – 258.

[2] См., напр.: Из истории московско-тартуской семиотической школы // Новое лит. обозр. № 3 (1993). С. 29 – 87; Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.

[3] Успенский Б.А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы [1981] // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. С. 268, 270, 271.

[4] Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана. С. 92.

[5] Гаспаров Б.М. Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен [1989] // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. С. 280.

маем автора "Проблем творчества Достоевского" как давно знакомого и близкого человека. <….>»; «Я обращаюсь к Вам от имени связанной совместной работой и дружбой группы молодых литературоведов <…>»; «…пожалуй, наибольшая ценность Вашей работы заключена для нас в ее методологии, дающей единственно верный путь к пониманию искусства слова <…>»; «Не менее интересен для нас и другой труд, недавно нами "открытый", – "Франсуа Рабле в истории реализма". Сейчас мы с наслаждением изучаем эту фундаментальную работу»; «Мы – это сотрудники Ин-<ститу>та миров<ой> лит<ерату>ры С.Г.Бочаров, Г.Д.Гачев, В.В.Кожинов, П.В.Палиевский, В.Д.Сквозников»[1]. Вспоминая об этом, тот же исследователь писал: «Я уже имел повод рассказывать о том, как пытался разузнать о Бахтине. Представьте, все говорили мне, что его репрессировали, он многое пережил, и его давно уже нет на свете… Первым, кто сказал мне: "Ничего подобного, Бахтин жив и живет в Саранске…" – был Леонид Иванович Тимофеев, литературовед, с которым Бахтин иногда переписывался <…>»; «Правда, Тимофеев, кажется, так и не нашел домашний адрес Бахтина, и мне пришлось писать прямо на факультет…»[2].

А вот, что сообщает Г.Д.Гачев: «Впервые М.М.Бахтин вошел в мою жизнь, когда я уже работал в секторе теории литературы Института мировой литературы. Пришел к нам новый словник "Краткой литературной энциклопедии", мы просматривали там темы, персоналии, имена. И вдруг В.В.Кожинов спрашивает: "А почему нет Бахтина?". Он тогда единственный из нас читал книгу "Проблемы творчества Достоевского" (1929 г.). И тут все началось – а где же теперь Бахтин? Внесли в словник имя, навели справки, узнали, что он в Саранске обитает. Одновременно открылась в архиве ИМЛИ, за свинцовой дверью, диссертация "Ф.Рабле в истории реализма", Я, помню, сидел тогда, читал пожелтевшую рукопись. Складывался круг людей, которые этим заинтересовались»; «Тогда же – летом 1960 (неточность. – *Н.В.*) года – мы втроем направились в Саранск: Кожинов, Бочаров и я. Приехали туда как три мушкетера (молодые были, по 30 лет). Узнали там рабочий адрес и пошли в университет. Помню – летний день, выходит Бахтин, грузный, на своих костылях. Мы встретились у лестницы, потом уже продолжили разговор дома, с Еленой Александровной (женой Бахтина. – *Н.В.*). Так, собственно, завязалась уже целая история…»; «Буквально с первого знакомства с М.М.Бахтиным во мне стали сказываться плоды его посева. Дальше – больше»; «Сам Бахтин, особенно,

[1] Из переписки М.М.Бахтина с В.В.Кожиновым (1960 – 1966 гг.) / Публ. Н.А.Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 2000. № 3/4. С. 114 – 115.

[2] «Я просто благодарю свою судьбу…» (Вадим Кожинов вспоминает о том, как удалось переиздать «Проблемы творчества Достоевского») // ДКХ. 1994. № 1. С. 105.

когда ему помогли перебраться сюда поближе (имеется в виду переезд Бахтиных в Москву в 1969 г. – *Н.В.*), стал для нас, как живая церковь»[1].

С.Г.Бочаров вспоминает о следующем обстоятельстве: «Когда-то наша первая встреча с Михаилом Михайловичем в июне 1961 г. в Саранске (нас было трое перед ним: В.В.Кожинов, Г.Д.Гачев и я) началась с его декларации о себе: он не литературовед по призванию, а философ. "Но я не марксист, – прибавил он тут же, чтобы мы сразу же знали, с кем имеем дело»[2].

Детали этой встречи ученых двух поколений стали почти легендарными, обросли своей мифологией, напр.: «Когда я впервые приехал к нему [Бахтину] вместе с моими коллегами <…>, то Гачев, самый непосредственный из нас, уже через 15 минут разговора встал перед Бахтиным на колени и спросил его: "Михаил Михайлович, как жить, чтобы после всех испытаний оставаться таким, как вы?!". Я, правда, уже имел случай рассказывать об этом, но и сейчас не мог удержаться. Не скрою <…> что ехал к Бахтину с тяжелым чувством, боялся, что вот мне придется утешать человека, жизнь которого пролетела напрасно <…>. Я тогда не знал, что он продолжал работать, что им было создано огромное, в сущности, богатство. Он все сохранил и даже не просто сохранил, но продолжал развиваться… <…> Признаюсь, я взял с собой Бочарова и Гачева, чтобы как-то самортизировать ожидаемое гнетущее впечатление. <…> чтобы было как-то легче утешать Бахтина. И вот через 15 минут выяснилось <…> что скорее наоборот, надо у него поучиться тому, как достойно переносить замалчивание и прочие невзгоды…»[3]; «Дело в том, что я Гачева на коленях перед Бахтиным не помню. Мы перед ним сидели или, возможно, кто-то стоял. Неприятно узнавать о себе, что ты забыл такой яркий факт. Но его не помнит и Гачев, я его спрашивал. Я не повергаю сомнению сообщение Кожинова. Вполне допускаю, что он один помнит то, чего мы двое не помним»; «Был ли Гачев на коленях – этого уже не установить. В.Кожинов дал свое показание, я приношу свое. Признаться, я бы не хотел, чтобы Гачев на коленях перед Бахтиным отлился в незыблемый скульптурный факт и перешел как таковой в культурную память человечества»[4]; «Не могу не отозваться на реплику Сергея Бочарова <…>. Я очень хорошо помню, как все это было. Бахтин сидел за большим таким, старым письменным столом, а мы сели на стулья, поставленные в некотором отдалении. Перед встречей мы боялись, что придется утешать Бахтина. Тут же вдруг очень быстро

---

[1] «Так, собственно, завязалась уже целая история…» (Георгий Гачев вспоминает и раздумывает о М.М.Бахтине) // ДКХ. 1993. № 1 (2). С. 105 – 106.

[2] Бочаров С.Н. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 76.

[3] Как пишут труды, или Происхождение авантюрного романа (Вадим Кожинов рассказывает о судьбе и личности М.М.Бахтина) // ДКХ. 1992. № 1. С. 112.

[4] Бочаров С.Г. Примечание к мемуару // Новое лит. обозр. № 3 (1993). С. 209 – 210.

стало ясно, что эти опасения оказались смешны: перед нами, не побоюсь этого слова, такое величие духовное, что впору было подумать о том, как научиться у этого человека его мужеству и стойкости. И Гачев, непосредственный, горячий, никогда не помнящий о каких-то так называемых приличиях, – я очень хорошо помню, что он сделал… Обращаясь к Бахтину со своим проникновенным вопросом ("Михаил Михайлович, как жить, чтобы после стольких невзгод остаться таким, как вы?") <…> подошел, оперся на стол локтями и в конце концов опустился, – потому что неудобно было так стоять, согнувшись, – на колени. Я готов согласиться, что это можно не называть коленопреклонением в буквальном смысле. Но в то же время я, например, именно так все воспринял»[1]; «Ну, об этом эпизоде не раз писалось, даже обсуждали Бочаров и Кожинов вопрос: "Стоял ли Гачев на коленях перед Бахтиным?" В их маленькой комнатке я вроде бы придвинулся, оперся на стол локтями, а ноги пристроил – есть у меня такой обычай – на стул или на пол на коленках… И, конечно, я испытывал благоговение перед этим живым мудрецом <…>»[2]; «…Когда речь заходит о таком человеке, как Михаил Михайлович, существенное значение имеют даже малые подробности его жизни и деятельности. <…>. В действительности "физический жест" все же имел место, только я его неправильно истолковал. <…> Как мне тогда показалось, Г.Д. при этом именно встал на колени, но поскольку он это отрицает и у меня нет никаких оснований не верить ему, мне теперь ясно, что он встал не на колени, а на корточки, сделав это для того, чтобы его глаза оказались на уровне глаз сидевшего в кресле М.М. (иначе он смотрел бы на М.М. сверху вниз). Я в этот момент, естественно, глядел на лицо М.М., а не на ноги Г.Д., и мое воображение превратило (как верно сформулировал Г.Д.) "внутренний жест преклонения <…> во внешний физический жест"»; «Моя ошибка – если учесть признание самого Г.Д., что внутренний духовный жест преклонения имел место, – не столь существенна, и я бы вообще не заговорил о ней, если бы С.Г. в своем отклике не сопоставил бы мою ошибку с рядом известных *целенаправленных* искажений реальности в различных сочинениях и в заключение не объявил бы мою ошибку "небезобидной"»; «P.S. Прочитал этот текст Г.Д. По его словам, он не помнит точно свой "жест", но допускает, что он мог быть таким, каким я его выше описал»[3].

Вслед за «тремя мушкетерами» к М.М.Бахтину стали наведываться и другие столичные литературоведы, о чем рассказывает В.Н.Турбин, также

---

[1] «Я просто благодарю свою судьбу…» (Вадим Кожинов вспоминает о том, как удалось переиздать «Проблемы творчества Достоевского»). С. 108.

[2] Гачев Г.Д. Вадим – необходим (К 70-летию Вадима Валериановича Кожинова) // ДКХ. 2000. № 2. С. 122– 123

[3] Кожинов В.В. Несколько штрихов к биографии М.М.Бахтина // Бахтинский сборник: Вып. 5. М., 2004. С. 571 – 572.

делая акцент на научном, мировоззренческом и духовно-нравственном подтексте этих шагов: «Знакомство мое с Михаилом Михайловичем состоялось в 1962 году, в двадцатых числах ноября. <…> не оговариваясь, независимо друг от друга, к Бахтину потянулись ученые и литераторы разных поколений и достаточно разных воззрений на жизнь. Отыскивая адрес Бахтина, ему писали люди, имена которых сейчас нетрудно восстановить; а летом 1962 года к нему приехали Сергей Бочаров, Георгий Гачев и Вадим Кожинов»; «Так в начале 60-х годов начался существеннейший этап биографии нескольких искателей науки о художественном слове, а одновременно, полагаю, – и этап биографии Бахтина <…>»[1]. Упоминают мемуристы, и о регулярных контактах с М.М.Бахтиным, например, Л.С.Мелиховой, которая с лета 1963 г. «входит в спонтанно сложившееся окружение четы Бахтиных и становится их наиболее деятельным попечителем»[2]; «В Саранске, вспоминает Л.С.Мелихова, М.М. говорил о Серафиме Саровском как своем небесном покровителе. Помнил он и о том, что живет там недалеко от Сарова и Дивеева <…>»[3].

В.Н.Турбин намеревался написать книгу о М.М.Бахтине: «Я откладываю исполнение этого долга сознательно, потому что книги, если их пишут всерьез, убивают писателя и, закончив предстоящее мне разветвленное рассуждение о мыслителе и ученом, я обязан буду уйти из жизни, потому что не может же как ни в чем не бывало расхаживать по земле человек, написавший о… Бахтине. Написать о нем – заглянуть в какую-то бездну. <…> Возвращаться оттуда в быт – неприлично; я не Данте, чтобы фланировать по улицам наших российских Флоренций под почтительный гул обывательской молвы: "Этот человек побывал в аду!"»; «Я пришел к Бахтину в шестидесятые годы, а точнее, в конце ноября 1962-го. <…> прокисший вокзальчик в Саранске, полудрема в ночи, потому что московский поезд приползал туда ночью, а в гостинице мест, как водится, не было <…>. Часов в 9 утра открывался адресный стол; мне был выдан адрес, я и пошел по нему. Оказался… в тюремном дворике» (первая саранская квартира Бахтиных была в институтском доме, в дореволюционное время, являвшимся зданием городской тюрьмы. – *Н.В.*); «Я отыскивал Бахтиных дождливым утром в Саранске <…> Наткнулся на разговорчивую старуху, и она-то указала мне адрес, уже новый и подлинный <…>. Оставалось перейти улицу, сделать несколько шагов судьбе. А за два-три месяца до меня (ошибка памяти. – *Н.В.*) эти несколько шагов уже сделали мои собратья по профессии»; «Убежден: Бахтин нас… позвал», «…призвание, несомненно,

---

[1] Турбин В.Н. «И захватите с собой масла и сахару»: (Два письма М.М.Бахтина: публ. и прим.) // М.М.Бахтин и философская культура XX века: (Проблемы бахтинологии): В 2 ч. СПб., 1991. Ч. 2. С. 99 – 100.

[2] Турбин В.Н. По поводу одного письма М.М.Бахтина // ДКХ. 1992. № 1. С. 58 – 59.

[3] Бочаров С.Г. Об одном разговоре… С. 87.

было», «По какому признаку были отобраны именно мы? Он угадывается: неуверенная, но все же какая бы то ни было независимость литературной позиции», «Эмигрировали в Стамбул. В Прагу, в Софию. В Берлин и в Париж. В Нью-Йорк и в Торонто. Остап Бендер даже и о Рио-де-Жанейро подумывал. А в Саранск?»; «Я – в Саранск эмигрировал, и приезд мой в Саранск был тем же, чем, положим, для Марины Цветаевой был приезд в любимую ею Прагу. <…> Эмигрировал я от марксизма»; «Я бежал от марксизма. Эмигрировал не в Париж, а в Саранск, потому что Париж не гарантировал мне избавления от всякого ученья, а Саранск к избавлению вел, причем путь к избавлению вырисовывался самый разумный: не пытаться создать "хороший" марксизм, но и ничего не отбрасывать напрочь <…>»[1]. Известно, что В.Н.Турбин неоднократно навещал Бахтиных в Саранске, помогая им в бытовых проблемах, скромно называя себя «адъютантом» ученого. Привозил он (или по крайней мере намеревался) в Саранск и своих студентов, о чем сообщал, в частности, комментируя переписку с М.М.Бахтиным: «Речь идет о моем намерении, воспользовавшись наступающими каникулами, познакомить Бахтина с теми из наиболее близких мне студентов, которые уже знали о нем, читали первое издание его "Проблем творчества Достоевского" (Л., 1929). На филологическом факультете Московского университета в семинаре, которым я руководил, "бахтинианство" уже было радостно принимаемо молодежью»[2].

Известный исследователь творчества М.М.Бахтина вспоминает об этом времени: «Вообще мои старшие друзья, выпускники филфака МГУ, собственно научных вопросов не обсуждали: основным речевым жанром было крепкое застолье с общепонятной нравственно-политической семиотикой, и Бахтин здесь упоминался как общепонятно-диссидентский знак, индивидуализировать который лучше всего было, рассказав о нем (как, впрочем, и о самом В.Н.<Турбине>) что-нибудь такое анекдотическое, фактически мифологизированное, яркое»[3].

Побывали в Саранске, в гостях у М.М.Бахтина, и многие другие ученые, что стало модным в 1960-х гг. Так, А.А.Илюшин вспоминал об аспирантском времени: «Беседуя осенью 1964 г. в Саранске с Михаилом Михайловичем, я задал вопрос: отдавая дань "местному литературному краеведению", не занимается ли он, в частности, творчеством великого трагического поэта Полежаева, памятник которому здесь неподалеку ("Полежаевский сквер" находился в ту пору в самом центре города. – *Н.В.*)? "Поле-

---

[1] Турбин В.Н. Эмиграция в МАССР / Публ. О.В.Турбиной // ДКХ. 1997. № 4. С. 92, 96, 98, 107, 110.

[2] Турбин В.Н. «Ни произведений, ни образов Достоевского… и в помине нет»: Письмо М.М.Бахтина от 19 янв. 1963 г. // Бахтинский сборник: II. М., 1991. С. 372.

[3] Махлин В.Л. На рубеже молчания: Памяти Владимира Николаевича Турбина // Бахтинский сборник: III. М., 1997. С. 388.

жаев? – переспросил Бахтин. – Нет, это не входит в круг моих интересов". Прошли десятилетия, в культурном пространстве современного Саранска ощутимы, соседственно близки и взаимонапряжены две полярные точки: мемориальная доска на доме, где жил Бахтин, совершивший открытие Карнавала в литературе, и теперь уже новый и в другом месте памятник Полежаеву, явившемуся вершиной трагизма в русской лирике. Именно эти два полюса: карнавальность и трагедийность. "Невнимание " Бахтина к последней представляется столь же симптоматичным, как и его сильная приверженность к идее карнавала»[1]. В конце 1960-х гг. для консультаций к ученому приезжал В.В.Федоров, в то время преподаватель Горьковского университета[2].

Навещали Бахтиных в Саранске и их близкие друзья, на протяжении многих лет помогавшие ученому в его трудах, заботившиеся о нем. В нач. 1950-х гг. в Саранске побывала М.В.Юдина[3]; позже – Б.В.Залесский и И.И.Канаев[4]. В январе 1964 г. М.М.Бахтина навестил Л.Е.Пинский[5].

Паломничество в Саранск продолжалось и после смерти М.М.Бахтина: исследователям его биографии, творчества важно было почувствовать атмосферу провинциального города, приютившего ссыльного ученого. Здесь проводились многочисленные, в том числе международные, Бахтинские конференции, выпускались и выпускаются разнообразные сборники, монографии, библиографические указатели, посвященные жизни и наследию ученого, издаются его лекции[6]; здесь был создан первый в стране Му-

---

[1] Илюшин А.А. По поводу «карнавальности» у Достоевского // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 87.

[2] См.: Кожинов В. Об одном «обстоятельстве» жизни М.М.Бахтина // ДКХ. 1995. № 1. С. 154.

[3] См.: Из переписки М.В.Юдиной и М.М.Бахтина (1941 – 1966 гг.) / Публ. А.М.Кузнецова // ДКХ. 1993. № 4. С. 50; Урицкая Б.С. Воспоминая прошлое // ДКХ. 1999. № 1. С. 156 – 158; Естифеева В.Б. Воспоминания о Бахтине: (Первое десятилетие в Саранске) // ДКХ. 2000. № 1. С. 148 – 149.

[4] См., в частности: Естифееева В.Б. Воспоминания о Бахтине: (Первое десятилетие). С. 149 – 150; Она же. Воспоминания о Бахтине: (Второе десятилетие). С. 141.

[5] См.: Письма М.М.Бахтина к Л.Е.Пинскому / Публ. Н.А.Панькова // ДКХ. 1994. № 2. С. 61.

[6] См., напр.: Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей [К 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности М.М.Бахтина]. Саранск, 1973; Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985; М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск, 1989; М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992; М.М.Бахтин: Эстетическое наследие и современность: В 2 ч. Саранск, 1992; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993; Карпунов Г.В., Борискин В.М., Естифеева В.Б. М.М.Бахтин в Саранск. 2-е изд. Саранск, 1995; Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы. Античность и средние века (В записи В.А.Мирской). Саранск, 1999; Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М.Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – сер. 1990-х гг. Саранск, 2003; Бахтин в Саранске: Документы, материалы, исследо-

зей М.М.Бахтина, просуществовавший, к сожалению, недолго, почему-то не вписавшийся в стратегию развития Мордовского университета, как, впрочем, и грандиозный Музей Н.П.Огарева, имя которого носит университет. Здесь были с частными визитами, например, литературовед К.Эмерсон (США), лингвист П.Серио (Швейцария), редактор международного бахтинского журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» Н.А.Паньков. Не могу не вспомнить и о том, что в 1987 г. получил в Москве, в обмен на свою первую книгу о Полежаеве, подарок от В.Н.Турбина – его книгу «Герои Гоголя» с теплой дарственной надписью, которой предшествовали устные воспоминания автора о Саранске: «Милому Николаю Леонидовичу – в надежде на воздвижение моста "Саранск – Москва"». Конечно же, он имел в виду проекцию прошлого… Об этой книге и некоторых других своих трудах исследователь пишет, что они «подсказаны были Бахтиным, его духом они овеяны, как бы ни были они искажены удушающими годами гниения и маразма. Там мерцает методология»[1].

Еще один, но уже совсем печальный, пример *перемещения* в 1960-х гг. московских литературоведов в *зону* Саранска, а точнее мордовских лагерей, – судьба сотрудника ИМЛИ А.Д.Синявского (А.Терца), написавшего здесь в редкие свободные минуты нашумевшую, духовно эмансипированную, отчасти карнавальную книгу «Прогулки с Пушкиным»[2]. Об этом и других подобных фактах ссыльный и долгие годы не реабилитированный М.М.Бахтин, конечно, знал, хотя бы потому, что его коллеги по кафедре русской и зарубежной литературы читали по разнарядке просветительские лекции для мордовских зеков… Символично ощущал он, наверное, и корреляцию своей судьбы с судьбами литераторов-шестидесятников. К истории А.Д.Синявского, Ю.М.Даниэля парадоксально оказались причастны (кто в числе их защитников, а кто «подписантов» писем с их осуждением) такие невольные биографы М.М.Бахтина, как В.Д.Дувакин[3] и тот же В.Н.Турбин[4]…

Очень много написано о том, как преодолевались трудности с публикациями в 1960-х гг. книг саранского ученого и какую роль (позитивную или негативную) сыграли при этом многие известные ученые, издательские работники, журналисты[5]. Особенно интригующим был вопрос об ав-

---

вания. Вып. 1 – 3. Саранск, 2002 – 2006; Вторые Саранские философские чтения: Памяти М.М.Бахтина. Саранск, 2005.

[1] Турбин В.Н. По поводу одного письма М.М.Бахтина. С. 56.

[2] О писателях, отбывавших ссылку в мордовских лагерях, см., в частности: Савин О.М. Времен связующая нить. Саранск, 1991. С. 337 – 367.

[3] См.: Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. М., 1996; М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002.

[4] См.: Чупринин С.И. Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 525.

[5] См., напр.: Кожинов В.В. Несколько штрихов к биографии М.М.Бахтина. С. 572 – 580.

торстве «спорных текстов»[1], творческом окружении М.М.Бахтина в Невеле, Витебске, Ленинграде[2]… Биография и труды ученого стали предметом изучения гуманитариев всего мира, обсуждались и продолжают обсуждаться с таким беспрецедентным вниманием, как едва ли не судьба и произведения А.С.Пушкина, вплоть до черновиков, конспектов, косвенных эпистолярных или мемуарных свидетельств и т. д.[3] И, конечно, 25-летний саранский период жизни и творчества М.М.Бахтина в этом плане не исключение. Скромный провинциальный кандидат наук, с 1961 г. пенсионер, хотя и продолжавший руководить аспирантами[4], читать спецкурсы и принимать участие во вступительных экзаменах[5], М.М.Бахтин невольно породил огромное количество эпигонов, бахтиноведов, «бахтинят»…

Вернемся, однако, к корреляции и отчасти дихотомии «Тарту – Саранск». Оба города связаны с финно-угорским контекстом – эстонским и мордовским. Один расположен почти на Западе, другой почти на Востоке. В одном – старейший университет[6], в другом – относительно молодой, носивший в прошлом имя А.И.Полежаева[7]. Заметим попутно, что многие мордовские лингвисты старшего и среднего поколения прошли научную школу именно в Тартуском университете. Ю.М.Лотман и М.М.Бахтин – создатели оригинальных методологий, прародители научных направлений и модных культурологических парадигм. Первый работал в коллективе единомышленников и стремился всячески пропагандировать новую теорию, терминологию, отчасти эпатируя ею традиционную науку; второй трудился в изоляции, сам по себе, нередко утаивая от общественности

---

[1] См., напр.: Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С.121 – 129.

[2] См., в частности: Васильев Н.Л. К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник. Вып. 11. СПб., 2006. С. 71 – 84; Он же. «Круг Бахтина», или Квадратура круга [Рец. на. изд.: The Bakhtin Circle: In the Master's Absence / Ed. by C.Brandist, D.Shepherd, G.Tihanov. Manchester; N.Y: Manchester University Press, 2004] // Новое лит. обозр. 2006. № 2. С. 408 – 414; Он же. Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Невельский сборник. Вып. 14. СПб., 2008. С. 44 – 60.

[3] См. об этом, напр.: Васильев Н.Л. Бахтинизм как историко-культурный феномен // Бахтин и время: Тез. докл. IV Бахтинских чтений. Саранск, 1998. С. 10 – 12; Он же. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени // Невельский сборник. Вып. 9. СПб., 2004. С. 62 – 67.

[4] См.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его аспиранты // ДКХ. 1998. № 4. С. 53 – 68.

[5] См.: Естифеева В.Б. Воспоминания о М.М.Бахтине: (Второе десятилетие в Саранске). С. 139.

[6] См., напр.: История Тартуского университета: 1632 – 1982 / Под ред. К.Сийливаска. 2-е изд. Таллин, 1983.

[7] См., напр.: Мордовский государственный университет: 75 лет / Под ред. Н.П.Макаркина. Саранск; Калининград, 2006.

подлинное содержание своего научного творчества, не стремясь к публикациям, работая в Большом времени и вряд ли рассчитывая на прижизненное признание[1]. Оба – «ленинградцы» по ментальности, образованию и начальным шагам в науке. К одному тянулись московские лингвисты, к другому московские литературоведы. Основные работы каждого выходят в первой пол. 1960-х гг.[2]

Оба ученых «видели» друг друга, знакомились с публикациями. Так, отвечая на вопросы журнала «Новый мир» (1970, № 11) М.М.Бахтин писал: «Редакция "Нового мира" обратилась ко мне с вопросом о том, как я оцениваю состояние литературоведения в наши дни»; «Оно представляется мне каким-то серым и унылым: нет смелой постановки общих проблем, нет открытий новых областей или отдельных значительных явлений в необозримом мире литературы, нет настоящей здоровой борьбы научных направлений, господствует какая-то боязнь исследовательского риска, боязнь гипотез»; «…есть, наконец и б о л ь ш и е явления, на которые моя общая характеристика никак не распространяется. Я имею в виду книгу Н.Конрада "Восток и Запад", книгу Д.Лихачева "Поэтика древнерусской литературы" и "Труды по знаковым системам", 4 выпуска (направление молодых исследователей, возглавляемых Ю.М.Лотманом). Это в высшей степени отрадные явления последних лет»; «Названные мною выдающиеся литературоведческие работы последних лет – Конрада, Лихачева, Лотмана и его школы – при всем различии их методологии одинаково не отрывают литературы от культуры, стремятся понять литературные явления в дифференцированном единстве всей культуры эпохи»[3].

Ю.М.Лотман, в свою очередь, следил за работами и судьбой М.М.Бахтина. В 1966 г. он сообщал Б.А.Успенскому: «Ваши слова о том, что Вы сейчас занимаетесь типологией литературы, основанной на характере и типе "точки зрения", – очень заинтересовали. Я сам сейчас чем-то сходным занимаюсь <…>»; «В 20-е гг. и позже об этом много писали (вокруг этой проблемы ходили все, кто писал о сказе, Бахтин и – в ряде работ – Гуковский»[4]. В сентябре 1970 г. обращался к тому же корреспонденту: «Есть серьезное дело. Мы думали-думали и решили, что грех нам, что Бахтин <u>так</u> живет. Мы прикинули, что для того, чтобы, если он согла-

---

[1] См.: Васильев Н.Л. «Двойная бухгалтерия» Бахтина: По материалам саранского периода жизни ученого // Невельский сборник. Вып. 12. СПб., 2007. С. 119 – 130.

[2] Переиздание книги М.М.Бахтина о Достоевском (1963 г.) содержало существенные дополнения, касающиеся художественного слова писателя и новой смежной филологической науки – металингвистики. См., в частности: Васильев Н.Л. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52.

[3] Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 6. М., 2002. С. 451 – 453.

[4] См.: Лотман Ю.М. Письма: 1940 – 1993 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б.Ф.Егорова. М., 1997. С. 473.

сится, снять ему с женой хорошую комнату в Тарту и организовать медицинское и бытовое обслуживание, нужно: a) Инициатива и желание – это у нас есть. И, главное, чувство, что иначе стыдно. b) Деньги. Это, как мы прикинули, тоже потянем. Хотя очень желательно было бы, если бы несколько москвичей присоединились, добровольно отяготив себя сбором 10 р. в месяц. c) Его согласие и желание. Вот по этому поводу я и обращаюсь к Вам. Нельзя ли каким-либо образом узнать его отношение к этому проекту? Хорошо бы не очень откладывая – комнату мы уже присмотрели, но в Тарту с этим очень трудно – может уплыть»[1]. Принимал участие в сборе денежных средств, организованном В.Н.Турбиным, в период лечения М.М.Бахтина в Москве (сент. 1971 г.)[2]. Переписывался с М.М.Бахтиным в 1974 г. по поводу его участия в очередном тартуском сборнике[3]. Переживал в связи со смертью ученого и невозможностью присутствовать на его похоронах: «Дорогой Борис Андреевич! Грустно было сегодня получить Вашу телеграмму о кончине М.М., хотя давно уже было ясно, что дело идет к тому. Вы не сообщили, когда похороны. Если 10-го, то я не успеваю приехать. Передайте мои соболезнования Ляле Мелиховой – ей, наверное, тяжелее нас всех»[4]. В некотором смысле воспринимал себя как наследника М.М.Бахтина в плане методологической ответственности за гуманитарную науку: «Слыхали ли Вы (к Ф.С.Сонкиной. – *Н.В.*) грустную новость о том, что скончался М.М.Бахтин? Говорят, последние дни он очень страдал. Грустно. Он был последним из стариков. Сейчас в науке как в окружении, когда погиб последний командир и – хочешь не хочешь – приходится брать на себя должности, к которым не готов и с которыми, хорошо это знаешь, не справишься. Одно оправдание – больше некому»; «На похороны я не поехал – сильно разболелась нога (старость?) и нет никакой возможности распихать лекции»[5]. Отношение Ю.М.Лотмана к трудам М.М.Бахтина, впрочем, было, как и у многих других независимо мыслящих исследователей, неоднозначным. Напр.: «В современной семиотике существуют два совершенно различных понимания пространства, которые разнообразные популяризаторы, сначала писавшие доносы на подозрительное новшество пространственного анализа (Кожинов и др.), а затем ухватившиеся за модное слово, не отличают. Бахтин идет от идей физики (теория относительности) и рассматривает пространство и время как явления одного ряда (в перспективе это восходит к Канту). Мы же (полагаю, что первыми стали исследовать эту проблему С.Неклюдов и я) исходим из математического (топологического) понятия пространства <…>» (в пись-

[1] Там же. С. 512 – 513.
[2] Там же. С. 235.
[3] Там же. С. 255.
[4] Там же. С. 557.
[5] Там же. С. 372.

ме к Л.Л.Фиалковой, 1983 г.); «В научном отношении Тынянов, в определенном смысле, подобен Бахтину: конкретные идеи часто ложные, а концепции предвзятые <…>. Но – общая направленность исключительно плодотворна и оплодотворяюща» (в письме к Б.Ф.Егорову, 1984 г.)[1].

Между Тарту и Саранском, еще в период жизни там М.М.Бахтина, намечался диалог, чувствовалось взаимное внимание. Б.А.Успенский вспоминает: «В Ленинграде, при относительно слабой лингвистике, было блестящее литературоведение. Эйхенбаум, Жирмунский, Томашевский, Пумпянский, Бахтин, Фрейденберг, Пропп, Тынянов, Гуковский – вот только некоторые имена, но за каждым, в сущности, стоит целое направление теоретической мысли»; «Вместе с тем мы непосредственно общались с Р.О.Якобсоном, П.Г.Богатыревым, М.М.Бахтиным»; «М.М.Бахтин не мог принимать участия в наших встречах (у него не было ноги, и он был практически немобилен), но живо интересовался нашими работами. Все они оказали на нас большое влияние и служили как бы связующим звеном между нами и нашими предшественниками. Итак, тартуско-московская семиотическая школа объединяет две традиции – московскую лингвистическую и ленинградскую литературоведческую…»[2]. Именно в Тарту была опубликована знаменитая статья Вяч. Вс. Иванова, в которой говорилось о причастности М.М.Бахтина к авторству ряда книг и статей, подписанных именами его друзей и коллег В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева[3]. А позже и еще одна знаковая работа, тоже вызвавшая методологическую дискуссию[4].

Сделаем некоторые выводы. Тартуский и Мордовский университеты породили в 1960-х гг. две самые влиятельные научные парадигмы в отечественном литературоведении последних десятилетий. Общеизвестно воздействие бахтинской методологии, выразившейся прежде всего в книгах ученого «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) и «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965), на всю гуманитарную науку конца XX в. М.М.Бахтин объединял в себе философа, литературоведа, лингвиста, культуролога. Он не создал в буквальном смысле «научной школы» и, кажется, вовсе не нуждался в коллективе единомышленников, хотя в 1920-х гг., безусловно, находился в центре так называемого «бахтинского круга», объединявшего представителей разных специальностей (М.И.Каган, П.Н.Медведев, В.Н.Волошинов, Л.В.Пумпянский,

---

[1] Там же. С. 331, 720.

[2] Успенский Б.А. Указ. соч. С.. 268, 276.

[3] Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учен. зап. Тарт. ун-та [Вып. 308. Тр. по знаковым системам. Т. VIII] Тарту, 1973. С. 5 – 41.

[4] Гаспаров М.Л. М.М.Бахтин в русской культуре XX в. // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111 – 114.

И.И.Канаев, М.И.Тубянский, И.И.Соллертинский и др.), подпитывался непосредственным общением с выдающимися современниками. Этого заряда ему хватило на всю оставшуюся жизнь. Он сам был школой, университетом. И один в поле воин!.. Следовательно, как и в случае с Ю.М.Лотманом, определяющим моментом качества и интенсивности научной мысли является не внешняя атрибутика в виде помпезных научных учреждений и даже не централизация и глобализация информационных, административных, финансовых ресурсов (библиотеки, архивы, издательства, журналы и т. д.), а личность конкретного ученого, его суверенность как мыслителя.

ЕЩЕ О ДИАЛОГЕ МЕЖДУ ТАРТУ И САРАНСКОМ*

В нашей предшествующей статье[1], посвященной культурологическим параллелям между тартуско-московской семиотической школой и почти затворнической научной деятельностью М.М.Бахтина в период его работы в Мордовском пединституте[2], говорилось о внимании Ю.М.Лотмана, его московских коллег к трудам саранского ученого; и наоборот – упоминалось о высокой оценке М.М.Бахтиным в интервью журналу «Новый мир» (1970, № 11) «направления молодых исследователей, возглавляемых Ю.М.Лотманом», четырех выпусков их «Трудов по знаковым системам».

Последнее обстоятельство оставалось для широкого круга филологов, не располагавших возможностями обращения к «артефактам» М.М.Бахтина – в виде его библиотеки, архива – интригующим, поскольку не было известно, каким именно образом он мог следить за публикациями в Тартуском университете.

Изданное недавно масштабное исследование саранских ученых отвечает на этот и многие другие вопросы[3].

1.

Указанная книга содержит новые данные о научно-педагогической деятельности М.М.Бахтина, не повторяя, как это часто бывает, уже известное.

---

* Васильев Н.Л. Еще раз о диалоге между Тарту и Саранском (Ю.М.Лотман и М.М.Бахтин) // Невельский сборник: Статьи и публикации. Вып. 18: По материалам 18 Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2011 г.). СПб., 2012. С. 46 – 51.

[1] Васильев Н.Л. Тарту – Саранск: два полюса «провинциальной» науки // Невельский сборник. Вып. 16. СПб., 2010. С. 48 – 60.

[2] См. также: Васильев Н.Л. «Двойная бухгалтерия» Бахтина: По материалам саранского периода жизни ученого // Невельский сборник. Вып. 12. СПб., 2007. С. 119 – 130.

[3] См.: Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М.Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. 468 с.

Во-первых, это описание библиотеки М.М.Бахтина – в том виде, как она сохранилась после ее «путешествия» из Саранска в Москву, куда ученый переехал в 1969 г., и последующего возвращения назад, что произошло спустя много лет, по договоренности с наследниками покойного ученого (часть бахтинских книг пока остается в Москве). Во-вторых, это курсы лекций М.М.Бахтина по истории зарубежной литературы, «введению в литературоведение» и «эстетике», записанные его студентами в 1950-х гг., существенно дополняющие ранее опубликованные теми же исследователям материалы о педагогической деятельности ученого[1].

<…>[2]

2.

Вернемся, однако, к главному предмету нашего внимания.

Начиная с 1960-х гг. М.М.Бахтин получал немало книжных презентов с теплыми словами от Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, В.В.Иванова, В.Н.Топорова и других представителей тартуско-московской семиотической школы, чем отчасти и объясняется особое внимание ученого к этому научному направлению.

Из перечня подаренных ему книг – с автографами, нередко бахтинскими пометами – мы узнаем, например, такие факты и детали тартуско-саранского «диалога», если выстроить их в относительно хронологическом порядке[3]:

1) Иванов В.В. Хетский язык. М., 1963. – «Михаилу Михайловичу Бахтину, чьи работы побудили автора заинтересоваться проблемой "чужого слова", что бегло сказалось и в этой книге (стр. 177 – 178), с глубоким уважением. В.Иванов» (без даты).

2) Труды по знаковым системам: 1 / Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 (Введение, теория стиха) / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 160. Тарту, 1964. – «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину в знак искреннего почтения. Ю.Лотман. 1.XI.64».

3) Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы (Древний период). М., 1965 – «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину от почитателей. В.Иванов, В.Топоров» (без даты).

4) Труды по знаковым системам: 2 / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 181. Тарту, 1965. – «Михаилу Михайловичу Бахтину с глубоким и

---

[1] Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века (В записи В.А.Мирской) / Публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В.Клюевой, Л.М.Лисуновой. Саранск, 1999.

[2] Сокращен фрагмент статьи, известный читателю данной книги по рецензии автора на указанное выше издание лекций М.М.Бахтина.

[3] См. Клюева И.В., Лисунова Л.М. Указ. соч. С. 69, 81, 83, 100 – 101, 103 и др.

искренним уважением от имени участников этого сборника. 11.IX.66» (подпись Б.А.Успенского).

5) Труды по знаковым системам. IV / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 236. Тарту, 1965[1]. – «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину с любовью и уважением от авторов этого тома» (без даты).

6) Труды по знаковым системам: 4. Памяти Ю.Н.Тынянова (к двадцатипятилетию со дня смерти: 1943 – 1968) / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 326. Тарту, 1969. – «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину с любовью и уважением от авторов этого тома. (Подписи М.И.Лекомцевой, Б.А.Успенского, Ю.М.Лотмана, З.Г.Минц и др. 30.IV.70).

7) Летняя школа по вторичным моделирующим системам: 3. Кяэрику. 10 – 20 мая 1968: Тезисы. Тарту, 1968. – «Елене Александровне и Михаилу Михайловичу с самыми сердечными пожеланиями. Июнь 1969 г.» (подпись Б.А.Успенского).

8) Тезисы докладов IV летней школы по вторичным моделирующим системам. 17 – 24 авг. 1970 г. Тарту, 1970. – «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину с уважением и любовью. Ю.Лотман. Тарту. 20.IX.70».

9) Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. – «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину с чувством глубокого и искреннего уважения. 10.X.70. Ю.Лотман».

10) Лотман Ю.М. Статьи по типологии литературы: материалы к курсу теории литературы. Вып. 1. Тарту, 1970. – «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину с сердечным приветом. Ю.Лотман. 10.XI.70».

11) Труды по знаковым системам: 5. Памяти Владимира Яковлевича Проппа / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284. Тарту, 1971. – «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину с чувством глубокого и искреннего почтения. Ю.Лотман. 21.I.72».

12) Лотман Ю.М. Статьи по типологии литературы: материалы к курсу теории литературы. Вып. 2. Тарту, 1973. – «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину – с чувством глубокого почтения и самыми сердечными пожеланиями. Тарту. (Подпись Ю.М.Лотмана). 1.XII.73».

13) Труды по знаковым системам: VI. Сб. науч. тр. в честь Михаила Михайловича Бахтина (к 75-летию со дня рождения) / Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 308. Тарту, 1975.

Таким образом, становится понятным, как попадали к М.М.Бахтину в 1960-х гг. труды, печатавшиеся в отдаленной от мордовской столицы Эстонии, какими конкретными межличностными обстоятельствами подпитывалось его внимание к тартуско-московской семиотике.

---

[1] Ср., однако: Библиографический указатель изданий по семиотике Тартуского университета (1964 – 1992) // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 506 – 507.

РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ СПОРОВ О БАХТИНЕ (М.М.БАХТИН И М.Л.ГАСПАРОВ)*

Прежде всего хочу поблагодарить вас за возможность ознакомиться с материалами уфимского теоретического семинара, поскольку всегда полезно знать, что именно волнует умы коллег-филологов…

В данном случае вы начали с заочной методологической дуэли М.Л.Гаспарова (1979; 2004) с М.М.Бахтиным. Оба ученых представляют высшие достижения отечественной филологии, но в разных амплуа. Один – философ, сублимировавшийся в условиях советской идеологии под маской литературоведа и реже лингвиста, прошедшего школу западной «философии языка». Другой – наследник традиций «точного литературоведения», прежде всего стиховед, а стиховедческая методология накладывает особый конкретно-позитивистский отпечаток на мышление и метаязык любого исследователя, хотя и в ней есть место для колебаний, диалектики и философской интерпретации материала, как и в «царице наук» математике. Первое антибахтинское выступление М.Л.Гаспарова пришлось на время, когда культ Бахтина в филологии еще только формировался; второе – когда интерес к бахтинскому наследию в какой-то мере стал затухать, вследствие определенной исчерпанности этой темы и усвоения того, что пришло с ней[1].

Думаю, что М.Л.Гаспаров во многом прав, говоря о филологической неточности, своеобразной девиантности метаязыка М.М.Бахтина и порой неакадемической манере его научного изложения. Но парадоксальным образом в этом заключается особая привлекательность трудов ученого старшего поколения! Кто из нас не восхищался бахтинскими формулами и вариациями, не цитировал целыми фрагментами соответствующие работы! Может быть, бахтинская проза – это не только «роман», как остроумно заметил М.Л.Гаспаров (1979), но и драматургия, учитывая многоголосие Бахтина как автора, его привязанность к категории диалога и к литературной маске…

Бахтинские идеи и методология специфичны, в чем-то одноразовы, их неразумно экстраполировать на иные литературные объекты; они, при всей своей притягательности, неотрывны от конкретного художественного материала и отчасти своего «хронотопа». По этому поводу В.М.Жирмунский когда-то заметил в письме к В.Б.Шкловскому (6.IX.1970): «Критико-

---

* Васильев Н.Л. <Отклик на стенограммы первых трех заседаний> // Исследование и творчество: К методологии гуманитарных наук (стенограмма заседания филолого-методологического семинара «Третье литературоведение») / Сост. Б.В.Орехов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 3. С. 81 – 82.

[1] См. об этом: Васильев Н.Л. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени // Невельский сборник. Вып. 9. СПб., 2004. С. 62 – 67.

вать Бахтина трудно, если учитывать страшные условия его биографии, но ты это делаешь с достоинством и в "академ." тоне. За универсализацию, имеющую совершенно безобразный характер, его не хочется бранить: это увлечение "первооткрывателя", тебе тоже хорошо известное, но, конечно, было бы страшно <…>, если бы вслед за Бахтиным его поклонники стали во всех периодах мировой литературы открывать "народное смеховое творчество"»[1]. Приведу еще две реплики такого же рода, фиксирующие постепенную бахтинизацию гуманитарных наук[2]: «В научном отношении Тынянов, в определенном смысле, подобен Бахтину: конкретные идеи часто ложные, а концепции предвзятые <…>» (Ю.М.Лотман – Б.Ф.Егорову. 31.VII.1984)[3]; «Бахтин был, прежде всего, КЛАССИФИКАТОРОМ. В этом – самая слабая сторона всех его работ. <…>. Только две статьи Бахтина ("Эпос и роман" и "Слово в романе") я готов признать классическими. Все остальное – крайне спорно и субъективно. <…> В настоящее время наука должна свободно и творчески двигаться дальше, учитывая наследие Бахтина так же, как наследие его оппонентов – Шкловского, Эйхенбаума, Томашевского, Жирмунского (которым также принадлежала "часть правды") – и многих других ученых. Утверждая полифонизм Достоевского, Бахтин в своих работах, как это ни парадоксально, крайне монологичен и дидактичен. Свидетельство тому – не только его книги о Достоевском и Рабле <…>»[4]. Так что антибахтинские выступления М.Л.Гаспарова вовсе не прецедент, а скорее норма для ученых академического уровня, будь то «формалисты», «структуралисты», «позитивисты» или представители традиционного литературоведения… И в этом контексте М.Л.Гаспаров оказывается, может быть, одним из самых деликатных и диалектичных критиков М.М.Бахтина!

С М.М.Бахтиным можно и нужно спорить, не эпигонствуя, а вступая с ним в диалог[5]. Исследования же М.Л.Гаспарова в области стиха образуют относительно (!) абсолютное (!) знание о русской или европейской по-

---

[1] См.: Переписка Б.М.Эйхенбаума и В.М.Жирмунского // Тыняновский сборник: Третьи тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 321.

[2] См.: Васильев Н.Л. Бахтинизм как историко-культурный феномен // Бахтин и время: Тез. докл. IV Бахтинских чтений. Саранск, 1998. С. 10 – 12.

[3] Ю.М.Лотман: Письма 1940 – 1993 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б.Ф.Егорова. М., 1997. С. 331.

[4] Фридлендер Г.М. [Ответ на вопросы редакции по поводу 30-летия со времени выхода второго издания книги М.М.Бахтина о Ф.М.Достоевском] // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С. 15.

[5] См., напр.: Васильев Н.Л. «Многоголосие» или «образ автора»? О двух моделях интерпретации авторского начала в художественном тексте // Проблема автора в художественной литературе: Тез. докл. региональной межвуз. науч. конф., посвященной памяти проф. Б.О.Кормана (Ижевск, 14 – 16 нояб. 1990 г.). Ижевск, 1990. С. 12 – 13; Он же. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52.

эзии, не зависимое от времени и социологии бытия… Его методика преемственно связана с предшественниками в сфере «точного литературоведения» и объективно воспроизводима.

Вместе с тем я готов согласиться с мнением, что в основе полемики М.Л.Гаспарова с М.М.Бахтиным могли лежать и вненаучные обстоятельства, например ревность одного ученого к популярности другого, раздражение против феномена повальной моды на Бахтина: «Через четверть века – вторые гаспаровские антибахтинские тезисы. Есть в этом что-то психологическое и личное, а не только научное: словно наш сильный филолог лично и глубоко задет явлением Бахтина»[1].

Но стоит ли придавать этому спору такое уж большое значение? Гораздо позитивнее для ученых сосредоточиться на *собственно* научных исследованиях, а не вносить в филологию «вторичные моделирующие системы» (подразумеваем под этим контрпродуктивные интеллектуальные упражнения герменевтического и полемического толка). <…>

ОКРУЖЕНИЕ М.М.БАХТИНА ГЛАЗАМИ П.Н.ЛУКНИЦКОГО (ВЗГЛЯД ПОСТОРОННЕГО)

«Все мы – поэты»
(Б.М.Зубакин. 31 дек. 1922 г.)

Ленинградский период жизни М.М.Бахтина, отмеченный яркими книгами и статьями, вышедшими из «бахтинского круга», изучен пока недостаточно, но давно привлекает внимание исследователей, вследствие интриги вокруг авторства «спорных текстов», распределения ролей в творческом содружестве молодых ученых.

Сам М.М.Бахтин характеризовал научные интересы своих друзей весьма скупо и отчасти противоречиво, что давало повод для сомнений в его объективности и т. д. К тому же основные представители «бахтинского круга» ушли из жизни еще в 1930-х гг., их биографии приходилось восстанавливать буквально по крупицам.

Более подробно ученый повествует о творчестве К.К.Вагинова (1899 – 1934), отмечая его самобытность как поэта и прозаика, напр.: «Редактором этого журнала ("Записки передвижного театра". – *Н.В.*) был Павел Николаевич Медведев. Это один из моих ближа-айших друзей того

[1] Бочаров С.Г. Бахтин-филолог: Книга о Достоевском // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18 – 22 July, 2005) / Ed. by M.Lähteenmäki, H.Dufva, S.Leppänen and P.Varis [Departament of Languages University of Juväskylä, Finland 2006]. С. 7 (CD).

времени. <…> И вот он печатал Вагинова. Другие журналы Вагинова не печатали. Он печатал там стихотворения такие, которые – даже трудно сейчас представить себе, что их можно было публиковать в то время. Вот одно <…>»; «…проза у него гораздо значительнее. Хотя и стихи у него значительные <…> Он написал два романа, довольно больших»; «…все это написано в совершенно своеобразном стиле, вагиновском исключительно. Я бы сказал, Вагинов в этом отношении – совершенно уникальная фигура в мировой литературе <…> И вот очень жаль, что его не знают, что его забыли»; «Хотя, я помню, было собрание ленинградских писателей, посвященное его поэзии. С докладом <…> выступал Бенедикт Лившиц. Такой он восторженный доклад прочитал о поэзии Вагинова. Выступал, между прочим, Медведев, который тоже его очень хвалил, его поэзию, дал анализ его особенностей. <…> И наконец, председатель на этом собрании был Федин. <…> И в этом заключительном слове он тоже Вагинова хвалил, поддержал»[1].

В свою очередь, К.К.Вагинов оставил лирическую зарисовку скромного быта и высоты духовных устремлений четы Бахтиных в условиях послереволюционного выживания в Ленинграде: «Два пестрых одеяла, / Две стареньких подушки. / Стоят кровати рядом, / А на окне цветочки – / Лавр вышиной в мизинец / И серый кустик мирта. / На узких полках книги, / На одеялах люди – / Мужчина бледносиний / И девочка жена. <…>» (1931 г.)[2].

Тем любопытнее взгляд на некоторых представителей «бахтинского круга» со стороны их современника, имя которого, кажется, и не фигурировало в бахтинском контексте, но хорошо известно в истории русской литературы XX в. Речь идет о поэте, прозаике, литературоведе, этнографе П.Н.Лукницком (1900 или 1902 – 1973), окончившем в 1925 г. литературно-художественное отделение факультета общественных наук Ленинградского университета[3], где намеревался учиться в 1922 г. В.Н.Волошинов,

---

[1] М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002. С. 215 – 216, 219 – 224. Ср. записи в дневнике К.И.Чуковского: «Был вчера у милого Бена Лившица. Чудесные две комнатки, трехмесячный Кирилл, паштет, письма от Бурлюка из Нью-Йорка и стихи, стихи… Очень ему нравится Вагинов, а я не читал, не знаю» (24 марта 1926 г.); «Был я у Бена Лившица. То же впечатление душевной чистоты и полной поглощенности литературой. О поэзии он может говорить по 10 часов подряд. В его представлении – если есть сейчас в России замечательные люди, то это Пастернак, Кузмин, Мандельштам и Константин Вагинов. Особенно Вагинов. Он даже сочинил о Вагинове манифестальную статью для чтения в Союзе Поэтов и – читал ее мне. Он славит Вагинова за его метафизические проникновения» (24 апр. 1926 г.). (Чуковский К.И. Дневник (1901 – 1929). М., 1991. С. 385, 389).

[2] Вагинов К. Опыты соединения слов посредством ритма. М., 1991. С. 43. См. также: Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. 1993. № 2. С. 86 – 87.

[3] См., в частности: Смиренский Б.В. Лукницкий, Павел Николаевич // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1967. Т. 4. Стб. 446.

зачисленный, однако, на этнолого-лингвистическое отделение[1]. Первые публикации писателя появились в 1923 г., в 1927 г. он выпустил сборник стихов «Волчец», впоследствии обратился к художественной и научно-популярной прозе. Его имя нередко связывается с изучением биографии и творчества поэтов Серебряного века[2]. Оставил П.Н.Лукницкий после себя и дневниковые записи, фиксирующие детали литературной жизни Ленинграда в 1920-х гг.[3]

Центральное место в них занимает А.А.Ахматова (информант о Н.С.Гумилеве и наследница великих поэтов прошлого), в отношении которой П.Н.Лукницкий выступил русским Эккерманом. Это в гротескной форме подметил К.К.Вагинов в романе «Козлиная песнь» (1928): «В год шпенглерианства[4] Миша Котиков приехал, поразился и влюбился в силу, гордость, мироощущение недавно утонувшего петербургского художника и поэта Заэвфратского <…>»; «Миша Котиков ни разу не видел Заэвфратского, но был поражен»; «Через год Миша Котиков, как поклонник Заэвфратского, познакомился с Екатериной Ивановной»; «…долго, склонив голову, говорила Екатерина Ивановна об Александре Петровиче. Какие платья он любил, чтоб она носила, какие руки были у Александра Петровича <…>»; «Две недели ходил к Екатерине Ивановне Миша Котиков. Разные интимные подробности об Александре Петровиче собирал <…>»; «А когда всё узнал и всё записал, то решил, что любовницы Александра Петровича, должно быть, умнее жены и ему больше сведений о душе Александра Петровича смогут дать» и т. д.[5] Комментатор романа – Т.Л.Никольская, впрочем, деликатно отмечает: «В Екатерине Ивановне со-

---

[1] См.: Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биограф. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 9 – 10.

[2] См., например: Лукницкий П.Н. Н.Гумилев и А.Ахматова по материалам историко-литературной коллекции П.Лукницкого. СПб., 2005; Он же. Труды и дни Н.С.Гумилева СПб., 2010. См. также: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905 – 2005. СПб., 2005. С. 309 – 311.

[3] Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой: Т. 1: 1924 – 1925. Paris, 1991; Т. 2: 1926 – 1927. Париж; М., 1997; Он же. Дневник 1928 года. Acumiana. 1928 – 1929 / Публ. и коммент. Т.М.Двинятиной // Лица: Биогр. альманах. [№] 9. СПб., 2002. С. 341 – 495.

[4] Имеется в виду, выход в 1923 г. русского перевода первого тома книги О.Шпенглера «Закат Европы» (1918 – 1922). Активная рецепция идей немецкого философа в России началась, однако, ранее: Лазарев В.Н. О.Шпенглер и его взгляды на искусство. М., 1922; О.Шпенглер и закат Европы. М., 1922. Ср. также в письме В.Н.Волошинова к М.И.Кагану (осень 1921 [?]): «<…> На днях прочитал книжку "Освальд Шпенглер и Закат Европы" со статьями Степуна, Франка и др. Статьи эти не произвели на меня впечатления особенно блестящих, но сама книга Шпенглера меня крайне заинтересовала. Читал ли ты ее в подлиннике?». См.: Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива: (М.М.Бахтин и М.И.Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 85.

[5] Вагинов К.К. Козлиная песнь: Романы / Вступ. ст. Т.Л.Никольской; прим. Т.Л.Никольской и В.И.Эрля. М., 1991. С. 48 – 55. Роман «Козлиная песнь» опубликован в данном издании в переработанном писателем виде (по рукописи 1929 г.).

временники узнавали черты Анны Николаевны Энгельгардт, второй жены Н.Гумилева»[1]. Однако вдова поэта – при совпадении отдельных внешних деталей с героиней – не была в фокусе внимания П.Н.Лукницкого и упоминается в его дневнике лишь несколько раз, напр.: «Вечер у АА. (А.А.Ахматовой. – *Н.В.*) – говорили о Гумилеве, о моей работе, о бесполезности добиться толковых воспоминаний о Н.Г. у А.Н.Гумилевой» (17 дек. 1924 г.); «Зашел за А.Н.Гумилевой, чтоб идти к АА. Полчаса наставлял ее – ох, трудно! Глупа, упряма и самонадеянна» (1 янв. 1925 г.). Думается, что указанный женский персонаж, как и другие вагиновские герои, синтетичен и воплотил в себе литературные ассоциации, связанные также с А.А.Ахматовой.

В образе самого Миши Котикова отразились и слухи об отношениях П.Н.Медведева с Л.Д.Блок, что косвенно подтверждается воспоминаниями М.М.Бахтина: «Затем еще – Костя Ротиков. Это отчасти как раз… прототипом послужил Павел Николаевич Медведев[2], который изучал Блока <…>»; «Ну и вот, он изучал Блока и действительно был знаком с женой Блока, был ее любовником, по-видимому»; «И вот там этот Костя Ротиков изображается, который изучает какого-то поэта (и под этим поэтом… подразумевается Гумилев) и пытается выяснить всех любовниц этого поэта и непременно с каждой любовницей, так сказать, иметь связь»[3]. Смешение Бахтиным «парно рифмующихся» персонажей (Котиков, Ротиков) свидетельствует о том, что он, скорее всего, не знал о П.Н.Лукницком и его литературном проекте, связанном с изучением биографии Н.С.Гумилева, приписав интерес к последнему исключительно П.Н.Медведеву.

В дневниковых заметках П.Н.Лукницкого, не лишенных субъективности, встречается немало упоминаний о К.К.Вагинове, П.Н.Медведеве, Л.В.Пумпянском; есть единичные записи о М.В.Юдиной и Б.М.Зубакине; имена же М.М.Бахтина и В.Н.Волошинова в них не фигурируют.

Чувствуется, что автор хорошо знал писательскую среду Ленинграда. Напр.: «"Четверг" у М.М.Шкапской. Шкапская с самодовольствием демонстрирует всем свои литературные "сокровища" – толстую тетрадь с автографами, портретами, анекдотами и разными наклейками. Собрались у Шкапской – К.Вагинов, А.Шварц, И.Оксенов, П.Медведев, Н.Павлович, М.Фроман, Н.Дмитриев. В 11 часов вечера пришел Н.Тихонов – сидя на столе, прочел новую свою поэму – в ней Кавказ, медвежонок, тигр и пр. – 680 строк. Много хороших мест – большая ясность и точность выражения.

---

[1] Никольская Т.Л. Н.Гумилев и П.Лукницкий в романе К.Вагинова «Козлиная песнь» // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПБ., 1994. С. 625, прим. 27.

[2] Ср., однако, мнение комментаторов вагиновского романа – Т.Л.Никольской и В.И.Эрля, что это переводчик И.А.Лихачев (1902 – 1970).

[3] М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 221 – 222.

Очень много экзотики» (18 дек. 1924 г.)[1]; «"Четверг" у Шкапской. В "программе" драма И.Оксенова. Здесь: К.Вагинов, Н.Браун, Н.Баршев, С.Спасский, И.Напельбаум, С.Полоцкий, В.Ричиотти, И.Садофьев, Н.Вольпин, А.И.Ходасевич, И.А.Бунина, Марина Чуковская, С.Г.Каплун и др. Есть незнакомые. Н.Тихонов и Н.Павлович – отсутствуют»; «К.Вагинову собирали по подписке рубли на издание его стихов. Он подарил мне "Путешествие в хаос". Я со скорбью подарил М.Шкапской листок с переводом Т.Готье (перев. В.Рождественского), редактированным Н.Гумилевым. Шкапская давно выпрашивала у меня автограф Гумилева» (15 янв. 1925 г.); «Выступала (А.А.Ахматова. – *Н.В.*) с чтением стихов на литературном вечере (организованном Союзом поэтов совместно с Кубучем) в Ак. Капелле. Приехала после начала. Сразу же вышла на эстраду, 4-й по порядку (1. К.Федин – отрывок из рассказа "Тишина"; 2. К.Вагинов; 3. Н.Клюев) – прочитала следующие стихи <…>» (25 февр. 1925 г.).

О П.Н.Медведеве писатель упоминает, как правило, настороженно, ревниво, а то и неприязненно: «Передал я также (А.А.Ахматовой. – *Н.В.*) свой разговор с Медведевым. Жалкий и скверный и бездарный он человек: последний его разговор со мной (о Гумилеве, о Брюсове, о Цехе и о пр.) – лишнее доказательство тому» (9 февр. 1926 г.); «Позавчера, в субботу, я участвовал в вечере памяти С.Есенина в клубе (им. Зиновьева) – бывший дом Паниной на Тамбовской. Прочел два стихотворения. Кроме меня, участвовали: Клюев, Рождественский (стихи и воспоминания), Шварц А. (стихи Есенина) и Медведев (доклад о Есенине). Вечер прошел удачно. Публика осталась довольна. Это мое первое выступление, за которое я получил деньги» (19 февр. 1926 г.); «Как-то был случай: пришел к АА П.Н.Медведев и стал настойчиво просить дать ему автобиографию. АА с большим неудовольствием согласилась продиктовать ему некоторые краткие сведения. Медведев записал строк двадцать; в этой автобиографии есть неверности: там сказано, что АА училась в Смольном институте (в действительности в Смольном АА была, но не больше полутора-двух месяцев) и что отец АА – морской офицер. П.Н.Медведев предупредительно спрашивал АА: "Может быть, этого записывать не следует? Может быть, записать как-нибудь иначе?" АА холодно отвечала ему: "Нет, запишите именно так…". Эти полуневерные сведения АА дала Медведеву

[1] Ср. в мемуарах М.М.Бахтина: «В эту школу (ленинградских поэтов. – *Н.В.*) входили прежде всего Тихонов Николай… сюда входил одно время и Вагинов <…>»; «Ходил он [Тихонов] в старой солдатской шинели своей… жил он так это… самым богемным образом. Был у него чайник, из которого он поил чаем, иногда с хлебом, а иногда – без хлеба, своих товарищей по перу и так далее»; «Но Вагинов, как я говорил уже, был довольно одинок. Он не был тесно связан со всеми этими писателями» (М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 205, 213).

умышленно, негодуя на его назойливость» (1 нояб. 1927 г.)[1]; «В Союзе писателей открылась выставка книг, портретов, автографов. Руководит выставкой Федин, а фактически – Э.Голлербах и Заволокин. Поэтому хамства не избежать. Так, АА не получила приглашения участвовать в выставке (приглашения получили все: я, например, его получил). Голлербах выставил какие-то ее материалы без ее ведома, под ее портретом повесил свой. А сегодня, 13 ноября, через Л.Н.Замятину обратился к АА с просьбой дать еще материалов»; «Выставка портретов, книг и автографов за десятилетие 1917 – 1927 в Союзе писателей (Фонтанка, 50). <…> Из материалов, касающихся АА, выставлены: 1. Берлинское издание ее стихотворений (три книги); 2. "Anno Domini", Petropolis 1921; 3. Фотография Наппельбаум (профиль, повернут вправо); 4. Портрет Белкина; 5. Автограф стихотворения "Воспоминание" ("Тот август, как желтое пламя…" <…> Все это выставлено без ведома АА, приглашения АА не получала, материалы дал, кажется, П.Медведев. (Л.Н.Замятина узнавала, и ей сказали, что дал Медведев.)»; «Днем у АА была Л.Н.Замятина. Говорила о выставке в Союзе писателей. Говорила, что приглашение АА было послано, но почта ей не доставила. АА, конечно, не поверила» (14 нояб. 1927 г.); «В Союзе писателей П.Н.Медведева впервые увидели в 1924 году, когда он вошел в Комиссию по организации юбилея Ф.К.Сологуба[2], – вошел потому, что вообще никто из писателей этим делом не хотел заняться. Разве это не называется войти в литературу с черного входа? И где тут "пятнадцатилетняя литературная деятельность"? А после юбилея Сологуба Медведев стал примазываться и прилипать к Союзу писателей и плотно влез в него» (4 дек. 1927 г.); «В Ак<адемической> Капелле вечер памяти Сологуба. <…> Публики было мало. Было очень скучно. <…> Пумпянский бездарен, как всегда, но умникам вроде Козакова[3] понравился очень. <…> Потом

[1] См. также письмо П.Н.Лукницкого к Л.В.Горнунгу от 3 янв.1928 г.: «Спасибо большое за экземпляр "Словаря современных писателей". <…> биографические сведения об А.Ахматовой несуразны, неверен даже год рождения. У читателя может создаться впечатление, что А.А. сама давала о себе сведения (ибо источники не указаны, как и всюду). А между тем, по-видимому, эти сведения сборные, по крайней мере ясно, что участвовал здесь Медведев. В 1924 г., кажется, несколько раз ходил Медведев к А.А. и выпрашивал у нее ее автобиографию. Чтоб отвязаться от него, А.А. дала ему кой-какие сведения. Он их записывал, но, вероятно, неточно, да потом, вероятно, и собственными догадками заполнил логические пропуски. Никаких разрешений печатать эти сведения в словаре А.А. ему не давала, да Медведев и не думал к ней обращаться за разрешением» (Н.С.Гумилев в переписке П.Н.Лукницкого и Л.В.Горнунга / Публ. И.Г.Кравцовой // Николай Гумилев… С. 560).

[2] 40-летие литературной деятельности Ф.К.Сологуба отмечалось в Александринском театре в феврале 1924 г., в марте того же года он возглавил Ленинградское отделение Союза писателей. См.: Павлова М.М. Сологуб Федор // Русские писатели. 1800 – 1917: Биогр. словарь. Т. 5. М., 2007. С. 720.

[3] М.Э.Козаков (1897 – 1954), прозаик, драматург, сотрудник ряда литературных изданий. См. о нем: Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 3. М., 1966. Стб. 636.

читал А.Шварц[1]. Прочел стихотворение "Наташе Медведевой". Медведев сидел сзади меня, и я слышал, как он делал "биографические примечания" своей соседке, потом принимал поздравления: "Ваша дочь так рано прославилась!" – "Помилуйте, да как же, как же, так уж вышло, знаете ведь, Федор Кузмич, незабвенный…". Отвратно»[2], «Поэтов зале почти не было. Были К.Вагинов, Н.Браун да Садофьев <…>. Все спрашивали, почему нет Ахматовой. О Сологубе никто не думал» (1 февр. 1928 г.)[3]; «Дневник Блока (1-й том) вышел из печати совсем недавно, и уже весь распродан. Он был прочитан жадно, прочитан всеми. Невежество, вопиющая безграмотность Медведева, редактировавшего книгу, сильно ей повредили. Каким принципам следовал "сей повар", редактируя дневник, известно ему одному: если, производя изъятия, он имел в виду пред-отвратить обиды еще живущих, то почему не изъяты суждения Ал. Блока о В.Иванове, о В.Брюсове (вдова ведь прочтет дневник!) и целый ряд других. <…> А.А. догадалась, что Медведев, всюду скрывая фамилию режиссера Кузьмина-Караваева, с которым у Люб<ови> Дм<итриевны> Блок был роман, не разобрал, что тот Кузьмин-Караваев к этому не имеет никакого отношения[4]; вычеркивая злополучное имя всюду, Медведев сдуру вычеркнул такое же (но не то же) – и здесь. Примечания составлены бездарно, неполно, неверно. <…>»; «Вот, примеры. Их можно множить бесконечно. Повторяю, рука Медведева сделала все, чтоб опоганить дневник»[5]; «…А.А. с омерзени-

---

[1] Ср. воспоминания Р.М.Миркиной (1906 – 1987), записанные в 1977 г.: «Лекции Льва Васильевича свидетельствовали о его глубочайшей эрудиции, самобытности и ярком таланте. Их обычно иллюстрировал художественный чтец – Антон Шварц. Их выступления неизменно пользовались огромной популярностью». См.: Миркина Р.М. Бахтин, каким я его знала (Молодой Бахтин) / Вступ. заметка и публ. С.Г.Бочарова // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 67.

[2] Ср.: «Видела я Медведева и в Ленинграде, в зале Капеллы, на вечере памяти Александра Блока [sic!]. Он сидел рядом с Любовью Дмитриевной Блок и всячески ее обхаживал. Жена его сидела поодаль одна. Медведев не обращал на нее внимания, но, когда Сологуб [sic!] прочитал свое стихотворение, посвященное их дочери Наташе, они переглянулись» (Миркина Р.М. Указ. соч. С. 67). Напомним, что Ф.К.Сологуб, скончался в Ленинграде 5 дек. 1927 г.

[3] В «Программе вечера памяти Федора Кузьмича Сологуба» значилось: «I. Вступительное слово Е.И.ЗАМЯТИН. II. Доклад АНДРЕЯ БЕЛОГО – "О творчестве СОЛОГУБА". Сологуб и русская литература. Сологуб, как художник. Проза и стихи Сологуба (музыкальные иллюстрации <,> отрывки из произведений Сологуба <–> проф. М.И.Бриан и Н.Н.Рождественский, у рояля проф. М.В.Юдина). Мировоззрение и мироощущение Сологуба. Сологуб и наша эпоха. III. Л.В.ПУМПЯНСКИЙ: "Сологуб как поэт". Строение стиха Сологуба. Творческий путь поэта. Новейшие и посмертные стихи (исполнение стихотворений Г.В.АРТОБОЛЕВСКИЙ, В.С.МЯСНИКОВА и А.И.ШВАРЦ). Сологуб, как крупнейший представитель <символизма?>» (См.: Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года… С. 392 – 393, прим. 51).

[4] Речь идет о К.К.Кузьмине-Караваеве и Д.В.Кузьмине-Караваеве. См..:Лукницкий П.Л. Дневник 1928 года… С. 404, прим. 92.

[5] Ср. мнение М.М.Бахтина: «Ну, и она [Л.Д.Блок] его допустила в свой архив Блока. Он [П.Н.Медведев] первый, который занимался архивом Блока Записные книжки, дневники

ем рассказывала мне об этом обеде в ресторане. Там были: Пильняк, Ал. Толстой, С.Буданцев, Медведев (!) и др., говорились пошлости. <…> Медведеву А.А. сказала все, что думала о редактуре Блоковского дневника. Медведев ерзал и говорил, что все это опечатки. Вообще Медведев вел себя очень тихо и пытался подлизываться ко всем» (6 марта 1928 г.)[1].

То же касается и характеристик Л.В.Пумпянского: «…я, чтоб вывести из воцарившего молчания, заговорил о вчерашнем вечере К.Вагинова, говорили о Пумпянском, который вчера читал о Вагинове доклад (скверный доклад)» (8 мая 1926 г.)[2]; «Вечером в Шереметьевском доме были Е. и Н. Данько. Рассказывали о вечеринке у … [sic!], где были они, Пумпянский, Всеволод Рождественский, В.Мануйлов и др. О том, как неистово льстил Пумпянский Рождественскому, когда тот читал стихи (Рождественский сиял и был необычайно доволен этой грубой лестью), и как ругал Рождественского, когда, выйдя с Данько на улицу, услышал, что Данько бранят Всеволода»[3]; «Пумпянский просил Данько передать АА, что он "сердечный человек" (!) и просит поэтому разрешения прийти к АА. В действительности, конечно, он вздумал прийти к АА, услышав от Всеволода Рождественского или В.Мануйлова, что она занимается Пушкиным, и захотев попользоваться кое-чем из ее знаний и исследований» (16 окт. 1927 г.); «Потом, вечером, у АА была Данько. Говорила, что Пумпянский всё добивается разрешения прийти к АА. (Мы все уговорили не принимать его – очень уж он льстивый и паршивый человек.) АА его не знает: АА до сих пор удается отклонить визит Пумпянского» (2 нояб. 1927 г.).

Особенно много внимания в дневниках П.Н.Лукницкого уделено К.К.Вагинову, напр.: «Я подарил А.А. книгу К.Вагинова[4]. Ей понравился внешний вид книжки. Заметила, что он напоминает журнал "Старые го-

---

Блока были изданы им, он первый издал – несовершенно <…> Очень небрежно, да, но, тем не менее, он их издал» (М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 193 – 194).

[1] См. также упоминание о П.Н.Медведеве в дневнике К.И.Чуковского (24 апр. 1927 г.): «Марксисты из-под палки: Медведев и др.» (Чуковский К.И. Указ. соч. С. 399).

[2] Ср. также письмо П.Н.Лукницкого к Л.В.Горнунгу от 7 мая 1926 г.: «Сегодня был на вечере, посвященном творчеству К.Вагинова, – вечер был закрытый и происходил в частной (зато – огромной) квартире. Читал длинный, замысловатый, а в общем-то неудовлетворительный доклад о Вагинове Пумпянский. Потом он же читал стихи Кости, не вошедшие в книгу (начиная с <19>21 г.) и всю книгу. Вечер закончился чтением самим Вагиновым стихов, написанных после выхода книжки, а их немало» (Николай Гумилев… С. 542).

[3] Ср. воспоминания М.М.Бахтина: «Главным поэтом **в круге Медведева** (выделено нами. – *Н.В.*) был Всеволод Рождественский, совсем еще молодой тогда. <…> И вот он пользовался тогда большим успехом. Тогда же говорили, что существует официально так называемая ленинградская школа поэтов»; «И вот те стихи, которые он читал, – они были тогда очень хороши. Это была чистая лирика, чистая лирика! Никаких там, так сказать, гражданских мотивов почти вовсе не было. И опять – он великолепно их читал. Великолепно читал! Когда же потом те же стихи я читал в напечатанном виде, они не произвели на меня такого впечатления» (М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 204 – 205).

[4] Вагинов К. Стихотворения. Л., 1926. – *Н.В.*

ды". Взяла читать – унесла в Мраморный дворец» (13 марта 1926 г.); «Я спросил АА, читала ли она книжку Вагинова? Ответил, что не читала, и спросила мое мнение о ней. Я сказал, что, по моему мнению, стихи несамостоятельны, есть чужие влияния – Мандельштама, В.Иванова, Ходасевича; но – культурны, и мне нравятся. Сказала: "Теперь буду читать, когда вы сказали». Я прибавил: "Мандельштам, мне говорили, в восторге от этой книжки, говорит, что Вагинов чуть ли не второй Тютчев, но я боюсь, что Мандельштам перегнул палку в другую сторону". АА ответила, что Мандельштам говорил с ней как-то – еще до выхода книжки – о Вагинове и что из его слов не было видно, чтоб он Вагинова ставил очень высоко. АА передала фразу Мандельштама: "Сколько случаев было, когда приходилось разочаровываться в молодом поэте, что я боюсь теперь высказываться о ком-нибудь положительно…"» (20 марта 1926 г.); «А.А. рассказала мне, что говорила (вчера? сегодня утром?) с Мандельштамом по телефону и между прочим – о книжке Вагинова (спросила его мнения, потому что сама она еще не прочла книжку). "Оська задыхается!" Сравнил стихи Вагинова с итальянской оперой, назвал Вагинова гипнотизером, восхищался безмерно. Заявил, что напишет статью о Вагинове, в которой будут фигурировать и гипнотические способности Вагинова, и итальянская опера, и еще тысяча других хороших вещей»; «АА объясняет мне, что "Оська" всегда очаровывался – когда-то он очаровывался даже Липскеровым, потом были еще два каких-то "гениальных поэта" – и что она нисколько не удивлена таким мнением Мандельштама, что Вагинов – его ученик. И АА сказала, что написанная Мандельштамом статья о Вагинове будет, вероятно, одной из блестящих, но ни к чему не обязывающих "causeries"[1]»; «Когда я пришел в Мраморный дворец, Шилейко сказал мне: "Попадет вам от АА за легкомысленное суждение о Вагинове!" – и сказал какую-то остроту о его книжке – остроту злую. Когда Шилейко ушел, я заговорил с АА о книжке Вагинова и говорил всю дорогу до Шереметьевского дома, провожая АА туда»; «Перед моим приходом в Мраморный дворец сегодня АА читала книжку Вагинова вслух, Шилейко слушал и очень зло, в прах раскритиковал ее, и АА к его мнению присоединяется, потому что он приводил совершенно справедливые и неоспоримые доводы. И мнение АА о книжке Вагинова таково: полная несамостоятельность – дурно понятые и дурно взятые Мандельштам и Вячеслав Иванов. И во всех – редких случаях, когда Вагинов и не подражает буквально (в словаре, в построении образов, в сравнениях и прочем) учителям, у него остаются "море жизни", "природа-храм", "но медленно валов благоуханье" и прочие банальности. Отсутствие всякой композиции – стихотворение можно начинать читать с любого места и прервать его также на любом месте – от этого ничто

[1] Заметки в свободной форме, не отличающиеся глубиной суждений (фр.).

в стихотворении не изменится. Мертвечина. И разве можно в стихи вводить теперь такие слова, как "нощь", "зрю" и т. п. – они теперь совершенно не действуют, они никак не воспринимаются, и употребление их свидетельствует только о дурном вкусе. Такие слова в контексте современных слов можно сравнить с античной статуей, шея которой повязана розовой ленточкой. То, что Вагинов употребляет такие слова, доказывает потерю им всякого чувства слова, отсутствие бережного, любовного отношения к слову. <…> Вагинов идет на все, не жалеет затрат, делает демонические усилия – для того, чтобы дать что-то с в о е: он идет на отказ от смысла, он лишает свои стихи рифмы, он механически смешивает самые неслиянные понятия. И все усилия не приводят решительно ни к чему. Только резче подчеркивается мертвенность, атрофия поэтического сознания, полное отсутствие своего, отсутствие лирического чувства. И ничто не дано взамен этого. Книга оставляет самое безотрадное впечатление. Дело не в промахе <…> И не в непонятности <…> Но стихи Вагинова не имеют за собой ничего – они висят в воздухе <…> Они насквозь прозрачны, и в них пустота. <…> И нельзя говорить о старых итальянцах – будто бы источнике Вагинова (как я сказал АА). <…> А ставка на звуковую значимость, на музыкальность… (о которой я заговорил с АА) – не достоинство. Это недостаток. Это Игорь Северянин – как конечный итог»; «Говоря о книжке Вагинова, АА сослалась, кроме ссылки на мнение В.К.Шилейко, и на мнение Гуковских, которые считают, что книжка "скучна" и что ее поэтому "невозможно читать"» (23 марта 1926 г.); «Шилейко поднял разговор о книжке Вагинова, которую АА только что читала для себя и для него – вслух. <…> Шли и всю дорогу говорили (с ней. – *Н.В.*) о книжке Вагинова, которую АА считает плохой – и нисколько не талантливой, и эпигонской» (24 марта 1926 г.); «Шенгели стихи Вагинова не понравились» (8 апр. 1926 г.); «Продолжали поднятый разговор о Вагинове. АА достала его книжку и достала "Cor Ardens”. В книжке Вагинова АА подчеркнуты и отмечены некоторые места. Одно АА. демонстрировала мне: "Из жаловидных слов змеей струятся строки". Сравнила его с триптихом "Мирты" Вячеслава Иванова (второй том "Cor Ardens". Совершенно та же тональность, а влияние подтверждается одинаковостью слов… В книжке Вагинова, говорит, АА. о ч е н ь много от В.Иванова и Мандельштама. По поводу вчерашнего доклада Пумпянского о Вагинове, в котором Пумпянский ни разу не упомянул имен В.Иванова и Мандельштама, АА пожалела, что Мандельштама так замалчивают» (8 мая 1926 г.); «Показывала в Мраморном дворце Шилейко "Звезду" № 8[1]. О стихотворении Вагинова он отозвался так: "Чувствуется урод". Это совпало с высказанным раньше мною

[1] В этом издании публиковали свои статьи в 1925 – 1926 гг. П.Н.Медведев и В.Н.Волошинов.

мнением (с ним согласилась АА), что стихотворение это (да и большинство других вагиновских) вызывает неприятное чувство и неодолимую антипатию»; «Правда, раз это так, это значит, что индивидуальность в стихотворениях Вагинова есть…» (15 окт. 1927 г.).

К.К.Вагинов, в свою очередь, был в курсе филологических интересов П.Н.Лукницкого, готовившего материалы (по некоторым данным, это была его выпускная работа в Ленинградском университете) о жизни и творчестве Н.С.Гумилева[1]: «Уже давно Миша Котиков подумывал о том, чтобы отправить собранные им материалы в Тихое Убежище[2], но сегодня, вернувшись от Екатерины Ивановны, решил окончательно»; «До глубокой ночи он в хронологическом порядке складывал карточки и перевязывал их бечевками. <…> Когда все было перевязано, остались дублеты, Михаил Петрович придвинул лампу и на фоне пакетов перечел: "1908 г., мая 15-го. Среда. В 3 часа дня. Александр Петрович обедал в Европейской гостинице. В 5 часов дня из Европейской гостиницы Александр Петрович отправился в Гостиный двор с Евгенией Семеновной Слепцовой (балерина). Купил ей лайковые перчатки, кольцо с сапфиром"»; «"Сейчас (1925 г., 5 января, 6 ч. дня) Слепцова хорошо сохранившаяся брюнетка. Груди у нее небольшие, плечи шире бедер, ноги, как у всех балетных, мускулистые. По собранным сведениям, в свое время она была удивительна. Из ее слов я мог заключить, что А.П. отличался необыкновенной мужской силой. Из ее слов я также мог заключить, что из Гостиного двора А.П. поехал к ней". <…>»[3]. Попутно романист иронизирует и над лирикой приятеля: «Вчера он получил бронзовую настольную медаль от Тихого Убежища. Вот и всё воздаяние за шестилетние труды! А стихи его разве печатают! Все только смеются. Правда, он член Союза Поэтов, но какие же там поэты! Как только начнешь читать стихи, говорят: "Это не вы, а Александр Петрович"»[4].

Интересно, что К.К.Вагинов посещал в 1921 г. литературную студию Н.С.Гумилева, где и познакомился со своей будущей женой – А.И.Федоровой[5]. Известна коллективная фотография, на которой запечатлен мэтр

---

[1] Примечательно, что в подаренном К.К.Вагиновым своему товарищу экземпляре книги «Стихотворения» было вписано: «Павлу Николаевичу Лукницкому, хранителю храма Гумилева. Вагинов. 26/III 26» (см.: Лукницкий П.Н. Дневник 1928 года… С. 395, прим. 39).

[2] Имеется в виду Пушкинский Дом. Однако, по иронии судьбы, собранные П.Н.Лукницким материалы едва не осели навечно в архиве другой организации, поскольку 22 июня 1929 г. он был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности, выразившейся в факте хранения архива врага народа Николая Гумилева» (см.: Лукницкий С.П. «Дело» Гумилева. М., 1997. С. 5).

[3] Вагинов К. К. Козлиная песнь… С. 137.

[4] Там же. С. 140.

[5] См.: Ненаписанные воспоминания: Интервью с Александрой Ивановной Вагиновой / Публ. С.Кибальника // Волга. 1992. № 7/8. С. 146 – 147; Галина М.С. Вагинов Константин Константинович // Русские писатели 20 века: Биогр. словарь. М., 2000. С. 132.

в окружении 14 студийцев; среди них Г.Иванов, И.Одоевцева, сестры Наппельбаум, К.К.Вагинов, А.И.Федорова… Последняя, рассказывая о близких знакомых мужа, вспоминает: «Дружен был К.К. и с М.М.Бахтиным. Тот был такой умный, что я не смела сказать с ним двух слов. А К.К. много разговаривал с Бахтиным. Мы бывали у него чуть ли не каждый день. <…> У Бахтина была очень молодая жена Леночка, совсем еще девочка. Помните, у К.К. такие строки: "На узких полках книги <…>". Это Бахтин и Леночка»[1]. О реакции вагиновского окружения на роман «Козлиная песнь» мемуаристка сообщает: «…некоторые действительно обиделись. Больше всех, конечно, Л.В.Пумпянский. Узнав себя в Тептелкине, он возмутился и в письме к К.К. требовал уничтожить книгу. Но вот Мария Вениаминовна Юдина, которая была дружна с ним с детства, убеждала его в том, что он совершенно напрасно обижается на К.К. Однако тот ее не послушал, поссорился на этой почве с Бахтиным, а К.К. возненавидел и прервал с ним всякие отношения. Он считал, что К.К. поступил с ним подло. При встречах Пумпянский отворачивался…»; «Летом он одно время, совсем как Тептелкин, жил на даче с башней в Петергофе, и мы с К.К. там его навещали. С Юдиной он дружил с детства и все-таки из-за этого с ней поссорился. Слегка обиделись, конечно, и Всеволод Рождественский (Троицын), и Павел Лукницкий (в "Козлиной песни" Миша Котиков)…»[2].

В иной тональности П.Н.Лукницкий пишет о М.В.Юдиной: «Вечер у Спасских. Вечер оказался лучше, чем я думал, потому что хорошо играла на рояле Юдина, и музыка, которой я давно не слышал, дала мне несколько минут гармонического существования. А в первом отделении читали прозу и стихи – Федин, М.Кузмин, Б.Лившиц, К.Вагинов, С.Спасский и Н.Баршев» (10 мая 1926 г.). Имеется в его дневниках и упоминание о друге В.Н.Волошинова поэте Б.М.Зубакине[3]: «20-го или 21-го АА получила из Москвы почтой сборник стихов московского Союза поэтов и приглашение дать свои стихи для следующего выпуска. Сборник АА прочитала весь, в тот же день, и мнение ее о стихах этих – очень плохое: стихи безвкусны, неграмотны, просто плохи, а некоторые – отвратны (Зубакина, Чичерина, например). Асеева – одно неплохое, другое – дрянь» (31 мая 1926 г.).

И, хотя имя М.М.Бахтина в записях П.Н.Лукницкого не встречается, незримое присутствие ученого в указанном «хронотопе» все же ощутимо, ср.: «**Д<**увакин>: Вот в этих кружках, значит, там что же – просто так собирались и читали стихи? – **Б<**ахтин>: Читали стихи. Ну как же – у Павла Николаевича пили чай, иногда и вино пили, закусывали и так далее. – **Д.**:

[1] Ненаписанные воспоминания… С. 152.

[2] Там же. С. 153.

[3] См. о нем: Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994.

А доклады читали? – **Б**.: Иногда и доклады читали? – **Д**.: Вы там что делали? Стихи читали? – **Б**.: Я там – нет, я там больше был в качестве… У Павла Николаевича Медведева – там докладов мало читали. Там читали стихи и прозаики читали свои рассказы. А потом беседовали. – **Д**.: И Вы просто принимали в обсуждении… – **Б**.: Я принимал участие, только, и очень мало говорил, я больше слушал. Вот у Ругевича – там я был более активен»[1].

В.Н.Волошинов в дневнике П.Н.Лукницкого тоже не фигурирует. Это свидетельствует, что он к тому времени отошел от прежних богемных увлечений и занялся выстраиванием научной карьеры. С другой стороны, М.М.Бахтин указывает на литературные контакты своего друга: «…между прочим, тогда же существовал тоже вроде салон – Марии Вениаминовны Юдиной, где и Всеволод Рождественский выступал, и Вагинов выступал, и… Волошинов Валентин Николаевич, вот, – поэт, который тогда печатал стихи, но потом он забросил совсем, понял, что он поэт слишком маленький и не захотел продолжать эту деятельность, тем более что он был еще и музыкант, композитор. А нужно Вам сказать, что вот в то время у Марии Вениаминовны, конечно, было много музыки. Она сама играла, иногда всю ночь напролет. Играла так, как я никогда не слышал ее в концертах!»[2]. Значит, они были менее целенаправленными и регулярными, чем у П.Н.Медведева, который активно включился в литературную жизнь старой столицы, вернувшись туда из Витебска в 1922 г.

И все же в заметках П.Н.Лукницкого нам удалось обнаружить почти случайную, «демоническую» перекличку настроений, впечатлений – его самого, Б.М.Зубакина и В.Н.Волошинова – от ленинградского «хронотопа» второй пол. 1920-х гг. Первый, возвратившись в город на Неве после пребывания в Крыму, писал: «Мертвый город, мертвые люди, от всего пахнет трупным запахом, никаких интересов нет, ни спокойствия, ни удачи. Никто в городе не улыбается, у всех задавленные взгляды, и апатия, апатия беспросветная. Люди живут по инерции, встречаются по инерции, разговаривают друг с другом по инерции – и только, чтоб не молчать, мучительно напрягаясь, вытягивая из себя слова. <…> Ни у кого никаких признаков энергии, даже на то, чтоб улучшить свои – личные дела»; «Мне все это странно и чуждо, словно этот город никогда не был родным… Все, что здесь делается – бессмысленно, и скучно, уныло, мрачно. Как-то неловко разговаривать с людьми бодрым, веселым голосом, неприлично как-то, когда все – такие замогильные. А главное – **неврастения, нервность** (здесь и далее выделено нами. – *Н.В.*)– единственная пища и воздух, питающие здесь людей, – заразны. Я чувствую, как я заражаюсь этим ядом

[1] М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. С. 208.
[2] Там же. С. 208 – 209.

нервности, которым всё, даже камни, пропитаны здесь» (1 окт. 1928 г.). Второй в 1927 г. создал стихотворение «Импровизация» – с посвящением «Валентину Волошинову»: «Танцую по ночам, / Танцую до упаду, – / Спадают по плечам / Напева водопады. // Но шепчут все вокруг, / Что им не видно пары, / Что я один сам-друг / Пляшу в ночных угарах! // Неправда! В час ночной / Под звуки роковые – / Вальсирует со мной / Моя **Неврастения**! // <…> // О странный этот пляс / И жуткий, и привычный, / Что сочетает нас – / Тоской сонамбуличной!.. // <…> // Вновь "Лебедь Лада" – Русь, / Вновь первый всклекот чувства, – / Вскружусь за ней, – взметнусь, – / Но оглянусь… все пусто»[1]. Ср. также фрагмент «Сюиты – пушкинской», датированной Б.М.Зубакиным «22 авг. 1928. Берег Невы»: «IV. Немытой Мойки вновь канал / С угрюмой четкою решеткой… / Не Пушкина ли доконал / Весь этот город? Дом двенадцать, / Где шторы спущены всегда; / Обстала вечность, как вода, / **Тишайший дом**[2] в примолкшем шуме. / Читаю надпись: "Пушкин умер / Вот в этом доме". То, что жил / Он в этом доме, мир забыл»[3].

Таким образом, устные воспоминания М.М.Бахтина (1973 г.) и дневники П.Н.Лукницкого (1924 – 1928 гг.) соотносятся по «принципу дополнительности» в обрисовке писательской среды Ленинграда сер. 1920-х гг., а окружения обоих частично пересекаются. Заметки и письма П.Н.Лукницкого расширяют представление о спектре литературоведческих интересов друзей ученого и возвращают нас к размышлениям относительно объективности тех или иных мемуарных свидетельств о представителях «бахтинского круга».

«НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ…»*

1. Вы автор множества научных исследований о М.М.Бахтине и его трудах. Когда Вы занялись изучением М.М.Бахтина и как это случилось?

2. Расскажите, пожалуйста, об основных Ваших работах, посвященных Бахтину. В чем Вы видите свой главный вклад в изучение биографии и теоретического наследия Бахтина?

3. Что Вы думаете об уже сделанном бахтиноведами?

---

[1] Зубакин Б. Медведь на бульваре. М., 1929. С. 36 – 37; ср.: Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. соч. С. 379 – 380.

[2] Напомним о *Тихом Убежище*, т. е. Пушкинском Доме, обозначенном в романе К.К.Вагинова как филологическая idée fixe Миши Котикова – П.Н.Лукницкого.

[3] Цит по: Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. соч. С. 385.

* Ответы на вопросы анкеты об изучении биографии и творчества М.М.Бахтина – для пекинского журнала «Русская литература в Китае» (30.09.04).

4. Кто из последователей или оппонентов Бахтина сделал, как Вам представляется, особенно много для усовершенствования или уточнения его концепций?

5. Как Вы оцениваете значение наследия М.М.Бахтина для мировой науки?

6. Ваши творческие планы?

1. Я родился в Саранске – городе, где М.М.Бахтин прожил больше, чем где бы то ни было (1936 – 1937, 1945 – 1969 гг.), работая в Мордовском педагогическом институте, позже преобразованном в университет. Здесь по-настоящему реализовался педагогический дар выдающегося ученого, были написаны многие ныне хорошо известные труды. Мой отец, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей СССР (России) Л.Г.Васильев (1924 – 2002) трудился вместе с Бахтиным на кафедре русской и зарубежной литературы, дружил с ним, часто бывал у него дома и даже опубликовал совместную с ним статью-рецензию[1], позже рассказав о личности своего старшего коллеги[2]. Лично я знаком с Бахтиным не был, поскольку в 1969 г., когда Бахтины переехали из Саранска в Москву, мне исполнилось только 14 лет. Но, начиная с 1972 г., когда я стал студентом Мордовского университета, и по сегодняшний день меня окружают десятки людей, учившихся в разные годы у Бахтина, слушавших его замечательные лекции. Среди них – его непосредственные коллеги (И.Д.Воронин, В.Б.Естифеева, В.М.Забавина, А.В.Сыркина, А.М.Куканов, С.С.Конкин и др.), аспиранты (А.В.Диалектова, Ю.Ф.Басихин) ученого, ставшие в свою очередь моими университетскими учителями… Многих из названных людей, впрочем, уже нет в живых.

Несмотря на указанные обстоятельства, мое знакомство с трудами Бахтина началось относительно поздно – лишь в период учебы в аспирантуре при Горьковском (Нижегородском) университете в 1978 – 1981 гг., когда мне в руки попал только что изданный сборник бахтинских работ[3]. Как исследователь, а не просто читатель, я обратился к наследию ученого в 1983 г. под влиянием профессора С.С.Конкина, автора многих работ о М.М.Бахтине, в том числе переведенной на китайский язык научной биографии ученого[4]. С.С.Конкин готовил к изданию первый в СССР коллективный сборник исследований о биографии и творчестве Бахтина, в связи

---

[1] Бахтин М., Васильев Л. «На рассвете» // Сов. Мордовия. 1959. 17 мая.

[2] См., в частности: Васильев Л.Г. Таким я его помню… // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1994. № 4. С. 114 – 115.

[3] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1979.

[4] Отмечу и такой интересный для китайского читателя факт: в нач. 1950-х гг., в период развития контактов СССР и Китая, Бахтин предложил коллегам по кафедре разработать спецкурс по китайской литературе и лично составил его проспект для преподавателя В.Б.Естифеевой. См., в частности: М.М.Бахтин: Эстетическое наследие и современность: В 2 ч. Саранск, 1992. Ч. 1. С. 5 – 12.

с чем предложил мне проанализировать лингвистические идеи ученого, разбросанные по его многочисленным книгам, статьям и заметкам. Результатом этого стала моя первая бахтиноведческая публикация, с которой начался долговременный интерес к наследию, биографии и окружению ученого. С тех пор у меня вышло более 40 работ, посвященных бахтинской теме, из которых теперь можно составить целую книгу…

2. Мои научные интересы в сфере бахтиноведения концентрировались по нескольким направлениям: а) лингвистические идеи Бахтина; б) вопрос об авторстве «спорных текстов», в) биография и научное наследие Бахтина; г) жизнь и творчество его друга и соавтора – В.Н.Волошинова; д) культурологическое осмысление феномена Бахтина. В каждом случае я стремился, по возможности, сказать что-то новое об ученом, расширить представления о его творчестве, методологии, эпохе, в которую он жил. Как исследователю мне всегда были интересны непроторенные пути в науке, подчас не привлекающие внимание других специалистов и даже противоречащие устоявшимся положениям, которые на деле нередко оказываются догматически ущербными…

В цикле статей о лингвистических взглядах ученого[1] я ставил задачу привлечь внимание к Бахтину как оригинальному языковеду (речь идет об авторизованных трудах мыслителя, а не о работах, вышедших под именем В.Н.Волошинова), несмотря на сложившиеся в тот момент мнения о нем только как философе и литературоведе. Среди наиболее перспективных идей Бахтина такого рода, потенциал которых современной филологией до конца не исчерпан (!), я выделяю мысль о языковой (инвариантной) природе любого жанра речи, – что позволяет расширить состав традиционно вычленяемых единиц языка (фонема, морфема, лексема, интонема, словообразовательная и грамматическая парадигмы, структурная схема предложения, представления о стилях речи) за счет жанровой модели речи, инварианта построения высказываний – от примитивных этикетно-знаковых форм до масштабных художественных произведений[2]. Поэтому есть все возможности для становления особой филологической дисциплины – жанрологии. Не менее перспективна идея Бахтина о металингвистическом подходе к осмыслению речевых фактов, но она требует критической доработки и экстраполяции на типологически разнородные тексты,

---

[1] Васильев Н.Л. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина. Саранск, 1985. С. 85 – 104; Он же. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 45 – 52; Он же. Лингвистические идеи М.М.Бахтина и их значение для развития филологических наук // М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. III Саранских международных бахтинских чтений: В 2 ч. Саранск, 1995. Ч. 1. С. 12 – 13.

[2] См. также: Васильев Н.Л. Жанр и языковая компетентность // Проблемы оптимизации речевого общения. Саранск, 1989. С. 115 – 118.

не только художественные (прозаические или поэтические), но и научные, публицистические, разговорные… К сожалению, серьезных работ, развивающих и обогащающих бахтинские наблюдения в этом плане, нет. Рецепция (мета)лингвистических идей Бахтина сводится у большинства исследователей к их описанию, популяризации, без попыток аналитического диалога с ученым, хотя после его смерти прошло уже около 30 лет и наши научные знания значительно пополнились новыми фактами, работами, именами…

После публикации в 1973 г. известной работы В.В.Иванова, в которой сенсационно заявлялось о причастности Бахтина к написанию ряда книг и статей, напечатанных под именами В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева, в СССР и за рубежом Бахтину начали приписывать книги «Фрейдизм» (1927), «Формальный метод в литературоведении» (1928), «Марксизм и философия языка» (1929), а также некоторые другие труды его ближайших друзей. Это привело к тому, что указанные сочинения стали переиздаваться и переводиться под именем Бахтина, а титульные авторы книг – рассматриваться как подставные фигуры в какой-то своеобразной игре Бахтина и его «круга» с современниками и текущими жизненными обстоятельствами. (Лишь отдельные западные ученые возражали против безоговорочного приписывания Бахтину чужих работ.) В этих условиях появилась моя работа[1], в которой рассматривался весь комплекс вопросов, связанных с проблемой авторства «спорных текстов» и делался аргументированный вывод о том, что по разного рода соображениям (от собственно биографических, научно-текстологических до этических) мы не вправе говорить только о бахтинском авторстве некоторых из указанных работ, несмотря на содержательную и нередко стилистическую близость их с корпусом трудов самого ученого. Статья вызвала немало откликов, породив многолетнюю – открытую или имплицитную – дискуссию по этому поводу. Если в момент публикации указанной работы мнение о научной самостоятельности Волошинова и Медведева прозвучало вразрез с традиционными высказываниями на этот счет, то теперь большинство ученых – в России и за рубежом – предпочитают осторожно говорить о степени авторского участия Бахтина в работах, вышедших под фамилиями Волошинова и Медведева. Этой интригующей проблемы я касался в ряде других статей и выступлений, в том числе на Международной Бахтинской конференции в Бразилии[2].

---

[1] Васильев Н.Л. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43.

[2] Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и В.Н.Волошинов // The Seventh international Bakhtin conference: June 26 – 30, 1995. M., 1995. Book II. P. 396 – 400; Он же. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 530 – 541; Он же. Бахтин и его соавторы: История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинисти-

Особую пикантность вопросу об авторстве спорных текстов придает то обстоятельство, что у Бахтина есть бесспорная соавторская публикация, написанная им вместе с моим отцом; черновики статьи хранятся в моем архиве[1]. Изучение процесса совместной работы двух ученых дает богатую пищу для размышления относительно возможных методов соавторства Бахтина с Волошиновым и Медведевым.

Интересовали меня и некоторые детали биографии Бахтина, в частности связанные с саранским периодом его жизни, преподавательская, научная и административная деятельность ученого в Мордовском пединституте (университете)[2]. Мне удалось, в частности, систематизировать документы, раскрывающие роль Бахтина как научного наставника аспирантов, выявить ранее не известные исследовательские интересы ученого в этом аспекте; обратить внимание на такие проявления его речевой деятельности, как отзывы о трудах саранских исследователей, автографы на подаренных им коллегам и ученикам книгах[3].

Особо я выделил бы свои публикации, посвященные биографии, творчеству и окружению В.Н.Волошинова (1895 – 1936), положившие начало научной реабилитации этой фигуры как незаурядного молодого ученого, безвременно ушедшего из жизни, вследствие болезни[4]. Они развея-

---

ке // Лит. Россия. 2003. № 29 (18 июля). С. 13 – 14; Он же. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С. 121 – 129; Он же. XI Международная Бахтинская конференция (г. Куритиба, Бразилия. 21 – 25 июля 2003 г.) // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 1 (34). С. 247 – 254; Он же. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference: Curitiba, Parana, Brasil, July, 21 – 25 / Ed. C.-A.Faraco. Universidade Federal do Parana, 2004. P. 744 – 751 (CD).

[1] См. об этом: Васильев Н.Л. Об одном опыте соавторства М.М.Бахтина // История, образование и культура народов Среднего Поволжья. Саранск, 1997. С. 228 – 229; Он же. «На рассвете» [о рец. М.М.Бахтина и Л.Г.Васильева на пьесу Г.Я.Меркушкина] // М.М.Бахтин в Саранске. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 86 – 87.

[2] См., напр.: Васильев Н.Л. Комментарий к комментариям биографов М.М.Бах-тина // ДКХ. 1995. № 4. С. 157 – 170; Он же. М.М.Бахтин как школьный учитель // ДКХ. 1996. № 2. С. 73 – 77; Он же. Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения // Бахтинские чтения: III: (Материалы Междунар. науч. конф. Витебск, 23 – 25 июня 1998 г.). Витебск, 1998. С. 68 – 74; Он же. М.М.Бахтин как вузовский преподаватель // ДКХ. 2000. № 1. С. 45 – 52; Он же. М.Горький и круг М.Бахтина: точки пересечения // Максим Горький на пороге XXI ст.: Горьковские чтения 1998: Материалы Междунар. конф.: В 2 т. Н.Новгород, 2000. Т. II. С. 73 – 75; Он же. М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 – 1950-е гг.). Саранск, 2001. С. 20 – 22.

[3] См.: Васильев Н.Л. М.М.Бахтин и его аспиранты // ДКХ. 1998. № 4. С. 53 – 68; Он же. Саранские «тексты» М.М.Бахтина // Невельский сборник. Вып. 8. СПб., 2003. С. 86 – 92.

[4] Васильев Н.Л. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 5 – 22; Он же. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. № 2. С. 31 – 69.

ли миф о якобы научной несостоятельности Волошинова как лингвиста, литературоведа и философа (круг его интересов долгое время определяли формулой «поэт и композитор»), утвердив теперь уже общепризнанные представления о нем как об оригинальном филологе конца 1920-х гг., чья научная мысль подпитывалась не столько общением с Бахтиным, сколько научной средой Ленинграда, в которой Волошинов рос как студент, а затем научный сотрудник, аспирант (ИЛЯЗВ) и преподаватель высших учебных заведений. Теперь известно, что Волошинов, имевший к моменту невельско-витебского знакомства с Бахтиным статус бывшего студента-юриста, спустя десять лет стал дипломированным филологом (вероятно, с кандидатской степенью), работавшим в качестве доцента и профессора в ведущих педагогических учреждениях Ленинграда. Установление этих фактов явилось решающим доводом в полемике относительно авторства «спорных текстов» в пользу более осторожного, взвешенного и ответственного разговора о мере причастности Бахтина к их созданию и, соответственно, в ином свете представило его ближайшее окружение и те каналы, по которым он мог оперативно получать регулярную квалифицированную информацию о становлении молодой советской филологии в ленинградских научных и учебных заведениях (ЛГУ, ИЛЯЗВ, Яфетический институт, ЛГПИ и др.).

Интересуют меня и некоторые парадоксальные аспекты возникновения бахтинского феномена, необычайной популярности бахтинских идей, текстов, развития интереса к судьбе, личности и творчеству русского ученого[1]. Последнее я объясняю не только привлекательностью методологии Бахтина, необычностью его судьбы, но и резонирующим совпадением наших, в России, смутных представлений о реальности нач. XX в., скрывавшейся от нас по идеологическим причинам в советское время, с эпохой Перестройки, снявшей преграды для осмысления прошлого…

3. За последние 20 – 30 лет в мировой науке сложилась, по существу, беспрецедентная отрасль гуманитарного знания, которую именуют «индустрией Бахтина», *бахтинологией, бахтиноведением, бахтинистикой*. Существуют специализированные издания, посвященные этой теме, обширные библиографии; проводятся регулярные научные конференции, симпозиумы. Количество работ по данной проблематике растет быстрыми темпами, вербуя новых адептов в разных странах мира. Подобное научное явление требует особого культурологического осмысления. Результатом мощного становления «бахтинской индустрии» стало выявление разнооб-

[1] См., напр.: Васильев Н.Л. Бахтинизм как историко-культурный феномен // Бахтин и время: Тез. докл. IV Бахтинских чтений. Саранск, 1998. С. 10 – 12; Он же. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени // Невельский сборник. Вып. 9. СПб., 2004. С. 62 – 67.

разных деталей биографии самого ученого и его близких друзей – П.Н.Медведева и В.Н.Волошинова, переиздание и осмысление научного наследия «бахтинского круга» филологов и философов, а также – что, на мой взгляд, особенно важно – расширение представлений о времени, обстоятельствах, в которых проходило взросление Бахтина как ученого, т. е. о многих ныне забытых культурных реалиях 1910 – 1920-х гг., восстановление «генетической памяти», утерянной в России в пору господства прежней идеологии.

4. У Бахтина пока нет и, как мне кажется, не может быть настоящих последователей, поскольку его научная методология, если брать в первую очередь идеи о «полифонии» романов Ф.М.Достоевского или карнавальном начале прозы Ф.Рабле, весьма специфична – ориентирована на трактовку конкретных произведений конкретных авторов в конкретных исторических, идеологических и эстетических условиях. Она не носит универсального характера, и поэтому механическое перенесение указанных категорий (*полифония, карнавальность* и др.) приводит к вульгаризации бахтинских идей и самой науки, появлению многочисленных эпигонов Бахтина, – но не самостоятельных исследователей, действительно достойных того, чтобы именоваться «последователями» ученого. В этом плане мне, скорее, ближе те, кого можно было бы назвать оппонентами Бахтина, – т. е. литературоведы, лингвисты, философы, культурологи, подобно, например, В.М.Жирмунскому, Г.М.Фридлендеру, критично рассматривавшие отдельные научные построения Бахтина, вступавшие с ним в полноценный исследовательский диалог. Думаю, что «усовершенствование или уточнение» концепций Бахтина еще только начинается… И результатом этого должно стать зрелое восприятие трудов ученого – как яркого, но не бесспорного Слова в извечном Диалоге о природе художественного творчества, языка и его социальной обусловленности. Так, собственно, представлялся научный дискурс и самому Бахтину!

5. Значение работ Бахтина для мировой науки состоит прежде всего в том, что идеи ученого стимулировали развитие филологии в качестве комплексной гуманитарной дисциплины, включающей в себя такие составляющие, как теория и история литературы, лингвистика и «философия языка», социология художественного творчества и др. Они носили смелый новаторский характер, основанный на мощной предшествующей научной традиции, сложившейся в России и Западной Европе в конце XIX – нач. XX в. Не всегда являясь универсальными, эти идеи тем не менее продолжают провоцировать исследователей на выявление новых научных горизонтов.

6. По своим научным интересам я прежде всего являюсь исследователем истории русской классической литературы и ее языка. В этом аспекте для меня сейчас актуальны, например, такие замыслы, как написание мо-

нографии о языке А.С.Пушкина или создание научной биографии его современника поэта А.И.Полежаева. Что же касается творческих планов относительно дальнейшего изучения наследия Бахтина и его окружения, то ближайшие из них – подготовка статьи по теме моего выступления на Невельских Бахтинских чтениях, состоявшихся в 2004 г. («Заметки об авторстве "спорных текстов", вышедших из круга М.М.Бахтина») и тезисов доклада («К текстологии книги В.Н.Волошинова "Марксизм и философия языка"») для XII Международной Бахтинской конференции, которая должна пройти в 2005 г. в Финляндии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Обсуждение многих проблемных вопросов творчества и биографии М.М.Бахтина, как и изучение его окружения, продолжается. Несомненно, со временем появятся новые данные, гипотезы, интерпретации в этом плане.

В нашей книге, составленной главным образом из ранее опубликованных работ автора, отразились далеко не все интригующие факты, касающиеся судеб и произведений участников «бахтинского круга».

Так, недавно стало известно об одном из писем В.Н.Волошинова, проясняющем грустную картину последних лет его жизни и причину резкого снижения научной активности: «…здешний невропатолог запретил мне не только все существующие развлечения для больных: концерты, кино и т. п., но даже чтение книг не только научных, но и беллетристики!!! Дальше, кажется, и идти некуда! <…> Вынужденное безделье страшно угнетает. <…> Единственное утешение – прогулки. Гуляю по три раза в день» (19 окт. 1935 г.)[1]. Написано оно в туберкулезном санатории под Ленинградом и адресовано коренной петербурженке, журналистке, поэтессе Т.И.Немчиновой (1890 – 1974), дочери литератора И.И.Ясинского[2]. В 1931 – 1934 гг. она работала в библиотеке ИРЛИ (Пушкинского дома), а в 1935 – 1936 гг. являлась заместителем директора по учебной части ЛИПКРИ, где трудился в последние годы жизни В.Н.Волошинов[3].

Обнародованы новые сведения об ордене розенкрейцеров, с которым был связан В.Н.Волошинов через посредство Б.М.Зубакина (1894 – 1938)[4]. Эта духовная община «квазирозенкрейцеровского» характера возникла в нач. 1910-х гг. Позиционировали себя участники «братства» в качестве сотрудников и выпускников закрытого Международного философского института L.A. Сам В.Н.Волошинов, в первые годы после Октябрьской рево-

---

[1] Цит. по: Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М.Бахтина. М., 2010. С. 466 (прим. № 19).

[2] См., в частности: Курганова О.Е., Михеева Г.В. Немчинова Татьяна Иеронимовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биогр. слов.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2 С. 459 – 462; Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905 – 2005. СПб., 2005. С. 494.

[3] К сожалению, до сих пор для научной общественности недоступны подготовленные в 1995 г. Д.А.Юновым к печати «неопубликованные стихотворения», «письма и дневники» В.Н.Волошинова, хранившиеся в архиве его сына – Б.В.Волошинова, которые должны были войти во второй том собрания сочинений ученого (см.: Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 4).

[4] См.: Дело “Lux Astralis” // Розенкрейцеры в советской России: Документы 1922 – 1937 гг. / Публ., вступ. ст., коммент., указ. А.Л.Никитина. М., 2004. С. 368 – 420.

люции еще продолжавший увлекаться такой деятельностью и даже подписывавший соответствующие дипломы «за ректора-президента» этой мистической организации[1], позже отошел от нее.

Из показаний Б.М.Зубакина, в частности, известно следующее: «С товарищами по гимназии и сверстниками, из которых стоит упомянуть Владимирова и Волошинова, мы организовали кружок и назвались "рыцарями духа", рыцарями "LA" – "Света (Lux) Звезд (Astralis)". Это был 1911 год»; «Мы в количестве 5 человек (Владимиров, Волошинов, я – Зубакин, мать Волошинова, моя – тогда еще невеста, а потом первая жена Евгений Розанова) часто собирались вместе и вместе молились. Я старался инсценировать по книгам и воображению старинные ритуалы; мы дали обеты жить вместе и постараться встретиться в вечной жизни»; «Собрания наши мы держали в тайне, боясь любопытствующих и смеющихся»; «В этом же [1914] году я познакомился с поэтессой Надеждой Богдановой, которая, узнав о нашем юношеском кружке, пожелала, чтобы я возобновил встречи с Волошиновым, и стала членом кружка»; «К нам примкнул д[октор] Злобин, быв[ший] репетитор Волошинова <…>, мой гимназический учитель А.Ал.Попов <…>, приятель Волошинова – Георгий Ченцов <…>», «…я <…> и Волошинов читали лекции по философии мистики и по каббале»; «Мы мечтали съехаться у меня в Озерках по Финляндской ж. д. и жить общежитием»; «К нам примкнул мой отец – Михаил Зубакин»; «…в 1916 г. я уехал на фронт <…> Все дело дорогого мне кружка осталось на Волошинове. <…> Волошинов же кружка не расширил, но утерял из него мою жену, не пожелавшую больше учиться вместе с ним»; «Почти всю мою бытность на военной службе я провел в г. Невеле <…>»; «Все мы – поэты. <…> я – поэт, Валентин Волошинов – поэт, <…> мать Волошинова – поэтесса, моя первая жена – поэтесса <…>»; «До мая 1918 г. мы с Волошиновым встречались урывками»; «…замученный безденежьем, голодом, потерей жены и ребенка <…> я уехал в Невель по призыву моей приятельницы <…> Валентины Васильевны Коршун-Осмоловской <…>»; «…она предложила мне уехать в глушь, в деревню, к ее знакомой хуторянке Вербицкой, которая за незначительное содержание готова была меня прокормить»; «К пасхе 1919 г. я списался с Валентином Волошиновым. Узнав, что он почти умирает с голоду, я выписал его к себе в деревню (станция Изоча, Московско-Винницко-Рыбинской ж. д., Чупровская волость, сельцо Михайловщина, хутор Затишье <…>)»; «Соседом по хутору Вербицкой оказался Владимир Ругевич, мой и Волошинова знакомец по гимназии. Он проживал в небольшом (35 десятин) именьице своей матери "Отрадное" <…> В глуши мы быстро сошлись. Стали заниматься упражнениями в дыхании и теорией оккультизма. Ругевич приютил у себя в до-

[1] Там же. С. 373.

ме Волошинова и его мать»; «Жили мы с патриархальной и апостольской простотой и красотой, с пением, музыкой (Волошинов к тому же композитор <…>). Писали поэмы. С нами были мудрые книги. Идиллия длилась до июля 1920 г.»; «С моим отъездом все наше "рыцарство духа" расклеилось. <…> Валентин Волошинов женился и ехал к жене в Витебск. За ним последовала и его мать. Ругевич переехал служить в Невель»; «С 1914 – 16 гг. я учился у мистического философа Кордига, жившего в Финляндии. Несколько моих школьных товарищей примкнуло ко мне, и в 1913 г. я организовал философско-мистический кружок. <…> В этот кружок входили помимо меня: 1) Валентин Волошинов, живет в Ленинграде <…> 6) мать Волошинова – Лидия Валерьяновна <…>»; «Свои материалы и беседы по мистической философии я даю моему секретарю Цветаевой Анастасии Ивановне»; «Какая была деятельность братства и цель его? Целью было создать общежитие либо в сельской местности, либо в двух соединенных вместе квартирах, создать – духовную общину <…>. Жить и молиться вместе. Это было в миниатюре осуществлено в 1913, [19]14, [19]15, [19]16, [19]17 в Озерках и на квартире Волошинова в Ленинградской церкви [?]»[1]. Эти следственные показания Б.М.Зубакина, данные в разные годы (янв. 1923, авг. 1929, март 1937), позволяют уточнить важные детали биографии В.Н.Волошинова и задают новые вопросы: в частности, как последнему удалось избежать преследований со стороны ОГПУ, НКВД.

В 1949 г. органами МГБ[2] Мордовской АССР был арестован и вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах во «внутренней тюрьме» некто Н.А.Гаевский (1893 – 1949), сообщивший ранее на допросе 9 сент. 1937 г.: «С 1933 г. я состою членом контрреволюционной мистической нелегальной организации "Орден розенкрейцеров" или, как мы называли ее между собой по-латыни, "Lux Astralis"»; «Обнаруженные у меня при обыске медный крест и рукописи переданы мне на хранение в предвидении возможного ареста Цветаевой и Зубакина, привлекавшихся уже один раз за нелегальную мистическую деятельность <…>. Найденная у меня при обыске иконка передана мне А.И.Цветаевой, как дар Зубакина»; «Рукописи Цветаевой представляют собой изречения и высказывания Зубакина, записанные ею несколько лет тому назад» (С. 388); «ВОПРОС: Нами обнаружен пакетик земли с надписью: "Земля от гроба Ин´а". Кто такой "Ин"? – ОТВЕТ: "Ин" – мистическая кличка умершего в Ленинграде писателя Валентина Волошинова. Волошинов умер весной 1936 г. Зубакин и Цветаева ездили в Ленинград на его похороны»[3].

---

[1] См.: Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 105 – 125; Дело “Lux Astralis”. С. 376 – 382, 385, 409.

[2] Министерство государственной безопасности.

[3] См.: Дело “Lux Astralis”. С. 391

Косвенно примыкал к розенкрейцерам и еще один человек из окружения М.М.Бахтина – уже упоминавшийся «инженер Лентрамвая» В.З.Ругевич (1894 – 1937), приговоренный к высшей мере наказания «за участие в фашистско-масонской организации, филиале к/р (контрреволюционной. – *Н.В.*) религиозно-масонской организации "Орден розенкрейцеров"»[1]. Вместе с женой (А.С.Ругевич) он фигурировал в числе «ближайших друзей», участников домашних литературных, философских, религиозных дискуссий, в показаниях М.М.Бахтина в 1928 г. по делу о «Воскресении»[2]; какое-то время Бахтины проживали в Ленинграде на квартире Ругевичей[3].

Появилось первое в строгом смысле лингвостатистическое (на основе анализа частоты употребительности 25 предлогов) исследование авторства «спорных текстов», вышедших из бахтинского круга[4]. Несмотря на специфичность методологии и терминологии указанной работы, выводы новосибирских ученых заслуживают пристального внимания: «…тексты М.М.Бахтина "Творчество Франсуа Рабле и народная культуры средневековья и Ренессанса" и "Формы времени и хронотопа" – это фактически один и тот же текст, с точки зрения математической статистики, так как ТМВ[5] меньше единицы. <…> 0,41. Следующим по этому коэффициенту идет текст М.М.Бахтина "Творчество Достоевского" (ТМВ = 0,52). <…> эти тексты принадлежат одной генеральной совокупности. <…> это означает, что тексты статистически не различаются и, скорее всего, принадлежат одному автору»; «Этот же критерий может показать, что два произведения статистически различаются. <…> Взято два текста В.Н.Волошинова и один текст Медведева: Волошинов "Статьи" <…>, ТМВ = 1,37; Волошинов "Марксизм и философия языка", ТМВ – 1,42. Величины ТМВ показывают, что тексты Бахтина и Волошинова не принадлежат одной и той же генеральной совокупности. Это означает, что тексты написаны разными авторами»; «Несколько более похож на текст Бахтина <…> "Формальный метод в литературоведении" – ТМВ = 1,18. В то же время величина ТМВ больше единицы. Это говорит о том, что это статистически разные тек-

---

[1] Там же. С. 374.

[2] См.: Савкин И.А. Дело о Воскресении // М.М.Бахтин и философская культура XX века: В 2 ч. СПб, 1991. Ч. 2. С. 110 – 111; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 182 – 183.

[3] См.: Немировский А.И., Уколова В.И. Указ. соч. С. 410. М.М.Бахтина и В.З.Ругевича вместе с их супругами можно увидеть на двух коллективных фотографиях 1925 г. в Петергофе (см., напр.: М.М.Бахтин: Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002).

[4] См.: Тамбовцев Ю.А., Тамбовцева Л.А., Тамбовцева Ю.Ю. Литературная криминалистика: авторство или плагиат? // Acta Linguistica. 2011. Vol. 5. № 1. С. 3 – 27.

[5] ТМВ – «…коэффициент Тамбовцева, показывает схожесть между авторами. <…> это отношение эмпирического значения "хи-квадрата" к табличному его значению при уровне значимости 5 % и соответствующем числе степеней свободы» (Указ. соч. С. 5).

сты»; «В то же время <…> "Формальный метод в литературоведении" очень похож (ТМВ = 0,89) на <…> "Марксизм и философия языка"»; «Тексты Бахтина с одной стороны и Волошинова и Медведева с другой стороны статистически различны»; «Тексты, подписанные Волошиновым или Медведевым, отличаются от текстов Бахтина достаточно сильно <…>»[1]. К сожалению, исследователи не произвели соответствующие подсчеты в отношении монографии В.Н.Волошинова «Фрейдизм».

Важной в плане дальнейшего изучения рецепции книги «Марксизм и философия языка» в советской филологии является публикация дипломного сочинения «Понятие языка в марксистском освещении» (1930 г.) Т.П.Ломтева (1906 – 1972), в то время выпускника Воронежского университета[2]. Эта работа, представленная автором для поступления в аспирантуру НИИ языка и литературы, была отрецензирована Г.К.Даниловым (1896 – 1937), с которым Т.П.Ломтев позже сотрудничал в московском НИИ языкознания и входил в группу «Языкфронт». Из исследования Т.П.Ломтева, в частности, видно, что молодой ученый знал о готовящейся к публикации в журнале «Русский язык в советской школе» рецензии на волошиновскую книгу небезызвестного участника лингвистических «погромов» марриста В.Б.Аптекаря (1899 – 1937)[3], по каким-то причинам не появившейся в печати (скорее всего, вследствие того, что там уже была помещена рецензия Р.О.Шор).

Обнаружена, републикована и прокомментирована как предположительно бахтинская небольшая статья «Новый роман Г.Дж.Уэллса», напечатанная в рубрике «По издательствам» за подписью *М.Б.* в «Литературном обозрении» (1937. № 13, от 10 июля), издававшемся под редакцией М.М.Розенталя при журнале «Литературный критик», ведущим сотрудником которого в те годы являлся, кстати, Г.Лукач[4]. Речь в ней идет о подготовленном к печати в серии «Всемирная библиотека» (план на 1938 г.) русском переводе романа английского писателя «The Bulpington of Blup»

---

[1] Там же. С. 11 – 18.

[2] См.: Брандист К., Чоун Е. Дипломная работа Т.П.Ломтева // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Уфа, 2011. С. 22 – 53. О Т.П.Ломтеве см. также: Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012. С. 229 – 247.

[3] О.М.Фрейденберг вспоминала: «В Москве я познакомилась с Аптекарем. <…> Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень или местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых <…>» (см.: Борис Пастернак – Ольга Фрейденберг: Письма и воспоминания / Предисл., публ. и сост. Е.В.Пастернак, Е.Б.Пастернака, Н.В.Брагинской // Дружба народов. 1988. № 7. С. 224).

[4] См.: Панфилов А.Ю. Неизвестная статья М.М.Бахтина // Он же. Баратынский и другие: В 2 кн. М., 2012. Кн. 2. С. 98 – 130. См. также: Белая Г.А. «Литературное обозрение»; «Литературный критик» // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 4. М., 1967. Стб. 270, 319 – 320.

(1933). Если статья действительно принадлежит М.М.Бахтину, то придется признать, что он имел основания при вторичном поступлении в 1945 г. на работу в Мордовский педагогический институт указать в перечне своих трудов «мелкие статьи и рецензии в журналах и газетах»[1], не известные его биографам. И, следовательно, необходимо продолжить поиск таких публикаций ученого, учитывая, что после вынужденного отъезда в нач. июля 1937 г. из Саранска у него, к тому же «пораженного в правах» в выборе места жительства, были основания опасаться возможных репрессий и не слишком афишировать свое имя[2].

Казус с грамматической ошибкой В.Н.Волошинова в первом издании «Марксизма и философии языка» в отношении пола Р.О.Шор (1894 – 1939)[3] получил достойное продолжение и в наше время: «…его [Г.Г.Шпета] философское учение о языке, оказавшее влияние на Р.Якобсона, Г.Винокура, Р.Шора, Б.Ярхо <…>»[4]. Как тут не вспомнить реплику Б.М.Эйхенбаума: «…надо бежать в сторону от всех этих "морфологий": пусть ими занимаются теперь Шоры, Шпеты <…>» (письмо В.Б.Шкловскому, 22 марта 1927 г.)[5].

Наконец, автора этих строк, не раз сочувственно писавшего о личности и трудах В.Н.Волошинова, в философских кругах стали ассоциировать с сыном покойного ученого (по аналогии с Ю.П.Медведевым, долгие годы защищающим добрую репутацию своего отца), – заодно включив «невельскую философскую школу» в репрессивный контекст[6].

Как видим, история «бахтинистики» продолжается. И последнее слово в этом смысле еще не сказано!..

---

[1] См.: Архив Мордовского университета. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

[2] См., в частности: Лаптун В.И. М.М.Бахтин в Саранске (1936 – 1937 гг.) // Родник: лит.-худож. сб. Саранск, 1991. С. 291 – 302; Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 254 – 257; Лаптун В.И., Куклин В.Н. К биографии М.М.Бахтина (по материалам следственного дела бывшего директора Мордовского пединститута Антонова А.Ф.) // Бахтинский сборник. Вып. III. М., 1997. С. 368 – 372.

[3] См. о ней, в частности: Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. С. 159 – 173.

[4] См.: Моисеев В. Шпет Густав Густавович // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 603.

[5] Цит. по: Бахтин М.М. Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 746 (комментарии Н.И.Николаева).

[6] «…сообщение Н.Л.Васильева <…>, посвященное сравнению эстетических теорий Шпета и Бахтина, в котором вдруг зазвучали совершенно иные ноты, когда исследователь завел разговор о своем отце, принадлежавшем к кругу соратников и учеников Бахтина в те годы невельской ссылки» (Ананьева Е.М. Густав Шпет и его наследие: У русских истоков структурализма и семиотики (научный обзор международной конференции) // Вопр. философии. 2008. № 8. С. 174). См. также: Густав Шпет и его философское наследие: У истоков семиотики и структурализма: коллективная монография. М., 2010. С. 504.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ АВТОРА ПО «БАХТИНСКОЙ» ТЕМАТИКЕ

1. Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М.М.Бахтина: Межвуз. сб. науч. тр. / Мордовский ун-т. Саранск, 1985. С. 85 – 104.

См.: Махлин В. Бахтин и проблемы «новой науки» // Вопр. литературы. 1987. № 8. С. 214 – 215.

2. Ценное издание // Сов. Мордовия. 1989. 20 дек. – Рец. на изд.: М.М.Бахтин: Библиогр. указ. / Сост.: Г.В.Карпунов, Л.С.Конкина, О.Е.Осовский. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1989. 96 с.

3. «Многоголосие» или «образ автора»? О двух моделях интерпретации авторского начала в художественном тексте // Проблема автора в художественной литературе: Тез. докл. регион. межвуз. науч. конф., посвященной памяти проф. Б.О.Кормана (Ижевск, 14 – 16 нояб. 1990 г.). Ижевск, 1990. С. 12 – 13.

4. М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) // Лит. обозр. 1991. № 9. С. 38 – 43.

Отклики: Медведев Ю.П. «Нас было много на челне...» // Диалог. Карнавал. Хронотоп (далее ДКХ). 1992. № 1. С. 97 – 98; Ерохин В.Н., Ружицкий И.В., Строганов М.В. Волошинов или Бахтин? (К вопросу об авторстве «Марксизма и философии языка» // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Мат. 7-ой Тверской межвуз. конф. ученых-филологов и школьных учителей. Тверь, 1993. С. 148 – 149; Осовский О.Е. Бахтин, Медведев, Волошинов: об одном из «проклятых вопросов» современного бахтиноведения // Философия М.М.Бахтина и этика современного мира. Саранск, 1992. С. 45, 54; Он же. Человек. Слово. Роман: (Научное наследие М.М.Бахтина и современность). Саранск, 1993. С. 48 – 49; Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозр. № 2 (1993). С. 74 (см. также: Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 479); Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993. С. 15, 16, 132 – 134, 137, 147 – 149, 356 – 357; Shepherd D. Introduction: (Mis)Representing Bakhtin // Bakhtin: carnival and other subjects: (Selected Papers from the Fifth International Bakhtin Conference University of Manchester, July 1991). Amsterdam – Atlanta, GA 1993. P. XXII – XXIII; Свительский В.А. Идеи М.М.Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века // М.М.Бахтин и перспективы гуманитарных наук: Материалы науч. конф. (Москва, РГГУ, 1 – 3 февр. 1993 г.). Витебск, 1994. С. 123; Конкин С.С. О М.Бахтине и его соавторах // Лит. обозр. 1995. № 2. С. 45 – 48; Иванов В.В. Об авторстве книг В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева // ДКХ. 1995. № 4. С. 34 – 39; Пешков И.В. Один вопрос вокруг двух конференций // ДКХ. 1995. № 3. С. 179; Он же. ...Mozart, или Поступок как риторика ответственности // Риторика. 1996. № 3. С. 68; Он же. М.М.Бахтин: от «<К> философии поступка» к риторике поступка. М., 1996. С. 100; Тиханов Г. (Tihanov G.).

Бахтин, Лукач и немецкий романтизм / Авториз. пер. с англ. Н.К.Бонецкой // ДКХ. 1996. № 3. С. 141; Пешков И.В. Новый органон // Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 542 – 549, 553 – 555; Coates R. Christianity in Bakhtin: God and the exiled auther. Cambridge Universitpress, 1998. С. 57 – 58; Emerson C. The first hundred years of Mikhail Bakhtin. Princeton, New Jersey, 1998. С. 60, 74; Слюсарева Н.А. Два слова о В.Н.Волошинове // ДКХ. 1998. № 4. С. 183 – 185; Алпатов В.М. Кружок М.М.Бахтина и проблемы лингвистики // ДКХ. 2000. № 2. С. 5 – 30; Пешков И.В. «Делу» – венец, или еще раз об авторстве М.Бахтина в «спорных текстах» // Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. С. 604, 608, 609, 614, 621.

5. К вопросу об авторстве книги «Марксизм и философия языка», приписываемой М.М.Бахтину // М.М.Бахтин и методология современного гуманитарного знания: Тез. докл. участников вторых саранских бахтинских чтений. 28 – 30 янв. 1991 г. Саранск, 1991. С. 43 – 45.

Отклики: Лисунова Л.М., Клюева И.В. Диалоги с мыслителем // Вестн. Мордов. ун-та. 1991. № 2. С. 11; Осовский О.Е. Бахтин, Медведев, Волошинов... С. 45, 54; Он же. Человек. Слово. Роман. С. 48 – 49.

6. Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина // М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Межвуз. сб. науч. тр. / Мордовский ун-т. Саранск, 1992. С. 45 – 52.

См.: Бароўка В.Ю. Дыялог працягваецца? // ДКХ. 1993. № 2/3. С. 190 – 191; Муратов А.Б. Изучение языка художественной литературы как методологическая проблема (о трудах В.В.Виноградова 1920-х гг.). СПб., 1999. С. 19; The Annotated Bakhtin Bibliography / Ed. C.Adlam, D.Shepherd. L.: Maney Publ., 2000. P. 305 – 306.

7. Заключение // Там же. С. 157.

8. [Вступ. заметка к ст.] Нгуен Минь Там. М.Бахтин и вьетнамское литературоведение // Вестн. Мордов. ун-та. 1993. № 1. С. 22 – 23.

9. По страницам отечественной бахтинианы: (Обзор) // Вестн. Мордов. ун-та. 1993. № 2. С. 63 – 64.

10. [Рец.] Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 3. С. 144 – 151.

Отклики: Паньков Н.А. Вопрос о родословной М.М.Бахтина: все ли так ясно? // ДКХ. 1994. № 2. С. 128; Кормилов С.И. Очерк жизни и творчества М.М.Бахтина [рец.] // Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1995. № 6. С. 188.

11. М.М.Бахтин и В.Н.Волошинов // The seventh international Bakhtin conference: June 26 – 30, 1995. M, 1995. Book II. P. 396 – 400.

Отклики: Пешков И.В. Один вопрос вокруг двух конференций // ДКХ. 1995. № 3. С. 178 – 182, 186 – 187; Бонецкая Н.К. О стиле философствования М.М.Бахтина // ДКХ. 1996. № 1. С. 44.

12. В.Н.Волошинов: Биогр. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 5 – 22.

Отклики: Паньков Н.А. Мифологема Волошинова (несколько замечаний как бы на полях архивных материалов) // ДКХ. 1995. № 2. С. 66, 69; Иванова Е. Философ в железном веке: Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы //

Независимая газ. 1996. 2 июля. С. 7; Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 83, 94, 97, 103 и др.; Фрумкина Р. Наша Geistesgeschichte в лицах и эпизодах [рец. на указанную кн. В.М.Алпатова] // Новое лит. обозр. № 73 (2005). С. 383.

13. Комментарий к комментариям биографов М.М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 157 – 170.

14. Лингвистические идеи М.М.Бахтина и их значение для развития филологических наук // М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. III Саранских международных бахтинских чтений: В 2 ч. Саранск, 1995. Ч. 1. С. 12 – 13.

См.: Бахмустов С. В третье тысячелетие – с надеждой // Изв. Мордовии. 1995. 2 нояб.

15. Ненаписанная рецензия А.И.Ромма на книгу М.М.Бахтина и В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» / Подгот. текста, публ., вступ. заметка и прим. А.Л.Беглова, Н.Л.Васильева // Philologika. [М.] 1995. Vol. 2. № 3/4. С. 199 – 218.

16. М.М.Бахтин как школьный учитель // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 2. С. 73 – 77.

17. М.М.Бахтин и его тексты // Бахтинские чтения. Вып. второй. Орел, 1997. С. 125 – 126. (В статье и оглавлении издания неправильно указан инициал отчества автора.)

18. Об одном опыте соавторства М.М.Бахтина // История, образование и культура народов Среднего Поволжья: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 13 – 15 марта 1997 г.). Саранск, 1997. С. 228 – 229.

19. М.М.Бахтин и его аспиранты // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 4. С. 53 – 68.

20. Бахтинизм как историко-культурный феномен // Бахтин и время: Тез. докл. IV Бахтинских чтений. Саранск, 1998. С. 10 – 12.

21. Бахтинские чтения в Витебске // Изв. Мордовии. 1998. 17 июля. С. 8.

22. К истории книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин М.М. <Тетралогия>. М., 1998. С. 530 – 541.

Отклики: Земляной С. Что такое эзотерический марксизм: «Золотые 20-е» в творчестве Бахтина и представителей его школы // Независимая газ. Кн. прилож «Ex libris Н.Г.». 1999. № 3 (28 янв). С. 11; Алпатов В.М. Михаил Бахтин и его комментаторы [письмо в газ.] // Независимая газ. 1998. 6 февр. С. 8; Земляной С. Еще раз об эзотерическом марксизме [письмо в газ.] // Там же. 1999. 13 февр. С. 8; Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 35 – 36 и др.

23. Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения // Бахтинские чтения: III (Материалы Междунар. науч конф. Витебск, 23 – 25 июня 1998 г.). Витебск, 1998. С. 68 – 74.

См.: Здольников В.В. Колеблемые треножники жрецов. Третьи Бахтинские чтения (Витебск. 23 – 25 июня 1998 г.) // ДКХ. 1998. № 3. С. 176 – 177, 179 – 180, 184 – 185, 191.

24. Бахтинские лекции по литературе // Изв. Мордовии. 1999. 26 нояб. С. 7. – Рец. на кн.: Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века: (В записи В.А.Мирской) / Публ., подгот. текста, предисл и коммент. И.В.Клюевой, Л.М.Лисуновой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 468 с.

25. М.М.Бахтин как вузовский преподаватель // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 45 – 52.

26. Виноградов В.В. Лингвистический анализ поэтического текста (Спецкурс по материалам лирики А.С.Пушкина) / Запись П.Г.Черемисина; вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.Л.Васильева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3/4. С. 304 – 355.

О параллелях в судьбе, творчестве М.М.Бахтина и В.В.Виноградова. – С. 304 – 308.

27. М.Горький и круг М.Бахтина: точки пересечения // Максим Горький на пороге XXI столетия: Горьковские чтения – 1998: Материалы Междунар. конф.: В 2 т. Н.Новгород, 2000. Т. II. С. 73 – 75.

28. Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 31 – 69.

См.: Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 54, 107 – 108, 231 – 233, 243, 248, 250 и др.

29. М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 – 1950-е гг.): Материалы респ. научно-практ. конф. Саранск, 2001. С. 20 – 22.

См.: Шапкарин К.И. Республиканская власть и советская научная интеллигенция: модели взаимоотношений // Гражданское общество и государственные институты в России и провинции: Материалы VIII и IX Сафаргалиевских науч. чтений. Саранск, 2004. С. 33 – 35.

30. Меркушкин Григорий Яковлевич // М.М.Бахтин в Саранске: Материалы. Документы. Исследования. Вып. 1. Саранск, 2002. С. 69 – 70.

О взаимоотношениях М.М.Бахтина и Г.Я.Меркушкина.

31. «На рассвете» // Там же. С. 86 – 87.

О совместной реценции М.М.Бахтина и Л.Г.Васильева на пьесу Г.Я.Меркушкина.

32. Бахтин и его соавторы: История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике // Лит. Россия. 2003. № 29 (18 июля). С. 13 – 14.

33. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С.121 – 129.

34. Саранские «тексты» М.М.Бахтина // Невельский сборник: Статьи, воспоминания: По материалам Девятых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2002 г.). Вып. 8. СПб., 2003. С. 86 – 92.

35. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы) // Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference: Curitiba, Parana (Brasil), July, 21 – 25, 2003 / Ed. Carlos Alberto Faraco and other. Universidade Federal do Parana, 2004. P. 744 – 751 (CD).

36. XI Международная Бахтинская конференция (Бразилия, г. Куритиба. 21 – 25 июля 2003 г.) // Вестн. Мордов. ун-та. 2004. № 1/2. С. 150 – 153.

37. XI Международная Бахтинская конференция (г. Куритиба, Бразилия, 21 – 25 июля 2003 г.) // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 1. С. 247 – 254. – Обзор указанной конференции и доклад автора.

См.: Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 105.

38. Популяризаторы и наследники творчества С.А.Есенина в Мордовии // «Край мой! Любимая Русь и Мордва!..»: Мордовская Есениниана: Ст., рец., стихи, пер. / Сост.: Г.С.Гребенцов, П.К.Любаев, Т.Ф.Сафонова. Саранск, 2004. С. 133 – 143.

О внимании М.М.Бахтина к творчеству С.А.Есенина. – С. 137 – 139.

39. Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени // Невельский сборник: Статьи, воспоминания: По материалам Десятых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2003 г.). Вып. 9. СПб., 2004. С. 62 – 67.

См.: Пчелинцев Е.О. Невель и его окрестности: жизнь провинции как объект систематического изучения и осмысления // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 237 – 238.

40. М.М.Бахтин и Л.Г.Васильев: К истории двух малоизвестных публикаций ученого в саранский период жизни // Вторые Саранские философские чтения: Памяти Михаила Михайловича Бахтина (Саранск, 2 – 3 июня 2005 г.). Саранск, 2005. С. 72 – 77.

41. Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М.Бахтина // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 10: По материалам Одиннадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 авг. 2004 г.). СПб., 2005. С. 71 – 80.

См.: Пчелинцев Е.О. Невель и его окрестности: жизнь провинции как объект систематического изучения и осмысления // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы; исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 238 – 239.

42. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» // The XII International Bakhtin Conference (Finland, July 18 – 22, 2005). Jyväskylä (Финляндия), 2005. P. 53 – 54.

43. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я.Марра в работах В.Н.Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language. 2005. Vol. 29, № 1. P. 71 – 94 (в соавторстве с М.Ляхтеэнмяки).

44. Соразмышления о жизни и смерти // Лит. Россия. 2005. № 45 (11 нояб.). С. 12.

О пьесе саранских драматургов Анны и Константина Смородиных «Ныне отпущаеши…» (о М.М.Бахтине), поставленной в г. Орле в рамках культурной программы Международного бахтинского конгресса.

45. «Первый всемирный конгресс бахтиноведов» в Орле // Голос Мордов. университета. 2005. № 18 (15 нояб.). С. 7.

46. XII Международная Бахтинская конференция // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 244 – 249.

47. К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник: Статьи и воспоминания. Вып. 11: По материалам Двенадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2005 г.). СПб., 2006. С. 71 – 84.

48. К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä, Finland, 18 – 22 July, 2005) / Ed. by Mika Lähteenmäki, Hannele Dufva, Sirpa Leppänen and Piia Varis [Departament of Languages University of Juväskylä, Finland 2006]. С. 53 – 60 (CD).

49. К текстологии книги В.Н.Волошинова / М.М.Бахтина «Марксизм и философия языка» // Из истории филологии: Сб. ст. и материалов к 85-летию Г.В.Краснова. Коломна, 2006. С. 36 – 52.

См.: Кузнецова А. Ни дня без книги // Знамя. 2007. № 12. С. 226.

50. «Круг Бахтина», или Квадратура круга // Новое лит. обозр. 2006. № 2. С. 408 – 414. – Рец. на. изд.: The Bakhtin Circle: In the Master’s Absence / Ed. by C.Brandist, D.Shepherd, G.Tihanov. Manchester; N.Y: Manchester University Press, 2004. 286 p.

51. Новые книги о Бахтине за рубежом // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 209 – 217. – Рец. на: изд.: Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000. 327 p.; Lähteenmäki M. Dialogue, Language and Meaning: Variations on Bakhtinian Themes. University of Jyväskylä (Finland). 211 p.; Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London: Pluto Press, 2002. 221 p.; Faraco C.-A. Linguagem & Dialogo as idéias lingüísticas do círculo de Bakhtin. Curitiba, Brasil: Criar edições, 2003. 136 p.; The Bakhtin Circle: In the Master’s Absence / Ed. by C.Brandist, D.Shepherd, G.Tihanov. Manchester; N.Y: Man-chester University Press, 2004. 286 p.

52. «Первый всемирный конгресс бахтиноведов»: орловский диалог, карнавал, хронотоп // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 249 – 251.

53. [Рец.] Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. 432 с. // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3. С. 254 – 259.

54. Свой среди чужих, чужой среди своих… // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 224 – 234. – Рец. на кн.: Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. 432 с.

55. Соавторские публикации М.М.Бахтина на страницах газеты «Советская Мордовия» (1950-е гг.) / Вступ. ст., подгот. текста и прим. // М.М.Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II – III. Саранск, 2006. С. 159 – 173.

56. A história da questão sobre a autiria dos "textos disputados" em estudos russos sobre Bakhtin (M.M.Bakhtin e os seus co-autores) [История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике: (М.М.Бахтин и его соавторы)] / Пер. с рус. яз. на португ. I.Starostinoj // Vinte ensaios sobre Mikhail Bakhtin [20 эссе о Михаиле Бахтине] / Ed. by Carlos Alberto Faraco, Cristovão Tezza, Gilberto de Castro. Petropolis: RJ [Бразилия]: Vozes, 2006. P. 290 – 304.

57. «М.М.Бахтин как «лингвист»: от философии языка к металингвистике» [2002 г.] // Филологические исследования [Донецк, Украина]. 2007. № 9. С. 194 – 198.

58. «Двойная бухгалтерия» Бахтина: По материалам саранского периода жизни ученого // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 12: По материалам Тринадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2006 г.). СПб., 2007. С. 119 – 130.

59. G.Chpet et M.Bakhtine: aux sources de la métalangue du "cercle de Bakhtine" / Г.Шпет и М.Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Colloque international "Gustave Chpet et son heritage: Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique: Creuset d'influences et intériorisation des marges" (Bordeaux, 21 – 24 novembre 2007). Bordeaux, 2007. P [52].

60. Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 14: По материалам Пятнадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2008 г.). СПб., 2008. С. 44 – 60.

61. <Отклик на стенограммы первых трех заседаний> // Исследование и творчество: К методологии гуманитарных наук (стенограмма заседания филолого-методологического семинара «Третье литературоведение») / Сост. Б.В.Орехов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 3. С. 81 – 82.

О спорах по поводу оценки М.Л.Гаспаровым научного творчества М.М.Бахтина.

62. Г.Г.Шпет и М.М.Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Невельский сборник: Статьи, воспоминания. Вып. 13: По материалам Четырнадцатых Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2007 г.). СПб., 2008. С. 100 – 109.

63. XIII Международная Бахтинская конференция (Лондон, Канада, 28 июля – 1 авг. 2008 г.) // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 4. С. 254 – 256.

64. G. Chpet et M. Bakhtine: aux sources de la métalangue du "cercle de Bakhtine" / Trad. du russe par F.Corrado-Kazanski // Slavica Occitania [Toulouse]. 2008. № 26/27: Gustave Chpet et son héritage aux sources russes du srtucturalisme et de la sémiotique / Maryse Dennes (éd.). P. 75 – 89.

65. К биографии В.Н.Волошинова как сотрудника ИЛЯЗВа (разработка «социологической поэтики») // Невельский сборник: Статьи, письма, воспоминания. Вып. 15. СПб., 2009. С. 60 – 69.

66. Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2 (42). С. 28 – 50.

67. Оглядываясь назад… (XI и XII Международные Бахтинские конференции) // Там же. С. 187 – 201.

68. XIII Международная Бахтинская конференция (г. Лондон, Канада, 28 июля – 1 авг. 2008 г.) // Там же. С. 202 – 205.

69. <Отклик на стенограммы первых трех заседаний> // Третье литературоведение: Материалы филолого-методологического семинара (2007–2008) / Под ред. Б.В.Орехова и С.С.Шаулова. Уфа, 2009. С. 76 – 78.

О спорах по поводу оценки М.Л.Гаспаровым научного творчества М.М.Бахтина.

70. Густав Шпет и Михаил Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Густав Шпет и его философское наследие: У истоков семиотики и структурализма: Коллективная монограф. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 312 – 321.

71. [Рец.] Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М.Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. 468 с // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1/2 (43 – 44). С. 209 – 211.

72. [Рец.] Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М.Бахтин – мыслитель, педагог, человек // Феникс: Науч. ежегодник каф. культурологии, этнокультуры и театрального искусства <МГУ им. Н.П.Огарева>. № 11. Саранск, 2010. С. 38 – 40.

73. Тарту – Саранск: два полюса «провинциальной» науки // Невельский сборник: Статьи, письма, воспоминания. Вып. 16: По материалам 16 Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2009 г.). СПб., 2010. С. 48 – 60.

74. М.М.Бахтин как «лингвист»: от философии языка к металингвистике» [2002 г.] // М.М.Бахтин: черты универсализации. Материалы, исследования, переводы / Проблемы бахтинологии. Вып III. СПб.; М., 2011. С. 105 – 108.

75. История вопроса об авторстве «спорных текстов», приписываемых М.М.Бахтину // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сб. в честь Николая Панькова / Chronotope and Environs: Festschrift for Nikolay Pan'kov. Уфа, 2011. С. 68 – 105.

76. К реконструкции книги В.Н.Волошинова «Опыт социологической поэтики» (1925 – 1927 гг.) / Per una riconstruzione del libro di V.N.Vološinov *Opyt Sociologičeskoj Poetiki* (1925 – 1927) // The XIV Bakhtin Conference – Бахтинская конференция. 2011: Programme. [Bologna: Università di Bologna, 2011]. P. 19 – 20.

См. также: Тульчинский Г.Л. // Филос. науки. 2011. № 10. С. 135 – 136.

77. Еще раз о диалоге между Тарту и Саранском: (Ю.М.Лотман и М.М.Бахтин) // Невельский сборник: Статьи и публикации. Вып. 18: По материалам 18 Невельских Бахтинских чтений (1 – 4 июля 2011 г.). СПб., 2012. С. 46 – 51.

78. XIV Международная Бахтинская конференция (Италия, Болонский университет. 4 – 8 июля 2011 г.) // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 120 – 121.

79. The Linguistic Content of Pavel Medvedev's *The Formal Method in Literary Scholarship* in the Context of Works by Representatives of the Bakhtin Circle / Transl. from Russian by Mykola Polyuha // Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International Mikhaïl Bakhtin Conference / Ed. by Mykola Polyuha, Clive Thomson and Anthony Wall / Interdisciplinary Series. № 1. London (Canada): Mestengo Press, 2012. P. 311 – 323.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

1. «Хронотопы» М.М.Бахтина

Комментарий к комментариям биографов М.М.Бахтина 7

М.М.Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма 16

М.М.Бахтин как школьный учитель 19

М.М.Бахтин как вузовский преподаватель 22

М.М.Бахтин и его аспиранты 29

М.М.Бахтин и его тексты.....42

Саранские «тексты» М.М.Бахтина 43

Соавторские публикации М.М.Бахтина в газете «Советская Мордовия» (1950-е гг.) 49

«Двойная бухгалтерия» М.М.Бахтина.....61

2. Лингвистические идеи М.М.Бахтина

Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М.М.Бахтина и ее значение для развития филологических наук.....72

Теория металингвистики в филологической концепции М.М.Бахтина.....91

М.М.Бахтин как «лингвист»: от философии языка к металингвистике.....98

3. В.Н.Волошинов: мифопоэтика судьбы

В.Н.Волошинов: Биографический очерк.....102

М.М.Бахтин и В.Н.Волошинов 117

Личность и творчество В.Н.Волошинова в оценке его современников.....122

4. Проблема авторства «спорных текстов»

М.М.Бахтин или В.Н.Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М.Бахтину) 153

Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М.Бахтина.....168

История вопроса об авторстве «спорных текстов», приписываемых М.М.Бахтину 177

5. Текстология и персонология «спорных текстов»

К истории книги «Марксизм и философия языка» 207

К научной биографии В.Н.Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» 220
К реконструкции книги В.Н.Волошинова «Опыт социологической поэтики» (1925 – 1927 гг.) 233
Лингвистическое содержание книги П.Н.Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» 243
Г.Г.Шпет и М.М.Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» 259
6. Феноменология М.М.Бахтина
Бахтинизм как историко-культурный феномен 269
Парадоксы Бахтина и пароксизмы бахтиноведения 271
Феномен бахтиноведения в СССР (России), или В поисках утраченного времени… 276
7. Международные Бахтинские конференции (обзоры)
III Бахтинские чтения в Витебске (Белоруссия, 23 – 25 июня 1998 г.) 282
XI Международная Бахтинская конференция (Бразилия, г. Куритиба. 21 – 25 июля 2003 г.) 284
XII Международная Бахтинская конференция (Финляндия, г. Ювяскюля. 18 – 22 июля 2005 г.) 288
«Первый всемирный конгресс бахтиноведов»: орловский *диалог, карнавал, хронотоп* (г. Орел, 20 – 23 сент. 2005 г.) 295
XIII Международная Бахтинская конференция (Канада, г. Лондон. 28 июля – 1 авг. 2008 г.) 298
XIV Международная Бахтинская конференция (Италия, г. Бертиноро. 4 – 8 июля 2011 г.) 300
8. «Чужое слово» (рецензии)
Ценное издание 303
По страницам отечественной бахтинианы 303
Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества (Саранск, 1993) 305
Бахтинские лекции по литературе 313
Новые книги о Бахтине за рубежом 315
«Круг Бахтина», или Квадратура круга 325
Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика (М., 2005) 332
Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М.Бахтин – мыслитель, педагог, человек (Саранск, 2010) 345
9. «В разном…»
«Многоголосие» или «образ автора»? О двух моделях интерпретации авторского начала в художественном тексте 349

М.Горький и круг М.Бахтина: точки пересечения 350
М.М.Бахтин и В.В.Виноградов: контрапункт биографий и творчества.....352
Тарту – Саранск: два полюса «провинциальной» науки (М.М.Бахтин и Ю.М.Лотман) 355
Еще о диалоге между Тарту и Саранском.....368
Реплика по поводу споров о Бахтине (М.М.Бахтин и М.Л.Гаспаров) 371
Окружение М.М.Бахтина глазами П.Н.Лукницкого (взгляд постороннего) 373
«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется…» 386

Послесловие 394

Библиография работ автора по «бахтинской» тематике 400